

ПУТЬ ИМПЕРИИ

ЭРИК ФЛИНТ
К.Д. ЧИНТВОРТ

ПУТЬ ИМПЕРИИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЭРИК ФЛИНТ
К.Д. ЧИНТВОРТ

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

ERIC

K.D.

FLINT

WENTWORTH

THE COURSE OF EMPIRE

ЭРИК

К.Д.

ФЛИНТ

УИНТВОРТ

ПУТЬ ИМПЕРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТРАНЗИТКНИГА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44
Ф72

Серия «Золотая библиотека фантастики»
основана в 1999 году

Eric Flint and K.D. Wentworth
THE COURSE OF EMPIRE

Перевод с английского Т. Усовой
Серийное оформление А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн А. Сергеева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 25.08.05. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 4000 экз. Заказ № 2173.

Флинт, Э.

Ф72 Путь Империи: [фантаст. роман] / Эрик Флинт, К.Д. Уинтворт; пер.
с англ. Т. Усовой. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2005. —
571, [5] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-032753-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-0595-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-2622-7 (ООО «Транзиткнига»)

Земля, ЗАВОЕВАННАЯ расой пришельцев-гуманоидов джао...

РАБСТВО — или защита от ИНЫХ завоевателей — эсхатов, куда более
могущественных и ЧУДОВИЩНО ЖЕСТОКИХ?

Новые «властители Земли» искренне пытаются сделать людей своими
СОЮЗНИКАМИ — но методы, которыми они этого добиваются, вызывают ГНЕВ и
НЕНАВИСТЬ побежденных.

На Земле зреет МЯТЕЖ, грозящий смести джао с планеты — именно тогда, когда
эсхаты готовы нанести им РЕШАЮЩИЙ УДАР.

Будущее Галактики зависит от того, СУМЕЕТ ЛИ новый посланник джао
договориться с предводителями землян!..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Coe)-44

© Eric Flint, K.D. Wentworth, 2003
© Перевод. Т. Усова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

*Посвящается Альгису Бурдису¹,
другу, наставнику и ужасному писателю;
и Кристоферу Энвилу,
который однажды в некотором смысле
рассказал мне эту историю.*

Все описанное здесь является вымыслом.
Любое совпадение имен, характеров, сходство
с реальными событиями или людьми,
как умершими, так и живущими, случайно.

Действующие лица

Люди

Райф (Рафазль) Агилера. Первоначально — танковый командир, теперь — техник на заводе по реконструкции в Паскагуле².

Уиллард Белк. Сотрудник техперсонала на заводе по реконструкции.

Джонатан Кинси. Профессор истории, специализируется на истории джао.

Эд Кларик. Командующий войск джинау.

Бен Стокуэлл. Президент Северной Америки, возглавляет правительство людей на подчиненной джао территории.

Кэтлин Алана Стокуэлл. Дочь Бена Стокуэлла, студентка Нью-Чикагского Университета, заложница джао.

¹ Бурдис, Альгис (Бурдыс, Алгирдас Йонас, р. 1931, Кенигсберг, Восточная Пруссия, ныне Калининград) — американский писатель-фантаст литовского происхождения. На русский язык его книги не переводились. (Здесь и далее прим. ред.)

² Город на юго-востоке штата Миссисипи, на берегу бухты Паскагула-Бей, крупный центр военного судостроения, особенно бурно развивавшегося во время и после второй мировой войны.

Гейб Талли. Агент Сопротивления, насильственно завербован на службу Эйлле.

Роб Уайли. Бывший подполковник Армии США, ныне командующий войск Сопротивления в Скалистых горах.

Джао

Эйлле кринну ава Плутрак. Субкомендант, недавно направлен на Землю. Командующий наземными силами джао.

Эммет кринну ава Биннат. Участница Завоевания, проживает на Земле.

Банле кринну нао Нарво. Охранница, приставленная к Кэтлин Стокуэлл.

Чал кринну ава Монат. Терниар-адьюнкт, служит на заводе по реконструкции в Паскагуле.

Дау кринну ава Плутрак. Один из старейшин кочена Плутрак.

Дринн кринну Сэнт вау Нарво. Служитель Губернатора Оппака кринну ава Нарво.

Хэми кринну Наллу вау Дри. Полномочный представитель джао в Англии.

Джита кринну ава Харив. Командующий силами джао во время первой фазы Завоевания Земли, впоследствии его сменил Оппак.

Джатре кринну Кио вау Дэно. Фрагта Каула.

Каул кринну ава Дэно. Главнокомандующий сил джао в Солнечной системе.

Лло кринну Гава вау Нарво. Пилот.

Меку кринну ава Плутрак. Нынешний коченау Плутрака.

Мрэт кринну нао Крумат. Офицер, служит в Паскагуле.

Нэсс кринну Тэшнат вау Ниммат. Смотритель на заводе по реконструкции в Паскагуле.

Никау кринну ава Нарво. Старейшина Нарво, одна из кочен-матерей Оппака.

Оппак крину ава Нарво. Губернатор Земли.

Пинб кринну ава Харив. Субкомендант, предшественница Эйлле, в настоящий момент покинула Землю.

Ронз. Наставник Гончих Эбезона, член Круга Стратегов.

Тэмт кринну Кэнну вау Хидж. Находится в личном подчинении Эйлле кринну ава Плутрака. Первоначально — те-

лохранительница Эйлле, затем — телохранительница Кэтлин Стокуэлл.

Тьюра. Полномочный представитель Своры.

Шиа кринну ава Нарво. В прошлом фрагта Оппака кринну ава Нарво.

Уллуа кринну Сао вау Биннат. Служительница Оппака кринну ава Нарво.

Варме кринну Вэллт вау Кэнну. Директор производства на заводе по реконструкции в Паскагуле.

Врот кринну Хемм вау Уатнак. Ветеран завоевания, сейчас в отставке, проживает на Земле.

Яут кринну Джитра вау Плутрак. Фрагта Эйлле кринну ава Плутрака.

Замечание об именах джао

У джао нет фамилий в привычном для людей смысле. Для указания клановой принадлежности индивида служит префикс «кринну», за которым следует название кочена. Это может переводиться выражением «из кочена». Если индивид принадлежит непосредственно одному из Изначальных кланов, непосредственно за «кринну» следуют префиксы «ава» или «нао». Эти префиксы указывают, что индивид рожден в одной из первичных или вторичных брачных групп кочена.

Если же индивид принадлежит к одному из малых коченов, после названия кочена с указателем «кринну» ставится префикс «вау», а затем название Изначального кочена, к которому принадлежит малый.

Таким образом, Яут кринну Джитра вау Плутрак означает «Яут из кочена Джитра, входящего в кочен Плутрак».

Пролог

— Отпрыск Плутрака покинул Мэрит Эн, Наставник. И должен скоро прибыть на Землю.

Стратег Гончих Эбезона даже не отвернулся от голоконтейнера с трехмерной картой, на которой были обозначены последние перемещения Экхат в секторе Маркау.

— Отправь на Землю курьера, Тьюра. Сообщи нашим агентам, что все началось.

— Наконец-то, — отозвалась она.

Наставник обернулся и некоторое время изучал ее взглядом. Полномочный представитель молодая, но уже достигла мастерства. Ее жесты и позы едва уловимы — именно так в Своре принято проявлять эмоции, связанные с высказыванием личного мнения. Конечно, на публике Гончим надлежит сохранять полностью нейтральную позу, как бы ни сложилась ситуация. Тьюра быстро продвигалась в табели о рангах Своры, и Наставник возлагал на нее большие надежды. Он сам представил Тьюру к этому назначению: оно станет для нее хорошей практикой. Одна из обязанностей каждого, кто входил в Круг Стратегов, и не последняя по значимости, состояла в том, чтобы подготовить себе смену — к тому времени, когда старость не позволит продолжать службу.

— Судя по положению твоих глаз, тебя что-то позабавило, — Наставник иронично качнул вибрисами. — Или мне только показалось?

— Не «позабавило». Считайте это... пределом печали и смирения.

Наставник попытался представить себе подобное сочетание. Почему бы и нет? Будь он мастером-стилистом поз... Только принять соответствующую позу будет весьма не просто.

При одной мысли об этом старые кости Наставника заходили.

— Ну что ж, — заметил он, — после двадцати лет ожидания возможно и такое.

Полномочный представитель была несколько озадачена, и Наставник понял, что снова использовал человеческое выражение. Последнее время такое случалось часто. Не удивительно, — учитывая, сколько времени он изучал этот разумный вид.

— «Год», Тьюра, — это продолжительность орбитального цикла Земли, — пояснил он.

— О... — она что-то подсчитала в уме. Задача оказалась не из легких. В представлении людей время было дробным, и чтобы перевести их понятия в привычные для джао, надо было очень постараться.

— Так много!

Полномочный представитель бросила взгляд на дисплей голоконтейнера. Карта передвижения сил Экхат уже исчезала, и вскоре на смену им появилось изображение молодого отпрыска кочена Плутрак. Того самого, который сейчас был на пути к Земле.

Наставник созерцал его лицо чуть дольше.

— Как вы думаете, у него получится?

Едва заметным движением Наставник принял трехчастную позу — *«большая-надежда-на-лучшее»* в сочетании с *«сомнением»*. Даже не поза, а намек на нее... но это выглядело необычайно изысканно — впрочем, как всегда.

— Мы не можем знать. Мы можем только создать ситуацию — именно это мы и делаем. Всегда есть вероятность, что ему не хватит духу завершить начатое. И, если такое произойдет, невозможно знать, что он создаст и что разрушит. Такова суть стратегии, Тьюра. В нашей работе надо всегда учитывать элемент непредсказуемости.

— Конечно, Наставник, — почтительно ответила она и вышла.

* * *

Прежде чем пройти через дверное поле, Тьюра на миг задержалась, чтобы оглянуться на Наставника. Сейчас он смотрел в другую сторону, вернувшись к созерцанию изображений в голоконтейнере.

В ее глазах было что-то неуловимое, помимо глубокого почтения. Старый Наставник был славным командиром, которого уважали все. Величайшим из Стратегов Своры — хотя официально не входил в пятерку тех, кого называли Кругом Стратегов. И при этом держался со своим подчиненным вежливо и с достоинством.

Тьюра не сомневалась, что он отдаст приказ о ее смерти, не колеблясь ни секунды, если будет необходимо. Возможно, Наставник был самым безжалостным из ныне живущих джао. Но от осознания этого факта ее восхищение только возрастало. Если он сочтет что-то необходимым, это будет правильно. В этом она была уверена.

Пройдя дверной проем, она жестко поправила себя, напомнив себе одну из максим Наставника.

Может быть правильно. Стратегия никогда не достигает абсолюта.

Часть 1

ПЕРВЫЕ

Глава 1

Земля показалась Эйлле кринну ава Плутраку миром кричащих противоположностей. Его уши, низко посаженные и сдвинутые к затылку, непрерывно вздрагивали, ловя рокот прибоя, на фоне которого раздавались пронзительные крики какого-то летающего представителя местной фауны. Этот звук действовал на нервы, заставляя принимать неподобающую позу.

С *наветренной*¹ стороны сверкающие голубые волны жадно лизали палевую полосу песка. С *насердной* шел бой за территорию между буйной растительностью и уродливыми горами из камня и стекла, которые возвышались по периферии огромной военной базы джао, точно часовые. Перед одним из этих строений торчали шесты с прямоугольными красно-золотыми лоскутами на верхушках. Даже отсюда Эйлле слышал, как материя хлопает на ветру. Удивительно, но они, похоже, служили для какой-то цели.

За спиной возвышался корабль, небольшой и аккуратный — он только что прошел плотные слои атмосферы и исходил жаром; остывая, двигатели издавали громкие щелчки. Трит, самая любимая из кочен-матерей Эйлле, считала этот корабль чересчур броским для того, кто столь недавно *выплыл на поверхность*. Однако Меку, нынешний коченау, сказал, что высокий статус кочена Плутрак должен быть очевиден каждому. Особенно учитывая тот факт, что Губернатором Земли был не кто иной, как Оппак кринну ава Нарво, отпрыск На-

¹ Здесь: справа (*джао*).

рво — кочена, с которым Плутрак находился в весьма натянутых отношениях.

Наконец-то появилась возможность найти себе применение! Эйлле ослабил восприятие течения времени, чтобы лучше осмотреться в новом месте. Взбитые ветром волны замерли и превратились в блестящие холмики, и Эйлле вспомнил, что не купался с тех пор, как покинул Мэрит Эн. Разумеется, на корабле был необходимый минимум санитарных устройств, но настоящий бассейн оставался недоступной роскошью. После долгого путешествия Эйлле страдал от сухости кожи, покрывающий ее ворс стал жестким, а вибрисы превратились в безжизненные нитки. Он страстно желал погрузиться в это новое море, несмотря на чуждый запах, который оно источало, и... Люди в таких случаях говорят «отряхнуть пыль дорог»; в данной ситуации это скорее напоминало смывание донного ила.

Но прежде всего следует выполнить все формальности и принять командование. Позже, когда официальная часть закончится, можно будет позволить себе расслабиться.

Желтое солнце палило нещадно. Оно было куда ярче, чем Нир — его родная звезда, чей жизненный цикл приближался к концу. Эйлле устремил взгляд за пределы базы, и его вибрисы задрожали. Эта местность была удручающе... плоская.

Он с тоской вспомнил утесы за его родным Домом кочена. Там от позднего света до поздней тьмы о черные громады скал разбивались волны, а ветер был напоен прохладной свежестью морских брызг. А здесь... знойный воздух казался густым от соли и более чем ощутимого запаха гниения. Что ж, его время на Мэрит Эн истекло. Это долг любого отпрыска джао — рано или поздно погрузиться в реку времени, чтобы продолжить борьбу с Экхат.

Что он и сделал.

Перелет из Мэрит Эн, его родного мира, на Землю длился долго, но ни один миг не был потрачен даром. В основном Эйлле беседовал со своим фрагтой и знакомился со своими будущими обязанностями. Это была последняя возможность прикоснуться к мудрости старшего джао, накопленной в течение долгой жизни, — последний раз перед тем, как вступить в должность заместителя командующего. И Эйлле впи-

тывал эту мудрость, как губка. К концу путешествия ему казалось, что он знает аборигенов настолько хорошо, насколько вообще возможно знать кого-то, с кем ни разу не сталкивался нос к носу.

Вдалеке Эйлле разглядел несколько разрушенных зданий. Возможно, это было наследие Завоевания, великого деяния джао, которое состоялось более двадцати орбитальных циклов назад. Выбирая место для посадки, он обнаружил и другие следы разрушений — разбитые заросшие дороги, брошенные машины, покинутые жилища, которые все больше приходили в запустение. Судя по всем докладам, местное политическое образование продолжало оказывать сопротивление дольше, чем любое другое на этой упрямой планете, и понесло соответственно больший ущерб.

Что за странная порода — эти люди. Их нежелание стать по-настоящему цивилизованными приводило в замешательство. По сравнению с остальными расами, завоеванными джао, они представляли собой совершенно уникальный случай, причем во многих аспектах. Доклады подробно описывали долгое и упорное сопротивление людей владычеству джао. Создавалось впечатление, что даже сейчас, по прошествии множества орбитальных циклов, они все еще не покорены: на планете то и дело вспыхивали очаги недовольства.

Его времячувству потребуется несколько суток, чтобы приспособиться к местным циклическим ритмам. Пока же Эйлле позволил себе следовать привычному течению времени.

Будущий Субкомендант сделал глубокий вдох — его невозмутимый фрагта, Яут кринну Джитра вау Плутрак, появился из корабля. *Ваи камити* старшего джао был строгим, хотя и не радовал взгляд отчетливостью. Любой, кто искушен в чтении лицевого узора, безошибочно определил бы принадлежность к кочену Джитра. Яут остановился на середине трапа, его ноздри трепетали, ловя непривычные запахи.

Неизменно практичные, джао устанавливали фильтры для очистки воздуха в каждом Доме кочена, чтобы избавляться от неприятных запахов. Однако жители Земли, если верить отчетам, не слишком беспокоились по этому поводу. Странно: по большому счету, они были более чувствительны к условиям окружающей среды, чем джао.

Во время инструктажа Эйлле сообщили, что данная база была создана одной из первых, еще на начальном этапе Заоевания, и до сих пор оставалась одной из самых крупных. Построенная на месте верфи, она должна была напоминать туземцам, что сопротивление бесполезно. Тем не менее, потребовался почти полный орбитальный цикл, чтобы обеспечить полный контроль над захваченной территорией. В процессе пришлось уничтожить несколько крупных населенных пунктов, в том числе Чикаго и Нью-Орлеан. Однако мятежные аборигены, которые там окопались, за все это время так и не угомонились.

Эйлле сложил руки за спиной, вскинул голову, повернув ее под многократно отработанным движением углом, который выражал «терпение-и-ожидание». В проходе между строениями уже показался взвод солдат-джинау, одетых в пятнистую темно-синюю форму. Люди двигались абсолютно синхронно, печатаая шаг по твердому дорожному покрытию.

Эйлле впервые получил возможность увидеть представителей покоренного вида, а не их изображения — пусть даже очень качественные.

Они были ниже среднего джао и более хрупкие — самих джао можно было назвать скорее плотными и крепкими. Строение скелета хорошо просматривалось, а кожа была большей частью безволосой — в тех местах, где они не прикрывали тело тканью. Лица несоразмерные, со слишком широко посаженными глазами и слишком плоские, что выглядело почти карикатурно. Уши — ужасно нелепые округлые кожные выросты — казались просто приклеенными по бокам головы, не позволяя даже предположить, что за мысли в этой голове возникают.

Впрочем, Эйлле узнал об этом виде нечто еще более удивительное. Люди поголовно были времяслепцами! Им приходилось пользоваться механическими устройствами, чтобы определять, когда должно произойти какое-то событие, или что пришло время действовать.

Эйлле еще раз окинул колонну критичным взглядом. Огненно-красные нашивки на верхней части униформы джинау — знаки отличия, принятые в туземных войсках, обучаемых и контролируемых джао — были видны издалека. Тот,

кто шагал в хвосте колонны, на самом почетном месте, носил перевязь с оружием и штаны особого покроя. Впрочем, соплеменника Эйлле узнал бы в любом одеянии — благодаря росту и ширине плеч.

Субкомендант зашагал вниз по трапу, Яут следовал за ним по пятам.

— Это твоя первая встреча с ними, — негромко проговорил фрагта. — Первое впечатление — всегда самое важное. Как начнешь, так и продолжишь.

Яут был безобразен. Из-за шрамов, напоминающих о множестве славных битв и множестве планетных систем, его лицевой узор почти не читался. Однако скептицизм, которым фрагта так гордился, наложил на его лицо не менее глубокий отпечаток и был приобретен не меньшим трудом. Он был на голову ниже своего подопечного, и ему приходилось шагать шире, чтобы не отставать.

— Позволь мне идти впереди, как положено! Иначе они решат, что твое положение ниже моего!

— Люди рассуждают иначе, — возразил Эйлле, не сбавляя шага. — В докладах отмечено, что они не считают последнее место самым почетным. По мнению психологов, их привлекает все новое, поэтому они стремятся всюду оказаться первыми.

— Что говорит об их безрассудстве, — вибрисы Яута неодобрительно дернулись. — Они плодятся, как паразиты, поэтому могут позволить себе рисковать. Если один падает, на его место встают двадцать других.

Эйлле оставил это замечание без ответа, поскольку никого из туземцев поблизости не было. Судя по докладам, люди очень боялись «потерять лицо» — это туземное выражение приводили в своих работах некоторые исследователи-джао. Едкое замечание Яута, достигшее ушей кого-либо из джинау, могло самым негативным образом отразиться на пресловутом первом впечатлении.

Яут просто еще раз подтвердил, что более чем скептически относится к достоинствам такой планеты, как Земля. Не исключено, что именно из-за этого отношения нынешний кочену Плутрака остановил свой выбор на Яуте, подбирая для Эйлле наставника. Следовало научить благоразумию отпрыс-

ка, которого более чем один из его кочен-родителей считал несколько импульсивным и нетерпеливым.

Но что бы ни говорили об этом грубом мире с грубыми нравами, его жителям удавалось на удивление долго сдерживать наступление джао. Завоевание Земли стало едва ли не самой трудной кампанией джао — может быть, за исключением операций против Экхат. Отчасти по причине того, что людей было просто больше. Потакая своей распушенности, они даже не пытались контролировать рождаемость. В итоге вся популяция джао, разбросанная по сотням звездных систем, по численности лишь вчетверо превосходила человеческое население одной-единственной планеты. Даже сейчас, после тяжелых потерь, которые люди понесли за время Завоевания, прочие покоренные расы оставались в сравнении с ними просто крошечными племенными группами.

Но эта причина была не единственной и даже не главной. В техническом развитии люди значительно превосходили любую расу, покоренную джао. Изучая доклады, полезно иногда читать между строк; Эйлле подозревал, что некоторые технологии людей оставляли позади даже технологии его соплеменников. Кроме того, этому виду была присуща врожденная сметливость... Если найти этим качествам должное применение, людей можно будет весьма эффективно использовать в борьбе с Экхат.

А это принесет пользу всем.

Командир остановился у трапа и ждал, пока Эйлле сделает официальное заявление. На его щеке смутно просматривалась полоска-отметина — там, где бледно-золотистый ворс был выстрижен, — а блеклый *ваи камити* указывал на принадлежность к Крумату, периферийному кочену, гораздо более низкому по статусу, чем Плутрак.

Люди выстроились у него за спиной ровными рядами, словно бомбы в ящике. У них это в крови, подумал Эйлле, делая носом знак «вольно». Этот вид просто одержим склонностью к прямым углам и строгой организации пространства. Похоже, они стремятся насаждать искусственный порядок везде, где это только возможно.

Эйлле встретился взглядом с мерцающими черно-зелеными глазами Мрэта.

— Полномочный Субкомендант Эйлле кринну ава Плутрак.

Он имел право заговорить первым и первым представить подтверждения своего положения. Прежде всего он продемонстрировал *бау*, выданный ему коченом перед отправлением — короткий жезл с небольшим набалдашником. Большинство коченов изготавливало свои *бау* из различных видов древесины, но Плутрак использовал панцири одной из морских тварей Мэрит Эн. Этот материал, гладкий, почти идеально белый, был таким же символом Плутрака, как и нарезки на его поверхности.

Нарезок было мало — только родовые знаки кочена, что говорило о том, что отпрыск юн и неопытен. Но сейчас это особого значения не имело. Это был *бау* Плутрака, свидетельство благословения, которое великий кочен даровал несущему его отпрыску, символ права отдавать приказы.

Офицер издал резкое «кха!», словно его кто-то ударил, но в последний момент сумел сделать вид, что закашлялся. Эйлле уже более или менее привык к такой реакции. Статус Плутрака обычно производил сильное впечатление.

— *Вэйш*, — выдавил офицер.

Так звучало приветствие низшего высшему — или, скорее, младшего старшему, потому что отражало в большей степени признание разницы в родовом статусе и происхождении, нежели в звании.

— Меня известили о назначении нового Субкоменданта, который будет командовать войсками *джинау*, — голос офицера был сиплым от напряжения. — Но я не ожидал, что увижу в этой должности столь прославленного отпрыска.

— Представьтесь, — небрежно перебил его Эйлле.

Офицер вздрогнул. Похоже, такого он тем более не ожидал. Быть представленным высшему — большая честь, которую оказывали не всем и не всегда.

— Полномочный помощник Мрэт кринну нао Крумат. Готов принести пользу.

Они снова обменялись взглядами. Поза офицера выражала «почтение-и-внимание», но Эйлле заметил, как в его глазах мелькнул яркий зеленый огонек — признак тревоги.

Неудивительно. Более того, Эйлле ожидал подобной реакции. С самого начала Завоевания Земля негласно стала терри-

торией Нарво. Обычно великие кочены в отношениях друг с другом проявляют большую деликатность. Но теперь Плутрак послал на Землю своего отпрыска, и ему предстоит занять один из ключевых постов. Это тонкий намек на весьма серьезное обстоятельство: влияние Нарво на этой планете более не безгранично. Излишне упоминать, что перспектива оказаться в точке столкновения интересов двух великих коченов способна привести в легкое беспокойство любого, кто принадлежит к коченам мелким и не располагающим обширными связями.

Но Мрэт быстро оправился. Он отступил назад, сохранив при этом позу.

— Я веряю вам этих джинау в качестве личной охраны. И пусть они получают от вас просвещение много и много раз.

Эйлле задумчиво разглядывал голые лица людей. Ни вибрис, позволяющих выражать эмоции, ни бархатистого ворса, который бы покрывал кожу... У них не было даже лицевого рисунка, который указывает на происхождение. Эти существа как будто не до конца сформировались. Они походили на детенышей, на чьих лицах еще не проявился вай камити. Эйлле подошел поближе, постукивая набалдашником бау по ладони. Угол наклона его ушей сигнализировал о безразличии.

— Я полагал, что буду командовать войсками смешанного состава, Полномочный помощник. Эти же, по всем признакам — туземцы, все до единого.

Мрэт бросил взгляд вверх, и в его глазах снова мелькнул зеленый огонек — прежде чем офицер сделал вид, что разглядывает залитую солнцем площадку.

— С полным объединением возникли трудности, Субкомандант. В подразделениях смешанного состава наблюдается тенденция к некоторой...

Его уши дрогнули, и Эйлле уловил намек на «стыд-запостигшую-неудачу».

— ...к некоторой нестабильности.

— В докладах об этом ничего не сообщалось.

Сейчас он был напряжен сверх меры. Яут принял позу «равнодушие-и-ожидание», но его обманчиво безучастные уши не пропускали ни единого звука.

— Командующий Каул кринну ава Дэно счел излишним сообщить такие подробности. Он полагает...

Золотистое лицо офицера сморщилось: он мучительно искал наиболее разумное объяснение.

— Он полагает, что молодые и неопытные офицеры вроде меня преувеличивают масштабы проблемы... — Мрэт тоскливо поглядел на беспокойное море. Белоголовые волны выпрыгивали на пляж и тут же отползали, оставляя на песке скользкие зеленые полоски водорослей. Уши офицера уныло поникли. — Я совершенно уверен, что он прав, и поэтому желаю искупить свою вину. Потребуется ли вам моя жизнь?

— Нет! — выпалил Эйлле, глубоко потрясенный. Он пытался справиться с изумлением и сохранить спокойную позу, хотя пульс участился. Казалось, связь с течением вот-вот прервется, и тогда время понесется мимо.

Медленно и глубоко вдохнув, он сосредоточился на своем времячувстве, заставляя внимание подчиняться командам сознания, вместо того чтобы произвольно перескакивать с одного объекта на другой. Одно дело, когда отказывается от жизни тот, кто совершил во время боя ошибку, определившую ход сражения, или иной столь же серьезный проступок. Но Эйлле и представить себе не мог, что услышит подобное предложение перед отрядом джинау, от офицера, допустившего ничтожную оплошность. Впрочем, по мнению экспертов коченаты, Нарво больше не в состоянии контролировать ситуацию на Земле. Может быть, сейчас он видит подтверждение этой догадки?

Яут бросил на него одобряющий взгляд, но тут же отвел глаза, сложил руки за спиной и замер в позе «глубокая-сосредоточенность».

— Как пожелаете, Субкомендант, — Крумат сделал шаг вперед, распрямил плечи и согнул руки в знак «готовности-выполнить-долг». — Прикажете проводить вас в вашу квартиру?

— Я хотел бы идти первым, Полномочный помощник, — сказал Эйлле. — Насколько мне известно, таким образом туземцы выражают друг другу уважение?

Бедный Крумат едва не упал в обморок, услышав такую непристойность.

— Но ведь мы джао!

Эйлле окинул взглядом своих солдат. Некоторые наблюдали за происходящим с таким видом, словно свободно владели

языком джао — или, по крайней мере, настолько, чтобы понимать, о чем идет речь.

— А они — нет, — отрезал он. — Так куда идти?

— Строго вперед, — Крумат указал на третье справа здание — чопорное, все состоящее из прямых линий и углов. Оно хорошо просматривалось на фоне заваленного водорослями побережья.

Эйлле зашагал туда, люди перестроились и зашагали следом. Яут незаметно продвигался вперед, пока не оказался почти рядом со своим подопечным.

— Все это наводит на подозрения, — пробомотал он вполголоса. — Будь начеку, юноша. Главнокомандующий сил джао на Земле — Каул кринну ава Дэно, а Дэно всегда действовал заодно с Нарво.

Эйлле не ответил. Но его пальцы крепче сжали бау. Интересно, долго ли придется держать его в руке.

* * *

Убедившись, что Эйлле благополучно расквартировался, Мрэт кринну нао Крумат вернулся в свой офис. Там он зарылся в груды дехабий и некоторое время тупо созерцал настенную карту.

Нет сомнений: этот выродок Каул нарочно скрыл от него, кто назначен Субкомендантом, чтобы Мрэт имел удовольствие пережить это потрясение и осознать, что не способен принести пользу даже на своем посту. Каул вообще делает все, чтобы лишний раз напомнить ему, Мрэту, о низком статусе кочена Крумат.

В отличие от кочена, к которому принадлежит новый Субкомендант. Плутрак! Этот кочен распространил свое влияние на множество миров и повсюду пользовался уважением. Он создавал союзы повсюду, куда ни устремлялся, и воспитал бесчисленные поколения прославленных отпрысков. Крумат, кочен Мрэта, в сравнении с ним ничто. Просто кучка отпрысков, обитающих на захолустной планете. Его кочен образовался менее ста орбитальных циклов назад, когда два небольших тэйфа заключили союз. Средств у него мало — до сих пор построено лишь два Дома кочена.

И когда Мрэт завершил свое обучение, разумеется, не нашлось старого хитроумного фрагты, который бы помогал ему избегать серьезных ошибок.

Устройство внутренней связи зажужжало и выдало сообщение об очередных беспорядках на пункте раздачи продовольствия. Мрэт поднялся. Некоторое время его невидящий взгляд был устремлен в окно, на огромное море, источающее враждебные запахи, сверкающее под властным враждебным солнцем. Потом офицер вздохнул и отправился осматривать место происшествия.

Когда он вошел в столовую, голоса стихли. Помещение выглядело отвратительно. Повсюду разбросана еда — правда, люди уже выстроились в шеренгу у стены. Мрэт успел хорошо узнать туземцев и без труда различал на их разбитых, окровавленных лицах выражение возмущения и протеста. Во время драки пострадал один из джао, но его уже отослали в лазарет. Двое людей были убиты и лежали на полу вместе с еще двумя, тяжело ранеными.

Его плечи напряглись. Потери. Глупые, бессмысленные потери. Один из солдат-джао, очевидно, сделал какое-то замечание, разозлившее туземцев, и в результате, как обычно, началась свалка.

Для людей их необузданная гордость важнее всего. Они понятия не имеют о том, как должны сотрудничать цивилизованные существа, каким образом следует строить взаимодействие, опираясь на силу других, а не пытаясь с ней бороться. И при такой откровенной агрессивности они умудрились выжить и не поубивали друг друга? Немыслимо.

Неужели никто не заставит их задуматься, пока Экхат не добрались сюда?! Мрэт разглядывал битую посуду, пятна алой человеческой крови, покрывающие стены и пол подобно безукусной росписи, потом заметил среди них несколько оранжевых — кровь джао... и понял, что это будет не он. Он пытался сделать это на протяжении пяти орбитальных циклов, пока находился здесь, но ему просто не хватало умения. И никогда не хватит.

Возвращаясь к себе, он размышлял о том, как восстановить порядок. Но по прибытии оказалось, что в этом уже нет необходимости. Главнокомандующий Каул лично прибыл на

базу и быстро принял меры, приказав усмирить наиболее отличившихся. Сейчас этот приказ, наверно, уже приведен в исполнение: джао всегда скоры на расправу.

Похоже, усмирили как минимум пятерых. Мрэт не ожидал от Главнокомандующего такой строгости. Но, может быть, Каул считает, что не вправе проявлять слабость — тем более сейчас, когда командование войсками джинау принял новый Субкомендант.

Быть может, этот свежееобученный отпрыск Плутрака, прибывший сюда со своим умудренным жизнью фрагтой, сможет раскрыть людям глаза на то, чем они рискуют. Мрэт почему-то в этом сомневался. Но будет лучше, если кто-нибудь сумеет это сделать, причем в самое ближайшее время. Последние сообщения о перемещениях Экхат в этом районе Галактики внушали серьезное беспокойство. И ни у кого в этой планетной системе — ни у джао, ни у людей, — нет времени на бессмысленные свары.

Новое жилище оказалось сплошным разочарованием. Просто две крашенные прямоугольные коробки с плоскими стенами и грубыми стыками. Даже воздух внутри казался мертвым, словно течение не могло сюда проникнуть. И в довершение всех бед, здесь не было бассейна. Только помывочное устройство с тесной емкостью, в которой, пожалуй, можно слегка намочить пух.

Вздыхнуv, Эйлле надел новую перевязь глубокого темно-зеленого цвета, украшенную пряжками с желтыми и зелеными эмблемами Плутрака. С какой-то таинственной целью воздух в жилых помещениях искусственно охлаждался. Что за бессмысленная трата энергии! Эйлле отправил Яута на поиски регулятора температуры.

— У людей более узкий диапазон комфортных условий, чем у джао, — сказал Яут минуту спустя, снова принимаясь за багаж Эйлле. — Они гораздо чувствительнее к крайностям.

И он встряхнул церемониальную накидку, которую сшил для Эйлле по пути на Землю. Материя была великолепного качества и плотно заткана традиционным орнаментом Плут-

рака. Яут хотел, чтобы его подопечный предстал в самом выгодном свете, когда приступит к выполнению своих ответственных обязанностей.

Эйлле собирался прогуляться и осмотреть базу, когда в дверь постучали. Новоприбывших вызывал к себе главнокомандующий Каул кринну ава Дэно.

Яут отключил дверное поле, принял послание у солдата-человека и вновь активировал прямо у него перед носом — прежде, чем тот успел моргнуть.

— Каул не из тех, кто теряет время, верно? — фрагта держал депешу перед собой так, словно боялся испачкаться. Выражение его покрытого шрамами лица казалось весьма свирепым.

— А ты бы на его месте стал ждать? — Эйлле провел щеткой по затылку, приглаживая золотистый ворс. — Определенно, первым делом ты захотел бы оценить нового заместителя.

— Ты — отпрыск Плутрака, — отозвался Яут. — Этого достаточно, чтобы тебя оценить.

— Оценить Плутрак, но не меня.

Эйлле вспомнил, что день за днем внушали ему все его шестеро кочен-родителей, достойных отпрысков Плутрака. «Честь одного — честь всех». Это полагалось повторять каждый вечер, отходя ко сну. «Не стань первым, кто опозорит Плутрак» — с этих слов начинался день, этими словами заканчивался. И самое главное: «умри с честью». Умереть — это просто. Каждый рано или поздно умрет. Но вот умереть с честью — совсем другое дело.

Тем временем Яут, прищутив иззелена-черные глаза, разглядывал своего подопечного.

— Перевязь сидит недурно, хотя я мог бы сделать еще лучше. А вот накидка не очень хорошо драпируется. Я не зря говорил тебе еще не корабле: примерь ее хоть раз.

Эйлле повел плечом и поднял руку.

— Все в порядке. Не беспокойся по мелочам.

— Беспокоиться по мелочам — моя обязанность, — Яут расправил складку и отступил назад, безуспешно пытаясь выдать позу «гордость-и-одобрение» за что-то другое. — Ты хочешь заставить его ждать еще дольше?

С улицы уже доносился звук двигателя. За ними прислали машину.

— Трудно устоять перед таким искушением, — Эйлле сунул подмышку свой резной бау. — Но я постараюсь.

Яут убрал поле, и вскоре они снова шагнули навстречу яростному сиянию желтого солнца.

Охрана, ожидающая рядом с машиной, состояла из людей, и сама машина тоже была человеческой, хотя и оборудована магнитной подвеской джао. Когда водитель распахнул дверцу, Эйлле заметил на его коричневом лице капли влаги. Зачем понадобился водитель, если они сами без особого труда могут управлять машиной?

— Как вас называют? — спросил Эйлле, опускаясь на сиденье. Оно было слишком коротким, слишком узким... в общем, таким же неудобным, как слова человеческого языка.

Яут с удивлением посмотрел на своего подопечного. Однако в докладах сообщалось, что у людей принято сообщать свои имена при первом знакомстве. Более того, это считалось первым правилом вежливого поведения.

— Рядовой первого класса Мастергон, сэр! — человек хлопнул дверцу, обежал вокруг машины и плюхнулся на водительское место с таким видом, словно выполнял чрезвычайно важное задание. — Надеюсь, ваше путешествие было приятным.

— Космические путешествия редко бывают приятными, — ответил Эйлле. — Однако мы пересекаем космос не ради удовольствия. Путешествуют для того, чтобы принести пользу.

— Э-э-э... так точно, сэр, — солдат бросил на обоих джао взгляд через плечо и принялся сосредоточенно управлять автомобилем.

По пути они несколько раз обгоняли большие группы людей. Туземцы почему-то ходили строем и старались шагать одновременно, словно были не живыми существами, а шестеренками в каком-то механизме. Наконец машина остановилась перед высоким черным строением, отлитым из квантового кристаллина. Все его поверхности были скругленными и словно перетекали друг в друга. В отличие от жилища Эйлле, штаб главнокомандующего Каула кринну ава Дэно, несомненно, был творением джао. Впервые по прибытии на Землю Эйлле увидел что-то родное.

Внутри царил приятный полумрак — освещение было приглушенным, как и знакомый, чуть терпкий запах трав. Охрана

проводила Эйлле и его фрагту к черной искрящейся стене, которая при их приближении замерцала и растворилась.

— Сюда, сэр, — Мастертон жестом указал на вход, шагнул в сторону и замер в странной позе, прочесть которую было невозможно.

Яут вошел первым — теперь Эйлле позволил ему это. Дела касались только джао, и фрагта, с его большим опытом, лучше знал, как нужно действовать.

— Опустит уши, юноша, — шепнул Яут, шагнув вперед, и его плечи и руки привычно изобразили «почтение-и-верность долгу» с легкостью, которая достигается лишь тысячекратным повторением.

Каул стоял перед картой Земли — не выведенной на голодисплей, а стационарной, занимающей половину дальней стены, — и демонстрировал свой внушительный профиль. Эйлле еще не доводилось видеть столь мощного телосложения. Четкий, яркий *ваи камити* только подчеркивал выразительную форму мощных костей его черепа, а свою перевязь он носил так, словно это было роскошное церемониальное облачение. Конечно, этого следовало ожидать. Дэно был одним из великих коченов, хотя его статус был не столь высок, как статус Нарво или Плутрака.

— Я нахожу это странным, — изрек Каул, не поворачиваясь. Эйлле ждал на почтительном расстоянии, высоко подняв голову.

— Что именно, Главнокомандующий Каул?

— То, что командовать джинау на Земле будет отпрыск Плутрака.

У Эйлле давно возник вопрос о том, кем именно ему предстоит командовать — всеми наземными силами Земли или только войсками туземцев. Однако пока от подобных вопросов следовало воздержаться. Он чувствовал, что сейчас не самый подходящий момент для того, чтобы вскрывать разногласия: ясно, что замечание Дэно содержит скрытую провокацию.

И он промолчал. Поэтому главнокомандующему пришлось повернуться и встать к собеседнику лицом — вместо того, чтобы сохранять нарочито невежливую позу. Глаза Каула ярко сверкнули, словно подавая предупреждающий сигнал. Темные полосы на щеках и подбородке лишь усиливали впечатление.

— Разумеется, мы счастливы, что удостоились благосклонности великого кочена. Нечасто столь славным отпрыскам случается почтить своим присутствием завоеванные миры.

В его тоне угадывался едва уловимый сарказм. Не стоит забывать, что Дэно и Нарво давно связывают прочные узы. Так что Эйлле оказался отнюдь не на дружественной территории.

Но он ничем не выдал своих чувств.

— Для меня это назначение — большая честь. Плутрак желает лишь одного: чтобы я был полезен и хорошо исполнил свой долг.

— Если на этой дурной планете хоть от чего-то может быть польза! — взмахом руки Каул восстановил защитное поле. — Насколько честны были ваши учителя, когда объясняли вам суть вашей задачи?

Эйлле бросил на своего фрагту быстрый взгляд, надеясь на подсказку, но Яут даже не шелохнулся.

— Полагаю — в той степени, насколько это вообще возможно, Главнокомандующий.

— Тогда можно не сомневаться, что они вам почти ничего не сообщили, — Каул опустил в свое кресло и задумчиво уставился в мерцающую карту, спроецированную в голоконтейнере, который возвышался на столе.

В этот момент Эйлле сообразил, что карта изображает сектор Маркау, который последнее время был ареной противоборства нескольких фракций Экхат.

Голографическая карта медленно вращалась, переливаясь в сумерках изумрудной зеленью и золотом. Огоньки отражались в глазах Дэно.

— Эта планета — жалкая дыра, где представители господствующего вида расплодилось до такой степени, что она находится на грани экологической катастрофы. Суэта и хаос. Люди довольно умны, но это просто чудо, что они не уничтожили друг друга при помощи собственных технологий за долго до нашего появления.

Эйлле изучал карту.

— Я слышал, что они прекрасные воины. Остались ли на Земле территории, которые еще не контролируются джао?

— Конечно, нет! — Каул повернулся к нему и опустил уши. — Мы держим под контролем каждый клочок земли, который того стоит.

— Понятно... — отозвался Эйлле, принимая позу «спокойствие-и-легкий-интерес». Ныряй осторожно, Эйлле кринну ава Плутрак. Он чересчур вспыльчив, даже если принимать в расчет отношения их коченов. — Надеюсь, вы меня просветите?

— Люди разумны, — произнес Каул. — Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Они разумны, но иначе, чем мы с вами. Это разумные хищники, индивидуалисты по сути своей и в первую очередь, они руководствуются только своими минутными потребностями...

Эйлле выбрал точку на стене, над головой главнокомандующего, устремил туда взгляд и расфокусировал глаза, делая вид, что следит за происходящим. Он ждал.

— К тому же они легкомысленны сверх всякой меры! — Каул разложил руки на блестящей черной столешнице и устался на кончики своих пальцев. — Способов заниматься чем-то, не занимаясь ничем, у них больше, чем звезд на небе. «Живопись»! «Домашние любимцы»! «Садоводство», «кино», «музыка»! Этот список можно продолжать до бесконечности. Они одержимы *оллнэт* — значительная часть населения занимается исключительно тем, что производит всевозможные выдумки, а потом записывает это на всевозможные носители и распространяет их по планете!

Во время всего перелета Эйлле проводил языковое запечатление каждый раз, когда отходил ко сну, но его словарный запас был пока ограничен. Во всяком случае, эти человеческие слова были ему незнакомы. Эйлле пообещал себе, что попросит Яута найти их.

— Похоже, мне предстоит интересная задача. Для меня будет честью принять участие в ее решении.

— У людей это называется «грязная работа», — Каул сжал кулаки. — Местных нужно постоянно воспитывать. В лицо они говорят тебе одно, а стоит отвернуться — делают совершенно противоположное. И утонченности Плутрака здесь не место. Если считаете, что не сумеете сделать все, что может потребоваться, вам лучше сразу подыскать менее ответственную должность.

Яут внезапно заволновался. Он переминался с ноги на ногу, шевелил руками, словно не знал, какая поза окажется уместной. Дать этому беспорядочному движению какое-то толкование было невозможно. Некоторое время Эйлле наблюдал за старым воином, но так и не понял, что тот хотел ему передать.

— Я сделаю все, что потребуется, Главнокомандующий Каул, — Эйлле развернул уши. — Губернатору достаточно лишь приказать.

Каул не ответил. В наступившей тишине было слышно, как шумит воздух в фильтрах. Голографическая карта вращалась, точно планета вокруг своей оси, ее огни притягивали взгляд.

Каул, Эйлле, Яут — все трое просто наблюдали. Эйлле сосредоточился на своем времячувстве, добиваясь, чтобы все вокруг казалось неподвижным. Он хотел понять, что скажет Каул, но в голову ничего не приходило. Потом откуда-то сзади донесся негромкий вздох Яута, и Эйлле позволил себе восстановить обычную скорость восприятия.

— Сражения в секторе Маркау закончились, — внезапно произнес Дэно. — Только что поступило сообщение о том, что фракция Полной Гармонии нанесла поражение фракциям Истинной Гармонии и Мелодии. По некоторым признакам, события будут и дальше развиваться в этом направлении. Дальнейший ход течения читается неоднозначно, но большинство экспертов считают, что это произойдет скорее раньше, чем позже.

Эйлле снова устремил взгляд на карту и даже подошел поближе, чтобы понять смысл непрерывного перемещения этих крохотных огоньков — розовых, зеленых и янтарных.

— Зачем? Сразу после такого крупного сражения...

— Кто знает? — отозвался Каул. — Пока никому не удалось понять, чего на самом деле хотят Экхат... кроме одного: что они хотят остаться одни во Вселенной.

Глава 2

— Я узнал, что новый Субкомендант происходит из очень влиятельного клана!

Это было первым, что услышала Кэтлин Стокуэлл, едва доктор Кинси перешагнул порог ее комнаты.

— Плутрак, ни больше ни меньше! Может, он даст мне интервью для моей книги — как ты думаешь?

Ошарашенная, она оторвалась от компьютерного терминала, за которым сидела в окружении груды истрепанных книг, принесенных из библиотеки. И уставилась на профессора — помятого человека средних лет с широким лбом, кожей цвета кофе с молоком и курчавыми серебристыми волосами, — словно видела первый раз в жизни.

Кэтлин уже почти пять лет училась в Университете Нью-Чикаго, в центре Мичигана. Получив прошлой зимой степень бакалавра истории, она уже писала докторскую диссертацию и работала лаборанткой у своего научного руководителя, доктора Джонатана Кинси.

Кинси специализировался на американской истории, но два года назад загорелся идеей написать книгу по истории джао. Каким-то образом он умудрился выбить у Губернатора Земли разрешение на исследования и даже заручиться невнятными обещаниями сотрудничества. Кэтлин подозревала, что причиной были скорее невнимательность и недопонимание, нежели настоящее одобрение. В культуре джао, похоже, не существовало понятия «истории» в привычном для людей смысле. Дело не в том, что джао не интересовались собственным прошлым — напротив, они относились к нему очень трепетно. Однако этот интерес заключался скорее в сохранении преданий клана и их изустной передаче от родителей детям. Это были истории, но не история — наука, какой ее представляют себе люди.

За месяцы, проведенные вместе, Кэтлин очень привязалась к профессору Кинси. Но уже не в первый раз она сожалела, что проницательность и эрудиция — не единственные качества, которые делают ее научного руководителя похожим на «сумасшедшего ученого» из комиксов.

— Категорически не советую, — произнесла она со всей твердостью, которую можно было выразить, понизив голос до полупшепота. Банле, телохранительницы — а вернее, тюремщицы Кэтлин — видно не было, но она наверняка стояла в коридоре, прямо у входа в комнату.

— Ты уверена? — не сдавался профессор. — Не спору, ты гораздо лучше разбираешься в обычаях джао, я первый это признаю, но... Такая возможность! Он же из Плутрака,

Кэтлин. А Плутрак — быть может, самый уважаемый из всех ныне существующих коченов джао!

Кэтлин покосилась на дверь, от всей души желая, чтобы с голосом у профессора стало так же плохо, как и со здравым смыслом. К несчастью, Банле блестяще владела английским, хотя ее полное имя звучало как Банле кринну нао Нарво.

— Возможно... — девушка более выразительно посмотрела на дверь и прошипела: — Только вряд ли Нарво согласится с вашим мнением, профессор.

При этих словах Кинси наконец-то вернулся с небес на землю: Кэтлин поймала его встревоженный взгляд, брошенный в сторону коридора. Кочен, который возглавил Завоевание и получил право править Землей, был самым давним и самым яростным соперником Плутрака из всех, кто присутствовал на нынешней политической арене джао. И считал себя ничуть не менее прославленным, чем Плутрак.

По крайней мере, у людей создалось именно такое впечатление. Внутренняя политика джао представляла собой настоящие дебри. Строго говоря, «политика» джао была «политикой» в той же мере, что и «история». Однажды, уловив момент, когда Банле не было поблизости, профессор Кинси шепнул своей студентке, что при всех своих технологиях джао напоминают ему скорее древние варварские племена, чем цивилизованное общество. Впрочем, все эти хитросплетения отношений между кланами — «коченами» — имели для самих джао куда большее значение, чем политика для современного человека.

Временами, разбираясь в системе взаимоотношений джао, Кэтлин вспоминала рассказы своей ныне покойной бабушки о спорах и распрях между кланами ее предков, аппалачских горцев. Структуры управления в современном понимании этого слова у них, похоже, не было вообще.

«Ваш прапрадядя украл у нас свинью, но я, так уж и быть, не буду обращать на это внимания, поскольку ваша прапратетя вышла замуж за второго кузена моего прадеда, и потому что я видел, как их третий сын помогал возводить забор на земле, принадлежавшей дяде моего прадеда, пока его жена не умерла и он не женился на Уиддер Джонс, и незаслуженно доставшейся потом дочери Уиддер от ее первого брака с Томом Хоббсом. Поэтому я продам вам эту брагу по хорошей

цене, ведь, в конце концов, вы не обязаны во всем отчитываться за этого бездельника Хоббса...»

Такие истории очень забавляли Кэтлин, пока она была маленькой девочкой. Но когда тебе двадцать четыре, многие вещи ты начинаешь воспринимать совершенно иначе. Подобно большинству ее предков-горцев, джао становились весьма агрессивны, когда дело касалось подобных вопросов. Давнее противостояние великих коченов Нарво и Плутрак могло сколь угодно напоминать вендетту Хэтфилдов и Маккоев¹, вот только масштабы были не те. И если противостояние перерастет в открытый конфликт, все человечество окажется между молотом и наковальней.

Ситуация усугублялась тем, что по каким-то причинам, о которых Кэтлин не имела ни малейшего представления, Нарво назначили «Губернатором» Земли одного из самых жестоких отпрысков своего клана — Оппака кринну ава Нарво. Его меры считались зверскими даже по меркам джао, к тому же, в отличие от большинства своих соплеменников, он был подвержен внезапным вспышкам безумной ярости. Кэтлин даже сомневалась, был ли он полностью в здравом уме, но об этом сложно судить, когда имеешь дело с инопланетными существами. Так или иначе, с таким же успехом они могли сделать правителем Энса Хэтфилда по прозвищу «Дьявол».

Массивная фигура Банле перегородила дверной проем. Похоже, дискуссию пора сворачивать. Прикусив губу, Кэтлин придумывала формулировку повежливее.

¹ Так называемая «вендетта Хэтфилдов-Маккоев» началась в 60-е гг. XIX в. Достоверно ее первопричина не известна. По одной из самых распространенных версий, в 1878 году Рандольф Маккой обвинил Флойда Хэтфилда в том, что тот украл свинью. По другим версиям, все началось во время Гражданской войны, когда один из Хэтфилдов убил одного из Маккоев, поскольку Маккои принадлежали к юнионистам, а Хэтфилды к конфедератам. Наконец, некоторые считают, что вражда началась в 1881 году, когда Джонс Хэтфилд, известный сердцеед, бросил беременную дочь Рэндолафа Маккоя Розанну. В 1882 году в ходе перепалки три молодых Маккоя убили Вильяма — брата Эллисона Хэтфилда, патриарха клана по прозвищу Энс-Дьявол. Чтобы не опровергать свою зловещую репутацию, тот отдал распоряжение привязать троицу к дереву и убить. Лишь спустя 125 лет Хэтфилды из Западной Виржинии и Маккои из Кентукки решили официально подписать мирный договор.

Почти всю жизнь она провела среди джао и, в отличие от большинства людей, понимала язык их поз — Язык тела, как они это называли. Например, сейчас стойка Банле — казалось бы, ничем не примечательная — означала «угрозу-и-предупреждение», и любое проявление неуважения со стороны пленницы будет наказано очень жестоко. Об этом напоминал небольшой шрам на плече Кэтлин, не говоря уже о многочисленных синяках.

— Не стоит добиваться внимания сильных, — проговорила девушка. — Если Субкомендант пожелает встретиться с вами, вам придет приглашение. В противном случае вам не стоит его беспокоить.

И если вам повезет, этого никогда не случится, добавила она мысленно. Впрочем, себе Кэтлин могла пожелать того же самого. Ее жизнь и без того похожа на прогулку по краю пропасти. Не хватает ей еще впутываться в распри джао.

К счастью, охранницу эта формулировка успокоила, а у профессора Кинси очень кстати случился один из редких приступов здравомыслия. Пробормотав что-то вежливое, он вышел из комнаты. Через минуту Кэтлин смогла вернуться к работе. Подавив готовый вырваться вздох облегчения — Банле понимала мимику и жесты людей не хуже, чем их язык — девушка попыталась изобразить позу «сосредоточенность-на-текущей-задаче».

Получилось неплохо, несмотря на то, что это приходилось делать сидя. А разве могло быть иначе? Кэтлин осваивала сложную систему Языка тела джао с ранних лет, и лишь последнее время — из чистого интереса. Поначалу, с прилежностью, несвойственной маленьким девочкам, она училась этому просто ради того, чтобы выжить. Так младенец, оказавшийся в стае волков, учится выть на луну.

Закончив работу с материалами профессора Кинси, Кэтлин отправилась в кафетерий студенческого союза, чтобы немного перекусить. Единственное свободное место оказалось за столиком, где расположились Миранда Силви и ее подружки. Обычно Кэтлин держалась от них подальше, поскольку считала этих девиц непроходимыми дурами.

Неудивительно, что темой для разговора стал новоиспеченный Субкомендант Эйлле кринну ава Плутрак.

— Говорят, он настоящий принц джао! — сказала Миранда Силви — высокая цветущая девушка с золотыми волосами. Она выглядела человеком, который ни разу в жизни не испытал чувства голода. — Вот почему ему не пришлось продвигаться с самого низа по служебной лестнице. Интересно, они устроят прием в его честь?

Она повернулась к Кэтлин, которая как можно незаметнее проскользнула к столику и уселась на стул из оранжевого пластика. В зале былолюдно, отовсюду доносился звон приборов и запах спагетти.

— Кэтлин, у тебя такие связи... Может, достанешь нам приглашение?

Кэтлин бросила рюкзак на пол и бросила в чашку с чаем, которую держала в руке, дольку лимона. Ее охранница уже стояла в нескольких футах от столика, перед кирпичной колонной.

— Папа не посвящает меня в свои дела.

Девушка говорила негромко, но прекрасно понимала, что слух у Банле как у лисы, и она не пропустит ни слова.

— Он старается не смешивать личную жизнь и общественную деятельность... — она незаметно покосилась на охранницу, которая уже выгнулась в позе «внимание-и-подозрение». — Может, сменим тему?

— Но ведь твои родители близко знакомы с Губернатором Нарво, верно? — не уступала Миранда, снова взявшись за вилку. — Наверняка они постоянно видятся.

— Джао не бывают *близко знакомы* с людьми, — резко возразила Кэтлин. — Я вообще не уверена, что у них бывают друзья в том смысле, в каком ты это понимаешь, даже среди своих.

Эта дурочка начинала ее раздражать!

— Кроме того, — добавила она педантично, — он никакой не «Губернатор Нарво». Нарво — название клана, а не фамилия, поэтому нужно говорить либо «Губернатор Оппак», либо «Губернатор ава Нарво».

— И все-таки хотела бы я взглянуть на этого Субкоменданта, — на круглом лице Трейси Гуин появилась мечтательная улыбка. — Говорят, он такой молодой и очаровательный... И...

Стараясь не слушать этот вздор, Кэтлин принялась за обед, пытаясь взять себя в руки.

Идиотки.

Даже хуже, чем идиотки. Одним из самых негативных последствий, которые повлек за собой захват Земли инопланетянами, стали глубокое различие в положении различных стран и классовое расслоение внутри каждой нации. В странах, которые оказали завоевателям вооруженное сопротивление, было введено непосредственное правление джао и установлены особенно жесткие порядки. В первую очередь это касалось Соединенных Штатов, которые обладали наиболее мощным военным потенциалом и потому боролись дольше остальных. Те же государства, которые быстро капитулировали — как Япония и почти вся Европа, за исключением Англии и Франции, — получили даже нечто вроде самоуправления.

Точно такая же ситуация складывалась внутри каждого государства. Люди, которые охотно и быстро шли на сотрудничество, получали гораздо больше привилегий. В результате на территориях, которые, подобно Северной Америке, были разорены войной и до сих пор не оправились от ее последствий, можно было есть вволю, получать прекрасное образование... или едва сводить концы с концами.

В результате через двадцать лет появились такие, как Миранда и ее подружки — студентки, которые родились и выросли после завоевания и получили, мягко говоря, превратное представление об устройстве вселенной и о том месте, которое они в ней занимают.

Кэтлин покосилась в сторону Миранды, которая весело чиркала что-то про «принца джао». Эта девочка понятия не имеет о том, что *на самом деле* представляют собой джао. Прежде всего — они завоеватели. Они используют человечество и ресурсы Земли исключительно для собственных нужд. Что бы там ни напридумывала Миранда и ей подобные, джао не испытывают потребности в эмоциональной отдаче со стороны людей. Им не нужно ни привязанности, ни дружбы... и уж точно они не нуждаются в кучке тупых студенточек, сходящих по ним с ума!

И знаков сексуального влечения со стороны женского населения Земли тоже — к счастью для идиоток вроде Миранды. Так что им не светит стать наложницами завоевателей.

Очень-очень жаль, злорадно подумала Кэтлин. Вот было бы здорово, если бы кто-нибудь вроде Миранды или Трэйси поменялся с ней местами, скажем, на пару дней. От этого выиграли бы обе стороны: Кэтлин отдохнула бы от «опеки», а у этих безмозглых котят открылись бы глаза.

Почему никто из них не потрудился совершить небольшую поездку, чтобы полюбоваться на кратеры, которые остались на месте Чикаго или Нью-Орлеана? По мнению Кэтлин, одной мысли об этом было достаточно, чтобы трезво взглянуть на вещи. Джао стерли с лица земли два города и даже не удосужились принести извинения — а ведь люди воздержались от применения ядерного оружия, хотя такая возможность рассматривалась. Отец Кэтлин в то время был вице-президентом США, и девушка знала, что это правда.

Вторжение стало для всех полной неожиданностью: технологии джао позволили им обмануть электронные системы раннего оповещения Земли. Сильнее всего досталось Северной Америке. Очевидно, джао каким-то образом определили, что именно на континенте сосредоточен наиболее значительный запас вооружения. Они высадили десант в нескольких точках Северной Америки и начали стремительное продвижение по континенту. Прежде, чем правительство Соединенных Штатов смогло принять ответные меры, прошло несколько дней: устройства джао позволяли выводить из строя системы электронных коммуникаций или нарушать их работу. Войска джао уже пришли во взаимодействие с армией и мирным населением, и применение ядерного оружия стало невозможным. Правительство не могло позволить себе пожертвовать жизнями десятков миллионов людей и отравить радиоактивными отходами две трети континента.

В конце концов, — или «по крайней мере», если говорить о Чикаго и Нью-Орлеане — это уже не имело значения. Армия США вела яростные бои, пытаясь отстоять эти города. Джао убивали десятерых за каждого из своих воинов, но несли значительные потери, и их наступление почти прекратилось. И через несколько дней они потеряли терпение.

Нет, нет, это не совсем точное выражение. «Терпение» — это качество, присущее людям, и это понятие применимо к психологии джао лишь с большими оговорками. Лучше сказать так:

джао, со свойственной им практичностью, предпочли решить проблему одним ударом — вернее, двумя, — пожертвовав ради этого ресурсами этих территорий. А уровень технологий и способность действовать в открытом космосе позволили сделать это весьма эффективно. Достаточно было выбрать две каменные глыбы в поясе астероидов, отбуксировать их на околоземную орбиту и разогнать до скорости в пятьдесят тысяч миль в час. Никакого радиоактивного заражения — и на том спасибо.

То, что при этом погибло несколько миллионов человек, завоевателей нисколько не волновало. Ни тогда, ни сейчас, по прошествии двадцати лет, насколько Кэтлин могла судить.

Обед был съеден, а чай лучше допить где-нибудь в другом месте, где можно будет отдохнуть от этой дурацкой болтовни. Девушка встала, вскинула на плечо сумку, задвинула стул на место и направилась к выходу. За спиной мерно топали ноги, обутые в ботинки — Банле не отставала от нее ни на шаг. Наверно, обреченно подумала Кэтлин, она никогда не отстанет.

«Телохранильница» действительно находилась при ней всюду и всегда. Банле кринну нао Нарво стала ее постоянной спутницей с тех пор, как Кэтлин исполнилось четыре года — вскоре после того, как джао обнаружили, а вернее, поймали ее отца, Бенджамина Стокуэлла. Из всех уцелевших членов правительства США он занимал самый высокий пост, поэтому был назначен главой нового правительства североамериканского региона, куда входила также Канада и Мексика: джао мало беспокоили тонкости межнациональных отношений.

Отец Кэтлин не испытывал ни малейшего желания занимать этот пост, но сопротивляться не стал. Он надеялся использовать свои полномочия, чтобы облегчить положение населения Америки. К тому же ему дали понять, что в случае несогласия разговор будет очень коротким. Либо он подчинится, либо его «усмирят».

Эту истину Кэтлин познала на собственном опыте, причем в очень раннем возрасте. Банле кринну нао Нарво считалась ее телохранильницей, но с тем же правом ее можно было назвать надзирательницей и в любой момент могла стать ее палачом. Кэтлин служила залогом того, что Бенджамин Стокуэлл и впредь будет сотрудничать с джао. До тех пор, пока он выполнял их требования, ставил свою подпись под их

решениями и изображал дружбу и взаимное доверие между марионеточным правительством Северной Америки и завоевателями, его дочери ничто не угрожало. Но как только отец или дочь нарушат правила игры, Кэтлин поплатится за это.

У нее было двое братьев. Старший из них погиб в боях с джао, когда вторжение только началось, младший — несколько лет назад, в руках Губернатора Оппака. Кэтлин хорошо понимала, что ее непредсказуемая тюремщица без колебаний свернет шею своей подопечной, если сочтет необходимым или получит такой приказ. Как и ее родители, Кэтлин считалась свободной, но лишь в той мере, в какой позволяли джао, и лишь до тех пор, пока оставались послушны.

И теперь, когда университет гудел слухами об этом новом назначении в командовании джао, ей тоже стало интересно взглянуть на нового Субкоменданта... конечно, не для того, чтобы с ним познакомиться. Джао стали для многих студентов чем-то вроде модного увлечения. Они даже пытались подражать инопланетянам — например, копировали манеру их поведения или наносили на лица рисунок, имитирующим *ваи камити*. Бедолаги, они надеялись таким образом снискать их благосклонность! Некоторые доходили до того, что покрывали кожу соответствующей татуировкой.

Вне всякого сомнения, явление отпрыска легендарного кочена Плутрак было событием величайшей важности. Но для Кэтлин он был прежде всего джао, и его «благородное происхождение» ничего не меняло. Можно не сомневаться: он мыслит точно так же, как и все его предшественники. И так же предан общему делу, смысл которого сводится к превращению людей в нечто полезное — полезное в понимании самих джао. Остальное для них не имеет никакого значения, в том числе и мнение самих людей по этому поводу.

К великой радости Кэтлин, по возвращении в комнату Банле решила немного вздремнуть — обычная привычка джао. Специально для этого охранница поставила в соседней комнате раскладушку.

В этом смысле они больше походили на кошек, чем на людей. Вместо того чтобы спать несколько часов подряд, джао

время от времени погружались в короткую дремоту. Как правило, это происходило ночью, но Кэтлин знала, что джао могут спать, равно как и бодрствовать, в любое время суток. Иногда у нее даже создавалось впечатление, что они предпочитают бодрствовать ночью, потому что солнце Земли кажется им слишком ярким.

Впрочем, этим сходство с кошками и ограничивалось, разве что в пластике проскальзывало что-то тигриное. В остальном джао больше напоминали морских львов — правда, лишь напоминали. Во-первых, их лица были более плоскими, чем морды морских львов, а во-вторых, ни у одного морского льва вы не увидите такой развитой нижней челюсти и подбородка. А также больших подвижных ушей, каких не бывает у морских млекопитающих Земли.

Предками джао, судя по всему, были как раз морские млекопитающие. Об этом свидетельствовали рудиментарные перепонки между пальцами — правда, только на ногах. Все джао великолепно плавали. Однако каково бы ни было их происхождение, сейчас они, несомненно, стали настоящими жителями суши. По человеческим меркам, их тела казались слишком длинными, а ноги — слишком короткими, но это были настоящие ноги, а не кургузые ласты морских львов и их родственников. На поверку, джао бегали даже быстрее людей — по крайней мере на короткие дистанции.

Но мысль об их сходстве с морскими львами не сразу приходила в голову. В облике морских львов, тюленей, даже великанов-моржей есть что-то «симпатичное». Но назвать джао симпатичными просто не поворачивался язык. Да, внушительные, грозные... порой даже красивые... но они решительно не внушали симпатии.

Кэтлин оставалась в одиночестве не больше пяти минут. Дверь приоткрылась, и в комнату снова вошел профессор Кинси. Бросив быстрый взгляд на загородку, где дремала Банле, он с видом заговорщика зашептал:

— Я знаю, ты не в восторге от этой идеи, Кэтлин... но, может, ты все-таки замолвишь за меня словечко — если это вообще возможно? Это все-таки Плутрак. Мы почти ничего

не знаем об этом кочене, но достоверно известно, что он пользуется огромным уважением... и, насколько я смог выяснить, его отпрыски славятся утонченностью нравов. Как непохоже на этих Нарво! Которые, к несчастью для нашей бедной планеты, ценят... прямоту и действенность. Мне кажется, что эти кочены должны дополнять друг друга... Если провести аналогию... да-да, Кэтлин, я знаю, что опасно проводить аналогии между людьми и джао, но эта мне кажется удачной. Я бы сравнил Плутрак с рапирой, а Нарво с саблей. Или, если угодно, различие между ними, как между благородством пера и благородством меча...

Увидев ее гримасу, профессор мягко улыбнулся.

— Ну, может быть, ты хотя бы попытаешься? Я понимаю, ты считаешь это просто заскоком старого профессора... но это может быть действительно очень важно, Кэтлин! Если бы только найти слабое место, куда можно вклиниться...

Кэтлин вздохнула.

— Даже не думайте. К слову об опасных аналогиях: клин — это просто кусок металла или дерева. А теперь представьте себе, что произойдет с живым человеком, который попытается вклиниться между Нарво и Плутраком...

Она принесла из кафетерия печенье. Сейчас один кусочек был у нее в руке. Кэтлин с силой сжала пальцы. Хрупкий круляшок сломался, и крошки рассыпались по всему столу.

Глава 3

Яут украдкой разглядывал Эйлле. Они были вместе недолго. И пока что молодой офицер оставался для него загадкой, а служить загадке нелегко. В залах Плутрака этот юноша слыл энергичным и способным к предвидению — возможно, самым талантливым и многообещающим отпрыском прославленного кочена за последние несколько поколений. В то же время эти качества делали его слишком неугомонным, чтобы оставаться в коченате и послушно внимать наставлениям умудренных опытом старших. Было решено, что ему будет полезнее *урем-фа*, обучение-через-тело, когда учащемуся приходилось сначала действовать, а затем осмысливать результаты и извлекать из них опыт.

Однако при более близком знакомстве Яут обнаружил, что при всей импульсивности его подопечному свойственны вдумчивость и склонность к размышлениям, что нечасто встречается у молодых... да и вообще у джао. Эти качества предвещали хорошее будущее, хотя сейчас Эйлле случалось уходить в свои мысли и замыкаться в себе. Но Яут был его фрагтой, а значит, должен был позаботиться о том, чтобы как можно полнее реализовать потенциал своего подопечного.

Что касается физических данных, то молодой офицер унаследовал от своего кочена все лучшее: от черной полосы через глаза — отличительного признака Плутрака, — которая делала взгляд повелительным, до крепкого телосложения и высокого роста. Брачная группа, которая произвела его на свет, славилась достойным и сильным потомством, и Эйлле не был исключением. Он буквально излучал энергию, а его неумемную любознательность Яут находил весьма многообещающей.

Впрочем, сейчас, когда их везли обратно на квартиру в местном наземном транспорте, Эйлле снова был погружен в раздумья. Он устремил взгляд в окно, за которым проплывала база, похожая на лоскутное одеяло: человеческие постройки и строения джао были перемешаны самым причудливым образом. А может быть, он наблюдал за солдатами-джинау, которые, как обычно, шагали ровными рядами, одновременно переставляя ноги. Колонна скорее напоминала какой-то движущийся механизм, чем группу живых существ.

Внезапно Эйлле наклонился вперед.

— Остановитесь, — приказал он водителю-туземцу. — Я бы хотел проделать остаток пути пешком.

Эйлле неплохо говорил на человеческом языке, который интенсивно изучал во время подготовки к заданию. Кажется, этот язык назывался «английским», вспомнил Яут — если ему не изменяла память, основной на этом континенте. Одной из многочисленных человеческих странностей было упорное стремление сохранять языковое разнообразие. Джао, будучи существами благоразумными, обходились всего одним языком.

— Сэр? — водитель обернулся через плечо и сбросил скорость. — Мы в штате Миссиссипи, сэр. Сегодня тридцать пять градусов в тени, а о влажности я вообще молчу. С нашим солнцем шутки плохи.

— Вы...

Эйлле запнулся, безуспешно подбирая подходящее выражение, но его словарный запас был пока слишком ограничен.

— Вы недооцениваете устойчивость джао к неблагоприятным условиям среды, — добавил он на родном языке. Его уши стояли торчком, выражая твердую решимость.

— Остановите, — закончил он уже по-английски.

— Слушаюсь, сэр, — ответил джинау, притормаживая. Едва машина остановилась, он вышел и спросил, уже на языке джао. — Прикажете подождать здесь или, быть может, дальше по дороге, на тот случай, если я вам понадобится?

— В этом не будет необходимости, — отозвался Эйлле, взявшись за дверную ручку. Устройство оказалось незнакомым и поддалось не сразу.

Яут заметил, что водитель выглядит удивленным. Неужели он собирается открыть дверь перед Эйлле? Зачем? Он же видит, что Субкомендант не покалечен и не ранен. Еще одна загадка... впрочем, люди вообще загадочны.

Фрагта выбрался из машины следом за Эйлле. Солнце било прямо в глаза, заставляя щуриться. Жара — это не самое скверное, думал Яут. Гораздо хуже этот ослепительный свет. Большинство Домов кочена располагались в системах с менее активными звездами.

— Слушаюсь, сэр! — произнес джинау, снова по-английски и резким движением вскинул руку, словно хотел стукнуть себя ребром ладони по лбу. Несомненно, это действие имело глубокий смысл. Исполнив этот ритуал, человек вернулся на водительское сидение и потянулся к рычагам управления.

Эйлле поднял голову.

— Подождите, — произнес он, удерживая рукой дверцу машины. — Вы можете объяснить, что такое «домашние животные»?

— У людей есть такой обычай... — водитель скосил свои ярко-голубые глаза, словно от стыда, а его голая кожа стала розоватой. Яут предположил, что это нечто вроде мимикрии. — Держать животных, с которыми поддерживаются близкие эмоциональные взаимоотношения. Среди гражданских это частое явление. Но нам по регламенту не положено тратить средства, которые выделяются на армию.

— Понятно, — Эйлле опустил руку. — Вы свободны.

— Благодарю, сэр. Приятного вам вечера!

Миг — и машина развернулась и с шумом помчалась по территории базы.

— Позволь мне более тщательно разобраться в этом вопросе, — проговорил Яут. — Посмотрим, что удастся выяснить.

Эйлле сверкнул глазами. Глаза у него были черные, словно обсидиан, и в их глубине не было и намека на опасную зелень.

— Это касается людей, и я хочу сам во всем разобраться, — он зашагал было вперед, но вдруг остановился и обернулся. — Как думаешь, они в самом деле настолько дурны, как полагает Каул кринну ава Дэно? Я немного изучил их, и у меня сложилось иное впечатление.

Яут поднял ладонь козырьком, чтобы защитить глаза от солнца.

— Мой опыт показывает, что анализ отчетов — это одно дело, а полевые эксперименты — совсем другое, — проворчал он и, после неуверенной паузы, добавил: — Я слышал, что люди похожи на капризных детенышей, которые недавно появились на свет. Только никогда не взрослеют.

Эйлле зашагал дальше. Старому фрагте ничего не оставалось, кроме как следовать за своим подопечным. Они шли по улице, между унылыми домами-коробками, выкрашенными в один и тот же бледно-зеленый цвет. Мостовая под ногами излучала приятное тепло, воздух наполняли запахи моря. Эйлле наугад свернул сначала в один проулок, затем в другой, касался пальцами стен, ощупывая материал, из которых были сделаны здания, осматривал двери, окна, отделку и даже то, что казалось просто камнями, открытыми неподалеку.

— Они собирают здания по частям, а не отливают, — объявил он наконец. — Видишь эти стыки и соединения? Ужасно непрактично. Уже заметно, что материал начинает разрушаться.

— Вдобавок, они занимают много места, — пробормотал Яут.

— Несомненно. Но, с другой стороны, в густонаселенном мире нужна именно такая архитектура. Люди громоздят эти коробки одну на другую — если верить отчетам, до ста комнат, установленных друг на друга. Ни одна из наших архитектурных конструкций не использует вертикальное пространство столь

эффективно, — Эйлле на миг задумался. — Это урок, Яут. Возможно, нам не следует спешить с выводами. Не все поступки туземцев продиктованы лишь прихотями и капризами.

Яут решил, что ответ не требуется, поэтому просто подождал, пока его подопечный снова продолжит движение, и зашагал следом. Время текло медленно, словно вода в извилистом ручье. В данный момент оба были свободны от служебных обязанностей, и можно было никуда не торопиться.

Они в очередной раз свернули за угол, когда порыв ветра донес возбужденные голоса людей. Уши Эйлле дрогнули, голова повернулась в ту сторону, откуда раздавался звук.

— Ну, давай, счастливая восьмерка! — воскликнул один из туземцев. — Иди к папочке!

Эйлле повернул вниз по улице и протиснулся между двумя уродливыми зданиями. Яут последовал за ним, бормоча что-то неразборчивое.

Трое людей мужского пола, все разного роста, одетые в темно-синюю форму джинау, сидели полукрутом на маленькой площадке, ограниченной тремя небольшими строениями, подобрав под себя ноги, и пристально разглядывали пару крошечных белых кубиков, лежащих на мостовой. Возможно это какое-то обучающее устройство, подумал Яут, подходя ближе.

— Это вы — «папочка»? — обратился Эйлле к ближайшему мужчине — по-английски, так как не хотел упускать случая потренироваться.

Человек поднял голову, отшатнулся и приземлился на копчик. Его челюсть отвисла, темно-карие глаза расширились.

— Какого...

Но вовремя остановился. Секунду спустя он вскочил, вытянулся так, словно хотел стать выше, и его правая ладонь застыла в дюйме от лба. Эйлле разглядывал его с нескрываемым любопытством.

— Если «папочка» не вы, то кто из вас? И зачем вам восьмерка? Почему она счастливая?

— Среди нас нет... «папочки», сэр, — его сосед встал и в точности повторил ту странную последовательность движений. — Это просто такое выражение, сэр.

Этот джинау был ниже остальных, а ворс на голове, который туземцы называли «волосами», отливал медью. Его очень

бледное, мягкое, невыразительное лицо покрывали капельки влаги.

— Понимаю, — Эйлле сложил руки за спиной. — Вы занимаетесь с каким-то тренажером?

Последний из троицы нагнулся, поднял кубики и длинные прямоугольные куски зеленой бумаги. Бумажки он немедленно сунул в карман. Его золотисто-коричневая кожа становилась более светлой у корней желтоватых волос, очень густых и довольно длинных.

Все трое держались скованно, и Яут мгновенно понял, в чем дело.

— Я полагаю, Субкомендант Эйлле, что эти люди практикуют один из запрещенных видов деятельности, о которых говорил главнокомандующий Каул, — он выжидающе посмотрел на солдат. — Я прав?

Рыжеволосый отвел глаза, затем передернул плечами.

— Так точно, сэр.

Эйлле шагнул вперед, его уши встали торчком.

— Это какое-то... искусство?

Первый из них, довольно широкоплечий для человека и с гораздо более темным окрасом кожи, издал странный звук. Точно с ним случился приступ удушья. Тот, кто подобрал зеленые бумажки, бросил на него короткий взгляд, выражающий осуждение — по крайней мере, так показалось Яуту.

— Не считите за неуважение, сэр, — пробормотал человек. — Но это называется «азартные игры».

Эйлле протянул руку, и человек отдал ему кубики.

— В самом деле? — Субкомендант повернул их так, что Яут мог разглядеть загадочные черные кружочки, выдавленные на поверхности. — Но мне сообщили, что в армии это запрещено. Следовательно, вас ожидает наказание, не так ли?

Все трое опустили головы. Яут узнал эту позу по учебным пленкам — простейшую, воспринимаемую всеми людьми позу «огорчение-и-покорность».

Эйлле повертел кубики в ладони, и они щелкнули друг о друга.

— Любопытно. И, несмотря на это, вы все равно нарушаете распоряжения. Поскольку это *контрабанда*... по-моему, это так называется... я конфискую их для дальнейшего изуче-

ния. А сейчас... — он величаво посмотрел на провинившихся, — доложите о совершенном вами нарушении. Фрагта Яут зафиксирует ваши имена и звания, а я побеседую с вами позже, когда буду лучше информирован.

Яут достал свою ком-панель, перевел ее в режим ввода и вопросительно посмотрел на людей.

Прежде чем ответить, рыжий издал странный горловой звук.

— Рядовой первого класса Кертис Рэй Бэрри, сэр.

— Ефрейтор Аллен Роджерс, — сказал черноглазый человек с темной кожей.

Третий был среднего роста, но более осанистым, чем двое других, худошавый, но на вид очень крепкий. Он встретил взгляд Яута не дрогнув, словно сам был джао. Да и в его позе чувствовалась свирепость настоящего джао, и впечатление усиливал ярко-зеленый цвет глаз.

— Рядовой первого класса Гейб Талли.

Яут отключил панель.

— Готово.

Больше здесь делать было нечего. Эйлле повернулся и зашагал прочь, Яут покачал головой и последовал за ним. Едва завернув за угол, они снова услышали голоса нарушителей:

— Черт побери! Кто это был?

— Понятия не имею. Но ты видел его физиономию? В жизни не встречал «пушистиков» с такой раскраской. Прямо разбойник с большой дороги в черной маске.

— Придурки! — Эйлле и его фрагта шагали прочь, и звуки становились все тише. — Вы что, не слышали, как второй его назвал? *Субкомендант*. Мы только что имели честь разговаривать с нашим новым командиром, который явился на смену старушке Пинб. Вот угораздило. Он не...

После этого Яут мог уловить лишь неразборчивое бормотание. Эйлле вновь погрузился в размышления. Они возвращались тем же путем, каким пришли. Ноздри щекотал запах соли, глаза слепило солнце. Глядя в спину своего подопечного, Яут подумал, что на этой планете ему так и придется ходить сзади.

Сегодня они уже ели, поэтому Эйлле отказался от пищи, которую вечером доставили ему в комнату. Он предпочел

посидеть на скамейке, глядя на звезды и пытаясь отыскать известные звездные скопления с непривычной точки обзора. Земля находилась гораздо ближе к территории, захваченной Экхат, чем его родная система Нир, и между ними не было ни одного аванпоста джао.

«Если Экхат и в самом деле сюда доберется, — подумал Эйлле, — Земля будет не в состоянии оказать сколько-нибудь значительное сопротивление.» Завоевание было завершено, флот джао отправился куда-то в другое место. Здесь же осталась лишь небольшая флотилия и наземные подразделения — достаточно для поддержания порядка в системе.

С наветренной стороны во мраке мерцали огни порта. Работы по его переоборудованию продолжались даже ночью, и среди конструкций то и дело фонтанами рассыпались искры. С другой стороны базы по подъездным дорогам, громко гудя, сновали машины. Неподалеку проходили учения рот джинау с использованием приборов ночного видения. База выглядела гораздо более оживленной, чем в разгаре дня, и Эйлле испытывал искушение посмотреть на все это поближе.

Силовое поле, закрывающее дверь, было отключено, и он видел Юта, который сидел перед терминалом информационного центра и изучал архивы базы.

Эйлле отпустил поток времени, пока флага не вышел наружу и не встал позади, тактично сохраняя молчание.

— Ну как? — осведомился Субкомендант.

— Я обнаружил упоминания об *азартных играх*, а также об играх *на деньги и на интерес*, — Яут запрокинул голову и повернул свое покрытое шрамами лицо к звездам. — Они часто становились причиной беспорядков. Первоначально они попали в список видов деятельности, приводящих к непродуктивному проведению времени, но оказалось, что именно эти занятия очень дороги людям. Принуждение не дало результатов, поэтому запрет было решено снять. Единственным местом, где он остался в силе, стала армия — откровенно говоря, мне это кажется нелогичным. Впрочем, чего ожидать от Дэно, — он фыркнул. — Они всегда стараются выглядеть могущественнее самих Нарво.

Мимо, ритмично топая, прошел взвод джинау.

— А что из себя представляют эти азартные игры? — спросил Эйлле.

— Для меня это до сих пор остается загадкой. Возможно, в них есть некая религиозная составляющая, хотя я ничего подобного не заметил. Если это так, то запрет Дэно выглядит еще более абсурдным. Вмешательство в обычаи и суеверия подданных никогда не окупается, если они и так готовы подчиняться, — старый воин был не на шутку озадачен. — По всей видимости, это какой-то ритуал, связанный с отказом от различного количества материальных ценностей, но я даже представить себе не могу, что именно они получают взамен. Больше всего похоже на то, что они таким образом демонстрируют силу случайности.

— Однако это доставляет им удовольствие. Иначе они не стали бы рисковать... — Эйлле устремил взгляд на черную равнину моря, которая простиралась до самого горизонта, осененная светом звезд. Порывы ночного бриза наполняли воздух соленой водяной пылью, которая оседала на лицо. — Все это странно.

— Люди — вообще странные существа, — откликнулся Яут. — Мы можем никогда не понять их до конца. Не исключено, что практичнее будет научить их понимать нас.

— Нет, не годится, — Эйлле помолчал, вслушиваясь в ночные шорохи. — Это метод Нарво. Согласен, очень эффективный. Но здесь его применяют вот уже двадцать лет, — и как мне сообщили перед отлетом эксперты коченаты, безрезультатно. Земля не похожа ни на один из миров, которые мы завоевали. Немыслимо высокая численность населения, впечатляющий уровень развития промышленности и технологий... Такой богатой истории нет ни у одной расы из тех, что нам покорились: большинство из них — просто дикари, которые едва успели освоить выплавку металлов. Культура людей — это комплексное образование, которое формировалось веками. Во многом она даже сложнее нашей.

Он запнулся, пытаясь как можно точнее выразить мысли, которые давно не давали ему покоя. Экспертам коченаты легко удалось выявить недостатки подхода Нарво, но сами они были далеки от того, чтобы предложить собственный путь решения проблемы, и признавали это. В конечном итоге было решено прибегнуть к проверенному временем методу великих коченов джао: выбрать наиболее многообещающего от-

прыска, направить его — или ее — на Землю и поручить самостоятельно разобраться с ситуацией.

— До сих пор ни на одной планете завоевание не требовало столько сил, — продолжал Эйлле, — и столько времени. Согласно всем рапортам, туземцы сражались как звери, загнанные в угол. Порой они проявляли достойное мужество и боевую ярость. Чтобы управлять ими эффективно, мне придется использовать их умение и силу. Устанавливая взаимодействие, Плутрак всегда действовал иными методами, чем Нарво. Но для этого нам нужно больше знать. Я должен понимать людей, понимать по-настоящему.

Покрытое шрамами лицо Яута оставалось бесстрастным.

— Я посмотрю, что можно предпринять.

— Что ты имеешь в виду?

— С твоего позволения, пока не скажу. Но хороший фрагт всегда должен быть на высоте. Я что-нибудь придумаю.

Хотя Яут недавно стал фрагтой Эйлле, молодой офицер уже хорошо знал его привычки. Наседать на него не стоило. Отпрыски кочена Джитра были известны тем, что не открывали рта понапрасну — а порой от них было просто слова не дожидаться. И Яут не произнесет ни слова, пока не решит, что для этого настало время. Но так и должно быть. В отношениях между фрагтой и его подопечным не всегда соблюдается субординация, иначе фрагта не был бы фрагтой.

Эйлле поднялся и потянулся, хрустнув суставами.

— Что у нас планируется на завтра?

— Согласно расписанию, нам надлежит посетить завод по реконструкции, — сказал Яут. — Там ты начнешь знакомство с оборонным потенциалом планеты. Губернатор Оптак хочет, чтобы ты составил четкое представление об этой сфере, прежде чем примешь командование.

— Отлично.

— И еще кое-что, — неуверенно произнес фрагта.

— Да?

— Согласно последним сообщениям, сегодня на базе, вскоре после нашего прибытия, произошли беспорядки. Какая-то стычка между воинами джао и джинау. Двое людей были убиты на месте, один джао тяжело ранен. Позже главноко-

мандующий Каул приказал усмирить пятерых джинау, которые были в этом замешаны.

— В рапорте указана причина стычки?

— Оскорбление. Какого рода — не уточнялось.

Бессмыслица, озабоченно подумал Эйлле. Строгость наказания несоизмерима с тяжестью проступка. Офицеры-джао могли бы сообразить. И зачем «усмирять» сразу пятерых? Если разобраться, столкновения между завоевателями и туземцами — не такая уж редкость. Они случались и на других планетах. Даже если прибегать к «усмирению» действительно пришлось, достаточно наказать одного, в крайнем случае, двоих наиболее активных участников ссоры, чтобы заставить остальных одуматься. Мертвый солдат бесполезен, он не сможет сражаться, если Экхат атакует. К тому же данные, которые изучил Эйлле, позволяли сделать вполне однозначный вывод: любое наказание вызывает у людей гнев и возмущение, даже если оно справедливо.

Неподалеку остановился фургон, из его кузова высадилась рота солдат-джинау, увешанных всевозможным снаряжением, вид которого был Эйлле незнаком.

— Я пойду на берег понаблюдать за учениями, — сказал он.

Яут включил силовое поле и поспешил пройти вперед, как и подобает фрагте — раз уж представилась возможность.

Глава 4

Гейб Талли тайком пробирался сквозь ночь — жаркую и душную, как обычно в штате Миссисипи. Он «пас» нового Субкоменданта с тех пор, как тот вышел из своей квартиры. Этот Эйлле ава Плутрак оказался ходячей загадкой. Обычно «пушистики», или «морские скотики» не опускаются до того, чтобы общаться с туземцами, тем паче вникать в их обычаи. И уж во всяком случае, ни одному джао не придет в голову просто *прогуляться*. У них нет такого понятия, как «досуг». Если джао отправился на прогулку, он непременно делает это с какой-то целью — например, собирается искупаться.

Талли был готов поспорить на сотню новых баксов, что сегодняшнее происшествие не было случайностью. Можно не

сомневаться: проклятые джао все подстроили. Возможно, они каким-то образом пронюхали, что он связан с Сопротивлением. Тогда получается, что они нарочно подловили его во время игры в кости. Когда твоя голова чем-то занята, ты уже не следишь за языком и с определенной вероятностью можешь проболтаться.

Что же касается его собственной головы, то она начинала понемногу гудеть и перегреваться.

Для начала, Эйлле кринну ава Плутрак молод — едва ли не самый молодой из офицеров-джао, которые последнее время служили на базе. Судя по всему, он только что закончил обучение, однако, получил столь высокий пост. Правда, префикс «ава» указывает, что юноша происходит из внутренних кругов одного из Изначальных коченов — если только он, Талли, ничего не перепутал. Эти Изначальные кочены играли весьма значительную роль в жизни джао, но в чем именно она состояла, Сопротивление еще не успело выяснить. Как бы то ни было, у местного командования было достаточно причин, чтобы стелиться перед этим юнцом. Квартира, водитель, первый ужин... Стоп. Для джао это весьма необычно: обычно они выставляют себя яркими поборниками равноправия, гордятся тем, что не дают никому никаких привилегий, и пихают слово «сотрудничество» куда только можно.

Кстати, вот почему главнокомандующий Каул устроил эту полуденную расправу. У него просто сдали нервы. Это не лезло ни в какие ворота: казнить пять человек из-за какой-то потасовки! Нет, безусловно, «потасовка» — мягко сказано. Но ни одному нормальному человеку и в голову бы не пришло приговаривать виновных к смертной казни! И нормальному джао тоже.

Талли замер и вжался в стену. За углом послышались шаги, больше похожие на шорох, а потом показалась группа офицеров-джао. Однако Плутрака в черной маске среди них не оказалось. Талли стоял не дыша. Слух у джао, как у кошек... хотя в остальном они больше напоминают морских котиков.

Когда Талли рискнул заглянуть за угол, Субкомендант уже исчез. Теперь придется снова его выслеживать... Искушение начистить физиономию Дэно было велико, но подобный самосуд приведет к новым жертвам среди людей, а этого за последние дни и так хватило. Джао были скоры на расправу, а лучшим наказанием считали смерть. Кроме того, если ви-

новного не найдут, репрессиям подвергнутся гражданские. Вероятно, «пушистики» считают, что учиться на собственных ошибках — слишком большая роскошь для покоренного населения. Их позиция проста: убей виновного, а остальные извлекут из этого урок.

Талли задумался. Если, скажем, произойдет несчастный случай, который не имеет к людям никакого отношения... Конечно, сам Каул достаточно умен, и с ним этот номер не пройдет. А вот его новый заместитель, похоже, не столь осторожен. Можно попробовать. Догнать его и устроить какой-нибудь приятный сюрприз. Само собой, придется полагаться исключительно на хитрость. Схватиться врукопашную с джао, тем более крупным и молодым... Проще сказать, чем сделать.

После некоторого размышления Талли решил вообще отказаться от этой затеи. Даже если не принимать в расчет всевозможные трудности... В конце концов, его направили сюда для сбора информации, а не для того, чтобы с риском для жизни попытаться убрать офицера-джао. Он уже многого достиг. Теперь надо закончить дело, а потом незаметно испариться и вернуться в горы с докладом. На этой базе уровень недовольства среди рабочих и солдат высок, поскольку местное командование свирепствует. Соответственно, желание активно сотрудничать с Сопротивлением будет выше, чем у рабочих и солдат на большинстве военных объектов.

Поиск сотрудничества, которое Сопротивлению так необходимо — вынужденная мера. Агенты Сопротивления предпочли бы найти соратников, а не сотрудников. С тех пор, как Земля была захвачена, прошло двадцать лет, и ситуация была скверной — Талли это знал. Сопротивлению необходимо заручиться поддержкой населения на оккупированной территории, пока люди еще помнят, что когда-то они были хозяевами этого мира. С каждым годом эти воспоминания слабеют. Если не изменить положение сейчас, через несколько лет завоеватели прочно осадут здесь, и человечество уже никогда не сможет вернуть свою планету.

Талли скривился. Само движение расколота на множество группировок, которые время от времени начинают выяснять отношения, а это не способствует успеху общего дела. Почти всю свою жизнь он скрывался в Скалистых горах, вместе с

подразделениями Сопrotивления под командованием Роба Уайли. Люди Уайли были хорошо организованы, дисциплинированы и пользовались поддержкой местного населения. Но когда Талли добровольно вступил в одно из подразделений, которые инопланетяне называли «джинау», чтобы собирать разведанные для Сопrotивления, он был потрясен. Население на оккупированных территориях нередко относилось к Сопrotивлению с откровенной враждебностью. Отчасти из-за того, что в ответ на акции движения джао подвергали наказанию ни в чем не повинных людей. Но была и другая причина — главная: им уже случалось иметь дело с людьми из Сопrotивления, и этот опыт был не слишком приятным.

«Неприятный» — мягко сказано. Не все группировки руководствовались столь благородными целями, как та, в которой оказался Талли. Некоторые представляли собой самые обычные банды, если называть вещи своими именами. И занимались они не борьбой с захватчиками, а грабежом и вымогательством.

А теперь этот новый Субкомендант... Зачем ему потребовались кубики для игры в кости? И почему ни сам Талли, ни его приятели до сих пор не понесли наказания? *«Доложите о совершенном вами нарушении»*... Каул обошелся бы без всяких докладов. У него с нарушителями разговор короткий: казнить, или, как выражаются джао, «усмирить» — тем более, учитывая его нынешнее настроение. Даже за такую мелкую провинность, как игра в кости на территории базы. И дело даже не в игре в кости. Просто джао помешаны на рациональном использовании времени. По их мнению, азартные игры — пустая трата времени, поскольку самим джао от них никакого проку. При этом ничего не производится и не развиваются никакие навыки, которые пригодятся будущим солдатам. А значит, они просто отвлекают от дела, равно как и альпинизм, скачки, декоративное садоводство, изящные искусства... список можно было продолжать до бесконечности. Гражданским еще дозволяются кое-какие развлечения — при условии, что на это не уходит основная часть их времени и средств. Потому что все, что представляет ценность, теперь принадлежит джао. В том числе и время.

Талли вспомнил об одном происшествии пятнадцатилетней давности, в котором джао четко обозначили свою позицию.

Пятнадцать лет назад состоялась последняя экспедиция на Эверест — вопреки указу Губернатора Земли, который наложил на эту акцию запрет, объявив ее бесцельной тратой сил и средств.

Через тридцать минут после начала заключительного этапа восхождения вершина горы — несколько сотен метров — была превращена в пыль. Джао действовали старым проверенным способом: сбросили на вершину Эвереста болид наподобие тех, какими были уничтожены Чикаго и Нью-Орлеан. Бедняги-альпинисты, скорее всего, даже не поняли, что произошло. Зато это хорошо поняла остальная часть человечества. И сделала выводы. Методы джао всегда отличались простотой — так, чтобы дошло даже до самых тупых.

Талли обогнул последний из жилых блоков, где были расквартированы джао. Ничто не указывало на присутствие Плутрака, зато впереди показался краешек посадочной площадки — до побережья было совсем недалеко. И кораблик, на котором, по-видимому, прибыл Эйлле кринну ава Плутрак, все еще стоял здесь. Странно: обычно корабли надолго не задерживаются. Может быть, это личный транспорт Субкоменданта?

Корабль купался в лучах голубого света. Тонкий, словно игла, он был, наверно, куда более маневренным, чем любой из космических кораблей джао, которые Талли доводилось видеть. По спине пробежали мурашки. Если этот кораблик не единственный, Спротивлению придется нелегко. В какой-то степени безопасность лагеря в Скалистых горах обеспечивается тем, что переброска туда подразделений джао до сих пор находили слишком хлопотным делом.

Нет, это вряд ли. Став джинау, он понял еще одну вещь — очень досадную: джао не воспринимали Спротивление всерьез. Разумеется, на любую акцию они реагировали без промедления и с присущей им жестокостью. Но снарядить экспедицию, чтобы выяснить местонахождение штаба повстанцев... пока движение не напоминало о себе в очередной раз, об этом даже не заходило речи. Так что вряд ли «пушистики» вызовут на Землю корабли, специально оборудованные для борьбы с мятежниками. И этот красавец на посадочной площадке, скорее всего, предназначен для чего-то другого.

Возможно, дело в этой таинственной войне с Экхат. Для оправдания своих зверств джао рассказывали о каких-то ужас-

ных созданиях, которые обитают где-то в космосе и только ждут момента, чтобы напасть на Землю. Если верить джао, самыми жестокими среди них были Экхат, по сравнению с которыми сами джао показались бы милосердными, как ангелы. Они уничтожают всех без разбора... и поэтому нужна готовность, готовность и еще раз готовность. Большинство людей — включая тех, кто добровольно соглашался сотрудничать с джао, — считало эти предсказания обычным пропагандистским трюком.

Раньше Талли тоже так думал. Но сейчас у него появились сомнения. За последние месяцы он много узнал о джао — гораздо больше, чем он мог узнать, наблюдая за ними издалека. Насколько Талли мог судить, джао не чувствовали за собой абсолютно никакой вины за свои поступки. Такого понятия, как стыд, у них просто не существовало. Они поступали так, как считали нужным, чтобы держать ситуацию под контролем, и не искали для этого никаких оправданий. Зачем тогда понадобилась вся эта тщательно построенная пропагандистская программа? Просто для того, чтобы направить гнев людей в другое русло? Но джао предпочитали более доступные методы внушения: делайте, что говорят, или умрете.

Талли изнывал от желания подойти поближе, чтобы разузнать побольше. С этими мыслями он незаметно пересек бетонированную площадку. А вот эти лучи — наверняка какое-то охранное устройство. Заденет тебя такой лучик, и останется от тебя головешка. И все же...

— Очень хорошая работа, правда?

Судя по акценту, «пушистик». Талли застыл, как вкопанный. Порыв ветра запорошил ему песком глаза, но он не осмелился пошевелиться. Потом медленно, очень медленно повернулся. Сердце колотилось, как кузнечный молот.

Джао, который стоял перед ним, напоминал бандита в черной полумаске.

Это был Эйлле кринну ава Плутрак собственной персоной.

Эйлле наблюдал за человеком, пытаясь оценить его реакцию. Джинау был невысок ростом и казался хрупким — по меркам джао. Но пожалуй, это все-таки мужская особь. Он

обеспокоен? Или даже встревожен? До сих Эйлле не предполагал, что человеческие лица настолько подвижны — в докладах об этом не упоминалось. Когда привыкаешь к отсутствию вибрис и крошечным неподвижным ушам, начинаешь замечать, что выражения эмоций сменяют друг друга на этом лице, как волны в море.

Рядом, настороженный, с непроницаемым видом, уже стоял Яут, его рука сжимала оружие.

— Зона запрета! — произнес он, с трудом выговаривая английские слова. — Что ты делаешь здесь?

Человек повернул голову и посмотрел на посадочную площадку, окаймленную полосой красных огней, на голубые статические лучи, защищающие челнок Плутрака. Потом тряхнул головой.

— Как справедливо предположил Субкомендант, я любовался кораблем.

— Вы пилот? — спросил Эйлле, наострив уши.

— Нет, сэр, — ответил человек. — Но я надеюсь, что когда-нибудь мне будет позволено поработать с двигателями джао, — человек едва заметно вздохнул. — Мне интересно узнать, как они устроены.

Его любопытство объяснимо, подумал Эйлле. Но он находится здесь посреди ночи, и это подозрительно. Или людям разрешено бродить где угодно, невзирая на инструкции?

— Вы... мужского пола?

— Так точно, сэр, — джинау бросил короткий взгляд в сторону Яута, который возвышался между ним и Эйлле подобно щиту.

— У джао техники — обычно женские особи. Они больше... — Эйлле запнулся, подыскивая в своем новоприобретенном лексиконе подходящее слово. — ...располагаются к такой работе.

Он разглядывал рубашку человека, пытаясь при тусклом свете разобрать незнакомые значки, выгравированные на небольшой табличке на его груди.

— Вы не один из игроков, которых я задержал ранее сегодня?

Человек подобрался.

— Должно быть, вы ошиблись, сэр.

Однако Эйлле чувствовал, что не ошибся. Худощавый, хотя кажется очень сильным для человека. И форма лица, и манера поведения выглядели знакомыми. А значки на нагрудной табличке — «буквы»? И у ворса... то есть волос... тот же желтоватый оттенок...

Эйлле повернулся к своему фрагте.

— Проверь по записи, — сказал он на родном языке. — Посмотри, кажется, он один из тех троих...

— Не нужно беспокоиться, — перебил человек, тоже на джао. — Я представляю себя на ваш суд.

Яут сделал вид, что ничего не слышал.

— Гейб... Талли, — прочел он. — Рядовой первого класса.

— Ты заинтересовал меня, рядовой Гейб Талли, — Эйлле решил пока не переходить на английский. — Разве тебе не известно, что на базе за вторжение в запретную зону полагается наказание?

Талли сделал глубокий вдох и сложил руки за спиной.

— Да, сэр. Оно может быть очень... суровым.

— Ты знаешь, что тебя могут подвергнуть усмирению, если так решит Главнокомандующий. Или если я сочту нужным. И все же приходишь сюда. Зачем?

— Я хотел получше рассмотреть корабль, сэр.

Эйлле попытался вникнуть в содержание этой фразы.

— Но это бессмысленно! Неужели все люди настолько глупы?

Человек ничего не ответил. Он стоял в той же странной напряженной позе, пока Эйлле обходил его кругом. Морской ветерок шевелил его причудливо окрашенные волосы.

— Ты проходишь обучение и получаешь навыки воина?

Короткий кивок головой. Это движение Эйлле наблюдал сегодня не один раз. Оно означало согласие.

— Твой проступок очень серьезен. Если ты вынудишь наказать тебя, ты лишишься всех своих способностей. Быть может, навсегда.

Вновь кивок.

Что-то шевельнулось в мозгу Эйлле, в самой глубине подсознания, пока еще неоформленное и не способное выйти наружу. Быть может, этот вид склонен к самоистреблению? И это причина столь противоестественного упорства?

Внезапно решение пришло. Возможно, такое же странное, как и сама ситуация.

— В таком случае, я не допущу, чтобы ты заставил меня действовать спонтанно, — объявил Эйлле. — Отныне ты поступаешь в мое личное распоряжение.

Яут посмотрел на своего подопечного. Наклон его ушей выражал озабоченность.

Человек замотал головой. Кажется, так люди делают, когда сбиты с толку, дезориентированы и, как следствие, напуганы.

— Мой фрагта проводит тебя в казармы, чтобы ты собрал вещи, — продолжал Эйлле, надеясь, что объяснения успокоят рядового Талли, — а затем ты вернешься и будешь ожидать дальнейших распоряжений. Его зовут Яут кринну Джитра вау Плутрак, но ты, разумеется, сможешь обращаться к нему по имени только с его разрешения, которое получишь не скоро, если вообще получишь. Ты убедишься, что он очень строгий инструктор.

— Я не понимаю! — выпалил Талли.

Судя по выражению лица Яута, фрагта тоже ничего не понимал. На самом Эйлле и сам не смог бы объяснить, что именно заставило его поступить именно так. Но одно он знал точно: можно просто отдать приказ о подавлении этого человека, но тогда будет упущена некая возможность, которая вряд ли когда-нибудь представится. Может быть, возможность изучить натуру этой расы?

Да, он будет прилежно изучать этого Гейба Талли. И тогда, может быть, та мысль всплывет на поверхность сознания, и он поймет, что здесь общего. Азартные игры, его корабль, убийство людей, оскорбления в адрес джао, неоправданный риск...

Это может принести огромную пользу. Нужно только понять, что объединяет эти загадочные явления. И он будет держать этого человека при себе, пока не получит ответ на свой вопрос.

Талли свернулся калачиком на ковре и собрался спать. Жилые блоки джао были неплохо обставлены, и для него наверняка нашлась бы какая-нибудь лежанка. Однако этому плюшевому чурбану Яуту даже в голову не пришло проявить такого рода гостеприимство, а сам Талли просить не стал.

Он убеждал себя, что просто вовремя не сообразил — ситуация была слишком неординарной. По большому счету, Талли не мог до конца поверить, что все еще жив. Но главная причина состояла в другом. Он просто-напросто боялся Яута. Нет, этот джао был далеко не самым крупным из своих соплеменников и — Талли был более чем уверен, — довольно стар. Но в его движениях сквозила хорошо сдерживаемая ярость — весьма устрашающее зрелище. Ко всему прочему, Талли не вполне понимал, кто такой «фрагта».

Что ему было известно? Фрагты есть только у самых влиятельных джао. Фрагта — этакий гибрид личного советника, специалиста по этикету и наемного убийцы. Роб Уайли как-то сравнивал их со средневековыми японскими самураями на службе у сегуна. Все познания Талли в области истории ограничивались историей Соединенных Штатов, но ему как-то довелось посмотреть несколько старых фильмов с Мифунэ Тоширо. И он понял, кого ему напоминает Яут: Йоджимбо, пребывающий в скверном настроении¹.

Вж-ж-жик... и голова с плеч.

Поэтому он лежал на ковре, стараясь не шевелиться, пока Яут скармливал данные информационному терминалу. Наконец, фрагта поднялся, одарил Талли сердитым взглядом и скрылся в соседней комнате. Тогда Талли осмелился перевернуться на спину. Он лежал, подложив руки под голову, и смотрел в потолок, смутно белеющий в призрачном свете звезд, который проникал из единственного окошка.

Должно быть, этот чертов Субкомендант подозревает о его связях с Соппротивлением. Только так можно объяснить его странные поступки. Чтобы человек попался с поличным дважды за день, и офицер-джао не воспользовался возможностью его наказать? Причем второй проступок сам по себе за-

¹ Речь идет о фильме Акиро Куросавы «Йоджимбо» (в советском кинопрокате — «Телохранитель», 1961 г.) с Мифунэ Тоширо в главной роли. Самурай (Мифунэ), пришедший неизвестно откуда и отказавшийся назвать свое имя, сражается между собой два бандитских клана, которые терроризируют провинциальный городок, а затем уничтожает тех, кто остался в живых после этой резни. «Теперь ваш город сможет жить в мире», — говорит самурай и уходит, так и не назвавшись. (Прим. ред.)

служивал казни. Проникновение в запретную зону — это по-серьезней, чем азартные игры.

Чушь какая-то. Джао никогда не дают человеку шанса провиниться дважды. По крайней мере, Талли о таком слышать не доводилось. Чтобы отойти от этого правила, у Субкоменданта должна быть какая-то очень веская причина. Черт возьми... Уноси-ка ноги с этой треклятой базы, Гейб Талли, пока из тебя не сделали источник информации.

Легко сказать... Даже если не брать в расчет Яута, путь к свободе преграждает внушительная входная дверь с силовым полем, а этот красный огонек указывает, что поле активировано. Вскрыть замок относительно просто, но у него в карманах нет ни одного приспособления, при помощи которого можно было бы «обмануть» сигнализацию. Значит, придется подождать до завтра. А там, может статься, представится случай сбежать.

А пока... Он прислушался к звукам, которые доносились из соседней комнаты. Дверь была открыта, и Талли слышал сонное дыхание. В человеческом понимании, джао не спали, а скорее впадали в дремоту. Талли еще ни разу не видел, как джао спят. Те скудные сведения об их анатомии и физиологии, которые Сопротивлению удалось собрать, были добыты посредством вскрытия тел, доставленных с мест сражений. По большей части джао были сильнее людей и, судя по некоторым признакам, происходили от каких-то морских животных. Их костяк был массивнее, чем у человека; хотя они уступали людям в скорости реакции, драться с джао врукопашную — все равно, что с гориллой. Особенно если «пушистик» серьезно настроен... или если у него день не задался.

Но это все внешнее. Сейчас важнее другое: что происходит в этой лопоухой плюшевой башке? Как они мыслят? Что ими движет, помимо стремления к власти и захвату ресурсов? Что представляется им разумным? И самое главное: что может заставить их решить, что люди слишком упрямы, и потому выгоднее оставить их в покое? Двадцать лет, двадцать лет люди пытаются понять, что представляют собой твари, захватившие их мир, но пока не слишком преуспели.

Ладно, кажется, старина Яут решил вздремнуть... Талли осторожно поднялся и, стараясь двигаться бесшумно, подо-

шел к экрану терминала, вделанному в стену. Яут оставил устройство включенным... а может быть, возможность отключения просто конструктивно не предусмотрена. По экрану, точно осенние листья по реке, плыли какие-то разноцветные значки. Мимо. Если бы только разобраться в этой тайнописи! Каждый из них был ключом к бесценной информации. Но джао никогда не позволяли джинау — таким, как Талли, — получить доступ к своим технологиям. У него было примерно столько же шансов взломать терминал, сколько у обезьяны сделать себе домашнюю страничку в интернете.

Талли вернулся на свой коврик и стал взвешивать варианты. Собственно, взвешивать оказалось нечего: вариантов — кот наплакал, к тому же один другого хуже. Куда проще поддаться искушению и задержаться на базе, чтобы разузнать что-нибудь еще...

Нет. Слишком велик риск: чего доброго, Субкоменданту захочется самому вытянуть из него информацию. Например, с помощью пыток... или каким-нибудь иным способом. О том, используют ли джао пытки, достоверных сведений не было. Судя по всему, они предпочитали все делать быстро и эффективно, в том числе и убивать.

Тем не менее, Талли решил сбежать при первой же возможности.

Глава 5

На следующее утро, когда Эйлле проснулся, существо еще дремало.

Он разглядывал неподвижное тело, распростертое прямо на полу. В первый момент могло показаться, что человеку свернули шею. Эйлле повел плечами. В голове, точно рой насекомых, гудели бесчисленные синтаксические и грамматические конструкции и лексические единицы, «запечатленные» в сознании лингвистической программой — теперь они с Яутом проходили сеансы во время каждого периода дремоты. Обычно новые сведения «укладывались» в голове, но на этот раз примерно половина информации беспорядочно носилась в мозгу, подобно сухим листьям на ветру. Неудивительно: эту бессмыслицу было

невозможно к чему-либо привязать! Впрочем, остальная часть тоже приводила в легкое замешательство. Однако для того, чтобы действительно справиться со своими обязанностями, необходимо свободно владеть хотя бы одним из человеческих языков. Легкое чувство дезориентации, возникающее в процессе усвоения информации, считалось нормальным явлением.

Рассветы здесь окрашивали мир насыщенными багровыми красками. Из-за горизонта поднимался огромный алый диск солнца, его лучи, пробиваясь сквозь полосы облаков, превращали их в оранжевые ленты. Эйлле перешагнул через спящего. Удивительно, почему Яут, обычно такой обязательный, не устроил существу подходящего лежбища? Затем Эйлле отключил сигнализацию и силовое поле. В лицо пахнуло влажным теплом, и он с наслаждением вдохнул терпкий воздух океана.

Во время инструктажа его предупреждали, что в местных водах водятся хищники — правда, не такие крупные, как на родной планете, да и попадают они крайне редко. Море не представляло серьезной опасности даже для людей, которые были гораздо хуже приспособлены к воде, чем джао. Предоставив Яуту следить за новым подчиненным, Эйлле потрусил к морю.

Вода была чуть менее плотной, чем в морях Мэрит Эн, но прохладной. Волны мягко перекатывались, вызывая приятное ощущение привычной среды. Эйлле нырнул и поплыл, разминая мышцы, а когда солнце поднялось повыше, выбрался на берег. Пушок, покрывающий его тело, намок, стал гладким и блестящим.

Яут встретил Эйлле перед входом в квартиру. Человек скорчился у ног фрагты. Тот сжимал кулаки, уши дрожали от ярости, которую он был не в силах сдерживать.

— Оно пыталось сбежать! — сообщил Яут, гневно топорща вибрисы.

— Он, — поправил Эйлле. — Прошлой ночью этот человек признал свою принадлежность к мужскому полу.

— Оно не будет ни мужского, ни женского, ни любого другого пола, если попытается сбежать еще раз! Потому что я переломлю ему кости в мелкую крошку!

Человек сидел на бетоне, обхватив руками согнутые колени и глядя прямо перед собой, словно рядом не было ни Эйлле, ни Яута. Прошлой ночью он хотя бы на словах выра-

жал готовность подчиниться любому решению своего нового командира, однако не дрогнул перед угрозой смерти и... На его физиономии расплывалось огромное фиолетовое пятно. Эйлле понял, что снова сторает от любопытства. Отряхнувшись получше, Субкомендант пошел внутрь.

— Пусть... он войдет, — бросил он, не оборачиваясь.

В следующий момент человек с глухим стуком приземлился посреди комнаты. Эйлле сдержал вздох. Его фрагга становится несдержанным, когда чем-то возмущен. Нужно будет иметь это в виду.

— Попытка дезертировать! — Яут включил поле и принялся расхаживать по комнате, его глаза позеленели от злости. Человек на полу приподнялся и принял прежнюю позу, хотя взгляд его теперь стал несколько оцепенелым. — Я бы давно усмирил его и избавил тебя от беспокойства, но формально он находится в твоём подчинении, а значит, на это требуется твое разрешение!

Эйлле повернулся и безмятежно взглянул на своего фраггу, потом взял щетку и стал приводить в порядок еще влажный ворс.

— Думаю, он просто дурно воспитан. Я не сомневаюсь, у тебя получится лучше.

Яут настороженно шевельнул ушами.

— Ты хочешь воспитывать его вместо того, чтобы усмирить?

— Он хотел сбежать, — повторил Эйлле и отложил щетку, краем глаза следя за человеком. — Возможно, это означает, что ему есть что скрывать? Я желал бы знать: что для него важнее, чем нарушение обычаев или практическая выгода. Помни, что мертвые не раскрывают своих секретов.

— Разумеется, я займусь его воспитанием, если таково твоё желание.

Однако шея фрагги выражала стойкое неодобрение.

— И выясни все про его прошлое, — добавил Эйлле. — Я хочу знать, откуда он родом, а также о его связях и знакомствах.

Яут взял свою ком-панель.

— Я пошлю запрос на просмотр отчетов. Пока же рекомендую поселить его отдельно. Ему не подходит делить кров с цивилизованными существами. Только подумать, пытаться сбежать со службы!

Человек украдкой покосился на него, а затем снова отвернулся. Однако когда Эйлле потянулся и поднял свою перевязь и встряхнул ее, металлические заклепки лязгнули, и человек вздрогнул от неожиданности. Эйлле одевался молча, очевидно, размышляя над советом Яута.

— Нет, — наконец ответил он. — Можешь связать его, если это необходимо для нашей безопасности, но он должен находиться рядом. Эти существа выглядят слабыми, но они сдерживали наше наступление дольше, чем любая другая раса, с которой нам приходилось сталкиваться. И ни их численность, ни совершенство техники здесь ни при чем. Я хочу понять, как им это удалось, и мне кажется, что этот экземпляр поможет мне это выяснить. По крайней мере, выяснить хотя бы что-то.

Яут пристально посмотрел на человека.

— И говори с ним по-человечески, — добавил Эйлле, продолжая одеваться. — Понимать язык другой расы — значит понимать их психологию. Мне это тоже необходимо, раз мне предстоит командовать людьми, а я должен делать это наилучшим образом.

Человек посмотрел на него так же пристально, как и при первой их встрече, а потом поправил:

— Этот язык называется «английский».

По приказу Эйлле Яут принес от раздаточного автомата еду и предложил человеку, но тот отказался. Либо он не был голоден, либо пища джао его чем-то не устраивала. Эйлле решил, что непременно решит эту проблему, только чуть позже.

Сейчас же нужно явиться на завод по реконструкции. Эйлле тоже решил воздержаться от пищи. Он позволил Яуту внести последние штрихи в свою экипировку, как следует оправив форменные штаны, завязки и церемониальную накидку через плечо с наветренной стороны. Первое впечатление — самое важное, как вчера отметил Яут. Если ты первый, будь лучшим. Откровенно говоря, отпрыски кочена Плутрак гордились тем, что всегда соответствовали этому правилу.

Тем временем подали машину — почти такую же, как вчера: человеческую, но оборудованную магнитной подвеской джао. Человек резво выскочил из кабины и постучал в открытую

дверь, хотя Яут стоял рядом. Затем четким движением вскинул руку ко лбу. Эйлле уже начал привыкать к этому зрелищу.

— Рядовой Эндрю Дэнверс по вашему приказанию прибыл, сэр.

— Эн-дрю Дэн-верс, — повторил Эйлле, с усилием складывая из слогов слова. Похоже, придется поупражняться. — Вы говорите на джао?

Солдат замялся, затем ответил по-английски:

— Немного, сэр. Если вас не беспокоит, что я коверкаю слова...

Талли поднялся и подошел к выходу.

— Я могу переводить, если нужно, — произнес он на джао.

Сегодня его акцент стал куда менее заметным, да и фразу он построил правильно. И все это всего за одну ночь! Похоже, подозрения Эйлле подтверждались. Этот человек был не тем, чем казался на первый взгляд, и что-то скрывал. Что-то очень важное.

Яут снова устремил на Талли свирепый взгляд. Еще немного — и его ффрагта усмирит этого человека, а разрешение получит задним числом. Попытка дезертировать после того, как командующий лично призывает тебя на службу, была грубейшим нарушением обычаев. И Яут, как любой ффрагта, особенно глубоко осознавал возмутительность этого проступка.

— Хорошо, — сказал Эйлле по-английски. — Переводи, когда возникнет необходимость.

Солдат по имени Дэнверс посмотрел на Талли, потом широко раскрыл глаза. Эйлле предположил, что такую реакцию вызвал вид лилового пятна на лице Талли — такие отметины появлялись у людей на месте сильного ушиба.

Он жестом приказал Талли сесть в машину. Разумеется, Яут последовал за пленником, но человек занял место рядом с водителем. Ффрагте ничего не оставалось, кроме как сесть назад, рядом с Эйлле. Уши старого воина топорщились, выражая недовольство, граничащее с возмущением — так явно, что Эйлле почти мог прочесть его мысли. *Витрик* ффрагты заключается в том, чтобы помогать подопечному советом, опираясь на свой опыт, а Эйлле все делал по-своему.

Дул теплый ветер. Какое-то время Эйлле слышал манящий плеск волн, разбивающихся о песчаный пляж. Какое-то время

машина двигалась прочь от моря, затем свернула вдоль побережья и вскоре остановилась перед огромным зданием. Оно напоминало гору, которую выдолбили изнутри, а потом среза­ли примерно на четверть. В «пещере», на мощных фермах, покоились черные цилиндрические корабли, а люди, которые ползали по ним, казались крошечными, как насекомые. Повсюду змеились кабели, летели искры, раздавался характер­ный скрежет разрезаемого металла.

Дэнверс и Талли тут же выскочили наружу. Дэнверс распахнул перед Эйлле дверцу и что-то протараторил по-английски, и Талли тут же перевел — довольно бегло.

— Это завод по реконструкции, сэр. Ваше личное рабочее помещение находится на втором этаже. Дэнверс желает знать, должен ли он проводить вас туда?

— Пока в этом нет необходимости. Прежде всего, я желаю знать, что здесь делают.

Талли и Дэнверс обменялись парой коротких реплик.

— В таком случае, он подберет вам другого сопровождающего, сэр, — сказал Талли. — Он не знает, где тут что расположено.

Прежде, чем Талли договорил, рядовой Дэнверс уже скрылся в здании. Эйлле отметил, что тот не стал дожидаться подтверждения. Любопытно, очень любопытно. В отчетах сообщалось, что в иерархических системах людей, как правило, обязательно требовалось разрешение на любое действие, даже когда обязанности уже были ясны. Очевидно, этот джинау достаточно долго работал у джао и успел перенять присущий им рационализм.

Яут стоял у входа и рассматривал корабли — длинные, черные и гладкие.

— Очень большие, — пробормотал он. — Но у них странные пропорции. Возможно, они применялись для быстрого наступления или высадки наземных подразделений...

— Это подводные корабли, — ответил Талли, повернувшись к стапелям. — То есть для передвижения под водой. Мы их называем «подводные лодки» или просто «подлодки». Эти — одни из лучших в мире. Ударные субмарины и атомные подводные лодки. Когда-то они состояли на вооружении военно-морского флота Соединенных Штатов.

— Для передвижения под водой? — глаза Яута сузились. — Зачем тратить на это ресурсы?

— Три четверти нашей планеты покрыто водой, — ответил Талли.

Должно быть, людям трудно передвигаться в воде, подумал Эйлле. Поэтому им пришлось изобретать для этого специальные устройства. Вряд ли хоть кому-нибудь из джао придет в голову строить подводный корабль. Вода была для них родной стихией. Куда заманчивей было достичь звезд.

Однако Талли чего-то не договаривал. Можно понять, почему у людей так сильно развито судостроение. Но зачем путешествовать под водой, чтобы просто перевезти груз или пассажиров? Штормы на этой планете не настолько сильны. Должно быть, есть какая-то другая причина — может быть, не главная, но...

Он прервал свои размышления, увидев джао-Смотрителя — женскую особь, коренастую, с чуть выгнутыми ногами. Ее ворс блестел, что указывало на отменное здоровье, а редкий красновато-бурый оттенок — на принадлежность к какому-то малоизвестному кочену вроде Кахта или Машдау.

— *Вэйш*, Субкомендант, — у нее был низкий грудной голос, а черные глаза спокойно следили за движениями собеседника. — Надеюсь, увиденное будет достойно вашего одобрения.

— Я также надеюсь, — он невозмутимо осмотрел ее. Какой-то кочен хорошо постарался. Она была бдительной, смелой и открытой — хвала тем, кто вырастил и воспитал ее.

— Могу ли я знать ваше имя?

Смотритель прищурилась, и ее глаза засияли от удовольствия. Положение Эйлле было неизмеримо выше, и он мог при желании свободно обращаться к ней по имени.

— Нэсс кринну Ташнет вау Ниммат. Я служу здесь Смотрителем.

Значит все-таки не Изначальный кочен. Но один из родственников. Как и Джитра, из которого происходит Яут. Очень, очень достойный.

— Я желаю осмотреть завод, — проговорил Эйлле. — Это поможет мне лучше выполнять свои обязанности.

В этот момент Яут обернулся, издал приглушенный возглас и метнулся к Талли, схватил его за руку и вытолкнул вперед.

— Для джинау ты чересчур глуп! — прорычал он на языке джао. — Веди себя почтительно!

Хватка Яута была сокрушительной: джао гораздо сильнее людей. Если бы Талли попытался сопротивляться, фрагта просто сломал бы ему руку. Похоже, столь грубое обращение, да еще и на глазах у других, возмутило человека, однако он никак это не выказал. Он просто смотрел прямо перед собой, пока Яут не отпустил его. Нет, этот человек вовсе не был глуп, хотя большинство его поступков свидетельствовали об обратном. Скорее наоборот.

Он что-то знает. Что-то настолько важное — по его мнению или на самом деле, — что готов терпеть побои и рисковать жизнью ради того, чтобы скрыть это? Эйлле поймал себя на том, что снова напряженно размышляет над этой проблемой. Он не представлял себе другой причины, по которой этот человек пытается сбежать со службы. Но откуда такая уверенность, что Эйлле сможет заставить его заговорить, и единственный способ этого не допустить — бегство? Вероятно, это тоже со временем удастся выяснить... если человек выживет.

Яут применял урем-фа, «обучение-через-тело», при котором вместо разъяснений применялась физическая реакция на поступки обучаемого. Этот старинный метод был очень эффективен при обучении джао, однако у людей все могло быть иначе. По крайней мере, у Яута начинало возникать именно такое впечатление. У Талли никаких сдвигов пока что не наблюдалось.

Откуда-то спереди доносился запах — острый, но не отталкивающий, знакомый и чужой одновременно. Нэсс заметила, как ноздри Эйлле дрогнули.

— Это запах свежеспиленных деревьев, которые идут на постройку стапелей. Местная разновидность, разумеется. Этот материал доступен, дешев и легко обрабатывается. Люди используют древесину в строительстве гораздо шире, чем мы.

— *Вэи*¹.

Эйлле шагал мимо прессов, пил, кранов, лебедок, дрелей и всевозможной измерительной и диагностической аппаратуры. Некоторые из этих устройств были ему известны: об их назначении Эйлле узнал в ходе недавно завершенной подго-

¹ Буквально: вижу.

товки. Разумеется, ему не придется на них работать, но хороший офицер должен понимать, чем занимаются его подчиненные в каждый момент. Эта идея прочно закрепилась в его сознании. Если ты не проявишь усердия, повышая свою осведомленность, твои подчиненные не проявят усердия в работе.

Корабли висели прямо над головой. Это было впечатляющее зрелище. Их черные корпуса были гораздо больше, чем это казалось издали, и выглядели даже более внушительно, чем корабли Нарво. Эйлле обратил внимание на отверстия, в которых ранее, видимо, располагались орудия. На некоторых кораблях эти отверстия были заделаны.

Он повернулся к своему проводнику.

— Какова цель проводимых работ, Смотритель Нэсс?

— Эти человеческие корабли изначально предназначались для передвижения под водой, — ответила она. — Их корпуса очень прочны и прекрасно подходят для космических кораблей — разумеется, после необходимой реконструкции. В данный момент мы занимаемся установкой двигателей и навигационных систем, а также демонтируем устройства, пригодные для функционирования в жидкой среде, но не в вакууме. Позже мы займемся установкой вооружения.

Эйлле протянул руку и коснулся черной обшивки кончиками пальцев. Удивительно: металл был теплым.

— Я провожу вас внутрь, — сказала Нэсс.

Эйлле и его небольшая свита последовали за ней. Вокруг визжали буры, ослепительно сверкала дуговая сварка, бетонный пол скрывался под ворохом кабелей, которые свисали с корпусов кораблей. Работы по реконструкции флота земных подлодок шли полным ходом.

Нэсс проворно вскарабкалась по лесам, на которых покоился корабль, Эйлле поднялся за ней, а потом пролез по узкой лесенке внутрь. Продолговатый корпус выглядел почти нелепо, а внутри оказался очень тесным — такой тесноты не было ни на одном корабле джао.

Очевидно, дело заключалось не только в том, что джао были крупнее людей. Они гораздо сильнее нуждались в обществе себе подобных. Иначе они просто не вынесли бы

долгого пребывания в ограниченном пространстве. Даже брачная группа смогла бы прожить в таких условиях от силы несколько орбитальных циклов и сохранить сплоченность. Что уж говорить о сборище особей, которых ничто друг с другом не связывает — даже принадлежность одному кочену или тэйфу.

Казалось, Нэсс читала его мысли. Эйлле подозревал, что она весьма сообразительна; похоже, так оно и было.

— По окончании реконструкции планируется набирать экипажи кораблей из джинау — разумеется, под командованием офицеров-джао. Человеческое оборудование, предназначенное для подводной навигации, будет демонтировано, вместо него мы установим наши навигационные системы — как правило, они более компактны... хотя и не всегда. Таким образом, мы освободим достаточно места, чтобы разместить офицеров...

Пробираясь по кораблю, она продолжала давать пояснения. Очень скоро Эйлле убедился, что в отчетах утонченность человеческих технологий сильно преуменьшалась. Правда, он часто сталкивался с определениям вроде «замысловатые», «переусложненные», а порой — даже просто «странные». Описания Нэсс были несколько более конкретны. Многие блоки на подводной лодке имели двойное и даже тройное назначение, и использовались в зависимости от текущих нужд. Особенное любопытство у него вызвала «кают-компания», которая при необходимости превращалась в лазарет.

Яут оставался снаружи, не желая ни на секунду упускать из виду Талли. Конечно, Эйлле хотел, чтобы Яут тоже присутствовал при осмотре: интересно, что сказал бы обо всем этом его мудрый старый фрагта. Но... Он повернулся к Смотрителю Нэсс.

— Вам когда-нибудь доводилось плавать на таком корабле? Она поморщилась.

— Однажды. Это было отвратительно — находиться взаперти вместе с таким количеством людей... Такой корабль может погружаться достаточно глубоко — гораздо глубже, чем способны нырять джао.

— Интересно, ради чего проявлять такую изобретательность, тратить столько сил и средств? — Эйлле провел рукой по блестящей стенке какого-то прибора. — Они строили под-

водные города? Или добывали там какие-то вещества, которые невозможно получить иным способом?

— Они действительно добывали под водой некоторые материалы, — ответила Нэсс. — Но по-моему, важнее другое: люди придают большое значение *исследованиям*. В этом смысле они похожи на младенцев. Им надо постоянно куда-то карабкаться, зарываться, забираться в самые недоступные места. Они обожают побегать по горам и обрывам и даже лазить по пещерам. И удержать их от этого невозможно, хотя подобные развлечения могут стоить им жизни. Но эти корабли — не исследовательские, а военные.

Эйлле был потрясен.

— Зачем сражаться там, где не сможешь жить?

Нэсс очень элегантно приняла позу «сожаление-и-замешательство».

— Трудно сказать. Я довольно неплохо уживаюсь с людьми, но иногда они кажутся мне сумасшедшими.

— Сколько человек было в экипаже? — входя в очередное помещение, Эйлле пригнул голову, но кончики его ушей все-таки коснулись люка.

— Более ста. Полагаю, численность экипажа зависела от типа судна и боевого задания. Отчеты не дают четкой информации. Люди уничтожили значительную часть своего вооружения, когда поняли, что потерпели поражение. Часть кораблей они вывели в открытый океан и там открыли *кингстоны*, — последние слова она произнесла по-английски. — Это означает «намеренно затопить корабль».

Эйлле обернулся, и их взгляды встретились.

— А экипаж?

— Почти весь экипаж покидал корабль. На борту оставались только офицеры, которые и «открывали кингстоны». Большинство этих офицеров погибли. Люди просто непостижимы. Безусловно, храбрость достойна уважения и является похвальным качеством, о какой бы расе не шла речь. Но люди, похоже, готовы расстаться с жизнью даже без особой на то причины. Я не понимаю. Раз мы уже победили, какой смысл уничтожать корабли?

Эйлле задумчиво провел ладонью по виску. Станные существа эти люди. Он уже начинал сомневаться, что когда-нибудь сумеет разобраться в их психологии.

Тем временем Нэсс провела его на *корму* подводного корабля, где происходил демонтаж двигательных установок. На их место устанавливались космические двигатели. Здесь работали только техники-джао: делать необходимые для такой работы знания достоянием людей было бы слишком опасно.

Техники, исключительно женского пола, отпрыски брачных групп, отличающихся если не высоким статусом, то по крайней мере крепким здоровьем, были рады показать свою работу. На самом деле, они потратили куда больше времени на объяснение своих действий, чем Эйлле мог предположить. Неудивительно: визиты отпрысков такого прославленного клана, как Плутрак, случаются не каждый день.

И все же упомянутый отпрыск был в некотором замешательстве. Устройства джао буквально срачивались с человеческими, и порой это приводило к совершенно неожиданным результатам. К тому времени, когда ему, наконец, удалось освободиться от обилия технических подробностей, у него раскалывалась голова.

— А сейчас я отведу вас в ваш офис, — сказала Нэсс.

— Что такое «офис»?

Нэсс на мгновение смутилась.

— Простите... я имела в виду ваше личное рабочее помещение. По-человечески... я хотела сказать, по-английски... оно называется «офис». Многие джао, которые давно здесь находятся, перенимают туземные выражения. По-моему, оно очень удобное.

Она проводила его обратно к люку, где ждали Яут и Талли, а потом на второй этаж.

— Я оставлю вас на некоторое время, — сказала она. — А потом мы осмотрим наземные боевые машины.

В комнате было тихо и прохладно, хотя прямые линии и жесткие стыки, которые так нравятся людям, несколько раздражали. Кондиционеры непрерывно гнали свежий воздух через вентиляционные люки. Эйлле опустился в кресло, обтянутое черным материалом, который Нэсс назвала английским словом «кожа». Эта «кожа» производилась на Земле и, по-видимому, была очень долговечной и прочной, а кроме того, приятной на ощупь — мягкой и эластичной.

Эйлле с удовольствием погладил подлокотник кресла. Может быть, этот материал — большая редкость? Но Нэсс, похо-

же, так не считала. Тогда странно, почему «кожу» до сих пор не экспортируют. Это вызывало серьезное беспокойство. Эйлле пробыл здесь недолго, но уже не первый раз обнаруживал признаки разорения и упадка. Куда смотрит этот ава Нарво?

Яут расположился в углу офиса и что-то проверял на своей портативной ком-панели, но не упуская из виду своего нового «ученика». Сам Талли садиться не стал. Его зеленые глаза беспокойно блуждали по стенам и дверям. Эйлле казалось, что он, как на экране, видит схемы побега, которые возникают и исчезают в голове человека.

Но проблема, которую ты решил прежде, чем она возникла, уже не считается проблемой. Можно не сомневаться: Талли не слышал той пары коротких реплик, которыми они с Нэсс обменялись на борту подводной лодки. Смотритель снова подтвердила благоприятное впечатление, которое произвела с самого начала: она была прекрасно подготовлена и знала, как действовать.

В дверь постучали. Яут отключил защитное поле. На пороге стоял человек в штатском, с блестящим черным обручем в руке.

— Вы просили принести локатор, сэр?

— Конечно, — отозвался Яут.

— Проходите, — сказал Эйлле, сопровождая свои слова жестом, принятым у людей.

Человек был ниже и крепче Талли, с серыми, как пепел, волосами. Яут принял у него обруч и вывернул наизнанку, чтобы ввести личный код Эйлле.

— Вас зовут Уиллард Белк, не так ли? — спросил Эйлле, откидываясь на спинку кресла.

Человек кивнул.

— Мне вас порекомендовала Смотритель Нэсс. С этого момента вы поступаете в мое личное подчинение. Поэтому вы теперь будете отчитываться только передо мной. Все ваши остальные обязанности считаются второстепенными.

— Слушаюсь, сэр. Для меня локатор потребуется?

Эйлле смешался.

— Нет, разумеется. Зачем? Вы пока еще ничем не провинились.

Талли вскинул голову и, прищурившись, посмотрел на черный обруч. Похоже, он уже начал догадываться, что его ожи-

дает. Точно. Не сводя взгляда с обруча, с которым все еще возился Яут, он отшатнулся.

— Прежде чем закрепить прибор, вам следует выяснить, какой руке он отдает предпочтение, сэр, — сказал Белк. — У него будет меньше шансов что-либо предпринять, если вы закрепите прибор на ведущей руке.

— Ах ты, лизоблюд гребаный!!! — взвился Талли.

Его насердная рука сжалась в кулак. Казалось, сейчас Талли одним прыжком перелетит через комнату и набросится на своего соплеменника.

Если такое намерение у него и было, оно так и осталось намерением. Через миг Яут уже прижимал его к стене одной рукой, держа в другой локатор.

— Ведущая? — фрагта был явно озадачен — правда, это не мешало действовать. — У людей есть конечности, которые принимают решение?

Белк посмотрел на руку Талли, все еще сжатую в кулак.

— По-моему, он правша, сэр. Как и большинство людей.

— Я не понимаю, — сказал Яут.

— Вот эта, — Белк шагнул вперед и указал на насердную руку Талли, хотя тот уже успел разжать пальцы. — Надевайте.

Талли рванулся, но тщетно: могучие лапы Яута сжимали его, точно тиски. Раздался щелчок, обруч сомкнулся на его правом запястье, и на блестящей вороненой поверхности тут же вспыхнул ряд крошечных янтарных лампочек. Яут ослабил хватку и отошел в сторону. Привалившись к стене, Талли с бессильной яростью взирал на свое запястье, похожий на пойманного зверя. Потом поднял глаза на Белка и прищурился.

— Прихлебатель вонючий, — прошипел он.

Глаза Белка тоже превратились в щелки. Он ответил по-английски, судя по интонации — что-то резкое, но Эйлле разобрал лишь половину.

— Это ты скоро завоняешь, хорек. Скажи это моей жене и детям, которые погибли двадцать лет назад... — снова непонятные выражения — скорее всего, просто туземные ругательства, — ...на твоей могиле, хорек, и на могилах других таких же подонков.

Этот обмен репликами вызвал у Эйлле недоумение. Талли выглядит слишком молодым, вряд ли он был в состоянии

убить кого-то двадцать орбитальных циклов назад. Скорее всего, что речь идет о чем-то вроде ссоры между кланами, а не личной вражде.

Тем временем Белк успел взять себя в руки. Покачив головой, он отвернулся от Талли и обратился к Субкоменданту:

— Какие будут приказания, сэр?

— Известите Смотрителя Нэсс о том, что вы перешли в мое личное подчинение.

— Есть, сэр!

Через секунду его уже не было.

Глава 6

Талли украдкой поглядывал на черный обруч, стянувший его правое запястье. Пальцы так и чесались сорвать и разломать его на мелкие кусочки. Бесполезно. Теперь от этой дряни уже не отделаться. Талли случалось видеть такие браслеты — на трупах. Эта металлическая полоска только кажется хрупкой. Она запитывается электрической энергией нервных импульсов, и никакая сила не освободит человека, пока он жив.

И пока он жив, джао всегда будут знать, где он находится. Да, Гейб Талли, шпион теперь из тебя никакой. И о побеге можно забыть. Талли покосился на своего нового командира. Эйлле кринну ава Плутрак изучал что-то на экране, вмонтированном в крышку стола, подпирая кулаком свой широкий подбородок. Сейчас он был удивительно похож на человека.

В следующий момент Талли отлетел к стене. Оглушенный, он сполз на пол и несколько секунд моргал. Перед глазами плавал красный туман. Это Яут легонько врезал ему тыльной стороной ладони.

— Ты ему подчиняешься, — грубо сказал фрагта. — Каждый, кто тебя увидит, будет об этом знать. Поэтому ты больше не имеешь права вести себя неподобающе. Все твои проступки бросают тень на Плутрак!

— Почему? — спросил он на джао, с трудом шевеля разбитыми губами. — Какая вам от меня польза?

Эйлле отвернулся от экрана и посмотрел на него с каким-то странным выражением, для которого Талли не мог подо-

брать названия. В обсидиановых глазах джао, точно в калейдоскопе, мелькали зеленые пятна.

— Ты принесешь пользу, если расскажешь свои секреты, — сказал он.

— У меня нет никаких секретов, — Талли попытался подняться, но ноги подкосились. Он мог только сидеть, облокотясь о стену. Комната раздувалась и вновь сжималась, словно пузырек гигантского легкого. — Ни у кого из нас нет секретов. Вы лишили Землю всех ее секретов двадцать лет назад.

— Не всех, — Эйлле вновь повернулся к экрану. Его уши повисли, придавая ему равнодушный вид. — Яут изучил твоё досье, и результаты оказались очень интересными. Ты никогда не задерживаешься надолго в одном месте. К тому же, согласно отчетам, ты гораздо моложе, чем выглядишь. У нас очень мало данных. Так что несколько секретов еще осталось. Надеюсь, скоро они перестанут быть секретами.

После полудня, освоившись с электронными системами поиска данных в своем *офисе*, Эйлле продолжил экскурсию. На этот раз его интересовали наземные боевые машины, которые проходили модернизацию в соседних ангарах. Чего тут только не было... Инструменты, детали, оборудование, полуразобранная и полусобранная техника. «Контролируемый беспорядок» — лучше не скажешь.

Корпуса машин были разрисованы странным узором из светло-зеленых и болотных пятен на темно-зеленом фоне. Интересно, что может означать такая расцветка? Эйлле читал, что люди очень суеверны. Возможно, эти пятна призваны отпугнуть каких-нибудь злых духов.

Работы здесь было немного: машины изначально предназначались для использования на суше. Достаточно было заменить примитивную силовую установку, чисто механическую, магнитной подвеской, и машина обретала способность передвигаться по любой поверхности.

В одной из внутренних секций на место кинетических орудий устанавливали лазеры джао. Талли окинул эту картину мрачным взглядом, который, по-видимому, выражал обиду и несогласие, но на том проявление непокорности и ограничилось.

Эйлле остановился неподалеку от громоздкой машины, которая была оборудована вращающейся орудийной башней.

— Все это оружие создано для борьбы с нами? — прокричал он, чтобы Нэсс услышала его сквозь оглушительный визг и скрежет инструментов. Смотритель фыркнула.

— Думаю, во всей вселенной не найти такой агрессивной расы! В большинстве их исторических документов, начиная с самых ранних, сообщается о вооруженных междоусобицах. Они сражались друг с другом с той же яростью, что и с нами. Все это оружие использовалось задолго до того, как мы высадились на планете.

— Интересно... — Эйлле обошел машину кругом, отметив толстый слой брони, открытый люк наверху и букет коммуникационных антенн, и не преминул потрогать обшивку. На этот раз металл был прохладным и шероховатым. — Быть может, поэтому они так успешно оказывали сопротивление на начальном этапе? У них такой богатый опыт?

— Может быть, — с сомнением отозвалась Нэсс. — Однако я представить не могу, чтобы два кочена враждовали между собой, применяли силу против силы — вместо того чтобы объединиться и использовать свои лучшие качества для пользы общего дела. Подумайте, чего бы они могли добиться, если бы вместо кучки грызущихся между собой государств у них была бы мощная единая держава. Нам бы потребовалось вдвое больше времени на то, чтобы завоевать Землю... если бы вообще удалось, не уничтожив на планете все живое.

Она прервалась и посторонилась, чтобы пропустить двух людей-техников, кативших тележку с лазерным генератором джао к выпотрошенной машине.

— Если говорить о долгосрочной перспективе, Завоевание пошло им на пользу, — продолжала Смотритель. — Они могли бы еще долго истреблять друг друга. И Экхат не встретили бы в этом секторе никакого сопротивления. Возможно, теперь люди поймут, что пора повзрослеть и перейти к новому типу социального устройства, основанному на сотрудничестве.

Внезапно сквозь лязг металла и жужжание станков донеслись голоса. Сперва собеседники разговаривали на повышенных тонах, потом перешли на крик, но из-за шума слов было не разобрать. Некоторое время Эйлле крутился на месте, пока не понял, откуда доносятся крики, и поспешил на звук, обходя рабочих и нагромождение техники, пока не оказался в дальнем

конце цеха. Там, яростно жестикулируя, стоял темноволосый человек, а перед ним возвышался джао в форме чиновника.

— Нельзя просто выбрасывать эти пушки на помойку! — кричал человек. — И вообще, что за дурацкая идея — заменять их лазерами!

Его лицо постепенно принимало красноватый оттенок — Эйлле уже знал, что у людей так проявляется сильное раздражение. Склонив голову набок, он рассматривал человека, пытаясь понять, что выражает его поза. Страх? Злобу? Жадность?

Вокруг собралось еще несколько человек. Выражение их лиц было таким же, как и у их соплеменника. Двое охранников-джао оттесняли их назад, негромко убеждая их вернуться на рабочие места.

— Я дрался под Чикаго! — орал темноволосый человек, не обращая внимание на охранников. — Мы громили ваши танки только так! Если бы у вас не было преимущества в воздухе, еще неизвестно, чем бы дело кончилось! И не говорите, что это не так!

Гневно дернув ушами, чиновник схватил человека за воротник рубахи и приподнял так, что его ботинки оторвались от пола.

— Здесь от вас требуется только одно: приносить пользу джао. Либо ты делаешь то, что полагается, и не высказываешь своих соображений, либо отправляешься в тюрьму. Мы не заинтересованы в том, чтобы сохранять ваши негодные безделушки.

Эйлле покосился на Нэсс. Она явно пыталась принять позу «безразличие-и-терпение», но Эйлле не составило труда заметить чувства, которые Смотритель хотела скрыть: беспокойство или даже гнев. Похоже, поведение чиновника у нее восторга не вызывало.

Пожалуй, стоило выйти из тени.

Чиновник наконец-то соизволил заметить новоприбывшего. Он опустил техника на пол и отвесил такую затрещину, что тот отлетел в сторону.

— Идиоты! Они упорно продолжают верить, что их нелепые игрушки представляют какую-то ценность. Жаль, что мы не можем предоставить им возможность самим встретиться с Экхат. Тогда бы они поняли, что их ожидает, и перестали бы

восхвалять свои технологии! Если их техника настолько великолепна, почему Земля принадлежит джао?

— В самом деле, — Эйлле посмотрел на техника. Похоже, тот не ожидал такого поворота событий и был не столько оглушен ударом, сколько ошеломлен. Впрочем, человеку и такого шлепка могло оказаться достаточно.

— А что именно этот человек хотел сохранить?

Чиновник сердитым кивком указал на демонтированную орудийную установку.

— Вот это. Примитивное орудие, использующее кинетическую энергию. Может быть, из него можно будет сделать что-то полезное... но скорее всего, оно годится только в металлолом.

— Не исключено, что этот человек кое в чем прав, — возразил Эйлле. — В конце концов, наши наземные войска действительно понесли во время Завоевания серьезные потери. И если мне не изменяет память, именно там, где люди использовали такие якобы примитивные орудия.

— А кто вы такой, чтобы высказывать свое мнение? Я не вижу у вас на щеках ни одной метки!

Похоже, этот чиновник не умел держать себя в руках. Он приподнял плечи, указал охранникам на темноволосого техника и громко скомандовал:

— Отправьте его в тюрьму! Я не хочу, чтобы он работал в этом цеху и подавал остальным дурной пример!

— А я сомневаюсь, что это разумно, — Эйлле шагнул вперед. — Оставьте его здесь, и пусть работает.

Охранники недоуменно поглядели на Смотрителя Нэсс. Та не произнесла ни слова и лишь указала на того, кому на самом деле надлежит повиноваться, а наклон ее ушей делал это указание особенно убедительным. Оба немедленно приняли позу «ожидание-приказа». На скулах чиновника заходили желваки.

— Я не знаю тебя, гладкомордый, — заявил он, обращаясь к Эйлле, — но ты и понятия не имеешь о том, как нужно обращаться с этими существами! Они хуже младенцев, потому что не способны учиться на своих ошибках.

Услышав подобное обращение, Яут окаменел. Талли, который тоже присутствовал при этой сцене, явно был удивлен, хотя у людей позы читаются не столь однозначно, как у джао.

Как бы отреагировал на такое старый Брем? Эйлле задал себе этот вопрос и тотчас понял, что надо делать. Сколь бы агрессивно не был настроен собеседник, кочен-отец Брем постарался бы использовать ситуацию, чтобы укрепить связи.

— Этот человек выразил несогласие во взглядах, — начал он осторожно. — Я не спорю, он вел себя непочтительно. Но несогласие по вопросам пользы применения не является наказуемым нарушением... — он принял позу «надежда-и-мягкость» и спокойно посмотрел на чиновника. — Если я ошибаюсь, то готов изменить свое поведение.

— Невежественный выскочка! — чиновника трясло от ярости. — Тебе следует вернуться в пруд рождения и научиться слушать тех, кто лучше разбирается в ситуации!

— Я стараюсь учиться прямо на месте, — Эйлле чуть иначе согнул руки, трансформировав позу в классическую «желаю-быть-полезным», гордость Мастеров поз Плутрака. — Я не спорю, вы оба стремитесь сделать эти машины — «танки» — более эффективными, из-за чего и возникли разногласия. Может быть, этот человек прав, а может быть, ошибается. Но ошибочное мнение не является преступлением...

Чиновник не ответил. Он схватил человека за руку и толкнул его в сторону охранников.

— Я хочу, чтобы этого нарушителя умилили!

— Директор Вамре, — вмешалась Нэсс, которая уже несколько секунд стояла в позе «срочная-необходимость». — Не согласитесь ли вы переговорить со мной снаружи?

— Не соглашусь! — Вамре посмотрел на охранников. — Ну?

Две пары иззелена-черных глаз спокойно смотрели на Плутрака. Очевидно, охранники уже догадались, кто здесь главный.

— Не подчиняйтесь, — сказал Эйлле. — В усмирении нет никакой необходимости. А если бы она и была, директор Вамре не располагает полномочиями, чтобы отменить мой приказ.

— Это мы еще выясним! — Вамре оттолкнул человека, который из спорщика незаметно стал предметом спора, и зашагал прочь. Каждый изгиб его суставов воплощал позу «мне-лучше-не-перечить» в варианте грубого требования.

Человек приложил ладонь к ушибленному месту и подошел к Эйлле, немного прихрамывая.

— Благодарю вас, — проговорил он на джао. — Я не хотел создать вам проблемы. Я просто пытался как следует делать свою работу.

Эйлле погладил обшивку танка, разглядывая мощные шасси, на которых когда-то крепились колеса гусениц. Теперь там были установлены аккуратные магнитные приводы. Их гладкий льдисто-голубой металл искрился, контрастируя с унылой пятнистой окраской брони.

— Ты в самом деле считаешь, что лазеры джао менее эффективны, чем ваши кинетические орудия?

— Если вести бой на планете, в атмосфере вроде нашей — безусловно. Ваши орудия созданы для космических сражений, а не для наземных. У меня пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать все способы отбиться от ваших лазеров. Начиная с дымовой завесы и заканчивая рассеиванием в воздухе мякины... простите, сэр, дипольных отражателей¹.

Эйлле поймал хмурый взгляд Яута и отвернулся, чтобы не отвлекаться на реакцию фрагты.

— И это касается любых наших разработок?

Человек развел руками. Эйлле заметил, что пигментация его кожи более сильная, чем у Талли, кожа на лице покрыта мелкими морщинками, а отдельные ворсинки на голове не черные, а пепельно-серые, почти белые.

— Я этого не говорил. Ваш магнитный привод — просто конфетка. И системы наведения куда лучше наших, а про глушилки я вообще не говорю. Так что не преувеличивайте.

— Что-нибудь из этих систем уже установлено?

— Так точно, сэр, — человек посмотрел на башню танка. Бледно-зеленая крышка люка была откинута. — Желаете взглянуть?

— Пожалуй, да.

Эйлле дождался, пока человек вскарабкается наверх — довольно медленно и неуклюже, так как его насердная нога явно была повреждена, — и последовал за ним.

Техник спустил ноги в люк и ухнул туда. Через секунду его голова вновь показалась снаружи.

¹ На армейском жаргоне дипольные отражатели называются именно сеном или мякиной.

— Старая добрая матушка, — проговорил он по-английски. — Ничего, она у нас еще повоюет.

— Это машина женского пола?! — Эйлле задержался около башни и прикинул, сможет ли протиснуть плечи в такое узкое отверстие. — Наши машины не отличаются по половому признаку. Каким образом вы это определяете?

— Никак, — усмехнулся техник. — Это плод нашего воображения. Людям нравится думать, что их вещи живые.

Он указал на ряд человеческих букв, которые Эйлле принял за инвентарный номер. Похожая надпись была и на борту соседней машины.

— Эту мы называем «Железная леди», а вон там — «Удалой жеребец». Он... э-э-э... *не* женского пола.

Все это представлялось весьма интригующим, но Эйлле решил, что сейчас займется другими вопросами. Он заметил, что человек протягивает ему руку — ладонью вверх, пальцы вытянуты.

— Меня зовут Райф Агилера.

Называть свое имя прежде, чем тебе предложат это сделать — грубейшее нарушение этикета. Однако Эйлле решил, что у людей иные представления о правилах приличия. Вряд ли этот человек хотел его оскорбить. Райф Агилера не убирал руку и смотрел на Эйлле, явно чего-то ожидая. Ну конечно. Ритуал соприкосновения руками считался у людей очень важным. Он читал об этом. Секунду поколебавшись, Эйлле пожал протянутую руку.

Ладонь Агилеры была теплой и шершавой, а пальцы сильными, несмотря на хрупкие и тонкие кости, — как у любого существа, которому приходится много работать руками. Человек чуть сильнее сжал руку, затем отпустил и снова скрылся в танке.

— Если хотите посмотреть новую электронику, придется забираться внутрь, — голос звучал гулко, а эхо придавало ему металлический призыв.

Вздохнув, Эйлле просунул ноги в люк и стал, извиваясь, протискиваться. Как и предполагалось, труднее всего оказалось протолкнуть плечи. Да, на пропорции джао конструкторы явно не рассчитывали, подумал он. Разве что на джао со сломанными плечами.

Внутри было темно. Эйлле услышал щелчки тумблеров, потом датчики, расположенные в несколько рядов, ожили и осветили полумрак красными, янтарными и светло-зелеными огоньками. Эйлле моргнул от неожиданности. Внутренний дизайн был продуман идеально. Каждый аз пространства использовался с максимальной пользой, создавая ощущение комфорта, почти изысканности. Снова, как и на подводной лодке, Эйлле отметил, что устройства, разработанные людьми, могут быть удивительно компактными.

Агилера уже расположился в кресле в передней части кабины и поглядывал на датчики и в перископ с видом довольного хищника.

— Эх, славные были деньки, — негромко произнес он поче... по-английски. — Меня тогда назначили командиром танка... Правда, это удовольствие длилось недолго: я повредил ногу, так что пришлось отправиться в тыл. Мы тогда думали: раз уж нам выпал шанс схлестнуться с вами врукопашную, мы ни за что не проиграем.

— Однако вы проиграли, — ответил Эйлле, пытаюсь хотя бы примерно определить возраст этого человека. — И, насколько мне известно, представители вашего вида очень серьезно относятся к поражениям. Поэтому мне кажется странным, что вы согласны делиться с завоевателями... — он замаялся, подбирая подходящее слово, — ... своим опытом.

Агилера откинулся на спинку кресла, согнул руки в локтях и сплел их перед грудью, словно хотел одной рукой опутать другую — часть позы «бдительность-и-наблюдение». Но люди — не джао, напомнил себе Эйлле. Они мыслят иначе. Никогда нельзя идти на поводу внешнего сходства.

— Я был хорошим солдатом, — Райф Агилера потянулся и протер циферблат какого-то датчика. Циферблат подсвечивался, и рука техника словно налилась красноватым сиянием. — Скажу больше: чертовски хорошим солдатом. Я чего только не перепробовал, когда война закончилась. Брался за любую работу. Но я солдат, и это у меня лучше всего получается. А солдатом я быть не мог, из-за своей ноги. Даже если бы вы предложили мне воевать за вас, все равно бы не смог.

Он поморщился и сердито посмотрел на свою безжизненно вытянутую конечность.

— Потом появился этот завод. Когда было объявлено, что здесь нужны работники с головой и руками, меня словно что-то толкнуло, понимаете? Я понял, что могу хотя бы попробовать вернуть этих крошек в строй, благо знаний у меня хватит. К тому же несколько лет назад я женился, а теперь у меня есть детишки. Семейство надо кормить. А работы с таким жалованием, как в этой вашей конторе, на всем континенте не найдешь. Вот я здесь и обретаюсь.

Интересно, что сказал бы об этом Яут. Если не принимать в расчет мотивы, которыми руководствовалось это создание... Оно рассуждало почти так же логично, как джао! И это их образ мысли в отчетах назывался «труднопостижимым». Похоже, лишь потому, что составители отчетов не сочли за труд постичь его до конца. Подобное называлось «пренебрежением служебными обязанностями», а то и «преступной халатностью». После слова «труднопостижимый» следовало сделать приписку: «для ленивых».

Эйлле наклонился и втиснулся в пространство, явно не предназначенное для габаритов джао. Электроника джао буквально вращалась в старую приборную панель, уютно гнездясь в мрачных нишах, точно скопления искристых голубых кристаллов. Если в недрах подводной лодки было тесно, что говорить об этой... рубке? Кабине? Чтобы выбраться, Эйлле пришлось сделать глубокий выдох. Экипаж этих машин придется опять-таки набирать из джинау. Ни один джао не сможет эффективно работать в таких условиях.

— Включи лазерный прицел, — сказал он.

Агилера кивнул и переключил еще пару тумблеров. Пылился гул какого-то устройства — несомненно, созданного джао, — и Эйлле ощутил знакомую успокаивающую вибрацию. Он обучался работе с подобной техникой и разбирался в ней, наверно, не хуже, чем Агилера. Втиснувшись между передним креслом и пультом, нетрудно было разглядеть места соединения.

— Системы совместимы друг с другом?

— До известной степени, — сказал Агилера. — Кому-то из инженеров пришлось хорошо поработать мозгами. И насколько затея удалась, мы узнаем только после полевых испытаний.

Агилера превосходно владел языком джао, даже акцент был едва заметен.

Бросив последний взгляд на панель управления, Эйлле полез наружу. Это оказалось столь же непростой задачей. Его ффрагта наблюдал за ним снизу, краем глаза продолжая следить за Талли, который стоял неподалеку возле демонтированного танка.

Следом из танка выбрался Агилера. Эйлле спрыгнул и жестом успокоил Яута: позвоночник и голова старого воина, похоже, намертво застыли в позе «нетерпение-и-осуждение».

— Эта проблема требует дополнительного расследования, — произнес Эйлле. — Организуй мне встречу с ветеранами, которые участвовали в сражениях с людьми, и как можно скорее. Я хочу знать, насколько обосновано мнение этого человека... — его глаза скользнули по вмятинам и следам ожогов, покрывающих броню огромной боевой машины. — Если он прав, то мы совершаем очень серьезную ошибку в распределении средств. Ошибку, на которую не имеем права, потому что Экхат уже близко.

Яут проворчал что-то в знак согласия и махнул рукой Талли.

— Талли пойдет со мной, — Эйлле сделал движение, похожее на приглашение к рукопожатию. — Думаю, на сегодня тренировок достаточно. Иначе он может не выдержать.

Яут передал ему пульт локатора — небольшой темный прямоугольник — и скрылся в лабиринте цехов. Смотритель Нэсс кринну Тэшнат вау Ниммат уже некоторое время беспокойно расхаживала между двумя танками, и Эйлле обратился к ней.

— Мы можем продолжать осмотр?

— Конечно. Директор был слишком занят и не следил за сводками информации. Он не понял, кто вы такой.

— Я не обижен. Я недавно получил назначение, поэтому у меня нет знаков отличия. Он совершил только одну ошибку: решил, что уполномочен наказывать рабочих вопреки моему запрету... — Эйлле на миг задумался. — Кто-нибудь уже подвергался наказанию за то, что высказывал подобное мнение?

Нэсс провела рукой по глубокой царапине на корпусе танка.

— Да. Директор Вамре считает людей хитрыми злобными существами, плохо поддающимися обучению. Он использует их, потому что другого выхода нет. У нас мало времени, мало квалифицированных техников-джао... а будь их больше, они все равно не смогли бы работать в столь тесном пространстве. В иной ситуации он бы и близко не подпустил людей к этим цехам.

— Очень интересно.

Эйлле последовал за ней в дальний конец зала, где происходила модернизация передвижных артиллерийских установок. Талли немного замешкался, и Эйлле услышал, как он сдавленно вскрикнул от боли: едва расстояние между ними превысило установленный предел, человек получил электрический разряд.

Это и было урем-фа. Скоро за спиной Эйлле послышались шаги: Талли подтягивался.

Глава 7

Яут пересек огромное помещение, повторяя свой же путь в обратном направлении, и вышел наружу. Некоторое время он стоял, моргая от жгучего желтого солнца, и размышлял, как наилучшим образом выполнить поручение Эйлле. Его подопечный слишком рано начинает проявлять независимость. Он из тех юношей, которые готовы действовать раньше, чем для этого возникают реальные предпосылки. И думают, что те вещи, которые они прочитали, услышали и для себя уяснили, принесет больше пользы, чем опыт старого фрагты.

Однако опыт ничем не заменишь. Чувства учат мудрости, которую далеко не всегда можно постичь при помощи одного здравого смысла. Вот зачем нужно урем-фа, обучение-через-тело — навыки, которые закладываются слишком глубоко, чтобы их можно было осознать.

К счастью, Эйлле не обделен чутьем. Опыт подсказывал Яуту, что это так, а своему опыту он привык доверять. Ветераны — вот кто знает, хороши ли были пресловутые кинетические орудия. И непременно об этом скажут — разумеется, при личной беседе.

Водителя-джинау Яут застал за работой: тот натирал куском ткани обшивку машины, на которой они прибыли.

— Я желаю разговора с солдатами-джао, — произнес фрагта на языке туземцев. — Где это сделать лучше?

Тощее существо поправило пучок бледного, непомерно длинного ворса, который падал ему на глаза. Голая кожа человека блестела от влаги.

— Я могу отвезти вас на Территорию джао, — ответил он — тоже на своем языке. — У них есть несколько клубов в дальней части базы.

Яут махнул рукой, что означало «почему-бы-и-нет», потом сообразил, что люди не понимают Языка тела, которым пользуются джао, и кивнул.

— Является приемлемым. Отвези.

Водитель тут же распахнул перед ним дверцу. Яут залез в кабину, снова размышляя о причинах такого странного поведения. Он не стал протестовать, но будь на месте этого существа другой джао... Такое действие расценивалось однозначно — преднамеренное оскорбление, намек на то, что Яут слишком стар и слаб, чтобы открыть дверь самостоятельно. Но в данном случае можно было не сомневаться: это просто один из нелепых местных обычаев.

Обшивка машины пропиталась запахами людей, и Яут поморщился. Нет, эти запахи не были неприятными — просто незнакомыми и довольно сильными. Едва он оказался внутри, дверь захлопнулась с громким щелчком, и перед ней тут же замерцало защитное поле.

Машина поднялась на магнитных отражателях и плавно заскользила над бетонной дорогой. От бетона поднимался пар. Над горизонтом Яут заметил облака, их края уже приобрели угрожающий темно-серый оттенок. Он запросил по панели сводку погоды. Днем дожди, вечером ливневые дожди и грозы... Температура была высокой, но по меркам джао вполне приемлемой. Однако офицеров предупредили, что люди не настолько выносливы. Как показывал опыт, при такой жаре они быстро утомлялись и даже могли умереть.

Странно, подумал Яут. Зачем было селиться в этих широтах, если здешние условия несовместимы с их физиологией?

Впрочем, такие недоразумения неизбежны, если раса возникла в результате каприза эволюции, а не была создана искусственно, как джао.

Экхат обнаружили их, когда джао еще находились на очень низкой ступени развития, и превратили в нынешних джао. Теперь они стали крепкими, сильными созданиями, способными существовать в самых суровых климатических услови-

ях... и разумными в полном смысле этого слова. Рабы — это большая ценность. Их жизнь не должна зависеть от мелких изменений в окружающей среде.

Машина ехала все быстрее. Здания мелькали, сливаясь в размытую полосу. Яуту мерещились лица людей и джао, машины, здания — не собранные из угловатых коробок жилища людей, а аккуратные, с плавными очертаниями, отлитые по форме, как это делали джао. Машина повернула и вдруг остановилась в тени огромных ворот. Силовое поле мягко придавило Яуту, не позволив вылететь из кресла при толчке.

Водитель обернулся. Его лицо над наголовником сидения напоминало тусклый бледный овал.

— Дальше я ехать не могу, сэр. Людям не разрешается входить в эти ворота.

Яут выглянул из машины. Снаружи по-прежнему нестерпимо сияло желтое солнце. Контрольно-пропускной пункт напоминал укрепленную пограничную заставу. Двое джао в униформе смотрели на него без всякого выражения.

— Что находится дальше? — спросил Яут.

— Территория джао, сэр, — отозвался водитель. — Вас они пропустят.

Силовое поле отключилось, водитель выкарабкался наружу и снова распахнул перед Яутом дверь.

— Но мне придется подождать здесь, сэр. Если только вы не прикажете вернуться за мистером Субкомендантом.

Яут задумался.

— Нет, — поддерживать разговор на местном языке пока что было нелегко. — Он сам позаботится со своим транспортом. Ты ждешь.

Водитель кивнул и снова забрался в машину.

Яут расправил накидку и зашагал к воротам. Караульные были особями женского пола и обе, судя по всему, происходили из каких-то второстепенных коченов, хотя казались сильными и крепкими. Одна стояла чуть ближе, ссутулившись, в позе «предельного-утомления-и-безразличия». Другая, невысокого роста, и вовсе выглядела так, словно изнемогала от усталости. Ее можно было назвать «гладкомордой», и это было бы не оскорблением, а констатацией факта: ее *ваи камити* казался менее заметными, чем выстриженная полоска

на насердной щеке — знак различия. Кажется, она все-таки заметила Яута, приняла очень неизящную позу «рассеянность-и-равнодушие» и уставилась куда-то поверх его головы, словно он был пустым местом.

Ворота представляли собой металлическую решетку, которую можно было отодвинуть, чтобы впустить машины или пешеходов. Охранники находились в караулке, достаточно просторной и явно предназначенной для двоих, перед широким окном. Вибрисы Яута встали торчком. Какая наглость! Этих двоих следует как следует отлупить! Интересно, огорчится ли Эйлле, если проявить инициативу и потратить на это пару минут — прямо здесь и сейчас?

Едва Яут приблизился к шлагбауму, глаза одной из караульных — той, что стояла ближе — утратили рассеянное выражение.

— Что тебе, *ларрет*?

Уже давно Яуту не доводилось слышать подобных оскорблений в свой адрес. Последнее время незнакомому джао достаточно взглянуть на его щеки, где для новых знаков отличия уже не остается места. И это не говоря о боевых шрамах. Даже глупцу станет ясно, что следует быть поосторожнее в выражениях. Но у этих, похоже, с дисциплиной было плохо, а со здравым смыслом — еще хуже.

— Какое вам дело до цели моего визита? — он помнил о своей вспыльчивости и пока старался сдерживаться. — Насколько мне известно, в эту часть базы пропускают только джао. Я — джао. Я желаю войти.

— Не спеши, — осадила его низкорослая. — Сначала нужно зарегистрироваться. Назови цель своего визита.

Яут принял позу «строгость-и-предостережение».

— Я прибыл по просьбе Субкоменданта Эйлле кринну ава Плутрак.

Та растерянно поглядела на свою напарницу.

— Ава Плутрак? Он здесь?

Она даже слегка изменила позу. Кажется, теперь это было «недоверие» в почти оскорбительной форме.

— Эй, ларрет, — охранница, которая заговорила первой, наострила уши. — Я здесь тоже из-за ава Плутрака. Может, пойдем вместе?

— Как интересно, — заметил Яут. — Я фразга Субкоменданта и сомневаюсь, что он обращался к вам за содействием. Но, в любом случае, следуйте за мной. Я настаиваю.

Он критически оглядел нахалку. Костлявая, поджарая, на щеке одна-единственная полоска. Ее *ваи камити* представлял собой множество линий, расположенных как попало — признак того, что два совершенно не подходящих друг другу кочена каким-то образом умудрились соединить свои гены. Результат, разумеется, оказался крайне неудачным. И воспитание подстать внешности. Вряд ли с такими данными ее пригласят вернуться на родную планету для продолжения рода.

Яут вытащил свою ком-панель, ввел идентификационный номер охранницы и отправил запрос на ее перевод в подчинение Эйлле. Через пару секунд пришло подтверждение, и Яут с трудом сдержал вздох разочарования. Свита Эйлле росла быстрее, чем следовало. Но этого, похоже, следовало ожидать: его подопечный занимал высокий пост. Яут обернулся и с удовольствием отметил позу охранницы — бывшей охранницы: «испуг-и-удивление».

— Я надеюсь, у вас есть опыт работы телохранителем, — произнес он. — А если нет, то вы сможете быстро всему научиться. Субкомендант Эйлле не любит некомпетентных. А я — просто не переносу.

— Я... не понимаю... — она совсем смешалась, попыталась принять какую-то замысловатую позу, но не сумела и просто подбоченилась, как маленький ребенок — «признание-неспособности-понять-и-сделать».

Яут развернул панель, поднял и продемонстрировал уведомление о том, что ее дело поступило в личное распоряжение Эйлле. Некоторое время охранница взидала на экран, потом рассеянно покосилась на свою напарницу.

— Меня переподчинили, — пробормотала она. — Только и всего...

— Не «только», — раздраженно поправил Яут. — Вам пришлось для этого очень постараться. Любой другой охранник просто пропустил бы меня, удостоверившись в моей личности. Вы же сделали все, чтобы я обратил на вас внимание. Мой *витрик* требует не допустить, чтобы ваша глупость погубила эту базу.

Уши тощей охранницы стали похожи на два лоскута.

— Вы не можете об этом судить! Вы даже не справились об уровне моей подготовки.

— Чтобы узнать, что вы тупица, которую необходимо учить заново? — он фыркнул. — Я оказываю этому объекту услугу. Если на воротах будут стоять такие, как вы, люди станут ходить, куда захотят!

На миг показалось, что спор будет продолжен. Но только на миг. Она опустила голову и притихла. Яут позволил себе принять позу «сердитого-одобрения».

«С ней не придется возиться, как с этим тупым Талли», — подумал он. Опыт подсказывал, что за этой неказистой внешностью скрываются определенные способности.

— Следуйте передо мной, — повторил фрагта, как только ворота открылись.

Артиллерия выглядела гораздо внушительнее, чем предполагал Эйлле. Оружие, использующее кинетическую энергию, обычно считается самым примитивным. Но сейчас, когда Нэсс показала ему выстроенные рядами орудия, ожидающие модернизации, он уже не был в этом уверен. У орудий были сложные и труднопроизносимые названия, из которых он смог запомнить только «гаубицу». Для вида, который сформировался в ходе эволюции, то есть случайных процессов, а не благодаря работе более высокоразвитой расы, люди действительно были поразительно искусны и изобретательны — по крайней мере в том, что касалось создания оружия.

Вот еще одна причина того, что Земля так стойко сопротивлялась Завоеванию. Ну, конечно, и численность населения. Люди плодились с невероятной скоростью. Планета была уже давно перенаселена, поэтому многим приходилось селиться на территориях, едва ли пригодных для существования. Еще несколько сотен орбитальных циклов — и живая оболочка Земли была бы погублена безвозвратно. Нэсс права: людям очень повезло, что джао прибыли именно теперь. Этим существам нужна твердая рука, которая будет удерживать их от неразумных поступков.

На некоторых артиллерийских установках уже были смонтированы лазеры джао. Интересно, что думали по этому по-

воду рабочие. Может быть, то же самое, что и о замене танковых орудий?

Опустив уши, Эйлле обратился к Нэсс.

— Прикажите Райфу Агилере явиться в мой *офис* и ожидать меня там.

Она склонилась и замерла, выражая «подчинение-вопреки-желанию».

— Если вы передумали и желаете наказать его, я могу сама проследить за этим и избавить вас от лишнего беспокойства.

— За несогласие с мнением начальства? — вибрисы Эйлле дрогнули, и он бросил взгляд на людей, которые старательно снимали стволы и электронику со своей побежденной артиллерии. Те, кто украдкой наблюдал за ним и Нэсс, тут же опустили головы и снова принялись за работу.

— Значит, теперь это считается преступлением? В таком случае, мы все его совершали, и неоднократно. Значит, мы должны ловить себя на таких мыслях и сами себя наказывать?

Ее поза стала трудночитаемой. Кажется, Нэсс пыталась выразить «сомнение-и-...» — и пыталась что-то скрыть.

— Как пожелаете, Субкомендант.

— Забудьте хоть ненадолго, что я ава Плутрак.

Он успел заметить, как ее тело выразило самый откровенный скепсис. Но только на миг.

— Прежде всего, я джао. А джао хотят, чтобы исход будущих сражений был как можно более благоприятным. И если наш ум будет открыт и способен воспринять идеи людей, мы сможем этого добиться. Насколько мне известно, у Эххат людей-рабов нет.

— Зато им подчиняются более тысячи других рас, включая джао, которые населяли некоторые изолированные районы, — возразила Нэсс. — Я считаю сомнительным, что люди способны обеспечить нам преимущество.

Эйлле обратился к своей памяти, воспроизводя перед внутренним взором голозаписи и виртуальные карты Завоевания Земли, списки убитых... Таких длинных списков не было за всю историю джао — если не считать битв с Эххат.

— Они продолжали с нами сражаться, даже когда это потеряло всякий смысл, — негромко произнес он. — Если проанализировать ход боев, становится понятно: люди весьма

сообразительны, а страх им совершенно неведом. Они жертвовали собой, себе подобными и всем, что находилось на их территории, чтобы получить хоть какое-то преимущество. Мы даже не предполагали, что так долго не сможем заставить их капитулировать. Это очень ценные качества, и мы сможем их использовать, если проявим достаточно мудрости и попытаемся понять людей.

— В той же мере это может свидетельствовать и об их глупости. Так считает Губернатор Оппак. Я лично слышала его слова: здешнее государственное образование потеряло огромное количество людей, способных к воспроизводству, и земли, способные их прокормить, только из-за своего упорства. Будь эта раса более разумной, она осознала бы свое поражение гораздо раньше и попыталась сохранить то, что еще возможно.

Тон и жесты выдали ее с головой. Эйлле понял, что пыталась скрыть Нэсс: она честно сослалась на слова Губернатора, но умолчала, что полностью согласна с этим мнением.

В ее положении такая осторожность неудивительна. Эйлле был отпрыском Плутрака. Конечно, он не стал бы без причины злить высокопоставленного отпрыска Нарво, но не испытывал перед ним страха.

— Думаю, он ошибается, — прямо сказал он. — Если действовать продуманно, люди окажутся более ценным ресурсом, чем их планета. Но орудие надо использовать сообразно его сути. Глупо резать ткань молотом.

Вибрисы Нэсс дрогнули. Она шагнула вперед и понизила голос настолько, чтобы мог слышать только Эйлле.

— Вы ава Плутрак, поэтому можете позволить себе такой риск. Но у нас такой возможности нет. И не стоит опираться на чувства, когда рассуждаете о людях. Они действительно хорошо сражались. Буду откровенна: я считаю, что в споре с директором Вамре Агилера был прав. Но они мыслят не так, как мы, и нельзя идти у них на поводу. Они отважны и умны, но у них нет чести.

Эйлле не ответил. Несомненно, Нэсс осведомлена лучше, чем он, поскольку уже давно работает в этом мире. Но он изучил все отчеты, к которым только смог получить доступ. Он просматривал их снова и снова, пока не почувствовал, что

знает людей не хуже, чем отметки на собственном лице. И в этих отчетах люди представляли совсем не такими, как говорила Нэсс. Им было знакомо понятие чести, хотя они понимали ее иначе, чем джао. И именно честь двигала ими, а не прихоть или упрямство — в этом Эйлле не сомневался.

Кстати, о *ваи камити*... Он пристально посмотрел на Нэсс. Будучи едва знакомой с ним, она отважилась на такой риск — откровенно поделиться с ним своими мыслями... Это большое достоинство — одно из многих. Неудивительно, что ее постоянное присутствие столь приятно. А ее *ваи камити* и в самом деле великолепен.

— Я рассмотрю вашу точку зрения, — произнес Эйлле. — Может оказаться, что я ошибаюсь, и мне понадобится ваш совет. Да, конечно... Вы переходите в мое личное распоряжение. Так что вам больше незачем остерегаться таких, как Вамре.

«И Нарво». Но это было бы уже слишком бестактно.

На миг Нэсс потеряла самообладание, и ее тело приняло совершенно детскую позу изумления. Но лишь на миг. Она сделала изящное движение и непринужденно изобразила «рада-и-готова-служить-достойно».

— Это большая честь для меня. Каковы мои обязанности?

— Пока — прежние. Продолжайте заниматься своими делами. Разумеется, теперь ни Вамре, ни ему подобные не будут вам мешать. А сейчас я хочу поговорить с человеком по имени Райф Агилера, и проверить, насколько сильна его логика.

— Как пожелаете.

И она повела его дальше вдоль сверкающих рядов человеческой бронетехники.

Яут остановился на перекрестке и огляделся.

— Я хочу поговорить с ветеранами Завоевания, — сказал он. — Посоветуйте мне, где их можно найти.

Он нарочно не спросил ее по имени — пусть поймет, что такую честь надо заслужить. Чтобы стать полезной Субкомendanту, ей сперва надо научиться покорности. Бывшая охранница явно колебалась. Ее плечи снова поникли. На ее месте он постеснялся бы принимать позу «уныние-и-нерешительность».

— Зал единения Бинната, — наконец выговорила она. — Это в самом конце улицы. Он построен довольно давно, и старики часто там собираются.

— Ведите, — довольно грубо бросил Яут. Однако прежде чем последовать за ней, он сперва посмотрел в сторону ветра, затем в сторону сердца. И наконец направился к темно-голубому строению, образчику архитектуры джао, с золотистыми украшениями, которые сверкали в лучах неистового солнца Земли.

— Зал строил весь кочен Биннат и его тэйфы, — сказала охранница. — Биннат направил на эту планету так много своих отпрысков, что пятьдесят орбитальных циклов назад кочен специально изыскал средства, чтобы отлить это здание.

Строение действительно было великолепным и прочным, материал подобран мастерски, хотя оно выглядело немного вызывающе. Но как раз таким и должно быть здание, подаренное джао родной планеты отпрыскам разных коченов, находящимся вдали от дома. Яут одобрял такой шаг. Плутрак сделал то же самое в нескольких планетных системах.

Входы были не защищены полем.

— Жди здесь, — приказал Яут и направился внутрь.

В единственном зале, который занимал все здание, царил полумрак. Светильники прятались в плавно изгибающихся стенах, и неяркий свет, похожий на сок спелых плодов, приятно контрастировал с ослепительным сиянием здешнего солнца.

На кучах дехабий, очень толстых и мягких, расположились несколько джао. Яут был почти уверен, что эта роскошь доставлена прямо с родной планеты. Никто как будто не заметил его появления, хотя Яут почувствовал, что это не так — это напоминало дуновение ветра. В воздухе плыл легкий запах древесины така, навевая непрошенные воспоминания о детстве и старых соратниках. Дом его кочена, Джитры, пах именно так — правда, лишь в особые периоды орбитального цикла. Так возжигали под строгим общественным наблюдением. Как такое могло происходить в столь уединенной обстановке?

Дальнюю часть помещения занимал маленький бассейн, где плавали еще несколько джао. Среди купальщиков выделялся один — широкогрудый отпрыск мужского пола, с блестящими черными глазами и воинственно торчащими вибри-

сами. На его щеке Яут заметил целых семь полосок — а может быть, их было и больше.

— Это Дом кочена Биннат, — громко произнес широкогрудый, принимая агрессивную позу «вижу-нарушение». — Я не видел твоего изображения в списке приглашенных.

— И не увидишь, — ответил Яут, не менее агрессивно выражая «право-задавать-вопросы». — Я выбрал служение в качестве фразы новому Субкоменданту, Эйлле кринну ава Плутраку. Он желает получить совет у ветеранов, которые помогали завоевать эту планету, поскольку нуждается в их мудрости, обретенной в тяжких испытаниях вместе с победой.

— Плутрак?! — пловец изменился в лице. — И когда он прибыл?

— Прошлым солнцем, — спокойно ответил Яут. — Ты знаешь кого-нибудь из ветеранов?

Дверное поле в противоположном конце зала исчезло, пропуская женскую особь, окутанную густым облаком дыма. Для полноты картины не хватало только церемониальных яств и одеяний. Яут заморгал. Воспоминания хлынули потоком. Стены Дома Джитры, темно-голубые с серебром, золотистый пол. Яут со сверстниками охотится в море на вкусных мирратов, крошечных плавающих тварей с плавниками, которые мигрировали в этом районе в определенный период орбитального цикла. Он почти ощутил соленый вкус и свежесть морской воды.

Но одновременно происходило еще кое-что странное. Из комнаты, откуда только что вышла джао, доносились звуки, не похожие ни на что. Отдельные звуки, очень короткие и разные по высоте, следовали друг за другом, чередуясь с короткими паузами. В их сочетании, несомненно, была скрытая логика, и все это вызывало непонятные ощущения, почти завораживало. Звуки были *чужими*.

— Эммет, — сказал широкогрудый. — Новый Субкомендант — Плутрак!

Та, к которой он обращался, подалась вперед, в каждом изгибе ее массивной шеи и сильных плеч читалось недоверие. Одно ухо Эммет было повреждено и болталось, задевая щеку.

— Только не здесь, — пробормотала она. — Плутрак никогда...

Она оборвала себя, словно отсекала конец фразы. Вполне очевидно, что она внезапно увидела бездну, которая разверзлась перед ней из-за соперничества великих коченов. Несомненно, Биннат пользовался огромным уважением, но был слишком слаб и имел слишком мало связей, чтобы с удовольствием сделать выбор между Нарво и Плутраком.

Все эти ава Биннат, разумеется, были свободны от служебных обязанностей, а значит, наслаждались здесь отдыхом, но Яут ощутил нечто иное. Нечто более глубокое — лень и праздность, пренебрежение своим долгом, даже недовольство. Его охватила тревога, ворс на спине стал дыбом. Яут догадывался, что уровень дисциплины при Губернаторе ава Нарво упал до плачевно низкого уровня, но это было нечто большее, чем отсутствие дисциплины.

— Я ишу ветеранов Завоевания, — твердо повторил он. — Сегодня, поздним солнцем, они должны ответить на вопросы Субкоменданта.

— Мы двое сможем поговорить с Субкомендантом, — широкогрудый оглянулся. — Что еще вы можете сказать?

— Пока двоих будет достаточно, но позже Субкомендant может потребовать других, — произнес Яут, слегка поворачиваясь и делая несколько шагов к выходу. — Вам надлежит явиться на завод по реконструкции.

Он намеревался позволить своему подопечному изучить их позицию и посмотреть, как юноша будет действовать. В конце концов, это должен быть весьма интересный и ценный опыт.

Однако что это были за звуки? Дверной проем был все еще открыт, но теперь Яут стоял чуть иначе и мог заглянуть внутрь. К своему неслыханному удивлению, он увидел человека, который работал за какой-то огромной установкой, а несколько джао сидели неподалеку и наблюдали. В следующий момент Яут понял, что именно установка и издает странные звуки.

Его удивление было слишком велико, чтобы забыть о вежливости.

— Что это? Я думал, людям не позволено здесь находиться.

Ветераны обернулись. Яут встретился с ними взглядом и обратил внимание на их позу — небрежно исполненная «тревога-и-вызов».

— Это называется «фортепиано», — объяснила Эммет.

— А то, что делает человек, называется «музыка», — добавил другой ветеран. Теперь элемент «вызова» в его позе принял открытый вид. — Нам это нравится.

Еще не успев выйти наружу, Яут понял, что так и не получил вразумительного объяснения по поводу присутствия человека в Доме кочена. Но это и неудивительно. По словам Эйлле, нечто подобное и предсказывали эксперты коченаты. Нарво терял контроль над ситуацией на этой планете. Все шло вкривь и вкось. Правительство громко объявляло о безграничной власти джао — типичная позиция Нарво, — но повсюду можно было наблюдать вопиющие противоречия. Толстый канат распадался на волокна и терял прочность.

Ни на одной из завоеванных планет, где довелось побывать Яуту, не происходило ничего подобного. Это было не укрепление связей. Это было потворство безумию.

Глава 8

Обычно, оказываясь по своим делам в кампусе, Кэтлин Стокуэлл избегала людей. За редким исключением, это были просто случайные знакомые — а еще чаще люди, которые общались с ней только из-за высокого положения ее отца и семьи. Люди, которые попросту хотели ее использовать.

Конечно, думала Кэтлин, шагая вдоль извилистой речки по дороге в общежитие, джао тоже ее используют. Но они хотя бы этого не скрывают. Потому что, согласно их философии, польза должна быть от всего и от всех.

Она оглянулась через плечо. Банле ненадолго отстала — в буквальном смысле этого слова: она остановилась в тени, футы в двадцати позади Кэтлин. Вероятно, от яркого солнца у нее устали глаза. Как все-таки хорошо, что сейчас август! Кампус почти опустел, здесь остались лишь кое-кто из выпускников и профессора, которые заканчивали свою летнюю работу или готовились к следующему семестру. Все, у кого есть приличный дом, давно разъехались.

У Кэтлин тоже был приличный дом — особняк ее отца в Сент-Луисе, нынешней столице Северной Америки... хотя правильнее сказать «административный центр». Столица — место, где сосредоточена реальная власть — это Дом кочена Нарво в Оклахоме. Отец Кэтлин сделал все, чтобы *человеческая* столица находилась на безопасном расстоянии от столицы джао — как можно дальше, хотя и не настолько, чтобы это выглядело очевидным оскорблением.

Здесь, в кампусе, расположенном в центре бывшего штата Мичиган, общество Кэтлин ограничивалось ее верной тюремщицей. Впрочем, ее семья в Сент-Луисе тоже находится под неусыпным наблюдением. Оппак позволил отцу Кэтлин поселиться за пределами Оклахомы потому, что не любил иметь дело с людьми, которые не желают стелиться перед джао. Это с лихвой компенсировалось толпой инопланетян, которые постоянно находились в Сент-Луисе.

В отличие от людей, джао являли собой образец поразительного простодушия, когда дело касалось шпионажа и поддержания внутренней безопасности. У них было мало общего с ФБР и еще меньше — с всепроникающей секретной полицией вроде старинного КГБ или его предшественницы, царской охраны. Лишь изредка они прибегали к услугам людей-доносчиков. Благодаря своему военному превосходству и продвинутой электронике в них не было необходимости. Именно благодаря этому сочетанию самоуверенности и наивности джао многочисленные отряды Сопротивления действовали по всей территории Северной Америки, успешно скрываясь во всевозможных дырах и щелях. Но если бы чиновники человеческой администрации попытались что-то предпринять, эта попытка была бы мгновенно раскрыта и пресечена.

— Эй, Кэтлин!

Она обернулась и увидела Алекса Брека, который бежал к ней через лужайку. Он был высоким и стройным, а кое-как стриженные черные волосы постоянно спадали ему на глаза. В течение всей прошлой недели Алекс упорно приглашал ее на свидание, а Кэтлин столь же упорно отбивалась, чтобы избежать проблем. В данном случае проблема заключалась в том, что она хотела пойти на свидание. Алекс был одним из

немногих, кому она нравилась сама по себе. По крайней мере, в этом Кэтлин не сомневалась.

— Подожди, Кэтлин!

Она остановилась и прижала портфель к груди, словно пытаясь защититься непонятно от чего.

— Я тебе целыми днями названиваю!

Алекс тоже остановился, тяжело дыша, и смотрел в лицо Кэтлин своими карими глазами, словно снайпер на цель.

— Я... не прослушивала автоответчик, — соврала она.

И поняла, что Алекс это заметил.

— И вообще у меня работы невпроворот. Надо подобрать материалы для профессора Кинси, пока занятия не начались, — она вздернула подбородок. — Он пишет книгу по истории джао.

— Знаю, знаю. Но зачем? Мы изо дня в день только и слышим: «джао, джао»... Не хватало еще писать о них книги.

В душе Кэтлин была с ним согласна.

— Это нужно профессору Кинси, — ответила она так громко, чтобы услышала Банле. — И мне за это платят.

— Ага, — и Алекс коснулся ее руки.

Кэтлин попыталась ответить рукопожатием, но выронила портфель, и его содержимое рассыпалось по траве. Через секунду оба стояли на коленях и собирали книги, ручки и бумагу. Алекс смеялся, и Кэтлин, сидя на корточках, смеялась вместе с ним, а ветер играл ее волосами.

— Ну же, — сказал он, заправляя ей за ухо выбившийся локон. — Что ты от меня шарахаешься? Давай поужинаем вместе сегодня вечером.

Его лицо излучало искренность. Кэтлин вздохнула.

— Я бы с удовольствием, — сказала она. — Но ты не понимаешь, чего просишь. У меня... нет личной жизни. И никогда не было.

Она обернулась и посмотрела на Банле. Высокая, вся золотая, охранница стояла на границе света и тени, а солнечные пятна делали ее фигуру похожей на камуфляж.

— Видишь? Она охраняет меня с тех пор, как мне стукнуло четыре года. И, наверно, так и будет всюду за мной ходить, пока я не умру. Или пока она сама меня не убьет. Потому что если джао решат, что я должна умереть — уверяю тебя, ты и глазом моргнуть не успеешь, как я буду мертва.

Алекс наморщил лоб. Похоже, на этот раз он снова не поверил. Кэтлин сунула в свой старый портфель последние листки бумаги и встала.

— Я ни с кем не могу встречаться. Потому что *они* считают это предосудительным. И как я могу получать удовольствие, если Банле будет постоянно заглядывать мне через плечо? Может быть, когда-нибудь все изменится, и я смогу вздохнуть полной грудью... — она на миг опустила глаза, вспоминая своего старшего брата Брента. — Если я позволю себе к кому-то привязаться, этот человек тоже станет заложником. А мне хватает и того, что я сама заложница.

— Вижу.

Он тоже выпрямился и, после секунды колебания, зашагал прочь, обходя Банле стороной.

Вот и все. А жаль. Он мне нравился.

«Вообще-то, он этого не заметил», — подумала Кэтлин, направляясь дальше. Он понятия не имеет о том, что представляет собой ее жизнь, но это к лучшему. Она и не хотела, чтобы он узнал. Проблем и так хватает, незачем вводить в эту игру дополнительного игрока.

Банле догнала ее.

— Тебе угрожала опасность? — ее тело выгибалось, выражая «предчувствие-угрозы».

— Нет, — быстро ответила Кэтлин. — У нас просто были мелкие разногласия.

— Твои родители проявляют слишком большую снисходительность. Ты должна жить в своей коченате, где старейшины могут обучить тебя важным истинам, — произнесла Банле. — А не здесь, среди незнакомцев.

— Люди делают иначе, — возразила девушка. — Они покидают дом и обучаются в университете. Я хочу быть здесь.

Банле лишь неодобрительно сморщила свой курносый нос.

Когда Эйлле, ведя на буксире Талли, вернулся в офис, Райф Агилера уже ждал его. Крупный для человека, но слишком хрупкий для джао, Агилера прохаживался по коридору, как обычно, прихрамывая, и явно обеспокоенный.

Эйлле отключил дверное поле и прошел внутрь. Талли последовал за ним и сразу же забился в угол. Его ярко-зеленые глаза, не отрываясь, следили за джао и человеком. «Точно зверь в клетке», — подумал Агилера.

— Тебя вызвали сюда не для того, чтобы наказать, — Эйлле обратился к технику на своем родном языке. — Хотя многие уверены, что ты заслуживаешь наказания...

Он встретился взглядом с Агилерой. У людей странные глаза — они похожи на белесые яйца со срезанной верхушкой и полупрозрачным содержимым. На этот раз содержимое было темно-коричневое.

— ...Ты это понимаешь?

Агилера бросил короткий взгляд в сторону Талли, потом опустил глаза. На его скулах заходили желваки.

— Меня слегка заносит, — пробормотал он после небольшой заминки. — Но я не хотел проявить неуважение. Все, чего я хочу — это делать свою работу как следует и быть полезным. Вы же сами хотите, чтобы от нас была польза?

— Польза должна быть подобна волне, — Эйлле процитировал одну из первых максим, которую освоил при обучении. — Тот, кому не находится применения, может считать себя мертвым.

— Знаю, слышал.

Агилера расправил свои костлявые плечи — движение, при котором становится заметным, что плечевой сустав у человека устроен чуть иначе, чем у джао. В итоге то, что можно было бы принять за позу «честно-выражаю-согласие», превратилось в полную бессмыслицу.

— Я хочу, чтобы ты подробнее изложил свое мнение относительно человеческих танков, — Эйлле сел в кресло и откинулся на спинку. — Мне кажется, это может оказаться очень ценным. Так же считает и Смотритель Нэсс.

Тонкие полоски волос над глазами Агилеры поднялись.

— Нэсс? Она никогда... — он умолк, не закончив фразы.

— Последнее время она старалась не высказывать свое мнение. Но теперь она перешла в мое подчинение и освобождена от прочих обязательств...

Он чуть не произнес «...и неприятностей», но вовремя остановился. Людям незачем знать такие подробности. Для этого нет причин. Более того, это было бы... неприлично.

Поджарое тело техника заметно расслабилось, и он потер одну ладонь о другую.

— Я не заставляю вас верить мне на слово. Но многие рабочие из нашего цеха тоже сражались под Чикаго. Почему бы вам и их не расспросить?

— Отличная идея, — ответил Эйлле. — Организуй встречу.

Он смолк, и тело само приняло позу «самопогружение-и-размышление».

Дверь оставалась открытой, и Агилера посмотрел в дверной проем, сквозь стеклянную стену коридора, который проходил как раз над цехами. Отсюда можно было видеть, как внизу работают люди.

— А это правда, что где-то есть другая раса, еще более сильная, чем джао? — спросил он. — Которая собирается всех нас уничтожить?

— Ты имеешь в виду Экхат, — откликнулся Эйлле. — И, как ты правильно выразился, они пока еще «где-то». Есть только одна причина, по которой они до сих пор не уничтожили Землю вместе со всеми ее обитателями, словно кучу мусора. Ваша система находится далеко от принадлежащих им узлов контура и поэтому не обнаружена.

Агилера повернулся к нему.

— Но что им нужно?

— Пока этого никому не удалось выяснить, хотя мы, джао, тщательно анализировали ход прошлых столкновений. Насколько нам удалось понять, Экхат просто хотят остаться одни во Вселенной и наслаждаться собственным совершенством.

Поза человека почти не изменилась, но он явно задумался.

— А вы как тогда уцелели? Вы что, выгнали их со своей планеты?

Эйлле был потрясен.

— Ты взял на себя ответственность установить с джао более тесный контакт, чем это было позволено кому бы то ни было из людей. И при этом не знаком с такими основами?! Да еще через двадцать орбитальных циклов после Заоевания?!

Плечи Агилеры поднялись и вновь опустились. Кажется, у людей это заменяло позу «смушение-и-неуверенность».

— Но джао никогда о себе не рассказывают.

Еще одно потрясающее открытие. Приемы установления отношений с побежденными расами были хорошо известны, многократно опробованы и проверены. Это очень напоминало воспитание младенцев. Разумеется, нужно поддерживать свой авторитет и, в случае необходимости, наказывать за непокорность и неуважение. Но чего никогда не следует делать, так это лгать или скрывать что-либо от своих подопечных. Каждый уважающий себя старейшина кочена старается всегда быть искренним со своими воспитанниками. Основа единства — доверие, а основа доверия — откровенность.

И вновь возникает вопрос: чем Нарво здесь занимались?

Однако Эйлле не видел причин обсуждать эту проблему с Агилерой... и тем более с Талли. В конце концов, откровенность с представителями подчиненной расы не распространяется на разговоры, которые ведут отпрыски одного кочена за спиной у отпрысков другого.

— На самом деле, мы не знаем, где наша родная планета, — произнес он. — Самые ранние хроники относятся к тому времени, когда большой группе джао удалось бежать из рабства Экхат.

— Они поработили всю вашу расу?!

— Они нас создали. Мы были полуразумными обитателями океанов. Экхат дали нам разум, потому что им были нужны разумные рабы, которые будут работать и сражаться за них.

— Рабы? — Агилера провел рукой по своим непослушным черным волосам.

— Да. Нам повезло. Вероятно, Экхат связывали с нами какие-то планы. Какие именно и почему — неизвестно. Большинство разумных или полуразумных рас, которые попались на пути Экхат, были истреблены немедленно.

— Значит, если не подготовиться к их визиту, нас всех тоже перебьют?

— Скорее всего, — отозвался Эйлле. — А теперь спустись в цех и договорись с рабочими.

Агилера коротко кивнул головой — человеческий жест, означающий согласие, — и скрылся за дверью.

— Что-то мне с трудом верится.

Талли впервые подал голос с тех пор, как вернулся в офис.

— Думаю, вы нарочно все это выдумали, чтобы нас строить.

Последнее слово было тоже произнесено на языке джао, но само выражение было чисто человеческим. Как быстро люди переводят все в понятия единообразия и порядка! Их способ мышления можно назвать *линейным*. Вернее, *прямолинейным*. Стоит ли удивляться, что они до сих пор не достигли единства? Ведь *прямые* соединяются только *под углом*.

Но сейчас есть более насущные проблемы.

— Ты находишься в моем подчинении, — резко сказал Эйлле. — Это дает тебе право задавать мне вопросы, но я советую тебе впредь воздержаться от намеков на то, что я с тобой неоткровенен. Будь здесь Яут, ты бы уже снова обливался кровью. Он очень суровый инструктор.

Талли отступил на шаг, но в его позе не появилось даже намека на раболепный страх. Нет, он очень смел, это несомненно.

Эйлле решил, что замечание все-таки принято к сведению, и продолжал:

— В остальном ты волен думать, что пожелаешь. Нам все равно, во что ты веришь — главное, чтобы это не мешало найти тебе применение.

Талли поднял руку с локатором. Значения этого жеста Эйлле не знал.

— И как же вы собираетесь меня применять?

— Я еще не решил. Возможно, применения тебе вообще не найдется.

— И что тогда? — Талли вскинул голову и выпятил подбородок. В его глазах светилось упрямство, которое Эйлле стал легко распознавать.

— Тогда я снова буду думать, как поступить. Но зачем думать о том, чего может и не произойти?

Талли собирался сказать что-то еще, но осекся. Потому что в комнату вошел Яут.

Фрагта вел перед собой женскую особь, тощую и неряшливую. Эйлле окинул ее взглядом. Грубые уши, такое же грубое лицо... и судя по всему, такой же грубый интеллект. Тупость была тем качеством, которое Эйлле желал бы видеть у

своих подчиненных меньше всего. Он посмотрел на своего фрагту, подняв руки в позе «смущение-и-недоумение».

— Вэйш, — как ни в чем не бывало поздоровался Яут. Дверное поле восстановилось с легким треском. Эйлле дернул носом.

— Она нуждается в воспитании, — сказал фрагта. — Я взял ее с собой, чтобы облегчить этот процесс.

— Как я понимаю, она тоже поступила ко мне в подчинение? — Эйлле иронично выгнул уши. Яут махнул наветренной рукой, выражая «смущение-и-согласие».

— У того, кто носит бау великого кочена, должно быть много подчиненных. Много и отовсюду. У тебя везде должны быть глаза и уши.

— Безусловно. Но тебе не кажется, что мы собрали слишком многих в слишком короткий срок, чтобы их можно было хорошо воспитать? — Эйлле бросил взгляд на Талли, который стоял у стены, и принял напряженную позу «признаю-что-обеспокоен». — Я не сомневаюсь в твоих способностях, но ты один.

Яут проследил за его взглядом.

— Я вижу, обучение продолжается, — заметил он. — Когда я здесь и когда меня нет.

— Мне тоже так кажется.

— Я обнаружил двоих отпрысков кочена Биннат, — продолжал фрагта. — Возможно, они — именно то, что тебе нужно. Они...

В дверь негромко постучали. Яут смолк и отключил поле. В коридоре стояла группа людей во главе с Райфом Агилерой.

— Сэр? — Агилера заглянул в офис. — Вот люди, о которых вы спрашивали. Кое с кем из них я сам служил, а про остальных слышал много хорошего.

— Они говорят на нашем языке? — спросил Эйлле.

— Кто-то говорит, кто-то нет.

— Тех, кто не говорит, пока отпусти. Но обязательно запиши их имена. Я побеседую с ними позже, когда буду лучше говорить по-английски.

Агилера что-то негромко произнес. Трое из семи кивнули и вышли, опустив головы.

— А теперь, — сказал Эйлле, — расскажите мне о ваших методах борьбы с наземными боевыми машинами джао.

Один, явно мужского пола, вышел вперед. Обычно длинный жесткий ворс — «волосы» — покрывает у людей всю голову, кроме лица. У этого человека волосы были короткими и росли пучками, а кожа была пятнистой и неровной, словно он неудачно перелинял.

— Сложнее всего было на пересеченной местности, — начал он, стараясь не встречаться взглядом с Эйлле. — Этим вашим магнитным приводам никакие ухабы не помеха. А вот с вашими лазерами мы справлялись при помощи дыма. Человек прятался и ждал, пока подъедет машина, а затем кидал дымовую шашку, и мы видели, куда бьет лазер. Обычно это срабатывало. Но это была очень опасная работа, — он немного выпрямился. — Я проделывал это дважды. И во второй раз меня вот так... у нас это называется «разукрасило».

Потом пестрый человек рассказал о том, как устроена «дымовая шашка». Остальные присоединились, вспоминая другие способы борьбы с лазерами джао — не всегда радикальные, но довольно эффективные. Вскоре Эйлле понял, что докопался до сути проблемы. Раньше он никогда не задумывался об этом, но теперь понял: способ ведения боевых действий джао унаследовали от Экхат.

Но Экхат не были завоевателями. Они просто уничтожали противника. Если же задача заключалась в том, чтобы добыть рабов, они попросту захватывали достаточное количество пленников, чтобы те могли размножаться, а остальная часть популяции уничтожалась. Поэтому они редко вели бои на поверхности планеты, населенной разумными существами. Получив в свое распоряжение несколько ее обитателей, они просто уничтожали планету. Их вооружение и тактика создавались для сражений в открытом космосе. В свою очередь, Яут вставил контраргумент.

— До сих пор наши методы себя вполне оправдывали, — резко произнес он. — Как вы можете это объяснить?

Люди смолкли. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно было обладать хоть какими-то сведениями о прошлом джао. Однако Эйлле уже знал ответ.

— Мы ни разу не воевали против технически развитой расы. Большинство из тех, кого нам удалось подчинить, просто были дикарями, которые едва освоили обработку металлов. Со

слабым противником можно сражаться и плохим оружием. Но теперь мы столкнулись с вами и поняли, в чем наша слабость. Мы давно должны были это понять, но до сих пор никто не потрудились изучить этот вопрос и выслушать побежденных.

Вот только почему? Эйлле уже был готов объявить это очередным промахом Нарво... Но такое объяснение будет в лучшем случае поверхностным. Настоящая причина состоит в другом, догадался он. Джао действительно никогда не встречали ни одной расы, похожей на людей. Им никогда не приходилось приглашать представителей побежденных, чтобы проконсультироваться с ними по поводу вооружения и методов ведения войны. Потому что в этом просто не было смысла: все, с кем джао воевали до того, как захватили Землю, были вооружены примитивным оружием, которое управлялось исключительно силой мускулов.

Разумеется, кроме Экхат. Но у Экхат такое же вооружение, как у джао.

Погруженный в раздумье, Эйлле сделал несколько шагов назад и вперед.

— Интересно, что можно найти в наших рапортах о битвах с Ллейкс. Мне ни разу не доводилось их изучать.

— А мне доводилось, — ответил Яут. — Информации в них очень мало... и еще меньше — полезной информации. Строго говоря, это вообще не рапорты. Больше всего они напоминают церемониальные песнопения: возвышают чувства, но ничего не сообщают уму.

Для Эйлле это не было новостью. История сражений с Ллейкс действительно воспринималась как легенда, а не хроника реальных событий. Эти события произошли очень давно — еще в те времена, когда джао были послушными рабами Экхат. Экхат отдал приказ, и джао истребили Ллейкс.

Разговор продолжался, и Эйлле решил больше не отвлекаться. Он погрузился в поток реального времени. Люди рассказывали, он слушал... Но самым удивительным было ощущение, которое появилось у него впервые за все время, которое он находился на этой планете.

Это было ощущение единения.

Наконец-то.

По крайней мере, первые проблески.

Глава 9

Еще не пришло время ранней тьмы, когда Смотритель Нэсс кринну Ташинэт вау Ниммат отыскала Директора Вамре в темной нише Зала единения. Заметив в дверях ее мускулистую фигуру, Директор обвел взглядом темные своды зала, поморщился и поглубже зарылся в грудь дехабий. Воздух был наполнен ароматом така, напоминая о доме. Вдыхая его, Вамре чувствовал себя гораздо лучше. Ссора с давешним юнцом-выскачкой уже наполовину забылась... хотя, пожалуй, все-таки надо подать протест главнокомандующему Каулу.

Нэсс, скорее всего, собирается сообщить, что план в очередной раз не выполнен — как всегда, на какие-нибудь пару процентов. Или о том, что группа рабочих-туземцев сбежала — как всегда, прихватив какой-нибудь пустяковый образец технологий джао. Эта Нэсс всегда так аккуратна... Но сейчас его рабочий день уже закончился, а по окончании рабочего дня у него полностью пропадал интерес к работе.

Через мгновение Нэсс тоже заметила Директора и подошла. Право, с таким благородным *ваи камити* занимать столь скромный пост... Нелепость. Будучи подчиненной Вамре, Нэсс была отпрыском Ниммата — кочена с куда более благоприятными связями, чем у Кэнну. Впрочем, стоило ли удивляться? То же самое можно сказать про большинство коченов.

Смотритель устроилась на куче поношенных дехабий с такой грацией, словно весила не больше новорожденного детеныша. Не обращая внимания на взгляды и шепот остальных присутствующих, она слегка склонилась в позе «сожаление-и-искренность».

— Офицером, с которым вы спорили сегодня, был наш новый Субкомендант Эйлле кринну ава Плутрак.

Директор сделал судорожное движение, словно хотел встать, потом превратился в статую. Даже его вибрисы не шевелились.

— Плутрак?!

— Вот именно.

Взгляд Нэсс оставался бесстрастным, глаза мягко отливали зеленью, поза не изменилась ни на йоту. В малейшем движении ее ушей чувствовалось классическое воспитание —

воспитание, которое могут получить лишь отпрыски Изначальных коченов и при котором тебе уже не надо делать усилий, чтобы двигаться изящно.

— Если помните, — продолжала она, — я просила вас выйти со мной наружу, чтобы сообщить вам об этом...

Директору стало не по себе. И с каждым словом Нэсс это ощущение неуклонно усиливалось.

— Как мне сказали, он — *намт камити*, самый достойный представитель своего поколения. Некоторое время назад мне была оказана высокая честь: меня перевели в его личное подчинение.

Очевидно, она исполнила все, что диктует *витрик*, потому что встала и покинула зал, предоставив своему бывшему начальнику лежать в своем темном уголке, размышлять, слушая разговоры окружающих, и вдыхать ароматный дымок, поднимающийся над жаровней, на которой лежала веточка привозного така.

Перевели в личное подчинение Субкоменданта?! Вамре едва сдержал стон. Они с Нэсс всегда плохо уживались — а тогда обстановка была не столь накаленной. Теперь с ней и вовсе будет не сладить. Когда за ее спиной стоит такой высокий авторитет, как отпрыск Плутрака, нетрудно догадаться, кто будет на самом деле управлять заводом.

Но сейчас нужно позаботиться кое о чем более важном, чем отношения с Нэсс. Вамре попытался вспомнить, что наговорил тогда в цеху и что ему ответил ава Плутрак. Да, на щеках у этого юноши нет ни одной полосы... но как можно было проглядеть такой *ваи камити*?! А его *фрагта*... Такой строгий, чопорный и преисполненный чувства долга... Одно-го его присутствия было достаточно, чтобы понять, что здесь что-то не так. Ни у одного офицера из младшего кочена — и тем более из *тэйфа* — не может быть *фрагты*. Где были его глаза и уши?! Где был его разум?!

Ясно, что необходимо принести извинения, пока не поздно. Вэллт, его кочен, ничем не успел прославиться. Другие кочены редко отвечали на его предложения вступить в союз — и еще реже отвечали согласием. Немногим лучше было положение Исконного кочена Кэнну, к которому принадлежал Вэллт. А теперь своим безрассудством он нанес вред всем

отпрыскам своего кочена — и нынешним, и будущим. Теперь каждый раз, услышав их имена, этот Плутрак будет вспоминать его, Вамре. И непременно посоветует другим отвернуться от них. И не только этот ава Плутрак. Так будут поступать все, кто связан с Плутраком, а таких множество. Нет больше кочена, который достиг бы таких высот в искусстве единения. А все эта «утонченность Плутрака»... Лишь могучий и многочисленный Нарво может заявлять, что равен Плутраку. Но ни один джао — за исключением отпрысков родственных и союзных коченов — не разделяет этого мнения.

Вамре поднялся и направился к выходу. Его штаны источали запах така. Полная тьма еще не наступила. Возможно, он успеет переговорить с ава Плутраком, если только тот не погрузился в дремоту.

Родственники смотрели ему вслед. Кое-кто из них даже слышал разговор краем уха. Но никто не выразил готовность пойти с ним и попытаться спасти то, что, похоже, было погублено безвозвратно.

Слушая отпрысков Бинната, Эйлле принял строгий, почти суровый вид, сложив руки в позе «спокойствие-и-внимание», что оказалось весьма благотворным. Безымянная телохранительница притаилась где-то на периферии. Однако до нее, кажется, уже дошло, что даже Талли, чей статус еще ниже, чем у нее, тоже находится в личном подчинении Эйлле, и постепенно начинала приходить в себя. Яут стоял у дальней стены, его вибрисы шевелились, словно он вынюхивал добычу.

Его собеседники — один был мужской особью, другой женской, — расположились в креслах перед столом. Трехмерную схему внутреннего устройства человеческой подводной лодки Эйлле хотел убрать, но заметил их неподдельный интерес и передумал. Теперь это переплетение цветных линий и полупрозрачных поверхностей медленно вращалось над столом, отражаясь в гладкой поверхности столешницы и время от времени разбрасывая яркие блики.

Женская особь была выше ростом и пока сидела неподвижно. Ее спутник, плотно сбитый, с несколькими блестящими

шрами с наветренной стороны, наклонился вперед, каждым изгибом суставов выражая «готовность-быть-откровенным».

— Ваш фразга сказал, что вас интересует Чикагское сражение, Субкомендант.

Ни утонченности, ни манер, подумал Эйлле. Просто старый боец, готовый ответить за ошибки и не желающий играть по сложным правилам *витрик*. Можно не сомневаться: из-за этого его и не продвигают по службе.

— Именно так, — ответил он, принимая позу «внимание» — без какой-либо дополнительной окраски. — Что вы можете сказать о войсках людей?

— Они сражались как дикие звери, — воспоминания зажали в глазах ветерана зеленое пламя. — Очень хитрые, но недостаточно умные, чтобы понять, когда следует признать поражение. Мы постоянно давали им возможность сдаться, но они продолжали атаковать. Они шли в бой сотнями — опытные и новички, старые и молодые — и сражались даже после того, как это теряло смысл. Нам приходилось уничтожать их, разрушать их технику и объекты — даже мосты и дороги. Нам даже приходилось убивать их детенышей! Но они не оставили нам выбора, потому что не желали сдаваться.

Самка поежилась, словно ей стало не по себе.

— С ними было очень тяжело иметь дело, потому что они совершенно непрактичны, — негромко проговорила она. — У них есть специальное название для такого поведения: «фанатизм». Когда нам удавалось захватить в плен их воинов, они отказывались есть и умирали от голода. А иногда — правда, не слишком часто, — убивали себя и друг друга, и даже собственное потомство. Только бы не попасть к нам.

Она перевела взгляд на схему подкладки и смолкла. Изумрудные плоскости переливались, под ними мигали красные огоньки, которые обозначали местонахождение командных пунктов. Эйлле нарушил молчание.

— А что вы можете сказать о джинау?

— Они очень способные, сэр, — сказал отпрыск мужского пола. — Но никогда не поймешь, можно ли им доверять. На самом деле, они очень непостоянны. Порой мне кажется, что причина этому — их повышенная сообразительность.

— И все же у них есть чувство долга, — задумчиво произнес Эйлле. — Я сам был свидетелем тому, как некоторые из них отважились спорить с Директором завода — только из-за того, что хотели «сделать работу как следует».

— Не все так просто, — возразил ава Биннат. — Люди очень изворотливы и часто лгут.

— Если они хотят что-то получить, то скажут вам все, что угодно, — подхватила его спутница. — Они могут даже поклясться, а потом все равно поступят как заблагорассудится. Поначалу многие джао поплатились жизнью за то, что этого не знали.

— Я как раз хочу проверить их слова. Люди утверждали, что наши лазеры оказались неэффективны. От них можно было защититься достаточно примитивным способом — рассеивая в воздухе всевозможные мелкие частицы.

— Во время наземных боевых действий так и было. Это правда. И еще правда в том, что их собственное оружие часто оказывалось куда более эффективным.

— Кто-нибудь проводил расследование этой ситуации — тогда или позже?

— Мне об этом неизвестно, — ава Биннат покосился на свою родственницу, и та шевельнула уцелевшим ухом, подтверждая его слова. — В конце концов, мы победили.

— Понимаю...

На миг Эйлле позволил своим вибрисам поникнуть, но вовремя понял, что выражение «подозреваю-недальновидность» может оказаться слишком резким, и тактично изобразил «ожидая-развития-событий». Потом встретил взгляд Яута и заметил в его позе оттенок сдержанного интереса.

— Ты хотел задать вопрос, фрагта Яут?

— Да, — Яут шагнул вперед. — Как часто джао отказываются от своей техники и используют вместо нее человеческую?

Прекрасный вопрос, подумал Эйлле. Ему такое почему-то не пришло в голову.

Отпрыски Бинната переглянулись, потом женская особь неохотно проговорила:

— Такое действительно случалось. Время от времени.

Ее спутник вскочил, словно его подбросило, и мгновенно оказался в позе «крайнее-изумление-и-насмешка».

— «Время от времени»?! Лучше сказать: «как только выпадал случай»! Нет, не спорю, случай выпадал редко — по крайней мере, на моей памяти. Думаю, дело только в том, что мы не помещаемся в их танки. Но мы применяли всю артиллерию, до последней единицы, которая попадала к нам в руки, как только научились ей пользоваться.

Яут пристально посмотрел на него. Эйлле был уверен, что его ффрагта не ограничится одним вопросом, но тот, помедлив мгновение, вновь отступил к стене. Ясно, что ему было о чем поговорить с этими отпрысками кочена... но не здесь и не сейчас, не в присутствии своего воспитанника.

Эйлле не рассердился. Хороший ффрагта вполне может взять инициативу в свои руки и выбирать методы по своему усмотрению. К тому же доверие к отпрыскам коченов и тэйфов, входящих в кочен Плутрак, было не последним из того, что способствовало его возвышению.

В этот момент дверное поле рассеялось, и на пороге появился еще один джао. Эйлле прищурился, рассматривая новоприбывшего, пока не вспомнил, где видел этот ваи камити.

— Директор Вамре? — сказал он, на всякий случай принимая нейтральную позу.

— Я... — весь вид директора излучал простодушное страдание. — У меня было столько хлопот, я прослушал сегодняшнюю сводку... Я не знал!..

Ошарашенные, отпрыски Бинната отступили к дальней стене, в тень. У Яута дернулись кончики ушей. Казалось, даже Талли понял, насколько потрясен директор.

— Не знал?! — беспомощно переспросил Эйлле.

— Я не знал, что вы ава Плутрак!!!

— Плутрак — весьма многочисленный кочен. Никто не ожидал, что вы будете знакомы со всеми его отпрысками. Это было бы странно.

— Но я не знал о вашем назначении! — Вамре кринну Вэллт вау Кэнну сделал несколько шагов вперед, и его взгляд неожиданно наткнулся на ветеранов-джао, которые с изумлением взирали на эту сцену. Вид отпрысков другого кочена, даже не столь славного, заставил директора подтянуться.

— Я хотел сказать — о том, что вы прибыли на Землю. Хотя обязан был знать.

— Об этой планете рассказывают много интересного, и при этом она достаточно изолирована от остального мира, — возразил Эйлле. — Плутрак захотел получить информацию из первых рук. Вот почему я получил это назначение.

— Я был с вами неучитив, — не отставал Вамре. — Если бы я знал...

Эйлле не удержался. Его тело само приняло позу «холодность-и-возмущение».

— Суждение может быть верным или неверным, и какая разница, кто его высказывает? Почему отпрыску Плутрака вы должны говорить одно, а остальным — другое? Правда есть правда.

— Но я высказался, не выслушав вас! Я решил, что вы просто наглый юнец! Но в таком великом кочене, как Плутрак, не может быть наглецов. Раз вы поддержали людей, у вас были на то причины...

— Плутрак — это кочен, а не особь, — раздраженно ответил Эйлле. — Поэтому его действия весьма разнообразны и не всегда удачны. Но в данном случае я не вижу наглости в предложении хотя бы выслушать, что люди думают о реконструкции, которую мы проводим. Они многого достигли собственными силами задолго до нашего появления. И, уверен, лучше нас разбираются в достоинствах и недостатках собственной техники.

Вамре склонил голову. Было видно, с каким трудом он сдерживает себя.

— Ава Плутрак... Полагаю, со временем вы лучше узнаете людей, и ваше мнение изменится. Это коварные и обидчивые твари, они не забывают о своем поражении и вполне могут дезинформировать вас только для того, чтобы отомстить.

Талли фыркнул из своего угла и принял характерную позу — прямая спина, руки сплетены на груди. Яут раздул ноздри, но промолчал.

Эйлле откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел на переполошенного директора.

— Я учту ваш совет, Директор Вамре. Благодарю вас за то, что вы были столь любезны и посетили меня в столь позднее время солнечного цикла, чтобы сообщить мне ценную информацию.

И непринужденно изобразил «внимание-и-утомление» — очень сложную позу, которую невозможно принять с должным изяществом без длительных тренировок. Он мысленно поблагодарил своих учителей. Теперь на это хватало времени между двумя вдохами.

Вамре уныло посмотрел на Субкоменданта, и его вибрисы обвисли.

— Пусть все и всегда внемяют вашим словам, — изрек он. — Пусть все ищут вашего внимания.

Решив, что сумел напоследок позаботиться о своих интересах, Директор повернулся и вышел.

Яут задумчиво посмотрел ему вслед.

— Это было любопытно, — просто сказал он.

Отпрыски Бинната вышли на свет. Наклон их ушей выдавал замешательство, которое у мужской особи приняло оттенок явного презрения. Похоже, они знали Вамре и были о нем невысокого мнения.

— Мы тоже хотим удалиться, Субкомендант Эйлле, — произнесла его спутница, — если вы в нас больше не нуждаетесь.

— Мне было полезно узнать ваше мнение, — ответил Эйлле. — Я надеюсь, что могу рассчитывать на Биннат, если мне понадобится дополнительная информация. Как и мой фрагта.

— Для нас будет большой радостью принести вам пользу, — подхватил ава Биннат. — Можете обращаться к нам в любое время. С вашего позволения?..

Эйлле наморщил нос в знак согласия, и ветераны покинули комнату.

Оказавшись снаружи, они переглянулись.

— Это опасные воды, — пробормотала Эммет. — Когда Нарво и Плутрак оказываются рядом, младшие кочены рискуют попасть в водоворот.

Ее спутник был настроен более оптимистично.

— Это так. Но этот мир нуждается в очищении. И тебе это известно не хуже, чем мне. Нарво потеряли...

И осекся. При всей своей прямоте и смелости, он пока не был готов произнести такое вслух.

* * *

Шпион должен найти с врагом общий язык. Поэтому подготовкой Талли к заданию занимались двое соратников Уайли, свободно владевшие языком джао. О самом Талли этого сказать было нельзя, и о некоторых нюансах спора между директором и Эйлле ему оставалось лишь догадываться. Положение усложнялось тем, что наравне со словами и интонациями джао пользовались этим чертовым «Языком тела», о котором Талли имел лишь смутное представление.

Но кое-что все-таки выяснилось. Джао вовсе не так едины, как считалось раньше. У них бывают споры и глубокие внутренние разногласия... Об этом никто даже не подозревал — ни Роб Уайли, ни он сам. Этот молодой Плутрак, похоже, скоро устроит всем хорошую встряску. Так что он, Гейб Талли, поторопился строить планы побега. Если он останется, то принесет куда больше пользы. До сих пор Эйлле не выказывал намерения устроить ему допрос, ограничившись той единственной угрозой. Что-то подсказывало Талли, что по каким-то неизвестным ему причинам юный субкомендант не будет его пытаться. «Воспитывать» — да, но какой бы смысл джао ни вкладывали в это слово, оно не имеет отношения к тому, что люди называют «допрос с пристрастием».

Так что придется поиграть в шпионов, Гейб Талли. И признайся честно, это самое интересное из всего, чем тебе до сих пор приходилось заниматься.

Эйлле поднялся. В то же мгновение его новая телохранительница встала и направилась к двери.

Яут повелительно кивнул Талли.

— Идем! — бросил он.

Талли вспылил, но почти мгновенно заставил себя успокоиться. Ты же шпион, черт возьми! Будь хорошим мальчиком.

Он энергично зашагал туда, куда вели его трое джао, которые шли следом — на первый этаж, потом через все здание, к выходу, где уже ждала машина. Талли уже знал, что сядет рядом с водителем. Все это время телохранительница плелась в хвосте. Она тоже была в «подчинении» у Эйлле. Непонятно, что это означало, но вид у нее был столь же счастливый, как и у Талли.

Солнце уже село, сгущались сумерки, и горизонт напоминал широкую полосу раскаленного железа, которая понемногу остывала. На деревьях трещали цикады, а с юга доносился шум прибоя. Должно быть, со стороны моря надвигается шторм. Воздух был жарким и почти неподвижным, машина нагрелась на солнце, а о кондиционере оставалось только мечтать: джао спокойно переносили жару и холод и не нуждались в подобной роскоши. Правда, люди, которые были вынуждены находиться рядом, подобной выносливостью не обладали. Талли откинулся назад, подставляя лицо хлесткому горячему ветру, чтобы хоть как-то освежиться.

Водитель остановился перед квартирой Эйлле и проворно выскочил наружу, чтобы распахнуть перед субкомендантом дверцу.

— Я вам понадобилось сегодня вечером, сэр? — спросил он, когда джао покинули салон. Эйлле небрежно махнул рукой.

— Возможно. Ждите дальнейших распоряжений.

Водитель кивнул, забрался на свое сиденье и устроился поудобнее.

Талли смотрел, как джао отключили дверное поле и прошли внутрь. Как они живут в таких домах? Ни одного угла, ни одной прямой линии... Неважно. Главное — похоже, никто пока не заметил, что он отстал.

— Дэнверс, — Талли шагнул к машине. — Сделай одолжение, передай ребятам весточку. Я не хочу, чтобы они думали, что я просто исчез.

Водитель прищурился, посмотрел на него и зевнул.

— Если субкомендант сочтет нужным поставить их в известность, то сам им сообщит.

— Черт возьми! — Талли вцепился в раскаленную дверцу. — Меня же объявят дезертиром!

В любую секунду эта гадость у него на запястье может заработать, и тогда мало не покажется. В прошлый раз ощущение было такое, словно мозги закипают. Так что некогда тянуть.

— Талли, — лениво проговорил водитель, — ты болван. Ты до сих пор ничего не понял? Он — Плутрак. И ты перешел в его личное подчинение. Если мне память не изменяет, такого еще никогда не было. А ты беспокоишься из-за какой-то фигни. Ей-богу, я бы дорого дал, чтобы оказаться на твоём месте.

— «Подчинение!» — презрительно фыркнул Талли... и тут же вздрогнул: браслет предупреждающе запищал.

— Вот за это ты дорого бы дал? — Талли сунул свое окольцованное запястье под нос Дэнверсу. — За то, чтобы стать рабом?!

Водитель недоуменно нахмурился.

— Ты же джинау! Ты что, не знал, на что подписываешься? А если знал, то какого черта — тебя, кажется, никто за уши не тянул!

И в этот миг запястье пронзила нестерпимая боль. Она пробежала по нервам, как электрический ток, залила мозг, и перед глазами как будто взорвалась сверхновая. Талли заорал и рухнул на колени, ослепленный и оглушенный одновременно. И тут боль схлынула — не совсем, ровно настолько, чтобы у него хватило сил подняться на ноги. Сделав несколько неверных шагов, Талли ввалился в дверной проем.

Там он привалился к стене и несколько секунд мог только дышать. По лицу градом катился пот. Господи, сколько еще это продлится... Сколько его будут таскать на цепочке, как какого-то паршивого пуделя...

Полномочный помощник подробно доложил обо всех перемещениях и действиях нового Субкоменданта за последний день. Приняв рапорт, Главнокомандующий Каул кринну ава Дэно вразвалку прошелся по своей просторной комнате. Его поза выражала подозрение — выражала грубо, но именно это доставляло ему особенное удовольствие.

Мастеров поз кочена Дэно, которые когда-то обучали Каула, это зрелище повергло бы в ужас. Однако Главнокомандующий уже давно обнаружил, что вульгарные позы как ничто другое помогают снять напряжение. Когда он находился в обществе других джао, малейшее его движение отвечало самым высоким стандартам. Но наедине с собой он все чаще позволял себе расслабиться.

Возможно, причиной тому была необходимость постоянно иметь дело с туземцами. Эти дикари имели весьма смутное представление о Языке тела и лишь небольшое число стандартизированных поз. Неудивительно! Ведь столь же смутное

представление они имели и об обучении и воспитании. Их дети росли сами по себе, обучались самостоятельно и выходили в жизнь с тем, чего успевали нахвататься. Так можно ли надеяться, что когда-нибудь они научатся вести себя пристойно?!

Главкомандующий рухнул в кресло и мрачно уставился на голографическую карту галактики, на которой отображались последние передвижения Экхат. Карта медленно вращалась над столом. Системы, в которых шла война, мерцали красным. Те, над которыми нависла угроза вторжения, были обозначены синим, а янтарным — те, куда Экхат пока не добрались. Пока. И снова плохие новости — в последнее время других не поступало. Если Свора Эбезона не пришлет помощь в ближайшее время, то этой звездной системе конец. Каул пока тешил себя надеждой, что Гончие все-таки подоспеют вовремя и сумеют создать перевес. На систему Земли, потенциальный источник ресурсов, тоже поначалу возлагали надежды... которые так и остались надеждами из-за упрямства туземцев. Про флот джао и говорить не приходится: война с Экхат идет на многих фронтах, и эскадры рассеяны по всей Галактике.

Но какой смысл размышлять о том, что ты все равно не в состоянии изменить? Сейчас появилась еще одна проблема — его новый заместитель, ава Плутрак. Юноша ведет себя очень странно. Говорят, что он — *намт камити*, или, во всяком случае, из тех, кого называют «перспективным». Но почему он так много времени проводит в компании людей? Этого Каул никак не ожидал. Несомненно, Плутрак прислал его сюда повредить репутации Нарво. Но как Эйлле кринну ава Плутрак собирается расширять связи своего кочена, если почти не общается с другими джао?

При этом его фрагта выглядел вполне достойно. Может быть, они послали сюда этого юнца вовсе не для того, чтобы унижить Нарво? Возможно... Каул поймал себя на том, что стискивает кулаки в порыве постыдного злорадства. Возможно, его не послали, а *сослали* на Землю, потому что он не оправдал их ожиданий. Возможно, он не смог или не захотел соответствовать высоким стандартам Плутрака. Возможно, старейшины решили, что единственная для него возможность принести пользу — это отправиться на беспокойную Землю, где Нарво сотрет его в порошок. Можно не сомневаться, что

после такого прецедента конфликт двух коченов перейдет в форму открытого столкновения.

Нет... Нет. Здесь что-то не так. Подобная тактика совершенно не в стиле Плутрака — слишком просто, слишком прямо. Скорее, так стал бы действовать Нарво и почти наверняка — Дэно. Родной кочен Каула был последователем основной доктрины Нарво: если есть возможность — не искать окольных путей. Именно поэтому эти кочены так часто становились союзниками.

Каул вновь зашагал по комнате.

Каким образом можно использовать эту ситуацию с пользой для Дэно? В настоящий момент Эйлле — единственный отпрыск Плутрака на планете. Но можно не сомневаться: отпрысков многочисленных коченов, входящих в Плутрак, можно встретить повсюду, на всех постах... в том числе и самых высоких. Так и должно быть у многочисленного и славного кочена.

Если Эйлле постигнет неудача, Плутрак будет об этом немедленно извещен, причем по неофициальным каналам. И тогда не исключено, что старейшины поверят словам Каула и решат установить связь с Дэно, о чем прежде нельзя было и мечтать. Такой поворот событий будет весьма на пользу его родному кочену. Разумеется, Нарво — давние союзники Дэно, и в этом вопросе легкомыслие недопустимо. Но это неравный союз. При всей своей многочисленности Дэно не сможет противостоять военной мощи Нарво, если Изначальный кочен захочет проявить свою власть. Да, Дэно все еще сохраняет за собой статус Изначального кочена — но надолго ли это? Если ситуация не изменится, с течением времени он будет поглощен Нарво.

Осторожнее, напомнил себе Каул и на миг замер в позе «крайняя-усталость», исполненной подчеркнуто вульгарно. Вся власть и сила, которой Нарво обладают на Земле, сосредоточена в руках Оппака. И ни один из отпрысков его кочена, который оказался бы на его месте, не применял эту силу быстрее и жестче. А значит, ничто не должно указывать — и даже намекать! — на то, что Каул каким-то образом ищет пути связи с Плутраком! Как бы это ни было неестественно для выходца из Дэно, придется действовать тонко... нет, *утонченно*, как отпрыск Плутрака. Установить связи с Плутраком,

подорвав авторитет его же отпрыска... Да, если Оппак это заметит, то будет только рад.

Итак, решено. Течение времени принесло юного отпрыска Плутрака в руки Нарво — и, в определенной степени, в руки Дэно. А как следует поступить с тем, что само плывет тебе в руки? Поймать и найти добыче должное применение, превратить в орудие, которое позволит тебе сделать то, что невозможно сделать голыми руками.

Каул снова замер и придирчиво осмотрел себя. Все линии выстроены кое-как, плечи неуклюже вывернуты, из-за чего и руки оказываются не в том положении, а разворот торса просто безобразен. Если он, Главнокомандующий Каул, хочет извлечь пользу из этой ситуации, стоит быть сдержаннее.

Он вспомнил уроки, которые проходил много лет назад. Инструктора отрабатывали с ним самые изящные из поз, которыми славился Дэно. Медленно, понемногу Каул сгибал руки, пока не принял прекрасную в своей отточенности позу «решимость-и-предвкушение».

Глава 10

На несколько солнечных циклов Эйлле с головой погрузился в повседневную жизнь большого и шумного завода, где работы, похоже, никогда не прекращались. Удивительно, но люди с равной эффективностью трудились как днем, так и ночью, хотя по своей природе были дневными существами — в отличие от джао. При всей своей хрупкости они сравнительно легко адаптировались к различным суточным ритмам. Кроме того, люди могли работать без отдыха гораздо дольше, чем джао, которым требовались короткие, но частые перерывы для дремы. Согласование потребностей представителей двух рас создавало немало проблем Смотрителям, но в итоге реконструкция шла несравненно быстрее, чем если бы штат рабочих состоял из одних джао.

К несчастью, последние зачастую относились к людям с тем же высокомерием, что и Директор Вамре кринну Вэллту Кэнну, который, в свою очередь, копировал стиль командующего Каула. В итоге рабочих непрерывно подгоняли, по-

рой требуя от них невозможного, и никогда не прислушивались к их мнению. Стоит ли удивляться, что недовольство рабочих постоянно росло?

К счастью, теперь эта проблема не сразу, но должна была разрешиться. После того, как Нэсс поступила в личное подчинение Эйлле, ее влияние значительно возросло. Задним числом Эйлле понял, что принял решение несколько поспешно, и попросил Юта проверить ее досье. Однако все тревоги оказались напрасны: с удовлетворением — но без удивления, — он обнаружил, что на участке Нэсс уровень производительности всегда был самым высоким, а частота конфликтов — самой низкой.

Официально Нэсс оставалась на прежней должности. Но одно дело должность, а другое — влияние и слава кочена. Так у джао было всегда. Вскоре остальные Смотрители уже подходили к ней за советом и брали с нее пример. Кто-то просто следовал обычаю, а кто-то надеялся таким образом укрепить связи своего кочена с Плутраком.

Отношения между коченами были самой сложной проблемой. Кочены и тэйфы всегда соперничали друг с другом, и в определенной степени это было даже полезно. Но использовать можно все, только не всегда с пользой. На этой военной базе — и, как подозревал Эйлле, на всей планете, — это соперничество то и дело принимало форму враждебности, и о пользе говорить уже не приходилось. Особенно когда соперничество превращалось в самоцель. Эйлле обнаружил, что вынужден то и дело разрешать споры между отпрысками разных коченов, причем одна и та же ситуация могла повторяться по несколько раз. Особенную склонность к противостоянию и нежелание искать пути к примирению проявляли Хидж и Биннат. Главнокомандующий Каул кринну ава Дэно просто «махнул на них рукой», как говорят люди. Похоже, он решил, что стороны рано или поздно сами придут к компромиссу. Эйлле не понимал, какая может быть польза от хаоса, который при таком развитии событий казался почти неизбежным. Поэтому со всей деликатностью, которой прославился его родной кочен, искал то, что могло стать основой объединения. Это была обычная метода Плутрака, которую его отпрыски осваивали чуть ли не с рождения. Плутрак не разде-

для веру Нарво в действенность командного метода — и тем более в упрощенной версии командного метода, которую предпочитал Дэно.

По мнению Нэсс, одной из причин разногласий могло стать влияние людей, которому многие джао подвергались уже давно. Люди действительно питали склонность к бесполезному противостоянию. Когда Эйлле обратился за советом к Яуту, фрагта сказал то же самое.

— Она права. Похоже, она разбирается в этом вопросе. Ветераны из Бинната рассказывали, что даже во время завоевания люди не могли отказаться от «соперничества служб» — они это так называют. Странные существа... Ты можешь себе представить, чтобы одни солдаты сражались исключительно на суше, другие на море, третьи в воздухе?! И такое разделение сохраняется постоянно, независимо от обстановки, причем соблюдается очень жестко! Эти искусственно разделенные воинские части напоминают кочены — если можно представить себе кочены, которые не способны объединяться.

Эйлле недоуменно уставился на него.

— Это правда! Ты можешь представить что-нибудь более нелепое? Ты можешь представить, чтобы наши войска различались по... — он попытался выбрать наиболее показательный пример и внезапно рассмеялся. — По отношению к «азартным играм»! Кстати, я начинаю понимать, что это такое... А как тебе такая фраза — я слышал ее от одного из офицеров-джи-нау: «Джао — это противник, а морской пехотинец — враг».

Кажется, никогда в жизни Эйлле не испытывал такого потрясения.

— «Морская пехота» — это название для группы воинов, которые совершают десантные операции, — пояснил Яут. — Вот она действительно напоминает кочен... — на миг он задумался. — Нэсс действительно права. Поразительно, насколько сильное влияние люди оказали на тех джао, которые находятся здесь длительное время. Многие ветераны, и прежде всего *баута*, перенимали многие людские привычки и обычаи. Загляни как-нибудь в Зал единения Бинната — или в любой другой. Джао собираются там и слушают *музыку*! Я это слышал — напоминает церемониальные песнопения, но более замысловато. Там же можно обнаружить человеческие изделия,

которые предназначены только для одного — чтобы на них смотрели. Это называется «искусство» — «живопись» или «скульптура». Они стоят рядом с эмблемами кочена! Пожалуй, единственное, в чем до сих пор нельзя упрекнуть джао — это «азартные игры», которые даже самые старые из ветеранов считают абсурдом... Немыслимо, — его поза трансформировалась в «недоумение-и-замешательство».

Его воспитанник поднялся, повернулся к окну и некоторое время разглядывал пейзаж. Удивительно, какая здесь плоская местность...

— Мне кажется, я понимаю, в чем тут дело, Яут, — голос Эйлле звучал негромко. — По крайней мере, начинаю понимать. С нами просто никогда не происходило ничего подобного, и многого мы еще не осознаем. Дело в том, что люди — это существа, почти равные нам. А кое в чем, надо признать, они даже превосходят нас...

Он услышал, как Яут поперхнулся. Уши фрагты были развернуты, выражая беспредельное удивление.

— Тебе это кажется бессмыслицей? — Эйлле повернулся к нему лицом. — Но назови мне хоть одного джао, который скажет, что Экхат уступают нам в развитии! Я думаю, таких не найдется. Экхат порой непостижимы, но что касается уровня их развития... Достаточно хотя бы вспомнить, что Экхат создали нас, а потом неоднократно истребляли. Проблема в том, что мы привыкли мыслить так, как принято у Нарво или Дэно. Мы оцениваем превосходство по успешности военных действий. Но разве это не предрассудок? Точно такой же, как предубеждение, которое воины разных родов войск питают друг к другу!

Фрагта задумался, потом пробормотал что-то неразборчивое — скорее это могло означать «принял к сведению», нежели «согласен», судя по позе «готовность-к-обсуждению».

— Одержав победу — нелегкую победу, — мы тут же придали людям статус низших существ и стали управлять ими соответственно, — продолжал Эйлле. — Положение усугубилось тем, что власть была отдана Нарво.

Заметил ли Яут, что начинает принимать позу «предельное-внимание»? Во всяком случае, возражать он явно не собирался. Эйлле знал, что делает. Стоило ему провести анало-

гии с отношениями коченов, и Яут почувствовал себя в родной стихии, как любой фрагта. К тому же Джитра, его кочен, был давним союзником Плутрака и перенял у Изначального кочена стремление к объединению.

— Мне кажется... я начинаю понимать, — проговорил он. — Попробуй силой подчинить кочен или тэйф, и повсюду проклянутся ростки недовольства. Это неизбежно. Вместо единства ты собственными руками посеешь хаос.

— Именно так. Нарво может сколько угодно утверждать, что люди — просто подчиненная раса. Нарво могут вбивать им это в голову от раннего солнца до поздней тьмы. Но реальность — это то, что есть, а не то, что мы хотим видеть. В результате... помимо всего прочего, мы получаем ветеранов, которые покрыты знаками отличия до кончиков ушей и при этом перенимают привычки и обычаи инопланетян. Как ни странно, так проявляется стремление к единству! Но это процесс спонтанный, неуправляемый, зачастую бесплодный, а порой — просто опасный.

Яут подошел к окну.

— Я никогда не думал о людях как о кочене.

— Разумеется. Потому что они действительно не кочен. Возможно, в этом и заключается главная проблема. А возможно — путь к ее решению.

Фрагта посмотрел на своего подопечного.

— Не стоит спешить, юноша. Пока что этой планетой правит Нарво, а не Плутрак. И, по правде говоря, большинство отпрысков Плутрака сочли бы тебя безумцем. Даже я. Если бы только... — он вновь издал короткий отрывистый звук, словно поперхнулся. — И я туда же! Невозможно жить среди людей и не хвататься человеческих выражений. Как раз вспомнил одно — я услышал его от одного из Бинната: «Это путь к безумию».

В этот миг перед глазами Эйлле возникла картина — залив, над которым ему предстояло построить мост.

Или хотя бы придумать, как это сделать.

— «Путь к безумию», — повторил он и негромко рассмеялся. — Только люди могли так выразиться. Я бы тоже назвал это «безумием», но начинаю верить, что к нему действительно есть путь.

* * *

На следующий день Эйлле заметил, как Яут задумчиво поглядывает на одного из Смотрителей — пожилого отпрыска кочена Нак, — который демонстрировал необыкновенную эффективность в работе. Пожалуй, стоило на время прекратить набор в свою команду и для начала разобраться с теми, кто в ней был. Человек по имени Талли по-прежнему оставался упрямым и необщительным. Если он сумеет выдержать интенсивный курс урем-фа, который собирается провести Яут, это позволит узнать много полезного о его характере. Пока же Эйлле решил ждать.

С тех пор, как Эйлле прибыл на Землю, прошла «неделя» — так люди называли искусственный отрезок времени длиной в семь планетных циклов. Был ранний свет, и Эйлле ехал на соседний испытательный полигон, где должен был встретиться с Райфом Агилерой. Техник попросил его присутствовать при сравнительной демонстрации возможностей танков, оборудованных лазерами и кинетическими орудиями.

По дороге он вспоминал технические термины, которыми люди пользовались для обозначения течения времени. Термин «неделя» показался ему особенно загадочным. Из каких соображений люди решили объединить в одну искусственную единицу именно семь планетных циклов? Ни в астрономии, ни в биологии Эйлле соответствия не нашел.

Это было одной из странных привычек туземцев. Люди с одинаковой страстью разбивали временной поток на мелкие искусственные отрезки, возводили здания с четкими углами и ходили строем.

Яут, как и полагается фрагте, отправился на полигон вместе с Эйлле и взял с собой Талли, чтобы не оставлять человека без присмотра. Безымянная телохранительница осталась в офисе. Она была грубой и неотесанной, но более смысленной, чем могло показаться на первый взгляд. Если немного вышколить ее, научить как следует двигаться и разговаривать, из нее, пожалуй, выйдет толк. У Яута и в самом деле было чутье на сырой материал.

Курс запечатления, начатый в первую ночь по прибытии, продолжался, Эйлле и его фрагта продолжали совершенствовать свой английский — Яут уже не называл местный диалект «человеческим языком». Теперь им уже не приходилось задумываться над фонемами, предложения строились правильно. Однако с лексикой по-прежнему была масса проблем. Похоже, людям нравилось придумывать новые слова, которые передавали тончайшие оттенки одного и того же значения, но при этом не имели друг с другом ничего общего.

Сейчас Эйлле беседовал с водителем, чтобы не упускать случая попрактиковаться. Машина покинула территорию базы и двигалась мимо странных коробчатых строений, в которых жили рабочие. Дальше начиналась местность, где во время Завоевания шли бои. Здесь еще ничего не было восстановлено — в том числе и дорога, разбитая, вся в рытвинах и ямах. Собственно, машинам на магнитной подвеске это двигаться не мешало, а довоенные автомобили уже давно вышли из употребления. Их ржавеющие измятые остоны догнивали на обочине, над ними, точно над трупами, кружились тучи насекомых. В одном поселилась стайка грязных черноволосых ребятишек. Когда машина Эйлле проезжала мимо, они высунули головы наружу и проводили ее взглядами пустых голубых глаз.

Эндрю Дэнверс покачал головой.

— Беспризорники, — сказал он. — Охранные подразделения регулярно прочесывают территорию, но они все равно сюда сползаются.

Потом из зарослей выскочили какие-то некрупные животные, покрытые густым бурым мехом. Некоторое время они бежали за машиной, издавая отрывистые крики, но потом отстали. Дэнверс посмотрел на них в заднее зеркало.

— Когда вернемся, непременно доложу об этом. Не хватало еще, чтобы дикие собаки бегали по базе.

Удивленно шевеля ушами, Яут следил за животными. Те уже прекратили преследование и стояли на дороге, высунув розовые языки.

— Дикие собаки?!

— Ну, раньше они были домашними, — Дэнверс пожал плечами. — Но после Завоевания их стало нечем кормить. Вот им и пришлось самим искать пропитание. Те, что выжи-

ли, понемногу одичали. Время от времени их приходится отстреливать, потому что они становятся агрессивными.

После этого разговор сам собой прекратился. Никто не произнес ни слова, пока машина не въехала на испытательный полигон — огромную песчаную равнину, расположенную примерно в двадцати азетах от побережья. Эйлле выбрался из машины и посмотрел в небо. День был жаркий, воздух словно пропитан влагой, а от горизонта уже надвигались низкие облака, которые вот-вот должны были разразиться дождем. В этот период планетного цикла дожди были частыми, но обычно недолгими. Ощущение духоты усиливало обилие крошечных летающих животных.

Одно из них, зеленовато-оранжевое, приземлилось на грудь Эйлле. Он спокойно смотрел, как оно неуклюже пробирается сквозь ворс. Каким-то образом этот маленький кровосос понял, что биохимия джао отличается от человеческой, и вскоре улетел на поиски более подходящей пищи. Однако Эйлле заметил, что люди постоянно страдали от назойливого внимания со стороны этих созданий — разновидности временных паразитов.

Агилера слез с танка, разрисованного бурыми и зелеными пятнами, подковылял поближе и «отдал честь» — теперь Эйлле знал, что этот жест означает приветствие и называется именно так. Это был один из элементов человеческого Языка тела и переводился как «уважение-и-ожидание-приказаний».

Талли слез с переднего сидения и встал рядом с Яутом. Он умудрялся буквально излучать агрессию, не принимая никакой особой позы.

— Мы начнем испытания, как только вы займете места на наблюдательной площадке, сэр, — Агилера указал на два ряда танков, которые выстроились друг против друга на стрельбище. В дальнем конце поля возвышалась металлическая башня, явно человеческое сооружение — ни одной скругленной линии, только плоскости и углы. Направляясь к ней по песку, Эйлле вспугнул пару крапчато-бурых летающих созданий — «птиц», или «пернатых», как их называли люди. Где прямолинейность, там и крайности, думал он, глядя на угловатую неприветливую башню. В чем-то люди почти примитивны, в чем-то стремятся все усложнять. Наверно, потому, что по настоящему время не было для них течением.

А могло ли быть иначе, если их вид эволюционировал на суше, а не в водной среде? Конечно, это только догадка, но все же... У людей не было наследственных, инстинктивных воспоминаний о движении волн, о подводных течениях. Но что мешает им открыть глаза и просто оглядеться вокруг? Во вселенной нет ни углов, ни четких границ. И самое главное: время — это непрерывно движущийся, целостный поток, а не множество мелких моментов, которые приходится проживать один за другим.

Сами испытания оказались очень интересными. Сначала три танка, оснащенные лазерами, заняли позицию и прицелились. Они очень точно и эффективно поражали как стационарные цели, расположенные в дальнем конце полигона, так и подвижные мишени — беспилотные установки на магнитной подвеске. Тем не менее, группе людей, возглавляемых Агилерой, удалось подкрасться с флангов и, как и предсказывалось, помешать им при помощи дыма, крошечных алюминиевых полосок и охапок сухой травы.

После этого заняли позицию другие три танка — со старомодными кинетическими орудиями, но также на магнитной подвеске. Точность попадания у этих орудий, безусловно, была ниже, чем у лазеров. Порой приходилось сделать несколько пробных выстрелов — «пристреляться», как говорил Агилера, — чтобы попасть в цель. Кроме того, отдача при стрельбе была более чем заметной, и магнитные приводы не всегда могли удержать машину на месте. Наконец, цели не превращались в пыль, а разлетались на множество мелких неровных осколков, а некоторые части мишени порой оставались нетронутыми.

После испытаний все шесть танков выстроились перед наблюдательной вышкой. Люки с лязгом распахнулись, люди — мокрые, точно после купания, — вылезли и выжидающе уставились на Эйлле, который облокотился на перила. Но что можно было сказать? Сначала стоило бы поговорить с Яутом и сравнить впечатления. В любом случае, это давало повод для размышлений. Для очень серьезных размышлений. Однако в одном Агилера был прав: вооружение джао действительно теряет в атмосфере часть своих преимуществ.

Проблема заключается в другом: к каким бы выводам Эйлле не придет в итоге, убедить Губернатора Земли в необхо-

димости смены курса будет крайне трудно. Оппак кринну ава Нарво считался лучшим в предыдущем поколении своего ко- чена — *намт камити*, «чистейшей водой».

* * *

Талли замешкался на нижнем этаже наблюдательной выш- ки. От жары голова шла кругом, к тому же он, похоже, про- студился. Мозг словно превратился в пульсирующий ком, к горлу подступала тошнота. Испытания закончились, Эйлле и водитель спустились по лестнице, и Яут бросил на него крас- норечивый взгляд: «Поторопись, или твоя голова превратится в погремушку».

Головокружение усилилось, москиты жужжали и лезли пря- мо в уши. Талли попытался отогнать их, но жужжание стано- вилось все громче. Ровная спина Яута, буквально излучающая неодобрение, удалялась. Талли попытался идти, потом рассто- яние между ними еще увеличилось, и локатор наградил его очередным разрядом. Рубашка пропиталась потом и прилипла к коже. Чертовы «пушистики», им-то хоть бы что! Еще в лагере Сопротивления в Скалистых горах он слышал, что так же спо- койно джао переносят холод. Теперь он знал, почему: те, кто создавал их с помощью биоинженерных технологий, позабо- тились об этом. Но должны же у них быть хоть какие-то слабости! Если бы только выяснить... Это знание с лихвой окупило бы все его страдания — и прошлые, и будущие.

Внезапно Талли стало хуже. Эх, парень... Похоже, ты не на шутку разболелся. Перед глазами поплыло, Талли судорожно вцепился в металлические перила, уже нагретые ярким ут- ренним солнцем, и попытался сфокусировать взгляд. Потом нога соскользнула, и он тяжело приземлился на лестницу. Подняться Талли уже не смог. Он беспомощно сидел, шурясь на безжалостно палящее солнце. Яркий свет проникал сквозь веки и, казалось, прожигал дыру до самой глубины мозга.

— Талли? — послышался чей-то голос. — Вставай скорее, пока...

Знакомый разряд заставил его тело забиться в судорогах. Талли скорчился, словно это могло ослабить боль, но она была еще сильнее, чем в прошлый раз.

— Талли, вставай, черт тебя подери!!!

Ступеньки ритмично задрожали. Потом сильные руки рывком приподняли Талли и поставили на ноги.

Он заставил себя разлепить веки, заморгал, и в калейдоскопе размытых пятен на миг мелькнуло морщинистое лицо Агилеры. Пальцы техника впились в его плечи.

— Ты что, хочешь, чтобы тебе мозги поджарили? Давай, шевелись!

Но ноги не слушались, а по всему телу как будто носилась молния, отражаясь от костей и суставов, нейронов, кожи... Потом ему показалось, что он сам стал этой молнией... что она превратила его во что-то иное, позволив постичь некую важную истину, чего ему до сих пор не удавалось.

— Выключите эту хрень! — заорал Агилера, а потом грубо взвалил Талли на плечо и неуклюже затопал вниз по ступенькам. Бум, бум, бум... Словно кто-то вколачивал гвозди в череп. Теперь при каждом разряде доставалось им обоим, и Талли чувствовал, как Агилера вздрагивает вместе с ним и шипит от боли.

— Да выключите же ее, мать вашу! Вы его сейчас утробите!

Время замерло, и он уже не чувствовал ничего, кроме ослепляющей, олушающей, запредельной боли, которая пульсировала в каждом нерве. В следующий миг он обнаружил, что почему-то лежит на спине, а яркое солнце обжигает лицо. Талли попытался поднять руку, чтобы защитить глаза, но не смог.

— Какой вам прок от трупa?! — голос Агилеры доносился словно сквозь слой ваты.

— Тебя это не касается, — резко ответил Яут. — Этот человек на службе у Субкоменданта и должен пройти необходимое обучение.

— Да к черту ваше обучение!

Ох, ничего себе! Этот соглашатель осмеливается дерзить фрагте!

— Нельзя обращаться с человеком, как с пойманным животным. Если вам так надо его убить — убейте, но не нужно пытаться его. Даже джао не опускаются до подобного.

— Ты так думаешь? — сказал Яут, и в этих словах Талли почувствовал что-то смертоносное — словно в безобидном кусте затаилась змея, готовая к атаке.

— Зат...кнись, — пробормотал он, пытаясь махнуть в сторону Агилеры. — Если мне будет нужно, чтобы кто-то... за меня вступился, я... — в глазах у него вновь потемнело, и он остался один на один с болью. — Я сам с этим прекрасно справлюсь... твою мать. Только не дождетесь. Не перед этими ублюдками.

Молния исчезла. Однако Талли все еще чувствовал ее отголоски в каждой клетке своего тела — словно огненные пятна, которые плавают перед глазами после того, как помотришь на яркий свет. Руки и ноги непроизвольно подергивались, а во рту было солоно от крови. Похоже, он прикусил язык и сам того не заметил.

— Он так ничему и не научился, — произнес Яут на своем родном языке. — В самом деле, мне уже начинает казаться, что он не способен учиться. Он завяз в своих прежних переживаниях, и его уже невозможно перевоспитать.

— Меня не столько интересует обучение, сколько причины такого поведения, — ответил Эйлле. — Если я смогу понять их, то буду знать о людях все.

Талли слабо засмеялся. Его голова перекатывалась в песке то вправо, то влево.

— Зачем он это делает? — спросил Яут.

— Не зачем, а почему, — отозвался Агилера. — Он вообще не понимает, что делает. Он находится в полубессознательном состоянии.

Я все прекрасно понимаю, хотел сказать Талли. Я смеюсь, потому что все это чертовски смешно. Потому что ты, чертов соглашатель, — единственный, кто вступился за меня перед этими меховыми шариками.

Но распухший, прокушенный язык не слушался. Его веки затрепетали, и он погрузился в прохладную тишину.

— Я представить себе не мог, что они так легко заболевают, — озабоченно проговорил Эйлле. Они уже вернулись на квартиру, а Талли так и не пришел в себя.

— Я тоже не знал, — ответил Яут. — Но в каком-то смысле они крепче, чем кажутся. По крайней мере, этот. Если бы джао получил такой сильный разряд, он был бы едва жив.

Агилера остался с ними. Эйлле и Яут наблюдали за тем, как он ухаживает за своим соплеменником, и не понимали, чем объяснить такую преданность.

— Он из твоего кочена? — спросил Эйлле, глядя, как Агилера обтирает лицо Талли. — Поэтому ты так о нем заботишься?

— Кочен — это что-то вроде клана, так? — Агилера прополоскал тряпку в тазике с прохладной водой и обернулся. Коричневые сердцевины его глаз в полумраке комнаты казались черными, почти как у джао.

— Да... «клан» — пожалуй, подходящее слово. Если я правильно тебя понимаю.

— Большинство из нас ни к каким кланам не относится, — сказал Агилера. — Раньше у американцев было что-то похожее — мы называем это «большая семья». Часть членов такой семьи могла жить в одном конце страны, часть в другом... Но после Завоевания от инфраструктуры почти ничего не осталось, с транспортом стало плохо. И вообще людям стало не до того, чтобы поддерживать отношения с родственниками... — он отложил тряпку и встал. — Вот я, например, понятия не имею, что случилось со всеми моими двоюродными братьями, сестрами, тетками и дядьками после того, как вы разбомбили Чикаго.

— Но, — вмешался Яут, — если он не из твоего кочена, какая тебе разница, будет ли он жить или умрет?

Лицо Агилеры застыло. Он снова сел, сплел пальцы в замок и некоторое время рассматривал их.

— Я не могу этого объяснить, — сказал он наконец. — У вас мозги иначе устроены.

Эйлле подошел ближе, бархатистый пух на его голове встопорчился.

— Попробуй, — сказал он. — Я хочу понять.

Глаза Агилеры сузились, взгляд скользнул по потолку, словно там был прилеплен конспект доклада.

— В каком-то смысле люди — действительно клан... ну, или кочен. Все люди, я имею в виду. Мы все друг другу как бы дальние родственники, поэтому каждый из нас должен помогать другим, даже если он не испытывает к ним симпатии и не одобряет их поведение. Обязаны сохранять жизнь,

если это возможно. Поступать иначе считается... безнравственным.

Последнее слово он произнес по-английски.

— Мне не знакомо слово «безнравственный», — сказал Эйлле.

Агилера снова намочил тряпку и слегка отжал.

— Сомневаюсь, что смогу объяснить. Вы, джао...

— Продолжай! — перебил Эйлле. Конечно, люди не знают Языка тела, но поза «решимость-и-поиск» получилась сама собой. — Ты будешь пробовать, пока я не пойму.

Талли пошевелился на подстилке на полу, что-то пробормотал и снова замер. Агилера провел рукой по своим пегим волосам и внезапно принял позу, которую Эйлле понял сразу, хотя у джао она выглядит иначе: «усталость».

— Пожалуй, лучше я пойду, сэр, — он покачал головой и встал.

— Нет, — сказал Эйлле. — Объясни мне смысл слова «безнравственный».

Агилера вытянулся, его взгляд был направлен куда-то вдаль.

— Оно происходит от слова «нравственность», которое означает правильное поведение, сэр. «Безнравственно» значит «неправильно» — так, как ни один порядочный человек никогда не поступит. Люди считают убийство безнравственным поступком, если только оно не было совершено для того, чтобы защитить себя, свою семью или страну. Разумеется, есть люди, которые нарушают этот запрет, но таких людей называют преступниками. И все их ненавидят. А еще нравственно помогать тем, кому плохо. Честно говоря, мне Талли не очень нравится — уж больно он задирает нос. Но он человек, поэтому я несу за него ответственность, как если бы он был моим братом... — он отсалютовал. — С вашего позволения, я бы хотел пойти домой. Я не виделся со своей семьей почти неделю.

— Иди, — ответил Эйлле. — Ты предоставил мне достаточно пищи для размышлений.

Когда за спиной Агилеры сомкнулось дверное поле, Яут нахмурился и повернулся к своему подопечному. Положение его ушей означало «озабочен-ухудшением-ситуации».

— Ну вот, — сказал он. — Теперь ты знаешь. Они верят в единство, которого не может быть, и путают честь в отноше-

ниях между коченами с этим *оллнэт*, которое называют «нравственность». У них все поставлено с ног на голову. По нашим стандартам, их всех можно считать безумными.

— Так и в самом деле может показаться, — отозвался Эйлле.

— Ты действительно считаешь, что существует способ с ними объединиться?

— Не знаю. Но попытаюсь его найти.

Эйлле решил ничего больше не говорить — пока. Нечто в глубине его сознания наконец-то начало принимать очертания, но эти очертания были еще слишком расплывчатыми. Кроме того, при всех своих достоинствах, Яут — все-таки фрагта. Он не обучен восприятию новых идей и не склонен к этому. Так что не стоит его торопить, чтобы не спровоцировать ссору.

Потому что Яут неправ. А если и прав, то лишь наполовину. Да, по стандартам джао люди и в самом деле безумны. Но Яут забыл, что нельзя мерить всех одной меркой. Главное — не стандарты, а их наличие. А также способность и желание им следовать.

Теперь, оглядываясь назад после беседы с Агилерой, он лучше понимал то чувство единства между ними, которое ощутил во время встречи с людьми-ветеранами. Пожалуй, это чувство возникло даже у Талли, хотя он почти не принимал участия в разговоре и считал их поведение недостойным *соглашательством*. И это было очень показательным. Как и то, что Агилера счел своим долгом оказать помощь и поддержку Талли, хотя этот поступок казался совершенно нелогичным.

Если попытаться объяснить это Яуту, он просто придет в ярость. Значит, надо подождать. Всему свое время. Для джао считать стремление к единству недостойным поведением эквивалентно преступлению. Вот оно, проклятие любого фрагты. Но в отношении людей...

Все гораздо сложнее. Эйлле ни на миг не сомневался, что еще не до конца разобрался в ситуации. Возможно, он вообще никогда не сможет в ней разобраться. Но одно было ясно: во время того разговора очень многое разделяло Талли и бывших солдат. Очень многое разделяло Агилеру и Талли. Пожалуй, такие барьеры неизбежны, если твое мышление столь прямолинейно. И тем не менее, все их поступки были продиктованы понятиями чести.

Честь — это основа основ и начало начал. Таков был первый урок, преподанный ему наставниками коченаты. Первый и самый главный. Честь — фундамент, на котором строится здание, именуемое единством. Не будет фундамента — и здание рухнет от малейшего толчка.

И на этой планете честь действительно была основой всего. Да, у людей очень странные понятия о чести. Жесткие, грубые, порой нелепые, как груда колючих прутьев. Но это была головоломка, которую было необходимо решить, а ее объявили бессмыслицей.

Но если есть честь, он, Эйлле кринну ава Плутрак, сможет воздвигнуть здание.

Однако с наступлением следующего планетного цикла выяснилось, что с возведением здания придется повременить. Губернатор Оппак кринну ава Нарво назначил прием в своем столичном дворце в честь недавно прибывшего отпрыска Плутрака. Столица называлась Оклахома.

Разумеется, это была великая честь. Но и большая опасность. Из глубины поднималось морское чудовище — соперничество между коченами. Чудовище коварное, которое сперва показывает хребет, и лишь затем — пасть.

Часть 2

ЧЕСТЬ ОДНОГО, ЧЕСТЬ ВСЕХ

Получив известие о приеме, который Губернатор устроил в честь Эйлле, главный агент Своры Эбезона на Земле опечалился — правда, лишь на миг. Неплохо было бы там побывать. В качестве «жучка», как сказал бы на его месте человек. У людей есть множество очень милых образных выражений.

Но, увы, это невозможно. Во-первых, как и следовало ожидать, ему никто не прислал приглашения. А во-вторых, еще не пришло время войти в основное течение событий.

Он — всего-навсего наблюдатель, простой советник Круга Стратегов и должен таковым оставаться. По крайней мере, пока.

И все-таки жаль. Можно не сомневаться, он получил бы большое удовольствие от присутствия на этом рауте. Первые донесения из Паскагулы показались многообещающими. Кроме того, вот уже двадцать лет агент Своры пристально наблюдал за Оппаком кринну ава Нарво. И успел проникнуться к Губернатору глубочайшим презрением. И похоже, впервые за двадцать лет Оппаку предстоит...

Встретить соперника? Нет, все гораздо серьезнее.

У людей есть очень удачное выражение...

Ну конечно. Поймать тигра за хвост.

Глава 11

Кэтлин только что вышла из транспорта джао. Она стояла посреди залитой солнцем термакадамовой взлетно-посадочной

площадки, и смотрела на запад, на пыльную равнину Оклахомы, которая тянулась до самого горизонта. Приглашение пришло два дня назад. «Приглашение»... Ей попросту приказали явиться, а ее родителям — нет; можно себе представить, что они сейчас чувствуют. Если все сложится удачно, она переживет этот прием, как переживают бомбардировку — притаившись и не высовываясь. И самое позднее завтра вернется в колледж. Не исключено, что Губернатор Оппак вообще ее не заметит.

Хуже было другое. Профессор Кинси тоже получил «приглашение». Зачем он понадобился Губернатору? Сам Кинси клялся и божился, что не приложил для этого никаких усилий... просто очень хотел туда попасть... Кэтлин решила верить.

Скорее всего, это постаралась Банле. Телохранительница вбила себе в голову, что Кинси был для девушки кем-то вроде фрагты. Конечно, такого бестолкового фрагту надо было поискать, но чего ждать от людей?

Однако джао, несмотря на всю свою хваленую «прямоту», в которой совершенно отказывают людям, лицемерят похуже Борджиа и Макиавелли. И пример тому — этот прием в честь ава Плутрака. На первый взгляд, Губернатор просто желает выразить уважение и почтение новому Субкоменданту. Но за этим скрывается конфликт между кланами. Мы так счастливы видеть вас, наш дорогой враг, что готовы задушить в объятьях.

К несчастью, Губернатор Оппак решил, что декорациям этого спектакля не хватает такой милой детали, как Кэтлин. А в качестве дополнительного штриха решил добавить Кинси, что было еще большим несчастьем. Ей и так предстояло пройти по краю пропасти. А с ним...

Кэтлин почувствовала, что внутри все сжимается. Безусловно, профессор — любезный и доброжелательный человек, блестящий специалист... Но даже коллеги поражались, насколько он не умеет вести себя в обществе. Например, он вполне мог на похоронах жены своего сотрудника — кажется, такой случай в самом деле имел место — спросить прямо после завершения церемонии: «Ну, как успехи?»

Насколько Кэтлин помнила по своим прошлым визитам, здешние места напоминали бы пустыню — плоско и жарко...

если бы не повышенная влажность. Сейчас был конец августа, и влажный раскаленный воздух казался таким густым, что им было почти невозможно дышать после относительной прохлады Мичигана.

Вряд ли люди, выбирая место для новой столицы Соединенных Штатов — вернее, того, что когда-то было Соединенными Штатами, — рассматривали бы Оклахому даже в качестве возможного варианта. Равно как и джао — они слишком любили море. Но Губернатор, скорее всего, исходил из более простых соображений. Оклахома-сити была *самым* центральным городом Северной Америки.

Кэтлин обернулась и посмотрела на своего научного руководителя. Профессор Кинси, весь сияющий, как новенький доллар, любовался пейзажем. Он испытывал по поводу предстоящего мероприятия столько же опасений, сколько ребенок по поводу рождества.

На трапе появилась Банле. Впереди, с багажом, шел человек-стюард. Крепкая, одетая в темно-синие штаны характерного кроя, перепоясанная темно-синей португеей им в тон, она казалась такой же невозмутимой, как всегда, и совершенно не страдала от жары. Кэтлин поймала себя на том, что рассматривает лицо своей телохранительницы. Джао придавали особое значение окрасу на лице — *ваи камити*, лицевому рисунку — который считался знаком принадлежности к определенному кочену. У Банле по щекам проходили темные полосы, но вокруг глаз — мерцающих, иззелена-черных — пух оставался золотистым. Как-то она обмолвилась, что такой же рисунок у большинства отпрысков ее коче-на. Это было единственное, что она рассказала о своем происхождении — за все двадцать лет их совместного пребывания.

— Машина, на которой мы доберемся до дворца Губернатора, должна ждать где-то поблизости, — произнесла Банле, тщательно сохраняя нейтральную позу.

Кэтлин неплохо разбиралась в «Языке тела» — общепринятых позах, при помощи которых джао выражали свои чувства, — поэтому ее телохранительнице приходилось потрудиться, чтобы избежать разоблачения. Это непрерывное состояние продолжалось столько, сколько Кэтлин себя помнила.

В таком порядке они и вошли в терминал: стюард, за ним Кэтлин и профессор Кинси и последней — Банле. Здесь было шумно илюдно — именнолюдно. Кэтлин старалась не обращать внимания на удивленные взгляды: очевидно, люди в сопровождении джао были здесь редкостью. То, что Банле — не просто телохранитель, должно было стать ясно каждому, у кого еще оставалось хотя бы капля здравого смысла: самым почетным считалось место в конце процессии, и джао, обладающие высоким статусом, всегда шли замыкающими. Банле строго следила за тем, чтобы Кэтлин соблюдала это правило.

Машину действительно подали — черный человеческий автомобиль, оснащенный магнитной подвеской, которая позволяла не беспокоиться по поводу состояния дорог. Кэтлин забралась внутрь, на середину кожаного сиденья, и с удовольствием отметила, что машина оборудована кондиционером для спасения от жары, которая в конце лета становилась невыносимой. Значит, на этот раз Кэтлин здесь все-таки скорее в качестве гостя, чем заложницы. Может быть, все в итоге окажется не так скверно.

Машину вел человек, кабину от салона отделял толстый слой матового стекла. Откинувшись на спинку сидения, Кэтлин следила, как город проплывает мимо. Район аэропорта явно считался престижным. Жилые дома соседствовали с небольшими магазинчиками и чаще всего выглядели ухоженными. Однако вскоре картина изменилась. За окном мелькали разбитые ржавые корпуса автомобилей, среди которых копошились бездомные дети с раздутыми животами и тонкими, как спички, ручками и ножками. Кэтлин видела, как они посмотрели вслед ее огромной черной машине, которая бесшумно проехала мимо, обдав их облачком легкой пыли. Один из них держал в руке осколок бетона, и Кэтлин отчетливо видела, как пальцы малыша сжались.

Ходят ли они в школу? Чем занимаются их родители — ковыряются в земле на убогих делянках, которые есть почти в каждом дворе? Получают ли они какую-нибудь медицинскую помощь? Что с ними станет? Ее отец пытался изыскать средства на нужды таких, как они, но джао не считали необходимым заботиться о тех, кого считали «бесполезными». Этот термин включал все и всех, чья полезность не была

очевидна. Возможно, кто-то из этих голодных беспризорников, на которых трудно было смотреть без боли, мог принести пользу. Но джао это мало интересовало.

Большинство мостов и скоростных путепроводов в этой части города так и не были восстановлены и напоминали торчащие из земли скелеты динозавров. Отдельные позвонки-секции выпали и разбились. Кэтлин вспомнила старые видеозаписи, которые когда-то просматривала. До вторжения джао жизнь была совсем иной. Машины, увеселительные заведения, книжные магазины, кинотеатры, всевозможные спортивные и электронные игры...

— ...и серия опросов, — произнес профессор Кинси.

Оказывается, он что-то ей говорит, а она даже не слышала! Кэтлин сделала над собой усилие и отвернулась от окна.

— Вы уверены, что джао согласятся открыто рассказывать о самих себе во время приема?

— Если я правильно выражу просьбу — да, — профессор прищурил свои карие глаза, снял очки и тщательно протер. — Нужно только их убедить, что конечный результат принесет пользу не только нам, но и им. Джао такие практичные.

— Они не станут с вами болтать, — внезапно произнесла Банле. Гладкая золотистая голова повернулась, обсидиановые глаза посмотрели на людей. — Они не расскажут ни о себе, ни о том, что произошло в прошлом. Интересно лишь то, что происходит сейчас. То, что происходило во время сражений прошлого — неинтересно. Мы сделаем так, чтобы Земля принесла пользу во время будущих сражений, и больше вам ничего не надо знать.

Кэтлин почувствовала, что по затылку пробегают мурашки.

— Ты говоришь о войне с Экхат?

— Что вы можете о ней рассказать? — оживился профессор, подаваясь вперед. — В общественных архивах нет практически никакой информации...

— Такие, как вы, никогда не встретятся с Экхат, — ответила Банле. — Когда они придут, — а это обязательно произойдет, — сражение будет проходить в космосе. И скорее всего, вы будете мертвы еще до того, как оно завершится. Как и все, кто останется на планете. Так что вам незачем беспокоиться.

— Тем не менее, — Кинси явно не ожидал такой отповеди, но не сдавался. — Мне интересно.

И он покосился на Кэтлин.

— Я не уполномочена предоставлять такого рода информацию, — отрезала Банле и устремила взгляд в окно. Кэтлин отметила, что плечи телохранительницы характерным образом напряглись — признак беспокойства. — Вам придется обратиться в более высокие инстанции.

Например, к Губернатору Земли. Кэтлин поняла, что не испытывает ни малейшего желания снова с ним встретиться. Ее отец тоже терпеть не может Оппака, хотя и вынужден работать под его началом. По большому счету, Бен Стокуэлл согласился принять пост президента лишь для того, чтобы спасти свою семью и попытаться облегчить участь людей. Например, он убедил джао выделить хотя бы какие-то средства на восстановление штатов Иллинойс, Техас, Луизиана и Вирджиния, которые сильнее остальных пострадали во время войны. Ему все еще удавалось удерживать инопланетян от метеоритной бомбардировки горных районов, где предположительно скрывались последние группировки Сопротивления.

Внезапно машина повернула и притормозила перед огромными воротами. Один из охранников-джао махнул рукой, автомобиль проехал на аллею. Ровные ряды деревьев отбрасывали густую тень, а за деревьями пестрели бегонии. Целое море — розовые, белые, красные... При взгляде на этот живой ковер начинало рябить в глазах. Странно. Обычно джао не питали склонности к декоративному садоводству. Нет, чувство прекрасного было отнюдь им не чуждо, но прекрасное должно было быть еще и полезным. О красоте говорили в связи либо с манерой поведения — это касалось, например, «Языка тела», — либо с такими «практичными» искусствами, как архитектура и дизайн. Интересно, кто санкционировал это впечатляющее шоу.

Когда-то здесь жили люди. Однако тех, кто уцелел во время войны, давно переселили в другие районы, и зеленые поля раскинулись вправо и влево до самого горизонта. В конце бульвара возвышался дворец. Он казался оплавленной глыбой квантового кристаллина, чернеющей на фоне безоблачного неба. Ни одной прямой линии, ни одного угла — типичный образец архитектуры джао.

Прищурившись, Банле разглядывала все это великолепие, и ее тело понемногу принимало позу «потрясение-и-негодование».

Кэтлин с трудом сдержала улыбку и подвинулась вперед, чтобы выглядывать из-за плеча телохранительницы. Кажется, она почти слышала мысли Банле. Бесплезная растрата сил и средств. Бесплезное использование территории и рабочей силы. Неужели дух Губернатора пребывает в упадке?

Машина затормозила перед дворцом, и человек-служитель в ливрее, стоявший у стены, подбежал и распахнул дверцу. Чем дальше, тем удивительнее. Джао считали этот человеческий обычай нелепым. Подобный жест не воспринимался ими как способ выказать уважение — напротив, его могли счесть оскорблением.

Правда, не исключено, что этого служителя наняли специально для приема, как знак любезности к человеческим гостям. Но нет, вряд ли. Губернатор Оппак, мягко говоря, не отличался предупредительностью в отношении людей. И уж точно не стал бы проявлять ее столь открыто, одевая служителя в цвета своего кочена.

Может быть, Оппак решил обзавестись человеческими привычками?

Кэтлин вышла из машины, щурясь от жаркого солнца. Здесь уже не было никаких бесплезных цветочков — только черные хрустальные ступени и строгие линии свода над ними, напоминающего портик...

Ах, да. Заметив повелительный жест Банле, Кэтлин повернулась. Конечно, время покажет... но поездка обещает оказаться куда более интересной, чем предполагалось.

Яут оценил значимость послания, едва оно высветилось в электронном списке. Об этом надо было немедленно доложить Эйлле.

Его подопечный находился в офисе завода по реконструкции и изучал последние отчеты о работах. Когда Яут вошел, он поднял голову. Молодой ава Плутрак только что вернулся с моря, где купался на пляже, огороженном специально для джао, и его намокший ворс напоминал цветом старое золото.

— Каул по-прежнему требует демонтировать кинетические орудия, несмотря на результаты испытаний, — сообщил он.

— Значит, ты согласишься на демонтаж, — Яут служил слишком давно, чтобы не питать иллюзий по поводу превосходства здравого смысла над долгом. — Если лазеры плохо покажут себя, мы снова установим на танках человеческие пушки. Тогда, возможно, нам повезет, и Оппак простит тебе твою правоту.

— Но это бесполезная трата сил и материалов! — Эйлле прошелся по полутемной комнате. — И времени! Времени, которого у нас, судя по докладам, меньше, чем всего остального!

— Согласен, это глупость. И твоя задача состоит в том, чтобы сделать эту глупость быстро и без лишних пререканий, — Яут включил свою личную ком-панель и положил ее на стол перед Эйлле. — А если впоследствии обнаружатся какие-либо ошибки, то ты приложишь все усилия, чтобы их исправить.

— И люди еще сильнее разозлятся. — Эйлле шевельнул ушами, чтобы их наклон выражал «дурное предчувствие». — Они решат, что их мнением в очередной раз пренебрегли, и будут правы. Потому что если оснастить танки так, как хочет Каул, они потеряют в эффективности. Нам же воевать на планете, а не в космосе!

— Давай решим этот вопрос потом, — произнес Яут, привлекая его внимание к ком-панели. — Губернатор Оппак кринну ава Нарво устраивает прием в твою честь. Разумеется, ты приглашен. Посему тебе надлежит явиться в этот Оклахома-Сити. Я надеялся, что вашу встречу удастся отложить, но он, похоже, уже обратил на тебя внимание.

Эйлле осознал возможные последствия этой встречи, и его глаза вспыхнули. Исторически сложилось так, что Плутрак и Нарво почти никогда не вступали в союз, зато противостояние между ними не прекращалось. Вряд ли Нарво заинтересован в том, чтобы отпрыск Плутрака преуспел на Земле — да и не только на Земле, если на то пошло.

— Но почему он согласился с моим назначением? Я не могу этого понять. Разумеется, отказ был бы расценен как грубость, но Нарво никогда не стеснялся казаться грубым.

— Ты молод, — сказал Яут, и его тело приняло угловатую позу «прямота-и-честность». — Молодые часто ошибаются, потому что без ошибок обучение невозможно. И этими ошиб-

ками можно воспользоваться, если хочешь бросить тень на Плутрак. Что существенно осложнит налаживание связей в будущем, если их вообще можно будет наладить.

— Значит, я не могу позволить себе ошибки, — произнес Эйлле.

— Не можешь, — сказал Яут. — Даже тех, к которым тебя толкают.

— Например, эта бессмысленная реконструкция, — Эйлле откинулся на спинку кресла и поглядел на стеклянную стену, за которой находился цех.

— Меня больше беспокоит Талли.

Яут резко выдохнул, подавляя вспышку раздражения, которое охватывало его при одной мысли о «воспитаннике». Руководить нужно строго, но тонко.

— Я бы не советовал тебе взваливать на себя это бремя, но... Перед отъездом его можно усмирить.

— Нет, — Эйлле сделал резкий жест отрицания. — Люди следят за тем, что я делаю. И об этом тоже узнают. Никто не хочет ему смерти, даже Агилера, хотя и осуждает его.

Яут беспомощно развел руками и принял позу «разочарование-и-безнадежность».

— Как только мы покинем базу, Талли найдет способ сбежать. И локатор ему не помешает. Этот человек до сих пор здесь только благодаря моей бдительности.

— Тогда пусть едет с нами.

Яут обошел вокруг стола, чтобы успокоиться, потом еще раз перечитал приглашение.

— Комнаты приготовлены для пятерых — это уже завуалированное оскорбление. Подчиненные Губернатора должны знать, что ты начал набирать себе штат подчиненных, как только вступил в должность.

— Значит, мы берем с собой Талли и еще двоих, — Эйлле очень изящно принял классическую позу «размышление-и-спокойствие». — Полагаю, нашу новую телохранительницу...

— Ее зовут Тэмт, — уточнил Яут. — Она обучается настолько успешно, что я даровал ей право зваться по имени.

— И Агилеру, — сказал Эйлле, разглядывая свои руки. — Я переведу его в свое личное подчинение. Он поможет нам присматривать за Талли.

— Два человека из четверых сопровождающих? — Яут с сомнением склонил голову набок. — Может быть, лучше заменить одного на джао?

— Мы на Земле, — сказал Эйлле. — И я командую всеми формированиями джинау. Если я не продемонстрирую способность находить общий язык с туземцами, меня могут счесть некомпетентным.

Яут пожал плечами.

— Верно. Поэтому важно, чтобы ты не попал в неловкое положение из-за Талли. Позволь мне организовать несчастный случай. Например, он может утонуть, сопровождая тебя во время утреннего плавания. Люди плавают плохо, это всем известно. Его соплеменники решат, что он погиб с честью, сопровождая своего командира.

Эйлле расправил уши.

— Они не поверят. Талли еще ничего не делал без принуждения. Он поедет с нами, а если откажется вести себя как следует, мы заставим его об этом пожалеть.

На самом деле все не так просто, подумал Яут. Но промолчал.

Утром, когда распоряжения были получены, Талли был переведен в подчинение Райфа Агилеры. Теперь пульт локатора переключался на пояс к технике. Агилера определил своего нового подчиненного в соседний цех, где велись работы по демонтажу двигателей и гусениц со старых «Брэдли». Разумеется, установку магнитных отражателей ему никто бы не доверил. Испортить же что-то, демонтируя устаревшее оборудование — дело непростое.

Вскоре Талли увидел, как один из Смотрителей остановился через одну платформу от него и протянул Агилере панель. Агилера пробежал текст глазами, нахмурился, посмотрел на джао... Присев на корточки и вытирая потный лоб, Талли украдкой наблюдал за обоими.

— Черт возьми! — Агилера нехорошо прищурился. — Вы уверены, что здесь все правильно?

Уши джао наклонились под таким углом, что Талли стало не по себе. Он уже научился понимать их «Язык тела».

— Вы оспариваете приказ? — спросил джао — по-английски, но с сильным акцентом.

— Нет, конечно! — воскликнул Агилера. — Но испытания показали, что наша артиллерия лучше ведет себя в атмосфере... — он бросил взгляд на застекленную галерею, где находились апартаменты Эйлле. — Ладно, неважно. Когда смогу, справлюсь на всякий случай у Субкоменданта.

— Это... приказ!

Джао шагнул к Агилере. Теперь разница в росте и телосложении была более чем очевидна: человек вдруг показался хрупким и почти беззащитным.

— Вы следуете... без вопроса!

И одним толчком он сбил техника с ног.

— Эй, постойте! — Талли вскочил, еще не успев понять, что он делает. — Он не заслужил такого обращения!

Джао повернулся к нему с грацией бульдозера. «Морской скотик» не был зол, внезапно догадался Талли. Чтобы понять это, достаточно взглянуть на его позу. Более того: инопланетянин был в замешательстве. Шлепок, от которого Агилера полетел кубарем, не заставил бы другого джао даже пошатнуться.

Наверно, он недавно на Земле, подумал Талли. Казалось, можно было услышать, как в голове джао, точно шестеренки, вращаются мысли. Ему сказали, что люди обязаны подчиняться. Что они не обсуждают приказы. Как холодильник, у которого нет собственного мнения по поводу того, нужно его включать в розетку или нет. Агилера уже успел привыкнуть к вниманию Субкоменданта Эйлле и забыл, что остальных джао мотивы людей мало интересовали.

Талли опустил глаза.

— Простите его, — сказал он на джао — настолько смиренно, насколько позволяли стиснутые зубы. — Он всю ночь работал, очень устал... и немного забылся. Безусловно, приказ будет выполнен.

Вокруг уже собрались рабочие. Пока они просто наблюдали за этой сценой, но инструменты у них в руках могли в мгновение ока превратиться в оружие. Когда Талли заговорил, люди переглянулись, потом сбились в кучу и забормотали. Покосившись на них, Талли помог Агилере подняться.

— Ну, говори же! — настойчиво прошептал он.

— Я... прошу прощения, — выдавил Агилера. Он еще не твердо стоял на ногах и, казалось, не мог сфокусировать взгляд. — Я не хотел... выказать неуважение.

Джао только засопел и зашагал прочь. Талли посмотрел ему вслед, его лицо окаменело от злости.

— Как глупо... — наконец пробормотал он.

— Да уж...

Агилера провел рукой по лицу. Он был бледен, как восковая кукла.

— Ладно, ребята, — сказал он чуть более уверенно. — Ничего не поделаешь. За работу.

— Но ведь танки... — начал Эд Петерсон.

— Они хотят танки с лазерами, — сказал Агилера. — И пусть получают танки с лазерами. Может быть, в конце концов припрутся эти Экхат, надерут им мохнатые задницы, а потом они все вместе отправятся в... куда-нибудь в другое место, воевать дальше.

Талли посмотрел на пульт, закрепленный на поясе Агилеры. Эх, надо было отключить эту хрень, когда он помогал технику подняться. И тогда минут через пятнадцать эту базу можно было бы вспоминать, как страшный сон.

Агилера проследил за его взглядом.

— Хочешь забрать?

Талли покраснел и отвернулся.

— Как там у вас живется — в Скалистых горах? — голос Агилеры стал приглушенным. — Вдоволь медикаментов, еды, теплой одежды? И дети, наверно, в школу ходят? Топливо для машин, патроны?

Всего вдоволь и завались, подумал Талли. А кто виноват, что у кого-то этого нет? Во всяком случае, не силы Сопротивления.

То, что Агилера его раскусил, он не удивился. Может, конечно, этот старый вояка и соглашатель, но уж точно не идиот.

— Просто дай мне уйти, Райф, — негромко проговорил он. — Рано или поздно этот плюшевый Субкомендант и его ффрагта, чтоб им пусто было, расколют меня как орех, — он сунул большие пальцы за ремень. — Ты же человек. Ты не можешь мне такого желать.

— Это ты ошибаешься, — без улыбки ответил Агилера. — Я хочу того, что лучше для всех людей, а не для одного,

отдельно взятого. Мы проиграли сражение, но нам незачем проигрывать войну. Если перестанешь лезть на рожон и набиваться на неприятности, у тебя есть неплохие шансы выяснить что-нибудь полезное. Что понадобится нам всем, когда ветер переменится, — он огляделся и убедился, что большинство рабочих вернулось на свои места и принялись за дело. — Прямо сейчас нам от «пушистиков» не избавиться. Мы должны выжить и попытаться узнать о них как можно больше.

— Ты предлагаешь лизать им задницы?!

— Иди ты к черту. Ты знаешь, как сказал Паттон¹? «Мертвые не могут принести пользу своей стране. Ты приносишь пользу, заставляя другого придурка умереть за свою страну». Наша главная задача — выжить и по ходу дела узнать про джао так много, как только удастся.

Талли посмотрел ему через плечо, но Смотритель уже успел утопать в дальний конец прохода.

— Значит, придет день, и мы выгоним джао с Земли?

— Да, — Агилера выпрямился и тут же скривился от боли: он чувствительно приложился поясницей к бетонному полу. — Может быть, мы с тобой этого и не увидим, но когда-нибудь это произойдет. Как показывает история, империи всегда разваливаются. Черт побери, если уж на то пошло... мы, американцы, считали себя самой крутой нацией... а потом явились джао и...

— Я понимаю, — перебил Талли. — Рим, Англия, Америка... Но это были *человеческие* империи. С чего ты решил, что у джао все будет так же?

¹ Паттон, Джордж Смит, мл. («Беспощадный Паттон») (1885–1945), видный военный деятель. Под командованием генерала Першинга принял участие в военной интервенции в Мексику в 1916 г., был в составе Американских экспедиционных сил в Европе в 1917. Затем командовал танковой бригадой. Был ранен, награжден Крестом и медалью «За выдающиеся заслуги». В 1938, 1940 занимал командные посты в бронетанковых частях. В 1942 участвовал в кампании в Северной Африке. В 1943 командовал 7-й Армией вторжения в Италию. В июне 1944 генерал-лейтенант Паттон командовал 3-й бронетанковой армией, наступавшей в Германии, был военным комендантом оккупированной Баварии. Погиб в автокатастрофе в Германии 21 декабря 1945.

— Да ни с чего, — Агилера махнул рукой. — Но это единственное, на что нам можно надеяться. А посему наша главная задача — выжить.

Глава 12

— Мисс Стокуэлл?

Хрипловатый бас явно принадлежал джао. Огромные дубовые двери распахнулись, и Кэтлин вместе со всеми прошла во дворец.

Очень странно. Кэтлин обернулась через плечо, чтобы разглядеть деревянные створки. Обычно джао предпочитают в качестве преград силовые поля, а не грубую материю.

— Я рад, — продолжал голос, — что вы и профессор Кинси приняли мое приглашение.

Скорее уж *«выполнили мой приказ»*. Кэтлин провела рукой по своим коротким волосам, как будто для того, чтобы поправить растрепавшиеся пряди, а на самом деле — чтобы скрыть гримасу, которая успела появиться у нее на лице. Зал с высоким потолком был отделан холодным серым камнем. Полумрак, который так часто царит в жилищах джао, не мешал заметить, что интерьер оформлен откровенно грубо. Здесь были самые настоящие углы, причем взгляд буквально натыкался на них, а по бокам дверного проема возвышались огромные колонны в форме бау. Как и цветы снаружи, это были элементы человеческой архитектуры, выполненные в манере джао. Кэтлин еще ни разу не встречалась ни с чем подобным.

— Губернатор Оппак? — произнесла она, пытаясь справиться с паникой раньше, чем глаза привыкнут к темноте.

Кинси выступил вперед, сияя улыбкой.

— Это потрясающая возможность — собрать воедино историю джао! Никакие слова не могут выразить, как я благодарен вам за разрешение это сделать!

Оппак кринну ава Нарво, Губернатор Земли, был одет в темно-синие шаровары особого покроя и накидку на одно плечо, в которых часто щеголяли завоеватели. Эмблемы на ней — на взгляд неискушенного, бессмысленные закорючки, — сияли агрессивным ярко-алым цветом.

— Возможно, людям пришло время побольше узнать о джао, — проговорил он по-английски, с заметным акцентом, и лениво шевельнул одним ухом. — Они подобны непослушным детям, которые не представляют опасностей, что ожидают их за пределами солнечной системы. Опасностей, в борьбе с которыми мы, ваши защитники, вынуждены тратить огромное количество сил и средств.

— Несомненно, — подхватил Кинси. — И моя книга призвана исправить это. Мне не терпится приступить.

Нарво обернулся к Кэтлин.

— Течение времени давно не сводило нас вместе, — сказал он. — Вы уже считаетесь выплывшей на поверхность?

— Конечно.

Ее отец по возможности старался оградить членов своей семьи от всего, что было связано с его работой, чтобы не привлекать к ним внимания новых владык Земли. И в первую очередь Губернатора. Кэтлин понятия не имела о том, что на самом деле означало «выплыть на поверхность»: джао обычно не распространялись по поводу вопросов своей физиологии и развития.

Губернатор считался крупным даже по меркам джао. Бархатистый пух, который покрывал его тело, был насыщенно-красноватым и отливал золотом, а вай камити представлял собой три неровных полосы, которые проходили через глаза и сходились к носу под углом в сорок пять градусов, придавая ему сходство с зеброй. Он возвышался посреди просторного вестибюля в безупречной позе «презрение-и-благоклонность», словно раскрашенная статуя.

Кэтлин общалась с джао с тех пор, как себя помнила. Иногда — к счастью, это осталось в прошлом, — Банле даже оставалась на ночь в ее спальне. В четыре года девочка уже начала осваивать «язык тела» — почти одновременно с английским. По-видимому, Губернатор хотел показаться великодушным, поскольку лично спустился встретить приглашенных, но поза выдавала его скрытые мысли — а может быть, он и не слишком старался их скрывать. Во всяком случае, он был далек от того, чтобы питать к людям и их обычаям настоящее уважение.

Кэтлин посмотрела на Кинси, который излучал удовольствие. Не долго думая, она выгнула руки, и пальцы очень органично приняли положение «удовлетворенность-и-одобрение».

— Благодарю вас, Губернатор. За то, что вы были так добры и пригласили нас.

Она прекрасно понимала двусмысленность этой фразы. Ни один джао в данной ситуации не захотел бы показаться «добрым». У них было свое представление о доброте — вернее, несколько понятий, которые обозначались разными словами. По большей части эти понятия возникали в связи с запутанными межклановыми и внутриклановыми отношениями и отражали некоторые принципы правил поведения. Так, в отношении к подчиненным наиболее близким эквивалентом были «слабость» или «глупость».

Да, Кэтлин понимала, что поступает в высшей степени неблагоразумно. Но это существо убило ее брата, и она не могла удержаться от этой маленькой мести. Облегчив душу, она почувствовала себя лучше. В конце концов, фраза была произнесена по-английски, и оскорбление оказалось... завуалированным.

Оппак прищурился, оценивая ее позу, а потом, внезапно утратив все свое величие, довольно неуклюже изобразил «рад-видеть» в самом примитивном, без каких-либо оттенков, варианте — очевидно, от удивления.

— Служитель проводит вас в ваши комнаты, — проговорил он по-английски. — Они должны показаться вам подходящими.

Профессор Кинси повернулся и широко раскинул руки, словно хотел заключить великана-джао в объятия. Казалось, он вот-вот запрыгает от радости.

— Я уверен, что они покажутся нам просто великолепными!

Губернатор Оппак склонил голову. Кончики его ушей подрагивали. Вот теперь он, кажется, был оскорблен.

Кэтлин вздохнула. Деликатность не входила в число достоинств Губернатора, а профессор Кинси предпочитал изучение материалов о джао непосредственному общению с оными. В итоге ему даже в голову не приходило, что его эмоциональность повергает джао в состояние шока. Люди не должны испытывать подобных чувств при встрече с джао. Восторг — да, может быть, даже благоговение... но не такое безудержное веселье. Джао не считали своим долгом развлекать людей.

— Сейчас по всему миру дизайнеры стремятся придерживаться стиля джао, — еще одна шпилька, на этот раз не столь откровенная — тем более что поза Кэтлин выражала «спокой-

ствие-и-почтительность». — Мой отец пытался следовать этой тенденции, когда строил нашу резиденцию, но получилось далеко не столь безупречно, как следует.

— Неудивительно, что у него возникло такое желание, — встрял Кинси. — Я надеюсь, когда-нибудь мне доведется посетить...

К счастью, в этот момент из тени вышла женщина, одетая в черную дворцовую ливрею.

— Мисс Стокуэлл, профессор Кинси... Не угодно ли вам пройти в комнаты?

— Конечно, — быстро ответила Кэтлин, пока ее наставник не успел окончательно испортить ситуацию. — Прошу вас.

Для этого им пришлось обойти Губернатора: он продолжал стоять, точно памятник владычеству джао. Но Кэтлин чувствовала, как ее спину буравит взгляд его блестящих глаз, в которых наверняка проскальзывали недобрые зеленые искры.

Эйлле отогнал свой кораблик на личную взлетно-посадочную площадку Губернатора, которая находилась недалеко от дворца, — убедившись, что она оборудована всем необходимым для обслуживания корабля. Тэмт кринну Кэнну вау Хидж, его недавно призванная телохранительница, сидела в соседнем кресле. Места в кабине хватило бы всем, но Яут решил, что остальная часть сопровождающих отправится на другом транспорте, не столь изысканном. Чтобы создать должное впечатление, лучше предстать перед Губернатором в сопровождении одного телохранителя-джао, чем в компании фрагты и людей.

Впервые с тех пор, как Эйлле получил это назначение, они оказались порознь. Неудивительно, что Эйлле было не по себе. Теперь он не мог рассчитывать на мудрость своего фрагты.

С высоты местность напоминала броню человеческого танка — такая же плоская, покрытая зелеными и бурыми пятнами. Ее обезвоженность поражала. Лишь неподалеку от столицы ртутными брызгами блестели крошечные водоемчики, соединенные тонкими ниточками рек. Как можно жить среди песка? Океан был далеко, а озера, которые Эйлле видел на полете, были совсем маленькими. Что заставило Губернато-

ра Земли обосноваться именно здесь, хотя на побережье есть множество восхитительных мест?

Как и в Миссисипи, война оставила здесь свои следы, которые так и не исчезли, хотя прошло двадцать лет. Руины строений напоминали полуразложившиеся тела — из бетонных блоков торчала арматура, а за выбитыми окнами, казалось, зияла бездонная пустота, и блестящие осколки стекол, которые каким-то чудом сохранились в рамах, лишь усиливали впечатление. Рядом были разбросаны машины, беспомощные, разбитые игрушки. Из множества мостов и путепроводов были восстановлены лишь некоторые. Немыслимо. И это все, что сделано за двадцать лет?!

Эйлле распахнул люк, пропустил вперед Тэмт и вышел наружу. Воздух казался раскаленным, хотя был не таким влажным, как в Миссисипи. Эйлле шевельнул ушами. К кораблю уже мчалась небольшая машина. Подлетев к самому трапу, она затормозила, и дверца распахнулась, выпустив двоих джао.

— *Вэйш*, благородный гость, — произнес тот, кто вышел первым — крепкий, сильный. Каждая ворсинка на его теле выражала «почтение-и-внимание» с легким оттенком трепета. — Губернатор Оппак приветствует вас.

Его спутник в точности воспроизвел эту позу. Эйлле не уставал удивляться. Выполнение трехчастных поз — дело непростое, и сам он освоил лишь несколько самых необходимых. Эти двое получили хорошее воспитание, подумал Эйлле. Без Яуга он чувствовал себя непривычно, словно вдруг обнаружил, что забыл одеться. Тэмт, явно взволнованная, уже стояла впереди, уступая ему почетное место — единственное, что могла сделать в этой ситуации.

— Счастлив оказаться в его обществе, — Эйлле принял скромную позу «признательность-за-услуги» — одну из первых, которую заучивают отпрыски; он мог не сомневаться, что исполнит ее безукоризненно. Сейчас он представляет весь Плутрак, и обо всем, что он будет делать — и о том, как будет делать, — станет известно Губернатору. Об этом следовало помнить постоянно.

Он внезапно заметил, что эти двое похожи, как две капли воды — от бледно-рыжеватого отлива пуха до малейших изгибов вай камити. Это означало, что они не просто происхо-

дят от одной брачной группы, но и генетически идентичны, что было большой редкостью для джао.

В этот момент один из них сделал очень изящный жест, приглашая Эйлле в машину. В кабине оказалось четыре кресла — два спереди и два сзади. Оснащение человеческих машин аппаратурой джао вошло в практику, но в этой, к сожалению, забыли заменить сиденья.

— Мы доставим вас в официальную резиденцию Губернатора, — сказал один из близнецов.

Тэмт спустилась по трапу первой. Она так стремилась продемонстрировать свою подготовленность, что вибрисы дрожали от усердия. Поза телохранительницы отражала всю гамму чувств, которую она испытывала: гордость, почтение, волнение, переходящее в трепет... Понятно, что совместить это должным образом оказалось ей не под силу. По возвращении в Миссисипи надо будет сказать Яуту, чтобы тот как следует ее потренировал.

Жаркий сухой воздух оказался удивительно приятным. Шагая к машине, Эйлле наслаждался порывами ветра, которые словно массировали ему спину и плечи. Похоже, особенности здешнего климата компенсируют отсутствие приличных водоемов.

Он не стал спрашивать у сопровождающих имена. Только люди имеют привычку представляться при первой встрече, независимо от своего положения, словно без этого невозможен полноценный обмен информацией. Для джао сообщить свое имя старшему — большая честь, а эти близнецы пока ничем особенным себя не проявили.

Сиденья были еще более узкими, чем это показалось на первый взгляд. Безусловно, они были рассчитаны на людей — и, скорее всего, самых миниатюрных. Тэмт мгновенно поникла, однако сделала героическую попытку скрыть свое огорчение и взгромоздилась на заднее кресло. Эйлле втиснулся следом за ней и принял решение не обращать внимания на явное несоответствие размеров сиденья его собственными. На базе в Миссисипи был большой парк человеческих машин, оборудованных магнитными приводами джао. Эйлле хорошо знал, что в столице положение с транспортом не хуже, так что найти машину с подходящими креслами не составило бы труда. Это было еще одно оскорбление — мелкое, скрытое, но хорошо продуманное. И явно далеко не последнее.

* * *

Дворец Губернатора, как и полагается жилищу джао, был отлит из квантового кристаллина. Однако вдоль дороги, которая вела ко входу, выстроились деревья — ровным строем, точно джинау-часовые. Чуть поодаль цвели какие-то местные растения, несомненно, высаженные здесь специально. Более того: за посадками кто-то ухаживал. Интересно, с какой целью? Казалось, справа и слева от дороги раскатали вылинявший красный ковер, заляпанный белыми и пурпурными пятнами. Эйлле был в недоумении, но ради приличия не стал это показывать. Вместо этого он принял позу «интерес-и-одобрение» и уставился в окно.

Близнецы сидели спереди. Время от времени то один, то другой оборачивался и наблюдал за Эйлле. Кончики их ушей подрагивали, и в этом движении почти угадывалась враждебность, которую не помогала скрыть даже блестящая выучка.

Эйлле заставил себя сосредоточиться. В конце концов, главная его задача — произвести достойное впечатление. В конце концов, Губернатор мог нарочно затеять этот спектакль по какой-то одному ему известной причине.

Машина остановилась перед массивными дверьми в центре фасада. Это были настоящие человеческие двери — две створки из плотного непрозрачного материала. Если силовое поле и было, то только внутри. Выкарабкавшись наружу, Тэмт мгновенно приняла боевую стойку и оглядывалась по сторонам с видом неусыпной бдительности. Эйлле встал у нее за спиной. Он мог изобразить спокойствие, но вибрисы топорщились, выдавая распирающее его любопытство.

— Губернатор Оппак ожидает вас внутри, — произнес один из близнецов.

Эйлле не надеялся, что сюрпризы на сегодня закончились, но едва сдержал изумление, когда одна из створок распахнулась, и человек, одетый в цвета Нарво, жестом пригласил их пройти.

Тэмт осторожно шагнула внутрь, Эйлле последовал за ней, последними вошли близнецы. После ослепительного жаркого солнца казалось, что в огромном прохладном зале темно, как в пещере. Стены были отделаны серыми прямоугольными

плитами, плотно пригнанными друг к другу. Если снаружи дворец ничем не отличался от построек джао, то внутри он выглядел безобразно человеческим.

— Только посмотрите на эти углы, — проговорила Тэмт, осторожно касаясь стены кончиками пальцев. — Они такие... грубые.

Близнецы переглянулись, в их глазах вспыхнуло изумрудное пламя. На этот раз они не успели сдержать гнев.

— Губернатор Нарво использовал некоторые приемы туземных архитекторов, — произнес один из них. — Местные материалы более доступны, строители обучены с ними работать, что позволяет сократить затраты. А также произвести впечатление на людей, которых нужно постоянно ставить на место.

— Безусловно, он прав, — торопливо ответил Эйлле, изображая «понимание-и-воодушевление». Но на самом деле... Нет, это уже не странно — это подозрительно. Он успел узнать о людях достаточно, чтобы не сомневаться: если завоеватели начнут перенимать их обычаи, это вряд ли произведет на них впечатление. Возможно, они будут польщены — но только если увидят, что за этим последуют другие шаги по созданию единства. В противном случае эффект будет либо нулевой, либо прямо противоположный. Пока же единственное, что действительно произвело на них впечатление — это боевое превосходство джао.

— Губернатор Оппак ждет вас в солярии, — сказал второй служитель. Последнее слово он произнес по-английски и с заметным усилием. — Вы желаете пройти туда?

Эйлле утвердительно склонил голову, потом пропустил Тэмт вперед.

Идти пришлось долго — через серию коридоров и просторных помещений, в которых гулко отдавалось эхо. Никакого намека на следование потоку, как того требуют каноны архитектуры джао. Казалось, помещения отрезаны друг от друга, время в них самопроизвольно ускоряет и замедляет течение, и если куда-то направляешься, то ни за что туда не попадешь. Как Нарво умудряются здесь жить?

«Солярий» оказался огромной комнатой со стеклянными панелями, вмонтированными в потолок. Водопады солнечного света покрывали стены муаровым рисунком и словно за-

ставляли их мялко вибрировать. Вдоль стен выстроились деревья в кадках, а их ветки были буквально усеяны яркими... Эйлле сморщил нос, вспоминая. Ну да. Они называются «птицы».

Почти всю комнату занимал глубокий бассейн. Он выглядел почти как настоящий водоем, обрамленный черными каменными глыбами, о которые бились странно ровные искусственно создаваемые волны.

В центре бассейна кто-то плавал. Эйлле остановился: темная мокрая голова показалась над поверхностью воды, и блестящие глаза, явно отливающие зеленью, начали с любопытством его разглядывать. *Ваи камити* пловца был идеально четким, но производил впечатление несбалансированности — три темные полосы, сходящиеся под разными углами.

— А, Эйлле кринну ава Плутрак?

Эйлле подошел к самой воде, его обдавал соленый запах этого морского микрокосма, и позволил глубокой заинтересованности наполнить свое тело.

— Для меня большая честь откликнуться на ваш зов, Губернатор.

— Конечно, — Оппак мощным гребком пересек бассейн, подплыл к его краю и выбрался на камни. — А я польщен щедростью Плутрака — направить сюда одного из лучших потомков, чтобы он прозябал здесь в хаосе.

Слишком долго Нарво отказывался устанавливать связи с Плутраком. Это касалось даже мелочей. В то же время такой союз мог оказаться очень плодотворным, а потомство, полученное в результате слияния могущественных родов, несомненно оставило бы след в истории Галактики. Однако Нарво с презрением отвергал все предложения Плутрака, и это не могло не сказаться на отношениях великих коченов. Там, где нет единства, возникает вражда. Как и все отпрыски своего кочена, Эйлле слышал об этом соперничестве едва ли не с рождения, но еще ни разу не сталкивался лицом к лицу с отпрысками Нарво. Он чувствовал, что вибрисы предупреждающе дрожат, словно наэлектризованные, но упорно сохранял позу «глубокий-интерес-и-почтение», хотя это стоило невероятных усилий.

Оппак кринну ава Нарво отряхнулся и жестом подозвал безмолвного человека-прислужника, который появился из тени, глядя себе под ноги.

— Как вам комната? — небрежно осведомился Губернатор, хотя положение его плеч было откровенно вызывающим.

— Здесь довольно светло, — ответил Эйлле, стараясь не щуриться. — А в остальном она напоминает мою родную планету. И запах моря — в точности как на Мэрит Эн.

Последнее было чистой правдой. Терпкий запах, исходящий от воды, был поистине изысканным.

— Похоже, на наших планетах моря пахнут одинаково. Я специально выписал с Пратуса специалиста по запахам, — Оппак совершенно по-детски раскинул руки, и прислужник поспешно надел на него церемониальную перевязь. — Конечно, это потребовало определенных затрат... но я все-таки правитель. Приходится соответствовать определенным стандартам, чтобы не потерять уважение. К тому же в этой сухой пустыне без такой комнаты просто не прожить.

Эйлле посмотрел на воду. Волны были невысокими, но их шорох разбудил ту его часть, которая жаждала вернуться домой. Или хотя бы нырнуть в этот бассейн и плавать до тех пор, пока пух, изрядно запылившийся во время этой поездки, не станет чистым. «Глубокий-интерес», напомнил он себе, а не «пылкое-желание». Его вибрисы дрогнули, но позу удалось сохранить.

— Мне интересно, почему вы построили дворец именно здесь, хотя на этом континенте множество удобных мест на побережье.

— Это место еще более удобно. Сейчас мы находимся в самом центре материка, на котором мы встретили сильное сопротивление, — Оппак просунул ногу в штанину. — И самые доступные ресурсы. Чтобы справиться с первым, пришлось создать проблемы со вторым. Вы видели: основная часть инфраструктуры этого государства уничтожена. Но мы добились капитуляции. Но что правда, то правда: я часто выезжаю на побережье, чтобы немного отдохнуть от этих безводных пустошей.

Он производит впечатление, подумал Эйлле. Зрелый, в хорошей форме, хотя ворс у него уже поистерся.

— Возможно, — проговорил Губернатор, — вам еще доведется здесь поплавать, прежде чем вы вернетесь к своим обязанностям.

— Безусловно, я счел бы это за честь.

Да, трудно быть вежливым... когда приходится выбирать: или говорить, или стискивать челюсти, чтобы сохранить подобающую позу.

— О да, — Оппак посмотрел, как прислужник застегивает его шаровары, каким-то образом умудряясь не прикасаться к телу Губернатора. — Я думаю, это можно устроить... А теперь, если желаете, можете осмотреть свои комнаты. Остальные гости придут позже, но в течение текущего солнечного цикла.

Эйлле опустил глаза и обернулся к близнецам, которые по-прежнему находились в комнате, но осмелился принять вопросительную позу.

— На приеме будет присутствовать некоторое количество туземцев, — небрежно бросил Оппак, прежде чем кто-либо успел заговорить. — Впрочем... думаю, это вас не смутит, поскольку вы уже взяли двоих к себе на службу.

И он очень естественно принял позу «утонченность-и-брезгливость»: уши расправлены, нос наморщен, брови приподняты, насколько возможно.

— Я команду войсками джинау, — сказал Эйлле. — Я пытаюсь понять образ их мыслей, чтобы они могли приносить больше пользы.

Губернатор фыркнул.

— Даже при должном воспитании из людей получаются разве что слуги — очень посредственные слуги. Единственное, что может оказаться полезным — это их численность. Они размножаются с такой скоростью, что позволяют выигрывать сражения одним численным перевесом. Но уверяю вас: в их примитивных мозгах есть лишь малая толика того, что мы называем истинным мышлением. Их мудрец по имени Киплинг — увы, ныне покойный — выразился очень удачно: они наполовину дьяволы, наполовину дети.

Течение ускорилося, и Эйлле почувствовал, как заколотилось сердце. Что бы посоветовал Яут, находишься он здесь? Как ответить, чтобы не бросить тень на Плутрак?

Глубоко вздохнув, Эйлле принял позу «смирение-и-признательность-за-просвещение».

— Благодарю вас, Губернатор. Я предвижу, что ваши наблюдения еще не раз помогут мне в обучении.

— Возможно, — отозвался Оппак. — Если у меня будет настроение.

Он взглянул на близнецов, и те направились к дальнему выходу, на этот раз оборудованному обычным силовым полем.

— Сюда, пожалуйста, — сказал один из них.

* * *

Едва ступив на иссушенную землю Оклахомы, Яут обнаружил, что Эйлле отвели невыносимо примитивную, всю из прямых линий и углов, пристройку. Никакого ощущения течения, к тому же одна стена полностью стеклянная! Приказав Талли и Агилере сложить багаж, он еще раз осмотрел помещение.

— Немыслимо!

Талли отступил в угол — его любимое действие, предсказуемое как рассвет — и осторожно наблюдал оттуда за происходящим. Райф Агилера почесал голову. Несомненно, это указывало на определенное эмоциональное состояние, но для Яута оставалось ничего не значащим движением.

Он обследовал постройку. В процессе осмотра обнаружился санузел, два небольших кладовых отсека и пять мест для ночлега. Но ни одного, даже небольшого, бассейна!

— Немыслимо! — повторил он, снова входя в общую комнату. — Я не понимаю! Нарво намеренно пытается нанести оскорбление Плутраку? Конечно, можно было ожидать пары мелких выпадов. Вроде этой идиотской крошечной машинки, которую они прислали за мной — и, я уверен, за Эйлле тоже. Но это уже чересчур!

Дверное поле рассеялось, пропуская внутрь Тэмт и Эйлле. Яут посмотрел на своего подопечного так, словно это из-за него им предоставили столь убогое жилище.

Эйлле наморщил нос, но осмотрительно сохранял нейтральную позу.

— Вижу, вы уже поняли, как нас расквартировали.

— Ты успел оскорбить Губернатора, еще не прибыв сюда? — Яута охватило праведное негодование. — Чтобы организовать такое непотребство, необходима тщательная подготовка!

— Это не имеет значения, — произнес Эйлле. — Солдатам на поле боя приходится переносить любые условия. Сейчас нам надо подумать о гораздо более важных вещах.

— Он испытывает твоё терпение, — беспомощно пробормотал фрагта.

Эйлле окинул взглядом комнату. В самом деле, омерзительно.

— Мое внимание выше подобных мелочей. При желании я могу сделать эти углы невидимыми для своего взора.

— Как можно не заметить их в этом море света! — Яут гневно посмотрел на стеклянные вставки. — Неужели с этим ничего нельзя сделать?

Тэмт шагнула вперед. Ее плечи казались воплощением желания быть полезной.

— Позвольте мне. Я могу пойти и справиться у слуг о... покровах.

— О покровах? — Яут недоуменно уставился на нее.

— Я видела это в человеческих жилищах. Это называется «занавески» или «шторы».

— Когда ты успела побывать в человеческих жилищах?

Тэмт помедлила, ее поза распалась, превратившись в бессмысленный набор элементов.

— Раньше, — ее голос стал совсем тихим. — И не раз.

Яут возмущенно опустил уши.

— И ты туда же? Что за одержимость туземцами? Ты должна быть осторожней, иначе к тому времени, когда тебя призовут в кочен для нового назначения, ты будешь обесчещена.

— Этого никогда не произойдет, — чуть слышно ответила Тэмт, и в ее глазах мелькнула ярко-зеленая вспышка невыносимого стыда. — Некоторое время назад я отправила запрос в кочен. Я хочу остаться здесь навсегда. Ответ еще не пришел, но я уверена, что он будет положительным.

— Почему ты это сделала?

Яут подошел ближе, тщательно изучая каждую линию ее тела: наклон ушей, подрагивание вибрис, изгиб локтей, плеч, колен, поворот торса. Насколько можно судить по опыту общения с ней — очень кратко, — эта особь не умела думать одно, а изображать другое. Она не умела быть неискренней.

Взгляд Тэмт был устремлен к ярким окнам, словно в этом потоке назойливого сияния можно было что-то разглядеть.

— Я низкого происхождения, — наконец произнесла она. — Во мне не нуждаются ни в Доме кочена, ни где-либо еще. Но здесь, на Земле, люди разговаривают с тобой, несмотря на всю твою бесполезность. Мне... хорошо с ними.

— С этими грубыми невеждами?! — Яут был вне себя от возмущения. — Ты предпочитаешь их своему родному кочену?

Она отступила, но по-прежнему смотрела в окно.

— Вас ценят. Иначе не назначили бы фрагтой к молодому Субкоменданту. Вы не представляете, каково это — когда тебя никуда не призывают, не выбирают, когда тебя как будто нет, — она опустила уши. — Меня отослали на Землю. Я уже забыла, когда это произошло. И за все это время никто не справился о том, как я здесь устроилась, жива ли я вообще. За все это время — ни одной весточки. Вот я и решила остаться, — она отвела взгляд и заморгала. — Я уверена, они не будут против.

Должно быть, она не подавала надежд с тех пор, как выплыла на поверхность, подумал Яут. Иначе кочен не стал бы так тщательно избегать ее. Может быть, они надеялись, что она погибнет в бою и заслужит себе хоть какую-то славу. Но ей и это не удалось.

— Я принесу славу Субкоменданту, — внезапно произнесла Тэмт, словно услышав его мысли. — Я сделаю так, что все обратят на него внимание! Все без исключения, обещаю!

Она почти подбежала к дверному проему. На миг поле отключилось, пропуская ее, и вновь сомкнулось у нее за спиной.

Эйлле задумчиво посмотрел ей вслед.

— Любопытно, — проговорил он. — Похоже, ты задел ее за живое.

— «Любопытно»... — ворчливо передразнил Яут. — Это не объяснение.

— Не понимаю.

— Если у нее нашлись причины остаться — значит, могут найтись и у других, — старый фрагта повернулся спиной к ярким лучам света и задумался. — Такое иногда случается с джао, особенно низкого происхождения, которые пережили сильное потрясение или слишком долго находились вдали от дома. Они теряют чувство собственного достоинства и предаются пороку. Когда такое происходит, то позор падает на весь кочен.

— В самом деле... — отозвался Эйлле. — Но такое, наверно, происходит нечасто?

— Гораздо чаще, чем кто-либо решится признать, — ответил Яут. — А ты уже принял к себе на службу троих людей. Постарайся, чтобы ни у кого не было повода для новых познаний.

Глава 13

В дверь постучали, и доктор Кинси ворвался в комнату Кэтлин прежде, чем она успела сказать «войдите». К счастью, она отключила дверное поле, как делала всегда в отсутствии Банле.

Морщинистое лицо профессора просияло.

— Ты прелестно выглядишь, дорогая! А какое элегантное платье!

Она оправила юбку до пола, только что сшитую одним из лучших портных Оклахома-Сити. Цветом и фактурой ткань напоминала старинное серебро.

— С точки зрения джао — бесполезное расточительство. У них нет такого понятия, как мода. А вот люди, которых сюда пригласили, оценят. Как сказал папа, я должна поддерживать имидж семьи...

Профессор плюхнулся в ближайшее кресло.

— Это мой первый ужин с джао! Надеюсь, меня не сочтут невежей, если я сделаю пару замечок.

Кэтлин покачала головой, пересекла комнату и поправила его старомодный сине-красный галстук. Синий и красный, цвета джинау... Ну неужели он не способен замечать очевидные вещи?! Она сдержала вздох.

— Не исключено. Имейте в виду, что для джао прием пищи — это только прием пищи, он не несет в себе дополнительной функции социальной коммуникации, как у нас. Они... ох... не едят, а питаются. Так вот, они *питаются* один раз в день, могут не есть по несколько дней и при этом сохранять предельную работоспособность. Сегодня вечером, возможно, еда будет расположена в нескольких местах вокруг главного зала. И скорее всего, наши вкусы будут мало учитываться.

Так что лучше попробуйте, прежде чем класть полную порцию. Если они без предупреждения начнут раздеваться, сделайте вид, что ничего особенного не происходит. Я почти уверена, что там будет бассейн, и кто-нибудь захочет искупаться. У них это в порядке вещей, а наши запреты, связанные с телом, им неизвестны.

Профессор поглядел на нее с тревогой и любопытством.

— Так может быть, мне искупаться с ними?

— Боже упаси!

Это было уже не смешно.

— Джао могут находиться под водой пятнадцать-двадцать минут. Они действительно плавают как тюлени. По сравнению с джао наши лучшие пловцы просто бултыхаются на поверхности. Если вы захотите к ним присоединиться, то утонете через пару минут.

— О... — он был так потрясен, что позволил снова поправить себе галстук. Кэтлин отступила на шаг, чтобы полюбоваться результатом. — Мне еще многому надо научиться... Но ведь за этим я здесь и оказался! Не дождусь, когда все начнется.

Кэтлин вздохнула.

— Этот так называемый прием — вовсе не такое приятное мероприятие, как может показаться. И им не понравится, если мы попытаемся их переубедить. Они не собирались устраивать вечеринку для людей. Пожалуйста, будьте сдержанней во время разговора, выражайте почтение и уважение, но не проявляйте такой бурной радости, что бы вы ни увидели и ни услышали. Ваше воодушевление не вызовет у них ничего, кроме раздражения, а может быть даже покажется оскорбительным.

— В самом деле?.. — Кинси растерянно пригладил волосы, потом уронил руки с видом полной беспомощности. — Спасибо, что предупредили. А... какие темы можно будет затрагивать? Например, религия...

Кэтлин снова покачала головой, потом вдела в мочку крошечную сережку в виде значка доллара.

— Джао были целенаправленно созданы Экхат, доктор. А не появились в результате естественного отбора.

— Я знаю!

— Тогда продолжайте логическую цепочку. Они знают, кто их создал, зачем и почему, и не нуждаются в том, что сами

считают «предрассудками и суевериями». Разумеется, у них есть свои обычаи. Но это именно обычаи, и все они сводятся к тому, как следует себя вести в той или иной ситуации. Здесь нельзя говорить не только о религии, но даже об идеологии.

Профессор поник и нахохлился.

— Это вы должны писать книгу, а не я, — вид у него был совсем жалкий. — Я не могу назвать ни одного человека, который бы так же плотно общался с джао...

— И я — единственный человек на Земле, который не должен этого делать. Джао следят за мной постоянно. Если вы поставите мое имя на обложке, а в книге обнаружится хотя бы одна ошибка или неточность... Я уверена, им такое очень не понравится. А расплачиваться будет мой отец, и заплатит за это сполна. А может быть, и я тоже. Если ошибку совершите вы, они могут закрыть на это глаза, списав ее на недопонимание. Но мне такое не простится, — она опустила веки и заставила себя успокоиться. — Не забывайте о том, что случилось с моим братом. Поймите, я готова помочь вам всем, чем только смогу. Только не упоминайте моего имени.

— Как скажешь. Возможно, ты в конце концов получишь разрешение на проведение дипломных исследований...

— Этого не будет. Да, я получила степени по истории, а теперь работаю в этой области и даже буду защищать докторскую. Но только потому, что джао вряд ли могут возражать против того, что происходило прежде, чем они взяли нас... м-м-м... под свое покровительство. По большому счету, им это совершенно неинтересно.

Она посмотрела на часы. Уже семь. Возможно, пора идти, хотя джао не придают значения единицам времени и не позволяют себе становиться заложниками точности. У них есть понятия «сейчас» и «прямо сейчас», «тогда» и «позже» — и даже «в самое ближайшее время». Все остальное воспринимается ими как оттенки личного восприятия. Их легендарное времячувство позволяет им знать, когда случится то или иное событие. Как они это делают — людям не понять. Возможно, это что-то вроде внутренних часов; но то, что под этим подразумевают люди, можно считать жалким пережитком.

Словно в подтверждение этих мыслей, Банле появилась как раз в тот момент, когда Кэтлин и профессор вышли из

комнаты и пристроилась сзади — один из ее мелких зловредных трюков. Кэтлин перебросилась со своим руководителем парой фраз, не подавая вида, что заметила оскорбление, пока они не оказались на пороге гостиной. Тут она ойкнула и поджала ногу.

— Что-то с туфлей, — пробормотала она. — Проходите, я сейчас вас догоню...

Банле уже была в дверях и не могла повернуть на полпути — это считалось неприличным. Кэтлин чуть помедлила, делая вид, что поправляет туфлю, а потом непринужденно пристроилась следом, не без удовольствия отметив, как плечи телохранительницы вздергиваются в «гневе-и-замешательстве». Прекрасно. А теперь притворимся, что ничего не произошло. Профессор Кинси, весь сияя, гордо вышагивал впереди, разглядывая джао.

Их было хорошо видно. Прием проводился на открытом воздухе, во внутреннем дворе; строго говоря, это был настоящий парк. Вместо пола — газон с мягкой зеленой травой, повсюду деревья в кадках... Но главное, что привлекало внимание — это огромный бассейн размером с озеро. Это просторное помещение напоминало выставочный зал — впрочем, как и большинство помещений во дворце. Воздух пах морем, но морем чужим.

Подняв глаза, Кэтлин увидела, как в небе загораются звезды. Глаза джао более чувствительны, чем человеческие, поэтому в своих жилищах они обычно обходятся без внешних источников света и прежде всего без окон. Стоял август, дни были еще длинными, особенно в этих широтах. Солнце медленно догорало на западе, но давало еще много света, несмотря на поздний час.

Несколько джао в узорных накидках любовались звездами. Кэтлин шагнула вперед, и их уши и вибрисы мгновенно выразили «неловкость-и-беспокойство», прежде чем инопланетяне успели принять более тактичные позы. Что пытался сказать Губернатор Опкак, устроив для людей весь этот спектакль?

Возведение роскошного дворца в центре израненной сражениями Северной Америки было тонко рассчитанным оскорблением. Это означало напомнить американцам о других нациях Земли, которые подчинились неизбежному и потому сохранили инфраструктуру. Прошло двадцать лет, но основ-

ная часть того, что было разрушено, по-прежнему лежала в руинах. Этот сияющий дворец был символом власти Нарво, блестящей пятой на лице Америки.

Банле присоединилась к соплеменникам. Ее глаза жадно взирали на роскошный пруд. Джао сами не свои до морских купаний и никогда не отказывают себе в этом удовольствии. Охранница Кэтлин не была исключением и постоянно ходила плавать на реку, которая протекала недалеко от кампуса. Заметив, что Банле отвлеклась, Кэтлин поспешила в другую сторону. Может быть, удастся затеряться в толпе хотя бы ненадолго и побыть наедине с собой.

Среди приглашенных было несколько человек, но никто из них даже не попытался заговорить с Кэтлин. Кое-кто из них, с отвращением отметила она, унизился до того, что разрисовал себе лицо полосками, призванными изображать ваи камити, придав себе впечатляющее сходство с енотами-переростками. Интересно, понимают ли эти идиоты, что ваи камити — наследственный признак, который указывает на происхождение от определенных родителей. Не исключено, что двое-трое джао сочтут себя оскорбленными.

— Молодой ава Плутрак уже прибыл? — слышалось справа: один из инопланетян обращался к своему соседу.

Кэтлин замерла, поймала взглядом вспышку бледного золота в полумраке и чуть повернула голову, чтобы держать собеседников в поле зрения. Большинство джао свободно разговаривали в присутствии людей, зная, что те не понимают их языка.

— Я его еще не видел, — ответил второй инопланетянин. — Если бы он был здесь, думаю, мы бы об этом узнали. Говорят, его невозможно не узнать.

— Плутрак всегда привлекает к себе внимание, — сухо заметил первый. — В этом их удача. А наша — в том, чтобы быть незаметными.

Кэтлин повернулась еще немного, но этого оказалось достаточно, чтобы рассмотреть обоих. Одним из собеседников оказалась женская особь. Накидка на ее широченных плечах была украшена оливковыми и изумрудными символами, означающими, что эта джао служит во Франции.

— Одно дело быть заметным, а другое дело — прославиться, — ее руки и роскошные вибрисы на миг приняли по-

ложение, выражающее «приятное-удивление-и-интерес» в немного легкомысленной версии, и тут же поза стала более нейтральной — «вежливость-и-осмотрительность». — Он так недавно выплыл на поверхность, что у него еще пух не обсох! Молодые обычно делают очень забавные ошибки. Не сомневаюсь, Оппак выставит его в самом неприглядном свете и отправит назад, поплавать немного в пруду рождения.

Ее собеседник, самец, был заметно старше. Подобно людям, джао с возрастом теряют пух, и это было хорошо заметно: он не носил накидки. Возможно, это был командующий одной из частей, расквартированных в неизвестно какой точке планеты.

— Не стоит недооценивать Плутрак. Его отпрыски способны думать о шести различных вещах, выражая позой седьмое, и ни одним волоском этого не выдать. Не то что эти тупые люди. Если он действительно из Плутрака, он исполнит все, что велит *витрик*, и исполнит хорошо.

Хм-м-м... Кэтлин уже слышала, что на сцене появился новый офицер, но была слишком поглощена собственными проблемами. На самом деле, ей было просто некогда размышлять над всеми этими политическими перестановками. Она вспомнила, как Кинси мечтал вбить клин между Плутраком и Нарво... мечты, которые могут обернуться против мечтателя. Но отцу стоит непременно рассказать об этом разговоре. Чем больше коченов присылает на Землю своих представителей, тем больше осложняется и без того запутанная ситуация, в которой большинство людей уже не в состоянии разобраться. Соперничество фракций джао никогда не облегчало положение людей, но... Чего на свете не бывает. На самом деле, она очень мало знает о кочене Плутрак. И другие люди тоже. Это был самый прославленный из коченов джао... и самый загадочный.

— Вы Кэтлин Стокуэлл, верно?

Голос раздался прямо у нее за спиной. Вздвогнув, она обернулась и встретила глазами с человеком в новой, с иголки, темно-синей униформе джинау. Его грудь пересекали полосы цвета кардинал.

— Да... но, боюсь, мы не знакомы, мистер...

— Эд Кларик, — офицер протянул ей руку. Он был среднего роста, крепкий и мускулистый. Наверно, ему слегка за сорок, подумала Кэтлин. Подтянутый, сильный, он выглядел моложе своих лет, однако легкая проседь выдавала его возраст. А ему не откажешь в привлекательности. — Простите... Генерал-майор Кларик, к вашим услугам.

Теперь она вспомнила. Кларик был одним из самых высокопоставленных офицеров джинау. Генерал-майоров было трое, и каждый командовал дивизией. Если она ничего не путает, ее отец должен хорошо его знать.

— Вряд ли вы сможете мне служить, — сказала Кэтлин, позволив ему пожать себе руку, и ровно через секунду освободилась, чтобы смахнуть со своего серебряного платья невидимую пылинку. — По крайней мере, пока носите эту форму.

Его волосы цвета соли с перцем были почти такими же густыми и короткими, как бархатистый ворс, покрывающий тела джао. Кэтлин поймала себя на мысли, что он и в самом деле похож на одного из них. Кларик пожал плечами, один уголок его рта чуть приподнялся.

— Неожиданное заявление для члена семьи президента.

— Мы не можем решать за себя.

Кэтлин почувствовала, что краснеет. Вот почему она так не любит вечеринки. Никогда не знаешь, что сказать людям. Они хотят только одного — утвердиться за твой счет: либо сойтись с тобой, потому что у тебя большие связи, либо ткнуть тебя носом в то, что ты — дочь коллаборациониста. Особенно скверно получается с мужчинами: они обычно норовят заодно затащить тебя в постель. Кэтлин вскинула голову.

— Моего отца заставили стать рабом джао. Он никогда не стремился стать президентом и не видит в этом для себя чести.

Эти слова вырвались почти произвольно, и она тут же пожалела об этом. Кларик был очень мил и не подавал никакого повода себя презирать. Напряжение, которое не отпускало ее с утра, стало еще сильнее.

— И вы полагаете, что для меня это что-то меняет? Или для нас обоих? — его глаза были серыми, как облака, которые приходят со стороны штормового моря. Однако Кэтлин поняла, что ее слова скорее успокоили его, чем задели. — Мы все делаем то, что должны делать, мисс Стокуэлл. Нравится нам это или нет.

— Конечно, — пробормотала она. Надо держать язык за зубами, Кэтлин. У тебя есть определенные обязательства перед папой, если не сказать больше. Не стоит задевать гостей Губернатора только ради того, чтобы снять напряжение. — Вы здесь впервые, генерал?

— Нет, что вы. Последний раз я прилетал сюда в декабре. Оппаку понадобилась демонстрация покорности.

— Демонстрация?..

— Вы понимаете, о чем я.

Он не улыбнулся, однако его губы чуть-чуть изогнулись, и она заметила в его глазах лукавые искорки... больше похожие на блеск стали.

— Демонстрация тех, от кого можно ожидать приятной беседы об уважении, долге и пользе, кто не станет докучать остальным гостям, швырять мусор в бассейн... В общем, покажет, чем могут стать цивилизованные люди, если кто-то не пожалеет времени на их воспитание.

Кэтлин почувствовал, что уголки ее губ ползут вверх.

— О да. Я сама чувствую себя так, словно меня выставили на всеобщее обозрение. Хотя отец пытался сделать так, чтобы это было сведено к минимуму.

— Возможно, я понимаю, что вы чувствуете.

В этот момент ее уши снова уловили «Плутрак». На этот раз его произнес кто-то из тройки джао, которые сбросили одежду, чтобы нырнуть в бассейн — самый большой в помещении.

— Вы знаете, кто он — этот Плутрак, о котором тут все говорят? — спросила Кэтлин.

— Его полное имя — Эйлле кринну ава Плутрак, — охотно отозвался Кларик. — Думаю, пока его здесь нет. Его должны доставить из Паскагулы, штат Миссисипи, там у них большая военная база. На самом деле, это мой новый босс.

— Так вы с ним еще не встречались?

— Нет...

Взгляд генерала на миг метнулся в сторону троицы купальщиков. Их возгласы стали громче, звучали более возбужденно. В бассейне уже плавали несколько джао. Кларик шагнул к Кэтлин, чтобы не повышать голоса.

— Я отсутствовал некоторое время — набирал новобранцев на бывшей территории Канады, по большей части в рай-

оне Стоктона. Но я надеюсь встретиться с ним сегодня, раз уж меня сюда вызвали... — он перекатился с носков на пятки. — И в самое ближайшее время к нему присоединиться.

— Это все равно, что присоединиться к Оппаку, — проговорила Кэтлин почти шепотом. — Вам это не доставит удовольствия.

— Мисс Стокуэлл, я никогда не получал удовольствия от общения с джао. Но я почему-то не думаю, что он хуже Оппака. Или главнокомандующего Каула. Или той же мисс Пинб, вместо которой его сюда прислали, — он прямо посмотрел на нее. — Джао существуют не для того, чтобы мы получали удовольствие от их компании. Но я их не разочарую, если смогу.

Он знает, что говорит, подумала Кэтлин. Этот Кларик себе на уме и не питает в отношении джао никаких иллюзий. Нет, они не воплощение зла. Но у них нет никаких причин любить людей. Возможно даже, что в глубине души им глубоко плевать на эту планету. Но слишком многие убедили себя в том, что джао намерены способствовать подъему человечества, дать людям новые технологии и открыть им путь к звездам... Если мы будем хорошо себя вести, дяди дадут нам конфетку и свозят в Диснейленд.

Хорошо, мы действительно полетим к звездам. Не спорю. В качестве пушечного мяса, слуг, в лучшем случае — живого приложения к технике. Но мы не будем на равных, даже не надеяться.

Кларик коснулся ее плеча.

— Кажется, нам приготовили... угощение. Не желаете снять пробу, мисс Стокуэлл? — в его серых глазах снова засверкали искорки. — Насколько я вижу, копченый угорь... правда, обычно он выглядит не так мерзко.

О да, он знает джао. Настолько, что даже разбирается в их кухне. И однажды это поможет ему стать не только представителем человеческой расы, у которого подобное приглашение вызывает трепет. Кэтлин протянула ему руку.

— Конечно, генерал. Только при одном условии: вы будете пробовать первым.

Эйлле планировал оставить Талли под бдительным присмотром Тэмт, однако телохранительница, отправившись за

пресловутыми «занавесями», так и не вернулась. Возможно, найти их оказалось сложнее, чем она думала. Райфу Агилере он не настолько доверял, чтобы выпускать его во дворец Губернатора с локатором. Что бы эти двое ни говорили и ни делали, они все-таки люди. И, откровенно говоря, он подозревал, что Талли не устоит перед искушением и сбежит.

— Талли пойдет с нами, — объявил он. Яут как раз поправлял его накидку.

Талли вскочил, как на пружинах. Его глаза расширились, ноздри дрожали, что Эйлле воспринял как признак крайней тревоги.

— Неприемлемо! — похоже, это стало любимым словом Яута, когда речь шла о людях. — Все, кого ты возьмешь на прием, должны вести себя безупречно. Раньше твой выбор отражал твою способность устанавливать отношения с людьми. Если уж ты вынужден взять с собой человека, то почему именно этого?

— Потому что мы не можем оставить его здесь, — Эйлле заставил себя развернуть уши и плечи, выражая «спокойствие-и-рассудительность». — В конце концов, только так ты сможешь держать его под наблюдением.

— Если бы ты позволил мне его подавить, за ним было бы уже не нужно наблюдать!

Талли выпрямился и обхватил себя руками, его длинные пальцы впились в предплечья. Эйлле не первый раз замечал у него эту позу и решил, что она означает «сдержанность-и-подавленность». Скорее всего, это был его личный вариант данной позы, потому что ни у кого из людей Эйлле такого не видел.

— Думаю, он будет вести себя прилично, — произнес он, поворачиваясь к желтоволосому человеку. — А если нет, ты рассердишься, и это будет для него очень неприятно. И он это понимает. Верно? — и Эйлле посмотрел в глаза Талли. Тот почти немедленно отвел взгляд, но Эйлле заметил, как мышцы у него на скулах начали ритмично напрягаться и расслабляться.

— Субкомендант задал тебе вопрос! — Яут замахнулся, но Эйлле мягко остановил его руку.

— Это простой вопрос, — сказал он Талли, оправив его униформу и сбив с нее несколько пылинок — точно кочен-отец с пуха своего отпрыска. — Окажешь ли ты мне честь, как это

принято у джао, — я надеюсь, ты очень хорошо понимаешь, о чем я говорю, — или мне прислушаться к совету Яута и позволить ему поступить с тобой по-своему? Ты должен решить сам. Поток быстр, и должен признать, что я уже не раз едва удерживался от этого. В конце концов, он мой фрагта и лучше предвидит события, чем молодой гладкомордый офицер.

— Вы все равно собираетесь меня убить. Почему бы не сделать это прямо сейчас?

Вот еще одна загадка, которая до сих пор его мучает. Снова это существо демонстрирует готовность встретить смерть лицом к лицу — почти как джао. Талли с удовольствием пожертвовал бы жизнью, чтобы навсегда скрыть свои секреты от джао и таким образом принести пользу своим соплеменникам. Впечатляет, если правильно на это посмотреть. Эйлле поймал себя на том, что готов стоять на своем. Он подчинит этого человека своей воле и не позволит ему бежать, даже если для этого придется его убить.

— Он пойдет с нами, — сказал он, обращаясь к Яуту. — Он будет советовать мне, как правильно вести себя с приглашенными людьми и сам будет держать себя так, как следует. Если что-то пойдет не так, можешь вывести его из зала и оторвать те отростки на ногах наподобие пальцев — по одному, пока он не раскается. Потом сделаешь то же самое с ушами.

— Неплохая идея, — отозвался фрагта, наморщив нос и изобразив «согласие-и-успокоение». — Его уши просто безобразны.

Талли судорожно схватился за голову и прикрыл свои уши ладонями, но Эйлле успел заметить, что они стали ярко-красными.

— Ты понимаешь, Талли? — он снял с темно-синей ткани последнюю пылинку. — При первом же намеке на нарушение субординации ты останешься наедине с Яутом и вернешься после того, как научишься себя вести.

Талли покорно кивнул. Забрав пульт локатора у Агилеры, Яут отключил дверное поле и направился к выходу. Пора было идти на прием.

У первого из человеческих слуг удалось выяснить, в каком направлении идти. Миновав несколько странным образом пересекающихся коридоров, они оказались в огромном помеще-

нии, залитом ярким светом. Здесь находились как минимум три бассейна, где уже плавали джао, и Эйлле с удовольствием бы нырнул в воду немедленно.

Воздух был наполнен восхитительными запахами моря и мокрых камней с озоновой ноткой надвигающегося шторма. Прекрасная работа, подумал Эйлле. Несколько человек — в основном джинау — прогуливались на периферии, общались друг с другом и лакомились. Разумеется, это были кушанья джао, сервированные на тонких каменных плитках.

Оппак кринну ава Нарво, который плавал в самом большом бассейне, заметил Эйлле и жестом пригласил Субкоменданта присоединиться. Пробираясь сквозь толпу, Эйлле помедлил, пропуская вперед Яута и Талли. Последний глазел по сторонам, словно пытался кого-то увидеть, но потом опомнился и занял свое место — похоже, он дорожил своими пальцами и ушами куда больше, чем жизнью.

Подчиненные Оппака умело затерялись среди приглашенных. Большинство из них были отпрысками Нарво, на что указывал их броский вай камити, почти такой же, как у самого Губернатора. Однако Эйлле успел заметить несколько лиц с иным рисунком. Большинство этих джао принадлежали к коченам, входящим в Нарво — в том числе Сэнт, связанный с Нарво таким же давним союзом, какой связывал Джитру и Плутрак. Очаровательная парочка, которая эскортировала Эйлле с посадочной площадки, также присутствовала в зале. Близнецы были вооружены, благодаря чему привлекали к себе внимание. Они стояли буквально в трех шагах от Эйлле.

Его уши удивленно шевельнулись. Неужели Губернатор не чувствует себя спокойно даже здесь, в собственной резиденции? Неужели мир здесь так же непрочен, как и снаружи?

Губернатор беседовал с невысоким человеком — это была женская особь, как он догадался, — и отреагировал на жест Эйлле лишь после того, как она, вежливо посмотрев в сторону Субкоменданта, покраснела и смолкла.

— О, Субкомендант Эйлле, — произнесла она на джао. — Добро пожаловать на Землю.

Ее акцент был почти незаметным. И она не назвала своего имени — верный признак того, что она знакома с обычаями джао.

— Это самое удивительное назначение, которое можно было получить, — сказал Эйлле, подходя ближе и тщательно сохраняя позу «внимание-интерес-и-признательность». — Я сочту за честь служить Губернатору.

— Почему Плутрак прислал вас сюда? — спросил Нарво. Его тело откровенно выражало «подозрительность», причем поза была почти оскорбительной. — Я должен это знать, прежде чем смогу решить, чем вы можете быть мне полезны. Почему блистательный Плутрак, который никогда не совершал ничего, что могло бы уронить его в глазах мира, отправляет своего драгоценного отпрыска на этот грязный шарик, прозябать среди скал и пыли?

Ют и Талли находились совсем неподалеку, но, к их чести, ни у того, ни у другого даже не дрогнули вибрисы... Конечно, у Талли вибрис не было, но от него можно было ожидать более резких движений, чего, к счастью, не произошло.

— Я прибыл сюда, чтобы учиться, — ответил Эйлле. — Плутрак и Нарво слишком долго противостояли друг другу. Возможно, настало время объединить наши усилия и посмотреть, к чему это приведет.

В глазах Губернатора замелькали зеленоватые искорки недоверия — яркие, как сигнал перегрузки, потом положение его рук изменилось соответственно.

— Учиться... О да. Я думаю, учиться на ошибках Нарво. Чтобы выдвинуть против него обвинение раньше Наукры Крит Лудха. Обвинить нас в том, что мы не смогли покорить этот грязный, запущенный, кишаший паразитами мир и управлять им как должно!

— Неужели это так?

Эйлле покопался в памяти. Мастера поз Плутрака учили его. Наклонить голову, переплести пальцы, перенести вес на насердную ногу... Со стороны могло показаться, что он сменил позу без малейшего усилия. Теперь это была «откровенность-и-восхищение» с великолепным положением ушей «трудно-поверить», придающим ей особую убедительность. Трехчастная поза, причем одна из самых сложных.

— Я предполагал прямо противоположное. Но, возможно, я ошибаюсь. Я размышлял об этом во время путешествия, но оно было недолгим, и я мог что-то упустить.

По толпе собравшихся пробежала волна оживления. Даже джао, которые находились слишком далеко, чтобы услышать разговор, могли догадаться о его содержании по позам. До ушей Эйлле донеслись восхищенные шепотки. Он только что продемонстрировал блестящее владение классикой «Языка тела». Более того: даже если кому-то из молодых отпрысков показывали подобные позы, мало кто осмелился бы принимать их в столь ответственной ситуации. Несмотря на свой возраст, Эйлле получил превосходную подготовку. И не просто научился многому, но научился очень и очень хорошо.

Ава Нарво свирепо взглянул на него, но придраться было не к чему. В конце концов Губернатор сдался.

— Наверное, вы действительно можете принести пользу, — нехотя признал он. — Но вы получили столь низкое назначение... это означает, что они никогда не призовут вас обратно для продолжения рода.

Эйлле посмотрел на него, изо всех сил стараясь удержать хотя бы те элементы позы, которые выражали восхищение, даже если остальные будут потеряны. Размножение было глубоко интимным процессом, тем более для великих коченов, и редко происходило за пределами Дома кочена. Эйлле никогда не слышал, чтобы кто-нибудь разговаривал об этом здесь, тем более в присутствии другой расы, да еще и в такой небрежной манере.

— Они отправили вас чистить этот мир от экскрементов, — продолжал Оппак. — Можно ли так поступить с действительно многообещающим отпрыском? Несомненно, это была бы невозвратимая потеря, каковы бы ни были твои достижения. Кого вы умудрились разгневать, несмотря на свою молодость?

Эйлле знал, что это неправда. И Оппак тоже знал. Плутрак ценит его соответственно его достижениям, принимая во внимание его неопытность, и он получит шанс участвовать в продлении рода, когда придет время, наравне с остальным выводком. Это оскорбление — не более чем провокация. Но с какой целью? Может ли отпрыск Нарво, и тем более такой опытный, как Оппак, действовать столь опрометчиво? Великий кочен не бросается оскорблениями.

Однако больше Губернатор ничего не сказал. Через миг он повернулся к Эйлле спиной и нырнул в бассейн.

* * *

Хрупкая человеческая самка с короткими темно-золотыми волосами шагнула вперед. Ее плечи и руки грациозно изобразили «смущение-и-сочувствие». Она была одета в гладкую серебристую ткань, которая оборачивалась вокруг ее ног и скрывала некоторые линии тела, и из-за этого поза выглядела странно усеченной.

— О да, — произнесла она на почти безупречном джао. — Начало весьма интересное.

Глава 14

Отступив на несколько шагов, Кэтлин наблюдала, как Губернатор беседует с новоприбывшим — высоким джао с царственной осанкой и бархатистым пухом цвета только что отлитого золота. Джао танцевали. Точнее не скажешь, хотя у большинства инопланетян вид танцующих людей не вызывал ничего, кроме замешательства — равно как и другие виды искусства.

Черные глаза не отрываясь смотрели друг в друга, вспышки эмоций рождали в их обсидиановом глянце изумрудные искры. Позы плавно перетекали из одной в другую, и каждая была тщательно выверена — даже покачивания вибрис не нарушали общего впечатления.

Если переводить этот язык телодвижений на человеческий, Оппак кринну ава Нарво представлял задирой, который пытался воспользоваться своим высоким положением, чтобы запугать нового подчиненного. Однако эта попытка провалилась, подумала Кэтлин.

Стоп. Эти двое — не люди, и проводить прямые аналогии с человеческими взаимоотношениями чревато серьезными ошибками. Тем не менее, ясно одно: Губернатору ава Нарво очень не по душе этот отпрыск кочена Плутрак, и можно не сомневаться, что соперничество между Нарво и Плутраком — далеко не единственная тому причина. Нет, истинные причины лежат гораздо глубже.

Затем Оппак отвернулся и направился к бассейну. Повинуясь неосознанному импульсу, Кэтлин шагнула вперед и произнесла на джао:

— О да. Начало весьма интересное.

Субкомендант обернулся и посмотрел на нее — очень благосклонно. Он был весь внимание и не собирался этого скрывать. Более необычного вай камити Кэтлин никогда не видела — широкая черная полоса через глаза, которая делала его похожим на енота... или разбойника в полумаске.

— Вы очень хорошо говорите на джао, — произнес он по-английски. — Лучше, чем кто-либо из людей, кого мне доводилось встречать.

— Я нахожусь под покровительством джао с самого раннего детства, — сказала Кэтлин. — Ко мне приставлен телохранитель-джао. И я изучала ваш язык наравне с английским.

Эйлле указал на ее руки.

— Вас обучали общепринятым позам?

Она заметила, что все еще сохраняет позу «смущение-и-сочувствие», и уронила руки.

— Нет, — удержание позы требовало значительных усилий. Одно плечо затекло, и Кэтлин помассировала ноющую мышцу. — Я просто наблюдала за джао и запомнила несколько поз.

— Значит, вы очень наблюдательны. Молодому джао понадобилось бы много уроков, прежде чем он смог бы выполнить их с такой точностью. Вот только... — он отступил назад и прищурился.

— Что? Я сделала что-то не так?

Сейчас его иззелена-черные глаза казались непроницаемыми, и Кэтлин стало не по себе. К тому же она заметила, что несколько людей и джао наблюдают за ними.

— Пальцы. У людей один лишний палец, классической композицией он не предусмотрен. Но вы можете деакцентировать внимание, сжав два пальца вместе, — он взял ее за руку и сложил ее безымянный палец вместе с мизинцем в арку, выражающую «сочувствие».

Его кожа была прохладной и покрыта бархатистым пухом, но под ней ощущался стальной каркас мышц. Кэтлин удерживала позу несколько секунд, позволяя ему оценить результат, а затем опустила руку.

— Я поняла, — сказала она. — Спасибо за наставление, Субкомендант. Я постараюсь оказаться достойной вашего урока.

— О да, — отозвался Эйлле. — Все мы стараемся быть достойными, при тьме и свете, в течение каждого планетного цикла. Эти усилия никогда не прекращаются.

Он все еще рассматривал Кэтлин, когда крикливый темно-рыжий джао что-то проговорил ему на ухо. Улучив момент, она поспешила скрыться в толпе. Но ускользнуть незаметно ей не удалось.

— Не так быстро, — негромко проговорил Кларик, когда Кэтлин, наконец, остановилась. Во время беседы с Эйлле он находился поблизости и последовал за ней. Теперь они стояли около одной из каменных полочек, на которой красовались всевозможные кушанья — настоящая радуга. — Что там у вас происходило?

— Не могу объяснить.

Ее щеки горели. Любому — любому человеку — видно, как она взволнована. И это нечестно. Люди могут контролировать свои эмоции, но не их проявления, которые становятся всеобщим достоянием. А вот джао вольны выбирать, о каких эмоциях сообщать окружающим, а какие оставлять при себе.

— Вы что-то сделали и что-то сказали, но я ничего не понял, потому что вы говорили слишком тихо. А он это прокомментировал, так? Простите, если я ошибаюсь.

— По-моему, я просто выставила себя полной дурой! — Кэтлин выбрала ломтик чего-то розовато-серого и откусила, стараясь не обращать внимания на специфический запах. Похоже на подпорченное мясо. — Я попыталась изобразить одну из их общепринятых поз, которыми они пользуются при общении друг с другом. Но у меня получилось неважно, и он объяснил, как сделать лучше.

Кларик помотал головой.

— Ничего не понимаю. Общепринятых поз?! Я знал, что у джао есть «Язык тела», — кажется, это так переводится. Что-то вроде нашей пантомимики. Но я понятия не имел, что на этот счет у них существуют какие-то предписания. Субкомендант Пинб не считала нужным посвящать меня в такие тонкости, а про Каула я и не говорю.

— Джао действительно привели свой язык поз в очень четкую систему, — ответила Кэтлин. — Эта система проработана до мелочей. У них есть специальные мастера, которые обучают молодых. Воспитание джао — по крайней мере, если он принадлежит какому-нибудь из великих коченов, — не может считаться завершенным до тех пор, пока он в совершенстве не освоит хотя бы базовый набор поз. А сколько их всего... Знаете, что мне это напоминает? Китайские иероглифы. Только их не пишут, а изображают при помощи рук и ног.

Она покосилась на Эйлле, который теперь стоял в противоположном конце помещения и с серьезным видом беседовал с тем самым рыжим джао.

— На самом деле, зря я его окликнула. Наверно, со стороны я выглядела как пудель, который пытается сделать реверанс.

— Любопытно, — генерал словно не услышал ее. — Так значит, у них целая система... А я и не знал. Разумеется, когда пообщаешься с ними подольше, начинаешь определять их настроение по телодвижениям. Но это получается скорее интуитивно. Я не всегда попадаю в точку, так что не слишком полагаюсь на свои догадки.

— Вы абсолютно правы. У них есть некоторые специфические эмоции и понятия, и аналогичных в нашей психологии и культуре просто нет. Так что не стоит рассчитывать, что поняли что-то правильно.

— А чего от вас хотел Субкомендант?

— Понятия не имею. Но подозреваю, что выставила себя круглой идиоткой.

Генерал пожал плечами. ..

— Ну что ж... По крайней мере, вы сумели привлечь его внимание. Мне, например, не удалось. Я хотел бы с ним познакомиться — как-никак, это мой командир. Но джао не любят, когда к ним лезут без приглашения. А сам он, как я понял, пока что в этом не заинтересован.

— Насколько я поняла, у него возникли какие-то затруднения с Губернатором, — сказала Кэтлин. — Пожалуй, сейчас не самый благоприятный момент.

— Тогда я подожду, — невозмутимо отозвался Кларик, сложив руки за спиной. — Последнее время это стало моим коньком.

Кэтлин скорчила гримасу.

— Думаю, это касается всех нас. Кстати, что означает его звание? Я немного знакома с обычаями джао, но с тем, что касается организации их армии, я просто не сталкивалась.

— Ну, как бы вам объяснить... У джао, строго говоря, нет воинских званий, как у нас — скорее, это должности. Каул кринну ава Дано — главнокомандующий. По сути, ему подчиняются все вооруженные силы джао, дислоцированные в Солнечной системе — в *нашей* Солнечной системе. В его непосредственном подчинении два Субкоменданта. Один командует войсками, сгруппированными в космосе, а другой — на эту должность как раз назначили ава Плутрака — теми, что базируются на поверхности планеты, — губы Кларики вновь тронула полуулыбка. — Как вы понимаете, это в теории. А на практике... Оставим в стороне тот факт, что у них нет разграничений по родам войск, как у нас — лучше сказать, как *было* у нас. И, кстати, между гражданскими и военными тоже. Но дело даже не в этом. До меня доходили слухи, что новый Субкомендант, едва прибыв в Паскагулу, сцепился с местным директором по производству на тамошнем заводе по модернизации. И в два счета поставил его на место. Если я правильно понимаю, на очереди Каул. И тогда выяснится, будет ли ава Плутрак командовать всеми наземными войсками или только джинау.

В этот момент из группы джао появилась Банле. Она только что искупалась и держала одежду в руках. Ее ворс не успел высохнуть и казался черным, а глаза тоже были черными и ничего не выражали. Кэтлин посмотрела на Кларику и улыбнулась.

— Банле, это генерал-майор Эд Кларик. Он будет служить под командованием нашего нового Субкоменданта.

Уши Банле стали похожи на два язычка черного пламени. Кэтлин отыгралась: такое представление с точки зрения джао было совершенно излишним и могло быть расценено лишь как утонченное оскорбление.

— В самом деле? — телохранительница прищурилась и вопросительно склонила голову. — А мне показалось, что ты разговаривала с самим Субкомендантом.

Разумеется, сейчас она еще и спросит, о чем. В ее обязанности входило не только охранять Кэтлин, но и шпионить за

ней. Позволив себе насладиться купанием и оставив Кэтлин без присмотра, она совершила серьезный проступок.

Кэтлин огляделась поверх голов и заметила Эйлле кринну ава Плутрака. Он стоял у края самого большого бассейна и наблюдал за Губернатором, который там купался.

— Да, мы беседовали. Он был очень мил и любезно уделил мне внимание. Он поинтересовался, где я обучалась Языку тела, и я сказала, что ты была моим лучшим наставником.

Банле отреагировала позой, которая была незнакома Кэтлин.

— Я никогда не давала тебе никаких наставлений!

— Но это не так, Банле, — сказала Кэтлин со всей невинностью, которую ей удалось изобразить. Она почувствовала, как напрягся Кларик. Тоже пытается не рассмеяться... На этот раз она затеяла опасную игру, но уже не могла остановиться. Тщеславие было одной из слабостей ее телохранительницы. — Каждый день, каждый час, даже когда я была слишком мала, чтобы помнить, твой блистательный образ находился у меня перед глазами. Как я могла не научиться?

Вместо ответа Банле быстро вошла в шаровары, надела перевязь и заняла свой обычный наблюдательный пост за плечом Кэтлин. Все верно: человек должен знать свое место. Кэтлин вздохнула. Ей удалось получить небольшую передышку, но хорошего понемногу. Зато теперь можно отправиться на поиски профессора Кинси и проследить за тем, чтобы он не наломал дров.

Эйлле понял, что не знает идентификационных данных этой женской особи — «женщины», как принято говорить у людей. По обычаю джао, она не представилась, а потом Яут привлек его внимание к отпрыскам некоторых коченов, которые присутствовали на приеме. Когда же Эйлле вернулся туда, где встретил загадочную женщину, она уже затерялась в толпе.

Она сказала, что знает джао так же хорошо, как и английский. И в самом деле: несмотря на акцент, она разговаривала очень бегло, так что это не было пустым хвастовством. К тому же Эйлле действительно не встречал ни одного человека, который бы не только понимал Язык тела, но и мог правильно выбрать и правильно принять хотя бы одну позу. Это в высшей

степени интересно. Конечно, Яут предупреждал, но... Если бы принять ее к себе на службу! При условии, что это вообще возможно, одернул себя Эйлле. Скорее всего, с такими уникальными данными ее уже представили к назначению. Не исключено, что она находится в личном подчинении Оппака.

Талли тоже смотрел ей вслед. Выражение его лица было странным, руки жестко вытянуты вдоль туловища, ладони прижаты к бедрам.

— Я слышал, что говорил Губернатор, — произнес Яут, сохраняя самую строгую из нейтральных поз. — Это возмутительно — выставлять напоказ разногласия между коченами и делать их предметом всеобщего обсуждения.

— Я истолковал его слова иначе, — возразил Эйлле. — Я почувствовал за ними неуверенность, беспокойство, потерю веры, страх перед разобщенностью. Мне кажется, это знак того, что Нарво сильно нуждается в союзе на самом высоком уровне.

— Только не мечтай о том, чтобы самому заключить такой союз — это ошибка! — поза Яута на миг стала предостерегающей, но он тут же вспомнил, где находится. — Если сможешь сдержаться и никого открыто не оскорбишь, это уже будет достойно похвалы. Большого от тебя никто не вправе ожидать.

Большинство джао уже купались, либо только что вышли из воды. Эйлле начал снимать перевязь вместе с накидкой. Если он откажется принять предложение Губернатора, Нарво может счесть это оскорблением. Правда, самого Эйлле уже успели оскорбить, а в его лице и весь кочен, но лучшим ответом будет изысканная вежливость, которой славен Плутрак. Яут принял у своего подопечного перевязь, накидку и шаровары, и от его взгляда не укрылась поза «терпения-и-страдания», которую Эйлле успел принять в процессе раздевания.

— Наши кочены никогда не ладили между собой, — мягко проговорил Эйлле, готовясь погрузиться в манящую зеленую воду. — Но Оппак, похоже, решил, что все зашло слишком далеко, и ничего нельзя изменить. Однако теперь я его подчиненный, и мой долг — предоставить ему такую возможность.

— А если тебе это не удастся?

Эти слова Яут почти крикнул ему вдогонку, одновременно отступая от края бассейна. На всякий случай, потому что Эйлле нырнул в покрытую рябью воду почти без брызг.

Чувствуя, как восхитительная прохлада сомкнулась над головой, Эйлле снова принялся обдумывать ситуацию. Если не удастся ничего изменить, это будет провалом его миссии, и позор падет на Плутрак. Поэтому потерпеть неудачу просто нельзя. Задача должна быть выполнена любой ценой.

Он плыл под водой длинными гребками — радостный, счастливый, — чувствуя, как вода очищает его тело и успокаивает нервы. Океан в Паскагуле, где Эйлле приходилось купаться, был вполне неплохим местом для купания, но это был *чужой* океан. Джао очень чувствителен к составу воды, а вода, которая наполняла этот бассейн, могла удовлетворить самым взыскательным вкусам. Стоит отдать должное сметливости Нарво: они создали настоящее чудо, которое не могло не произвести впечатление.

Наконец, он вынырнул и помотал головой, избавляясь от попавшей в глаза воды. Яут ждал его на прежнем месте, — можно сказать, терпеливо. Рядом стоял Талли. Потом Эйлле заметил, что человеческая самка в серебристой накидке тоже наблюдает за ним. Сейчас она расположилась поотдаль, и ее сопровождал еще один человек, мужская особь в форме джинау. Мощными гребками рассекая воду, Эйлле поплыл к импровизированному побережью.

* * *

Всюду эти «пушистики»... Их было так много, что у Гейба Талли заныли зубы. Господи, сбежать бы куда подальше из этого столпотворения, подальше от этих фальшивых водоемов... Но проклятый Яут не спускал с него глаз. И особенно в то время, когда Субкомендант занимался исполнением всевозможных светских обязанностей, которые джао считают необходимыми.

А вот женщина, которая подходила к Эйлле... Талли показалось, что он ее где-то видел. Короткая стрижка, светлые волосы, большие серо-голубые глаза. Ее длинное серебряное платье стоит, наверно, целое состояние. Талли покопался в памяти... Бог ты мой. Кэтлин Стокуэлл, дочь так называемого «президента» Стокуэлла! Главного соглашателя Америки!

Талли похолодел. Эта девица позволяет себе купаться в роскоши, когда состояние страны ухудшается с каждым днем. Да... теперь, чтобы жить достойно, надо вести себя недостойно, выслуживаться перед этими плюшевыми мишками. Остальные могут подыхать. Такова плата за то, что наша страна долгие остальных сражалась за свою свободу.

Вдруг Субкомендант показался на поверхности бассейна, осмотрелся вокруг и встретился с ним взглядом. Талли малодушно отступил, словно Эйлле мог прочесть его мысли. Сейчас ему хотелось одного — затеряться в этой толчее, среди джао и людей. Он пытался, вокруг мелькали золотые, бурые и рыжие-шкуры джао, на их фоне яркими пятнами пестрели одежды. С этим чертовым локатором далеко уйти не удастся. Но Талли было необходимо хоть немного побыть одному, чтобы собраться с мыслями.

Зачем Кэтлин Стокуэлл искала встречи с Субкомендантом? Неужели для того, чтобы совершить еще более гнусное предательство, чем это сделала ее семья? Талли вспомнил детей, живущих в лагерях беженцев в Скалистых горах. Несколько рваных книжек, по которым их учат читать, старые одеяла вместо постелей... и широко раскрытые глаза, когда кто-нибудь из старших рассказывает по вечерам о том, какой великой когда-то была Америка — до Завоевания.

Интересно, что бы сказала эта чопорная куколка в серебряном платье, с чистыми волосами и свежим маникюром, скажи он ей об этом? Талли стиснул кулаки.

— Я здесь, — произнес низкий голос над его ухом.

Талли резко обернулся и встретился взглядом с Субкомендантом. Его иззелена-черные глаза блестели, как каменные бусины.

— Я не пытался уйти незаметно, — объяснил джао, нависая над ним. Его шкура благоухала в точности как мокрый ковер. — Просто меня охватило желание искупаться, и я нырнул, когда твое внимание было обращено в другую сторону.

Яут передал Талли накидку, перевязь и шаровары Субкоменданта. Молча, спокойно, словно ему каждый день приходилось выполнять обязанности денщика, Талли встряхнул темно-синие штаны и протянул их Эйлле, Субкомендант так же спокойно взял их и стал надевать.

Талли сомневался, что когда-нибудь привыкнет к этому спокойному восприятию наготы. Нелепость ситуации усугублялась тем, что половые органы джао очень напоминали человеческие. Кстати, внешнее различие между женскими и мужскими особями переставало бросаться в глаза, стоило «пушистикам» надеть штаны. Женщины-джао были такими же крупными и мускулистыми, как и мужчины, и у них полностью отсутствовало то, что у людей принято называть грудью. В обнаженном состоянии разница становилась очевидна, но джао, казалось, не уделяли этому совершенно никакого внимания.

Он вновь посмотрел на мисс Стокуэлл. Теперь она разговаривала с мужчиной в форме джинау — средних лет, невысокого роста, но на вид очень сильным. Эйлле заметил его взгляд.

— Ты знаком с этой женщиной?

Талли посмотрел на джао, его глаза непроизвольно расширились.

— Каждый американец знает, кто она такая.

— В таком случае просвети меня, — сказал Эйлле, просовывая мокрую ногу в штанину.

— Это Кэтлин Стокуэлл, единственный ребенок Бена Стокуэлла, — заставляя себя быть честным, он добавил. — Правильнее сказать, единственный из оставшихся в живых. Один из ее старших братьев погиб, сражаясь с джао во время Завоевания. Что случилось с другим, никто не знает, но он тоже мертв.

Судя по всему, этого объяснения оказалось недостаточно.

— Бен Стокуэлл был вице-президентом Соединенных Штатов до Завоевания. Сейчас он назначен президентом здешнего марионет... э-э-э, здешнего человеческого правительства.

Дочь президента заправила прядь темно-золотых волос за ухо и улыбнулась. За ее спиной с важным видом стоял телохранитель-джао. Седеющий джинау, с которым она разговаривала, взял ее под руку и куда-то повел. Проходя мимо других людей, они перебрасывались с ними короткими фразами.

— Значит, она отпрыск влиятельного клана, — сказал Эйлле, надевая накидку.

Талли хотел возразить, что у людей нет кланов, но воздержался от замечания. В конце концов, он не знает, что это такое на самом деле. Понятно, что клан — это что-то вроде

клана. Впрочем... из всех кланов нынешней Америки семейство Стокуэллов больше остальных напоминает кочен. Династия общественных деятелей плюс папочкино состояние, которое сделает честь турецкому султану.

— О да, — с кислой миной согласился Талли. — Очень влиятельного.

Эйлле стоял к нему вполоборота. Изумрудная накидка на его плечах, расшитая золотыми эмблемами, немного смялась. Еще не успев сообразить, что делает, Талли шагнул к нему, и руки сами расправили ткань. В следующий миг он заметил удивленно-одобрительный взгляд Яута.

Играй свою роль, Гейб Талли. Рано или поздно они ошибутся, и тогда... Либо ты сбежишь, либо погибнешь при попытке к бегству, и это уже не будет иметь никакого значения.

Через миг Эйлле уже шагал сквозь толпу. Его осанка была по-настоящему царственной, особенно это становилось заметно на фоне остальных джао. Даже Талли не мог этого отрицать. Наверно, так выглядел бы утонченный молодой принц, случайно оказавшийся на провинциальном балу. Неизменно любезный и вежливый, но при этом остающийся принцем до кончиков ногтей.

Яут мгновенно последовал за ним. Интересно, как им это удастся, подумал Талли, торопливо пробираясь за фрагтой. Они как будто читают мысли друг друга. Может быть, это на самом деле так? Или у джао есть какой-то другой способ предсказывать желания друг друга?

Черный гладкий обруч локатора, спрятанный под рукавом, немного натирал руку. Талли незаметно потер его и пошел дальше, стараясь не задеть никого из покорителей Земли.

* * *

Опак кринну ава Нарво не пожалел сил, чтобы овладеть искусством скрытого наблюдения, и сейчас применял эти навыки на практике. Субкомендант двигался по залу, беседовал с гостями, и его влияние распространялось вокруг, словно тончайшая масляная пленка по поверхности воды. С какой целью

Плутрак возложил на него эту ношу? Губернатор чувствовал, что сгорает от любопытства. Он давно знал о назначении Эйлле, но до сих пор не приблизился к разгадке ни на шаг.

Эйлле кринну ава Плутрак слишком молод, чтобы представлять серьезную угрозу его власти, слишком неопытен, чтобы быть по-настоящему полезным. И слишком привлекателен, чтобы Оппак мог позволить себе успокоиться. Он видел, как джао тянутся к этому молодому офицеру. Нужно постоянно держать его при себе, чтобы не пропустить момент, когда он задумает что-нибудь опасное, и помешать ему. О, это можно. Завалить этого ава Плутрака всевозможными мелкими поручениями, чтобы у него не оставалось времени для чего-то большего, для того, что способно привлечь чье-либо благосклонное внимание. Но как одновременно достичь целей, которые противоречат друг другу? Это была настоящая головоломка, а Оппак, увы, никогда не отличался умением решать головоломки. Он был одарен иными талантами, но когда ему в руки попадалась головоломка, он предпочитал просто сломать ее.

Нос Оппака сморщился. Пара охранников, отпрыски союзного кочена Сэнт, идентичные близнецы, заметили мрачную мину своего начальника и одновременно устремили на него взгляды. Непроницаемая загадочность этих взглядов была результатом долгих тренировок.

— Мы можем быть чем-то полезны, Губернатор? — голоса прозвучали в унисон — еще один впечатляющий прием, который им неизменно удавался. Оппак не различал близнецов, и это его беспокоило. Его фрагта обнаружил эту пару, когда близнецы еще плавали в пруду рождения, и их воспитывали специально для личной службы Оппака. Таких охранников не было ни у кого. Рождение генетически идентичных особей — вообще большая редкость для джао. В отличие от людей. Оппак слышал, что их женские особи часто рождали двоих, а иногда даже трех или четырех детенышей одновременно.

— Пока вы мне не нужны, — сказал он. — Будьте начеку.

Он заметил, что офицер джинау, Кларик, тоже наблюдает за Субкомендантом, как и подобает подчиненному — спокойно, не привлекая внимания и ни во что не вмешиваясь. Губернатор почувствовал, как его тело само принимает позу «одобрения». В последние дни такое случалось редко. Люди вооб-

ще не склонны соблюдать приличия. Обычно их приходится принуждать к этому, даже после длительного и сурового обучения. Приятно видеть, когда кто-то контролирует себя, не дожидаясь намеков со стороны.

— Губернатор Оппак?

Оппак неохотно обернулся. Рядом стоял низкорослый человек с мерзкой проплешиной на макушке. Кажется, Оппак где-то его уже видел. Во всяком случае, это был не первый человек, пораженный подобным недугом, которого Губернатор встречал за время длительного пребывания на этой планете.

Точнее, это не было недугом. Так проявлялся обычный дегенеративный процесс, связанный со старением человеческого организма. Губернатора передернуло. Для джао такое было бы настоящим бедствием.

Рядом стояли две темноволосые женские особи, обе завернутые в тяжелую разноцветную ткань, прошитую металлическими нитями. Должно быть, ходить в таком облачении было очень неудобно. Близнецы насторожились и сделали шаг вперед, но Оппак жестом остановил их.

— Вы желаете моего внимания? — спросил он.

— Я Матасу, — человек согнулся пополам, так что его глаза перестали быть видны, его спутницы в точности повторили это движение. Оппак знал, что оно называлось «поклон» и выражало почтение и покорность. — Я посол Страны восходящего солнца, вашей самой верной провинции.

— Слушаю вас.

Это существо было отвратительно. Оно не только бесцеремонно сообщило Оппаку свое нелепое имя. Оно источало ужасный запах. Туземцы активно пользовались ароматическими веществами, которые получали из местных растений. Это было еще одно из заблуждений людей: они считали естественный запах тела зловонием и таким образом заглушали его. Составление разнообразных искусственных запахов считалось таким же искусством, как и дизайн поз у джао.

Тем не менее, Оппак решил не обращать внимания на эти возмутительные факты. Япония обеспечивала оккупированные территории большим количеством товаров. В свое время эта страна благоразумно капитулировала перед джао — во всяком случае, сопротивление продолжалось недолго. Она не

давала повода принимать решительные меры вроде метеоритной бомбардировки, которую пришлось применить в Северной Америке и отдельных районах Европы и Азии. Поэтому инфраструктура Японии сохранилась, а население процветало под владычеством джао, уплачивая налоги и помогая им в плане материально-технического обеспечения, иногда даже выдавая продукцию свыше установленной нормы.

Правда, войска они пополняли слабо. Основная часть джинау поступала из Северной Америки и тех частей Европы и Азии, которые потерпели наибольшие разрушения. Ничего необычного в этом не было — редкий случай, когда люди поступали так же, как и представители большинства рас, покоренных джао. Государственные образования, где население от природы обладало воинственным духом, после завоевания активнее поставляли джинау.

— Ходят слухи о каких-то увеселениях, которые планируется устроить в честь нового Субкоменданта, — проговорил Матасу. Его глаза напоминали кусочки яркого стекла, вдавленные в сморщенную кожу. Неожиданно Оппак понял, что пахучее существо действительно было очень старым.

Он не планировал никаких «увеселений», и вообще это было человеческое слово. Делать что-то просто для того, чтобы занять время, джао считали неприемлемым. Достаточно и тех усилий, которые пришлось приложить ради того, чтобы оказать отпрыску Плутрака прием на должном уровне. Но старый человек прав, запоздало понял Оппак. Его штату следовало заранее организовать какую-нибудь поездку или экспедицию. Хуже другое: это морщинистое создание знало, что Оппак должен требовать от своих подчиненных лучше него самого.

Он успел почувствовать, как его уши опускаются в положение «досады», и одернул себя. Негоже выдавать свою слабость.

— Мои подчиненные рассмотрели некоторое количество вариантов, — произнес он, пытаясь заставить себя принять позу «спокойствие-и-заинтересованность», — но пока не остановились ни на одном.

— Я бы осмелился увеличить количество этих вариантов, — сказал посол, бросив цепкий взгляд в сторону Эйлле. — На этом континенте популярна охота. На диких кошек в районе Кальвада... или, может быть, на орлов, которые гнез-

дятся на берегах Великих озер. Или даже... — он облизнулся и придвинулся ближе, — китовую охоту на северо-западном побережье материка.

— Охота на кита? — кажется, он даже никогда не слышал о таком животном. — А что такое «кит»?

— Это водоплавающее животное довольно крупных размеров, — Матасу прищурился еще сильнее, и его глаза из темно-коричневых превратились в черные. — Всю свою жизнь киты проводят в море. На Земле обитает множество видов этих животных. Так вот, у туземцев, обитающих на этом побережье, есть довольно красивый обряд, состоящий в охоте на одну конкретную разновидность.

Оппак фыркнул.

— Джао не интересны обряды людей. Это все равно что... — он сообразил, что слова «оллнэт» этот человек может не знать, — это просто пустое времяпрепровождение.

— Конечно! — Матасу взмахнул руками. — Я понимаю. Но в данном случае это ритуал особого рода. Я почти уверен: вы найдете китовую охоту весьма полезным делом. Ведь наш путь — добиваться того, чтобы любое наше действие приносило пользу, не так ли?

Дринн, смотритель дворца, шагнул вперед. Каждый изгиб его тела выражал «беспокойство»: человек явно злоупотреблял вниманием Губернатора. Однако Оппак не обратил на него внимания.

— И какая может быть польза от неразумного животного?

— Для того чтобы справиться с китом, необходимо мастерство. Это прекрасная практика, — лицо Матасу растянулось в омерзительной гримасе, которой туземцы выражали удовольствие. — Кроме того, китов едят. Их мясо обладает восхитительным вкусом.

— Звучит интригующе... — Оппак знаком подозвал Дринна. — Сообщите всю необходимую информацию моим подчиненным и...

— Губернатор, прошу вас!

Кэтлин Стокуэлл протолкалась сквозь бормочущую толпу. Похоже, она случайно услышала обрывки разговора. Розоватый цвет ее лица стал более насыщенным, и оно приобрело болезненный и непривлекательный вид.

— Многие виды китов считаются исчезающими. Если вы хотя бы раз дадите разрешение на охоту, вашему примеру последует весь мир. В конце концов, возникнут проблемы со специалистами по проблемам окружающей среды.

Оппак холодно посмотрел на нее. Эта особь забывает, где ее место — скверная черта, которую часто демонстрирует ее отец.

— Пожалуй, я буду лично присутствовать на этой так называемой китовой охоте, — сказал Губернатор. — Равно как и Субкомендант Эйлле, поскольку она проводится в его честь... — он повернулся к Дринну. — Проследите, чтобы все было подготовлено. И как можно скорее.

Глава 15

Отец будет в ужасе.

Эта мысль крутилась в голове у Кэтлин. Бенджамин Уилсон Стокуэлл непременно узнает об этом фарсе, причем еще до того, как она, Кэтлин, сама успеет ему все рассказать. Понятно, что отец будет против, и понятно, что не сможет ни на что повлиять. И, разумеется, и отец, и все остальные будут знать: именно из-за того, что она не вовремя открыла свой глупый болтливый рот, положение дел только ухудшилась. Кэтлин почувствовала, что ее трясет. Гнев и недовольство, которые копились все эти годы, держали ее в таком напряжении, что она, в конце концов, сорвалась и напрочь все испортила.

Промолчи она, и Оппак, возможно, вообще не заинтересовался бы таким чисто человеческим занятием или просто забыл бы о нем, прежде чем все было бы подготовлено, но теперь...

Она туго смотрела, как подергивается нос Губернатора. Потом Кларик подхватил ее под руку и тактично отвел в сторону.

— Китовая охота! — он скорчил гримасу. — По-моему, за последние годы это будет первая.

Кэтлин не ответила. Ее знобило, хотя в комнате было душно.

— Рассуждайте практично, Кэтлин, — Кларик понизил голос. — С тех пор, как джао захватили Землю, происходили вещи и похуже. Вспомните, как альпинисты спровоцировали бомбардировку Эвереста. Вот это действительно привело к

необратимым последствиям. А сейчас... Один-единственный кит. Его гибель на экологии Земли не отразится.

Кэтлин кивнула и заставила себя сосредоточиться на ходьбе. Наконец Кларики привел ее к шумному искусственному водопаду, который питал самый большой бассейн, и усадил на скамеечку, и Кэтлин утонула в музыке потока, разбивающегося о скалы. Вскоре подошел профессор Кинси. Кэтлин едва успела представить его Кларике, после чего профессор вновь скрылся в шумной толпе. Он сказал, что отправился на поиски «пунша», хотя Кэтлин прекрасно знала, что он не найдет ничего подобного на приеме у джао.

— Расскажите мне о *китах*, — слышался глубокий голос джао.

Она оторвала взгляд от собственных кулаков и подняла глаза.

Этот ваи камити было ни с чем не спутать.

— Я... — ее голос сорвался.

— Эта поза выражает страдание, верно? — Эйлле указал на ее руки. — Я уже несколько раз подмечал ее у своих подчиненных, а также и у рабочих, которые проводят реконструкцию техники. Почему мысль о *китовой охоте* вызывает у вас страдание?

Кэтлин сделала глубокий вдох.

— Это не имеет значения, — сказала она дрожащим голосом. — Губернатор желает поохотиться, поэтому она состоится.

Он был крупным, золотой пух, покрывающий его кожу, еще не высох после недавнего купания и казался почти черным. Глянцевые черные глаза почти сливались с широкой черной полосой, пересекающей его лицо, зеленые огоньки вспыхивали в них, как молнии в чужом небе. Даже по человеческим меркам он был привлекательным.

Двое его подчиненных стояли впереди, как требовали правила приличия. Один из них был джао и, несмотря на небольшой рост, выглядел очень сильным. Другой, как ни странно, оказался человеком — блондином, как и Кэтлин, но его волосы были скорее соломенными, чем темно-золотистыми. Худощавый, он, тем не менее, выглядел очень крепким. Кэтлин попыталась встретиться с ним взглядом, но он намеренно отвел глаза.

— Лучше расскажите о родной планете Плутрака, — сказала она, пытаясь сменить тему. — Если я не ошибаюсь, никто из вашего кочена до сих пор не получал назначения на Землю.

— У нас нет родной планеты, — ответил Эйлле. Его поза, только что выражающая «учитивость-и-интерес», неувовимо изменилась, превратившись в «ностальгию-и-легкую-задумчивость». Движения были плавными и текучими, словно не требовали сознательных усилий. — Плутрак расселен по двадцати девяти мирам. А Дом кочена, который соплотдил мою Группу рождения, расположен на Мэрит Эн. Это мир зелени и золота, а его океаны пахнут почти так же, как это помещение.

Запах разлагающихся водорослей и гнилой рыбы. Впрочем, на этот раз Кэтлин решила воздержаться от комментариев.

— Двадцать девять планет? — переспросила она. — Это очень много, даже для великого кочена!

— Вероятно, так должно казаться существам, которые все время обитали только на одной планете, — его уши с такой скоростью меняли положение, что Кэтлин не успевала читать. — Но мы стараемся не заселять планеты слишком плотно, чтобы не привлекать внимание Экхат. В любом случае, джао размножаются ради качества, а не количества.

«В отличие от людей. Которые, по мнению джао, плодятся как кролики, предаваясь эмоциям и страстям, вместо того чтобы прислушаться к голосу разума».

За спиной Кэтлин возникла Банле. Весь ее вид выражал «суровость-и-порицание».

— Ты без приглашения обратилась к Губернатору, — сказала она. — Это был скверный поступок.

— Я сожалею о своей бестактности, — ответила Кэтлин на джао. До сих пор беседа шла на английском. — В университете я слишком долго пробыла в окружении людей и забыла о приличиях.

— Воистину, — Банле повернулась спиной к Субкоменданту, исключив его из поля зрения. Это означало: «тебя здесь нет». — Я всегда была против, когда твой отец тебе потакал. Ему следовало подыскать для тебя строгого фратту.

Эйлле бросил на охранницу пронизательный взгляд и отошел. Именно так должен был поступить джао, обладающий утонченным вкусом и воспитанием, хотя люди сочли бы это

грубостью. Кэтлин сдержала улыбку. Похоже, этот ава Плутрак, несмотря на свою молодость, уже стал бельмом на глазу Нарво. Откровенно говоря, она на это надеялась.

— Вот, — неизвестно откуда появившись, профессор Кинси сунул ей в руку стакан с теплой водой. — Боюсь, это все, на что я способен.

— Спасибо, — Кэтлин с удовольствием сделала несколько глотков и зло покосилась в сторону собравшихся. Можно не сомневаться: Матасу, лицемерная крыса, вылез с этим предложением только потому, что знал, какова будет реакция американцев. Господи, какое ребячество! Добиться преимущества и тыкать в это носом всех и каждого... Отношения Японии с оккупационным режимом сложились куда лучше, чем у Соединенных Штатов — ее бывших союзников и бывших противников. И марионеточное правительство архипелага никогда не упускало случая об этом напомнить.

* * *

Известие об охоте, которую Губернатор устраивал в честь нового Субкоменданта, уже стало всеобщим достоянием. У большинства джао это экзотическое развлечение людей вызвало разве что легкий интерес, зато реакция людей, по наблюдению Талли, варьировалась от пылкого воодушевления до глубокого скепсиса.

Оставив дочь Стокуэллов на попечении ее охранницы, Эйлле повернулся к нему.

— Я заметил, что идея китовой охоты вызывает у некоторых твоих соплеменников страдание. Чем это вызвано? Насколько мне известно, это один из ваших старинных ритуалов.

— Для кого-то — да, — ответил Талли. — Но не для всех, это точно. Не знаю, как у вас, а люди не всегда разделяют убеждения друг друга. И обычаи у нас разные.

Яут следил за ним. На секунду глаза фрагты вспыхнули зеленым, но тут же потухли, став непроницаемыми.

— Но ведь это всего лишь кит, — сказал Эйлле. — Неразумное животное. Почему оно не может принести нам пользу?

— В самом деле, почему?

Лицо Талли стало пустым, руки были сложены за спиной, плечи расправлены. Он задумчиво смотрел на бассейн, в котором резвились джао, на людей, которые беспокойно толкались неподалеку. Одни из этих людей отдали бы все, чтобы стать джао, а другие — за то, чтобы оказаться на расстоянии в миллион миль отсюда. То и дело над бассейном взлетали фонтаны брызг, и люди уже промокли до нитки.

Это всего-навсего кит, Эйлле совершенно прав. Но дело не в данном конкретном ките. Есть еще такая штука, как принцип. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы предсказать реакцию населения. К тому же как раз на северо-западном побережье Тихого океана расположен один из опорных пунктов Сопротивления. Тамошние ребята — в основной своей массе бывшие активисты групп по борьбе с загрязнением окружающей среды. Многие из них были настоящими фанатиками еще до Завоевания. И словесным предупреждением они не ограничатся.

Что будет весьма глупо. Потому что если джао дадут сдачи... Черт возьми, эти морские скотики ежедневно совершают преступления против человечества — и дважды в день по выходным, как выражаются старики в лагерях беженцев. Настоящие преступления — взять хотя бы уничтожение Чикаго, после которого человечество вряд ли когда-нибудь оправится, даже если джао завтра же соберут свои манатки и улетят восвояси.

Эйлле бросил в сторону Юта короткий взгляд, который Талли не смог истолковать. Однако фрагта, похоже, прекрасно понял своего подопечного.

— Я хочу более тщательно изучить эту ситуацию, — сказал Эйлле, переходя на джао.

Ют невозмутимо промолчал, однако положение его ушей свидетельствовало о согласии. По крайней мере, Талли так показалось.

* * *

Огромный переполненный зал бурлил. Эйлле шел среди джао и людей, при необходимости заговаривая и с теми, и с другими, но старался уделять больше времени наблюдению, чем общению. Сквозь отверстия в потолке струились лучи

света, вызывая резь в глазах. Удивительно, почему Оппак не испытывал никаких неудобств.

В этих водах есть скрытые течения, подумал Эйлле, наблюдая за плавными изменениями поз. Намерения распространялись под покровом слов, подобно подземным водам. Представитель одного из государственных образований выступил с предложением провести охоту, другой, очевидно, этому воспротивился. Все это напоминало интриги, которые плели кочены в борьбе за положение и сферы влияния перед лицом Наукры Крит Лудх.

Понимает ли Нарво, какой раздор посеял сегодня вечером, решив устроить эту охоту? Плечи и спина Губернатора неизменно выражали «удовольствие-и-любезное-внимание». Скорее всего, прекрасно понимает.

И, возможно, он прав. По крайней мере, его логика ясна. Люди — покоренная раса. И их дерзкий нрав вынуждает время от времени напоминать им об этом. Кроме того, не следует забывать и об их явном численном превосходстве, которое может создать опасную ситуацию в случае мятежа. Безусловно, техническое превосходство на стороне джао. Но если восстание начнется одновременно по всей Земле, справиться будет очень нелегко. А разжигая соперничество между государственными образованиями, можно успешно перенаправлять их агрессивные импульсы друг на друга.

И все же... «Не будь слишком хитрым, — говорили родители Эйлле, — иначе можешь перехитрить самого себя». Да, тактика «разделяй и властвуй» прошла проверку временем, но ее следует применять осторожно. Достаточно немного не рассчитать — и результат окажется прямо противоположным: и без того чувствуя себя униженными, туземцы поднимут восстание. То, что должно принести пользу, принесет вред.

По крайней мере, Талли вел себя неплохо. Эйлле все больше убеждался в том, что это существо, при всей своей грубости, гораздо умнее, чем пытается показаться. Незаметно для Талли он следил за человеком. Изгиб рук, наклон головы, глаза, то и дело беспокойно поглядывающие в его сторону... Он намеревался что-то здесь выяснить, Эйлле знал это. Но что?

Впрочем, Талли наблюдал не только за ним. Эйлле заметил его взгляды, обращенные в сторону Кэтлин Стокуэлл,

сидящей у груды камней, по которым в центральный бассейн с журчанием стекала вода. Темное золото ее волос словно пропиталось сиянием лучей заходящего солнца, которые прямыми потоками падали сквозь люки, образуя наклонные колонны света. Казалось, весь зал вращается вокруг нее.

Похоже, эта женская особь должна считаться чрезвычайно привлекательной для людей противоположного пола. Разумеется, Эйлле не мог судить об этом с уверенностью. В отличие от джао, люди постоянно подвержены сексуальному возбуждению — возможно, этим объяснялась заинтересованность Талли. Но вряд ли сексуальное влечение было единственной причиной, если вообще имело место.

Пожалуй, стоит лучше разобраться в этой ситуации. Подав Яуту сигнал едва заметным движением уха, он пропустил фрагту вперед и последовал за ним через зал. Мгновение спустя Талли обогнал его и теперь лишь на шаг отставал от Яута. Эйлле заметил в осанке Яута оттенок одобрительности. Талли рано было объявлять необучаемым.

Телохранильница-джао по-прежнему возвышалась над плечом ава Стокуэлл, ее тело застыло в позе неприкрытого осуждения. Своим ваи камити она напоминала самого Оппака. Может быть, она тоже происходит из Нарво? Но если так, то почему отпрыску с такой родословной приходится выполнять скучные обязанности надзирательницы?

Сзади раздался всплеск, и Эйлле окатило брызгами. Обернувшись, он увидел группу джао, которые ныряли в манящую воду бассейна прямо в одежде. Как можно настолько забыть-ся?! Да еще в таком обществе... Как будто запах воды заставил их забыть обо всем на свете.

Оппак тоже наблюдал... но не за пловцами, а за Эйлле, и ни на секунду не упускал его из виду. Ну что ж...

Расслабившись до «беспечности-и-любопытства», Эйлле подошел к дочери президента, уселся рядом на скамейку и указал на вконец ошалевших купальщиков:

— Ваши соплеменники не любят купание?

Ее глаза были такими же двухслойными, как и у остальных людей. Но полупрозрачная сердцевина, в которой плавал черный зрачок, оказалась серо-голубой. Как небо Земли перед ранней тьмой, подумал Эйлле.

— Любят, — ответила она. — Большинство людей умеют плавать, но с вами нам не сравниться.

Эйлле наблюдал, как темные тела джао прорезают зеленую воду, как на поверхности появляются лоснящиеся мокрые головы. Пловцы буквально излучали восторг.

— Может быть, вы сможете научиться.

— Есть вещи, которым научиться невозможно, — женщина смотрела сквозь него. — То, что либо дано от рождения или не дано вовсе. Боюсь, это как раз такой случай.

— Скажите, а она... — Эйлле указал взглядом на телохранительницу, которая с мрачным видом стояла рядом, — ... находится в вашем личном подчинении?

Мощное тело охранницы напряглось, выражая «ярость-и-ненависть» в крайней степени. Казалось, она была готова ударить... разумеется, не его, а человеческую самку.

— Я подчиняюсь Оппаку кринну ава Нарво и никому другому!

Кэтлин побледнела. Яут сделал шаг и оказался между Эйлле и великаншей-джао, готовый отразить возможное нападение.

— Прошу прощения, — учтиво сказал Эйлле. — Я здесь недавно — уверен, вы это знаете. Я всего лишь хочу разобраться в ситуации и не намерен никого оскорбить.

— Людям не позволено набирать штат личных подчиненных, как это принято у джао, — Стокуэлл закрыла глаза, очевидно, пытаясь взять себя в руки. — Банле — мой бессрочный телохранитель. Она получила это назначение, когда я была еще маленькой. Она здесь ради моей... моей безопасности, — последнее слово она произнесла сдавленным шепотом.

Похоже, Талли гораздо лучше понимал суть происходящего. Он напрягся, его губы сжались и стали тонкими.

— Вы в опасности? — Эйлле наклонился к ней, его уши шевельнулись, выражая любопытство. — Кто вам угрожает?

— Мой отец возглавляет правительство континента, учрежденное джао. Многие ненавидят его за это. И, чтобы отомстить ему, могут использовать меня.

— Вот как? — Эйлле взглянул на телохранительницу. — Как ваше имя?

Похоже, этот вопрос ее не обрадовал, и все ее тело выражало «нежелание-отвечать».

— Банле кринну нао Нарво.

Значит, все-таки Нарво. Изначальный кочен, но «нао» вместо «ава» указывает на то, что она родилась и воспитывалась в одной из второстепенных брачных групп.

Выпалив ответ, Банле отвернулась и приняла самую нейтральную из возможных поз, так что о ее эмоциях невозможно было даже догадаться.

— Я нахожусь при исполнении и не могу позволить себе светских бесед.

— В высшей степени разумно, — согласился Эйлле.

Некоторое время все пятеро молчали. Мимо проходили джао и люди, большинство из них приветствовали Эйлле, но на Кэтлин почти никто не обращал внимания. Над бассейнами непрерывно взлетали брызги, сверкая в угасающем свете заката, точно бриллиантовая крошка. Эйлле расслабился, наслаждаясь запахами моря, влажных камней и соли — гораздо более древними, чем род джао.

— Киты тоже плавают, — пробормотала Кэтлин. — Они всю свою жизнь проводят в океане.

— Они агрессивны? — Эйлле внимательно посмотрел в ее лицо, но неподвижные уши, жесткий нос и полное отсутствие вибрис не позволяли читать настроение. Женщина засмеялась, но звук получился резким, и он понял, что ей не весело.

— Нет, они ни на кого не нападают. Они даже не умеют защищаться! Они настолько огромны, что у них нет естественных врагов — кроме человека... и теперь, похоже, джао.

— Они являются источником пищи?

— Многие так считают, — ответила Кэтлин. — В прошлом люди действительно охотились на них ради жира, костей и мяса. К счастью, удалось найти другой способ решить эту проблему — прежде чем киты были полностью истреблены.

— Но им до сих пор грозит вымирание?

Кэтлин посмотрела на свои сцепленные пальцы, гораздо более хрупкие, чем у джао.

— Неизвестно. У нас не было ни средств, ни возможности проводить исследования после... — она осеклась и плотно сжала губы.

— После Завоевания, — закончил Эйлле.

— Да, — Кэтлин глубоко вздохнула, по-прежнему глядя сквозь него. — Нам пришлось направить средства на более насущные нужды. На что было приказано. Например, на подготовку планеты к нападению.

— Совершенно верно, — сказал Эйлле. Наконец-то ему удалось найти точку соприкосновения! Выслеживать несколько животных, чтобы выяснить численность их популяции — это покажется бессмысленным любому, кто знаком со свирепостью Экхат. Экхат, которые уничтожали целые звездные системы вплоть до последней бактерии в соответствии со своими безумными философскими убеждениями.

Потом человек в форме джинау подошел ближе, и Эйлле вспомнил, что уже видел его сегодня в обществе Кэтлин. Девушка бросила в сторону офицера короткий взгляд и снова обратилась к Эйлле.

— Субкомендант... позвольте представить вам генерал-майора Эда Кларика, командующего одним из главных формирований джинау на этом континенте.

Яут не удержался и фыркнул. Подобное представление нельзя было назвать иначе, чем редкой бестактностью. Однако Эйлле был слишком заинтригован, и оставил это нарушение этикета без внимания. В конце концов, она всего лишь человек. Она может владеть языком джао и читать позы, но остается при этом человеком, а от людей глупо ожидать неизменно пристойного поведения. Однако Эйлле показалось, что сейчас она намеренно нарушила обычай, прекрасно понимая, что делает.

— В самом деле? — он позволил себе принять позу «дружелюбие-и-заинтересованность».

— Так точно, сэр, — к его удивлению, Кларик не стал «салютовать». Подавляющее большинство джинау, которых Эйлле до сих пор встречал, не знали обычаев джао или не считали нужным их соблюдать, но этот Кларик был исключением. — Я команду тихоокеанской дивизией. Я собирался лететь на юг, в Паскагулу, чтобы рапортовать вам, но получил назначение на запад континента, где занимался вербовкой джинау.

— У нас дефицит личного состава? — спросил Эйлле.

— В некоторой степени, — Кларик покосился в сторону Губернатора. — Военная дисциплина джао чрезвычайно су-

рова... порой *до смерти* сурова. Поэтому трудно набрать достаточное количество добровольцев.

Эйлле мысленно сделал себе пометку. Дальнейшие разъяснения ситуации следовало получить при личной беседе. Истолковать позу Кларика было очень сложно — еще сложнее, чем у остальных людей. Однако что-то подсказывало Эйлле, что офицер не договаривает.

— Мы более подробно обсудим это позже, — сказал он. — Мне еще многое предстоит узнать, прежде чем я смогу эффективно исполнять свои обязанности.

— Я буду с нетерпением ждать этого момента, сэр.

— Вы слышали о том, что будет устроена охота?

— Так точно, сэр.

На лице Кларика не отразилось никаких эмоций, равно как и в тоне его голоса. Но Эйлле снова заметил нечто едва уловимое — на этот раз оно говорило о неодобрении.

— Думаю, мне понадобится отряд джинау в качестве личной охраны, — сказал Эйлле и, посмотрев на девушку, добавил. — Мисс Стокуэлл считает, что местные могут оказать сопротивление.

— Возможно, — подхватила Кэтлин. — Все зависит от того, где будет проводиться охота. Если вам удастся убедить Губернатора организовать ее на побережье Японии, то мне кажется, что никаких проблем не возникнет. То же самое будет в случае с Норвегией или Исландией. В этих странах традиция китовой охоты имеет очень глубокие корни. Но если это произойдет на побережье нашего материка, возможны волнения.

— Понимаю. Вы сможете принять меры, чтобы не допустить возможных беспорядков, генерал Кларик?

Вот еще один момент, который необходимо уточнить. Эйлле показалось, что к Кларику можно обращаться просто «генерал». В конце концов, если он правильно понял, в переводе с английского это означало «главный» или «значительный», как и второе слово.

— Так точно, сэр, — Кларик ответил сразу, словно ожидал этого вопроса. — В непосредственной близости от Оклахома-Сити дислоцируется рота моих солдат. Мы можем использовать их.

— Отлично, — Эйлле посмотрел на Кэтлин. — Вам тоже следует поехать. Ваше присутствие будет означать, что вы одобряете это мероприятие. Думаю, это успокоит местных жителей. Кроме того, ваши советы окажутся весьма кстати — мне не хотелось бы по незнанию нарушить обычаи людей.

Банле пристально посмотрела на него, ее уши и вибриссы дрожали. Высокородному отпрыску не подобало разговаривать с человеком столь любезно.

— Я буду рада сделать все, что потребуется, — проговорила Кэтлин. — Но должна предупредить вас, что Губернатор Оппак вряд ли станет интересоваться мнением местных жителей.

На ее щеках медленно проступили красные пятна.

— Так и должно быть! — Банле снова выросла из-за спины своей подопечной. — Джао не обязаны беспокоиться о мнении туземцев! Задача людей — добросовестно выполнять наши приказы!

— Несомненно, так и будет, — учтиво ответил Кларик.

— В таком случае, решено, — сказал Эйлле. — Нам остается только ждать начала охоты.

Кэтлин и генерал обменялись загадочными взглядами, и в глазах женщины вспыхнул огонек.

— Безусловно, — произнесла она. — Мой отец будет очень рад.

Глава 16

Был ранний свет следующего солнца, когда человек в черной ливрее доложил Эйлле, что охота состоится спустя два планетных цикла, на одном из отдаленных побережий материка. Это место называлось «Северо-западным побережьем». Политическое образование «Япония» предоставила для этих целей собственное судно, которое уже прибыло в бухту.

Чуть позже пришел Кларик.

— Отряд эскорта по вашему приказанию прибыл, — доложил генерал. — Желаете произвести смотр?

— Это джинау? — спросил Эйлле, пока Яут возился с его накидкой.

— Да, сэр. Эксперименты со смешанными отрядами пока не дали положительных результатов.

— Не понимаю, почему, — сказал Эйлле, жестом приказывая Яуту остановиться. Местные жители все равно не заметят, если складки будут лежать не совсем ровно, равно как и прочих тонкостей. — На других планетах мы создавали отряды, в которых джао действовали вместе с туземными воинами, и вполне успешно. Я знаю, что люди — превосходные воины, об этом говорят все события прошлых лет. Джао таких уважают. Почему мы не можем стать соратниками?

Кларик пожал плечами и вздохнул.

— Если бы я это знал, то не был бы джинау, сэр.

Яут пристально посмотрел на него и подобрался, принимая позу «возмущение-непочтительностью». Генерал заметил это.

— Прошу прощения, сэр. Я не вправе проявлять такое легкомыслие. Это важный вопрос.

— Безусловно, — сказал Эйлле. — Ваши соплеменники осознают необходимость объединения? Я изучал доклады, но они не дают четкой картины. Мне показалось, что в прошлом, еще до прибытия джао, между вашими политическими объединениями возникали существенные разногласия по различным вопросам, но я так и не разобрался, в чем суть этих разногласий.

Кларик поставил ноги чуть шире. Поза выжидания, подумал Эйлле. Но, может быть, это не так.

— Я не вполне понял, что вы имеете в виду, сэр.

— Ничего существенного нельзя достичь в одиночку, — сказал Эйлле. — Великие свершения — это всегда результат гармоничного сотрудничества.

Кларик выглядел задумчивым. Его взгляд какое-то время блуждал по стенам, пока не задержался на верхнем насердном углу комнаты, словно там обнаружилось что-то невидимое для остальных, но чрезвычайно важное.

— Люди способны сотрудничать, когда этого требуют обстоятельства, — произнес генерал. — Особенно в армии. Но у нас издавна принято ценить выдающиеся личные качества. Людей, обладающих такими качествами, у нас называют «образцами для подражания» или «героями».

Эйлле эти понятия были незнакомы.

— Не думаю, что у джао есть что-либо подобное, — проговорил он. Возможно, в этом и заключается проблема.

— Возможно.

Поза Кларики сбивала с толку. Он выглядел бдительным и подтянутым, в его позе можно было бы различить готовность к обучению, если бы только не мешали эти неподвижные уши, сводившие на нет любой осмысленный разговор.

Эйлле повернулся к Яуту.

— Приведи Талли, и мы отправимся осматривать моих новых подчиненных.

Внезапно Яут направился в просторную заднюю комнату, где располагалась помывочная емкость, заменяющая бассейн. Полминуты спустя он вернулся, таща подмышкой мокрого Талли, который пытался просунуть руку в рукав своей формы.

Эйлле склонил голову, выражая «веселье-и-недоумение».

— Значит, ты все-таки решил искупаться?

Талли уставился в пол и ничего не ответил. Кларик издал глухой возглас.

— Похоже, он пытается перенимать наши привычки, чтобы стать более похожим на джао, — заметил Яут, пряча в клапан на перевязи гладкий пульт локатора. — Это неплохо.

Кларик отключил поле и покинул помещение первым, как и следовало.

— Сюда, сэр.

Кэтлин сидела за обеденным столом, ковыряла вилок тост и наблюдала, как ее научный руководитель с жадностью поглощает ореховые вафли. По крайней мере, на кухне у Оппака знали, чем кормить людей.

— Я не могу на такое пойти, — проговорила она. — Достаточно того, что они устроят эту проклятую охоту. Но если там окажусь я, люди неверно истолкуют ситуацию.

— Ну, здесь уж ничего не поделаешь, что ни говори, — профессор близоруко прищурил темные глаза и поглядел на нее поверх очков, а потом хищно уставился на истекающий сиропом кусочек вафли, который был наколот на вилку. — Знаешь, что мне кажется? Чем больше ты упорствуешь, тем наши господа и повелители непоколебимее в желании осуще-

ствить эту дурацкую затею. Приедешь, мило улыбнешься и будешь наблюдать за ними, как за трехлетними детишками, которые дорвались до песочницы. И вообще, ве́ди себя так, словно все это тебя не касается. Я уверен, через пару дней им надоест гоняться за несчастным китом по всему океану, и они придумают себе другое развлечение.

— Если бы дело было только в китах! У меня создается впечатление, что джао нарочно делают все, чтобы разозлить людей. В любом случае, об охоте непременно станет известно, кто-нибудь начнет открыто возмущаться... А дальше — цепная реакция. Джао всегда реагируют на сопротивление одинаково, профессор. Они сбросили болид на Эверест не потому, что их раздражала пустая трата времени и сил. Они сделали это, когда одна конкретная группа скалолазов нарушила их прямой запрет! Людям было сказано: «Ослушайтесь нас, и мы уничтожим даже самую высокую из ваших гор». У них все просто: сказано — сделано... — Кэтлин поежилась и отодвинула тарелку с тостом. — Я просто не хочу при этом присутствовать.

— Боюсь, у тебя нет выбора, — Кинси сунул в рот очередной кусок вафли и молчал до тех пор, пока не прожевал его самым тщательным образом. — Но у любого события есть свои светлые стороны. По-моему, новый Субкомендант тебе симпатизирует. Забавная ситуация, правда? На сцене появилось новое действующее лицо, и это может многое изменить.

— Да, но необязательно в лучшую сторону, — Кэтлин помассировала основание шеи, где змеиными кольцами стягивалось напряжение. — Меньше всего на свете мне хочется оказаться в точке столкновения чьих-то интересов. А тем более, интересов инопланетных кланов. Да еще и самых могущественных, если я все правильно поняла... Вы заметили, как Губернатор смотрел на Эйлле? У меня кровь стыла в жилах.

Кинси вытащил диктофон в блестящем алюминиевом футляре и положил на стол.

— Должен признаться, я был слишком занят разговором с другими гостями Губернатора. Я тебе не рассказывал? Этой ночью я выяснил столько удивительных вещей о родной планете джао...

— Родных планетах, — поправила Кэтлин, вставая из-за стола. — Сколько их всего, одному богу известно. Мне кажется,

ся, даже сами джао этого не знают, а люди — тем более. Точной информации не поступало с тех пор, как джао стали разумными. Эйлле сказал, что Плутраку принадлежит двадцать девять планет, и это самая точная цифра, которую мне когда-либо приходилось слышать.

— Боже, — Кинси прищурился. — Двадцать девять? Только у одного кочена?

— Их очень много, профессор Кинси. И, боюсь, нам от них не избавиться, пока они сами не захотят уйти. А когда это произойдет... вернее, если произойдет... Что у нас останется? Основная часть заводов они переоборудовали под военные нужды. А те, что остались — особенно в Америке... Остались только те, где восстанавливать нечего.

— И все это ради победы в войне, о которой они говорят.

— Во имя войны с какими-то загадочными Экхат, которые могут с таким же успехом оказаться сказкой, — Кэтлин оперлась на спинку стула. — Может быть, они уже давно уничтожили этих Экхат и теперь просто используют их каждый раз, когда надо оправдать свои действия?

— Я знаю джао гораздо меньше, чем ты, дорогая, — торжественно произнес Кинси. — И открыто это признаю. Но у меня давно сложилось впечатление, что они не нуждаются в том, чтобы перед кем-то оправдываться. Если проводить исторические параллели, я сравнил бы их с древними римлянами. То же сочетание практичности с беспощадностью в отношении оппозиции на завоеванных территориях. Или те же монголы, которые властвовали над всей Азией и частью Европы. Это уже детали. Они не станут тратить время, чтобы сочинить для нас правдоподобную сказку. Они просто поступают так, как считают нужным.

В этот момент дверное поле рассеялось, и в комнату вошла Банле. Как обычно, без стука — живое подтверждение слов профессора.

— Губернатор Оппак желает тебя видеть, — она обратилась к Кэтлин так, словно Кинси не существовало.

Кэтлин выпрямилась.

— Я еще не одета. И мне нужно причесаться.

— Губернатору совершенно неважно, как ты выглядишь. Ты пойдешь немедленно.

Казалось, могучие мышцы Банле окаменели. Ее поза выражала «осуждение», но с почти неуловимым оттенком страха. Или Кэтлин только показалось?

— Мне тоже пойти? — спросил Кинси.

— Нет, — произнесла Кэтлин, прежде чем Банле успела открыть рот. — Я не думаю, что это займет много времени.

— Хорошо, — Кинси встал. — Позвони мне, когда вернешься.

Кэтлин кивнула и, держа туфли в одной руке, вышла в дверной проем следом за Банле. Они шагали из коридора в коридор. Кондиционеров во дворце не было, и воздух уже стал тяжелым и влажным — признак того, что на улице сейчас настоящее пекло.

Кларик вел свой небольшой отряд по закоулкам и переходам губернаторского дворца — наружу, где ослепительно сияло солнце. Как обычно, он смотрел прямо перед собой и держал рот на замке. Это было разумно.

По опыту он уже давно понял, что все джао, в сущности, одинаковы. А некоторые — до тошноты одинаковы. За эти годы он видел их то безразличными, то сварливыми. Порой безразличие перерастало в прямодушие и фанатичную преданность своему делу, а придирки могли сойти за требовательность. Однако предугадать их реакцию было невозможно. Кроме того, их совершенно не волновали некоторые вещи, которые веками занимали человечество. Например, религии и философии у них просто не было. Вместо этого они уделяли массу времени проблеме создания союзов или утонченности жестов. Для большинства людей эти тонкости были абсолютно непостижимы, равно как и их сокровенный смысл.

Иными словами, это была классическая «загадка, окутанная густым покровом таинственности».

Кларику удалось дослужиться до своего нынешнего звания лишь благодаря соблюдению двух принципов: не высываться и не открывать рот без крайней необходимости. В отношениях со своими солдатами он был справедлив и честен, но тщательно следил, чтобы порядки, установленные джао, соблюдались неукоснительно. Он очень быстро уяснил для

себя, что разбираться в скрытых мотивах поведения инопланетян вовсе не обязательно. Достаточно просто подчиняться. На этом он и строил свое поведение.

Однако Эйлле кринну ава Плутрак оказался не таким, как другие. Кларик еще никогда не видел, чтобы джао прислушивался к мнению людей. Неужели его кочен и в самом деле... какой-то особенный, как утверждали сами джао? Мало того: этот красавец уже зачислил к себе на службу двух людей! Опять-таки, ни один джао никогда бы так не поступил. Да, новая метла по-новому метет. Совершенно по-новому.

У автомобиля Кларик остановился и жестом пригласил Эйлле и его спутников. Субкомендант и его молчаливый фразга устроились на заднем сидении, человеку по фамилии Талли Кларик указал на кресло рядом с водительским, а сам сел за руль.

Строго говоря, генерал-майору не пристало исполнять обязанности шофера. Однако ситуация была внештатной, а Кларик обожал водить машину и решил не отказывать себе в таком удовольствии. Тем более это относилось к тем тонкостям, о которых джао все равно не знали, а если и знали, то никак этого не проявляли. При всех своих недостатках джао куда спокойнее относились к вопросам должностного престижа и соблюдения протокола, чем люди. Ни одному джао, сколь бы высокую должность он ни занимал и сколь бы могущественным не был его кочен, не пришлось бы в голову ждать, пока перед ним откроют дверь. Сам Кларик отдавал честь своему мохнатому начальству лишь в тех случаях, когда нужно было подать пример другим джинау.

День был в разгаре, а в машинах, предназначенных для джао, кондиционеры не устанавливались: «пушистики» спокойно переносили любые погодные условия. Разумеется, большие шишки из марионеточного правительства могли себе позволить управление микроклиматом. Но Кларик был просто джинау — звону много, да толку мало. Генерал-майорам кондиционеров не полагалось.

Вот если бы в этой машине везли дочку Стокуэлла... Скорее всего, все было бы совсем по-другому. И дело не только в кондиционере... Кларик горестно усмехнулся. Поначалу он клюнул на ее стройные ножки. Но очень скоро обратил вни-

мание на ее ум и манеру держаться. И вообще, достаточно было взглянуть в эти серо-голубые глаза, чтобы стало ясно: мало кому в ее возрасте довелось пережить больше.

В общем, та еще штучка... Поговаривали, что она наполовину джао — не по крови, разумеется, но по духу и воспитанию. В силу своего положения почти все детство она провела в их обществе, пока не подросла достаточно, чтобы заниматься с гувернером. Вчера вечером Кларик наблюдал, как она использует Язык поз, общаясь с Губернатором Оппаком и Субкомендантом. Словно умела делать это от рождения.

Ее семейство преуспевает под властью джао, в отличие от многих других. Однако она не рисует у себя на лице ваи камити, как это делают детки высокопоставленных соглашателей. А ведь некоторые даже татуируют себе физиономии! Конечно, не все из них подхалимы, которые лезут вон из кожи, чтобы выслужиться. Многие люди, по тем или иным причинам, совершенно искренне перешли на сторону завоевателей.

Кларик не знал, может ли отнести себя к этой категории. Он участвовал в боях против джао — молодой лейтенант, только что окончивший Курсы переподготовки офицеров резерва армии США. После поражения под Нью-Орлеаном он вернулся домой, в Лос-Анжелес... и обнаружил, что от его семьи ничего не осталось.

Мать умерла во время одной из эпидемий, которые вспыхнули в большинстве крупных городов, когда дороги и линии связи были разрушены. В этом, несомненно, были виновны джао. Но именно люди — бандиты, назвавшиеся представителями Сопротивления, — под предлогом «изъятия необходимых припасов» ворвались в их гараж и застрелили его отца, старшего брата и сводную сестру в придачу, когда те попытались помешать им взломать кассу.

В течение первых недель после капитуляции повсюду воцарился хаос. Полицейским нужно было платить, чтобы они не сидели сложа руки — чем угодно, только не деньгами, потому что доллар больше ничего не стоил. Но все имущество Кларика состояло из бумаги, подтверждающей его отставку в чине капитана, и нескольких наград, выданных уже несуществующим правительством. В местном полицейском управлении лишь пожали плечами.

Это было жестокое и притом бессмысленное преступление: грабители убили трех человек из-за кипы никому не нужной бумаги. Неизвестно, что сильнее разозлило Кларика — эта нелепость или безразличие полицейских. И тогда, от ярости и безысходности, он записался в джинау, едва джао объявили набор добровольцев. По правде говоря, ничего иного не оставалось. Временами приходилось так туго, что Кларик подумывал сделать себе искусственный вай камити. Но очень скоро служба заставила его понять, что джао никогда не будут считать людей ровней. Что бы ты ни делал, ты так и останешься простым прислужником. Наемным рабочим или сипаем — вот и весь твой выбор. Твои умелые руки или агрессивный характер позволят тебе шагать в первых рядах во время сражения, но путь в высшее общество тебе заказан.

Тем не менее, задача номер один состояла в том, чтобы выжить в оккупации. И Кларик решил сделать хотя бы это. Как и всем уцелевшим на завоеванной планете, ему приходилось заботиться лишь о настоящем. О будущем предстояло позаботиться следующим поколениям.

Остановив машину возле казарм, он сообразил, что Талли, который сидел с ним рядом, за всю поездку не произнес ни слова. Похоже, парня что-то серьезно гнетет — и он старательно это скрывает, равно как и прочие эмоции. Как только ручной тормоз был поднят, Талли выскочил из кабины и молча ждал, пока Эйлле и его фрагта откроют двери и выберутся наружу, щуря глаза от яркого солнца Оклахомы.

Здания, которые стояли перед ними, когда-то были авиабазой «Тинкер»¹. Да, когда-то у США были собственные военно-воздушные силы.

У джао, в отличие от людей, не было жесткого разделения по родам войск: все решали условия текущей задачи. Сражение для них всегда было сражением — на суше и на море, в воздухе и в космосе. Воина джао могли в течение трех-четы-

¹ Эта авиабаза находится в пригороде Оклахома-Сити. Названа в честь Кларенса Ленарда Тинкера — генерал-майора — первого индейца, дослужившегося до генеральского звания со времен Э. Паркера, — командующего ВВС на Гавайях после нападения Японии на Перл-Харбор.

рех дней перевести из одного подразделения в другое, если он обладал необходимыми навыками.

Теперь в этих казармах, обветшалых и готовых рухнуть в любой момент, размещались джинау.

Когда Кларик нырнул в дверь, сидящая за обшарпанным столом молодая женщина встала и отсалютовала ему. Ее синяя форма потемнела от пота. Светлые волосы были острижены под машинку, а глаза прятались в морщинках от яркого солнца.

— Вольно, лейтенант Хокинс, — сказал Кларик. — Я привез нового Субкоменданта на смотр роты. Все готово?

— Так точно, сэр! — она смахнула кистью руки пот со лба и взяла телефонную трубку.

Через пять минут Эйлле в сопровождении своей свиты отправился на смотр. Рота выстроилась под палящим августовским солнцем ровными шеренгами. Впереди, вытянувшись по струнке, стоял капитан. Однако джао чувствовали себя на солнцепеке вполне комфортно, хотя были покрыты пухом в буквальном смысле с головы до пят.

Эйлле прошел по рядам, постукивая по ладони своим бау — жезлом, который считался знаком отличия. В какой-то момент в его глазах мелькнула зеленая искорка... но лишь на миг. Затем они вновь стали непроницаемыми, как обсидиановые кабошоны.

— Они уже участвовали в боевых действиях? — его правое ухо слегка приподнялось.

— Лишь некоторые из них, сэр. Чуть меньше четверти. Остальные слишком молоды.

По гладким лицам джинау градом катился пот. Кларику казалось, что он видит движение мыслей в их головах. Что хочет увидеть Субкомендант? Может быть, он уже чем-то недоволен? Печально известная непредсказуемость джао давно стала притчей во языцех. Ходили даже слухи — на самом деле, совершенно необоснованные, — о том, как несколько рот были «подавлены» за несоответствие неким таинственным стандартам, совершенно непостижимым для людей.

Сам генерал тоже взмок, рубашка прилипла к спине, но он твердо решил не подавать виду.

— Желаете присутствовать при строевых учениях, сэр? — спросил он, надеясь тем самым снять напряжение.

— «Строчные учения»? — переспросил Эйлле. — Это означает «маршировать строем», верно?

— Так точно, сэр!

Так держать. Руки по швам, подбородок вверх, голос спокойный.

— Я не понимаю, что общего между бессмысленным сохранением строя и боевыми навыками, — признался Эйлле. — Возможно, это делается с какой-то целью, о котором вы расскажете мне позже. В данный момент меня не интересует демонстрация подобных навыков.

— Слушаюсь, сэр.

Эйлле повысил голос.

— Сейчас я хочу поговорить с теми из вас, кто участвовал в первых наземных сражениях с джао. В частности, меня интересуют люди, имеющие отношение к танковым войскам или артиллерии, а также те, кому удавалось успешно нейтрализовать лазеры джао.

Кларик кивнул капитану.

— Вы слышали, что сказал Субкомендант! — рявкнул капитан. — Участникам сражений во время завоевания — построиться в шеренгу справа. Остальным — вернуться в казармы.

Похоже, строчные учения все-таки были нужны. Перестроение было произведено четко, без суеты и разговоров. Основная часть образовала колонну и зашагала к казармам. Солдаты смотрели друг другу в затылок, лица ничего не выражали, но Эйлле догадался, что они рады оказаться подальше от столь высокого начальства. Остальные, стараясь скрыть беспокойство, снова выстроились в шеренгу.

Кларик поймал взгляд Субкоменданта, устремленный в безоблачное небо. Широкая полоса на его лице казалась такой же черной, как и его глаза, в которых играло солнце — начищенный до блеска металлический диск, впаянный в небосвод. Жара действительно не причиняла джао страданий, но от яркого света им становилось не по себе. Тем не менее, они никогда не опускались до того, чтобы носить солнечные очки. Вероятно, таким образом они поддерживали свою репутацию. Это было личной догадкой Кларика — ни один джао не признался бы в такой слабости человеку.

Он не испытывал неприязни к новому Субкоменданту — по крайней мере, пока тот не дал ему никакого повода. Пожалуй, стоит облегчить «пушистику» жизнь.

— Не желаете продолжить беседу в офисе, сэр? — Кларик кивнул в сторону казарм. — В это время суток солнце очень... жаркое.

— Конечно, — кивнул Эйлле. Кларик еще раз отметил, что Субкомендант высок ростом даже по меркам джао. Солнце превращало его пух в расплавленное золото.

В офисе и вправду оказалось прохладнее. Кларик усадил Эйлле за исцарапанный металлический стол, где раньше сидела лейтенант Хокинс. Талли и безмолвный фрагта встали рядом, почти в одинаковых позах. Ветераны выстроились в очередь за дверьми и стали входить по одному.

Первым оказался седой сержант из Монтаны по имени Джо Холодное Пиво. Остановившись перед столом, он замер, словно опасался ненароком принять какую-нибудь позу, которую джао могут счесть проявлением неуважения.

— Вы сражались против джао? — спросил Эйлле, не тратя времени на предисловия.

Шоколадные глаза Холодного Пива сосредоточенно изучали ржавый потек на стене над головой Эйлле.

— Да, сэр. В Чикагском сражении.

— В каких войсках вы служили?

— В пехоте, сэр.

Эйлле встал и обошел вокруг стола.

— Мне сообщили, что ваши кинетические орудия оказались неожиданно эффективными против нашей версии того, что вы называете «танками». Более того, вам, время от времени, удавалось помешать нам успешно применять лазеры при помощи таких простейших технических решений, как дым и сухая трава.

Его уши поворачивались, точно локаторы.

Холодное Пиво фыркнул — очевидно, вспомнив что-то забавное, — но тут же плотно сжал губы.

— Так точно, сэр. Человек с дымовой шашкой, — а когда наступала настоящая суматоха, — с мешком металлического конфетти, — подбирался к вашим танкам с фланга и сбивал прицел к чертовой матери. Лишь на некоторое время, конеч-

но, но нам этого вполне хватало. Броня у вас — полная дрянь... простите, сэр.

Яут поднял уши.

— «К чертовой матери»? «Полная дрянь»?

— Разговорные эквиваленты технических терминов, сэр, — сказал Кларик, наградив Джо красноречивым взглядом. — Приблизительный перевод... «полностью» и... м-м-м... «недостаточно качественный». Рядовые и сержантский состав время от времени используют подобные выражения.

Последняя фраза была произнесена с металлом в голосе и сопровождалась еще одним взглядом в сторону сержанта.

— Прошу прощения, сэр, — пробормотал Холодное Пиво, и его лицо собралось в морщины, приобретя мрачное выражение. — Я не хотел показаться невежливым.

— Мой словарный запас пока ограничен, — проговорил Субкомендант, глядя на Талли. — Я изучал человеческий язык — вернее, английский, но полностью освоил только синтаксис и грамматику. Я не сомневаюсь, что эти термины пригодятся мне в будущем.

Талли стрельнул глазами в сторону Кларика и издал неопределенный звук, словно прочищал горло. Генерал слабо представлял, зачем Субкомендант держит при себе Талли. Одну догадку — о том, что Талли был чем-то вроде информатора — Кларик уже отбросил. Во всяком случае, самые угрюмые взгляды Талли бросал в сторону джао, а не своих соплеменников.

Даже если он информатор, Кларик нашел бы способ заступиться за Джо. Он не собирался молча наблюдать, как его людей подвергают взысканию за неуважительное поведение, и защищал их, если была возможность. Но Кларик уже понял, что Талли не позволит Субкоменданту узнать о маленьком обмане.

Эйлле задал Холодному Пиву еще несколько вопросов, потом отпустил его и пригласил следующего. Беседа протекала неторопливо, вопросы были почти одинаковыми, как и ответы. Как показали себя технологии джао во время самых крупных сражений — Чикагского и Ньюорлеанского? Действительно ли кинетические орудия людей не так плохи, как многие пытались убедить Субкоменданта?

Солдаты почти не скрывали удивления. В кои-то веки джао интересовались их мнением, их опытом. Обычно ситуация была прямо противоположной. Люди настороженно следили за Субкомендантом, тщательно сохраняя нейтральные позы.

Время шло, скрипучая дверь открывалась и закрывалась. Талли почувствовал, что левую ногу сводит судорога, но не подал виду и не попросил разрешения сесть. Не хватало еще доставить удовольствие Яуту. Талли зло покосился на фрагту. Если я проявлю слабость и попрошу об одолжении, он опять начнет меня воспитывать. Но я им еще покажу. Я продержусь дольше вас, чертовы плюшевые мишки!

Но в комнате было жарко. Со вчерашнего дня во рту у Талли не было и маковой росинки, он еще не успел полностью оправиться от болезни. Обезвоживание становилось вполне реальной угрозой. Но даже если он рухнет замертво, то не докажет этим ничего, кроме собственной бесполезности.

Кожа под «рабским браслетом» вспотела и немилосердно чесалась. Господи, как хорошо было бы исчезнуть отсюда. Но он стоял молча, словно сам стал джао, которому совершенно ничем эта чертова августовская жара.

Глава 17

Банле так и не дала Кэтлин причесаться, утверждая, что Оппак не станет ждать ни минуты. Однако они целых три часа торчали в вестибюле, прежде чем Кэтлин была удостоена аудиенции... Аудиенции, о которой она не просила. Джао обладают прекрасным чувством времени, так что это не было ошибкой со стороны Банле. Скорее всего, телохранительница прекрасно знала, сколько им придется ждать приглашения. Просто Губернатор решил в очередной раз не слишком утонченным образом напомнить Кэтлин, где ее место.

Такая мелочность была совершенно нетипична для джао. Этот прием был словно заимствован у бюрократов человеческой породы, которые самоутверждались, демонстрируя посетителям свою власть над их временем. К несчастью, Губернатор Оппак совмещал в себе отрицательные качества обеих рас.

Наконец из голубоватого сияния дверного поля вышел человек. Глядя себе под ноги, он сделал скупой жест, означающий приглашение. Обрадовавшись, Кэтлин шагнула вперед... и поняла, что частота поля все еще высока. Пройти сквозь него было невозможно. Кэтлин нерешительно коснулась ладонью искрящейся пелены и почувствовала, как импульсы отдаются во всем теле.

— Иди! — прикрикнула Банле. Она стояла сзади и явно не намеревалась уступать своей подопечной почетное место замыкающего.

— Минутку...

Кэтлин повернулась к служителю, который стоял у стены, точно молчаливый призрак. Внезапно она заметила, что его лицо украшает огромный кровоподтек.

— Вы не могли бы выключить...

Банле не дала ей договорить. Схватив Кэтлин за воротник футболки, она толкнула девушку вперед. Казалось, ее протаскивали сквозь полузастывший бетон. У Кэтлин перехватило дыхание. В какой-то момент она застряла, потом ощутила толчок и буквально вывалилась с другой стороны.

Помещение, в котором Кэтлин оказалась, было небольшим и почти уютным, в нем царили прохлада и приятный полумрак. Похоже, вчера Оппак просто хотел похвастаться тем, что способен переносить яркий свет, подумала Кэтлин, пытаясь успокоить дыхание.

Единственным, что раздражало, был влажный едкий запах гниющих водорослей. Кэтлин почувствовала, что в носу начинает свербеть, а на глазах выступают слезы. Она высвободилась из рук Банле, которая проникла внутрь следом, и приняла строгую нейтральную позу. Будем надеяться, Оппак не сочтет ее оскорбительной. Впрочем, он способен увидеть оскорбление в чем угодно.

Когда-то у Кэтлин был старший брат, долговязый светловолосый Брент, который рассказывал ей смешные истории и катал на лошади. Но теперь у нее нет брата. Через четыре года после установления оккупационного режима Оппак кринну ава Нарво потребовал, чтобы отец Кэтлин отдал Брента для подготовки в качестве переводчика. Во время одного из занятий Оппаку не понравился его акцент. «Просто дикость», —

говорят, это было последним, что услышал ее брат, прежде чем Оппак одним ударом сломал ему шею. Тогда Кэтлин было всего шесть лет, но она все еще помнила, как дом вдруг стал пустым, а папа и мама плакали. Тело Брента так и не было им возвращено. Губернатор «любезно» взял на себя хлопоты по захоронению.

В помещении было несколько бассейнов. Великан-джао сидел возле одного из них и наблюдал за струйкой воды, которая бежала из водослива. Оппак был одет лишь в собственный пух, но Кэтлин знала, что джао не придают подобным вещам такого значения, как люди.

— Все они соединены между собой, — произнес он на родном языке.

Кэтлин чуть изменила положение рук и ног, приняв незамысловатую нейтральную позу с легким оттенком безразличия, и приготовилась ждать. Возможно, Оппак объяснит смысл своей фразы, а возможно, и нет. В любом случае, торопить его глупо и опасно.

— Бассейны, — изрек Губернатор после долгой паузы. — Я решил, что это будет забавно — создать сплошной водный путь внутри здания. Столь претенциозные замыслы не были реализованы даже в самом крупном Доме кочена на Пратусе.

Кэтлин сменила позу, изобразив «вежливость-и-интерес» и отважилась уточнить:

— Вода в бассейнах перетекает из комнаты в комнату, и так по всему дворцу?

Оппак поднялся, неторопливо прошел вдоль искусственного ручья и остановился, глядя на стену, в которой исчезала вода.

— Если бросить мертвое тело в одном конце, оно будет плыть, пока не упрется в насосы и фильтры. Я сделал это, чтобы у служителей было меньше хлопот.

— Понимаю.

По спине Кэтлин пробежал мороз. Она не сомневалась: меньше всего джао беспокоятся о том, чтобы не перегружать служителей работой. Особенно такие джао, как Оппак, и те, кому прислуживают люди. Тогда к чему эта фраза? Поза Губернатора была слишком сложной. Кэтлин была знакома лишь с основами «Языка тела» и не рискнула бы полагаться на собственное толкование.

Оппак вновь повернулся, и в наклоне его ушей Кэтлин почудилась... ревность? Подозрительность? Зависть?

— Что вы о нем думаете? — спросил он, словно только что они говорили о чем-то совершенно ином. Резкие изгибы его тела выражали «настойчивость-и-требовательность».

Кэтлин вздрогнула.

— Боюсь, я не понимаю, кого вы имеете в виду.

Банле, застывшая у стены в позе «готовность-действовать-немедленно», посмотрела на нее. Похоже, охранница тоже была не на шутку взволнована.

— Субкоменданта, — сказал Оппак. — Молодого ава Плутрака.

— Он очень... — Кэтлин мучительно перебирала определения. Нужно придумать что-нибудь безобидное, но похвальное. — ... очень общительный. Я с удовольствием перекинулась с ним парой слов.

— О да, — в глазах Губернатора угрожающе заплескали изумрудные молнии. — Даже люди способны это почувствовать. Мне следовало догадаться.

Больше всего Кэтлин хотелось провалиться сквозь землю. Но она не рискнула даже отвести взгляд.

— Ваш брат по выводку, Брент, — внезапно произнес Оппак. — Вы помните его?

— Брент действительно был моим братом, — сказала она, чувствуя комок в горле. — И я его помню. Но люди обычно рождаются поодиночке, а не группами, как джао. Мы не принадлежали к одному выводку.

Оппак склонил голову, его глаза вновь стали непроницаемыми, как черные ониксы.

— Я слышал об этом, когда только прибыл в этот несчастный мир. Но мне казалось, что такая глупость просто невозможна.

Кэтлин замерла, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Джао появляются на свет выводками, потому что это создает наилучшие условия для рождения потомства. При этом все происходит от одной самки, — тяжело ступая, Губернатор приблизился к Кэтлин. — Но если люди производят на свет по одному детенышу за раз, каким образом они достигли такой невероятной численности?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сдавленным шепотом ответила девушка. — Я знаю лишь то, о чем мне сообщают.

— Конечно, ведь вам еще не позволялось размножаться, — сказал он. — Вы не обладаете всей необходимой информацией, которая касается этого действия и его последствий. Мы побеседуем еще раз, когда кочен подберет вам брачную группу, и вы принесете первое потомство.

— Конечно.

Она напряженно разглядывала лицо Оппака. Длинные восторщенные вибрисы придавали ему сходство с моржом. Разумеется, даже при своих габаритах джао уступал в размерах настоящему моржу, но был гораздо опаснее.

— Я... — Кэтлин почувствовала, как горят щеки. К счастью, Губернатор не знал, что подобная реакция была у людей признаком смущения. — Я уверена, что подобная беседа будет поучительной.

Не ответив, Оппак плавно скользнул в бассейн, нырнул и растянулся на дне. Кэтлин показалось, что он следит за ней сквозь рябь, словно хищник за добычей.

Банле жестом указала на дверь и выбралась наружу, не дожидаясь, пока Кэтлин последует за ней, и не удостоверившись, что ей удалось это сделать. Зажмурившись, девушка бросилась сквозь перламутровую завесу. На этот раз ей удалось проскочить самостоятельно, хотя в какой-то момент кровь застучала в ушах, словно хотела хлынуть наружу.

Банле стояла у дверного проема, подбоченившись и глядя куда-то в конец длинного коридора. Ее уши были плотно прижаты к голове. Кэтлин впервые видела подобную позу. Похоже, что-то случилось, если ее охранница, забыв свое тщеславие, позволила человеку идти вторым.

— Ты поняла, к чему это велось? — спросила Кэтлин.

— Тебе лучше об этом не знать, — по-английски произнесла Банле и содрогнулась. — И надейся, чтобы тебе никогда не удалось это выяснить.

* * *

Пожалуй, утро прошло с пользой. В отряде, который будет его сопровождать — люди называли такую группу «ротой» —

оказалось много опытных солдат, и большинство из них придерживались того же мнения, что и Райф Агилера. Эйлле намеренно оставил техника во дворце, под присмотром Тэмт, чтобы получить независимые сведения. Но похоже, его мнение подтверждалось.

Люди действительно разработали несколько простых технических приемов, которые, хотя и не всегда, позволяли им справляться с лазерами джао. Это в значительной степени препятствовало наступлению. Если бы у людей было больше времени на подготовку, если бы их разрозненные фракции смогли объединиться... Не исключено, что события приняли бы совершенно иной оборот.

При мысли об этом Эйлле поднял уши. Готовя его к назначению, наставники даже не предполагали ничего подобного. Вряд ли они вообще могли представить, насколько джао были близки к унижительному поражению. Завоевание было в основном миссией Нарво, они же впоследствии приняли правление планетой. Несомненно, в их докладах, представленных Своре Эбезона, картина событий оказывалась сильно приукрашенной, а масштабы проблем тщательно скрывались.

Возмутительно. Подобного стоило ожидать — любой кочен постарается предстать перед Стратегами в лучшем свете. Но то, что сделал Нарво, переходило все границы. Это было просто... недостойно. Возможно, сами Нарво понимали, что подрывают основы своего влияния. Эйлле был почти уверен: многие подчиненные кочены и тэйфы — особенно те, что понесли самые тяжелые потери во время Завоевания — затаили молчаливую обиду. Их жертвы, достойные славы, не удостоились даже упоминания.

И это при том, что главная задача каждого кочена — укреплять связи! О чем думают Нарво?

— Мы останемся на базе, пока не придет время отправляться на охоту, — сказал Эйлле Яуту, когда последний из солдат покинул кабинет. — Я хочу ознакомиться с деятельностью этого подразделения.

Воздух в комнате был жарким и тяжелым. Казалось, даже Кларик движется медленнее, словно в воде. Талли стоял в

углу и наблюдал за ними своими загадочными зелеными глазами.

Во взгляде фрагты мелькнуло одобрение. Но только на миг.

— Тогда я прикажу водителю доставить сюда Тэмт, Агилеру и наши вещи, — сказал Яут. — А также направлю Оппаку кринну ава Нарво благодарность за его благосклонное внимание. Внимание Нарво...

Эйлле представил эту «благосклонность» в свете предстоящей охоты. Можно не сомневаться: между ними существует самая прямая связь. Кочен Нарво прославился умением делать подарки со скрытым смыслом, причем такой смысл стоило скрывать. Кэтлин Стокуэлл тоже высказывала опасения по поводу этой идеи. Да, предложение исходило от людей, а китовая охота, судя по всему, действительно была старинным человеческим обычаем. Но... Может быть, Оппак пытается создать ситуацию, в которой зарождающиеся связи с людьми будут необратимо разрушены?

Эйлле выбрался из кресла — как всегда, очень узкого — и подозвал Талли.

— Я обеспокоен.

Талли покосился на Яута и подтянулся.

— Сэр?

— Как ты думаешь, что это может означать? Я имею в виду китовую охоту.

— Я... не понимаю, сэр.

Он беспокойно заерзал. Эйлле вспомнил забавное человеческое выражение «нести околесицу»... или «болтать языком». Жесты Талли с точки зрения «Языка тела» джао были именно «околесицей».

— Я уже задавал тебе этот вопрос на приеме, но ты не смог дать мне удовлетворительного объяснения, — Эйлле подчеркнул смысл своих слов позой «настойчивость-и-терпение». — Чем эта охота покажется людям? Чем-то скверным или чем-то хорошим? Будут ли они протестовать, как предположила Кэтлин Стокуэлл?

Талли пригладил волосы растопыренной пятерней.

— То, что кому-то такое не понравится — это точно. Ну... я бы сказал, многим. То, что какой-то джао собрался отстреливать китов...

Яут подобрался, но Эйлле остановил его, сделав движение плечом.

— Например, я?

— Именно.

Внезапно Талли словно опомнился и довольно неуклюже принял уважительную позу... Или нейтральную.

— Вы бы только видели, что творилось из-за этих китов, — забормотал он. — Народ собирал деньги на их спасение, лепил наклейки на бамперах машин, писал о них книги, снимал фильмы... А в тех местах, куда нас везут охотиться — и подавно.

— Ваш вид действительно обладает странной склонностью объединяться с низшими существами, — заметил Эйлле. — Об этом многократно упоминалось в докладах. Подобное поведение не имеет аналогов у джао.

Талли усмехнулся.

— Ну, домашние киты — это пока из области фантастики. Но считается, что киты — едва ли не самые умные из млекопитающих. А кое-кто думает, что они вообще полуразумные. Ученые записывали их крики и считают, что у них есть что-то вроде языка.

— Любопытно, — ответил Эйлле. — Но на китов все равно продолжали охотиться?

— В некоторых странах — да. Например, в той же Японии. И, если мне не изменяет память, в Скандинавии тоже, — Талли передернул плечами. — Это ведь япошки подкинули Губернатору эту идею, верно? Думаю, им просто хотелось подложить Штатам сви... простите, сделать гадость. Все простить не могут, что мы разнесли их во время Второй мировой ко всем чертям.

Значит, дело в соперничестве политических фракций, подумал Эйлле. Скорее всего, самих фракций уже давно нет, а вражда продолжается. Но теперь ситуация изменилась, и подобные рассуждения уже неуместны.

— Сейчас людям стоит беспокоиться о более важных вещах, чем итоги древней войны, — сказал он. — Экхат...

Талли так решительно махнул рукой, что Эйлле смущенно смолк.

— Да, да. Знаю, проходили. Черт возьми, только и слышишь: Экхат, Экхат... Экхат идут, готовим пушки и держим ушки на макушке...

Яут ошетинился, и ава Плутрак поспешно шагнул вперед. Сейчас ему надо было справиться самостоятельно.

— Экхат и в самом деле приближаются, — Эйлле говорил мягко, и лишь его вибрисы мелко подрагивали: ему стоило больших усилий сохранить самообладание. — Если бы тебе довелось встретиться с ними и собственными глазами увидеть, как они расправляются с другими формами жизни, ты бы не стал рассуждать так легкомысленно.

— Значит, они все-таки нас атакуют, верно? — Талли словно не замечал, что Яут буквально выходит из себя. — Они убьют наших родных, взорвут города, отберут у нас свободу. Совсем как вы. Так в чем между вами разница? Может, нам стоит помочь этим Экхат, и тогда они помогут нам? Знаете, как говорят: «Враг моего врага — мой друг.»

От этой фразы веяло древностью, будто ее неоднократно повторяли из поколения в поколение. Неудивительно, что людям до сих пор не удавалось сформировать прочные союзы.

— У джао есть другая поговорка, — Эйлле помолчал, стараясь перевести как можно точнее. — «Не вставай меж двумя врагами, ибо они непременно сокрушат тебя в своем стремлении уничтожить друг друга.»

Лицо Талли приобрело странный красноватый оттенок, который Эйлле уже начал связывать со смущением и подавленностью. Это окончательно сбilo его с толку. Он напряженно разглядывал человека в поисках хоть какой-то зацепки. Неужели этого Талли в конце концов придется подавить? Совершенно ясно, что он связан с преступной группировкой под названием «Сопrotивление». Но если Талли подчинится власти джао и поймет, что объединение — единственный разумный путь... Значит, Эйлле сможет добиться того же самого и от остального населения этой планеты. Потому что поймет, каким образом склонить их к содействию джао, прежде чем будет слишком поздно.

В душевной комнате стало тихо. Наконец Кларик нарушил молчание, звучно прочистив горло.

— Как сказал Талли, непременно найдутся те, кто будет протестовать, сэр. Но когда вы лучше узнаете нас, то поймете, что люди никогда ни в чем не соглашаются друг с другом на сто процентов. Представьте себе, что завтра джао решат

покинуть планету. Кто-нибудь обязательно скажет, что это несправедливо. Такова наша природа, сэр.

— Именно эта склонность к разногласиям и своекорыстие и привели вас к поражению, — изрек Яут. — Если бы вы сплотились, не исключено, что вам удалось бы удержать планету. Никогда не забывайте об этом.

Кларик покосился в сторону Талли и кивнул. На миг Эйлле увидел, как дикая ярость наполнила все тело Талли. Казалось, сейчас он потеряет контроль над собой и бросится на своего соплеменника. От Яута это тоже не укрылось. Глаза фрагты сузились, он принял оборонительную стойку.

И лишь Кларик стоял спокойно, словно гнев Талли был обращен не на него. Возможно, подумал Эйлле, дело было в возрасте и опыте генерала. Он имел больше шансов победить в рукопашной и прекрасно это знал. Равно как и сам Талли: он резко развернулся и отошел в самый дальний край комнаты, к окну. Одна его рука была сжата в кулак — насердная. Другая сквозь рукав потирала локатор.

Кларик слегка покачал головой. По-видимому, этот жест означал легкий намек на неодобрение. Возможно, генерал не одобрял действия самого Талли, а может быть, что-то, относящееся к его воспитанию.

Способности генерала успели произвести на Эйлле большое впечатление. И на Яута, кажется, тоже.

— Его обучение еще не завершено, — проговорил фрагта. — Либо он научится себя вести, либо умрет. Меня устроят оба варианта.

— Конечно, сэр, — ответил Кларик. — Я понимаю.

Часть 3

ЛЕВИАФАН

Узнав о предстоящей китовой охоте, агент Своры Эбезона подошел к окну — его резиденция на вид ничем не отличалась от человеческого жилища — и стал смотреть на океан.

Откровенно говоря, известие его не удивило. Ненависть Оппака к людям вот уже много лет назад стала, что называется, безумной. Но последние действия Губернатора заставляли всерьез задуматься, не сошел ли он с ума на самом деле.

Глупо. Отчеты из Паскагулы ясно указывали, что молодой отпрыск Плутрака и в самом деле *намт камити*. И глупо, очень глупо недооценивать его, несмотря на его молодость и отсутствие опыта.

Кому, как не Оппаку, об этом знать? Когда-то он сам был *намт камити*, гордостью Нарво. И подтвердил свой высокий статус вскоре после прибытия на Землю, сместив отпрыска кочена Харив, который к тому же обладал *удх*. Джита кринну ава Харив не был таким самоуверенным, как Оппак, но слишком полагался на свой опыт и проницательность, приобретенные с возрастом. И тоже не воспринял всерьез вызов, брошенный ему *намт камити*... а когда это произошло, было уже слишком поздно, и ему пришлось расстаться с жизнью.

Агент лично присутствовал тогда на съезде Наукры, во время которого Оппак взял жизнь старого ава Харива. Он вогнал церемониальный кинжал между шейными позвонками Джиты с такой же силой и уверенностью, с которой до этого перехитрил его и загнал в ловушку. Смертельный удар был выполнен великолепно — чисто и молниеносно, как и требо-

вал обычай. Правда, агенту показалось, что Оппак немного переусердствовал. Но может быть, тот просто недооценил силу своих могучих мускулов. А может быть, это было еще одно проявление его стиля. По крайней мере, в этом он всегда оставался настоящим *намт камити* Нарво.

На миг агент задумался. Не будет ли у него возможности лично присутствовать на охоте? Ему очень хотелось понаблюдать за этим представлением, чтобы получше узнать молодого Плутрака.

Нет. Помимо обстоятельств, препятствующих этому — в конце концов, никто его туда не приглашал, — есть еще одна причина воздержаться от подобного шага. Слишком рано. В любом случае, с легким удовольствием подумал агент, течение направлено в его сторону. Возможно, ему вообще не придется ничего делать. Только ждать.

А ждать он умел хорошо. За двадцать лет этому вполне можно научиться.

Глава 18

Оппак спустился в Главный Зал, где вчера принимал гостей, и плавал. Прислужники уже очистили все водоемы от мусора, и он наслаждался всем доступным пространством в полном одиночестве. Это успокаивало и помогало сосредоточиться. С открытыми глазами он плыл сквозь прохладную воду, у которой был в точности такой же цвет и запах, как в самом большом море Пратуса — Корнат Ма.

Оппак уже давно все понял. Скорее всего, Нарво не позволит ему вернуться на Пратус. Шансы покинуть этот ненавидимый комок из грязи и камня уменьшаются с каждым орбитальным циклом, а возраст делает эти шансы еще ниже. Скоро окажется, что его, Оппака кринну ава Нарво, уже никогда не пригласят для продолжения рода. Он сгинет здесь, и вместе с ним — тяжкий позор Нарво.

Земля завоевана. Но туземцы слишком яростно сопротивлялись, победа далась слишком дорого, к тому же на это потребовалось гораздо больше времени, чем можно было судить по первоначальному течению. И кто-то так или иначе

должен был взять на себя вину за это. Получив назначение на Землю, молодой *намт камити* могущественного Нарво путем умелых маневров направил поток в нужное русло. Оппак умело вошел в доверие к остальным офицерам и убедил их, что причина поражения кроется в чрезмерной осторожности и нерешительности Главнокомандующего.

Им был Джита кринну ава Харив. Глаза старого джао горели лютой ненавистью к Оппаку, даже когда он предлагал собственную жизнь в качестве расплаты за провал перед собранием старейшин. Тогда там присутствовали все — старейшины его собственного кочена, Нарво и многих других, равно как и Гончие Эбезона.

Разумеется, Нарво принял предложение. Таким образом, отпрыск великого кочена занял высший командный пост и получил аудх. Это было вершиной успеха, настоящим триумфом как Оппака, так и его. Нарво в очередной раз доказал, что ему нет равных не только в сражениях.

Но ни Нарво, ни сам Оппак не поняли предупреждения Джиты. До окончательного покорения Земли было еще очень далеко. Приняв командование, Оппак приказал начать массированное наступление на самое могущественное из человеческих государственных образований, которое туземцы называли Соединенными Штатами. Результатом стало Чикагское сражение — жестокая битва, которая разыгралась на огромной территории к югу от Великих озер. В этом сражении участвовали главные силы людей и джао.

Ярость, с которой сражались люди, казалась чем-то немислимым. Сказать, что они дрались до последнего — значит не сказать ничего. Оппак не верил докладам своих командиров — теперь это были отпрыски не Харива, а Нарво и подчиненных ему коченов... пока, наконец, не покинул командный пост на орбите, чтобы увидеть все собственными глазами.

Такое могло повергнуть в ужас любое цивилизованное существо. Безрассудная ярость сочеталась в туземцах с омерзительной склонностью к самоуничтожению. Они не задумываясь шли на смерть, если это позволяло убить хотя бы одного джао. Они повсюду устраивали засады и не гнушались использовать в качестве приманки тела своих товарищей, братьев и детей. При этом их вооружение оказалось гораздо

более эффективным, чем предполагал Оппак, когда объявил доклады Харива пустой болтовней, придуманной лишь для оправдания.

Эти события глубоко потрясли Оппака — тогда он еще был *намт камити*, гордостью великого Нарво. Вот когда зародилась ненависть к людям, которая наполняла теперь каждую клетку его могучего тела. Это были отвратительные твари, голые и неуклюжие, оскорбляющие вселенную своим существованием. Их уродливые плоские лица ничего не выражали, они не обладали ни утонченностью, ни какими-либо добродетелями, у них не было понятия о *витрик*. Да, Оппаку удалось победить их, но не в битве, а лишь после того, как он отдал приказ о немедленном уничтожении целого района, а затем еще раз, потому что люди не успокоились и попытались взять реванш на южном побережье континента.

Тогда Оппаку казалось, что худшее позади. Но один планетный цикл сменялся другим, а ситуация не улучшалась. Управлять этими злобными тварями оказалось не легче, чем заставить их покориться.

До сих пор в этих порожденных мерзостью горах сохранились очаги сопротивления... равно как и на других территориях, других континентах. Можно с легкостью превратить лагерь этих паразитов в пыль — в этой планетной системе достаточно крупных каменных глыб. Но превращать половину планеты в непригодную для существования пустыню? К тому же тогда всем станет ясно, что он, Оппак кринну ава Нарво, не смог победить этих голых вырожденцев, что он просто распугал их, а теперь они попрятались по своим норам и плодятся там, восполняя потери. Но и это еще полбеда. Время течет все быстрее, и его течение несет в сторону Земли Экхат, если только прогнозы были верны. Тратить силы и средства на то, чтобы справиться с людьми — недопустимое расточительство. Хватит того, что на этой планете погибло больше воинов и техники, чем в любом из миров, покоренных джао. Даже сейчас на Земле приходится держать многочисленные гарнизоны, чтобы просто не допустить бунта. И что толку в обширных ресурсах планеты, если их невозможно использовать в войне с Экхат? Если этот факт всплывет на поверхность, лишь немногие в Наукра Крит Лудх оставят его

без внимания. Оппак почти не сомневался: Гончие уже почувствовали запах и заподозрили неладное.

Безумие. Он не представлял, как выплыть из этого водоворота. По крайней мере, так, чтобы спасти свою репутацию и все, что она обеспечивала. Это началось слишком давно, продолжалось слишком долго... И только себе Оппак мог признаться: держать ситуацию под контролем становится все труднее. Пожалуй, не только ситуацию, но и собственный разум. А иногда... иногда ему не удавалось даже это.

Но сейчас ему как никогда необходимо мыслить здраво. Очевидно, Плутрак решил, что власть Нарво на Земле слабеет. И решил поступить также, как прежде поступил сам Нарво: послать своего *намт камити*, чтобы бросить вызов.

Но копаться в себе — не в обычаях Нарво. Этот путь ведет к бездействию. Взгляд истинного Нарво всегда обращен вовне, а не внутрь. Отпрыски великого кочена смотрят в лицо Вселенной, предпочитая направлять поток, а не следовать ему. Да, Оппаку удалось победить Джиту, но Эйлле не сможет его победить. Потому что ему придется иметь дело с Нарво, а не с Харивом. Оппак уничтожит этого утонченного выскочку.

Наконец он позволил воде вытолкнуть себя на поверхность и заморгал, чтобы разглядеть предусмотрительно лишенное выражения лицо Дринна — смотрителя дворца.

— Транспорт готов, Губернатор. Вы можете воспользоваться им, когда вам будет угодно.

Оппак ухватился за плоские черные глыбы, выбрался из воды и отряхнулся.

— А женская особь?

Ни одна вибриса Дринна не дрогнула.

— Какая, Губернатор?

— Отпрыск Стокуэлла. Она все еще здесь?

— Вы не давали ей разрешения покинуть дворец.

Вот как? Губернатор почувствовал, что наслаждается звучанием этой фразы. Он так старался не обращать на нее внимания, что на какое-то время и в самом деле забыл о ее присутствии. Но была еще одна причина для радости. Хитрость, задуманная давным-давно, удалась — по крайней мере, все говорило об этом. Маленькая самка очень усердно стала изучать языки джао после того, как Оппак усмирил ее брата

по выводу. Сейчас произношение у нее куда лучше, чем было у ее брата — трудно ожидать большего от человека. А главное, она неплохо владеет Языком тела. Ее навыки очень пригодятся, когда придут Экхат и нужно будет убедить ее соплеменников сражаться и умереть.

Что же касается ее отца... Время Бена Стокуэлла иссякает. Оппак устал от его мелких хитростей, с помощью которых старый самец надеялся улучшить положение людей. Старый... Похоже, люди стареют куда быстрее, чем джао. Если все пойдет как задумано, Оппак должным образом воспитает младшую Стокуэлл, потом подавит ее отца и назначит ее президентом. Кого еще, если не отпрыска кочена Стокуэлл, столь много воспринявшую у джао?

— Передай ей, что она будет сопровождать меня во время китовой охоты, — сказал Оппак. Он хорошо помнил, как померчнела эта ава Стокуэлл, услышав о предстоящем мероприятии. — Пусть ее немедленно отведут в мой транспорт.

В черных глазах Дринна засверкали изумрудные искорки злорадства. Он принял великолепную позу «почтение-и-понимание», однако положение кончиков его ушей добавили ей легчайший оттенок «предвкушения-удовольствия».

Оппаку нравилась утонченность тройственных поз, хотя сам он был слишком занят, чтобы в этом упражняться.

— Да, — пробормотал он. — Обучение даром не проходит.

Смотритель скрылся за голубым сиянием дверного поля. Оппак позволил себе с сожалением окинуть взглядом просторный зал, где гуляло эхо, и его вибрисы дрогнули. Как ему будет не хватать этих бассейнов с тщательно составленным ароматом! Но охотиться предстоит в океане. Конечно, этому океану далеко до Корнат Ма с его величественными зелеными волнами. Но когда еще ему доведется увидеть Пратус? К тому же... Да, эта планета омерзительна, но принадлежит ему, Оппаку. Так почему бы не воспользоваться хотя бы теми жалкими развлечениями, которые она может предложить.

Все остальное сделает отпрыск Стокуэлла.

На побережье залива Эйлле предстояло отправиться на транспорте из парка Тихоокеанской дивизии — заслуга Кла-

рика. Это позволяло взять с собой не только свой штат, но и весь батальон джинау в качестве почетного караула. Удивление, с которым генерал наблюдал вчера за беседой джао с ветеранами, все возрастало. Все утро этот Эйлле смотрел на них так, словно хотел запомнить каждого в лицо. Кларик ожидал, что вопросы будут формальными, а ответы — выслушиваться просто для вида. Но нет. Во время беседы Эйлле делал пометки или просил об этом своего фразгу, а если чего-то не понимал или хотел уточнить, вежливо и терпеливо переспрашивал.

Это не мешало Эйлле оставаться джао — чуть высокомерным, неизменно исполненным чувства вседозволенности и превосходства над людьми. Похоже, это у них врожденное. Но, черт возьми, он не просто слушал, но и слышал то, что ему говорили! Ни разу в жизни Кларик не видел, чтобы джао — да еще и занимающий столь высокий пост — снисходил до такого.

Мало того: Субкомендант взял к себе в подчинение не одного человека, а троих! Это было просто неслыханно. Кларик еще мог объяснить, почему выбор пал на Райфа Агилеру. В конце концов, он ветеран Завоевания, бывший танковый командир... чертовски хороший командир, судя по отчетам. Учитывая, что на юге, в Пасагуле, в ведении Субкоменданта находилась модернизация вооружения, в том числе танков... Скорее всего, Эйлле кринну ава Плутраку потребовался компетентный и опытный консультант, способный объяснить, как обращаться с грубой и примитивной человеческой техникой.

Но зачем ему нужен Гейб Талли? Дураку ясно, что этот парень как минимум сочувствует Сопротивлению, и Кларик подозревал, что не только сочувствует. В каждом его движении сквозит непокорность, как ни пытается Талли это скрыть. А как-то раз рукав его рубашки задрался, и Кларик заметил, как на запястье что-то блеснуло. Локатор — устройство, с помощью которого джао не дают своим пленникам сбежать. Значит, особым доверием Субкоменданта Талли не пользуется.

Во всяком случае, за этим типом нужен глаз да глаз, особенно после высадки на побережье. А что будет дальше, зависит от Субкоменданта. Если он не будет следить за поведением своего подчиненного слишком строго, с какой стати вам напрягаться, генерал-майор Кларик?

Несколько лет назад джао передали в распоряжение Тихоокеанской дивизии несколько своих транспортов. По глубокому космосу эти посудины свое уже отлетали, а вот для суборбитальных перелетов вполне подходили, особенно после небольших переделок и доработок. В результате появилась возможность в весьма короткие сроки перемещаться в любую точку планеты. Один из этих кораблей Кларик и передал в распоряжение Субкоменданта и его свиты.

Позже выяснилось, что блистательный отпрыск Плутрака решил взять лишь четверых своих подчиненных, включая фрагту. По слухам, было еще двое — женская особь джао и человек. Но эту парочку оставили в Паскагуле. Видимо, для них там было достаточно работы.

Предыдущий Субкоменданта — вернее, Субкомендантша, Пинб кринну ава Харив, — занимала свой пост еще во времена Завоевания. Но леди уже тогда была не первой молодости, а теперь и подавно вышла из возраста, когда Субкоменданту необходим фрагта... Старушка становилась рассеянной, а потому частенько забывала, что еще не вышла в отставку. Ее личный штат состоял из пяти десятков джао, столь же активных и энергичных, как и мадам Пинб.

Похоже, Эйлле кринну ава Плутрак искупал количество качеством. Можно не сомневаться: новый Субкоменданта уже сейчас знает о каждом из своих джинау больше, чем Пинб потрудились выяснить обо всех скопом за пятнадцать лет. Интересно, что из этого выйдет.

С одной стороны, находиться в подчинении у Пинб было сущим блаженством. Как и все джао, она презирала людей. Но в отличие от большинства джао — не только людей, но и лично Губернатора, а заодно и всех Нарво и всех отпрысков союзных ему коченов. Пользуясь этим наплевательским отношением к делу, Кларик частенько действовал так, как он считал нужным. Но именно из-за наплевательского отношения Субкомендантши Тихоокеанская дивизия пребывала ныне в плачевном состоянии. Кларик все-таки был прежде всего солдатом. Опытным, хорошим, но солдатом. Вот если бы удалось поладить с этим красавцем в черной маске — а пока все к тому и шло... Тогда, пожалуй, можно было бы вздохнуть спокойно. Армия должна находиться в твердых и умелых руках,

а если эти руки покрыты золотистым пухом... Ну что ж, у всех свои недостатки.

Субкомендант проснулся рано и с удовольствием искупался в бассейне. Этот бассейн был построен в расчете на людей, еще до оккупации, но теперь людям в нем плавать не разрешалось — только офицерам джао... которые им не брезговали.

Кларик застал Эйлле в комнате, временно предоставленной Субкоменданту в качестве кабинета, за изучением отчетов. Его фрагта по имени Яут, Талли и еще одна джао из личного штата Эйлле, тощая женская особь, выстроились в шеренгу у него за спиной. Воздух в комнате был спертый, под потолком жужжала муха. В тот момент, когда за спиной генерала хлопнула старомодная дверь, Субкомендант поднял голову и посмотрел в его сторону.

Кларик не стал салютовать — джао не видят смысла в этом жесте, а из людей в комнате был лишь Талли. Возможно, он был военнотружашим, но это еще предстояло выяснить.

— Транспорт к отлету на побережье готов, сэр. Мы можем отправляться, когда вам будет удобно.

— Я хочу забрать из дворца Губернатора кое-кого из гостей, — проговорил Эйлле. Его ворс еще не высох после купания. Кларику не доводилось слышать, чтобы джао пользовались полотенцами.

— Дайте мне список, сэр, — сказал он. — И я вышлю за ними машину.

— Та женская особь, что сопровождала вас вчера. Если я правильно помню, она из кочена Стокуэлл, ее имя... Кэтлин. Если она пожелает, то может взять с собой одного или двоих сопровождающих. Об этом справитесь у нее самой.

— Вы имеете в виду дочь президента?!

Эйлле не ответил, считая ответ очевидным.

— И спросите у нее, свободна ли она в данный момент от официальных назначений. С ее знанием нашего языка и поз она кажется весьма ценным служащим.

Вот так поворот. Кларик прищурился, но больше ничем себя не выдал. Да что он, с луны свалился, этот Эйлле? Где он видел, чтобы джао зачисляли в штат людей? Вот если бы

человек нанял такую цыпочку в качестве секретаря... Н-да. Похоже, этот Плутрак и в самом деле из другого теста слеплен.

— Слушаюсь, сэр. Я прослежу, чтобы ваш приказ был выполнен немедленно.

Кларик уже мысленно подсчитывал количество посадочных мест. Скорее всего, Кэтлин Стокуэлл придется тащить с собой эту чванную каракатицу — Банле, или как там ее. И, возможно, профессора. Он явно сопровождает ее не просто так. Либо это ее гувернер, либо они оказались вместе случайно и нашли общую тему для разговоров. Генерал подписал приказ и направил во дворец лейтенанта Хокинс. Если повезет, меньше чем через два часа транспорт уже будет в воздухе.

Эйлле как раз располагался в личном купе, когда туда заглянул Кларик. Талли и Агилера утопали в огромных креслах, предназначенном для джао, и напоминали восьмилетних мальчишек, которые решили поиграть во взрослых.

— Сэр?... — Кларик вопросительно посмотрел на Субкомменданта, но больше ничего не сказал и отвел глаза. В позе генерала была неуверенность, которая скрывала... что? Трепет? Страх?

— Что случилось? — терпеливо спросил Эйлле.

— Мисс Стокуэлл не сможет присоединиться к нам.

Эйлле рискнул придать своей позе вопросительный оттенок — но только за счет наклона ушей. Судя по поведению Кларика, тот сообщил далеко не все.

— Она... — Кларик шагнул в каюту — нехотя, как показалось Эйлле. — Мисс Стокуэлл уже вылетела в Орегон вместе с Губернатором Оппаком. Полагаю, мы встретимся с ней, как только прибудем на побережье, если у Губернатора не будет других планов.

— Это означает, что она состоит на службе у Губернатора? Неудивительно, если это так, подумал Эйлле.

— Мне это неизвестно, сэр.

— Ничего страшного, — Эйлле потянулся за своей панелью и сделал какую-то пометку. — Либо она будет присутствовать там, либо нет.

— Так точно, сэр, — отчеканил Кларик и вытянулся.

Судя по всему, в ситуации был какой-то скрытый подтекст, который был понятен генералу, но ускользнул от Эйлле. Субкомендант уже собирался задать Клариду еще пару вопросов, но воздержался. По крайней мере, этого не стоит делать при Талли, который сегодня уже успел отличиться. Следующая выходка могла привести к тому, что Яут «усмирил» бы его, а разрешение на столь радикальную меру пресечения получил бы задним числом. Не исключено, что именно этого Талли и добивается. Эйлле решил не поддаваться на провокацию, но порой этот человек его... скажем так, утомляет.

В этот момент дверь приоткрылась, и в каюту заглянул еще один человек — черноволосая женская особь.

— До старта пять минут, сэр, — сказала она. — Я хотела убедиться, что все пристегнулись.

Крепкая, широкоплечая, она немного напоминала одну из кочен-матерей Плутрака, которая служила в дальней разведке и с которой Эйлле за всю свою жизнь встречался лишь два или три раза.

— Вы пилот? — спросил он.

— Так точно, сэр, — она спокойно встретила его взгляд — Эйлле сталкивался с таким не впервые. — У вас будут какие-либо пожелания?

— Я хочу пройти в рубку и понаблюдать за стартом. В свое время мне пришлось много тренироваться, чтобы стать хорошим пилотом, но у меня не было случая управлять подобным судном.

— Боюсь, там нет места для наблюдателей, — ее лицо застыло, словно все мышцы напряглись одновременно. — Разве что только вторым... О, простите... Осмелюсь предложить вам место второго пилота.

Эйлле заметил, что суставы ее пальцев, сжимающих косяк двери, побелели, а губы напряглись и стали тоньше. «Братя неопытного второго пилота — значит подвергать корабль опасности», — вот что она хотела сказать. Но почему не сказала?

— Значит, в другой раз, — ответил Эйлле. — Думаю, во время какого-нибудь тренировочного полета. Хороший командующий должен знать сильные и слабые стороны техники, с которой работает.

— Слушаюсь, сэр. Я извещу вас, когда будет назначен следующий тренировочный вылет.

Она отсалютовала и закрыла за собой дверь. Эйлле услышал, как захлопнулся внешний люк, и смущенно поглядел на Талли и Агилеру.

— Я не вполне понял, что произошло. Очевидно, она не хотела, чтобы я занял место второго пилота. Но почему она не решилась прямо высказать свое мнение?

Техник замаялся.

— Вы поставили ее в трудное положение. Она боялась отказать вам.

— Но она была обязана это сделать, — сказал Яут. — Ее нерешительность могла привести к гибели корабля.

Талли стукнул кулаком по спинке кресла.

— Вы что, не понимаете? Никто на этой планете никогда не осмелится сказать «нет», если джао сказал «хочу»! Это может быть опасно для здоровья!

Яут уже занес руку для очередной оплеухи. Но Эйлле быстрым движением отстранил его.

Что-то в этом было...

Быть может, дело не просто в злобе и неуважении?

Эйлле посмотрел на Агилеру. Этот человек смел. И не склонен к приступам бессмысленного негодования.

— Он говорит правду?

Бывший танковый командир посмотрел на Талли, и его губы странно изогнулись, словно в рот ему попало что-то невкусное. Он *огорчен*, решил Эйлле.

— Так точно, сэр, — Агилера кивнул. — Я бы сказал, в изрядной степени прав. Конечно, он немного преувеличивает — ну, это он как всегда. Например, Нэсс всегда к нам справедлива. Ну, еще парочка зрителей — тот же Чал кринну ава Монат. Кое-кто из охранников. Я имею в виду Пасагулу. Но... да. Обычно все так и выходит. Если имеешь дело с джао, лучше говори им то, что они хотят услышать, а то нарвешься на неприятности.

Эйлле и Яут посмотрели друг на друга. Плоские уши фрагты сейчас выражали скорее «возмущение-поведением-другого», чем «откровенный-гнев».

— Шестьдесят секунд до взлета, — произнес в динамиках интеркома мужской голос. Двигатели предостерегающе

загудели, по стенам побежала мелкая дрожь. — Просьба убедиться, что ваши ремни безопасности пристегнуты, а личные вещи убраны на время полета.

Эйлле и Яут заняли свои места напротив Талли и Агилеры. Субкомендант задумчиво посмотрел в окно.

— Ты был прав.

Яут хмыкнул.

— Не просто «прав». Все гораздо хуже, чем я думал. У людей даже есть фраза на этот случай, — впрочем, они любят выражаться витиевато, когда речь идет о каком-нибудь безумии. «Убить гонца, который принес дурную весть».

Эйлле повернул голову и посмотрел на своего наставника.

— Объясни.

— Ее нужно понимать буквально. Очевидно, в обычае людей — по крайней мере, такое происходит часто — наказывать того, кто сообщает неприятную информацию. Иногда его могут даже подавить.

Транспорт начал подниматься. Эйлле смотрел вниз, где удалялась земля, и не мог отделаться от ощущения, что видит огромную гноящуюся рану. Даже полоски воды внизу казались царапинами, которые воспалились и не заживают.

— Нарво слишком очеловечился, — негромко произнес Яут. — Я думал, что это беда младших по званию, но теперь вижу, что эта болезнь поражает всех.

Эйлле хотел было выразить согласие... и вдруг понял, что с ним происходит то же самое. Перенимать обычаи людей, очеловечиваться... Правда, он делал это почти сознательно.

И вдруг понял, что достраивает позу. На размышления хватило секунды. И с огромным облегчением — и удовлетворением — увидел, как Яут кивает в ответ.

Фрагта — тот, кому доверяешь как самому себе и больше, чем себе. Эйлле не нарушал обычаи, а следовал ему. Об этом говорила мудрость Плутрака. Никогда не бойся объединения, если оно проводится во благо и должным образом.

Нарво этого сделать не сумел. Нарво потерпел провал — самый серьезный, какой только может выпасть на долю кочена. И только усугубил ситуацию, пытаясь скрыть свое поражение — подобно тому, кто замазывает гнойник, вместо того, чтобы его лечить.

Да, именно лечить. Объединение было неизбежно, как это всегда происходило. Но оно стало скорее проблемой, а не опорой. Завоеватели перенимали лишь недостатки людей, отбрасывая все остальное. Именно потому, что видели в людях лишь недостатки. Такова месть этой странной расы. Расы, которая будет терпеть поражение — раз за разом, — но никогда не покорится.

Но как такое случилось? Смысл завоевания — в объединении, и ни в чем другом. Вот еще одна истина, которую Эйлле усвоил в числе первых. Он как наяву видел позу Брема, с которой тот сообщал ее внимательным детенышам.

И Эйлле немедленно воспринял ее как нечто очевидное. Быть может, именно тогда он и стал *намт камити*, каким его сейчас считают — лучшим в выводке? Да, он был первым. Но никогда не отталкивал остальных и тем более не подминал их под себя. Он рос вместе с остальными, а не наперекор им, поддерживал их, чтобы потом они, в свою очередь, могли стать опорой для него.

И все-таки, как такое могло произойти?

Полет подходил к концу, когда он нашел ответ. Кажется, нашел.

Во многих отношениях Нарво был благословением для джао. Самый могущественный из коченов, самый яростный в битве, самый выносливый после победы, самый отважный в поражении.

Плутрак очень ценил это и многократно пытался заключить союз с этим коченом. Но Нарво постоянно отвергал их. И Плутрак не был бы Плутраком, если бы забыл хоть на миг о том, как опасен бывает путь силы.

Корабль приземлился, и Эйлле встал.

— Утонченный, как Плутрак, — пробормотал он, обращаясь к самому себе, равно как и к Яуту.

— Да, — отозвался фрагта. — Нельзя завязать узлом скалу. Пока Нарво здесь, никаких связей не будет. Теперь это ясно. Пришло время вступить в бой.

Если решение принято, не стоит откладывать.

Эйлле жестом остановил Талли и Агилеру, когда они поднялись и хотели покинуть каюту первыми.

— Я никогда не обвиню вас в неуважении, бесчестии или неверности, если вы сообщите мне правду, — сказал он.

Две пары глаз уставились на него. Потом Агилера энергично кивнул. Талли чуть помедлил и отвернулся.

Итак, победа. Даже две победы. Пусть небольшие... но победы.

Глава 19

После изнуряющей августовской жары в Оклахоме побережье залива в Орегоне радовало свежестью. Стоя на краю утеса, Кэтлин следила за волнами в белых шапках пены, которые с упорной яростью бросались на черные камни и разбивались вдребезги. Прямо у ее ног начиналась деревянная лесенка с многочисленными изгибами, по которой можно было спуститься на пляж, похожий на край почтовой марки. С ветром с океана долетали прохладные брызги, его порыва ерошили коротко стриженные волосы девушки.

Она уже знала, что находится неподалеку от резервации индейцев мака. Орегон был домом мака.

Они бродили по этим скалам еще в те времена, когда никому не могло прийти в голову, что на других звездах тоже живут разумные существа. Возможно, индейцы считали джао богами или демонами, которые прибыли издалека и навязали людям свою волю. В общем, мака были не слишком далеки от истины.

Сейчас воля богов заключалась в том, чтобы мака выбрали несколько охотников и предоставили их в распоряжение властей. Правда, охотники сочли своим долгом предупредить, что сейчас для китовой охоты не самый подходящий сезон. Лучше охотиться осенью, советовали они. Тогда у серых тихоокеанских китов начнется период миграции, их мясо и жир станут более сочными. Конечно, мака с радостью возглавят охоту и поделятся всеми своими секретами.

Само собой, ждать три месяца Оппак не собирался. Охота должна была состояться немедленно, даже если бы для этого пришлось поднять еще один корабль и доставить пару китов в бухту. Кэтлин вздрогнула. Ужасно. Такое чувство, что джао

намеренно перенимают у людей все недостатки, превращаясь в какую-то нелепую карикатуру.

Но что поделать? Любая попытка остановить Оппака только усугубила бы ситуацию. Он заставил ее присутствовать при этом отвратительном представлении. Так что придется играть роль, которую навязал ей Губернатор — внимательной, слушающей гостью... и надеяться, что все скоро закончится.

Неподалеку рос «хэнт» — временная постройка, напоминающая формой и назначением походный шатер, а размерами — средних размеров виллу. Его строили так, как принято у джао — отливали из материалов, которые сами принимали заданную форму, а не собирали из мелких частей. Здесь Губернатору и его гостям предстояло обитать до конца охоты.

Скорее всего, бассейна внутри не будет. Но зачем нужен бассейн, если в твоём распоряжении весь Тихий океан? Сегодня вода казалась почти изумрудной, неровные гряды волн тянулись до самого горизонта, словно рваный облачный слой. Им до этого нет дела, с грустью подумала Кэтлин. Им вообще чем меньше солнца, тем лучше.

— Тебя хотят видеть, — слышался чуть ли не над головой голос Банле. Как обычно, она не назвала девушку по имени — это означало признать ее чем-то значительнее ручной мартышки. Обернувшись, Кэтлин взглянула на полосатую физиономию охранницы.

— Кто?

— Губернатор, — в повороте плеч и наклоне спины появился чуть заметный оттенок неодобрения.

— Значит, придется идти, — отозвалась Кэтлин. Да, недолго ей довелось наслаждаться свобо...

Оглушительная пощечина оборвала ее мысли. Непроизвольно ахнув, Кэтлин покачнулась, оказавшись в опасной близости от края обрыва, и прижала ладонь к щеке. Впрочем, этого следовало ожидать. Ее фраза, а в еще большей степени — интонация и движения — свидетельствовали о неуважении. Банле слишком давно находилась с Кэтлин и хорошо распознавала такие тонкости.

— Он обратил на тебя внимание, — в голосе охранницы зазвенели металлические нотки. — Многие сочли бы это за честь!

Например, ты, подумала Кэтлин. Щека пульсировала. Можно не сомневаться: скоро ее будет украшать роскошный синяк.

— Поторопись, — буркнула Банле, грубо проталкивая ее вперед.

Когда они подошли, оказалось, что строительство хэнта почти завершено. Как и все постройки джао, он весь состоял из скругленных поверхностей, перетекающих друг в друга. Зализанных, зло подумала Кэтлин. Будь она джао, ее взор вдоволь наслаждался бы пресловутой «текучестью» этих форм. Но увы, человеку не дано понять, в чем эта «текучесть» заключается. Порой казалось, что джао нарочно придумали ее, чтобы сбивать людей с толку.

При входе Кэтлин подверглась тщательному досмотру со стороны охранников-близнецов. Лишь после этого ее протолкнули сквозь дверное поле, столь высокой частоты, что у нее заныли зубы.

Внутри оказалось просторное полутемное помещение, за которым начинался лабиринт извилистых коридоров. В воздухе остро пахло тлеющим таким — утонченный аромат, способный привести в восторг ценителей букета жженой резины.

— Мисс Стокуэлл, — Дринн, начальник личной службы Губернатора, сделал приглашающий жест, указывая куда-то в облака сизой дымки. — Губернатор хочет с вами поговорить.

Следуя в указанном направлении, Кэтлин зашагала по коридорам, пока не оказалась в задней комнате, еще более просторную, чем прихожая. Опкак кринну ава Нарво оторвал взгляд от голограммы, изображающей человеческий парусник в океане, и посмотрел в ее сторону.

— Примите какую-нибудь позу, — произнес он без предисловий.

Кэтлин вздрогнула и остановилась, словно наткнулась на невидимую стену.

— Простите?

— Я наблюдал за вами на приеме, — пояснил Опкак. — Вы освоили почти полный набор общепринятых поз — по крайней мере, способны их принимать. Примите какую-нибудь позу. Я хочу оценить уровень вашего мастерства.

На миг ей показалось, что сердце вот-вот выскочит. Но руки уже поднимались, воспроизводя положение «удивление»

и-скромность». Потом плечи, голова, торс... Пожалуй, это был не лучший выбор — наклон головы не мог отразить должного разворота ушей. Но с другой стороны... Человек в принципе не способен полностью воспроизвести позу джао именно потому, что его уши неподвижны. Поза будет в любом случае «кусеченной», это неизбежно. Остается лишь постараться выразить хоть что-то осмысленное.

— Любопытно, — произнес Оппак, разглядывая ее, словно призывую корову на животноводческой выставке. — А сейчас я хочу увидеть что-нибудь более сложное. «Смущение-и-почтение», например. Или нет... пожалуй, «любезность-и-безразличие».

Кэтлин покраснела.

— Могу я спросить, что все это значит, Губернатор?

— Нет, — его золотисто-рыжее лицо выглядело вполне доброжелательным. — Если я велел вам продемонстрировать свое владение Языком тела, вы так и сделаете.

Помни о Бренте, Кэтлин. Тогда у Губернатора тоже не было причин, чтобы... сделать то, что он сделал. Джао — абсолютные правители Земли, и Оппак — живое воплощение этой власти. Если он сказал «делай», ей действительно останется лишь подчиниться... и надеяться, что уровень ее мастерства устроит взыскательного зрителя.

Кэтлин исполнила «смущение-и-почтение», «любезность-и-безразличие», потом «благоговение-и-почтение», «стремление-к-постижению», меняя позу через каждые тридцать секунд, потом через каждые двадцать, потом через десять... Сердце бешено колотилось, вдоль позвоночника текла струйка пота. Едва приняв позу, она уже обдумывала следующую, представляла, как сделать переход более изящным, как без лишних движений распрямить пальцы и тут же сложить ладони чашей... Снова, снова, снова. Она перестала задумываться, она просто *перетекала* из одной позы в другую, в третью, в четвертую. Ради бедного Брента. Ради всей своей семьи. Ради Земли. Она сделает все, как следует. Она не подведет...

— Довольно!

Девушка испуганно подняла голову и встретила взгляд мерцающих иззелена-черных глаз Губернатора Оппака.

— Кто вас обучал?

— Официально — никто... — Кэтлин внезапно почувствовала, что еле дышит, а мышцы свело от напряжения. — Я наблюдала за Банле и за другими джао, которые появлялись у нас дома.

— Вы и в самом деле имитируете стиль Нарво... хотя довольно грубо, — сказал Губернатор, глядя поверх ее головы, словно там находилось нечто невидимое. — Так не годится. Вы будете двигаться как Нарво, но научитесь делать это как следует, чтобы не опозорить наше доброе имя.

Господи, что еще от нее потребуют?!

— С этого момента вы у меня на службе. Я выпишу для вашего обучения дизайнера поз. Надеюсь, на этой отсталой планете найдется хотя бы двое, — Губернатор пристально посмотрел на нее. — Вы будете учиться — и учиться как следует, чтобы впоследствии принести наибольшую пользу.

— Впоследствии? — беспомощно переспросила Кэтлин, хотя знала, что объяснений не последует.

— У меня есть определенные планы на ваш счет. Остальное вы узнаете, когда течение позволит вам принести пользу. А до тех пор... — его взгляд стал тяжелым, каждый изгиб огромного тела отчетливо выражал «свирепость-и-предостережение», — вы будете прилежно учиться.

Либо разделите судьбу Брента. Действительно, объяснения излишни. Она будет совершенствовать свои навыки, пока не сможет занять место в планах Губернатора.

В противном случае ей придется умереть.

Солнце светило ярко, небо было голубым, а не серебристо-зеленым. Иначе Эйлле мог бы представить, что оказался дома, на Мэрит Эн. Соленый морской воздух, терпкий аромат водорослей, гул волн, разбивающихся о камни — совсем как тот, чей голос раздавался под сводами бассейна рождения. Казалось, достаточно закрыть глаза и восстановить в памяти некоторые детали — и будет невозможно понять, где ты находишься.

Будь он Губернатором, он возвел бы дворец именно здесь, а не на том иссушенном клочке земли, запертом в центре материка. Ради чего Оппак лишил себя наслаждений, которые дарит это побережье?

Яут подошел ближе и тоже начал вглядываться в беспокойное, покрытое белыми шапками море.

— Приятный вид.

Вот и все, что он сказал. Однако поворот его ушей и танец вибрис говорили о большем.

— В самом деле, — отозвался Эйлле. Он уже изнывал от желания погрузиться в эти восхитительные волны... но прекрасно знал, что Оппак заставил их проделать столь дальний путь не для того, чтобы дать возможность повеселиться. Да, все это затевалось якобы в его честь. Но на самом деле Губернатор просто хочет что-то доказать... Но что и кому? Самому себе? Ему, Эйлле? Может быть. Остальным джао? Это более вероятно. А скорее всего — людям.

Губернатор постоянно пребывал в напряжении. Это толкало его на все более безрассудные поступки, ситуация ухудшалась, напряжение росло... На этой планете Оппак кринну ава Нарво чувствовал себя как в ловушке.

И неудивительно, подумал Эйлле. Оппак все еще ожидает, что его позовут домой, и не без оснований. Отпрыску в его возрасте, занимающему столь высокое положение, невыносимо находиться вдали от брачных групп своего кочена, так ни разу и не пройдя спаривание. Что говорить о том, кто когда-то он был *намт камити* великого Нарво.

Один из подчиненных Оппака уже сообщил Эйлле, что судно, на котором они должны будут охотиться, прибудет только к следующему солнцу. Сейчас Субкомендант привычным взглядом оглядывал горизонт. Он отметил темно-синие облака, которые собирались вдали, оценил высоту волн, которые бросались на черные зубцы скал, потом его ноздри дрогнули, лоя запах ветра.

— Будет шторм, — сказал он. — Возможно, завтра выйти в море не удастся, даже если судно прибудет вовремя.

— В самом деле, — нос фрагты сморщился, словно брызги щекотали ему лицо. — Однако советую тебе не спешить. Пусть эту новость принесет кто-нибудь другой. Убивать гонца — это безумие, но если оно становится обычаем...

Не нужно быть хитрым старым фрагтой, чтобы это понять. Он, Эйлле кринну ава Плутрак, уже стал гонцом, который принес Оппаку дурную весть.

— За всю историю между Плутраком и Нарво никогда не возникало связей, — проговорил он. — И я начинаю понимать, почему.

— Постарайся скрыться у него из виду при первой же возможности, — Яут как будто не слышал его слов. — Сомневаюсь, что он призовет тебя еще раз. Затаись и готовься к битве.

— Почему Нарво так яростно противопоставляет себя Плутраку? — Эйлле повернулся, их взгляды встретились. В глазах фратты пульсировали зеленые вспышки непонятного настроения. — Мне об этом никогда не рассказывали.

— В каком-то смысле это обычная ссора коченов, — неохотно проговорил Яут. — Но настоящая причина восходит к Временам-до-Времени. Какая из линий первой сбросила владычество Экхат? Неизвестно. Мы считаем, что первым был Плутрак, и в это верят большинство джао. Однако Нарво всегда настаивали, что первенство принадлежит им. Не исключено, что они правы. Вообще, этот вопрос имеет для Нарво куда большее значение, чем для нас. Может оказаться, что первым был какой-то третий кочен, которому не удалось уцелеть — кто знает? Пока нет способа доказать или опровергнуть чьи-то притязания, а уступить... Что если первенство принадлежит той стороне, которая его уступила?

Эйлле беспокойно шевельнул ушами. Он почти наяву ощущал упругость соленых волн, которые неукротимо бушевали под обрывом.

— Неужели это так важно? Ведь прошло так много времени! Сейчас мы сражаемся с Экхат, и борьба становится все более ожесточенной. Это наша общая забота, самая важная, и она должна нас сплотить, а не разобщить.

— Верно. Но Оппак уже не в состоянии трезво оценивать то, что происходит за пределами этой планеты. Он больше не чувствует течения.

Эйлле замер.

— Ты уверен?

— Вспомни то чудовищное сооружение, в котором он обитает. Это не жилище джао, но и не жилище человека. Оно не стало ни тем, ни другим ни снаружи, ни внутри. И если бы только это! Вспомни, кого он держит при себе, вспомни его

манеры, его позы. Слишком напыщенно, слишком разнородно. А главное, он не стремится к единству с самим собой. Он выращивает бесполезные растения и позволяет этому переросшему солнцу облучать свое жилище. Он зашел в тупик, он заразился культурой этого мира, которую отказывается признать, а теперь не может найти выход из положения. Такова цена, которую победитель платит всегда, если не обуздывает свою ярость и ненависть, когда этого требует течение. Завоевание и победа в битве — не одно и то же.

Утрата чувства течения... Это означает, что ты больше не в состоянии оценить свое место в потоке времени или предсказать, когда и как будут развиваться события. Ты начинаешь действовать не вовремя и даже не всегда это понимаешь. Ты становишься времяслепцом. Как люди.

Ветер крепчал, к аромату моря и водорослей уже примешивался запах дождя.

Разумеется, это поможет победить Оппака. И все же Эйлле позволил себе ощутить мгновение глубокой скорби. Этот отпрыск когда-то был лучшим. Ни одному джао, даже безродному, нельзя было пожелать подобной участи.

— Я собираюсь спуститься поплавать, — произнес Эйлле. — Ты со мной?

Яут повернулся к утесу, словно оценивая предложение, потом отступил и застыл в позе «покорности-и-смирения».

— Талли остался в хэнте с Агилерой и Тэмт, они помогают подчиненным Оппака отливать последние формы. В Агилере я уверен, но по-прежнему не знаю, чего ожидать от Талли, если за ним не присматривать. Мы привезли его с собой, а значит, отвечаем за его поступки.

Он склонил голову и, повернувшись спиной к ветру, направился туда, где блестели на солнце черные стены хэнта.

В этот момент Эйлле заметил, что в отдалении остановилась группа дряхлых машин, из них высыпали люди. Кажется, они машут руками, кричат... Однако ветер дул с моря, унося их голоса.

Похоже, что-то пошло не так. И от купания придется отказаться.

* * *

Талли услышал крики и лишь потом заметил машины. Как и предполагал Яут, он помогал рабочим, и они только что закончили отливку последней формы. Основная сложность заключалась в том, чтобы держать сопло в неподвижном положении, обеспечивая выход полужидкой массой под постоянным углом. Спина после этого болела немилосердно.

Разогнувшись, Талли поставил ладонь козырьком и украдкой выглянул из-за блестящей черной поверхности, которая почти успела затвердеть. При всей своей ненависти к джао, он не мог не отдать должное их методам строительства: быстрее и проще.

Собравшиеся кричали и размахивали над головами... какими-то... о, черт... Больше всего это напоминало зеркала — скорее всего, металлические транспаранты. Они отражали солнечный свет, и яркие блики были способны ослепить. Талли уже схватил «зайчика» и теперь моргал, пытаясь избавиться от пятен перед глазами.

Из хэнта показалась Кэтлин Стокуэлл. Как и требовали правила, она шла впереди Губернатора, ее лицо было бледным и измученным. Потом покрытая медно-красным пухом голова Оппака повернулась. Он окинул взглядом надвигающуюся толпу и сделал странное движение, похожее на танцевальное па. Талли находился неподалеку и все слышал.

— Что это? — осведомился Губернатор, обращаясь к одному из своих охранников.

— Группа аборигенов из соседнего населенного пункта. Они выглядят рассерженными. Прикажете рассеять их?

Ф-фу!!! Талли покачал головой. Знали бы эти идиоты с плакатами, куда прут! Если их начнут «рассеивать», кое-кто из них и костей не соберет. Джао очень серьезно относились к актам неповиновения и не видели большой разницы между полицейскими и военными мерами. Иногда «рассеяние» и «усмирение» становились синонимами.

Убедившись, что подача смеси прекращена, Талли бросил сопло и стал стягивать защитные перчатки. Интересно, удастся ли подобраться поближе и предупредить толпу, прежде чем чертов локатор сработает.

И тут из-за ближайшего холма появился Эйлле кринну ава Плутрак собственной персоной. Следом за ним бежал фрагта Яут. Кто бы сказал Талли, что он будет рад видеть джао, который бежит к нему, а не удирает... Уши Субкоменданта были настороженно повернуты вперед, и он скорее выглядел заинтересованным, чем рассерженным.

— Чего они хотят? — спросил он, подбегая к Талли.

Крики с каждой секундой становились все более громкими. К тому же надписи на некоторых плакатах уже можно было прочитать.

— Это они из-за кита, — сказал Талли. — Они хотят, чтобы мы вернулись откуда пришли и оставили китов в покое.

Глаза Эйлле вспыхнули зеленым. Точно светофор включил, подумал Талли.

— Найди их лидера. Пригласи его выйти вперед и высказать причины недовольства. Я выслушаю его от имени Губернатора Оппака.

— А если я не желаю слушать? — возразил Оппак, переходя на джао и оборачиваясь к Субкоменданту. Более естественной позы Талли видеть не приходилось.

— Разумеется, — ответил Эйлле. — Вам и не нужно их слушать. Этот вопрос слишком незначителен и не заслуживает вашего внимания. Я сам выслушаю этого человека, как и надлежит подчиненному. Затем я либо поправлю этих людей, как это сделали бы вы, либо прикажу им разойтись от вашего имени.

Оппак выдержал взгляд Субкоменданта и снова посмотрел в сторону толпы. Его вибрисы обвисли.

— Они нарушают течение. Это безобразно.

Со стороны передвижного склада показался Агилера. Они с Тэмт помогали готовить гидросмесь, и бывший танкист все еще держал в руках перчатки. Его волосы цвета соли с перцем слиплись от пота.

— Они не хотят причинить вам вреда, сэр, — выпалил он, обращаясь к Эйлле.

— Тогда зачем они пришли?

— Это не имеет значения, — вмешался Оппак. — Я хочу, чтобы их рассеяли!

Агилера беспомощно смотрел то на одного, то на другого.

— Позвольте мне поговорить с ними, сэр. Я уверен, что смогу объяснить им, как они заблуждаются.

— Пэх! — возмутился Оппак. — Разговоры здесь не помогут. Кстати, это и вас касается, ава Плутрак. Эти существа понимают лишь силу. И чем раньше вы поймете это, тем больше пользы сможете принести, — кончики его ушей нервно вздрогнули. — Или утонченность Плутрака требует избегать применения силы, если это возможно?

Талли заметил, как подобрался Яут. Это пахивает оскорблением, подумал он.

— Я взял с собой один из отрядов, недавно поступивших в мое подчинение, — произнес Эйлле. — И тех, кто находится в моем личном подчинении. Для меня было бы честью получить разрешение лично разобраться с ситуацией.

Услышав такое из уст джао, командующего войсками джинау, Оппак смог бы отказать лишь в одном случае — чтобы превратить скрытое оскорбление в явное. По крайней мере, очень похоже на то. Талли еще не успел разобраться во всех тонкостях, но одно уяснил точно. У «пушистиков» — особенно у крупных шишек, — все вертится вокруг понятий чести, пользы и статуса. Что именно они под этим подразумевали... А черт их знает.

Так или иначе, но его догадка подтвердилась. Губернатор Оппак развернулся и, не сказав ни слова, скрылся в законченном крыле хэнта.

Кэтлин Стокуэлл направилась было за ним, но вдруг остановилась.

— Пожалуйста, не причиняйте им вреда, — сдавленно проговорила она, обращаясь к Эйлле и стиснув руки. — Поблизости нет военных баз. Думаю, половина этих людей еще ни разу в жизни не встречалась с джао. Они не ведают, что творят!

Скорее всего, она была права. Талли шагнул вперед.

— Я с ними поговорю, — он искоса бросил взгляд в сторону Агилеры. — Только спустите меня с поводка... то есть отключите локатор. Иначе я не смогу подобраться достаточно близко.

Яут поморщился.

— Хорошо. Я передам пульт Агилере. Вы пойдете вдвоем, и проблема будет решена, — он повернулся к Талли. —

Если, конечно, ты не надеешься одолеть его силой и скрыться вместе с толпой.

Талли вздрогнул. Черт, а ведь ему такое даже в голову не пришло... Он стиснул зубы. Похоже, он терял контроль над ситуацией.

— Да наплевать. Дело не во мне. Просто я не хочу, чтобы этим несчастным придуркам бошки поотстреливали!

Агилера провел рукой по взъерошенным волосам.

— Что ж, тогда вперед. Нам лучше не тянуть. Потому что с моей ногой особо не побегаешь.

Через пару секунд они уже шли, путаясь в высокой траве. Внезапно Талли с досадой сообразил, что одет в синюю форму джинау. Чертов соглашатель, вот кто он такой.

Похоже, к такому же мнению пришел дюжий детина с рыхлой белесой физиономией, который с мрачным видом наблюдал за их приближением.

— Эй, прихвостни джао! — крикнул он и плюнул в их сторону. — Возвращайтесь к своим хозяевам!

Агилера остановился и сложил руки за спиной.

— Откуда вы?

— А тебе-то что за дело? — здоровяк вцепился в свой плакат, словно Агилера хотел его отобрать. На плакате было написано: «НЕТ — ЗВЕРСТВАМ В МОРЯХ ЗЕМЛИ!»

— Откуда бы вы ни пришли, — проговорил Талли, — у каждого из вас, наверное, есть дом. И семья. Которая вас ждет...

Он не миг смолк, ощутив острую боль. Его единственным домом был лагерь в Скалистых горах, а семьей — живущие там беженцы.

— Если вы хотите снова увидеть их — садитесь в свои машины и сваливайте побыстрее, пока ситуация еще под контролем.

— А если нет? — тощая женщина с развевающимися белыми волосами, на вид лет шестидесяти, шагнула вперед и встала рядом со здоровяком. Ее изуродованные подагрой руки столь же крепко сжимали плакат: «Ублюдки джао, отправляйтесь домой!»

О господи. С моря, из-за холмов, дул прохладный ветерок, но Талли чувствовал себя так, словно снова оказался в центре Оклахомы.

— Леди, — он пытался говорить как можно более убедительно, — вы хотите из-за этого расстаться с жизнью? У джао нет чувства юмора! И больше всего на свете они не любят, когда им не подчиняются. Еще немного — и они вас просто перебьют!

— Да, пресмыкайтесь перед ними сколько влезет! — из толпы появилась еще одна женщина. Ее рыжие выющиеся волосы растрепались и падали на лицо. — А мы не собираемся! Это наша планета!

Талли разглядывал их. Славные ребята, настоящие патриоты — как и те, с которыми он вырос в Скалистых горах. Но что они знают? И сколько их таких — живущих в небольших отдаленных городках... Возможно, кое-кто из них сегодня первый раз видел живого джао. Может быть, это и к лучшему. Но сегодня не их день.

— Послушайте... Сейчас каждый делает все возможное, чтобы выжить. Эти ваши плакаты ничего не изменят. Я имею в виду, не изменят к лучшему. Вы просто наломаете дров, а ситуация и так паршивая, — Талли оглянулся и посмотрел на близнецов-джао, охранников Оппака. Эта парочка и в самом деле напоминала сторожевых псов. Они нетерпеливо переминались с ноги на ногу, мерцающие зеленью глаза не отрываясь следили за демонстрантами. — Поверьте мне, не надо привлекать внимание Губернатора. Есть тысяча других, более достойных способов оказать сопротивление. Не будьте глупцами!

— Вы слышали, что он сказал, — Агилера кивком указал на припаркованные машины. — Залезайте в свои грузовики и уезжайте. Это будет всего-навсего один кит.

— Да-да, один кит! — женщина откинула с лица рыжие волосы. — А завтра — еще один. Потом они войдут во вкус, и скоро на Земле совсем не останется китов.

— Вы не понимаете, мэм. У них мозги иначе устроены. Давайте поднимем шум. И я гарантирую, что они специально перебьют всех китов — только для того, чтобы показать вам, кто здесь главный. Помните, как получилось с Эверестом? Так что лучше не привлекайте внимания!

После Завоевания новости распространялись медленно, а многие районы вообще оказались в изоляции. Но об Эвересте слышали все. И все видели фотографии кратера на том месте, где когда-то находился высочайший пик планеты.

— Для джао вы просто горстка зарвавшихся батраков-гуземцев, — продолжал Талли, выдержав эффектную паузу. — Батраки стоят недорого. Оппаку хватит и десяти минут, чтобы отдать приказ кораблю на орбите. Потом Тилламукская бухта станет чуть поглубже, а вы уже не будете представлять никакой проблемы.

Толпа ошеломленно умолкла.

— Вам когда-нибудь доводилось видеть кратер Чикаго? — почти небрежно подхватил Агилера. — Я видел, как это произошло. Правда, мне очень повезло — я оказался вне зоны поражения.

Пожилая женщина отвернулась, в ее глазах блеснули непролитые слезы. Здоровяк изменился в лице, обнял ее и, поддерживая, повел назад к машинам. Спустя секунду к ним присоединилась и рыжеволосая женщина.

Талли смотрел им в спину и чувствовал, как обруч на его руке наливается свинцом. Он должен уйти с ними. Черт побери, его место среди них, а не здесь. Он и в самом деле стал прихвостнем джао.

— Молодчина, — негромко произнес Агилера. — Ты сегодня многим спас жизнь.

— Ага, я настоящий принц, — пробормотал Талли, наблюдая за горожанами, которые по двое и по трое шагали к машинами. — Наверно, поэтому у меня на душе кошки скребутся.

Паразиты!

Оппак шагал по коридорам своего нового жилища, не замечая их великолепных изгибов, и мысли молниями пронеслись у него в голове.

Вся планета кишит паразитами! Бесспорно — хитрыми, смелыми, но совершенно бесполезными. Они не поддаются воспитанию, они погрязли в своих мерзких привычках и отказываются уважать правила приличия. Они непрерывно спариваются, и это омерзительно. Да, вот она — причина их бесполезности. Их генотип формируется как попало. Если воплотить в жизнь евгеническую программу, то через тысячу поколений из них, возможно, получится что-то стоящее.

На миг Оппак даже почувствовал к Экхат что-то вроде симпатии. Преодолев множество трудностей, они смогли создать джао из полуразумных созданий.

Он бросился в недавно смонтированный бассейн, наполненный водой из местного океана, и поплыл, лежа на спине и разглядывая завитки на черном потолке. Наукра Крит Лудх понятия не имеет о том, какова на самом деле эта Земля. Иначе они бы просто превратили ее в горстку астероидов. И это было бы верно, потому что Экхат найдут способ завладеть ее ресурсами. А джао следует отправиться куда-нибудь еще, на поиски другой планеты.

Двадцать местных орбитальных циклов назад он прибыл сюда, исполненный воодушевления и гордости. Он получил назначение, которое было непросто заслужить. И вот теперь...

Больше всего он надеялся, что Наукра опомнится и отдаст приказ уничтожить планету. И тогда у него появится возможность лично проследить, как завершается то, что он когда-то начал. О бомбардировке Эвереста он по-прежнему вспоминал с удовольствием. И с точно таким же удовольствием проделает то же самое со всей этой планетой.

— Толпа рассеяна, — раздался позади спокойный голос Дринна.

— Сколько человек пришлось усмирить? — спросил Оппак, надеясь, что ответом будет «всех».

— Ни одного. Двое подчиненных Субкоменданта смогли убедить их разойтись.

Подняв волну брызг, Оппак принял вертикальное положение.

— Его телохранительница и...

— Нет. Это были люди, мужские особи. Они поговорили с туземцами, и те вновь расселись по машинам и уехали.

Оппак нырнул под воду, чтобы остудить голову и справиться с приступом гнева. До сих пор ему казалось, что люди в личном подчинении — просто причуда гладкомордого юнца, недавно покинувшего коченату. Но, похоже, дело в другом. Да, этот Эйлле молод. Но достаточно смел и может бросить открытый вызов Нарво. И вот тогда люди ему пригодятся.

И тем не менее... Куда благоразумнее было бы усмирить этих выроdkов, которые осмелились выразить недовольство! И позволять людям разбираться с людьми — глупость, кото-

рая может обернуться куда более серьезными бедами. Нет, ава Плутрак не подавил мятеж. Он просто отсрочил его. Люди неисправимы. Оппак знал это так же хорошо, как течения в своем Пруду рождения.

Однако он смог отпустить гнев, и тело приняло позу «удовольствие-и-ожидание». Эйлле кринну ава Плутрака ждет ловушка. Надо только сделать шаг в сторону, и он сам войдет в нее.

Глава 20

Утро следующего дня оказалось серым, холодным и промозглым. К счастью, штормовой фронт прошел чуть в стороне от побережья. Зато с той стороны, где восходит солнце, налетел дождь, и его сверкающие косые потоки обрушились на берег. Эйлле понял, что еще не до конца изучил особенности местной синоптики, поэтому немного ошибся с предсказанием.

Талли и Агилера стояли на улице и дожидались машин, которые должны были доставить охотников в порт. Поза «обида-уныние-и-страдание» в человеческом варианте была не менее выразительна, чем на Языке тела джао. Засунув руки в карманы, Талли бормотал что-то, сравнивая себя с продрогшей собакой — Эйлле так и не понял, почему был выбран именно этот эпитет. Агилера, как обычно, был молчалив, но демонстративно поеживался и постоянно утирал лицо, словно показывая, как быстро оно покрывается каплями воды.

Напротив, Тэмт, как и все джао, радовалась влаге и впервые за время своей службы у Эйлле выглядела по настоящему довольной. Ее позы все еще были грубоватыми, но по-прежнему искренними. Да, фрагта хорошо ее вышколил. Впрочем, стоило ли удивляться? Яута специально учили учить, да и опыт у него был немалый. Каких же успехов сможет достичь под его руководством сам Эйлле?

Кэтлин Стокуэлл вышла из хэнта и встала подле Оппака. Она очень старательно скрывала эмоции — Эйлле еще не доводилось видеть столь нейтральной позы.

— Мисс Стокуэлл...

Она обернулась. Поза нарушилась, сменившись чисто человеческим выражением удивления — но лишь на миг.

— Я правильно выбрал почтительный префикс? — спросил Эйлле. — Я проходил фиксационные курсы английского языка в течение каждого периода дремы с тех пор, как прибыл на эту планету, но не всегда верно употребляю слова.

— Все правильно, — Кэтлин покосилась в сторону Губернатора и подошла. — Простите, если по моей вине у вас сложилось иное впечатление.

— Я направил вам приглашение и надеялся, что вы воспользуетесь моим транспортом, — продолжал Эйлле. — Но вижу, что вы прибыли с Губернатором.

— Я тоже надеялась, что мне позволят лететь с вами и генералом Клариком. Но Губернатор попросил меня поступить иначе...

— Это большая честь.

Впрочем, судя по наклону ее плеч, она так не считала.

— Кроме того, он взял меня на службу. И я буду проходить обучение Языку тела под руководством мастера-джао, как только такового найдут.

Значит, она стала просто прислужницей и не принадлежит к личному штату Нарво. Да, это большая ошибка со стороны Оппака. Но мнение Нарво и мнение Плутрака всегда отличались. Склонив голову набок, Эйлле попытался оценить позу Кэтлин Стокуэлл, но не смог. Похоже, здесь была какая-то двойственность.

— Вас это не радует?

— Радует... — она сплела пальцы — типично человеческий жест, который Эйлле пока не удалось расшифровать. — Я надеялась, что мне удастся продолжить обучение в университете. Подобные... обстоятельства... нарушают мои планы.

На ней была гладкая накидка с капюшоном, которая защищала от дождя. Защищала вполне эффективно, потому что женщина не так страдала от сырости, как двое его подчиненных. Коснувшись желтого материала кончиками пальцев, Эйлле обнаружил, что он прохладный и эластичный.

— Ваши соплеменники не любят дождь?

— Нет... как правило, нет, — Кэтлин вымученно улыбнулась. — Особенно в такие прохладные дни, как сегодня.

— Ах, да... Наши тела не столь восприимчивы к подобным вещам — одно из немногого, за что нам стоит благодарить Экхат. По их замыслу, мы должны чувствовать себя комфортно в любых погодных условиях.

В этот момент наконец-то прибыла наземная машина, которая должна была доставить гостей к причалу в бухте Тилламук, где ожидал японский траулер. Эйлле так и не удалось получить ответа на вопросы, которые представлялись ему весьма интригующими.

Как обычно, автомобили были человеческими. На них установили магнитные приводы, но никому не пришло в голову хотя бы переварить проржавевший корпус. В столь же плачевном состоянии находились и дороги, и поселки, через которые они проезжали. Повсюду валялись кучи мусора, среди них бродили уже знакомые собаки — тощие, с выпирающими ребрами. Один раз Эйлле заметил в зарослях гибкое существо, покрытое белым мехом, которое видел впервые. Иногда из домов выходили люди и провожали машины взглядами — наверно, преодолевая нелюбовь к сырости.

Когда эскорт остановился у причала, дождь как раз начал стихать. Следуя правилам этикета, Эйлле покинул машину последним. Послышались голоса, и он увидел группу туземцев, столпившихся на парковочной площадке над доками.

Кэтлин уже вышла из машины и, шурясь, смотрела на них.

— Еще недовольные, — негромко сказала, заметив Эйлле. — Они, кажется, настроены серьезно. Губернатор устраивает это в вашу честь... Может быть, вы попросите его успокоить их? Пусть он скажет, что мы направляемся на морскую прогулку или хотим поохотиться на акул...

— Я не могу злоупотреблять вниманием со стороны Губернатора. Отношения между Нарво и Плутраком всегда были очень натянутыми. И если я попытаюсь оспаривать его решение по поводу столь незначительного вопроса, это может создать осложнения. Отправляя меня сюда, мой кочен рассчитывал, что я проявлю себя достойно. Сожалею, но я ничем не могу помочь.

Серо-голубые глаза, казалось, заполнили все ее лицо.

— Но неужели вы не видите? Губернатор намеренно их провоцирует. Он знает, чем их задеть. В итоге начнутся беспорядки, и платить за это придется людям.

Эйлле заметил, что ее руки дрожат — элемент языка жестов, который он прежде не замечал. Что это: признак страха или, наоборот, желания действовать немедленно, которое трудно сдерживать? Эйлле не знал, как на это следует реагировать.

Не обращая внимания на толпу, Оппак спустился по шаткому деревянному причалу, скользкому от дождя, а потом по выдвижному мостику прошел на палубу. Вопреки ожиданиям Эйлле, судно было невелико, но выглядело опрятным, ухоженным и все щетинилось приборами, а на корме торчало какое-то устройство, явно предназначенное для метания снарядов. На одном борту было написано «Сансумару». Вероятно, это было очередным проявлением странной привычки людей одушевлять свои транспортные средства.

Один из подчиненных Губернатора жестом подозвал Эйлле. Судя по наклону ушей, дело не терпело отлагательства. Однако подождать все же пришлось: мимо трусцой пробежала группа людей, неся на плечах переносную лазерную пушку с длинным стволом. Эйлле обернулся и вопросительно посмотрел на Юта. Фрагта качнул вибрисами.

— По этому поводу было много разногласий. Губернатор хотел воспользоваться случаем, чтобы размяться. Если верить его подчиненным, жизнь в этом пыльном дворце в центре пыльного континента очень скучна. Поэтому он любит время от времени влезть в потасовку.

Значит, Оппак и в самом деле надеялся на неприятности. Эйлле посмотрел на Кэтлин, которая следила за толпой. Она знает, подумал он. И все остальные тоже знают, что Оппак намеренно провоцирует туземцев. Трудно понять, почему жизнь одного-единственного морского животного так много значит для этих людей. Но факт остается фактом: если туземцы хотя бы не попытаются спасти этого кита, они... они лишат себя чего-то важного, связанного с их понятиями о чести. Правда, если они и в самом деле окажут сопротивление, Оппак позаботится, чтобы потери были гораздо более... ощутимыми.

Эйлле кивком подозвал Кларика.

— Ваш отряд должен ожидать нас у причала в состоянии повышенной боеготовности, — сказал он. — Думаю, люди попытаются выразить неудовольствие еще до конца охоты.

Кларик кивнул. Его намокшие волосы прилипли к голове, но глаза горели. Он предвкушал бой.

— Вы хотите, чтобы я остался здесь?

Эйлле мысленно оценил ситуацию.

— Нет, — ветер бил ему в лицо, и говорить приходилось с усилием. — В море может случиться что-нибудь непредвиденное, и я хочу, чтобы мои самые опытные советники находились на борту.

Кларик достал из кармана портативную рацию и быстро передал приказ командиру отряда.

С парковки донеслись крики, несколько камней размером с кулак описали короткую дугу и плюхнулись в воду у самого причала. Охранники Оппака высыпали на палубу с оружием наготове и немедленно обстреляли толпу из лазеров. Крики прекратились. В считанные секунды площадка опустела. Большинство успело спастись бегством.

Кэтлин отвернулась и стала торопливо взбираться на борт траулера. Эйлле задержался, чтобы оценить итог стычки. Она была совсем короткой, однако те, кто не обратился в бегство, были «усмирены».

— Неэффективно, — прокомментировал Яут. По его лицу бежали струйки дождя. — Не может быть, чтобы они так защищали свою планету — каменными осколками, громкими криками и бранью.

— В самом деле, — отозвался Эйлле. — Не может быть.

Они направились к трапу. Талли и Агилера тут же оказались впереди, словно научились этому раньше, чем ходить.

* * *

С тех пор, как транспорт остановился у причала, Оппак ждал, когда молодой ава Плутрак каким-нибудь образом проявит слабость. Однако тот просто наблюдал за ситуацией, и его идеальная поза «спокойствие-и-интерес» приводила Губернатора в бешенство. Эйлле не возмущался и не пытался препятствовать действиям охраны.

Женская особь, отпрыск Стокуэллов, покинула палубу и скрылась в каюте. Траулер стал отчаливать, Оппак облокотился на металлические перила и наслаждался прохладными брыз-

гами, которые оседали на вибрисах. Может быть, вызвать ее? Пожалуй, не стоит. Течение пока что спокойно, и в ближайшее время ничего не должно произойти. Что же до Кэтлин Стокуэлл, она, несомненно, старается держаться от него подальше после того, что ее соплеменники совершили на причале. Да, так и есть. Какая глупость! Неужели он станет наказывать такую ценную заложницу из-за подобной чепухи? Пока отпрыск у него в руках, отец делает то, что от него требуют.

Жаль, что Стокуэллы так и не заменили убитого им сына. Несмотря на свою плодовитость, туземцы становятся на удивление чувствительными, когда дело касается их потомства. Это очень выгодно — брать детей в заложники. Пройдет еще много времени, прежде чем он позволит себе удовольствие убить Кэтлин Стокуэлл. И повод для этого будет более веским, чем необходимость проучить десяток непокорных дикарей.

И все же открытое неповиновение раздражало его. Нужно что-то предпринять, иначе туземцы окончательно потеряют стыд. Слишком давно они не получали уроков, которые неизменно приводили их в чувство. Необходимо рушить Эвересты по несколько раз на протяжении орбитального цикла, чтобы эти твари не забывали, где их место.

Несколько минут Оппак предавался приятным воспоминаниям.

В тот раз причину можно было считать незначительной, и фрагта Оппака пыталась убедить своего подопечного не обращать внимания на экспедицию. Откровенно говоря, через некоторое время Оппак все-таки последовал ее совету, без особого шума отменив запрет на скалолазание и еще некоторые бесполезные способы времяпрепровождения, которые так нравятся людям. Но проигнорировать акт открытого неповиновения он просто не мог. Потому-то уничтожение Эвереста доставило ему такое удовольствие. К этому времени самоволие людей уже успело вывести Оппака из равновесия.

Вскоре после этого инцидента фрагта покинула его и вернулась на Пратус, сославшись на свой преклонный возраст, хотя они оба знали истинную причину. Оппак уже давно пренебрегал ее советами. Уже тогда он знал, насколько повредит его репутации молчаливое неодобрение наставницы, но не стал заострять на этом внимание. И тогда, и сейчас он был уверен в одном:

люди понимают лишь силу и решительность. По правде говоря, он вздохнул с облегчением, избавившись от этой старой болтуни, которая цеплялась за него, как плавучий мусор.

С точки зрения холодного здравого смысла это было ошибкой. Разрыв с фрагтой говорил против ее подопечного, а не наставницы. Можно не сомневаться, что старейшины кочена приняли это к сведению и дали соответствующую оценку. Но даже если поток можно было бы повернуть вспять, Оппак и второй раз поступил бы точно так же. Она стала просто невыносима. Постоянные придирки, постоянная критика... Этому надо было положить конец.

* * *

Стоя на передней палубе, Эйлле кринну ава Плутрак наблюдал за двумя людьми-рабочими, которые устанавливали на носу траулера лазерную пушку. Потом за спиной послышались шаги; Эйлле обернулся и увидел Оппака.

— Вы ожидаете неприятностей, Губернатор?

— Не ожидаю, — сказал Оппак. — Предвкушаю. Я давно не слышал, как у людей стучат зубы. Эти неразумные твари начинают меня утомлять.

Тройка животных, покрытых белыми перьями, кружила над судном, издавая пронзительные крики. Оппак снял с пояса ручной лазер и сделал несколько выстрелов. Нельзя терять боевые навыки, а то, что не развивается, то деградирует. Дымящееся тельце одного из животных упало на палубу и затрепыхалось, остальные с громкими воплями разлетелись в стороны, недовольные тем, что им пришлось оказаться на волосок от гибели.

Оказалось, что подбитое существо еще живо — оно совершало судорожные движения и негромко пищало. Оппак перевернул его ногой.

— Эта планета настолько плодovита, что буквально кишит жизнью. Разнообразие видов просто поражает.

Эйлле подобрал пернатое существо, оценил строение его тела. Кажется, это и есть «птица»... Покачав головой, он свернул существу шею, положив конец бесполезным мучениям. Взгляд и поза Субкоменданта не выражали ничего, кроме

спокойствия, а что происходило в его мыслях... Об этом Оп-пак не мог даже догадываться.

— Я буду счастлив продолжить обучение, — произнес Эйлле, передавая покрытое перьями тельце Оппаку.

— Бросьте это в воду.

Эйлле повиновался и снова принялся разглядывать гарпунную пушку. Оппак с завистью посмотрел на него. У этого юнца еще все впереди... и он еще не совершил ошибок, которые погубят его карьеру, из-за которых он остается не у дел, лишится возможности дальнейшего продвижения по службе, шансов вернуться для продолжения рода.

С каким огромным удовольствием он лишил бы его... нет, не жизни — всех перспектив. Этого Оппак ждал с нетерпением.

* * *

Кэтлин наконец-то заставила себя взобраться по металлическим ступенькам на палубу. Внизу было слишком тесно, и у нее начинался приступ клаустрофобии. Пожалуй, лучше выбраться наружу и посмотреть, что там происходит, вместо того чтобы страдать в каюте, где тебя постоянно болтает, точно клубничину в миксере. Банле очень кстати исчезла, и Кэтлин была ей почти благодарна.

Судно разрезало волны, направляясь к мысу, за которым начиналось открытое море. Он казался нижней кромкой невидимого занавеса; дальше небо становилось темно-серым, а вдалеке Кэтлин заметила еще более плотную пелену дождя. Не лучший день для увеселительной прогулки по морю. Впрочем, увеселительной эту прогулку не назовешь. Достаточно взглянуть в небо. Там, словно плоские камушки по поверхности воды, плыли корабли сопровождения — три небольших разведчика джао.

На носу «Сансумару» стояли двое проводников-мака с длинными черными волосами, стянутыми в пучок на затылке, черные глаза пристально всматривались в горизонт. Мака были племенем китобоев, и они не видели в китовой охоте ничего плохого, кто бы ее не устроил — люди или джао. Для них киты веками были добычей — и ничем больше.

Значит, с ними разговаривать бесполезно. Не стоит даже пытаться. Она совершенно беспомощна, равно как и все ос-

тальное человечество, и это просто невыносимо. Если бы только можно было хоть что-то сделать!

— Вы выглядите огорченной, — раздался за спиной голос Эйлле.

Вздрогнув от неожиданности, Кэтлин обернулась. Она даже не заметила, как он подошел.

— Да, — ее плечи сами приняли положение «покорность-и-согласие». Эйлле стоял совсем рядом, и она чувствовала запах его мокрого пуха. Это был чужой запах, но чуть иной, чем тот, что исходил от Банле, и его нельзя было назвать неприятным. — Но все будет так, как пожелают джао. Таков смысл Завоевания, не так ли?

Ничего не ответив, Эйлле облокотился о перила и стал наблюдать, как тонкая полоска мыса становится все шире. Сегодня Субкомендант почему-то казался мрачным, особенно если смотреть на него в профиль. Намокший пух потемнел, в черных глазах танцевали зеленые искорки.

Кэтлин много раз задавалась вопросом, какой биохимический процесс порождает эти вспышки. Почему-то не рост и не могучая сила джао вызывали настоящий страх, а их глаза с пляшущими огоньками. В этом было что-то волшебное... нет, скорее, демоническое. Кэтлин следила за их игрой, забыв о том, что траулер приближается к северному проливу, чтобы устремиться в открытое море. Может быть, она видит, как мелькают мысли в голове джао? Если и так, то с равным успехом она могла бы изучать древнюю перфокарту. Да и сами мысли, наверно, были такими же чужими и непостижимыми, как способ их отражения.

Час спустя волны стали выше. Они налетали на борт, словно хотели с разбегу взобраться на палубу, но разбивались, окатывая ее ледяными брызгами. Дождевик уже не помогал, Кэтлин промокла до нитки, но осталась на палубе. Ты должна выдержать, говорила она себе, чтобы потом всем рассказать о том, что здесь произошло. Нельзя, чтобы гибель кита осталась незамеченной.

Внезапно один из наблюдателей-мака что-то крикнул и указал биноклем на север. Миг — и корабль накренился, словно кивнув в знак согласия, нырнул в ложбинку между волнами и стал терять скорость. Кэтлин схватилась за перила, но

поскользнулась и упала на четвереньки. Кажется, она в кровь ободрала ладони и колени, но это было уже неважно. Главное — не удариться со всего маху о поручни... И тут чьи-то руки схватили ее за талию и оттащили назад.

— Почему на вас нет спасательного жилета? — раздался прямо у нее над ухом мужской голос. Задыхаясь, она изогнулась и подняла голову.

— Генерал Кларик! Я не знала, что вы на борту.

На суровом лице генерала мелькнула легкая улыбка.

— Вам лучше спуститься вниз, миледи. Иначе вас смоем за борт, и вместо кита нам придется ловить вас.

Он разжал руки чуть позже, чем того требовала ситуация. Его объятия были крепкими и успокаивающими.

— Пожалуй, — она замерзла, но щеки горели. Она вдруг остро ощутила, что Кларик — не только офицер, но и мужчина. «Сансумару» раскачивался, и ее ноги скользили по мокрой палубе.

— Мне... очень не хотелось бы... — она поднялась, опираясь на руку Кларика... и вдруг осознала смысл его слов. — Значит, они все-таки нашли кита?

— Сонар нашел, — ответил он. — Честно говоря, я надеялся, что мы просто прогуляемся и вернемся обратно. Если верить книжкам, серые тихоокеанские киты мигрируют осенью. Но сонар поймал два четких сигнала. Так что нам все-таки не суждено вернуться с пустыми руками.

— Понятно.

Ничего я не хочу понимать. И ничего не хочу знать. Но папа всегда считал, что незнание не освобождает от ответственности. «Если начала, доведи дело до конца» — вот что он сказал бы ей. Про Стокуэллов говорят многое, и не всегда говорят похвальные вещи, но никто не может назвать нас трусами. Ты должна продержаться. До заката.

Скорее бы он наступил, этот закат... Но чем больше мечтаешь, тем горше разочарование, когда мечты не сбываются.

— Мне лучше остаться на палубе, — твердо проговорила она. — Я не хочу пропустить охоту — это может обидеть Губернатора. Но насчет жилета вы правы.

Кларик открыл металлический ящик и извлек оттуда ярко-оранжевый спасательный жилет. Судя по многочисленным

пятнам и потекам, лучшие времена этого антиквариата прошли еще до Завоевания. Кэтлин подняла руки — жилет надевался через голову — и погрузилась в волны восхитительного аромата старого пластика и тухлой рыбы.

Кэтлин едва успела застегнуть пряжки, когда Джон Боучеп — один из проводников, стоявших около гарпунной пушки, — закричал:

— Вон там! Вон там! Лево руля! Лево руля!

Он вопил и вопил, как заведенный, подпрыгивая на месте и не отрываясь глядя в свой старенький бинокль.

Кэтлин украдкой поглядела туда, куда он указывал. Среди волн, среди концентрических кругов и ряби двигалось что-то округлое и блестящее — или ей только показалось? Эйлле пересек палубу и оказался рядом с индейцами. В уверенных движениях Субкоменданта было что-то от крупной дикой кошки, и качка, похоже, совершенно ему не мешала. Откуда-то, словно по волшебству, появились несколько джао, подчиненных Оппака, и принялись расчехлять гарпун. Губернатор наблюдал за ними, и его тело замерло в ожидании.

На палубе показалась мокрая Банле — сейчас она сильнее, чем обычно, напоминала тюленя. Кэтлин вздохнула. Если окранныица и забыла о ней, то ненадолго.

— Нам придется подойти ближе, — Кларик помрачнел. — Гораздо ближе.

«Но из этого, скорее всего, ничего не выйдет». Слабая, но надежда. В конце концов, зачем киту плавать кругами и ждать, пока его загарпунят, когда он может просто нырнуть под воду и скрыться? Они считаются почти разумными...

Повинуясь рулю, «Сансумару» повернул налево, и огромная волна обрушилась на нос траулера, окатив всех присутствующих с головы до ног. Оглушенная и ослепленная, Кэтлин пыталась протереть глаза, когда Кларик оттащил ее от перил.

— Спускайтесь вниз! — прокричал он, перекрывая свист ветра. — Вам действительно не стоит на это смотреть!

— Если я не увижу все своими глазами, — она бросила взгляд в сторону Губернатора, — кто расскажет, как все было на самом деле?

Оппак жестом подозвал Эйлле. Его поза — «триумф-и-ожидание-победы» — была весьма красноречива.

— Но вы не единственный человек на борту! — возразил генерал.

— Им просто плевать. Всем, кроме меня.

— Ну, положим, мне не плевать. Клянусь честью, этого достаточно.

Он вновь повернул голову и посмотрел на волны. Взгляд его серых глаз был твердым как сталь. Он просто выполняет приказ, поняла Кэтлин. Как и все остальные.

Два фонтана брызг и пены выросли над водой — в пятистах ярдах от носа корабля, но не прямо по курсу, а чуть левее. Один из индейцев что-то прокричал, джао начали готовить гарпун. Завыли гидравлические усилители, вспыхнули изумрудные огоньки индикаторов...

Это и в самом деле произойдет. Кэтлин почувствовала, как колотится сердце.

Один из кораблей сопровождения спикировал и, промчавшись над траулером, вновь скрылся в облаках. Заглядевшись на разведчик, Кэтлин пропустила волну, которая накрыла ее с головой, закашлялась, от соленых брызг щипало глаза. Оп-пак склонился над гарпуном и посмотрел в прицел.

Кэтлин прикусила зубами сустав пальца. Нет, так нельзя. «Выдержка-и-смирение». Удивительно, но эта поза как будто наполнила ее тело состоянием, которое выражала. Поза моей жизни, подумала Кэтлин. То, чего от меня требуют прежде всего.

И тут кит показался на поверхности. Он был больше, чем она ожидала. Серый, величественный и свободный — символ всего, что Земля потеряла за эти годы по вине джао. Прости меня, мысленно сказала ему Кэтлин. Тебя тоже умирят. Как и всех нас. Но когда-нибудь...

Раздался выстрел. Гарпун еще летел, когда джао начали снова заряжать пушку. В этот момент кит начал уходить под воду, выпустив фонтан футов двадцать высотой. Трос, намотанный на огромную бобину, дрогнул, натянулся и с гудением стал разматываться. Кэтлин прищурилась, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь пелену брызг и дождя. Может быть, киту удалось уйти?

Трос натягивался все сильнее, траулер кренился. Море окрашивалось в алый цвет, словно из невидимого разрыва облаков пролился свет заходящего солнца. Второй гарпун был

уже заряжен, беспощадный и неотвратимый. Оппак снова склонился к прицелу... и вдруг выпрямился и обернулся к Кэтлин — словно за много часов впервые вспомнил о ее существовании. В глазах губернатора полыхали зеленые зарницы. Поза изменилась. Что это было? «Ярость-и-наслаждение»? Может быть. Такой позы Кэтлин еще никогда не видела.

— Мисс Стокуэлл, — произнес Оппак. — Надеюсь, вы согласитесь сделать следующий выстрел?

Глава 21

Отпрыск Стокуэлла, вне всякого сомнения, не желает участвовать в охоте. Эйлле шагнул вперед, не сомневаясь, что поступает правильно. Если он не вмешается, можно будет не сомневаться, что провокация Губернатора удалась. Что бы ни ответила Кэтлин, ответ будет сочтен оскорблением. Оппак действительно утратил чувство течения. И поза, которую он принял, была лучшим тому доказательством.

Разумеется, Эйлле знал ее — «жестокость-и-наслаждение». Вариант, принятый в Плутраке, выглядел более утонченно. Но кочен-отцы обучали ей детенышей лишь для того, чтобы те никогда не позволяли себе принимать ее. Эта поза выражала превосходство безрассудства над разумом и была символом беспомощности, которая выдает себя за неуязвимость.

— Бесспорно, честь первого выстрела принадлежит Губернатору, — проговорил Эйлле. — Я претендую на второй.

Взгляды Губернатора и Субкоменданта встретились. Глаза Оппака кринну ава Нарво ослепительно полыхнули зеленым, тело дрогнуло, на миг являя изумительной чистоты позу «ненависти-и-гнева». Обычно невозмутимый Яут, который стоял в паре футов от них, со свистом втянул воздух. Даже выдавший всякое фрагта растерялся при виде такого откровения.

Но через мгновение оба уже полностью владели собой.

— Конечно, — снисходительно ответил Губернатор, отступая в сторону. — В конце концов, эта охота устроена в честь Плутрака. Великого кочена, который соблаговолил поступиться одним из своих прославленных отпрысков ради этой недостойной планеты.

— Увы, я так недавно выплыл на поверхность, что еще не успел прославиться, — Эйлле осторожно коснулся свежей служебной метки, которую Яут вытравил на его щеке всего две ночи назад. — Но я надеюсь, что мне, по крайней мере, удастся с честью исполнять свой долг.

Он заметил, как Кларик взял Кэтлин Стокуэлл под руку и отвел подальше. Капюшон слетел с ее головы, и намокшие волосы, прилипшие к голове, походили на золотистый ворс. Пожалуй, этим двоим лучше спуститься в каюты, чтобы не попадаться на глаза Губернатору, подумал Эйлле. Но такая мысль, похоже, не приходила в голову ни Кэтлин, ни генералу. Они казались крошечными, хрупкими и совершенно беззащитными, словно детеныши, которых слишком рано выпустили из пруда.

Кит снова поднялся на поверхность, взмахнул огромным хвостовым плавником и нырнул. Расставив ноги и крепко вцепившись в поручни, чтобы справиться с качкой, Эйлле прильнул к прицелу и стал ждать. Киты — не рыбы и дышат атмосферным воздухом. Можно не сомневаться, великан рано или поздно снова покажется над водой.

Удивительное существо. Достаточно одного взгляда, чтобы это понять. Вот почему люди так восхищаются этими животными, что готовы защищать их любой ценой. Эйлле охватили сомнения. Действительно ли эта охота принесет пользу? Он лишь мельком увидел плоскую, почти треугольную голову кита, но маленькие глаза великана показались ему удивительно умными и наполненными самосознанием. Охотиться на разумных ради забавы не в обычаях джао.

Но сейчас он, Эйлле кринну ава Плутрак, оказался здесь, чтобы охотиться на этого кита. И не собирался отступать. Таков приказ Губернатора, и будет грубой ошибкой выказать прямое неподчинение. Борьба между коченами требует тонкости, и мелкие тактические нюансы порой важнее стратегической победы, которая очевидна для всех. В конце концов, основная задача Эйлле — не победить Нарво, а склонить их к образованию союза.

И даже если кит разумен, он, как и любое разумное существо, должен внести вклад в это дело. Да, порой ради достижения цели необходимо забрать чью-то жизнь... или отдать собственную. Эйлле сосредоточился, опустил руки на пульт

управления и стал ждать, когда раненый кит вновь поднимется на поверхность.

Трос, привязанный к первому гарпуну, с визгливым скрежетом дернулся, и огромное серое тело, словно огромный валун, вылетело на поверхность. Волна сбила прицел. Эйлле поправил его, нажал на курок и...

И промахнулся. Кит снова ушел на глубину, словно играя с охотниками.

Матросы бросились за новым гарпуном, расчехлили и передали джао. В этот момент траулер дернулся в сторону — это кит внезапно устремился в насердную сторону, рассекая толщу воды. Металлический трос с омерзительным скрипом терся о перила. Эйлле почувствовал, как палуба под ногами загудела. Спокойно. Он обязательно всплывет еще раз.

Оппак прохаживался по палубе, пытаясь скрыть гнев. Это у него получалось плохо.

— Я не вполне понимаю, как работает это устройство, — сказал Эйлле. — Может быть, вы что-нибудь посоветуете?

— Постарайтесь не промахнуться, — бросил Губернатор... и, не удержавшись на ногах, врезался в стенку палубной надстройки. Кит прошел прямо под траулером, судно сильно качнулось. Стараясь сохранять спокойствие, Эйлле вцепился в гарпун. Это существо и в самом деле оказалось умным. Удастся ли когда-нибудь подружиться с одним из них? Подумать только, плавать вместе с таким огромным и сообразительным созданием. Такой союз был бы поистине великолепным!

Огромная серая голова вновь вспорола волны и показалась над поверхностью, но высунулась уже не так высоко, как прежде. Кит, похоже, выбивался из сил.

Ты устал, великан. Пора смириться.

Эйлле снова припал к окуляру, прицелился и выстрелил.

На этот раз гарпун вонзился прямо в брюхо морского гиганта — прежде, чем кит успел уйти под воду. Трос рывком натянулся, звякнул, потом последовал новый рывок, такой сильный, что несколько человек оказались на четвереньках — включая Талли и японского посла.

— Отличный выстрел.

Голос Яута раздался прямо за спиной Эйлле, хотя миг назад, казалось, фрагта был далеко.

Крепко держась за перила, Оппак наблюдал, как кит бьет ся в воде. Матросы и джао заряжали следующий гарпун. Затем Губернатор обернулся, пристально оглядел зрителей... и нетерпеливым жестом подозвал Кэтлин.

— Идите сюда, — приказал он. — Думаю, теперь даже человек не сможет промахнуться.

Кэтлин опустила веки. Будь что будет. Тело само приняло положение «скромность-и-отказ».

— Боюсь, я недостойна столь высокой чести, — ответила она. — Я никогда не проходила военную подготовку и не служила в армии. Моему отцу было бы очень неприятно, если бы я обратила на себя внимание подобным образом.

Японский посол бросил в ее сторону быстрый взгляд и подошел к Эйлле.

— Есть опасность потерять тушу, — согбенная поза человека, несомненно, выражала крайнюю почтительность. — Когда кит будет мертв, он начнет утонуть. Экипаж советует выпустить еще несколько гарпунов для закрепления, прежде чем кита можно будет поднять на борт и разделать. Осмелюсь предположить, что для этого потребуется мастерство вашего превосходительства.

Эйлле мгновенно понял, что происходит. Любопытно. Несмотря на конфликт между государственными объединениями людей, старый посол явно отводил удар от своего недавнего противника. Все верно: он уже одержал победу и не нуждался в том, чтобы лишний раз унижить побежденного. Сам маневр был просто великолепен. Быстро, гладко... и смело — скверный характер Оппака был известен всем.

Посол действовал, как разумный джао. Именно так чаще всего выясняли отношения противостоящие кочены.

Он заметил, как дрогнула рука Оппака. Казалось, сейчас могучий удар сойдет человека с ног. Но траектория сломалась на половине: Губернатор чуть резким движением указал на Эйлле.

— Эта охота устроена в честь ава Плутрака. Позволим ему нанести последний удар.

И, развернувшись на пятках, Оппак кринну ава Нарво удалился.

Эйлле не стал медлить. Пора было закончить поединок, исход которого был уже предрешен. Справившись у экипажа,

как лучше разместить гарпуны — посол охотно выступил в роли переводчика, — Эйлле сделал два выстрела.

Охота была закончена. Яут сделал едва уловимый жест и направился на нижнюю палубу, Эйлле и его подчиненные последовали за ним. Кэтлин Стокуэлл покосилась в сторону Губернатора и решила присоединиться.

Здесь Эйлле убедился, что не все помещения на траулере предназначены для широких плеч джао. Но Яут не зря привел их сюда. Оппак остался на палубе, а с ним и все его подчиненные — они наслаждались ветром и дождем, а экипаж при помощи лебедек поднимал кита на переработочную палубу, чтобы разделать добычу. Сейчас лучше всего было какое-то время оказаться подальше от Губернатора.

Кэтлин устроилась на камбузе. Она сидела, сгорбившись, за небольшим столом. Грохот двигателя заставлял ее заткнуть уши. Кларик и Талли вели разговор, который, по-видимому, должен был отвлечь ее. Агилера барабанил пальцами по гладкой столешнице и, судя по напряженному лицу, о чем-то сосредоточенно размышлял.

Внезапно снаружи раздался гул, и что-то упало в воду. Судно, которое до сих пор спокойно качалось на волнах, с силой швырнуло вправо.

Эйлле посмотрел в сторону двери.

— Здесь водятся хищники?

— Конечно, — отозвался Кларик. — Но не настолько крупные, чтобы представлять реальную угрозу кораблю таких размеров.

Он говорил спокойно, но едва закончив фразу, вскочил и помчался вверх по трапу, прыгая через две ступеньки.

Снова звук удара и толчок.

Секунду спустя голова Кларика показалась в дверном проеме.

— Нападение!

* * *

Талли почувствовал, как губы сами собой расплзаются в злорадной ухмылке. Местные отряды Сопротивления, похоже, взялись за дело. Взялись по-настоящему — поняли, что от камней и плакатов толку мало. Ай да молодцы!

И тут же заметил мрачный взгляд Агилеры.

— Следи за собой, — процедил танкист. — Даже самые тупые джао знают, что означает улыбка, а нашего Субкоменданта тупым не назовешь.

Яут уже топал вверх по трапу, за ним устремился Эйлле. Двигатели «Сансумару» снова взревели, и судно рванулось вперед. Агилера на миг замер, прислушался и расстегнул кобуру.

— Олухи царя небесного... Они же сами себя подставляют! А заодно и тех, кто остался дома!

Его слова подействовали на Талли, как ушат холодной воды. Разделаться с мирными жителями, оказавшими поддержку повстанцам — это вполне в стиле джао. «Пушистики» считают мятежниками и тех, и других, и действуют соответственно. И Талли вдоволь насмотрелся на то, как они это делают. Вот почему повстанцы становились очень осторожными, когда готовили диверсии, и не трогали объекты, которые находились в непосредственной близости от какого-либо города.

Агилера стал подниматься по ступенькам, но на полпути остановился и обернулся к Талли.

— Хорош сидеть! Поднимай задницу и топай на палубу, пока тебя не хватились!

Грубо, но справедливо. Хотя бы потому, что пульт локатора опять переключался к Яуту, и фрагту лучше держать в поле зрения, чтобы ненароком не пострадать. Талли со вздохом встал и, держась обеими руками за переборки, полез наверх следом за Агилерой — в водоворот дождя, ветра и воплей.

На волнах, недалеко от «Сансумару», покачивались четыре текстолитовых моторных лодки. Корабли сопровождения уже спустились ниже облаков, к самой воде, и пытались обстреливать их лазерами. Однако условия для применения лазеров были, мягко говоря, неподходящими. Дождь лил как из ведра, и из-за сильного ветра капли падали не отвесно, а под хорошим углом. Стрельба в упор, возможно, дала бы результат, но на таком расстоянии основная часть энергии лазеров уходила на испарение дождевых капель.

Вцепившись в холодные мокрые перила, Талли стал разглядывать лодки. До смешного хрупкие посудинки, на которых в такой шторм и в море выходить опасно. И из чего ребята

собираются стрелять с такого расстояния? Из винтовок? Ничего более серьезного у них на борт просто не поместится.

Вот идиоты... Талли протер глаза. Что они собираются делать? Швыряться камнями из пращей, чтобы на траулере краску поободрать — авось заржавеет?

Но тут он заметил в ближайшей лодке двух мужчин, которые возились с каким-то предметом, похожим на гигантскую белую сигару. О, похоже, у них там ракетная установка! Перегнувшись через перила, Талли прищурился. С одного конца снаряд опоясывали красные полосы, и он даже смог разглядеть ряды цифр.

Талли вцепился в поручень с такой силой, что суставы пальцев побелели. Вот уж додумались так додумались. Бог ты мой... Он закрыл глаза. С таким оружием у них и в самом деле есть шанс подбить траулер. Как глупо, боже. Как глупо.

В иной ситуации он был бы обеими руками «за». «Пуштики» должны поплатиться за все сполна. Но сейчас... После утреннего прецедента на побережье, когда Оппак уже готов рвать и метать...

Трое джао перебрались к лазерной пушке и занимались ее калибровкой, переговариваясь тихо и спокойно, словно ничего особенного не происходило. Эйлле и Яут целились в ближайшую лодку из ручных лазеров. Моторки подсакивали на волнах, но Талли знал: джао просто ждут, пока расстояние сократится.

Один из кораблей сопровождения заложил вираж и открыл огонь по моторке, но промахнулся. Лодка метнулась в сторону, исчезла в волнах и помчалась куда-то на юг. Тем временем траулер летел к берегу, ревя, как разъяренный слон.

Лазерную пушку наконец-то настроили. Бухта была уже близко, дождь ослабевал, и луч лазера бесшумно вонзился в одну из моторок, которые продолжали преследование. Через секунду прогремел взрыв. Зрелище было эффектным: суденышко буквально разлетелось вдребезги. Еще некоторое время лазер бил в воду, и над волнами поднимался густой пар. Прохладный морской воздух наполнился едким запахом горелой пластмассы.

Боже мой, вот тупицы! Талли был готов отдать должное отваге повстанцев. Но почему им не хватило ума выбрать более подходящую цель для нападения?!

Агилера и Кларик, оба вооруженные, подошли к Эйлле и Якуту, которые по-прежнему стояли у поручней. Талли ничего не оставалось, как стоять сзади и беспомощно ругаться. Даже если лодки прямо сейчас развернутся и прекратят эту идиотскую атаку, слишком поздно. Дело сделано, ребята. Вы наступили Оппаку на большую мозоль, а он в таких случаях не церемонится. Расплачиваться за вашу удачу придется жителям побережья... а заодно и всем нам. Те, кто выживет, сто раз подумает, оказывать ли поддержку Сопротивлению.

Чувствуя, как мороз продирает по коже, Талли следил за одним из кораблей джао. Лазеры вспенили воду в паре футов от одной из уцелевших лодок. Послышался вой двигателей, моторка развернулась и, подпрыгивая на волнах, понеслась в открытое море. Корабль последовал за ней. Через секунду оба судна — водное и воздушное — скрылись из виду.

Агилера разглядывал низкие облака, по его лицу стекали капли дождя и морской воды.

— Все?

— Сомневаюсь, — отозвался Талли.

Повстанцы так легко не сдаются. Они не удовлетворятся тем, что пощекотали вам нервы. Не для того они рисковали жизнью мирных жителей.

— Я не понимаю, каким образом им вообще удалось выстрелить, — проговорил Эйлле, его глаза мерцали зеленым. — Корабли сопровождения оборудованы мощными устройствами электронного противодействия, которые нарушают работу систем наведения. А почему лодки смогли подойти незамеченными?

Кларик разглядывал серо-зеленые волны.

— Они стреляли ракетами. Это довольно примитивные устройства, которые управляются по проводному каналу связи и используются в зоне прямой видимости, поэтому от систем электронного противодействия очень мало толку. А корпуса лодок сделаны из стекловолокна, а не из металла. Эти люди продумали все до мелочей и очень хорошо подготовились. В том числе — подгадали с погодными условиями. Один из первых уроков, который мы усвоили во время завоевания, звучит так: чем хуже погода, тем лучше для тебя. Я не спорю, ваши лазеры великолепны, но только в космосе, а

в атмосфере условия должны быть идеальными. Во всех остальных случаях они бесполезны.

Уши Юта шевельнулись, и Талли показалось, что в позе фрагта появился оттенок уважительности.

Вновь глухо прогремел взрыва и на палубу «Сансумару» посыпались дымящиеся осколки металла и текстолита. Кларик и Талли шарахнулись в сторону, чтобы укрыться за надстройкой. Генерал прищурился.

— Еще одна, — заметил он без всякого выражения. — Может, остальные поймут намек и уберутся.

Черта лысого, подумал Талли. Слишком много сил потрачено на подготовку этой операции, и теперь они любой ценой доведут ее до конца — или, что более вероятно, погибнут, пытаясь это сделать. Чтобы скрыть улыбку, ему пришлось отвернуться. Ну что, ребята... пожалуй, я согласен взлететь на воздух вместе с этим гребаным корытом — только за компанию с Губернатором Оппаком.

Он помотал головой. Утопить джао?! Это уже из области фантастики.

Трое «пушистиков», занявших позицию у лазерной пушки, вертели головами, пытаясь высмотреть уцелевшие моторки, и на могучих шеях перекачивались мышцы. Траулер снова набирал скорость, и раскачивался на волнах, словно танцуя. Внизу, на переработочной палубе, лежала вспоротая туша кита. Разделка только началась, а потом экипажу пришлось позаботиться о том, чтобы не разделить судьбу своей добычи. Острый запах крови и внутренностей наполнял воздух.

Один из кораблей сопровождения показался впереди и вновь скрылся в облаках. Талли вытер лицо тыльной стороной ладони. Будем надеяться, что в ближайшее время ничего не произойдет.

На палубу выглянула Кэтлин Стокуэлл.

— Что это было? — ее лицо казалось белым, как мрамор.

— Скорее всего — повстанцы, — отозвался Талли. — Ду-маю...

— Кэтлин, немедленно спускайтесь! — перебил Кларик. — Там еще двое, они могут вернуться в любой момент!

В огромных серо-голубых глазах девушки бушевала буря. Кларик потянулся, чтобы взять ее за руку и увести в безопас-

ное место, и вдруг послышался треск. Что-то вновь ударило в нос корабля. «Сансумару» содрогнулся, во все стороны полетели металлические осколки.

* * *

Толчок сбил Оппака с ног. Вытянув при падении руки, он растянулся на металлической палубе самым недостойным образом. В голове еще стоял звон, когда несколько рук протянулось к Губернатору, помогая принять вертикальное положение. Оппак заморгал. Мир перед глазами развалился на несколько фрагментов, и он пытался снова их совместить.

Лазерной установке пришел конец, равно как и ее экипажу из троих джао — прямое попадание человеческой ракеты. Потом Оппак с удивлением обнаружил, что Дринн что-то говорит ему, но не мог разобрать ни слова — в ушах по-прежнему стоял несмолкающий гул. Стряхнув чьи-то руки, которые все еще поддерживали его, Губернатор принял позу «недоумение-и-непонимание», адресуя ее прежде всего Дринну.

Снова взрыв, на этот раз вне зоны видимости. Судно качнулось, хотя и не так сильно, как в прошлый раз. Однако в глубине сознания Оппак уже понимал: этот удар был куда более опасным. Ракета попала в борт у самой ватерлинии.

В ушах шумело, но Оппак слышал длинный скрипучий звук. Траулер накренился в наветренную сторону, палуба стала покатой, и Губернатор едва удержался на ногах. Случайно он заметил, как из его собственного предплечья сочится оранжевая кровь, которую тут же смывал дождь. Вероятно, Оппак зацепило осколком металла, но он даже не заметил...

...в отличие от Дринна, который уже собирался перевязать рану. Но Губернатор был не в том настроении, чтобы обращать внимание на подобные пустяки.

— Где они? — прокричал он, пытаясь перекрыть гул в своей голове. — Я хочу, чтобы их уничтожили! Всех до единого!

Мимо пробежал Эйлле кринну ава Плутрак с лазером в руке. Подобравшись поближе к полуразрушенному носу, Субкомендант ухватился за остатки поручней и разглядывал что-то на поверхности воды. Оппак тряхнул головой, и гул в голове немного утих. Теперь звук доносился только снаружи.

Это мотор, понял он, не очень мощный, и работает где-то неподалеку.

Три корабля сопровождения кружили над кренящимся «Сан-сумару», но не стреляли. Оппака охватила ярость. Что у них случилось? Кто остался у него в подчинении? Неужели они не понимают, что их жизнь, их честь — у него в руках? Неужели они забыли *витрик*?

Корабли заложили вираж и вновь пролетели над траулером.

— Установите связь! — приказал Оппак, обращаясь к Дринну. — Прикажите им стрелять!

Дринн вытянулся, принимая самую нейтральную из поз.

— Они не могут! — прокричал он, пытаясь заглушить шум шторма.

— Могут! — Оппак выхватил ручной лазер и бросил гневный взгляд на корабли-разведчики. — Если они не сделают этого, я сам пристрелю их!

— Но, Губернатор... — глаза Дринна вспыхнули зеленью. Его переполняли эмоции, хотя поза оставалась спокойной. — Противник подошел слишком близко. Они не могут выстрелить, не задев при этом нас!

Глава 22

Одна из лодок находилась совсем близко. Эйлле выстрелил, но в последний момент траулер качнулся, и луч лазера бесполезно скользнул по волнам. В машинном отделении прогремел взрыв. Судно начало заваливаться, Эйлле потерял равновесие и покатился по палубе, увлекая за собой Яута, пока оба не врезались в переборку носового кубрика.

Прежде чем он успел снова встать на ноги, атакующие открыли огонь. Похоже, они собирались влезть на борт траулера. Эйлле услышал характерный стрекот оружия, которое джинау использовали во время тренировок — «автоматы» или «пулеметы», как называли его люди. Главнокомандующий Каул отзывался по поводу этих устройств довольно пренебрежительно, но Эйлле придерживался иного мнения. В определенных условиях человеческое оружие было, по крайней мере, не менее эффективным, чем то, которым пользовались джао.

Заставив себя держать уши плоско, Субкомендант жестом подозвал Кларику, который при толчке упал на четвереньки и теперь с трудом поднимался на ноги.

— Свяжитесь с отрядом на берегу. Прикажите им подогнать нас. Это судно скоро затонет.

Генерал нахмурился.

— Они не взяли с собой дополнительного морского транспорта, — отозвался он, доставая рацию. — Но я посмотрю, что можно сделать.

Дальнейший разговор происходил на странной смеси английского с непонятными словами — вероятно, особыми терминами, которые используют только военные. Эйлле понял только половину, остальное напоминало треск автоматной очереди. Шторм усиливался, окончания фраз тонули в реве ветра, криках матросов и звуках беспорядочной стрельбы.

Наконец Кларик обернулся к Эйлле.

— В доках обнаружено еще несколько кораблей, — громко проговорил он. — Я приказал солдатам реквизировать один из них. Но среди них нет ни одного моряка. Пока они найдут кого-нибудь, кто сможет управлять судном, и доберутся сюда, может быть слишком поздно.

Тэмт, телохранительница Эйлле, появилась из-за надстройки в дальнем конце палубы. Ветер трепал ее уши, одно плечо было опалено. Подхватив Губернатора, она помогла ему подняться и сесть к стенке кубрика, рядом с Клариком. На плече Губернатора виднелась глубокая рваная рана, одно ухо болталось. Похоже, его сильно оглушило.

— Почти половина подчиненных Губернатора погибли! — сказала Тэмт, с заметным усилием пытаясь изобразить «спокойствие-и-наблюдение». — Остальные ранены. Вам необходимо пройти в укрытие.

— Это невозможно, — Яут не отрываясь смотрел на серо-зеленые бугры волн. — Противник намерен захватить наше судно. Как только они поднимутся на борт, нам останется только гадать, успеют ли они перебить нас, прежде чем этот корабль затонет.

Если джао здоров и не ранен, ему меньше всего грозит утонуть, подумал Эйлле. Но Оппак, равно как и остальные, кто пострадал при взрывах... В таком состоянии им не доп-

лыть до берега самостоятельно. Оказавшись в воде, они, скорее всего, погибнут.

— На этом корабле есть спасательные лодки? — спросил он Кларика.

Генерал сделал неловкое движение, пытаясь удержать равновесие. Палуба кренилась все сильнее.

— Должны быть, — он жестом подозвал Агилеру. — Посмотрим, что от них осталось.

Бывший танкист странно посмотрел на Талли и передал ему свой пистолет.

— Вот он, твой шанс принести пользу, парень, — проговорил он по-английски. — Так что не вздумай шутки шутить.

И, поднявшись, он заковылял вслед за Клариком.

Талли взвесил оружие в руке. Выражение его лица было непонятным, тело, казалось, выражало неуверенность. Однако Эйлле напомнил себе, что человеческие позы нельзя интерпретировать однозначно. С равной вероятностью это могло быть «удовольствие-от-оказанного-доверия», «возбуждение-и-предвкушение-боя»... или что-нибудь еще. Никогда не поймешь, что у человека на уме.

Послышался крик. Небольшой яйцевидный предмет зеленого цвета упал на палубу траулера и, вихляя, покатился по ее наклонной поверхности в их сторону. Эйлле прищурился, пытаясь рассмотреть его.

Боже праведный...

Талли метнулся вперед и с яростью метнул «яйцо» обратно за борт, потом упал на палубу, прикрыв голову руками и изо всех сил зажмурился. Через миг что-то глухо ахнуло, и в воздух взметнулся фонтан воды и пара. Бомба. Это была небольшая бомба с отсрочкой детонации. Запал сработал, когда она упала в воду. Талли спас им жизнь, выбросив ее за борт. Конечно, лучше бы она угодила обратно в лодку и потопила ее. Эйлле слышал возмущенные возгласы повстанцев, но не мог разобрать ни слова.

Яут вздрогнул, затем прицелился и выстрелил. Человеческая голова, которая только что показалась над бортом, исчезла, но тут же вновь высунулась, и повстанец выпустил длинную очередь, проделав в металлической обшивке траулера ряд аккуратных дырочек. Следуя примеру Талли, Эйлле распластался по палубе.

— Субкомендант Эйлле? — испуганное лицо Кэтлин Стокуэлл показалось из люка. — Что происходит?

— Спускайтесь немедленно! — крикнул Кларик. Его бровь была рассечена, на лбу расплывалась кровавая клякса. — Нападающие вооружены и пытаются взять нас на abordаж! Держитесь от них подальше!

— Сколько их? — спросил Эйлле на родном языке, не сводя глаз с того места, где в последний раз появился противник.

— Думаю, четверо, — отозвался Кларик, тоже на джао. — Они прорываются в нашем направлении, а следующая атака, вероятно, будет направлена прямо на вас.

Нужно действовать немедленно. Эйлле осторожно усадил обмякшего Оппака на верхние ступени лестницы, ведущей в кубрик, и жестом приказал Яуту, Талли и Тэмт следовать за собой. Талли обернулся; очевидно, его беспокоила судьба отпрыска Стокуэллов. Как можно решительнее махнув рукой, Эйлле приказал ему не отставать. Женская особь получила приказ и либо подчинится, либо погибнет. У них нет времени нянчиться с ней.

Это война. Маленькая, но все же война.

* * *

Оппак заморгал, пытаясь разогнать плавающий перед глазами туман. Пелена дождя, заливающего трап, никуда не исчезла, но теперь сквозь нее удалось хоть что-то разглядеть. В ушах стоял звон, словно голова была сделана из металла, и по ней только что ударили палкой. Из-за открытой двери доносились крики и выстрелы, отвратительно пахло какими-то катализаторами. Что произошло? Губернатор попытался вспомнить, но не смог. Может быть, траулер по какой-то причине вышел из строя? Оппак осторожно коснулся виска, словно пытался остановить головокружение. Как это было неосмотрительно. Он всегда знал, что человеческой технике доверять нельзя. Эти примитивные устройства имеют свойство ломаться в самый неподходящий момент.

Все-таки надо встать.

И тут кто-то коснулся его лица.

— Губернатор!

Оппак попытался отвести руки, но перед глазами снова поплыл туман, а в горле словно застрял кусок льда.

— Губернатор, вам лучше пригнуться, — кто-то с сильным акцентом говорил на джао. — Противник на борту.

Противник?

Воспоминания начали возвращаться, и Оппак содрогнулся. Маленькие лодки, примитивное оружие, взрыв, который разрушил часть палубы, гибель Дринна... что еще? Во рту чувствовался привкус крови.

— Кто...

— Райф Агилера, — отозвался голос. — Я нахожусь в подчинении Субкоменданта Эйлле.

Значит, один из мерзких людишек ава Плутрака. Оппака охватило непреодолимое желание протянуть руку и задушить это существо, заставив его поплатиться за нападение.

— Оставь меня в покое! — он слабо попытался лягнуть человека, но промахнулся.

— Как пожелаете, Губернатор, — отозвался Агилера. — Если вам не требуется моя помощь, я возвращаюсь к Субкомендantu и посмотрю, чем смогу быть полезен ему.

Оппак услышал звук удаляющихся шагов по металлической палубе. Он вновь остался наедине со своей яростью и болью. Где-то прогремело несколько выстрелов — очень громких. Пулевое оружие... Повстанцы часто пользовались им — устаревшим, грубым, но на удивление эффективным.

Перед глазами снова начало проясняться. Оппак пошарил здоровой рукой в воздухе, зацепился за металлический косяк двери и подтянулся. Ноги дрожали, однако Губернатор заставил себя встать.

— Вы в порядке?

Голос раздавался прямо за спиной — очень мягкий, и его обладатель говорил на джао почти без акцента. Оппак быстро обернулся и встретился взглядом с Кэтлин Стокуэлл, которая стояла на лестнице чуть ниже.

— Нас атакуют люди! — возмущенно прошипел он. Кэтлин изящно склонила голову, исполнив «мучительный-стыд-и-страдание».

— Мне очень жаль.

— Жаль?! — Оппак почувствовал, как гнев переполняет тело. — Я заставлю вас по-настоящему пожалеть об этом! И все ваши соплеменники об этом пожалеют!

Поднявшись еще на несколько ступенек, Кэтлин осторожно пробралась мимо Губернатора — так, что ее подбородок оказался вровень с кренящейся палубой.

— Губернатор, это небольшая группа повстанцев. Они не могут выступать от имени всего моего народа.

— Неужели?

Оппак выпустил опору и стиснул ее смехотворно тонкие запястья. Казалось, эти хрупкие косточки треснут, стоит ему немного усилить хватку. Губернатор презрительно фыркнул. Ни одной женской особи джао не позволили бы передать своему потомству такой прискорбно слабый генотип. Ее просто не пригласили бы в брачную группу. Он знал, что среди людей встречаются гораздо более крепкие особи, не только мужского, но и женского пола — такие служили у него во дворце. Так вот в чем дело! Эта особь не прошла выбраковку. И кочен Стокуэлл давно должен был от нее избавиться.

— Вероломство в крови у твоего народа! — Оппак тряхнул ее. — Твой отец спланировал это нападение?

Кэтлин попыталась освободиться.

— Нет, конечно же, нет!

— Я тебе не верю!

Забыв о ранении, Оппак схватил ее за горло. Боль ударила в голову, перед глазами закружился туман. Кэтлин выгнулась, потом что-то твердое и холодное ударило его по голове. Затем еще раз, и еще, и еще. Задыхаясь от боли, он попятился...

Когда способность видеть снова вернулась, он был один.

* * *

Спасательные шлюпки обнаружили прямо под мостиком. Теперь можно было возвращаться, чтобы найти Эйлле и всех остальных. Палуба кренилась все сильнее, к тому же не стоило забывать и о шальных пулях. Судя по крену, «Сансумару» и в самом деле начал тонуть, как предсказывал Субкоммендант. И скоро — или очень скоро — утонет совсем. В данной ситуации от шлюпок будет мало толку.

«Даже если получится спустить их на воду, эти парни просто перестреляют нас по одному, и дело с концом, — подумал генерал, карабкаясь на невысокий мостик, чтобы хоть как-то оглядеться. — Вот это проблему и надо решать в первую очередь. А потом уже придумаем, как выбраться. Черт, куда этот Эйлле запропастился?»

— Эд!

Кэтлин Стокуэлл, которая укрывалась в кожухе лебедки, высунулась и помахала ему. На ее лице темнел синяк, дождевик был порван, и здоровенный гаечный ключ, который она сжимала в руке, только усиливал сходство с маленьким мокрым щенком.

— Губернатор Оппак сошел с ума! Он...

Несколько пуль просвистело над головой Кларика, и в воздухе запахло порохом. В это время наконец-то началась гроза. Молния пропорола низкие тяжелые облака, через секунду прокатился глухой раскат грома. Выругавшись вполголоса, Кларик распластался на мостике и сунул руку под перила, пытаясь дотянуться до Кэтлин. Еще одна пуля рикошетом отлетела от стенки мостика.

— Черт возьми, Кэтлин, почему вы не внизу?

— Потому что Оппак хотел меня убить. По его мнению, это я виновна в том, что на нас напали.

Девушка встала на цыпочки. Она была довольно высокого роста для женщины, но ей не удалось дотянуться даже до кончиков пальцев Кларика.

Генерал подполз поближе к краю небольшого возвышения под мостиком, когда автоматная очередь заставила его замереть и прикрыть голову руками. Осколок металла зацепил щеку. Он почувствовал, как теплая кровь стекает и смешивается с ледяными струями воды.

— Может, ты все-таки спустишься? — Кэтлин взглянула вверх, словно что-то заметила у него над плечом, и снова спряталась в нише для лебедки.

— Думаю, ты права.

Генерал отполз от края и буквально скатился вниз по лестнице. Вскоре он уже стоял рядом с Кэтлин и осматривал ее щеку. Девушка дрожала, и не только от холода.

— Ну вот... — пробормотал Кларик. — Что там с Губер..

И увидел человека, который шагнул на палубу, вскидывая автомат, до боли похожий на старинный «узи».

Кларик швырнул Кэтлин в нишу и сам скользнул следом. Здесь было тесно. Навалившись на нее, он услышал, как воздух со свистом вышел из ее легких, нащупал кобуру и принялся вытаскивать пистолет.

Очереди крошили палубу, обломки летели во все стороны. Кларик чуть развернулся, подталкивая Кэтлин. Согнувшись и тяжело дыша, они присели бок о бок. Впереди снова мелькнуло лицо повстанца, раскрашенное под камуфляж, повторяющий расцветку его одежды. К счастью, дождь мешал стрелку сильнее, чем им.

Кларик выпрямился и взвел курок. И тут Кэтлин скользнула на палубу, прежде чем он успел ее остановить. Неужели она хочет, чтобы ее подстрелили?! Нет, вряд ли... Кларик заметил, что ее рука все еще сжимает гаечный ключ.

— Эй, вы совершаете ошибку! — закричала Кэтлин, стараясь перекрыть шум ветра. — Мы такие же люди, как и вы!

Повстанец что-то ответил, повернулся и пошел прямо на нее. Стало совсем темно, а дождь ухудшал видимость, и он, похоже, ориентировался по звуку ее голоса. Кэтлин стояла неподвижно, очень прямо, ни разу не посмотрев в сторону Кларика и не выдав его.

Браво, леди! Да уж, смелости ей не занимать, подумал генерал, глядя на темный силуэт человека. Сейчас можно либо попасть, либо промахнуться. Кэтлин должна это понимать... Он почувствовал, как внутри что-то сжимается. И нажал на курок.

Человек в камуфляжной форме дернулся, словно марионетка, у которой разом подрезали веревочки, и бесформенной массой упал к ногам Кэтлин.

Девушка не шевелилась. Кларику показалось, что она по-прежнему смотрит на убитого. Только сейчас он обратил внимание на четкие изгибы ее тела и разведенные в стороны руки. Она казалась балериной, исполняющей классическое па.

Эта поза была *противоестественной*.

Кларик почувствовал, как холодок пробегает по спине. Одна из этих треклятых официальных поз джао — он никак не мог понять, какая именно. Если она использует их в состоянии потрясения, значит, это происходит неосознанно...

В этот момент Кэтлин обернулась и посмотрела на Кларику.

Ее серо-голубые глаза показались ему порталами в какой-то иной мир, абсолютно чуждый, не имеющий ничего общего с тем, где он родился и вырос. Неужели когда-нибудь все дети Земли станут такими? Маленькими вышколенными... детенышами.

Кларик взял ее под руку и отвел в сторону.

— С тобой все в порядке?

Она заморгала... и все, что делало ее лицо таким чужим, мгновенно исчезло. Это снова была просто Кэтлин. Просто девушка, вся в синяках и очень, очень напуганная. Он потянул ее к себе, обнял и почувствовал, как она дрожит.

* * *

Еще одна лодка мятежников, качаясь, показалась на вершине серо-зеленого гребня волны, и Эйлле понял, что дольше ждать уже было нельзя. Если еще несколько повстанцев высадутся на борт, то численное преимущество будет на их стороне, и никому из защитников не продержаться до подхода подкрепления. Прекрасное начало, ничего не скажешь! Едва приняв командование, он опозорит свое имя и весь Плутрак.

Приказав Яуту и Тэмт идти следом, Эйлле скользнул к поручням, прячась за всем, что попадалось... а попадалось, увы, немного. Талли и Агилера должны были при необходимости прикрывать их огнем. С каждой новой волной один борт траулера задирался все сильнее, а второй опускался. Скоро палуба превратилась в пологий, но очень скользкий склон, который великолепно просматривался.

Талли выстрелил, чтобы отвлечь противника, потом еще раз. Эйлле как раз преодолевал последний открытый участок палубы — по счастью, небольшой, борясь с порывами ветра. Ликование переполняло его. Вот для чего были нужны тренировки, которые продолжались много орбитальных циклов! Наконец-то появился шанс принести пользу. Так просто и ясно, что одна мысль об этом придавала сил.

Подтянувшись на перилах, Эйлле пристегнул лазер к перевязи и нырнул в бушующие волны. Вода с шелковым шипением сомкнулась над головой, и вскоре он радостно плыл в про-

хладном зеленом полумраке, а следом двигались Яут и Тэмт. Дав им знак, Эйлле обогнул нос траулера и приготовился подниматься на поверхность с другого борта. Там уже тарахтел, сбрасывая обороты, катер повстанцев. Люди готовились высадиться.

Под водой двигаться куда легче, чем по палубе, где ветер готов сбить тебя с ног. Голова Эйлле показалась над поверхностью. Неподалеку качался на волнах катер. Пятеро людей, прибывших на нем, уже карабкались на борт траулера, зацепив за его край веревки. Стоило отдать им должное: джао вряд ли смогли бы проделать эту операцию с такой ловкостью.

Впрочем, Эйлле не стал тратить время на то, чтобы любоваться мастерством противника. Перелетев через борт моторки, он выхватил лазерный пистолет и сбил крепкую женскую особь, которая ползла по веревке прямо над ним. Уклониться он не успел. Самка сорвалась, упала, сбив Эйлле с ног, и молодой джао с размаху ударился головой о планшир. Оглушенный, он несколько секунд мог лишь беспомощно барахтаться под ней, пока подоспевший Яут не сбросил труп в воду.

Лодка сильно качнулась — к ним присоединилась Тэмт. Три луча сверкнули почти одновременно, и еще трое повстанцев, которые успели преодолеть половину пути, упали в воду. Пятому, однако, удалось добраться до края. Перевалившись через ограждения, он тут же поднялся и вскинул оружие.

Яут прыгнул за борт и ушел под воду. Тэмт замешкалась. Она глядела вверх, словно утратила чувство потока, и Эйлле пришлось пинком вытолкнуть ее из лодки, когда раздался выстрел.

Эйлле дернулся. Он почти почувствовал предательский укус пули, но человек вдруг неуклюже повис на перилах, а потом грузно перевалился наружу и рухнул в лодку. Он был мертв, остекленевшие глаза неподвижно смотрели в небо, наполняясь водой.

Над краем борта тут же показалась голова Талли. Его желтые волосы намокли и слиплись, зеленые глаза горели. Показав Эйлле оттопыренный большой палец, он снова исчез, лишь его шаги гремели по палубе.

Яут вновь забрался в лодку. Его уши были сложены необычным образом, и Эйлле потребовалось несколько секунд, прежде чем он понял. Это было «изумление-и-почтительное-восхищение».

* * *

Эйлле с удовольствием отметил, что к моменту подхода подкрепления остальные трое нападавших были уже мертвы. Одного застрелил Талли, а с двумя другими расправился Кларик. Даже Кэтлин Стокуэлл показала себя неплохо, особенно для человека, не проходившего боевой подготовки. Она все еще держала в руках тяжелый гаечный ключ, который собиралась использовать в качестве оружия.

Оппак был ранен в предплечье, но состояние раны не внушало опасений — чего нельзя было сказать о его рассудке. Причиной тому мог стать сильный удар по голове, который Губернатор получил во время боя. До прихода подкрепления Эйлле оставил Оппака под присмотром Тэмт.

Как и ожидалось, джинау прибыли на конфискованном рыболовецком судне, используя рацию Кларика в качестве маяка. «Сансумару» уже опрокинулся. В живых остались лишь трое членов экипажа и посол Матасу. Небольшие спасательные шлюпки были загружены до предела — даже перегружены. Поэтому Эйлле приказал здоровым джао ждать в воде, держась за борта, не сделав исключения и для самого себя.

Банле — телохранительница, приставленная к отпрыску Стокуэлла, — исчезла без следа. Скорее всего, она погибла в бою. Сама Кэтлин Стокуэлл, съездившись, тихонько сидела рядом с Клариком. Ее лицо было все в синяках, и Эйлле даже представить не мог, что люди могут становиться такими бледными. Однако едва катер подошел, она оживилась.

Один из джинау замахал рукой, Кларик махнул в ответ.

— Эй, сержант Холодное Пиво?

Здоровяк-монтанец сложил руки рупором.

— Держитесь, сэр! Еще минута — и мы вас заберем!

Один из кораблей сопровождения вынырнул из облаков и неподвижно завис над ними, словно желая убедиться, что в катере действительно находятся джинау. Впрочем, это могли оказаться и переодетые повстанцы — и что тогда? Эйлле посмотрел вслед кораблику. Люди были правы: от лазерного оружия в атмосфере очень мало пользы.

Вскоре спасенные уже стояли на палубе катера. Губы людей приобрели синеватый оттенок — реакция на холод и сырость. Профессор Кинси, прибывший вместе с джинау, укутывал Кэтлин Стокуэлл в теплое покрывало.

— Простите! — он шурился, глядя то на гаечный ключ, который Кэтлин все еще сжимала в руке, то на Губернатора. — Мне в самом деле очень жаль! Простите!

Оппак сердито засопел и в упор уставился на человеческую самку. Однако его гнев, похоже, не произвел на нее впечатления. Она даже не отвела глаз. И тогда Губернатор взорвался.

— Она знала, что это произойдет! — его позы сменяли одна другую, не формируясь до конца. Эйлле вспомнил человеческое слово «околесица» и с трудом подавил ухмылку. — Я уверен: она — информатор Сопротивления! Вот почему нас столь вероломно атакowali!

Кинси осторожно отобрал у Кэтлин ключ и отложил его в сторону.

— Ее семья была всегда предана вам.

Может быть, Оппак прав? Эйлле еще раз взвесил все обвинения Оппака. Нет. Однозначно нет.

— Я не думаю, что эта женская особь виновна, — произнес он. — Мятежники пытались убить ее — и убили бы, как и всех остальных.

Сержант Джо Холодное Пиво подошел к Кларику и отсалютовал.

— Все, кто выжил, на борту, сэр. Желаете, чтобы мы попытались поднять тела погибших?

— Какая нам польза от падали? — зарычал Губернатор. — Везите нас на берег! Я разгромлю это гнездо мятежников, прежде чем они попытаются снова напасть!

— Что вы подразумеваете под «гнездом мятежников»? — спросила Кэтлин. Золотистые волосы, намокшие от дождя, облепили ее маленькую головку и походили на лоснящийся пух джао.

Оппак повернулся к ней. Глаза полыхали зеленью, каждый изгиб тела выражал неприкрытую ярость.

— Я собираюсь очистить весь район от людей, — проговорил он. — И начну с ближайшего населенного пункта!

На щеках Кэтлин вспыхнули алые пятна. Она посмотрела на Эйлле, затем на Кларика...

— У вас нет на это оснований! Большинство людей погибнут невинно. Если вам так нужно найти истинного виновника — посмотрите на себя! Вы намеренно провоцировали их! Я предупреждала, что от этой охоты будут одни неприятности, и вы их получили! Разрушение города ничего не...

Удар швырнул девушку прямо на выступ лебедки. Что-то хрустнуло. Коротко вскрикнув, Кэтлин скорчилась на палубе. Ее рука была вывернута под неестественным углом, а рот открыт в беззвучном вопле. Оппак жестом подозвал ближайшего джинау.

— Усмирите эту тварь, немедленно!

Рядовой, еще совсем молодой парень, покосился на Кларика. В его взгляде смешались волнение и страх, пальцы стиснули приклад винтовки.

— Сэр?

Руки Оппака тряслись.

— Я забираю ее жизнь! Усмирите ее!

— Губернатор, постойте! — профессор Кинси неуклюже выбежал вперед, пытаясь заслонить собой лежащую девушку. — Вы не можете сделать этого! Ее отец возглавляет ваше собственное правительство!

Не сводя глаз с Губернатора, Кларик потянулся к пистолету, но Яут с невозмутимым видом шагнул вперед и, оттеснив генерала, встал между ними.

Эйлле поймал взгляд Талли, потом зеленые глаза человека устремились на Яута, снова на Эйлле... Понять, что выражает этот взгляд, было невозможно. Агилера так и не забрал у своего соплеменника пистолет. Если Талли захочет выстрелить в Оппака, непременно это сделает. Похоже, все к тому и шло. Что-то в позе Талли подсказывало, что при всей своей неприязни к Кэтлин Стокуэлл он не позволит ее усмирить. И генерал Кларик — тоже, хотя и по другим причинам. Безумная ярость Губернатора довела людей до того, что они готовы убить его самого, чем бы это им не грозило. Но эта же ярость делает Нарво уязвимым для более утонченного оружия. Эйлле быстро шагнул вперед.

— Охота проводилась в мою честь, — произнес он, почти без усилий принимая безупречную по исполнению трехчаст-

ную позу «гнев-великодушие-стремление-к-справедливости». Удалось! Не в первый раз, но с такой легкостью... — Эта женская особь находится здесь по моему приглашению. Вы уволили ее со службы, поэтому с этого момента она находится под опекой Плутрака, а не Нарво. Таким образом, речь идет о чести Плутрака. И я не допущу, чтобы кто-то ставил ее под сомнение ради мелочного желания показать силу своего гнева!

— Гладкомордый!

Казалось, Оппак выплюнул это оскорбление. Он огляделся, но тщетно. Все его подчиненные погибли во время нападения на «Сансумару», и ждать поддержки было неоткуда. Ситуация была слишком очевидна, чтобы даже полупомутившийся от гнева разум Губернатора смог ее постичь. Оппак кринну ава Нарво ходил по краю пропасти и едва в нее не сорвался. И краем служили как раз границы чести кочена.

Оппак заставил себя успокоиться и принять позу «сожаление-и-раскаяние» — слишком формально, чтобы это выглядело вежливым, но приемлемо.

— Хорошо, раз речь пошла о чести Плутрака, спорить бесполезно, — его уши дрогнули и замерли, повернувшись под опасным углом. — Тем не менее, я буду ждать от вас проведения репрессалий.

Кэтлин все еще корчилась на палубе у его ног, не издавая ни звука, и Оппак бросил на нее гневный взгляд.

— Это будет ваша первая боевая операция, Субкомендант. Хороший шанс обрести славу, к которой вы так стремитесь.

Часть 4

СОЖЖЕНИЕ В САЛЕМЕ¹

Вот он — лучший момент, чтобы устремиться в центр течения. Агент Своры понял это, едва изучил доклад. Они вот-вот схватятся в открытую.

На миг его охватило любопытство. Как станет действовать дальше юный отпрыск Плутрака? Но долго размышлять над этим не пришлось. Ведь Эйлле — истинный *намт камити*. И возможно, как надеялся Наставник Своры, нечто большее. *Намт камити* не только Плутрака, но и всех джао. Возможно даже — и на это очень надеялся сам агент — тот, чьего появления он ждал последние двадцать планетных циклов: *намт камити* людей и джао как единого целого.

И все же делать выводы слишком рано. Но агент мог без сомнений предсказать, какую тактику применит Эйлле кринну ава Плутрак, чтобы одолеть этого грубияна Нарво. Такую тактику применит любой, кто молод, отважен и уверен в себе. Он будет раскачивать лодку, пока та не потонет.

Спору нет, это самая опасная тактика, требующая осмотрительности и дерзости одновременно. Опак в борьбе с ава Харивом не рискнул ее применить. Впрочем, Джита был хитер и осторожен, он сразу почувствовал бы колебания. Но

¹ Название главы наводит на мысль о так называемом процессе над Салемскими ведьмами, который состоялся в 1692 году. Трех девушек, страдающих ночными кошмарами, объявили одержимыми дьяволом и сожгли на костре. Вслед за этим по обвинению в колдовстве были казнены еще несколько десятков женщин.

совсем другое дело — сам Оппак, такой, каким он стал после двадцати циклов бесконтрольного правления. «Китовая охота»... Скоро он и сам уподобится киту, который с разгону выбросится на скалы.

Глава 23

Населенный пункт, на который должен был обрушиться гнев Оппака, назывался Салем. Этот городок недалеко от побережья был невелик, но считался административным центром здешнего округа. Люди называли его «столицей Орегона».

Оппак кринну ава Нарво кипел жаждой мести, но Эйлле не спешил. Время шло, а он находил предлог за предлогом, чтобы отсрочить репрессалию. Необходимо было собрать достаточно войск, доставить продовольствие, технику и боеприпасы с ближайшей базы джао, крупного населенного пункта в том же округе, известного как Портленд. С позиций своих войск, через визуализатор он наблюдал за людьми на окраине города. Они ползли прочь из города под проливным дождем, одни несли в руках узлы, другие — детенышей. Войска джао получили приказ не вмешиваться и не препятствовать эвакуации.

Эйлле был намерен ждать так долго, как возможно, чтобы свести к минимуму потери и одновременно не показать, что бросает вызов Губернатору. Тот, кто не может сражаться, должен уйти. Но мятежники, судя по их предыдущим действиям, хотят открытой конфронтации, и они ее получают. Если же вместе с мирными жителями сбежит несколько солдат, ничего страшного. Значит, их дух не настолько крепок, и не стоит тратить время и силы на их преследование, рискуя вызвать новую волну недовольства среди туземцев.

Разумеется, Оппак кринну ава Нарво придерживался иного мнения. Возможно, он просто ненавидел людей, а может быть, и в том, что Нарво и Плутрак учили своих отпрысков разному. По мнению наставников Нарво, покоренным населением следовало править жестко. Правда, и они не призывали к бессмысленной жестокости.

К ночи прибыли легкая артиллерия и танки — как изначально произведенные джао, так и переоборудованные из че-

ловеческих. Состав полка был соответствующим: помимо джао, в него входило несколько людей-техников.

Едва увидев человеческие танки, Оппак вскипел. Мало того, Эйлле приказал Кларiku мобилизовать заодно и Тихоокеанскую дивизию. Губернатор потребовал, чтобы эти части отослали обратно, но Эйлле ответил вежливым отказом. Здесь он имел право проявить твердость. Его полномочия были обозначены четко и непротиворечиво. Во-первых, Оппак сам оказал ему эту честь, а во-вторых, в подчинении Эйлле находились все войска, за исключением космических. Губернатор был вынужден сдать позиции, и это означало очередную победу Эйлле. Отныне Главнокомандующий Дэно больше не мог утверждать, что Эйлле распоряжается лишь войсками джинау. События, разыгравшиеся во время китовой охоты, уже стали достоянием гласности. Поэтому Каул счел неосмотрительным плыть против течения, если оно сменило направление, и офицеры, отпрыски подчиненных коченов, последовали его примеру. Эйлле добился значительного преимущества.

Раны Губернатора оказались неглубокими и скоро зажили. Однако почти все время он проводил в огромном хэнте, который был возведен на территории их временной базы. Это было первым, о чем Оппак позаботился, не считаясь с затратами. Он явно намеревался лично наблюдать за разрушением Салема. Еще одна маленькая ошибка, вызванная неспособностью обуздать свой гнев. Яут был доволен. Будь Оппак мудрее, он признал бы поражение — которое, в сущности, было незначительным, — вернулся бы в свой дворец в Оклахомасити и подумал, как взять реванш.

Банле, охранница Кэтлин, появилась на причале вскоре после того, как катер джинау доставил туда уцелевших. Очевидно, она покинула тонущий «Самсумару» в самом начале сражения и уплыла в безопасное место. Во всяком случае, ответом на все заданные ей вопросы было угрюмое молчание.

Кларик поспешил исчезнуть, едва катер причалил, но очень скоро вернулся. Эйлле заподозрил, что генерал сопровождал Кэтлин Стокуэлл в лазарет для людей, хотя при данных обстоятельствах не имел на это права. Впрочем... Кажется, причина была очевидна. В отличие от джао, у людей вопрос о размножении решался спонтанно. Эти существа не образовы-

вали брачных групп. Им даже не приходило в голову, что выбор партнера для размножения должен быть результатом взвешенного решения всего кочена, который определит, какой союз обещает наилучшее потомство. Неудивительно, что некоторые из людей на протяжении жизни много раз меняли брачных партнеров. Как можно создать длительные отношения, повинуваясь лишь внезапной прихоти?

Похоже, нечто подобное происходило между Клариком и Стокуэлл. Для этого необъяснимого чувства люди придумали множество названий, но наиболее подходящим Эйлле считал «влечение». При других обстоятельствах он с удовольствием понаблюдал бы за их поведением. Но при нынешнем течении это означало бы неоправданное пренебрежение долгом.

— Больше не отлучайтесь, не известив меня, — Эйлле проводил глазами оборудованный новой магнитной подвеской человеческий танк — пятнистый, зелено-бурый, который плыл мимо — и принял позу «неудовольствие-и-твердость».

— Слушаюсь, сэр. Больше такого не повторится.

Длинные глубокие царапины на лбу и щеке Кларика еще не зажили. Похоже, он не позаботился о том, чтобы своевременно получить медицинскую помощь. Дождь наконец-то прекратился. Лишь время от времени падали редкие капли, зато воздух оставался восхитительно влажным.

— Тихоокеанская дивизия на месте? — спросил Эйлле, постукивая по ноге *бау*.

— Первая бригада прибыла, сэр. Остальные я смогу перебросить разве что дня через два. А скорее, через три.

Краем глаза Эйлле заметил Яута, который вел перед собой Талли и Агилеру. Похоже, с тех пор как эти двое поступили на службу к Эйлле, они неплохо освоили технику ведения. Для того, чтобы знать, куда идти, им хватало едва уловимых жестов *фрагты*.

Наземная боевая машина *джао* подплыла поближе и мягко остановилась. Полномочный представитель Портлендского соединения, Хинн кринну Вэту вау Уаф, закаленный в боях ветеран Завоевания, выбрался наружу и сел на край люка. Это был крепкий *джао* с великолепным *вай камити* — симметричным черным пятном, которое словно расплывалось по его лицу, заливая глаза, нос и щеки.

— Часть к атаке готова, — доложил он и позволил себе разбавить безупречную позу оттенком «раздражения-и-скуки».

Эйлле возмущенно сморщил нос, но поспешно принял нейтральную позу. *Ваи камити* придавал Хинну чрезвычайно воинственный вид, о чем бы ни говорили его жесты. Возможно, внешность обеспечила этому отпрыску чуть более успешную карьеру, чем он того заслуживал. Неудивительно, что он несколько «распустился», как говорят люди.

— Отлично, — произнес Эйлле. — Следуйте дальше.

Ничего не ответив, Хинн скользнул в кабину и захлопнул люк. Машина тронулась и бесшумно понеслась в направлении города, за ней немедленно устремились остальные. Как и большинство наземных подразделений джао, это состояло из тридцати боевых машин и некоторого числа легких невооруженных транспортов, которые перевозили пехоту — в общем около шестисот бойцов.

Вскоре они вернулись в командный центр.

Эйлле надел наголовник, чтобы наблюдать за маневрами полка. Изображение на голомониторы командного центра транслировалось со спутников. Почти весь город был погружен во тьму. Вероятно, основная часть жителей бежала.

Тэмт стояла рядом — полная готовность ко всему, но никакой навязчивости. Обучение под руководством Яута явно шло ей на пользу. Райф Агилера держался поотдадь. Он расхаживал взад и вперед, и Эйлле счел это попыткой сдержать волнение.

— Те самые, — внезапно пробормотал техник, обращаясь непонятно к кому, — Мы с такими дрались под Чикаго.

Кларик прищурился, глядя на экран. Боевые машины джао плавно плыли к городу, словно бледно-голубые призраки в густеющих сумерках.

— И за это время они ничуть не изменились, верно? — Он повернулся к Яуту. — Это в самом деле последнее слово вашей техники, или вы просто не успели его услышать?

— *Последнее слово техники?!*

В такой ситуации даже Яут мог позволить себе приподнять плечи, выражая «недоумение-и-озадаченность». Как и Эйлле, он впервые слышал подобное выражение, которое можно было толковать как минимум двумя способами.

— Усовершенствования, — пояснил Кларик. — Новые технологии, новые разработки ученых...

— Зачем что-то менять? — Яут усилил ноту недоумения в своей позе, не спуская глаз с экрана. — Эти машины хороши сами по себе. Мы знаем, как ими управлять. Запасные части поступают регулярно. Что еще нужно?

— Как давно вы разработали эту технологию? — спросил Агилера. Головной танк открыл огонь по ближайшему сооружению.

— Мы получили их от Экхат, — сообщил Эйлле.

— Значит... по большому счету, это даже не ваши игрушки, — кивнул Талли. — Кто-то их придумал, построил... а вы ими просто пользуетесь и чините по мере необходимости.

Лазер сверкнул снова, потом еще раз, и постройка разлетелась, словно внутри взорвалась небольшая бомба. В воздух полетели горящие деревянные обломки. Танк скользнул к следующему зданию, словно голубой айсберг.

Талли не мог усидеть на месте. Ладно, хватит и того, что Агилера мелькает перед глазами, словно это кому-то может помочь. Зажав ладони подмышками, он попытался унять беспокойный зуд, но это мало помогло, и он засучил ногами. Тупицы, горе-вояки! Откуда только такие берутся, господа! И они еще надеялись пришить Губернатора, идиоты! Талли слышал, что повстанцы северо-запада склонны, мягко говоря, действовать наобум. Но такого он не ожидал.

Надавать бы им по ушам, чтобы мозги встали на место... Поздно, слишком поздно! Душу бы заложил, только бы оказаться в этом городке и попробовать... Да что тут сделаешь? К тому же попробуй хоть шаг шагнуть, когда у тебя на руке этот чертов локатор. Когда повстанцы атаковали траулер, Яут, похоже, отключил его. И снова включил, когда заварушка закончилась. Талли убедился в этом на собственном опыте не далее как пятнадцать минут назад — когда хотел отойти в сторону, чтобы помочиться.

Он мрачно следил, как здания вдоль улицы, по которой шли танки джао, рушатся одно за другим, превращаясь в горящие руины. Но никто не распахнул дверей и не бросился

бежать. Никто не притаился в полуоткрытом окне, чтобы сделать выстрел по медленно ползущим машинам. Ни в одном доме не горел свет. Талли прошел за спиной Яута, поморгал и снова поглядел на экран. Неужели здесь действительно никого не осталось? Он почувствовал, как пьянящая надежда начинает кружить голову. Значит, жители покинули Салем? И не будет той бойни, которую предвкушал Оппак?

Несколько секунд он разглядывал Эйлле. Что-то в позе Субкоменданта говорило о... Черт... Да он доволен собой, засранец!!! Талли вспомнил взгляд Оппака, который случайно поймал некоторое время назад. Казалось, Губернатор сейчас лопнет от злости.

Черт побери, черт побери... Этот хитрожопый ублюдок Эйлле знал, что делал!

Талли судорожно перебирал в памяти все, что происходило после китовой охоты. Теперь он словно увидел это другими глазами — не пленного повстанца, но солдата, который служит давно и знает, что не все приказы надо понимать буквально.

Мать честная... Значит, он нарочно тянул время. Как говорится, поспешал медленно. А ты, Гейб Талли, все ломал голову, чего ради его леталка нарезает круги над Салемом! Для того, чтобы до самых тупых дошло, что скоро здесь начнется настоящее светопреставление. И, само собой, оставил бедолагам лазейку. Хотя куда было проще — оцепить городок, чтобы ни одна крыса не ускользнула. Не так уж он велик, этот Салем. Ну... сколько там народу? Девяносто тысяч? Сто? Всяко не больше.

Кларик почти все время переговаривался с Эйлле, судя по всему, делясь с ним опытом. Он давно командовал Тихоокеанской дивизией и знал западную часть континента как свои пять пальцев. Талли хмыкнул. Лицо генерала казалось непроницаемо бесстрастным... И вдруг их взгляды встретились — всего на миг, — и Талли чудом сдержал восхищенный возглас. И этот туда же!

Впрочем, тут особый случай. Когда Кларик отлучался, в голове Талли возникали совершенно определенные мысли. Его превосходительство явно воспылил любовью к мисс Стокуэлл. Не зря же ему приспичило во что бы то ни стало лично доставить ее в лазарет. Совращение младенцев... Он ей в отцы годится, старый кобель.

Но тут, похоже, не все так просто. Ладно, допустим, старина Кларик втюрился в дочку президента, как последний остолоп. Но, боже мой, он все-таки генерал. Причем генерал, который оказался на передовой. Талли уже успел убедиться, что ему не чуждо ни здравомыслие, ни присутствие духа. Возможно, он триста раз влюблен, но никакая любовь не заставит его забыть о такой штуке, как долг. Он мог выделить девочке отдельный транспорт и почетный эскорт, чтобы ни один волосок не упал с ее головы ни по пути в лазарет, ни обратно. У него была еще какая-то причина, чтобы сопровождать ее лично. Одна-единственная.

Ему требовалось с кем-то связаться — так, чтобы никто не заметил. Штатный коммуникатор для этого не годился, и Кларику пришлось воспользоваться старым добрым человеческим телефоном.

Талли поймал себя на том, что по-прежнему пялится на генерала. Очевидно, Кларик понял это по-своему, потому что снова пристально взглянул ему в глаза. На этот раз выражение серо-стальных глаз генерала было более определенным. Забавно: Талли не первый день наблюдал за ним и с самого начала решил разузнать о нем все, что можно. Но впервые он почувствовал, что готов отсалютовать генералу.

Я не перестал считать тебя чертовым соглашателем, Эд Кларик. И все равно, скажу тебе, ты парень что надо.

Вот только интересно, что ты рассказал ребятам из Салема. Может быть, что-нибудь особо секретное? Направления атаки и прочие тактические данные... Да нет, вряд ли. Ты все-таки джинау, и никуда от этого не деться. А по большому счету — какая разница? Благодаря промедлению Эйлле и предупреждению Кларика салемским градоначальникам с лихвой хватило времени, чтобы вывезти из города всех желающих. Само собой, повстанцы остались — хотя бы потому, что они никому не подчиняются, кроме своих командиров. Но это означает, что предстоит честная драка, а не резня.

Продолжая свои наблюдения, Талли обнаружил еще несколько любопытных фактов. Субкомендант никуда не спешил. И теперь предавался этому занятию с удвоенным пы-

лом. Назвать продвижение сил джао атакой можно было разве что в насмешку. Они не продвигались, они ползли, аккуратно и методично разнося на своем пути все. Все без исключения. Каждый дом и каждую, черт побери, собачью будку.

Вот это шоу. Располагая оружием огромной поражающей силы, которое бьет прямой наводкой по неподвижным целям, при полном отсутствии сопротивления, они все-таки теряли время. Время, за которое кто-то из местных жителей успеет убраться. Теперь Талли не сомневался, почему Кларик посоветовал именно этот маршрут. Почему колонна вошла в Салем с юго-востока, по шоссе I5, и двинулась по широкому бульвару. Чтобы понять это, достаточно знать, что представляет собой обычный североамериканский городок средних размеров. В каждом есть такой бульварчик — бесконечный ряд кафешек и магазинчиков, заправок, автосалонов... Понятно, что сейчас половина этих заведений давно не работала. Жестокость Оппака была подстать его наплевательскому отношению к нуждам завоеванных стран. И вряд ли Салем пребывал в лучшем состоянии, чем большинство населенных пунктов Америки. Сейчас было трудно понять, какие из них сильнее пострадали во время боев.

Почти с радостью Талли наблюдал, как взрывается еще один автосалон. Ох, бедные старушки «хёндаи», как же вам не повезло... Впрочем, какие «хёндаи»? Стекло разлетается, пламя плещет из всех окон, но салон, похоже, был пуст изначально. Ни одного автомобиля, даже самого плохонького. Похоже, от салона давным-давно остались одни вывески.

А папа до самой смерти клялся Фордом. И всегда говорил: покупайте американские машины.

Добравшись до жилых кварталов, джао наконец-то встретили сопротивление. Желтые вспышки автоматных очередей, которые было невозможно спутать с лучами лазеров, пропороли ночную тьму.

Эйлле взвесил в руке свой резной жезл и постучал им по ладони. *Бау*. Талли так и не выяснил, что символизировала эта штукавина. Она напоминала маршалский жезл, но в остальном к воинскому званию отношения не имела. Кажется,

с ее помощью можно было определить, какое положение джао занимает в кочене.

— Ситуация внушает опасения, — произнес Субкомендант. — Мне нужно подойти ближе и лично наблюдать за происходящим. Вы со мной, генерал Кларик.

Остальные — по умолчанию. Талли поспешно направился к выходу. Как и Агилере, ему полагалось идти первым, за ними по пятам следовала Тэмт, Эйлле вышел последним. Дождь, который недавно почти прекратился, снова лил как из ведра. Махнув рукой, Яут подозвал машину, которая стояла неподалеку. Это был бронетранспортер джао — весь округлый, зализанный и по понятиям «пушистиков», наверно, очень красивый. Все не как у людей, ворчливо подумал Талли, забираясь внутрь. Ни одного прямого угла — настоящий «арт деко»... если только он не напутал с терминологией. Но ездить на такой колымаге, согнувшись в три погибели — нет уж, увольте. Это удовольствие для джао, у них ноги короче, а нормальному человеку будет просто некуда девать колени.

Яут и Эйлле уселись рядом с водителем-джинау, а личный штат Субкоменданта разместился сзади. Талли поймал себя на том, что механически ощупывает холодную сталь локатора, обвивающую запястье. Поневоле чувствуешь себя как обезьянка на поводке. И невелика честь, что существо, которое держит поводок, даже с боевым генералом общается точно с кадетом. Кстати, лично против Кларика Талли ничего не имел. Во всяком случае, он мало похож на человека, озабоченного исключительно тем, видны ли остальным его погоны.

Они двигались очень быстро, даже по меркам джао, и вскоре впереди показался хвост колонны. Теперь можно было честно сказать, что танки ведут бой на улицах Салема. Экраны, которые заменяли окна, позволяли видеть все происходящее вокруг. И даже слышать, поскольку в машине было установлено аудиооборудование. Треск автоматов раздавался со всех сторон, почти не умолкая. Это был настоящий противник. Вскоре дорогу перегородила машина джао — она неуклюже завалилась набок, из башенки лениво поднимался дым, а от магнитной подвески ничего не осталось.

— Чтобы так разнести машину, нужен бронебойный снаряд, — заметил Кларик. — Похоже, у них есть несколько руч-

ных ракетных установок. А может быть, и противотанковые орудия.

Хорошее слово — «несколько», подумал Талли, хватаясь за подлокотники. Машина круто повернула, чтобы пропустить группу пехотинцев-джао, которая шагала посередине проезжей части — вернее, того, что от нее осталось. Знал бы он, каких трудов стоило ребятам добыть эти несколько установок или чего там еще. Сейчас даже допотопные пукалки на вес золота.

Да и кому оно сейчас нужно, это золото.

Но каким бы путем они ни добыли эти пушки... Агилера прав, когда говорил, что повстанцы поставили на карту все, что могли. Скорее всего, они запланировали это не вчера и даже не позавчера, иначе просто не притащили бы сюда тяжелые орудия — самое ценное, что у них есть.

Огненно-рыжая вспышка на миг превратила ночь в полдень, и по небу рассыпались искры исплинского фейерверка. Эйлле что-то негромко скомандовал, машина остановилась. Почти в ту же секунду, к изумлению Талли, Субкомендант и Яут оказались на ногах и выскочили наружу. Талли ничего не оставалось, как поспешить следом — Яут не удосужился передать пульт локатора Агилере или кому-нибудь еще. Лучше смерть от шальной пули, чем от электрического разряда, который превратит твои мозги в запеканку.

Впрочем, кого-то тут уже поджарили. Несмотря на проливной дождь, в воздухе висел едкий, острый запах гари. Рядом торчала еще одна подбитая машина джао — не танк, а один из зализанных «бронетранспортеров», в которых перевозят пехоту. Рядом, в грязи, кто-то лежал — судя по росту и внешнему виду, джао. Их было несколько, и никому, похоже, не было до них дела... Значит, покойники? Талли ощутил что-то вроде злорадства. Повстанцы все же устроили «пушистикам» кровопускание.

Говоря высоким штилем, пролили кровь. Столько крови джао Талли не видел за всю свою жизнь. Дождь еще не размыл лужицы ржавой гущи на обломках асфальта. Обычные кровопотери джао — несколько капель, поэтому и кажется, что серьезно ранить «морского скотика» труднее, чем человека. Роб Уайли как-то объяснил Талли, почему это происходит.

Кровь у них останавливается куда быстрее, чем у людей, потому что вместо тромбоцитов у них микронити. Представь-

те себе — нечто вроде тончайшего стекловолокна в сосудах, какие-то органические соединения кремния и алюминия. Кстати, поэтому у них кровь, как морковный сок.

Эйлле склонился над трупами и пару секунд разглядывал их.

— Идем, — сказал он. — Мне нужно посмотреть вблизи. Тут что-то не так.

В этот момент вдалеке что-то ухнуло. Яут спотнулся и упал на одно колено.

— Что это было? — спросил фрагта, выпрямляясь и обращаясь.

Эйлле стоял неподвижно, его уши беспомощно обвисли, в голове все еще стоял гул. Взрывная волна, которая задела их обоих, была довольно мощной. Он несколько раз встряхнулся, точно после купания.

— Думаю, это подземный взрыв, — его вибрисы оцетинились, в глазах плясали зеленые сполохи. — Может быть, какой-нибудь резервуар?

— Например, с летучей огнеопасной жидкостью, — отозвался Яут. — Это имело смысл сделать.

— С вами все в порядке, фрагта?

Чьи-то руки подхватили его, помогая подняться на ноги. Яут обернулся и увидел темноволосого человека. Агилёра.

— Я цел, — проворчал он, мгновенно принимая позу «порицание-и-строгость». Джао не любят, когда к ним прикасаются без необходимости.

— Не думаю, что под нами склад горючего, Субкомендант, — произнес Кларик. — Скорее всего, они пустили по водопроводным трубам газолин, а теперь его взрывают. Образуется большое количество пара. Если бы они знали, что будет такой ливень, то не стали бы так заморачиваться, но метеопрогнозы, особенно долгосрочные — штука ненадежная. Важнее другое: они готовились загода.

Эйлле остановился.

— Вы хотите сказать, что это хорошо организованная засада, а не спонтанная попытка оказать сопротивление?

— Так точно, сэр, — ответил Кларик. — Я не хотел... чтобы это прозвучало оскорблением джао... но вы же знаете

Губернатора. Готов поспорить: все это затеяно нарочно, чтобы спровоцировать нападение на Салем. Начиная с китовой охоты. Разумно предположить, что в качестве объекта для ответных мер Оппак выберет именно Салем. Мало того, что это ближайший крупный город, так еще и столица округа.

— Но... это повлечет потери среди людей.

Агилера покосился в сторону Талли — кажется, весьма недружелюбно — и пожал плечами.

— Ну, потери... Повстанцы рассуждают иначе. Главное — убить побольше джао и их подпевал, а дальше будь что будет. В итоге нам навязали уличные бои, в которых у людей преимущество.

Талли открыл рот, собираясь возразить, но Агилера резко махнул рукой.

— Тс-с-с... — он напряженно повернул голову, к чему-то прислушиваясь. Кларик тоже насторожился. Яут, похоже, еще раньше услышал подозрительный шум и теперь пытался понять, откуда он доносится.

— Господи Иисусе... — прошептал Агилера. — Танки-то у них откуда?

Кларик повернулся к Эйлле, который принял позу «настороженности-и-беспокойства» — совершенно не задумываясь, но очень изящно.

— Прячемся. У них и пехота есть.

Эйлле и Яут как по команде шагнули к своей машине.

— Не туда! — зашипел Кларик. — К черту машину.

Он ткнул пальцем в сторону жилого дома, который стоял чуть в глубине квартала, за деревьями.

— В машине мы будем как в ловушке — если меня уши не подводят. Прячемся быстрее, пока нас не заметили! И водителя, водителя не забудьте! Пусть выбирается и прячется где угодно!

Яут вопросительно взглянул на своего подопечного.

— Делайте, как он сказал, — скомандовал Эйлле. — Возможно, он прав. Но я в любом случае должен это увидеть.

Фрагта послушно произнес несколько слов в коммуникатор. Дверца машины тут же распахнулась, и водитель, выбравшись наружу, исчез в соседнем здании. Рокот становился все громче, заглушая треск автоматов — похоже, танк подо-

шел совсем близко. В это время трое людей и трое джао уже стояли за деревьями. Внезапно по ушам резанул оглушительный визг, почти заглушивший металлический рев двигателя.

— Это гусеницы, — прошептал Агилера, приподнимая голову. — Похоже, тормозят и делают поворот... Ага, так и есть. Свернули за угол. И с ними... несколько пехотинцев в качестве поддержки, человек десять-двенадцать. Тертые ребята. Но если повезет, они нас не заметят.

Танк полз сквозь пелену дождя на неуклюжих металлических гусеницах — темный силуэт, весь из углов и прямых линий. Похоже, половина мощности двигателя уходила на то, чтобы производить шум. Однако Эйлле отметил, что сами гусеницы работают почти беззвучно. Похоже, между металлическими деталями есть какие-то прокладки. Он уже не раз отмечал, что люди, создавая свою технику, проявляют редкую изобретательность. Взять те же подводные лодки или танки. На первый взгляд их устройство казалось грубым и примитивным, но эффективность была достойна самых высоких похвал.

Как и предупреждал Агилера, танк сопровождали несколько пехотинцев с автоматами наперевес. Интересно, зачем это нужно? Ясно одно: они оказались здесь не по собственной прихоти. У людей так принято — поэтому Кларик столь уверенно предсказал их появление, еще не видя танка.

Пехотинцы остановились, оглядываясь по сторонам. Так вот в чем дело. Людям не свойственна самонадеянность в бою, особенно на незнакомой местности; у джао эта черта появилась лишь после долгой череды легких побед. Танк прикрывает пехоту, а та, в свою очередь, защищает машину от внезапного нападения с флангов и тыла. Действительно весьма эффективный прием, особенно при сражении в тесных городских кварталах.

Танк вылез из проулка достаточно далеко, экипаж смог увидеть брошенную машину джао. Гусеницы вновь взвизгнули, механическое чудовище замерло, орудийная башня медленно повернулась, наводясь на цель. Затем раздался громозвучный выстрел.

Прямое попадание.

Казалось, машину разорвало изнутри. Люки, обломки металла, искореженные детали полетели в разные стороны. Из останков корпуса вырвалось коптящее пламя. Здесь не могло быть двух мнений: любой, кто оказался бы внутри, погиб раньше, чем понял, что произошло.

Эйлле тяжело задышал и шевельнул ушами, пытаясь избавиться от боли. Его оглушила не столько ударная волна, сколько сам звук. Перед глазами побежали дрожащие белые линии. Лазерное оружие почти бесшумно, и для тонкого слуха джао такой грохот казался почти невыносимым.

Потом произошло что-то странное. Танк начал пятиться. Не сводя с него глаз, Эйлле принял позу «радости-и-недоумения». Еще немного — и укрыться от пехотинцев было бы невозможно. Похоже, Кларик заметил реакцию своего командира.

— Не думаю, чтобы они ожидали здесь кого-то встретить, сэр, — пробормотал он вполголоса. — Наверно, они просто меняли позицию, чтобы устроить засаду. Это повстанцы, а не профессиональные солдаты. Вряд ли они горят желанием столкнуться с джао на открытом месте. Они слишком дорожат своими танками. Только представьте: потратить несколько лет, чтобы найти эти машинки, потом прятать их...

Объяснение прозвучало убедительно — в том числе и для Агилеры. Генерал выпрямился, прислушиваясь к стихающему року двигателя.

— Вот видите, — он говорил так, словно излагал истину в последней инстанции. — В машине мы бы все изжарились. Они обстреляли нас «колпаками Санта-Клауса» — только не спрашивайте, с него я это взял. На самом деле, редкая глупость. Обычных высоковзрывчатых хватило бы за глаза. У ваших машин броня рассчитана на то, чтобы отражать лазеры. Очередь многоствольного пулемета она еще выдержит, а в остальном наши... простите... их танки куда крепче.

— Что такое «колпаки Санта-Клауса»? — спросил Эйлле, решив расспросить об остальных терминах попозже.

— Снаряд с обедненным ураном, — объяснил Кларик. — Оболочка напоминает по форме конус — это и есть «колпак». Как только снаряд вылетает из дула, она отслаивается. До цели долетает сердцевина — пятнадцать килограмм урана, разогнанные до скорости около двух километров в секунду. Такая

болванка может пробить любую броню, даже активную броню, которой у вас нет, а когда пробьет... — он поморщился. — В общем, уран испаряется. А потом — представьте себе взрыв горючего в замкнутом пространстве. При такой температуре горит все, и органика в первую очередь. Окажись мы внутри, от нас не осталось бы ничего, кроме молекул.

— Любопытно, — заметил Эйлле. — Теперь я понимаю, почему ветераны считают это оружие столь опасным.

Рокот танка стих, и вокруг снова тарахтели автоматы, причем бой явно разгорался. Агилера скользнул за дерево, замер, высунулся... и тут же раздался треск очереди. Танкист охнул и осел, остальные, включая Эйлле, бросились в пыль.

— Эй, выходите! — крикнул из темноты голос. — Или я из каждого решето сделаю, ублюдки!

Глава 24

Ответом был поток отборной брани. Агилера пытался подняться, но не мог. Эйлле с удовольствием узнал некоторые выражения, но его словарный запас явно был слишком беден.

— Не рыпайся, синюшник!

Мужская особь — это Эйлле понял с самого начала. И похоже, человек весьма немолод.

— Молчал бы лучше, старый пень! — Агилера перекатился на спину, морщась от боли и держась за наветренное плечо. — Твой паршивый городишко сравнивают с землей, а людей перебьют. И из-за чего? Из-за какого-то гребаного кита!

— Этот кит заставил нас взяться за ум!

Из темноты показался кривоногий человек с винтовкой в руках. Догадка Эйлле подтвердилась: на голове мятежника почти не было волос — обычный признак старости у людей. Возможно, именно из-за возраста человек двигался тяжело.

— Теперь бросай оружие, или я в тебе еще пару дырок сделаю!

— Если бы он хотел стрелять, то давно бы выстрелил, — негромко обронил Яут, обращаясь к Эйлле на родном языке. — У него есть другие причины этого не делать.

— Он не из Сопротивления, — отозвался Талли по-английски. — Просто какой-то псих, который торчит здесь из чистого упрямства. Он только что истратил последний патрон, а других у него нет.

Он поднялся, подошел к Агилере, присел рядом с ним и расстегнул рубашу танкиста, чтобы осмотреть рану.

— Убери ружье, дед, — бросил он через плечо. — Не майся дурью. Все равно от этого города камня на камне не останется, и ничего ты с этим не поделаешь, и я тоже.

Подхватив Агилеру подмышки, он поволок танкиста под свет фонаря, висящего над входом в дом. Разница в росте — Талли был ниже на полголовы — сейчас особенно бросалась в глаза. Здесь он снова присел на корточки и негромко хохотнул.

— Ну, дед... Волосы ты растерял, а вот глаз у тебя...

Вибрисы Эйлле поникли. Наверно, он никогда не поймет людей до конца. Нет, дело было не в старике. Эйлле уже достаточно общался с людьми, чтобы понять: его позу можно назвать скорее «смушение-и-неуверенность», чем «решимость-и-отчаяние».

Он тоже подошел к Агилере и осмотрел его рану. Крошечная дырочка. Безусловно, не смертельна, даже для такого хрупкого существа, как человек. Под самой ключицей, кровоточит, но не сильно.

— Чего смеешься? — прошипел Агилера — Талли все еще издавал приглушенные звуки, которые у людей служат признаком веселья и в зависимости от эмоциональной окраски называются по-разному. Например, это было «хихиканье».

— Да тут дырки почти не видно. Райф, ты только подумай, тебя двадцать вторым угостили! — он мельком взглянул на ружье, которое старик все еще сжимал в руках. — Да еще и однозарядник... Точь-в-точь мое первое ружье, которое мне папа купил.

Агилера вяло попытался отпихнуть его здоровой рукой, но промахнулся. Похоже, это движение вызвало резкую боль, потому что он шумно втянул воздух и скривился. Но даже в этой болезненной гримасе проскользнула тень улыбки.

— Ушам своим не верю, — бормотание Агилеры стало чуть слышным. — До чего я дожил.

Стрелок подошел ближе, не сводя глаз с Эйлле. Он все еще сжимал в руках винтовку, но уже ни в кого не целился. Если Эйлле правильно понял, оружие больше не заряжено.

— Вы Губернатор?

Талли поднялся и посмотрел на старика сверху вниз.

— Ну, ты загнул, дед. Господи... Ты когда последний раз новости смотрел, а?

— Новости? — старик фыркнул. — Зачем? Чтобы мне вешали на уши...

Талли двигался быстро и ловко. Его рука метнулась вперед и неуловимым движением выхватила у старика винтовку. Протестующий вопль тут же сменился визгом: это Яут повалил мятежника и уже приготовился сломать ему шею.

— Стой!

Яут привык беспрекословно подчиняться своему подопечному, но в глазах фрагты плясало зеленое пламя.

— Он не причинит вреда, Яут.

— Он пытался в тебя стрелять! — фрагта выгнулся в угловатой позе «гнев-и-возмущение». — Это наглость!

— Он не знает меня, — сказал Эйлле.

— Он знает, что ты джао. Этого достаточно, чтобы быть почтительным.

— Безусловно, — Эйлле плавно принял положение «задумчивость-и-рассудительность». — Но...

Он поглядел на Талли и Алигеру и встретил их взгляды, мрачные и непроницаемые. А Кларик? То же самое.

Это было очень важно — жизненно важно. Эйлле еще не успел понять, что именно делало этот момент таким важным, но одно знал точно. Сейчас зарождается новый союз. Его можно укрепить, а можно разрушить — одним словом, одним движением.

— Отпусти его, Яут, — Эйлле произнес это довольно жестко и указал на Алигеру. — Ранили его, а не меня. Пусть он решит, какое требуется наказание.

Агилера недоуменно уставился на Субкоменданта, потом перевел взгляд на Талли... и оба, не сговариваясь, глубоко вздохнули. Эйлле случалось путаться при расшифровке внешних проявлений эмоций у людей, но сейчас он не сомневался. Джао приняли бы позу «облегчения-и-признательности».

Ответ Кларика — более сдержанный вариант, но суть одна. Значит, он принял правильное решение. Он впервые ощутил узы единения. Не робкие побеги, но прочные линии.

— Черт возьми, — сказал Агилера. — Просто дать старому дурню подзатыльник, и... Стойте!

Рука Юта замерла на половине замаха, и фрагта вопросительно уставился на Агилеру.

— Это... хм... ну, просто образное выражение, — взволнованно пробормотал Агилера. — Вы ему просто голову снесете... — он кивнул Талли. — Сделай одолжение, дружище.

Талли криво улыбнулся.

— Пожалуйста.

Он легко поднялся, приблизился к старику и легонько, кончиками пальцев хлопнул по лысой макушке.

К удивлению Эйлле, глаза старика наполнились влагой, которую люди называют слезами. Обычно такой бывает реакция на сильную боль или страдание. Но почему? Удар Талли не смог бы даже раздавить насекомое.

— Я всю свою жизнь прожил в этом доме, — проговорил старик, прерывая слова короткими всхлипами, — с тех пор, как мы с Мардж поженились. Она умерла всего два года назад. Умерла в нашей спальне.

— Знаю, знаю, дед, — негромко отозвался Талли. — А завтра не останется ничего, кроме золы. Но это просто дом, все сказано и сделано. И Мардж его благополучно покинула. Лучше тебе пойти с нами.

Он помог старику встать, почти отпихнув Юта, затем — Алигере. Дождь с минуту назад прекратился, но на лице бывшего танкиста все еще поблескивала влага.

— Даже если это дрянное древнее ружьишко, ему нужна медицинская помощь, — заметил Талли, обращаясь к Субкоманданту.

— Тогда отведи его в лагерь, — разрешил Эйлле. — Я должен остаться, чтобы продолжать наблюдение. Передай медикам, что я разрешаю... — он бросил взгляд на старика. Теперь Талли его не оставит. — ... лечить обоих, если второму тоже нужна помощь.

— Не могу, — Талли поднял запястье с поблескивающей черной лентой локатора. — Разве что Яут пойдет с нами.

Фрагта порылся в небольшой поясной сумке и бросил ему пульт управления.

— Идите.

Машинально поймав гладкий черный прямоугольник, Талли посмотрел на него, потом на Яута и изменился в лице.

— Но...

— Или ты понимаешь *витрик*, или нет, — отрезал Яут. — Я учил тебя, как мог. Остальному учись сам.

Бледный, как полотно, Талли повернулся к Эйлле. Он не верил своим ушам.

— Я вернусь, как только отведу Агилеру и старика, — пробормотал он. — Я не задержусь.

— Ты у меня в личном подчинении, — произнес Эйлле. — Каково бы ни было твое происхождение, это считается великой честью.

Их взгляды встретились. Зеленые глаза Талли отражали свет фонаря и, казалось, в них тоже играют зеленые сполохи.

С соседней улицы донесся звук длинной автоматной очереди. Кларик обернулся — очевидно, пытаясь определить, откуда стреляют.

Эйлле взял руку Агилеры и довольно неуклюже воспроизвел жест, который у людей называют рукопожатием. Голая кожа человека в его ладони оказалась странно горячее: температура тела у людей выше, чем у джао. Эйлле знал это, но до сих пор не осознавал.

— Продолжаем наблюдение, — произнес он. — Теперь я хочу увидеть, насколько эффективно оружие джао.

— Смотрите, как они стреляют, — слабым голосом отозвался Агилера. При тусклом свете лампы его кровь казалась черной, как потек смолы. — И обратите внимание...

Танкист терял сознание. Талли поспешно подхватил его.

— ...как они справляются с лазерами...

Он обмяк, подбородок упал на грудь. Талли выругался.

— Увидимся, — буркнул он и тут же скользнул в темноту, почти неся на себе Агилеру и ведя за руку старика.

Те, кто остались с Эйлле, обошли еще два участка, где велась ожесточенная перестрелка, и оказались почти в эпи-

центре сражения. Теперь, когда вся колонна вошла в город, войска инопланетян наконец-то встретили отпор. Повстанцы, яростно отстреливаясь, отступали от строения к строению.

Снова оказавшись на проспекте, по которому двигались боевые машины джао, Эйлле приказал своей группе залечь среди обломков разрушенного здания.

— Смотрите! — Кларик указал туда, где в лучах уцелевших уличных фонарей кружились, падая, искры света. — Вот про что говорил Агилера!

Эйлле прищурился и разглядел тысячи тончайших металлических полосок, которые кружились в воздухе. Как только луч лазерной пушки попадал в этот «листопад», часть его отражалась под самыми разными углами, и он рассеивался.

Эйлле поднялся выше, не боясь шальных осколков. Каждый изгиб его тела был исполнен «изумления-и-любопытства».

— Что это такое?

— Обрывки алюминиевой фольги, — объяснил Кларик. — Прием, который придумали во время Завоевания. Но тогда она производилась в заводских условиях. А сейчас, думаю, используют старые запасы и изготавливают из подручных материалов.

Танку мятежников, который стоял на перекрестке и стрелял, блестящие полосы не мешали, а сам он становился почти неуязвимым. Вот в одну из машин джао попал снаряд. Из соседнего дома воодушевленно забили автоматы.

— Я готов настаивать на отступлении, сэр, — проговорил Кларик. — Иначе произойдет нечто очень скверное. Наши силы не настолько многочисленны и не подготовлены к подобным боям. И особенно против неприятеля, который надежно окопался, и столь многочисленного. Если по-прежнему пробиваться вперед, ваши воины просто-напросто... истекнут кровью. У людей есть такое выражение, сэр.

Взрыв рассеял темноту — одна из машин джао была уничтожена прямым попаданием снаряда. Эйлле задумчиво посмотрел на то, что от нее осталось. Можно не сомневаться: все, кто находился внутри, погибли. От танка осталась лишь пустая горящая оболочка.

«Истечь кровью». Дикое выражение. Выражение хищника, который жаждет добычи. Но недостаточно сильный и сме-

лый, чтобы убивать быстро, одним ударом. Вместо этого он раздирает бока жертвы, пока та не умрет от потери крови. Эйлле вспомнил, что такие хищники часто охотятся стаями.

— Да, вы правы, генерал. Яут, отдай приказ.

— Оппак придет в ярость, — фрагта уже держал в руке коммуникатор, но не решался его включить. — И непременно воспользуется этим, чтобы тебя дискредитировать.

— Да, знаю. И мне это безразлично, — Эйлле взглянул в сторону Кларика. — Потому, что так велит *витрик*. И потому, что отступление будет лишь временным. Я прав, генерал Кларик?

— Так точно, сэр, — по губам человека скользнула тонкая улыбка. — Это дело джинау.

Глава 25

Оказавшись на некотором расстоянии от места схватки, Талли занялся поисками машины.

Будем считать, что он — как лицо, состоящее в личном подчинении Субкоменданта, — имеет право реквизировать необходимое ему средство передвижения. Разумеется, в данной ситуации это скорее можно назвать «угоном» или «кражей», поскольку разыскивать законного владельца, дабы возвратить ему вышеуказанное транспортное средство, в планы Талли не входило.

Да и будь у него такое желание... Стервец Эйлле, откровенно говоря, провел Губернатора: прежде чем разрушить по его приказу Салем, он позволил населению без особых помех сделать ноги. Но в остальном приказ будет выполнен честно и аккуратно. И поскольку от города останется только пыль и зола, вряд ли кто-то хватится старого автомобиля... Да, безусловно, старого. Большинство человеческих машин, которые еще сохранились в Северной Америке — это древние развалины, сто раз латанные и перелатанные. Они ездят, пока не рассыплются окончательно. Кажется, где-то автомобильное производство все-таки запустили... но кому охота гробить колесное транспортное средство на таких дорогах?

Наконец Талли несказанно повезло. Он наткнулся на старый пикап с откидным верхом, даже заправленный газом.

Старый добрый «Форд»... Надо же, только тебя поминали! Тратить время на взлом замка не имело смысла, к тому же все трое успели промокнуть до нитки. Поэтому Талли просто-напросто разбил стекло со стороны водительского кресла. Отец-механик научил его кое-каким премудростям, а за годы беспутной юности эти навыки активно развивались. Через пару секунд мотор уже урчал, и машина медленно ползла по развороченной дороге. В бардачке обнаружилась карта Салема — Талли вновь несказанно повезло. Они с Агилерой совершенно не ориентировались в городе, а старик впал в глубокое уныние, и тормозить его было бесполезно.

Наконец, Талли удалось выбраться на шоссе I5. Оно вело прямо к военному лагерю, который служил опорным пунктом операции. На шоссе не было ни души, и дело было не только в скверной погоде. Как и большинство дорог Северной Америки, эта была немыслимо разбита. Талли волей-неволей приходилось ехать медленно, хотя состояние Агилеры все сильнее его беспокоило. Двадцать второй калибр двадцать вторым калибром, но огнестрельное ранение — это огнестрельное ранение.

Однако стоило Талли заикнуться об этом, Агилера покачал головой.

— Да не волнуйся ты. А вот о чем стоит волноваться, так это о не в меру притких «пушистиках».

И точно накаркал... Воздушный катер-разведчик джао проплыл футах в пятистах над дорогой. Высунув голову, Талли увидел, что катер начинает двигаться по кругу. Похоже, джао заметили пикап и решили выяснить, в чем дело.

— Ах ты, как все паршиво, — пробормотал он, втянув голову обратно и еще крепче схватившись за руль. — Судя по их настроению, они сперва выстрелят, а потом спросят.

— Тормозни, — прошептал Агилера. — И дай мне лечь. Может, увидят, что я в форме джинау, и отстанут.

Отчасти это помогло. По этой или по какой-то другой причине разведчик стрелять не стал, однако вскоре они были задержаны «завоевателями», и самым *веским* — в буквальном смысле слова — доказательством их принадлежности к джинау был пульт локатора, который оттягивал карман Талли.

Их задержали, но лишь на несколько минут. Положение экзотического зверя подразумевает определенные привилегии.

Офицер-джао связался с командиром разведчика, и остаток пути три экзотических зверя проделали по воздуху. Разумеется, оба пилота постоянно на них глазели.

* * *

Проводив Агилеру и старика в походный лазарет, Талли некоторое время слонялся по самым темным уголкам, пока не нашел дерево, чтобы укрыться от дождя. Лагерь разбивали наспех, посреди Уилламетской долины, на территории одной из заброшенных ферм, которую он занял от забора до забора. Пожалуй, можно было рискнуть и остаться здесь до рассвета — или до тех пор, пока кто-нибудь не наткнется на сидящего под деревом человека и не спросит, что он тут делает. К восходу Эйлле должен вернуться. У тебя мало времени, Гейб Талли. Надо что-то решать.

Впервые в жизни Талли чувствовал, что разрывается надвое. Верность Сопротивлению и...

В ряды Сопротивления он вступил еще мальчишкой. Впервые с тех пор, как этот чертов «пушистик» его завербовал — завербовал силой! — у него появился шанс сбежать. Что еще нужно? Он хорошо поработал, ему есть что рассказать Уайли. Значит, дело за немногим — делать ноги и пробираться в Скалистые горы. По крайней мере, попытаться. Но...

Но он сказал Эйлле и Яуту, что вернется. Дал обещание. Дал свое честное слово. Теперь, наедине с собой, он больше не мог отрицать, что юный отпрыск Плутрака и даже его сварливый фрагта вызывают у него искреннюю симпатию. Он может лгать захватчикам в глаза, но не может пренебречь этим обещанием. Дело зашло слишком далеко. Незвестно, каким образом, но факт остается фактом.

Возможно, есть и третий путь, в смятении подумал Талли, ощупывая прохладную гладкую коробочку, которая лежала у него в кармане. Вдруг фрагта не попросит ящичек обратно? Тогда на какое-то время ты свободен. Можно задержаться чуть подольше, или даже просто подольше. Разузнать о планах высшего командования джао. Пожалуй, в перспективе это

может оказаться куда важнее, чем все сведения, которые он уже успел добыть. И то, что он вообще мог бы сделать.

Начнем с того, что с каждым днем он все лучше овладевает языком джао. Да разве дело только в языке? Он начинает постигать склад их ума, их обычаи... Они постоянно состязаются, борются за влияние. И сейчас более чем очевидно, что наступает переломный момент в противостоянии Эйлле и Губернатора Оппака. Сопротивление может каким-то образом этим воспользоваться... если только сообразят, как. Разделяй и властвуй... Старо, как мир, но до сих пор действует. И кто знает, может быть, тогда у людей появится шанс выгнать с Земли «морских скотиков». Или хотя бы...

Он вздохнул. Наконец-то он позволил себе об этом подумать. «Или хотя бы...» Что? Он не знал.

Он знал лишь одно: он больше не уверен, что у людей только два пути на выбор: очистить Землю от джао или погибнуть в битвах.

Талли вытащил из кармана локатор и задумчиво уставился на него. Близился рассвет, и было темно, хоть глаз выколи. Талли с трудом мог разглядеть даже собственные пальцы. Наверно, такая же тьма окутывала тот самый третий путь, который он только что обнаружил.

Но с этим уже можно было жить. Хотя бы какое-то время.

Он нашел Эйлле, Яута и Кларику близ командного центра Оппака. Не удовлетвовавшись тем, который был возведен изначально, Губернатор построил для себя отдельный — обычное сооружение джао, все обтекаемое снаружи и похожее на лабиринт внутри. Впрочем, одно достоинство этих построек было неоспоримо: они возводились в считанные часы и без особых усилий.

Без особых усилий... Талли усмехнулся. Каких бы усилий это не потребовало, Оппак не откажется от того, чтобы украсить свое обиталище роскошным бассейном. И это, можно сказать, прямо на передовой! Талли снова и снова убеждался, что Губернатор обладал полным набором пороков, присущих джао, не удосужившись обзавестись ни одной из их немногих добродетелей.

Добродетели джао... Еще неделю назад Талли не мог бы слышать такое без смеха. Но теперь, зная Эйлле и Яута, он начинал склоняться к иной точке зрения.

Кларик сидел на бревне, уткнувшись лбом в колени, словно безумно устал. Его синий китель был порван, края ткани потемнели от крови. Похоже, генерал был ранен уже после того, как Талли отправился на базу. Рана кровоточила, но выглядела неглубокой.

Субкомендант и его фрагта казались совершенно невозмутимыми. Тэмт, телохранительница Эйлле, смущенно топталась рядом с таким видом, словно на нее возложили непосильную задачу. И, похоже, личный штат Эйлле продолжал расширяться. Новичок стоял рядом, сложением он напоминал гидрант и настолько же походил на королеву красоты. Во всяком случае, его внешность вполне могла повергнуть в страх бешеного медведя.

Господи Иисусе, он отсутствовал несколько часов! Так сколько народу должно находиться в личном подчинении у какого-нибудь плюшевого превосходительства? Душ пятьдесят, наверно? Или двести?

Оппак пошевелил ушами. Он только что осознал, что шум боя стихает. Неужели молодой отпрыск Плутрака так быстро справился? При всем своем презрении к людям Оппак прекрасно знал, что в привычных условиях они способны не только яростно сражаться, но и проявлять смекалку и мастерство. Эйлле кринну ава Плутрак неопытен, и у него должно было уйти не меньше трех планетных циклов, чтобы сравнять мятежный город с землей. Это в лучшем случае. И без потерь не обойдется — без тяжелых потерь.

Губернатор неохотно вынырнул из бассейна. Вода стекала с его ворса. Парм — служительница, которую он принял на службу несколько дней назад, — шагнула навстречу, держа в руках богато украшенную перевязь и штаны. Оппак поднял руки и позволил себя одеть, потом машинально шагнул в одну штанину, в другую... Сейчас его ум был занят более важными проблемами.

Внезапно его ноздри дрогнули. В плоской миске, стоящей у ног Губернатора, курились щепки така. Их не заменили

вовремя, и к пряному аромату уже начал примешиваться запах гари. Резким пинком Оппак отшвырнул курильницу к дальней стене. Несколько секунд Парм, как замороженная, молча глядела на тлеющие угли, потом медленно — слишком медленно — приняла позу «смущения-и-сожаления»... с явным оттенком «возмущения-и-обиды». И это прислужница, которая только что пренебрегла своим долгом!

— Убери это и убирайся сама!

Он был достаточно зол, чтобы потребовать ее жизнь. Но... тогда придется возвысить до ее положения новую. Которая скорее всего, окажется не лучше — а чего доброго, и хуже.

Парм склонилась над тлеющими углями, сгребла их голыми руками и снова собрала в миску. Наблюдая за ее возней, Оппак поправил перевязь, подтянул штаны и задумался.

Если Эйлле так быстро смог провести Салемскую операцию, за которую отвечал полностью, это будет честью для Плутрака, а не Нарво. Вот почему Оппак так настаивал на том, чтобы нанести удар как можно скорее, не тратя времени на подготовку. Однако этот юнец проявил редкую рассудительность. И все же... Возможно, пока причин для беспокойства нет. И это затишье на поле боя может быть вызвано совершенно иными причинами. Например, тем, что люди отбили акаку. И тогда позор Эйлле будет столь велик, что он сам предложит Оппаку свою жизнь.

И, конечно, Оппак ее примет.

Талли подошел к Кларiku.

— Вам помочь, сэр? Может быть, доставить вас в госпиталь?

Генерал устало поглядел на него. Черт возьми, подумал Талли. Вот человек, который, помимо всего прочего, всю ночь глаз не смыкал... А ведь он лет на пятнадцать меня старше.

— Я уже послал за врачом... впрочем, спасибо. Просто царапина... — губы Кларика дрогнули. — На вас просто лица нет, Талли... Как Агилера? И тот дед — как его зовут...

— Кажется, Джесси Джеймс, — фыркнул Талли. — Или нет... Я не спрашивал, сэр. Если, хм-м...

Улыбка генерала стала шире.

— Если ветер переменится, можете смело заявить, что первый раз видите этого типа, и пусть убирается на все четыре стороны.

— М-м-м... Есть, сэр.

— Присядьте, Талли, — генерал похлопал по бревну, приглашая его.

Черт его дернул предложить Кларiku медицинскую помощь... Спору нет, он славный малый, но прежде всего — генерал джинау. Понятно, что теперь уже не отвертишься. Талли уселся на бревно, словно на головешку, которую, кажется, только-только вытащили из костра.

Несколько бесконечных секунд Кларик разглядывал Талли. Стальные глаза генерала были пугающе холодными.

— Назовите мне его имя, Талли, — мягко произнес он. — И не пытайтесь увилить.

— Простите, сэр?

— Не прикидывайтесь дурачком. Вы не просто сочувствуете Сопротивлению. Вы — его участник. Вот я и хочу знать, насколько активный.

Талли опасливо покосился в сторону Эйлле и Яута.

— Нет, им я ничего не сказал, — проговорил Кларик. — Уверен, что Агилера тоже. Настолько же, насколько уверен, что именно Агилера вас и вычислил. Если это важно — сомневаюсь, что Белк и проговорился. При всей его нежной любви к вам.

И наверняка Белк называет его «хорьком» — точно так же, как повстанцы называют коллаборационистов «соглашателями». С тех пор, как Белк помог ему обзавестись локатором, они почти не виделись. Неизвестно, зачем Эйлле держал при себе Белка, но сейчас Субкомендант в его услугах явно не нуждался.

— А почему он меня так ненавидит, сэр? — Талли потер запястье. — Я в жизни его не видел — до того дня, как он явился к Субкоменданту с этой хренью.

— Попробуйте взглянуть на ситуацию его глазами, Талли. Перенеситесь на двадцать лет назад. Вы возвращаетесь домой с войны — кстати, он служил во флоте. И обнаруживаете, что в вашем родном городе орава так называемых «патриотов» линчует так называемых «соглашателей», продавших

Землю инопланетянам. По какой-то причине к оним причисляют ваших родных. Неизвестно, почему — может быть, из-за того, что ваша жена что-то не поделила с соседкой. Как бы то ни было, ее вешают. А заодно и ваших двоих детей. Семилетнюю дочку и девятилетнего сына.

Талли передернуло.

— Господи Иисусе... Где это случилось?

— Техас. Точнее — Амарильо.

— А, эти засранцы... Северный Техас — земля... ладно, не буду. Дело в том, что тамошние группы Соппротивления — обыкновенные провокаторы. Они нам такую свинью подкладывают... Кстати, и Уайли тоже так думает.

— Уайли? Роб?

— Не нужно имен, — Талли нахмурился.

Кларик торопливо огляделся.

— Я знаю, что Уайли примкнул к Соппротивлению. И что он там не окажется на последних ролях — с его-то опытом и подготовкой. Сейчас он где-то в Скалистых горах, а вы как раз оттуда. Да, я проверял, — он снова посмотрел на Талли. — К вашему сведению, подполковник Роб Уайли командовал моим батальоном во время Завоевания. Чертовски славный офицер. Передайте ему от меня привет, когда встретите... или если встретите.

В течение нескольких секунд Талли смотрел в серые глаза генерала. Такие же спокойные, какими казались всегда. Самообладание.

— К чему весь этот разговор, сэр?

— Честно? Понятия не имею. Просто мне кажется, что в мире что-то начало меняться. Может быть, придет день, когда мне надо будет связаться с кем-нибудь из Соппротивления — кто имеет там реальный вес. Думаю, на Роба Уайли можно будет положиться... — он увидел, как вытянулось лицо Талли, и фыркнул. — Ну, на вашу сторону я вряд ли переметнусь, что бы ни случилось. Я уже давно не держу зла на ублюдков, которые убили моего отца, брата и невестку. Это были именно ублюдки, подзаборная шваль. Просто я не вижу смысла в том, чем вы занимаетесь. Поймите, Талли, у вас нет и одного шанса из тысячи. И вовсе не потому, что джао контролируют космос, а вам туда в жизни не выбраться. Причина в другом.

Вы ведете партизанскую войну. А чем вы можете обеспечить себе успех? У вас есть хоть один опорный пункт, с которого вы можете действовать? Или хотя бы нейтральная территория? Разумеется, нет. Поэтому прошло уже двадцать лет после Завоевания, а у вас до сих пор полная неразбериха. Вы знаете, хотя бы приблизительно, сколько групп Сопротивления действует в Штатах? Не знаете. У них нет ничего общего — ни программы, ни структуры, разве что все кричат «Джао, убирайтесь домой». Все, что вам нужно — это устроить один раз что-то вроде съезда представителей. Я уверен: очень многое сразу встало бы на свои места. Но провести вам его, опять-таки, негде — у вас нет безопасного места. У вас не один год уйдет только на то, чтобы все это организовать. А до тех пор вы будете действовать каждый сам по себе, со всеми вытекающими последствиями.

Талли отвел глаза. Генерал чуть ли не слово в слово повторял жалобы Уайли.

— Поймите, Талли: это правда. Я понял. Уже давно. Избавиться от джао невозможно. Пройдет еще лет двадцать, и от Сопротивления не останется ничего, кроме банд подонков. Так что, как ни крути, нам придется найти с джао общий язык. Хотим мы этого или не хотим.

Глаза бы мои на это не смотрели. Талли упрямо поджал губы и услышал, как Кларик негромко засмеялся.

— Ладно, не берите в голову. Я пока не собираюсь заниматься политическими преобразованиями. Просто хотелось поболтать, чтобы скоротать время. Пойду взгляну, не нужно ли чего-нибудь Субкоменданту.

Генерал поднялся. Талли поглядел на него снизу вверх. Глаза Кларика напоминали море зимой.

— И все равно... передайте привет полковнику Уайли. Думаю, вы с ним все-таки увидите. И еще передайте, что я очень не хотел бы делать то, что собираюсь сделать завтра в Салеме с этими горе-вожаками. Но если понадобится — сделаю. И если это поручат мне, а не какому-нибудь джао по назначению Губернатора Оппака, я вытащу Роба из его норы. Они не знают, как это сделать, а я знаю.

Он развернулся на каблуках и направился туда, где стоял Эйлле. Подумав секунду, Талли поднялся и зашагал следом.

* * *

— Я посоветовался с Вротом кринну Хемм вау Уатнаком, ветераном Завоевания, — произнес Эйлле, когда Талли и генерал подошли ближе. — Мы обсудили ход последнего сражения, и он полностью согласен с вашим мнением. Джао действительно плохо подготовлены для выполнения такой операции.

Уши Врота шевельнулись.

— У людей есть очень хорошее изречение. Мне вообще нравятся их изречения... «Откусили больше, чем могут проглотить». — он произнес это на родном языке, но очень по-человечески. — За те годы, пока я воевал, мы не раз оказывались в подобных ситуациях. И я понял, в чем была наша ошибка. Не стоит драться с людьми в городах, если без этого можно обойтись. Люди невероятно искусны, когда дело касается ловушек, засад, диверсий... А человеческий город — самое подходящее место для применения такой тактики.

Господи, откуда они выкопали это чудо природы?

Поза Эйлле чуть изменилась. Казалось, он выглядел увереннее и строже.

— Я пришел к такому же заключению. И поэтому поручаю проведение операции вам, генерал Кларик, и вашей дивизии. Приступайте, как только будете готовы.

— Есть, сэр.

Талли заметил, как у Кларика загорелись глаза. Генерал уже собирался уходить, когда Эйлле остановил его.

— Подождите, генерал.

Эйлле посмотрел в сторону своего командного центра. Рядом с хэнтон Губернатора это здание казалось еще меньше.

Из дверного проема вышел Ют, сжимая что-то в руке. Талли понял, что это такое. Коротенькая толстая палочка, которые джао называют «бау». Такая была у Эйлле, и Субкомендант редко с ней расставался. Палочка казалась деревянной, но на самом деле была сделана то ли из рога, то ли из кости.

Приблизившись к Эйлле, ффрагта почтительно отдал ему палочку, и Субкомендант немедленно передал ее Кларику.

— Я вручаю вам бау, Эд Кларик. Принесите его назад с честью.

Глава 26

Кларик разглядывал короткую резную палочку у себя в руке. Он даже не знал, что думать и лишь механически ощупывал неглубокие канавки на ее поверхности. Их было немного, а узор выглядел незамысловатым. Вроде погон младшего офицера. Генерал с усмешкой подумал, что точно такая же резьба нанесена на *бау* самого Эйлле. Вот так бывает. Оценка боевого опыта... Мало кому из офицеров-джао, которые сейчас находятся на Земле, довелось воевать больше Кларика. И уж всяко не Эйлле, который получил свое первое назначение.

Бау — это не погоны и не орденская планка. Это нечто более личное, то, что относится к оценке твоих собственных достижений. Этаким аналог «стены самолюбия», на которую люди-офицеры вывешивают похвальные грамоты, благодарности и отчеты о своих боевых достижениях. Но у джао это носит более официальный характер и каким-то образом связано с отношениями в кочене. Как именно, Кларик пока не понял. Надо будет спросить Кэтлин или доктора Кинси — они лучше во всем этом разбираются. А впрочем... все это детали. Главное — суть: Кларик никогда не слышал, чтобы офицеру джинау вручили *бау*. Теперь после каждого успешно выполненного задания на эту палочку будет наноситься какой-нибудь завиток. Нет, даже не это главное. С этого момента коренным образом меняется его положение в этом обществе. Он становится... нет, не равным, у джао нет такого понятия: у них все подчиняется строгой иерархии.

Скажем проще: его... приняли. Между ним и джао больше нет барьера.

— Верните его, когда вернетесь с победой, — проговорил Эйлле. — Вам добавят нарезку за Салем.

— Есть, сэр!

Чтобы отсалютовать, *бау* пришлось переложить в левую руку. Машина уже ждала, и Кларик жестом подозвал ее. Как обычно, это был человеческий транспорт — «*хэмви*»¹, — с маг-

¹ Широкий джип-пикап, «родственник» «хаммера».

нитной подвеской и устройствами связи джао. Подобно большей части техники джинау, он явно знал лучшие дни.

Усевшись рядом с водителем, Кларик поймал его взгляд, устремленный на бау. Казалось, ничего другого парень просто не видит. Через пару секунд тот наконец-то поднял глаза и залился краской, так что многочисленные веснушки потонули в румянце. Если бы не сидел, вскочил бы и вытянулся по струнке, подумал генерал. Похоже, значение этой штуковины для него не секрет.

— Поехали, поехали! — рявкнул Кларик. — Что вам, особое приглашение требуется?

Эйлле наблюдал за продвижением бригады Тихоокеанской дивизии из своего командного центра. Благодаря спутникам слежения, воздушным катерам-разведчикам и устройствам видео- и аудиосвязи, которые были в срочном порядке переданы всем частям, играющих в атаке ключевую роль, он хорошо представлял себе общую картину.

Кларик приказал бросить в бой человеческие танки со старыми кинетическими орудиями и несколько изменил тактику. И вскоре стало ясно, что приемы, которыми повстанцы успешно отражали атаки джао, больше не действуют. Джинау не тратили времени и сил на разрушение зданий. Они полностью сосредотачивались на подавлении очагов сопротивления.

Стоя рядом, Врот комментировал происходящее. Несомненно, у него был богатый опыт, и к полудню Эйлле понял, на чем строит свою тактику Кларик. Пехота, подобно щупальцам, ползла вперед, оценивая обстановку. Едва пехотинцы встречали сопротивление, их немедленно отводили, и в бой вступали танки и легкая артиллерия. Эти прицельные удары оказывались поразительно мощными. Кларик не тратил сил, чтобы просто разрушать строения, но если это требовалось для того, чтобы уничтожить мятежников... Это была тактика точечных ударов, тонкая и безжалостная.

Замечания Врота были краткими, но поразительно точными. По его мнению, можно было достичь еще больших успехов, подключив к операции летательные аппараты — для координации боевых действий и поддержки с воздуха.

— А еще лучше, — его голос гудел, точно басовая труба, — если вы дадите джинау воздушные корабли. Прежде чем изгнать людей с неба, мы понесли большие потери из-за их летательных аппаратов. Разумеется, с нашими катерами они не идут ни в какое сравнение, и их электронику можно вывести из строя, но с наземными войсками они справляются прекрасно. Только позаботьтесь, чтобы люди не передрались между собой. И особенно это касается пилотов. За ними нужно, как говорят люди, следить в оба. Иначе вы не успеете вздохнуть, как вас начнет осаждать толпа полоумных, которые будут требовать особой формы, особых знаков отличия... а то и отдельного командования. По большому счету, люди — очаровательные существа, но у них есть поразительная способность разваливать все.

Яут нашел Врота вскоре по возвращении из Салема. На самом деле, трудно сказать, кто кого нашел. Врот был старым боевым товарищем Яута, когда-то они вместе участвовали в завоевании Хос Тира — «когда были молоды и горячи», как выразился Яут, принимая великолепную трехчастную позу «веселье-воодушевление-и-ностальгия».

Пока длилась церемония представления, Эйлле разглядывал ветерана. Тот все еще казался крепким, его глаза смотрели ясно, *ваи камити* почти не читался из-за многочисленных шрамов и служебных отметок. Старик совершенно не стеснялся и откровенно изобразил «восхищение-и-внимание».

— Субкомандант Эйлле, — сообщил он, — до меня дошли слухи, что Плутрак даровал нам одного из своих отпрысков. И я прибыл сюда, чтобы увидеть это собственными глазами... — он поморгал. — Этот *ваи камити* ни с чем не спутаешь.

— Прибыли откуда? — спросил Эйлле.

— Из населенного пункта, который люди называют «Портленд». Я живу там с тех пор, как вышел в отставку. Я приехал с войсками, которые назначены на это задание. Там мое лицо знакомо более чем многим.

Вдалеке прогремело несколько взрывов. Врот повернулся к экранам, и его поза изменилась — теперь это была довольно грубая версия «суровости-и-неодобрения».

— Вы потеряете много воинов, прежде чем сделаете дело, — изрек он. — Больше, чем необходимо. В таких боях у людей всегда преимущество.

— И у вас были такие бои?

— Предостаточно, — Врот сделал плавный жест, словно обводя свое покрытое шрамами лицо. — И меня метили не только командиры. Получил с лихвой, как сказали бы люди.

Эйлле заметил, что Яут разглядывает их обоих. В позе фрагты была какая-то двойственность. Ожидание... желание... В полумраке его глаза светились, словно ориентир.

Да, разумеется. Этот старый *баута* обладал бесценным опытом. И бесценными знаниями об этом мире — именно тем, что сейчас было нужнее всего.

— Ваше имя? — спросил Субкомендант.

Тело старика «расплылось в удовольствии» — это человеческое выражение идеально описывало его позу.

— Врот кринну Хемм вау Уатнак.

Хемм — молодой периферийный кочен — находился в союзе с более многочисленным Уатнаком и уже прославился грубостью и неотесанностью своих отпрысков. Они были надежны, но слишком прямолинейны, чтобы легко создавать новые связи. Впрочем, у этой грубой прямоты была и оборотная сторона — честность.

— Я бы мог получить немалую пользу, выслушивая мнение столь опытного воина, — проговорил Эйлле. — Тем более — так хорошо знакомого с этим миром.

Это было приглашение на службу, и ничто иное. Наряду со множеством служебных меток, на щеке Врота была метка *бауты* — ветерана в отставке. Термин происходил от «*бау*» и обозначал жизнь, прожитую со славой для кочена и Наукры.

Принять статус *бауты* было делом добровольным. Большинство джао — например, Яут, — не соглашались на такой шаг, хотя имели на него полное право. Это означало разрыв всех связей, в том числе и с родным коченом. Отпрыск, который стал баутой, таким образом, мог провести остаток своих дней, как ему угодно. Это означало почти неограниченную свободу — свободу от *витрик*. Но и одиночество, ибо свобода от исполнения долга не приносит радости.

Врот покосился в сторону Кларики. Генерал был ранен, и кровь еще не полностью остановилась, но он держался с твердостью, которая сделала бы честь джао.

— Я слышал, вы взяли к себе на службу не одного человека, а несколько, — заметил Врот. В наклоне его ушей проявилось неодобрение — или это лишь показалось?

— Да, — спокойно ответил Эйлле. — Мне кажется, это лучший способ понять этот мир и принести здесь пользу.

— Воистину, — подхватил Врот. — Несмотря на вашу юность, вы рассуждаете весьма здраво. Если бы таким здравомыслием обладали те, кто выбирал Губернатора Земли, Нарво не прислали бы сюда этого бешеного ларрета Оппака. Служить Плутраку будет для меня великой честью.

— Тогда я приглашаю вас к себе на службу, — произнес Эйлле, принимая позу «приветствие-и-почтение». — Вы окажете честь Плутраку и мне лично.

Это было действительно честью. Баута редко соглашается поступить к кому-либо на службу. Но Эйлле сделал себе мысленную пометку: если дело дойдет до деликатных переговоров, Врота не задействовать. Каковы бы ни были способности и знания старика, — а они были весьма обширны, иначе Яут не выглядел бы таким довольным, — чувством такта он явно не отличается.

— Вы и в самом деле получаете удовольствие, общаясь с людьми? — спросил Эйлле.

— О, да, — ответил Врот. — Ну, иногда это меня тяготит, но... Они куда более сообразительны, чем мы, а сообразительность всегда восхищала. Может быть, это у меня возрастное... А может быть, потому, что я из Хемма — грубый мужлан, как говорят люди, — и всю жизнь провоевал... Но мне нравится на Земле. На редкость увлекательно. У людей куда больше способов развлечься и занять себя, чем вы способны вообразить, и многие из них мне по вкусу. Об этом у них тоже есть изречение. Думаю, у них они обо всем есть. «Как удержишь на ферме того, кто побывал в Париже?»

Эйлле это ни о чем не говорило, но старый воин находил его весьма забавным.

— Но вы же не можете все время предаваться человеческим развлечениям?

— Конечно, нет. Большинство из них — просто глупая трата времени. Другое дело командные виды спорта, как они это называют. Например, футбол. Восхитительное зрелище, хотя мне ни за что не позволят играть... Но как может разумное существо ради собственного удовольствия залезать на крутую скалу? А то, что они зовут музыкой и живописью... По большей части просто ужасно. Отвратительный шум, от которого болят уши, бессмысленные пятна красок, разбросанные по поверхности без всякой определенной цели! Учтите, многие из людей разделяют мое мнение... — его уши игриво шевельнулись. — Но главное мое занятие — учить. И учиться.

— Учить?!

Эйлле был потрясен. Достойные отпрыски, отойдя от дел, занимались обучением детенышей, а лучшие из них возвышались до звания фрагты. Но природа вещей такова, что у бауты нет дальнейших обязательств перед коченом.

— Кого вы обучаете? И чему?

На миг тело ветерана приняло положение «смущения-и-неловкости».

— Я учу людей. В Портленде есть одно учебное учреждение — люди называют их университетами. Поскольку настоящих коченов у людей нет, они используют эти учреждения для того, чтобы дать образование детенышам, которые подаются надежды. Портлендский университет невелик, но имеет долгую славную историю, и учиться в нем весьма почетно. Его называют «Тростниковым Колледжем». Вскоре после того, как я обосновался в Портленде, один из их старейшин подошел ко мне и весьма робко — ха! — спросил, не соблаговолю ли я обучать их детенышей нашему языку.

Эйлле и Яут переглянулись.

Немыслимо. Эйлле — Субкомендант, *намт камити*, — приглашая Врота к себе на службу, был охвачен почтительным трепетом. И вдруг какое-то безродное человеческое существо осмеливается вот так запросто приблизиться к бауте...

Врот погладил отметину на щеке.

— Возможно, отпрыски Уатнака грубы и неотесаны, молодой Плутрак. Но меня учили еще детенышем, что начать с

оскорбления — значит разрушить союз прежде, чем он возникнет.

Эйлле учили тому же самому. Но теперь он снова осознал, сколь велико различие между наставлениями и урем-фа, обучением через тело. А для старого бауты это обучение продолжалось всю его жизнь — поэтому она не была растрачена впустую.

— Наставьте меня, — пробормотал он.

— Они не хотели ни оскорбить меня, ни проявить неуважение, — Врот снова коснулся отметины. — По их обычаю, это честь. Я так и воспринял это предложение. Честно говоря, эта идея показалась мне занятой. Я дал согласие и до сих пор ни разу об этом не пожалел. Человеческие детеныши — само очарование... некоторые из них. Во всяком случае, они бывают весьма заняты. И куда больше наших склонны попадать в разные неприятности. То, что у людей называется «щекотливым положением».

На языке у Эйлле уже вертелись несколько вопросов, а за ними должны были последовать другие, но разговор пришлось прервать. Бой в Салеме, судя по всему, достиг апогея, и Эйлле снова повернулся к экранам.

Кульминация боя была короткой и яростной. Эйлле понял, что Кларик сумел согнать всех защитников города в одно место, которое представлялось наиболее защищенным. Это было огромное, пышно украшенное здание в центре города — очевидно, в нем прежде размещалась администрация. Салем был тем, что люди называют «столицей штата». Вероятно, это здание что-то для них символизировало. Либо мятежники считали, что Кларик не решится его разрушить.

Однако они просчитались.

Здание было окружено одним из обширных незастроенных участков территории, которые назывались парками. По какой-то непостижимой причине этот назывался «молон»¹. Джинау могли штурмовать здание, не опасаясь, что при этом

¹ Мол («The Mall», место для прогулок) — прямоугольная зеленая зона в центре Вашингтона, начинается перед Капитолием и заканчивается у мемориала Линкольна. Недалеко расположен Белый дом.

пострадают мирные граждане, которые еще не успели покинуть Салем. На этот раз пехоту пришлось применить лишь в последнюю очередь. Генерал просто подвел к зданию танки и артиллерию. И лишь когда от последнего оплота повстанцев остались лишь обломки, над которыми клубилась пыль, Кларик отправил пехотинцев на поиски тех, кто мог чудом уцелеть.

Разумеется, уцелевших не оказалось.

К рассвету следующего дня бои закончились. Бригада джинау захватила тридцать семь бойцов Сопротивления, большинство в той или иной степени пострадало, и еще пятерых, явно никогда не принимавших участия в бою. Тем не менее, Кларик счел их соучастниками.

— Вероятно, вспомогательный персонал здешних отрядов Сопротивления, — предположил Врот, глядя на мониторы, где пехотинцы-джинау вели к машинам команду грязных и совершенно деморализованных пленников. — Большинство гражданских покинули город до того, как вы вступили во взаимодействие с противником.

— Вступили во что? — Эйлле обернулся, принимая позу «потрясение-и-недоумение».

— Расхожее выражение, — пояснил ветеран. — Люди часто его употребляют. В данном случае означает: «преобразовали войска в действующую единицу».

— Любопытно. Я запомню. В любом случае... — он вновь пристально посмотрел на что, что осталось от города. — Я намеренно позволил уйти невинным. Следовать *витрик* — не значит убивать тех, кто не желает сражаться.

В этот момент на одном из мониторов появился Кларик. Генерал ждал дальнейших указаний.

— Полагаю, основная часть города осталась нетронутой, — произнес Эйлле.

— Так точно, сэр, — на лице Кларика не дрогнул ни один мускул. Только почтительное внимание, и больше ничего. — Вы желаете, чтобы я приказал бригаде приступить к уничтожению Салема?

Эйлле колебался, но лишь мгновение. Он был уверен: у людей есть *витрик*. И эта уверенность росла.

— Нет, генерал. Ваша бригада исполнила свой долг, и исполнила очень хорошо. Разрушить город поручается формированиям джао. Они приступят к исполнению приказа, как только вы убедитесь, что все ваши солдаты его покинули.

Эйлле показалось, что в его позе появился оттенок «облегчения-и-признательности»... Трудно сказать. Генерал джинау превосходно умел скрывать свои чувства. Если бы Кларик был джао, его можно было бы принять за одного из Гончих Эбезона.

— Как вам уютно, сэр... — Кларик замялся. — Мне потребуется некоторое время на то, чтобы вывести войска.

Эйлле был удивлен, хотя и не подал виду. Несомненно, Кларик постарается, чтобы у мирных жителей, которые еще остались в городе, осталось побольше времени для бегства.

— Понято и принято, генерал.

Кларик отсалютовал и исчез с экрана. Эйлле встал.

— А теперь я должен сообщить Губернатору о наших успехах.

Фрагта и его подопечный переглянулись. Им предстоит еще один бой. Бой, к которому Эйлле был готов. Он чувствовал удивительную уверенность, но Яут не был тоже уверен в нем — об этом говорила поза старого воина.

Да, Яут уверен в нем — но не в его чувстве потока.

— Подождем, — проговорил Яут. — Пусть вернется Кларик.

— Почему?

— Трудно объяснить. Но думаю, джинау лучше находиться поблизости, когда ты... — он покосился на Врота, но, очевидно, решил, что баута достоин полного доверия. — ...Когда ты загонишь в ловушку Нарво. Еще раз.

Отпрыски кочена Уатнак не отличаются утонченностью, а Хеммы, их младшая ветвь, и подавно. Поза Врота выражала «предчувствие-новой-беды» — в чистом виде, без оттенков.

— Я буду тому свидетелем, — прорычал он. — И смогу сказать, что служить вам — великая честь.

Глава 27

Лениво бродя по своему хэнту, Оппак просматривал видеолинки. Его плечи и спина выгибались в неприкрытой яро-

сти. После того, как за дело взялись джинау, сражение проходило куда успешнее, чем он ожидал.

И это было оскорбительно. Мало того, что Плутрак назначил на такой пост гладкомордого отпрыска. Как будто управлять миром — простая задача, с которой может справиться даже детеныш, еще не покинувший пруда рождения! А теперь юный выскочка со своими туземцами доказывает, что это действительно так, делая унижение Оппака еще более болезненным.

Будь его воля, он стер бы в порошок их кости, прежде чем они уничтожат его самого! Истребил их молодняк, очистил бы эту землю пламенем! Он...

Сделав над собой усилие, Оппак вырвался из мечтаний. Положение становится угрожающим, теперь Плутрак открыто бросает ему вызов. Как бы ни хотелось дать волю гневу, на это просто нет времени.

Но еще больше Оппаку хотелось вернуться во дворец и вдоволь поплавать. В огромном бассейне, который обустроен по его вкусу, а не в этой жалкой тесной емкости — ничего лучшего в хэнте соорудить не удалось. Что же до естественных водоемов планеты, то вода там никуда не годится. Слишком много солей... да и просто грязи. Чтобы восстановить внутреннее равновесие, нужны запахи и тактильные ощущения родного мира Нарво, хотя бы созданные искусственно.

Он не заметил, как в помещении появился служитель-джао.

— Прибыл Каул кринну ава Дэно, — сообщил он. — И желает с вами поговорить.

Еще бы ему не желать, брезгливо подумал Оппак. Главкомандующий слишком беспокоится об интересах своего кочена, чтобы упустить случай выяснить, какие перспективы обещает ситуация.

— Пусть войдет.

Оппак делал отчаянные попытки погасить тлеющий гнев. Это оказалось непросто. Давно прошло время, когда он наслаждался, лавируя в течениях нескончаемых тактических пикировок, которыми обменивались соперничающие кочены, и упивался своей ловкостью. За годы жизни на Земле Оппак потерял вкус к подобным развлечениям — впрочем, и не толь-

ко к ним. Теперь игры коченов казались ему, в лучшем случае, нудными и утомительными.

Дэно, как всегда, был прям.

— Ава Плутрак возносится, — сказал он. — И победа, добытая так скоро и такими способами, вознесет его еще выше. Не усложняйте положение, не бросайте ему вызов. Выждите, пока он споткнется. Он одарен, но молод и порывист. Вот мой совет.

Оппак почувствовал, как внутри вновь нарастает ярость, но заставил себя справиться с ней. Он не может позволить себе оскорбить Дэно. Да, Плутрак и Нарво всегда были первыми. Но Дэно тоже входит в число великих Изначальных коченов. Прибыв на Землю несколько орбитальных циклов назад, Каул почти всегда оставался верным союзником Оппака. Субкомендант Эйлле стремительно укрепляет свои позиции, и Оппаку как никогда нужно было сохранить доверие военного командования этой планетной системы.

Однако все, что Губернатору удалось — это невнятно хмыкнуть в ответ. Что могло означать согласие... равно как и несогласие.

Некоторое время Дэно задумчиво разглядывал Губернатора, затем принял позу «чувство-долга-и-исполнительность» со слегка скептическим наклоном ушей и удалился.

Оппак раздраженно подозвал служителя и стал надевать перевязь. Он последует совету Дэно. По крайней мере, дождется, пока Эйлле кринну ава Плутрак рапортует ему о победе.

— И...? — спросил Джатре кринну Кио вау Дэно, фрагта Каула.

Теперь, оказавшись вне поля зрения Губернатора, Главнокомандующий позволил себе более резкие и откровенные позы.

— Может, когда-то Оппак и был *намп камити*, — он изобразил «свидетельство-глупости», — но сейчас в это трудно поверить. Течение несет его все дальше в безумие. Он уподобился бешеному ларрету.

Джатре осмотрительно бросил взгляд на вход в хэнт Губернатора. Ларрет... Старый матерый самец одного из видов

крупных травоядных, обитающих на Хадире, родной планете кочена Дэно. У них случаются приступы безумной ярости; бывали случаи, когда они в припадке бешенства бросались на боевые машины.

— Если Плутрак оценил ситуацию, — заметил Джатре, — а в этом можно не сомневаться, учитывая, какой у него фруга, — он станет раскачивать лодку. Вернее, стал раскачивать.

— Рискованно, — пробормотал Каул. — Очень рискованно. Такой тактикой любят пользоваться отчаянные молодые отпрыски, уверенные в себе — а чаще слишком самоуверенные. Я слышал, что он тоже *намт камити*. Но... не слишком ли неосторожно?

Он смолк, размышляя над словами своего фруга. «Раскачивание лодки» — тактика, которую часто вспоминают, рассуждая о противостоянии коченов, но редко применяют на деле, и причина тому — сопряженный с этим риск. Один из коченов склоняет другой к взаимодействию, решительно усиливая противодействие, и с каждым шагом равновесие становится все более шатким. Каждое последующее действие оказывается более решительным, чем предыдущее, и вызывает еще более решительные ответные меры. И так до тех пор, пока один из них не совершит непоправимую ошибку, нарушив обычай.

Это красивая тактика. Но слишком велика вероятность, что один из тех, кто исполняет этот танец на краю пропасти, промахнется и рухнет в бездну.

— И что нам следует делать?

— Пока ничего. Только наблюдать.

Откуда-то донесся шум двигателя. Уши Джатре поднялись, вибрисы дрогнули.

— А вот и ава Плутрак.

Вскоре машина подъехала ближе. Это был транспорт джина — и, судя по опознавательным знакам на борту, ни много ни мало личный транспорт командующего Тихоокеанской дивизии. Потом Дэно заметил и самого Кларики, а рядом с ним — Эйлле.

Смысл происходящего был очевиден.

— Я был прав, — констатировал Джатре. — Раскачивание лодки. Теперь он намеренно провоцирует ава Нарво.

Его подопечный наблюдал за хэнтом Губернатора. В дверном проеме показался Оппак, и его поза была более чем красноречива.

— И у него это получится, — мрачно заметил главнокомандующий.

Эйлле справился, и это не отняло у него много времени. Каул и Джатре благоразумно приняли роль сторонних наблюдателей. Стоило Субкоменданту начать рапорт, как Оппак перебил:

— Свои бессвязные сентенции представите мне позже, в письменном виде. Сейчас я хочу получить отчет только о карательных мерах.

— Разрушение города продолжается, Губернатор, и...

— Сколько этих тварей убиты? — рявкнул Оппак.

Приняв позу кротости, Эйлле поглядел на генерала джинау, который стоял рядом. Кларик прочистил горло.

— Нами обнаружено сто семьдесят два мертвых мятежника, сэр. Несомненно, их число больше — большинство погибли при разрушении зданий, и их тела вряд ли будут найдены. По моей оценке, общие потери противника — не менее трех сотен убитыми, около сорока взяты в плен, большинство из них ранены.

— Три сотни?! В таком крупном населенном пункте?!

Кларик твердо смотрел поверх головы Губернатора, не встречаясь взглядом с его глазами, в которых прыгали зеленые искры ярости.

— Так точно, сэр.

— Почему не больше? Их должно быть тысячи... нет, десятки тысяч!

— Полагаю, большинство горожан эвакуировалось, как только стало ясно, что наши войска будут штурмовать город, — спокойно объяснил Кларик. Он стоял по стойке «смирно», его выправка был безупречна, а бау зажат подмышкой и даже не шевелился. Встопорщив вибрисы, Оппак метнулся к Эйлле.

— И вы этому не воспрепятствовали?

— Вы приказали разрушить город, — заявил Эйлле. — Вы ничего не говорили о населении.

— У вас был приказ!

— И я его выполнил, — ответил Эйлле. Его поза плавно изменилась и выражала «спокойствие-и-уверенность» в одном из самых утонченных вариантов, что сейчас было весьма уместно — как и тон речи, кроткий, но твердый. — Ваша мудрость меня восхитила. Наказать местных жителей, уничтожив их имущество, при этом не озлобив их гибелью чрезмерного количества людей.

— Вы издеваетесь!

Оппак как будто стал еще выше, каждый изгиб его тела воплощал кричащий вызов. Будучи старше Эйлле, он отличался чрезвычайно мощным для своего роста сложением. Каул вспомнил слова Джатре и чуть заметно кивнул. Ава Нарво действительно очень напоминал разъяренного ларрета.

Однако Субкомендант словно не замечал его гнева. Спокойная поза не изменилась, а голос звучал так же ровно.

— Разве? Я хочу лишь служить Губернатору, как и все, кто здесь находится — и джао и джинау. Сегодня мы многому научились.

— О да, — выдохнул Оппак, — это был прекрасный урок. И вот вам еще один: не надейтесь, что я это забуду!

Он повернулся, чтобы уйти, и Каул уже был готов вздохнуть с облегчением. Скверно, но могло быть куда хуже. Но почему Джатре до сих пор в напряжении? Неужели отпрыск Плутрака сделает что-то еще?

Генерал джинау шагнул вперед. Как обычно, прочесть его позу и выражение лица было почти невозможно, но в приподнятых плечах угадывалось напряжение. Кларик еще не успел потянуться к своему *бау*, когда Каул понял, что задумал Субкомендант.

— Подождите немного, Губернатор, — произнес Эйлле, не меняя тона. — На *бау* Кларика полагается добавить нарезку. Разумеется, как отпрыск Плутрака, я имею право сделать ее сам, но эта честь по праву принадлежит Нарво.

Губернатор замер на середине движения и уставился на жезл, который протягивал ему Кларик. Молчание тянулось несколько секунд. Внезапно с яростным возгласом Оппак выхватил *бау*, сломал его пополам и швырнул обломки к ногам Эйлле, а потом помчался к своему хэнту, распахивая людей и джао.

Эйлле поглядел на сломанный бау у своих ног и перевел взгляд на Дэно.

При всем желании Каул не смог бы сделать вид, что ничего не заметил, к тому же Джатре вряд ли позволил бы ему изображать отсутствие. Да, Дэно — старый союзник Нарво. Но великий кочен остается великим коченом, пока в нем ценится честь. И превыше всех заботятся о чести кочена его фрагты — таков их *витрик*.

— Я видел. И сообщу обо всем в Наукре... — и сделает это, даже если придется несколько изменить свои планы. — ...если эта новость вообще достигнет их ушей.

— Достигнет, будьте уверены, — Яут мрачно шевельнул ушами. — Битва между Плутраком и Нарво началась давно. Просто теперь они сражаются открыто, и исход может быть лишь один.

Об этом можно было и не говорить.

Каул и Джатре не обменялись ни словом, ни жестом, пока не сели в свой корабль, чтобы вернуться в Паскагулу.

— Да, теперь они сражаются открыто, — нарушил молчание Каул. — И мы должны заботиться о Дэно. Только о Дэно.

— Воистину, — согласился фрагта.

* * *

После того, как Оппак и Дэно удалились, Эйлле позволил своему телу выразить «возмущение-несправедливостью». Обломки *бау* по-прежнему валялись на земле, и при виде уничтоженного жезла его поза становилась жестче.

— Это было опасно, — изрек Яут без тени упрека. — Он мог потребовать вашу жизнь.

— У него нет достаточно веских причин, — тихо возразил Эйлле. — Я бы отказался. Если бы Оппаку хватило глупости вынести дело на рассмотрение Наукры, меня бы там поддержали. А если бы Наукра заколебалась, свое слово сказала бы Свора Эбезона. Сломать *бау*!

Он коротко махнул рукой в сторону обломков. Выходка Оппака была не просто нарушением обычаев джао. Дарование *бау* — право кочена. Разумеется, Оппак мог отказать в нарезке. Но он посмел оспаривать право Плутрака даровать

бау, а это было неслыханным оскорблением. Противостояние коченов неизбежно, но оно должно оставаться в определенных границах. Именно для этого в первую очередь существовали Наукра и Свора Эбезона — орудие ее воли, способное действовать не только убеждением, но и силой. Свора обладала весьма широкими полномочиями и никогда не отказывалась ими воспользоваться. Порой Гончие вмешивались, не дожидаясь решения Наукры — особенно когда ситуация была настолько понятной, как сейчас. Высокомерие и наглость отпрыска Нарво вышли за пределы разумного, и никому бы не пришло в голову это отрицать — даже Дэно.

Эйлле посмотрел на город. Завеса дождя превращала зарево над пылающими зданиями в зловещее пятно — оранжевое, как кровь.

Если хочешь приносить пользу — действительно приносить пользу, — ты должен поступать, как считаешь необходимым, и быть готовым ответить за последствия своих действий. Особенно если ты отпрыск Плутрака. Не в обычае Плутрака поддаваться на провокации. Тем более на провокации Нарво. И таких, как Оппак. Едва познакомившись с Губернатором, Эйлле задал себе вопрос: почему Нарво направил его сюда? Ответа на этот вопрос по-прежнему не было.

Кларик склонился, чтобы подобрать обломки бау.

— Простите, сэр.

«Простите»?! Генерал в точности выполнил все, что приказал ему Эйлле, хотя никто не объяснил ему, зачем это делается. Обычно в таких случаях люди не догадываются о скрытых целях командования или ограничиваются смутными догадками.

— Нет нужды извиняться, — успокоил его Эйлле. — Вы не совершили ничего недостойного, Эд Кларик. Это Оппак опозорил себя. Я позабочусь о том, чтобы для вас изготовили новый бау, уже с нарезкой за победу при Салеме. Губернатор не имел права так поступать. Я хочу, чтобы вы знали: вражда между Плутраком и Нарво началась давно, задолго до того, как родился кто-либо из ныне живущих. И рано или поздно это закончится.

— Понимаю, сэр, — отчеканил Кларик, но в его глазах Эйлле заметил тревогу.

Эта тревога оправдана, подумал молодой Субкомендант. По большому счету, Оппак прав. Его приказ допускал несколько вариантов толкования, и Эйлле выбрал именно тот, который провоцировал столкновение. Но иначе нельзя. Выбор действий определяет *витрик*, он еще важнее, чем логика «раскачивания лодки». Управление людьми требует легкой руки, если мы в дальнейшем рассчитываем на союз. Как именно и каким образом это надлежит делать, остается неясным. Но продолжать по-прежнему — значит не выполнить то, что требует *витрик*. *Витрик*, каким его понимает Плутрак, а не Нарво. Эйлле вспоминал события последних дней, и многое вставало на свои места.

Например, китовая охота. Устроив ее, Оппак просто пренебрег обычаями некоторой части туземного населения. У людей даже не было единого мнения на этот счет. Достаточно выбрать другую добычу или другое место — и большинство туземцев вообще ничего бы не заметили. Вместо этого Губернатор спровоцировал акт протеста, подставив под удар не только себя, но и всех, кто был с ним. Приказав в наказание уничтожить Салем, он совершил еще одну ошибку, только усугубив ситуацию. Для начала можно было бы потребовать выдачи мятежников, которые там скрывались. На этот раз потери среди джао оказались еще более высоки, а к ним прибавились бессмысленные человеческие жертвы. Кларик прав: повстанцы заманили нас в ловушку, подумал Эйлле. И это был весьма искусный маневр. Они словно приняли в расчет безрассудный гнев Оппака и сумели предугадать его удар. Если бы Эйлле не поручил бы решить задачу джинау, джао не отделались столь легкими потерями. Конечно, в итоге победа была бы за ними. Но бой оказался бы куда более *кровавопролитным*, как говорят люди. И Соппротивление воспользовалось бы этим, чтобы получить поддержку среди туземцев.

Он снова посмотрел на сломанный бау. Вот так действуют Нарво. И это ведет к поражению. Значит, отпрыскам Плутрака следует выбирать свой путь.

Теперь они схватились в открытую, и исход может быть лишь один. В этом Яут совершенно прав.

Часть 5

ИНТЕРДИКТ¹

Наставник читал рапорт своего агента на Земле — скорее ради развлечения, чем с какой-то определенной целью. На самом деле, там было просто не о чем читать — ситуация почти не изменилась. И лишь в конце — настоящая новость: краткое сообщение о появлении корабля Интердикта возле узла сети. Наставник уже пересказал содержание рапорта Полномочному представителю Тьюре, умолчав лишь о том, что стояло в самом конце послания. Просто чтобы ее не сердить.

Там было всего три слова: «Самое время выступать.»

Вот еще одно доказательство тому, что этот агент — лучший из всех, кто находился в распоряжении Наставника. Никто другой просто не посмел бы отправить такое сообщение. Наставник бросил взгляд на Тьюру, которая стояла рядом и ожидала его распоряжений. Даже она, Полномочный представитель, несмотря на свой ранг, способности и уверенность в себе, не отважилась бы давать указания Наставнику.

По крайней мере, пока. Но будем надеяться, что в будущем она себя проявит.

— Наш агент... хм-м... рекомендует нашему флоту выступать. Я согласен с этой рекомендацией. Проследи за этим, Тьюра.

— Будет исполнено, Наставник. Весь флот?

¹ В католицизме временный запрет (без отлучения от церкви) совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды (от *лат. interdictum* — запрещение).

— Пока только Гончие. Если потребуются вспомогательные корабли и более легкие суда, мы сможем добавить их позже. А пока я хочу обеспечить возможность подавить любое сопротивление. Группа из шестидесяти трех Гончих — как раз то, что надо.

— Безусловно, остальные нам тоже понадобятся, — заметила Тьюра. — В том случае, если появление Интердикта предвещает наступление сил Полной Гармонии.

— Да, конечно.

Она слегка склонила голову набок и развернула уши.

— Однако пока вы не хотите вмешиваться? Флот должен оставаться близ узла, который выходит к Земле? Это может оказаться опасно, Наставник, если мы встали на пути Полной Гармонии.

— Да, возможно. Но я тоже не могу выбрать ничего, кроме раскачивания лодки... Ход событий по-прежнему должны определять действия Эйлле кринну ава Плутрака, а не Своры. В противном случае считайте, что двадцать лет работы прошло впустую.

Он удалил послание из памяти голоконтейнера.

— И если Земля не уцелеет — значит, так тому и быть. Суть любой стратегии состоит в том, чтобы выбрать из двух зол наименьшее.

Глава 28

Эйлле и его подчиненные, включая Кларика, отбыли в Паскагулу первым же суборбитальным челноком. Они задержались лишь для того, чтобы Тэмт забрала из госпиталя Кэтлин Стокуэлл. Эйлле желал, чтобы Кэтлин непременно попала в число пассажиров. Опак по-прежнему пребывал в бешенстве, и юная человеческая особь могла стать жертвой его необузданного гнева.

Тэмт доставила ее, когда остальные уже находились на борту челнока. Едва Кэтлин вошла в люк, Эйлле заметил ее... равно как и Кларик, который немедленно вскочил, чтобы помочь ей.

Ее кожа была такой бледной, что казалась почти прозрачной — Эйлле уже знал, что у людей это было признаком не-

домогания. На лице темнела пурпурная гематома, насердная рука в гипсе и подвешена на косынке. Кэтлин заглянула в салон, потом вошла и стала пробираться между сидений. Она выглядела измученной и еле передвигала ноги. Кларик, чрезвычайно обеспокоенный, поддерживал ее.

— Перелом, — сообщила она на джао, изобразив одним плечам нечто вроде «неловкости-и-сожаления», затем упала в кресло рядом с Эйлле, откинулась на подголовник и закрыла глаза. Тэмт села по другую сторону от нее.

Кости джао очень крепки. Если дело дошло до перелома, сопутствующие повреждения обычно представляют угрозу для жизни. Вот еще одно напоминание о том, насколько хрупок человеческий организм. В будущем это надо будет постоянно иметь в виду, отдавая во время боя приказы войскам джинау. В некоторых видах наземных операций люди превосходят джао, но не в рукопашной схватке. В человеческой армии был особый род войск — кажется, их называли «коммандос». Джао идеально подходят на эту роль. Можно придать несколько частей джао войскам джинау. Это обеспечит дополнительные возможности развития союза людей и джао на гармоничной основе.

Разумеется, Оппак примет эту идею в штыки, как говорят люди — но ведь это касается только войск, которыми командует сам Эйлле. Одобрения со стороны Дэно тоже не последует. Однако Эйлле был уверен: Главнокомандующий не попытается открыто противодействовать ее осуществлению. После того, как Губернатор сломал бау Кларика, Каул предпочтет позицию нейтралитета.

Двигатели оглушительно взревели, челнок задрожал, набирая скорость. В этот момент Эйлле заметил, что Тэмт выглядит слегка обеспокоенной... или даже весьма встревоженной... и то и дело поглядывает в его сторону. Ава Плутрак присмотрелся повнимательней. Да, похоже, его телохранительнице довелось принять участие в небольшой стычке.

Качнуv вибрисами, он дал понять, что хочет услышать объяснение.

— Одна особь, которая назвала себя Банле кринну нау Нарво появилась в госпитале, — сказала Тэмт. — Она заявила, что Кэтлин Стокуэлл принадлежит дому Губернатора, и попыталась забрать ее.

Эйлле приподнялся в кресле, чтобы должным образом изобразить «трудность-понимания», и плотно прижал уши к голове.

— В самом деле? И как ты добилаcь своего?

Тэмт и в самом деле была встревожена. Она то и дело меняла позы, не завершая ни одну.

— Я... ну... М-м-м... Единственной возможностью было применить силу... То есть усмирить эту Банле... Что я и сделала.

Кларик улыбался. Он подозрительно долго пристегивал Кэтлин ремнями безопасности, потом уселся напротив и одним движением защелкнул пряжку. Рокот двигателей становился гуще: челнок двигался сквозь атмосферу, преодолевая притяжение Земли.

Тут Тэмт взглянула на Юта, чья поза не выражала ничего, кроме ярости, и окончательно смешалась.

— Я поступила правильно?

— Как нельзя более правильно! — взорвался фрагта. — А что ты еще могла сделать? Наглость этих Нарво не имеет пределов!

Телохранильница буквально стекла в позу «радости-и-облегчения». Оказывается, не она была причиной гнева Юта! Ведь это был такой риск, и Ют наконец-то это понял! Нападение на кого-либо из Нарво — даже нао Нарво — требовало от джао с таким низким статусом отваги и преданности.

— Ты хорошо поступила, Тэмт, — проворковал фрагта. — Просто великолепно. Твой поступок послужит чести и твоей, и Плутрака. Ха! Это надо было видеть... Жаль, меня там не было!

Возможно. В таком случае, до стычки вообще бы не дошло. Вряд ли хоть один джао, даже не зная о положении Юта, полезет с ним в драку — разве что вконец потеряв голову от ярости или наглости. Фрагта великого кочена выбирается не только за мудрость.

Эйлле решил сделать все возможное, чтобы успокоить Тэмт. Вряд ли ее чему-то учили, прежде чем Ют нанял ее на службу. Скорее всего, она даже не представляет истинного значения своего поступка. Неудивительно: когда начинается борьба Изначальных коченов — а тем более великих Изначальных коченов, — мелкие и незначительные, вроде того, из которого происходит Тэмт, много раз взвешат все «за» и «против», прежде чем осмелятся принять в ней участие.

— Кэтлин Стокуэлл некогда принадлежала кочену Нарво, — проговорил он. — Но это больше не имеет значения, поток изменил направление. То, что Банле напала на тебя, говорит лишь о том, что она не знает своих обязанностей. Применение физической силы к служителям своего дома — крайняя мера, равносильная увольнению. Так принято в великих коченах. Следовательно, Кэтлин Стокуэлл уволена, и ее может принять на службу любой, у кого она пожелает работать. Что я и сделал, не нарушив обычая. Любой, кто состоит у меня в личном подчинении, находится под защитой Плутрака. Требования, которые Банле предъявила от имени Нарво, совершенно неуместны, поэтому твои действия были абсолютно правомочными. Поступить иначе означало покрыть себя позором, и Плутрак позаботится о том, чтобы тебе не причинили вреда.

Напряженное тело Тэмт обмякло, она поуютнее угнездилась в кресле и окончательно успокоилась.

Эйлле поглядел на Кларику. Генерал был всецело поглощен созерцанием Кэтлин Стокуэлл и не замечал ничего вокруг. Обычно он прекрасно скрывал свои чувства, но сейчас... Так бывает, когда улавливаешь смысл фразы на чужом языке, не понимая отдельных слов. Вздвинченность. Еще в большей степени — гнев. Безусловно, они связаны с привязанностью к этой женской особи из кочена Стокуэллов. Но было нечто еще более сильное, чем гнев. Что-то... очень близкое к ликованию.

Это неизбежно, мрачно подумал Эйлле. И опасно. Но опасность — прямое порождение должностных преступлений Оппака. Бесспорно, твердость в отношениях с подданными необходима. Чтобы знать это, не надо быть отпрыском великого кочена. Но за время своего правления Оппак зашел слишком далеко. Можно только догадываться, как его возненавидели за эти двадцать планетных циклов остальные люди, если он сумел настроить против себя даже отпрыска правящего клана и одного из высших офицеров джинау.

Безумие!

Однако даже безумие может оказаться полезным, если должным образом построить взаимодействие. Должным образом, с должной деликатностью. Осторожно, одно за другим заменять связующие звенья между джао и людьми, подставляя Плутрак на место Нарво. Но так, чтобы не создать угрозы

правлению джао на планете. Падение Нарво вызовет волну грубого ликования; им тоже можно воспользоваться, но очень осторожно, как обоюдоострым клинком.

Эйлле покосился на своего фрагту, и тот ответил понимающим взглядом. Как же это хорошо — как чудесно! — снова работать вместе со своим наставником! И чувствовать, что вы — словно две руки, направляемые одним разумом.

Яут прочистил горло.

— Учитывая переменчивость настроений Оппака... думаю, будет мудро назначить Тэмт телохранителем Кэтлин Стокуэлл. По крайней мере, на какое-то время.

— Согласен, — с воодушевлением отозвался Эйлле. — Я в ближайшее время смогу обойтись без телохранителя: после своей выходки Губернатор постарается, чтобы ни у кого не возникло даже мысли о том, что Нарво угрожает Плутраку. По крайней мере, открыто.

По большому счету, это справедливо и в отношении Кэтлин Стокуэлл, но людям вряд ли понятны такие тонкости. Одного взгляда на Кэтлин и Кларику было достаточно, чтобы убедиться: они оценили бессмысленный жест Эйлле... и не просто оценили.

Но как понять чувства Тэмт? Любой джао — или почти любой — счел бы такое назначение оскорблением. Состоять телохранителем при туземце! Однако лицо Тэмт, и еще сильнее — ее поза, выражали... удовлетворение, и ничто иное.

А потом Эйлле увидел, как хрупкая рука Кэтлин шевельнулась, на миг легла на могучее запястье Тэмт и чуть сжала его. И Тэмт, вместо того, чтобы отстраниться, вдруг накрыла маленькую ладошку человеческой женщины своей лапой и ответила мягким рукопожатием.

Странное зрелище. И Эйлле, и тем более Яут сочли бы такое прикосновение неприятным, если не отвратительным. Но пути, которыми возникают и углубляются связи — даже между джао — весьма многообразны. Для Эйлле не было секретом, что Тэмт страдает от эмоционального состояния, очень необычного для джао. Но не для людей, и у них есть для него название. Она одинока.

Яут нарушил неловкую паузу.

— Не исключено, что на нас попытаются напасть люди.

На этот раз Эйлле даже не потрудился бросить взгляд на Кларику. Ответ генерала можно было предсказать заранее.

— Для Тихоокеанской дивизии будет честью обеспечить Субкоменданту Эйлле безопасность любым способом, каким он пожелает, — отчеканил он. — Если необходимо, я могу предоставить свой лучший батальон для постоянного выполнения этой обязанности.

Эйлле быстро произвел подсчеты.

— Батальон — это слишком много, генерал Кларик. Думаю, одной роты будет достаточно. Может быть, ту, что сопровождала нас во время китовой охоты?

— Будет исполнено, сэр, — Кларик вытащил коммуникатор. — Считайте, что они уже на борту. Я немедленно отдам приказ капитану Уолтерсу.

Он вполголоса заговорил в динамик коммуникатора. Серо-голубые глаза Кэтлин раскрылись и посмотрели на Эйлле, а тело приняло позу «удивление-и-благодарность».

— А каковы будут мои обязанности?

— Вы будете консультировать меня по вопросам поведения и психологии людей, — ответил Эйлле. — И, если возникнет необходимость, обеспечивать перевод. Вы говорите на нашем языке бегло и почти без акцента, а кроме того, владеете Языком тела — в отличие от большинства людей, которых я встречал. Ваша помощь окажется весьма ценной. Возможно, вы даже сможете обучить правильным позам остальных людей, которые состоят у меня на службе.

— Я... постараюсь.

Она не просто постарается, подумал Эйлле, глядя, как меняется пейзаж внизу. Джао крайне редко впадают в безумие. Но Эйлле снова и снова убеждался, что Губернатор Оппак действительно безумен. По крайней мере, становится безумным время от времени.

Яут уверен, что понял причину, по которой это произошло. Но проблема куда сложнее. Дело не в том, что Оппак «заразился человеческими привычками». Так можно сказать про Врота. Поведение ветерана можно назвать грубым — это свойственно отпрыскам Уатнака, — может быть, даже странным. Но никому не придет в голову сказать, что он обезумел. Оппак делал то же самое и одновременно — в корне противополож-

ное. Он перенимал человеческие привычки, противопоставляя себя туземцам, выбирая самое отталкивающее, что есть в людях. Остального он не заметил. Нет, хуже. Отверг.

Оппака терзал гнев — глубокий, глухой, зреющий уже давно. Причину этого гнева Эйлле не знал. Но, какова бы она ни была, союз, неизбежно возникающий между победителями и побежденными, превратился в нечто уродливое. Нечто... Да, Яут прав. Нечто человеческое.

Он повернулся к Кэтлин.

— Есть некоторые термины, с которыми я столкнулся, изучая вашу историю. Они вызвали у меня затруднение, и я хочу попросить, чтобы вы мне их объяснили.

— Пожалуйста.

— Первый термин — «тиран». Второй — «деспот».

Талли наблюдал за Эйлле и юной Стокуэлл из своего кресла. Похоже, Субкомендант всерьез заинтересовался дочкой президента. Интересно, с чего бы это. Насколько знал Талли, джао не испытывали к «человеческим особям» противоположного пола ничего, сколько-нибудь похожего на сексуальное влечение. Ни одного случая изнасилования за двадцать лет отмечено не было, равно как и любых других отношений, имеющих сексуальную окраску. Жестокость джао была на удивление «бесполой». И не из-за физиологической несовместимости: судя по форме половых органов джао, соитие не вызвало бы никаких затруднений.

Нет, дело не в том, что джао спариваются исключительно со своими соплеменниками. А в том, что они делают это до странности редко. Такое ощущение, что их не возбуждают не только люди, но и особи своего вида. Никаких «мальчики налево, девочки направо». Самцы и самки ходили друг перед другом нагишом, вместе отправляли нужду и вместе купались. Может быть, у них и детей нет? По крайней мере, на Земле никто ни одного не видел. Да нет, вряд ли. Просто джао не привозили сюда свои семьи — или что там у них вместо семей.

В общем, куда больше можно рассказать о брачных обычаях медуз.

Талли повернулся, и что-то твердое врезалось в ягодицу. Что-то прямоугольное, с острыми краями, лежащее в заднем кармане брюк.

Пульт локатора. Он все еще в его распоряжении, хотя Яут вряд ли об этом забыл. Талли скосил глаза и взглянул на непроницаемое лицо фрагты. В обсидиановых глазах вспыхивали редкие искорки. Ах ты, чертов «морской скотик»... Он тебя испытывает, Гейб Талли. И если что не так, ты заплатишь, скорее всего, своей жизнью. Нет, не так... Посчитай, сколько раз ты смотрел в лицо смерти, с тех пор как эти ублюдки высадились на планете? Давай, воспользуйся шансом, беги! Может быть, тебе это и удастся. Нет, расплата будет куда более страшной. Потому что ты заплатишься своей честью. Тем, что джао называют «витрик».

Господи...

У тебя нет причин беспокоиться о том, что о тебе подумает Яут. Он просто джао, «пушистик», «морской скотик» — в первую очередь и в конечном итоге. У тебя нет причин беспокоиться о чем бы то ни было, кроме попытки сбежать. В конце концов, вспомни свой первый долг — долг любого, кто оказался в плену. Ты выучил это вместе с азбукой и счетом в лагерях повстанцев, ты ел это на завтрак морозными серыми рассветами, ты твердил это, как молитву, перед сном.

Яут бил тебя, не проявляя ни терпения, ни доброжелательности. Он требовал от тебя того, что ты был не в состоянии понять даже отчасти, и отказывался что-либо объяснять. «Уремфа», обучение через тело, вот как это называется. И ты ни черта не должен ни ему, ни Субкоменданту. И все же...

Он вытащил черную коробочку, некоторое время вертел ее в руках, разглядывая со всех сторон. И, наконец, снова положил ее в карман.

Губернатор Оппак в бешенстве. Это ясно как день. Субкомендант Эйлле... он что-то сотворил там, в Орегоне. Обвел Губернатора вокруг пальца, как сказали бы люди. И, похоже, этим дело не ограничится. Ситуация складывается напряженная, и дальше будет только хуже. Возможно, Сопротивление найдет способ этим воспользоваться. И это значит...

Это значит, что он, Талли, занял идеальную позицию, чтобы наблюдать за происходящим. И анализировать.

И ждать. Третий путь все еще представляется...
Возможным. И даже достойным. Равно для людей и джао.
Господи помилуй... Я начинаю понимать этих ублюдков.

* * *

Кэтлин откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза и попыталась отвлечься от боли. Сломанная кость безумно ныла.

Надо просто о чем-то подумать. Например, о бархатистой руке джао, которую все еще прикрывает ее ладонь. Почти всю свою жизнь, почти все двадцать четыре года, она провела среди инопланетян — и впервые почувствовала к одному из них нечто, отдаленно напоминающее симпатию. Нет, не симпатию. Привязанность. Кэтлин была слишком честна с собой, чтобы лгать себе на этот счет.

Кто-нибудь вроде Эйлле вызывал бы у нее уважение. Или восхищение. Но Тэмт... Какими бы ни были их отношения, во что бы они не переросли позже, сейчас их наполняла подлинная теплота. По крайней мере, о себе Кэтлин могла говорить с уверенностью. Возможно, и Тэмт отвечает ей тем же. Потому что по-своему джао тоже способны испытывать чувства, которые люди называют «теплыми» или «сердечными».

Причина? Не исключено, что просто из-за одиночества. Нет, Тэмт нельзя назвать отверженной. Но с таким низким статусом она не могла рассчитывать ни на уважение, ни тем более на симпатию своих соплеменников.

Кэтлин вздохнула. Насколько искаженным было до сих пор ее восприятие джао! Те, с кем она общалась до сих пор, были «сливками общества», недостижимой стратосферой, или прихлебателями, которых они приблизили к себе. Но каким видится то же самое общество глазами одного из тех, кто находится в самом низу пирамиды?

Да, именно так. В самом низу пирамиды. Джао могут сколько угодно тешить себя заблуждениями относительно принятого у них равенства, смеяться над тем, как люди цепляются за всевозможные правила этикета, указывающие на привилегированное положение — кто перед кем распахивает дверь, кто кому отдает честь... Но с другой стороны, никогда и нигде

люди не были так связаны статусными отношениями, как джао. По крайней мере, современные люди.

Это очень любопытно... Нет, это настоящая тема для исследования. А старый Врот, с которым Кэтлин успела познакомиться лишь мельком? Вот еще один джао, который... нет, не порвал со своими соплеменниками. Он явно доволен, что снова поступил на службу. Но очевидно и другое: отношение ветерана к людям Кэтлин сочла бы нетипичным для джао. Сочла бы еще недавно.

Возможно, надежды, которые ее отец питал долгое время, скрывая от всех, вовсе не лишены оснований. Возможно, «союз» — это не просто эвфемизм, которым джао обозначают в том числе и отношения между погонщиком и его быком.

Что касается чувств, которые питают ее отношения к Тэмт, то здесь все предельно ясно. Прежде всего — *безумная* благодарность. Плюс столь же безумная радость, которая охватывала при одном воспоминании о том, что произошло в больнице. Еще бы! Всю жизнь Банле издевалась над ней — только первые четыре года были свободны от ее присутствия. Она следовала за ней повсюду, словно тень... нет, как злой дух, посланный в наказание непонятно за что, как тролль... И наконец увидеть собственными глазами, как из этого тролля сделали отбивную...

Вау!

Кэтлин улыбнулась. Такое она не забудет до конца своих дней. Это уж точно. Вопли людей — врачей и медсестер, — которые бросились врассыпную, когда две великанши сцепились прямо посреди приемного покоя. Кэтлин стало не по себе, но она и не подумала прятаться. Еще бы! Она должна была это видеть!

До этого был миг отчаяния — оказывается, ненавистная Банле уцелела, вопреки ее ожиданиям, и снова явилась, чтобы утащить Кэтлин во тьму. Затем — недоумение: Тэмт ошестинилась и негодуя зарычала. Банле ответила тем же.

Глупейший поступок. Тэмт не просто превосходила ее ростом и силой. Похоже, Яут обучил ее каким-то приемам рукопашного боя, которые приняты у джао. Несомненно, кочен Нарво не мог допустить, чтобы один из его отпрысков не прошел должной подготовки. Но последнее время у Банле не было случая попрактиковаться. В течение двадцати лет при-

сматривая за отпрыском человеческого кочена, немудрено потерять форму: даже будучи взрослой, Кэтлин не смогла бы оказать ей сопротивления. И Банле проиграла.

На самом деле, Кэтлин не пострадала лишь по чистой случайности. С таким же успехом она могла вылезти на арену, где подрались два моржа. Ладно, два *маленьких* моржа. Которые отрастили себе человеческие конечности и освоили приемы сумо, не забывая об использовании клыков и когтей. Впрочем, здесь не было судей, которые могли бы их освистать. К тому времени, когда Тэмт, наконец, оставила измочаленную Банле лежать на полу, они успели разнести почти все, что находилось в приемном покое — за исключением самой Кэтлин.

Койке, с которой она поспешила убраться, повезло куда меньше. Впрочем, это была героическая смерть. Тэмт лупила Банле головой сначала об изголовье койки, потом об изножье... пока от койки не остались только куски гнутого металла, а Банле не потеряла сознание. Кэтлин блаженно вздохнула. Наблюдая за этим побоищем, она даже забыла о собственной боли. Да, такое не забывается.

Но если бы только это... Кэтлин тоже всю жизнь страдала от одиночества и знала, что получит бездну удовольствия, общаясь с Тэмт. Да, сейчас она демонстрирует странное сочетание застенчивости, упрямства и неловкости в общении. Но ведь с этим можно справиться! Просто Тэмт слишком долго была одинока.

Одинока...

Ее мысли устремились в другом направлении. В направлении, которое она больше не могла игнорировать.

Кэтлин приоткрыла глаза — совсем чуть-чуть, так, чтобы смотреть сквозь ресницы.

Ох, ничего себе. Эд Кларик смотрит на нее.

Он сидит с тем же непроницаемым выражением лица и холодными серыми глазами, по которым невозможно что-либо прочитать. Но Кэтлин это не обмануло. Генерал-майор не может смотреть *так*. Так смотрит мужчина. Мужчина, который решил, что разница в возрасте больше ничего не значит.

На самом деле, значит. Только совсем не то, что обычно.

В ее мире не было места мужчинам-ровесникам. По крайней мере, тем, кого она знала до сих пор. А Кларик...

Да, возможно. И разве не славно — впервые за всю свою жизнь позволить себе произнести это слово? Такое милое слово. *Возможно.*

Глава 29

Оппак знал, что должен вернуться в свой дворец в Оклахома-Сити как можно скорее, но был все еще слишком взбешен, чтобы путешествовать. Если воспользоваться личным транспортом, несколько его подчиненных окажутся вместе с ним в ограниченном пространстве. Скорее всего, он просто перебьет их, чтобы дать выход гневу, а потом придется искать замену.

Он уже отправил послание в главный Дом кочена на Прагусе, потребовав опытных служителей из родной планетной системы Нарво. Их могут прислать. А могут и не прислать. Возможно, он впал в немилость, и минует много орбитальных циклов, прежде чем все уляжется. Но он сможет добиться замены тем, кого убили мятежники. Но не тем, кого убил сам, да еще и просто со злости.

Оставалось только одно: отправиться к местному морю с омерзительной водой и странным песком, золотистым, как пух этого наглого выскочки Эйлле. Оппак плавал до самой темноты, под гребнями бурных волн, пока голова не начинала кружиться от нехватки кислорода, а перед глазами не появлялась муть. Тогда он выскакивал на поверхность и жадно глотал влажный воздух.

Наглый выскочка!

Надо было подобрать обломки бау и вогнать их этому джину в череп! Какое это было бы облегчение — прикончить одну из этих полумразумных тварей, которые заполонили всю планету! И начинать надо с самых ненавистных.

Губернатор поплыл к берегу и выбрался на пляж. Некоторое время он стоял, погрузившись в ощущения — струйки воды, стекающей по телу, прохладный воздух... Служители застыли неподалеку, в позах «почтения-и-внимания», но предпочитали благоразумно держаться на расстоянии, прежде чем станет ясно, чего он желает.

Один из новичков приблизился. Положение ушей все еще выражало «почтение», но плечи тревожно вздернуты. Кажется, Марб... или Уллуа? Оппак повернулся спиной, демонстрируя нежелание созерцать столь негармоничное зрелище.

— Губернатор?

Все-таки Марб. Ваи камити у обеих одинаковы, но он различал их по голосам.

— Слушаю тебя, — произнес он, решив не тратить время на пустую болтовню.

— Мы получили новости со станции слежения на орбите, — сообщила Марб. — Ужасные новости.

Оппак повернулся и посмотрел на нее, приняв очень сдержанную позу «безразличия-и-равнодушия».

— Подтянись, — бросил он. — Если желаешь служить как следует, прежде всего надлежит помнить об аккуратности.

Марб закрыла глаза, глубоко вздохнула и довольно небрежно выразила «озабоченность-и-нетерпение».

— В районе Узла в этой звездной системе заметны перемены, — доложила она, и Оппак понял, что портило позу: положение ее ушей неизбежно выражало страх. — Стиль приближения не такой, как у джао!

Губернатор застыл. Сознание уже выходило из состояния ленивой заторможенности, но мысли отказывались выстраиваться и неслись наперегонки.

Экхат? Здесь?

— Слишком скоро, — пробормотал он. Тело словно оплывало, образуя бессмысленные изгибы.

Этот ленивый примитивный мир не готов.

— Что вы прикажете? — в глазах Марб пробежали яркие полосы ужаса.

— Собрать всех, — ответил Оппак. — И подготовить мой транспорт к возвращению во дворец.

Да, ситуация безвыходная. Но первое потрясение прошло, и Оппак почувствовал облегчение. Значительное облегчение. Если ничего не случится, он скоро будет избавлен от этой омерзительной планеты: можно не сомневаться, что Экхат ее уничтожат. А если так... есть немало способов устроить, чтобы молодой отпрыск Плутрака был уничтожен вместе с ней.

* * *

Значит, Экхат пришли.

Эйлле и Каул изучали изображения, плавающие в голоконтейнере над большой черной панелью управления. Все знали, что Экхат рано или поздно проплывут через эту часть Галактики и, возможно, даже эту систему. Но Наукра Крит Лудх, чьей обязанностью была координация действий всех коченов, надеялась, что времени осталось больше. И помощи ждать неоткуда: все флотилии джао заняты в других системах. Земле придется защищаться самой — в меру собственных возможностей.

— Они атаковали? — спросил Эйлле, принимая позу «принятие-и-готовность-действовать».

— Нет, — Главнокомандующий выглядел больным — поза нечитаемая, пух местами словно слипся и лежал некрасиво. — Судя по некоторым признакам, к Узлу Сети подошел только один корабль. Они предупреждают о своем приближении, и это сигнал Интердикта. Кажется, они хотят начать переговоры.

— Это... весьма неожиданно, — отозвался Эйлле, лихорадочно перебирая в уме возможные пути развития событий. Яут шагнул вперед.

— Нельзя сказать, что это беспрецедентный случай. Если Интердикт хочет переговоров, он всегда ведет переговоры. И в этом он еще никого и никогда не обманывал.

— В таком случае, вы представляете нас на переговорах, — ответил Каул. — Таково особое распоряжение Губернатора. Лично вы, ава Плутрак.

Он вдруг поглядел куда-то в сторону, его вибрисы безжизненно поникли.

— Сейчас на орбите есть несколько кораблей, полностью готовых к полету. Возьмете любой, который сочтете нужным. Узнайте, чего они хотят, и доложите.

Еще один маневр Нарво, догадался Эйлле. Переговоры с Интердиктом — опасная игра. Можно даже не сомневаться: Оппак надеется, что Эйлле не вернется обратно.

Да будет так. Все, что грозит гибелью, таит большие возможности. Он, Эйлле, продолжает раскачивать лодку, Губернатор приходит в ярость и пытается отвечать контрмерами.

Субкомендант покосился на своего фрагту и убедился, что тот разделяет его мнение.

— Я уже объявил полную боевую готовность на верфях Америки и отправил сообщение всем базам на других континентах, — Эйлле поправил накидку. Он жаждал действовать. Эта жажда бежала по всем сосудам его тела, наполняя кровь шипучими пузырьками, и он едва сдерживал себя, сохраняя нейтральную позу «ожелания-быть-полезным». — Работы приостановлены, все наличные корабли и прочие боевые единицы, в том числе и не прошедшие модернизацию, будут развернуты. Если предстоит сражаться, воспользуемся тем, что у нас есть.

— От человеческой техники не будет пользы! — Каул нажал кнопку на панели и на экране появился мрачный крохотный оранжевый огонек, расцветающий неподалеку от Солнца. Симуляция была построена на основе сходных прецедентов. — Это не детеныши, которые прижимают уши, услышав громкий звук. Это Экхат, которым вылепить нас было так же просто, как фигурку из глины. Они способны снимать со звезд планетные системы и надевать на них новые, как вы снимаете старую перевязь и надеваете новую. Они сделают все, что захотят.

— Если мы их не остановим, — возразил Эйлле. — Такое случилось.

— Их остановили корабли джао и оружие джао, а не горстка полуразумных дикарей, вооруженных камнями и палками! — Главнокомандующий снова сник, принимая позу «горечь-и-смирение». — Вы молоды и лишь недавно прибыли сюда. Не думайте, что достаточно принять на службу трех человек, чтобы составить полное представление о людях. Проживи вы здесь подольше — и вам стало бы ясно, что люди не станут нашими союзниками, даже ради собственного спасения. Они предпочтут, чтобы их мир погиб.

Упомянутые люди тоже находились в помещении, и Эйлле заметил, что их позы стали напряженными. Каул не догадывается, что они достаточно понимают язык джао, чтобы следить за беседой.

— Я понимаю, что пробыл здесь недолго, — очень внятно произнес Субкомендант. — Но в некоторых выводах я уверен. Люди изобретательны, сообразительны и решительны. Да, они не джао и не могут рассуждать как джао. Но мы должны

убедить их в том, что у нас есть общий противник, и сражаться надо с ним, а не против нас и не между собой. Если это получится, у нас есть шанс победить.

— Пэхх! — Каул повернулся к нему спиной. — Скажите это Экхат! Они достаточно безумны и, возможно, поверят. Мне эта болтовня надоела.

Эйлле подал знак своим подчиненным, и они покинули командный центр Каула кринну ава Дэно. Яут шагал впереди, предоставив Вроту и Тэмт делить почетное второе место.

— Мы полетим на моем корабле, — на ходу бросил Эйлле. В его голове уже выстраивался план действий на ближайшее будущее.

— Значит, кому-то из нас придется остаться, — отозвался Яут, минуя дверной проем. — На борту всем места не хватит. Но я согласен: для наших целей лучшего корабля не найти. Кого ты возьмешь?

— Прежде всего — тебя, — Эйлле прищурился, защищая глаза от неистового сияния заходящего солнца. — А также генерала Кларики, Талли и Кэтлин Стокуэлл.

Лицо Райфа Агилеры стало каменным, на щеках выступили алые пятна.

— А почему не меня, Субкомендант Эйлле?

— Я понимаю вашу обиду. Но ваша работа — проводить реконструкцию боевой техники. Я хочу, чтобы вы вернулись на завод в Пасагулу. Проследите, чтобы подготовка и развертывание шли в соответствии с планом. Вам предоставляются полномочия вносить любые изменения, какие вы сочтете нужным. Поговорите с Нэсс. Она обеспечит вам необходимую поддержку.

Уши Тэмт качнулись, выражая «смущение-и-подавленность».

— Я телохранитель Кэтлин Стокуэлл, — напомнила она. — Во время переговоров с нашими заклятыми врагами она будет в большой опасности. Может быть, вы возьмете меня?

— Если бы нашелся хоть один телохранитель, столь великопепный, что мог бы защитить кого-то от Экхат, нам не понадобились бы ни войска, ни флот. Я хочу, чтобы ты осталась с Агилерой и помогла Нэсс укрепить его положение. Это же касается вас, Врот. Кое-кому может не понравиться, что такие полномочия даны человеку.

Кларик прочистил горло, выпрямился и сцепил руки за спиной.

— Мисс Стокуэлл ранена, сэр.

— Ничего серьезного, — возразил Эйлле. — Я хочу, чтобы Талли и Кэтлин Стокуэлл сами увидели, с чем мы столкнулись. Они связаны со многими, чье мнение для людей очень важно. И если они увидят и поверят тому, что увидят, им будет проще убедить остальных. Большинству людей придется вести бой, не видя противника. Поэтому и надо, чтобы его увидел тот, кому они доверяют.

— Я не понимаю, — вмешался Талли. — Кэтлин — дочь своего отца. Но я... Я никто.

— Вы последний, про кого можно такое сказать. И первый, кого я хотел бы взять с собой. Я не знаю всех деталей, потому что никогда не спрашивал, но вы принадлежите тому, что люди называют «Сопротивлением». Когда вы спорите со мной, вы говорите словами Сопротивления и голосом Сопротивления. Это происходит с тех пор, как мы встретились.

— И разве *витрик* от вас этого не требует? — добавил Яут, топорща вибрисы и поднимая уши «топориком» — «вызов-чести». — Вы считаете, что джао запугивают вас несуществующей опасностью. Вот вам шанс убедиться в этом.

— Я хочу знать правду, — подтвердил Талли. — Мы все хотим.

Эйлле обернулся к Яуту.

— Позови Кэтлин Стокуэлл. Мы вылетаем, как только будет готов корабль.

Кровь стучала в ушах. Немногим из его соплеменников довелось стоять перед Экхат «на расстоянии выпавшей вибрисы» и уцелеть, чтобы об этом рассказать. Экхат отличаются непредсказуемостью и склонны совершать действия, которые с точки зрения разумных существ лишены всякого смысла.

Впрочем, ему предстоит хорошо поработать и до отлета. Документы, которые надо просмотреть, некоторые правила дипломатического этикета, которые придется освоить... и, наконец, организовать подготовку Земли к возможной атаке.

Спасти целую планету. Но Плутрак готовил его именно для такой работы, а не для того, чтобы выяснять отношения с отпрыском Нарво.

* * *

Талли шел перед Эйлле и Яутом из командного центра к месту, которое люди называли бы парковкой — просто за отсутствием более подходящего термина. Как и все сооружения джао, она состояла из выпуклых и вогнутых поверхностей, плавно перетекающих друг в друга. Даже дорожка, по которой шел Талли, не была плоской. Глядя себе под ноги, он обнаружил, что покрытие напоминает черное стекло, в глубине которого, точно рыбы в бездне инопланетного океана, блуждают зеленые и голубые огни.

Двое джао, которые сейчас стояли у самого края площадки, склонившись над ком-панелью Яута, поджидали наземный транспорт и не обращали на Талли никакого внимания. Похоже, они были полностью поглощены изучением только что загруженных данных об Экхат — что-то сравнивали, делали пометки и явно намеревались заниматься этим до последней секунды.

Черт, в голове не укладывается. Экхат действительно приближаются. Эти космические чудовища-агрессоры — вовсе не страшилище, которое джао выдумали, чтобы держать людей в повиновении. «Не будешь спать — придет бука и тебя съест»... Получается, бука и в самом деле может прийти и даже слопать тебя, не подавившись. Глядя на парочку, которая продолжала совещаться, Талли чувствовал, как струйки пота текут по вискам и меж лопаток. К вечеру воздух становился раскаленным, но джао жара совершенно не беспокоила. Если все это спектакль, то они чертовски хорошо играют. Все они, эти треклятые «пушистики». Только вот что странно: за все время, пока сам он изображает джинау, ему ни разу не приходилось замечать за ними склонности к лицедейству. У них действительно все на лице написано. И не только на лице. Если ты понимаешь их Язык тела — и не так, как Кэтлин Стокуэлл, а хотя бы чуть-чуть, — то непременно поймешь, что они чувствуют. Сам он стал довольно неплохо читать позы джао. Эйлле, Яут, Врот и Тэмт определенно обеспокоены. Когда Тэмт отправили на квартиру Эйлле за Кэтлин, она выгнула спину — это означает страх. С Тэмт легче всего. Похоже, эта

простая душа видит мир без полутонов и реагирует соответственно.

А вот, кстати, и она.

Тэмт шагала со стороны командного центра, за ней следовали Кэтлин и профессор Кинси. Девушка переделалась, на ней была гладкая белая рубашка и джинсы, на здоровом плече висела небольшая дорожная сумка.

— Мне это не нравится! — воскликнул Кинси. Его лицо, похоже, не могло выразить настоящий гнев, но укоризненная гримаса выглядела весьма впечатляюще. — Она и так ранена, а вы предлагаете ей лететь в космос в крошечной посудинке, на встречу с... этими... свирепыми тварями!

Эйлле обернулся, в его глазах засверкали изумрудные блески.

— Эти *твари* — как вы выразились, профессор Кинси, — угрожают не только джао, но и людям. О прочих расах я не говорю, поскольку они вам неизвестны. Экхат способны полностью уничтожить планетную систему — просто из прихоти, а у них такие прихоти случаются часто.

Кинси растерянно заморгал.

— Но зачем им нас уничтожать? Люди никогда на них не нападали. Мы даже еще ни разу не покидали пределов Солнечной системы!

— Мы тоже не понимаем, зачем они уничтожают планеты, — ответил Эйлле. — Мы вообще плохо понимаем, чего хотят Экхат. И я сомневаюсь, что люди смогут это понять. Как бы то ни было, они предлагают переговоры. Пока эти переговоры не закончатся, они не станут уничтожать ваш мир. Это значит, что у нас есть немного времени. Поэтому мы выполним их требование. Но для этого необходимо, чтобы на переговорах присутствовали не только джао, но и представители вашей расы.

— Тогда возьмите меня! — Кинси схватил Кэтлин за плечи и выглянул из-за ее светловолосой головы. — Вместо нее. Пожалуйста.

Кэтлин мягко освободилась, сняла сумку и накрыла ладонь профессора, все еще лежащую у нее на плече, своей ладонью.

— Все в порядке, — она говорила мягко, словно с ребенком, который отчего-то раскапризничался. — Я сама хочу туда

полететь. Принести пользу, как говорят джао. Это моя обязанность.

— Ты пока что студентка, — Кинси снова взял ее за плечи и повернул к себе. — И твоя обязанность состоит в том, чтобы вернуться домой, к родным, живой и невредимой, и жить дальше.

Девушка лукаво улыбнулась.

— Вы неправы. Я нахожусь в личном подчинении у Субкоменданта Эйлле, и мой долг — выполнять его приказы.

Кинси вздрогнул и беспомощно посмотрел на Эйлле.

— Когда это случилось?

— Прошлым солнцем, — ответил Яут. — После китовой охоты.

— И хорошо, что это произошло, — подхватила Кэтлин. — Иначе меня бы уже не было в живых. Ну, в лучшем случае — состояла бы при Губернаторе на положении прислуги и выступала перед его гостями по первому свистку, как дрессированная собачка. Опять-таки, пока он не решил бы меня убить.

— Я позабочусь о ней, профессор, — Кларик подошел и принял у нее сумку. — Слово офицера.

— Все равно я скоро вернусь. И привезу вам тонны данных! — Кэтлин мягко засмеялась. — На самом деле, я просто рада помочь Субкоменданту Эйлле. Если от моего присутствия будет какая-то польза...

— Я тоже о ней позабочусь, — выпалил Талли, неожиданно для самого себя. — Все мы.

Кэтлин сверкнула глазами и взглянула на него так, что тот попятился.

— Мачо, только что с ранчо! Полагаю, никому из всех вас даже в голову не приходит, что я могу сама о себе позаботиться! Доктор Кинси развел руками.

— Мне остается только поставить в известность президента Стокуэлла. Надеюсь, он меня не убьет.

— Я взрослая женщина, — Кэтлин снова сжала его ладонь. Рукопожатие левой рукой получилось неловким. — Мне нужно самой принимать решения. Субкомендант Эйлле выполняет ответственную миссию, и ему необходима наша поддержка. Передайте это моему отцу. Я свяжусь с ним, как только вернусь обратно.

«Если вернусь», мысленно поправил Талли. Похоже, доктор подумал то же самое, но не успел произнести. Две наземные машины на магнитной подвеске подъехали и затормозили неподалеку, и черные глаза Кинси словно погасли. Тэмт, которая стояла рядом, выглядела еще более огорченной. Талли направился к первой машине следом за Клариком и Кэтлин, Эйлле и Яут сели во вторую.

Стекла были опущены, от раскаленного железа веяло жаром. Талли запрокинул голову и позволил теплему ветерку овеивать лицо. Перед закрытыми глазами плавали цветные точки, и он почти ощущал, как нечто зловещее затаилось в космосе, нависло над крошечным шариком по имени Земля и готово в любой момент обрушиться на нее.

Экхат.

Он уже начинал в них верить. И ощущение было не из приятных. Как ни крути.

Глава 30

Эд Кларик никогда не стремился к роскоши. Более того, при виде всевозможных излишеств у него возникало чувство неловкости. Деньгам, потраченным на всякую ерунду, можно было бы найти куда более разумное применение. И сейчас, поднявшись на борт скоростного челнока — который мысленно окрестил «личной яхтой Субкоменданта», — он понял, что подсознательно ожидал увидеть и не увидел. Роскоши. Никакого намека на роскошь.

Дело даже не в том, что корабль оказался маленьким. Сами помещения — как обычно, без единого прямого угла — выглядели на редкость скромно. Правда, по человеческим меркам, здесь оказалось вполне просторно. Но и это было продиктовано лишь требованиями минимального комфорта. Джао крупнее и массивнее людей, и в меньшем объеме им было бы просто не развернуться. Мысленно увеличив себя до габаритов «пушистика», генерал пришел к выводу, что обстановку иначе как спартанской не назовешь.

В первый момент ему показалось, что в рубке два сидения. Кларик уже представил, что всю дорогу туда и обратно будет

сидеть на полу, скрестив ноги, как в детском саду. Но посадочных мест оказалось больше — ради экономии места они убирались внутрь переборок, — и все были снабжены ремнями безопасности.

Эйлле уселся в кресло пилота. Весьма любопытно: большинство людей-офицеров предпочли бы возложить эту обязанность на кого-нибудь другого, чтобы не отвлекаться от размышлений над проблемами стратегии и тактики. И, похоже, для Субкоменданта это не было первым опытом: он поднял корабль так, словно занимался этим всю жизнь.

Кэтлин заняла кресло рядом с Клариком. Под глазами у нее залегли темные круги, и генерал заметил, что она при первой же возможности опускает веки, будто собираясь задремать.

— Он так расстроился, — пробормотала девушка. Кларик наклонился к ней.

— Ваш отец?

— Нет, — она вздохнула. — Доктор Кинси. Я не посмела позвонить папе до отлета. Он бы только все усложнил.

— Субкомендant Эйлле, похоже, не боится.

— Не знаю. Мне кажется, что джао чувствуют страх так же, как и мы.

Ресницы дрогнули, поднялись, и Кларик с головой ушел в серо-голубой водоворот. Среди дымчатых вихревых потоков вспыхивали золотые черточки. До сих пор он этого не замечал — может быть, просто потому, что ни разу не оказывался так близко.

Под ногами, в недрах корабля, что-то жалобно взвыло. Вой быстро перерастал в пульсирующий рев. Легко, почти без толчка корабль оторвался от земли. Разница между ним и неуклюжим суборбитальным челноком была примерно такая же, как между призовым скакуном и буйволом.

Эйлле сосредоточился на управлении кораблем, предоставив подчиненных самим себе. Время от времени до него долетали обрывки английских фраз, звук шагов. Кажется, кто-то занялся приготовлением пищи. Сам Эйлле успел поест еще вчера, поэтому не стал принимать участие в трапезе. К счастью, во время сборов кто-то сообразил, что на борту

будут находиться люди. В противном случае последним пришлось бы довольствоваться продуктами, которыми питаются джао. В области кулинарии вкусы двух рас не совпадали — это Эйлле заметил еще на приеме во дворце Губернатора.

Казалось, воздух в кабине гудит — люди были взвинчены, хотя и пытались это скрывать. Даже Стокуэлл, словно забыв о боли, время от времени начинала расхаживать по кабине, словно это могло снять напряжение. Эйлле видел это, но предпочел воздержаться от замечаний. Наконец, Яут не выдержал и предложил их вниманию корабельный архив, где хранились некоторые сведения об Экхат.

— А как же ограничения доступа? — спросил Кларик, уставшая на подлокотнике кресла. Яут недоуменно моргнул.

— Зачем?

Он развернул дисплей. Люди сгрудились вокруг кресла фразты, и Кэтлин пришлось потрудиться: ее буквально забросали вопросами, требуя то перевести, то прокомментировать только что переведенный фрагмент. Под конец она только качала головой. Золотой головой, подумал Кларик, следя за тем, как она вчитывается в текст. Или темно-золотой... Кэтлин постаралась, чтобы все остались довольны — если можно быть довольным, когда речь идет об Экхат.

Наконец Талли встал и подошел к креслу Эйлле.

— Я не понимаю.

— Чего именно? — отозвался Субкомендант. Его руки кружились над панелью, выправляя курс.

— В их действиях нет смысла.

— Для людей — нет, — согласился Эйлле.

— А для вас?

— И для нас тоже. Хотя целые коченаты занимаются изучением и толкованием сведений об Экхат, полученных как в ходе научных изысканий, так и обычной жизни. Правда, ни в одну из них меня не направляли. Движение потока не предвещало появления Экхат в районе вашей планеты — по крайней мере, в ближайшем будущем.

— И сколько нам лететь?

Эйлле повернулся спиной к панели.

— Вы имеете в виду, в ваших единицах измерения?

— Именно.

— Джао не дробят время на маленькие кусочки, чтобы их подсчитывать, — изрек Эйлле, глядя на информ-панель. Вид красных, янтарных и черных значков, скользящих взад и вперед в толще экрана, успокаивал. Хорошо, когда четко знаешь, где находишься и много ли осталось. Его глаза следили за их движениями почти без усилий. — У пути есть свое течение. Точно так же, как оно есть у строительства, исследования, взаимодействия — у всего, что происходит. Мы будем там, когда наш путь завершится. Течение принесет нас туда, где нам надо оказаться. И когда надо.

Талли стиснул руки. Эйлле понял, что это выражает досаду.

— У людей нет такого понятия — «течение». И вы это знаете.

— Мы поговорим об этом позже, — пообещал Эйлле. — Если переживем то, что нам угрожает, и я смогу разобраться, для чего нужны эти частички, к которым вы так привязаны. А пока мне нужно обдумать кое-что очень важное.

В зеленых глаза Талли блеснул вызов. В этом человеке есть упорство, подумал Эйлле, — сила, которую стоит научиться направлять. Люди упорны и легко не сдаются. И это может принести огромную пользу.

— Отдыхайте, пока есть возможность, — сказал Эйлле, снова погружаясь в наблюдение за информ-панелью. — Нам надо пересечь орбиту планеты, которая находится ближе всех к вашему Солнцу. Думаю, по вашим меркам, это произойдет *нескоро*.

Кресло было слишком широким и глубоким, но Кэтлин наконец-то нашла удобное положение и уснула, уронив голову на плечо Кларики. Пульсирующий рев двигателя убаюкивал. Сквозь сон она слышала голоса людей, джао... И вдруг проснулась как от толчка. Под щекой было что-то жесткое. Открыв глаза, Кэтлин обнаружила, что прижимается щекой к подлокотнику. Все, кто находился на борту, окружили кресло Эйлле и глядели на большой овальный монитор, который до сих пор был отключен. Теперь на нем бушевал апельсиново-желтый лохматый вихрь Солнца, и протуберанцы словно пытались высунуться из экрана. Место перелома неприятно по-

дергивало. Морщась от боли, Кэтлин осторожно попыталась сесть. Щека приклеилась к подлокотнику, и сейчас на ней, наверно, красуется пунцовое пятно.

— Субкомендант Эйлле?

Голос осип и казался надтреснутым. Сколько же она спала?

— ...Вот здесь, — Яут указывал куда-то вверх. — В этом секторе.

Из центра экрана проросло несколько цветных линий. Извиваясь, как змеи, они оплели что-то невидимое. С края замелькали, стремительно меняясь, цифры джао. Господи, голова как свинцом налита... Кэтлин осторожно приложила ладонь ко лбу, пытаясь окончательно проснуться.

— Это корабль Экхат? — спросила она чуть громче.

— Нет, они еще не появились, — проговорил Кларик, не оборачиваясь, — но судя по данным с портала — или Узла Сети, как они это называют, — корабль уже на подлете.

В этот момент ослепительная желто-белая шаровая молния медленно оторвалась от поверхности Солнца и начала разбухать, медленно и величаво двигаясь в сторону корабля Эйлле.

— Боже всемогущий... — выдохнул Талли.

— Это вспышка на Солнце? — Кэтлин обнаружила, что отсидела ногу, и неуклюже заковыляла к экрану.

— Нет, — руки Эйлле снова закружились над панелью и замерли. На лбу молодого Субкоменданта появились складки. — Это судно Экхат.

— Но...

Кэтлин не находила слов. Голова пошла кругом, в ушах словно пересыпался стеклянный песок.

— Они... внутри Солнца!

— Узел всегда образуется ниже поверхности звезды, — равнодушно отозвался Эйлле. — В фотосфере — кажется, ваши ученые так это называют.

Кларик обернулся, взял Кэтлин под руку и провел на свое место, откуда было лучше виден экран.

— Но это невозможно, — запинаясь, пробормотала девушка. — Внутри Солнца... Они сгорят, разве нет?

— Корабль защищают силовые поля, — объяснил Эйлле. — По крайней мере, на какое-то время. Риск? Безусловно, но для создания Узла нужны строго определенные условия. По

результатам триангуляции, в открытом пространстве это невозможно. Попытки производились много раз, но всегда безуспешно.

Огненный шар рос. Теперь можно было хорошо разглядеть потоки раскаленной плазмы, обтекающей его поверхность.

— Но они просто изжарятся, — заметил Талли. Он чуть склонил голову набок, не сводя глаз с экрана, а пальцы стиснули спинку кресла, в котором сидел Яут — так, что ногти побелели.

— Отнюдь, — возразил Яут. — Иначе мы бы сюда не попали.

— Значит, вы используете для путешествий тот же способ, что и Экхат? — робко спросила Кэтлин.

Боже, насколько же они... чужие. Все они, все джао, которые находятся сейчас на Земле, прибыли именно таким образом. Она попыталась представить, каково это — оказаться внутри Солнца, в пылающей преисподней, в огне, который есть начало и конец всего... и почувствовала, что пол уходит из-под ног. Ей было страшно до головокружения.

— Не совсем, — Эйлле по-прежнему смотрел на экран. — Но технологии, которые лежат в его основе — те же самые. Изначально Структурную Сеть создали Экхат. Позже ее модифицировала одна из покоренных ими рас — Лленкс, а затем Сеть освоили джао.

Безусловно, джао должен быть известен способ преодоления светового барьера. Но никто из них не пытался объяснить людям, каким образом это достигается. С тем же успехом туземец-носильщик в Африке или Индии мог попросить английского колониста объяснить ему законы термодинамики.

— А где теперь эти Лленкс? — поинтересовалась Кэтлин.

Наконец-то хоть одно упоминание о том, кто в будущем может стать союзником людей. Найти их и попытаться воззвать о помощи, чтобы избавиться от захватчиков...

Эйлле помедлил с ответом. Положение его ушей выражало глубокую сосредоточенность, руки снова летали над панелью, что-то переключали, что-то убрали в одном месте, добавляли в другом...

— Их уничтожили.

Раскаленная добела шаровая молния все росла. Потом произошло что-то вроде взрыва, который засняли на камеру и

показали в замедленном режиме. Ключья светящейся плазмы разлетелись в стороны, и в ослепительном пламени внезапно возникло что-то темное, угловатое... И на редкость уродливое.

— Их... уничтожили Экхат? — прошептала Кэтлин, глядя, как раскаленная плазма снова смыкается вокруг корабля пришельцев.

Эйлле обернулся и поглядел на нее из-за спинки кресла. В его глазах горело изумрудное пламя, поза была странной и совершенно нечитаемой.

— Нет. Это сделали джао по приказу Экхат.

— О...

Кэтлин почувствовала, что кровь отливает от лица. Колени стали ватными. Сквозь полуобморочную дурноту она почувствовала, как руки Кларики сжались крепче, не давая ей упасть.

— Однажды во время нападения одна из партий Ллеикс вступила в контакт с джао и выдвинула некоторые предложения, — спокойно продолжал Эйлле. — Ллеикс обещали нам помощь, если мы захотим освободиться из-под власти Экхат...

— И вы, разумеется, согласились, — закончил за него Кларик. — Иначе мы бы тут с вами не разговаривали.

— Согласились, но не сразу, — ответил Яут. — Ллеикс выдвинули идею об отделении. Она довольно долго проникала в нашу цивилизацию. Затем мы попытались оценить, насколько это будет полезно. Джао не так импульсивны, как люди. К тому времени, когда течение принесло нас к решению, а затем к действию, Ллеикс уже не существовало.

Корабль снова сбрасывал плазму. Несомненно, это был управляемый процесс. Похоже на фейерверки, которые устраивали по праздникам до Завоевания, подумала Кэтлин. Она помнила их по старым фильмам. После каждого «залпа» форма корабля просматривалась все более отчетливо — и все более очевидной становилась его омерзительная чуждость. Корабль Экхат напоминал два тетраэдра, соединенных вершинами. Еще одна пирамида — вернее, почти-пирамида, огромная, пупырчатая словно сделанная из комков — лепилась там, где должен был находиться центр тяжести этой конструкции. Многочисленные светящиеся нити — то ли тросы, то ли лучи лазеров, — вызывали ощущение, что все сооружение держится на честном слове и готово развалиться от малейшего толчка.

При мысли о количестве теплоты, которое выделялось во время этого процесса, Кэтлин стало не по себе. Достаточно, чтобы мгновенно испарить живую плоть.

Наконец, последняя ужасающая вспышка озарила экран, последние лоскуты плазмы растаяли в черноте космоса — так вспыхивает костер, прежде чем погаснуть. Корабль Экхат появился снова, но уже не в фотосфере Солнца, а на полпути к орбите, по которой катилась сморщенная горошина Меркурия. Эйлле сосредоточенно следил за танцем разноцветных точек на панели, его руки кружили, не останавливаясь ни на миг, словно совершали магические пассы. Он подводил челнок все ближе к кораблю Экхат, который уже почти загородил экран.

Внезапно все закончилось. Эйлле встал — вернее, вскочил — с кресла: каждая мышца напряжена, поза — «решимость-и-готовность-действовать».

— Они активировали маяк, — сообщил он. — Мы должны встать в их док и послушать, что они скажут.

Талли не мог оторвать глаз от экрана. Под ложечкой предательски засосало.

— И какого размера эта штуковина? — спросил он громко, чтобы отогнать страх.

Яут задумчиво шевельнул одним ухом, потом встал и поправил ремень перевязи на плече.

— В ваших единицах измерения... около двух миль в направлении наибольшей длины.

Ну, успокоил так успокоил!!!

— И все корабли у них такие здоровенные?

Он заметил, что Яут отстегивает кобуру с ручным лазером, и Эйлле собирается последовать примеру фрагты.

— Да, — отозвался Яут. — Меньших нет. А некоторые еще больше.

— Выглядит таким хрупким... — заметила Кэтлин. — Точно пустая жестянка. Мне кажется, этот корабль не может приземлиться.

— Согласен, — Кларик отстегнул кобуру и отложил ее в сторону.

— Но если они даже не могут высадиться на планету, то зачем им планета?

— Вероятнее всего, они и не приземлятся, — сказал Эйлле.

— Тогда какого черта им тут понадобилось? — осведомился Талли.

— Из того, что мы можем предположить — им ничего не нужно, — изрек Яут. — Особенно учитывая тот факт, что мы имеем дело с Интердиктом. Один из постулатов этой партии таков: тот, кто вступил в контакты с другими расами, осквернен.

— Тогда почему они хотят вести переговоры? — спросила Кэтлин.

— Я не знаю, что стоит за этим их требованием, — Эйлле смущенно повел ушами. — И сомневаюсь, что кто-нибудь из нас узнает, даже когда переговоры завершатся. Представители Интердикта презирают другие расы, считая их низшими формами жизни. Но при этом они вступают в переговоры чаще, чем остальные партии. Значит, эти контакты приносят им какую-то пользу. Нам, в отличие от них, редко удастся выяснить в ходе переговоров что-то полезное, хотя исключать такую вероятность нельзя. А самое главное — до конца переговоров они не нападают.

Корабль качнулся и стал заваливаться набок. Яут потерял равновесие, налетел на Талли, и оба скатились к ближайшей переборке, но через секунду оба поднялись на ноги. Талли выглядел слегка помятым. Представьте себе, что вас задел небольшой танк, ради безопасности обитый слоем ватина, и получите представление о том, что значит столкнуться с джао.

— Осторожно, — предупредил Эйлле. — Мне пришлось передать управление их системам — Экхат всегда этого требуют. Поэтому будьте готовы к новым толчкам.

Кэтлин Стокуэлл вернулась в свое необъятное кресло, пристегнулась и уставилась на свои коленки. В джинсах, белой рубашке, с короткими волосами, наспех приглаженными пальтерней, она не выглядела даже на свои двадцать четыре.

Изображение на экране медленно, но верно менялось. Он уже не вмещал ничего, кроме уродливой комковатой пирамиды. Потом на ближайшей грани как-то очень по-человечески приоткрылся люк, и корабль стремительно и плавно проплыл

в недра дока. Неудивительно, что «дверь» не потребовалось «открывать нараспашку»: она была куда больше, чем казалось сначала. Талли был потрясен. В эту щелочку без особого труда мог проплыть даже крупный авианосец!

Внутри мерно вспыхивали и гасли красные и голубые огни — так ярко, что Талли судорожно заморгал и прикрыл веки рукой. Свет бил по глазам, вызывая физическую боль. Через несколько секунд яркость сияния уменьшилась, однако перед глазами по-прежнему плавали разноцветные пятна. Талли со страдальческим видом косился то вправо, то влево, и хлопал веками, пытаясь от них избавиться.

— Так и положено?!

— Я изучил пятьдесят два отчета о подобных прецедентах, в которых участвовал Интердикт, — ответил Эйлле. — Ни о чем подобном в них не упоминается. Но в каждом из этих случаев есть что-то уникальное.

— Вы хотите сказать, что они никогда не повторяются? То есть, нет никакой гарантии, что они не спялят нас прямо здесь, вместе с нашей посудиною? Или отдельно от нее, когда мы выберемся?

Эйлле отдал кораблю приказ открыть шлюз.

— Они непредсказуемы, если вы это имели в виду.

— А дышать мы там сможем? — осведомился Кларик. Ха! Похоже, brave генерал тоже начинает нервничать.

— Скорее всего, сможем, — ответил Эйлле. — Правда, в отчетах упоминается несколько случаев, когда Экхат забывали подать пригодную для дыхания атмосферу. Или не считали это необходимым.

Кэтлин передернуло.

— И что стало с посланцами?

— Они умерли.

Яут коротким кивком указал на дверной проем. И Талли с ужасом осознал, что согласно этикету джао, люди должны пройти в этот треклятый люк первыми. Эх, была не была... Он зажмурился, глубоко вдохнул и выдохнул. Не хватало еще осламиться перед «морскими скотиками»!

— Вот так, — мягко шепнул ему в ухо чей-то голос.

Талли обернулся и увидел Кэтлин Стокуэлл. Она склонила голову, перенесла вес на одну ногу, а вторую выставила чуть

вперед и согнула. Здоровая рука образовала красивую дугу, пальцы вытянулись каждый под своим углом.

— «Спокойствие-и-уверенность», — пояснила она и тут же обратилась к Кларiku, который стоял рядом с ней. — Попробуйте. Даже если вы этого не почувствуете, у вас вид станет лучше.

Талли вздохнул и попытался воспроизвести ее позу. Действительно, сердце прекратило попытки выскочить через горло, хотя отвратительная адреналиновая дрожь то и дело возвращалась.

Выходной люк должен был распахнуться, но вместо этого просто исчез. Слабая золотистая вспышка — и в каюты хлынул голубой свет, столь насыщенный, что его, казалось, можно было ощущать на вкус. Вкус действительно был — горечь, от которой свербело в горле. Несомненно, этот воздух был пригоден для дыхания, но раскален до невозможности вдохнуть и отдавал горелым маслом.

— Пора, — объявил Яут. — Выходим.

Снаружи послышался звук — дружный металлический скрежет целого хора машин. Талли подошел к краю проема и огляделся. В доке, похожем на невероятных размеров пещеру, плавали красные светящиеся шары, в отдалении трепетали какие-то сгустки теней... Он судорожно сглотнул, пытаясь сориентироваться.

— Выходим! — повторил Яут. — Первое впечатление — самое важное. Мы не должны вызывать страх.

Глава 31

Талли шагнул вперед, Кэтлин и Кларик, плечом к плечу, вышли следом. Воздух снаружи действительно был раскаленным, словно в духовке. Минимум сто двадцать по Фаренгейту, прикинул Талли. А скорее всего, больше.

Они стояли на верхней площадке корабельного трапа и вдыхали нестерпимое зловоние. Скунс маринованный в тухлых яйцах... Талли почувствовал, что глаза начинают слезиться. Он моргнул, однако слезы катились градом, мешая смотреть.

На этом корабле была искусственная гравитация, хотя куда более слабая, чем привычное с детства, доброе земное «g». При каждом шаге казалось, что нога скользит, и Талли приходилось замирать, чтобы не пропахать трап носом.

— Куда дальше? — спросил он, не оборачиваясь. Два тeneвых сгустка довольно решительно взяли курс на корабль.

— Остановитесь у трапа, — отозвался из-за спины Эйлле. — Дальше идти не нужно. Вероятно, они подойдут и заговорят с нами. Хотя есть вероятность, что этого не случится.

— И что тогда? — спросил Кларик.

— Тогда, согласно протоколу, мы должны ждать, — объяснил Эйлле. — Судя по отчетам, коммуникация обычно происходит, но иногда течение оказывается более медленным, чем ожидается. Правда, бывали случаи, когда ничего не происходило. Можно предположить, что посланец не мог верно оценить течение в особой точке.

Кэтлин снова стояла рядом и изображала «спокойствие-и-уверенность». Очередная причуда «пушистиков». Но... Талли пожал плечами и попробовал воспроизвести ее позу. Встать на одну ногу, вторую на носок, пальцы веером, голова... представить себе, что тебя повесили.

Туманные силуэты приближались, и Талли вдруг осознал их истинные размеры. Равно как и размеры дока. Авианосец, который мог проплыть в ту щель, здесь запросто мог маневрировать вместе с сопровождающим его эскортом эсминцев. Скорее всего, док занимает чуть ли не всю пирамиду. Алые сферы реяли над головой, свечение с каждой секундой становилось ярче. У Талли закружилась голова.

Стоп-стоп-стоп. «Спокойствие-и-уверенность».

Он полностью сосредоточился на своей позе и постарался расфокусировать глаза. Один вид этих кровавых шариков вызывал панику. Китель Талли уже можно было отжимать, ткань прилипала к спине... Мерзкое ощущение.

— Это Экхат? — спросила Кэтлин. Ее голос почти терялся в нарастающем шуме.

— Да, — подтвердил Эйлле.

— Но их только двое! Я думала, на таком огромном корабле...

— Несомненно, их больше, — согласился Эйлле. — Но эти двое — единственные, кто согласился осквернить себя контак-

том с нами. Конечно, они предпочли бы пожертвовать только одним членом экипажа, но их сознание функционирует попарно. Никогда не было случая, чтобы Экхат общались с нами по одному, как мы общаемся друг с другом или с людьми.

— Кажется, Интердикт считает все прочие расы нечистыми — насколько можно судить по отчетам, — вставил Кларик. — Хотя, честно говоря, я читаю на джао через пятое на десятое.

— Но суть вы уловили верно, — ответил Яут. — Слово «нечистые» точно отражает суть. Можно сказать «пятнающие», «оскверняющие»...

Талли поспешил сменить тему.

— Как давно джао освободились от власти Экхат?

Джао неловко переглянулись, но не ответили. Кэтлин вздохнула. Она тоже страдала от жары. Ее рубашка, еще недавно белоснежная, нарядная и явно дорогая, уже потемнела от пота. Да, теперь не скажешь, что перед тобой любимое чадо богатеньких родителей.

— Джао воспринимают время не так, как мы, — произнесла она. — Они находились в рабстве, пока течение этой ситуации не завершилось, не больше и не меньше — если я правильно понимаю... А если честно, вообще не понимаю. Сомневаюсь, что человек вообще способен это понять.

Алые шары мигали, как стробоскопы. В их вспышках Талли увидел, как тени стали плотнее. К кораблю приближались гигантские существа. Их многочисленные ноги казались слишком хрупкими, чтобы выдерживать вес тела. Талли хлопал глазами, стараясь моргать в такт вспышкам — это была единственная возможность хоть что-то разглядеть.

— Кажется, у них по шесть ног! — крикнул генерал, перекрывая все нараставший скрежет. — Но я могу ошибаться! Из-за этой светомузыки...

— Это обычное число ног у Экхат! — откликнулся Эйлле. — Хотя наблюдались различные вариации! На самом деле, это не видовая особенность! Если пользоваться понятиями человеческой биологии, Экхат — не «вид», а скорее «род»! Или даже «семейство».

Экхат остановились на расстоянии примерно ста футов. Форма их сегментированных торсов была почти прямоугольной.

Талли разглядел ряд лишенных век белых глаз, разделенных промежутками шириной в ладонь. Эта лента, похоже, полностью опоясывала огромную голову инопланетянина. Кажется, глаза вспыхивали красным и синим, но это могли быть просто отсветы. Остальную часть головы и шею покрывало что-то, напоминающее мох. Пара конечностей, расположенных по бокам прямоугольного туловища, очевидно, служила руками.

— Как я понимаю, это шоу должно нас поразить? — осведомился Талли.

— Экхат не озабочены мнением других рас, — сказал Яут. — Они в самом деле *поразительны*. Им не нужно заставлять нас во что-то поверить.

Кэтлин перестала держать позу и прижала ладонь к виску. Ее щеки пылали, дыхание стало хриплым.

— Ну и жара! Кажется, я сейчас грохнусь.

Кларик осторожно взял ее за здоровый локоть.

— Может, вам вернуться на корабль?

— Нет! — крикнул Эйлле — так громко, что у Талли заложило уши. Субкомендант не орал так даже во время боя. — Она должна остаться! И все мы тоже! Сейчас любые действия с нашей стороны исключительно опасны.

Талли взглянул через плечо. Он плохо разбирался в Языке тела джао. Но поза его пушистого превосходительства явно не выражала ни уверенность, ни спокойствие. «Сейчас-наложу-в-штаны» — вот как это называется, ехидно подумал Талли.

И тут Экхат заговорили. Оба одновременно.

Вернее, запели. Представьте себе двух роботов — какими их описывали фантасты середины двадцатого века. И вообразите, что эти роботы попали под дождь, изрядно проржавели, свихнулись и по этой причине взялись разучивать арию, сочиненную любителем атональной музыки. По сравнению с этой какофонией скрежет, который раздавался до сих пор, казался пением ангелов. Ощущение было такое, словно мозг обдирают грубым напильником. Больше всего на свете Талли хотел бы заткнуть уши.

— Мы заметили вас, — раздался из-за спины механический голос, говорящий на джао. — Вас, кишащих в этом Узле.

Талли вспомнил небольшую коробочку, которую Эйлле закрепил у себя на груди. Похоже, это был электронный переводчик.

— Мы заняли третью планету, а не Узел, — произнес Субкомендант. — Интердикт никогда не интересовался планетами. Вы намерены пройти через эту систему?

Переводчик загрохотал, словно на лист железа высыпали гравий. Кэтлин прикусила губу и задрожала.

— Это заразное безразличие! — ближайший из Экхат отодвинулся, едва переводчик повторил его слова, и принялся носиться вокруг своего напарника по сложной траектории. Возможно, будь гравитация на корабле чуть выше, его тело провисало бы чуть больше, и сходство с пауком было бы полным. — Неговоримость! Несказуемость!

А ведь в этом есть что-то неотразимо привлекательное, подумал Талли. Каждое движение казалось строго рассчитанным и в то же время спонтанным. Кажется, эти твари живут в танце. Какими неуклюжими казались по сравнению с ними джао с их Языком тела! Похоже, одержимость позами они переняли от Экхат.

Но нелепые вспышки становились просто невыносимы. «Спокойствие-и-уверенность», «спокойствие-и-уверенность»... Вес на одну ногу, вторая на носок, пальцы изогнуты...

Экхат снова приблизились. У них тоже коленки дрожат, отметил Талли, хотя неизвестно, из-за чего. Кожа инопланетян была бледной, нездорового цвета сыворотки, и казалась мягкой.

Они снова заговорили — снова вместе, но не в унисон. Переводчик выдержал секундную паузу и выдал:

— Промежуточная яркость всплывания!

— Чего-чего?!

Талли непроизвольно подался вперед. В этой абракадабре должен быть какой-то смысл, но какой? Однако Яут цепко схватил его за плечо и вернул на место.

Ближайший снова остановился, тело его пульсировало в такт с огнями.

— Полная Гармония. Состоялось рассмотрение.

Эйлле шевельнул ушами.

— Мы не обнаружили никаких признаков Полной Гармонии в секторе данной планетной системы.

— Другая партия Экхат? — вполголоса осведомился Талли, повернувшись в сторону Кларики.

— Да. Противники Интердикта, — генерал покачал головой. — Если я правильно понял, у них как минимум четыре партии.

— Тональный мотив немодулирован для данного ключа, — снова изрек переводчик, как только отзвучала очередная fuga на расстроенной волынке. — Рекомендована импровизация.

— Основной лейтмотив — джао? — спросил Эйлле.

— Динамичный подход к этому красному месту, — сказали Экхат. — Новые ноты в состоянии синего. Не-сбор урожая. Принимать во внимание.

— Вы говорили о Полной Гармонии, — напомнил Эйлле, и Талли наострил уши. Кажется, сейчас что-то прояснится. — Это их лейтмотив?

— Истинная Гармония — не-сбор урожая, — ближайший из Экхат придвинулся еще на пару футов и повернув голову, демонстрируя дипломатической группе весь пояс своих сверкающих глаз. — Полная Гармония — не-сбор урожая. Состояние всеобщего не-сбора урожая.

Талли забыл и о мигающем свете, и о жаре. Он следил, как странные создания, все более возбужденно крутятся один вокруг другого, точно двойная звезда, повинующаяся сложным законам гравитации.

— Что означает «не-сбор урожая»? — полушепотом спросил он.

— Я знаком с термином «сбор урожая», — ответил Эйлле, и в его глазах сверкнули зеленые искры. — Это означает обследование планетной системы и отбор видов, которые могут принести пользу. Интердикт, который считает все более низкие формы жизни отталкивающими, никогда не занимается «сбором урожая», Мелодия тоже. Но Истинная Гармония и Полная Гармония время от времени проводят такие операции — если есть настроение.

— Значит, «не-сбор урожая» означает противоположное? — уточнила Кэтлин. — То есть, они не придут?

— Скорее, следует ожидать «прополки», — отозвался Эйлле. — Уничтожение всей жизни в этой системе.

— Если так, то нас, похоже, пытаются предупредить — задумчиво проговорила Кэтлин. — Если приближается Полная Гармония... возможно, Интердикт сможет стать нашим союзником.

Эйлле отключил переводчик.

— Применительно к Экхат термин «союзник» лишен смысла. Интердикт не беспокоится о судьбе низших форм жизни. Вас же не беспокоит судьба насекомых, верно? Экхат страдают ксенофобией, но Интердикт, думаю — в большей степени, чем остальные партии. Их ужас перед межзвездными путешествиями связан, по мнению некоторых исследователей, именно с перспективой оскверняющих контактов с низшими видами. Они унизились до встречи с нами только ради того, чтобы использовать нас и разрушить планы соперников.

Более крупный из Экхат взьерошил мех на голове. Вероятно, это движение выражало беспокойство, и Эйлле снова включил свой прибор.

— Заключительный аккорд! — возопил переводчик, когда Экхат повернулись друг к другу. — Условие минимизации!

— Смотрите, — мрачно заявил Эйлле. — Сейчас вы увидите один из немногих элементов, которые можно наблюдать на всех переговорах с Интердиктом.

Экхат стали обходить друг друга, сокращая радиус орбиты. Их верхние конечности начали подниматься, потом шестиногие твари словно раскрыли друг другу объятия. Движения стали рваными и утратили естественность. Талли охватило дурное предчувствие. Люди в это не вписываются, сказал он себе. В сущности, ничто здоровое в это не вписывается.

Внезапно тот, что был выше, прыгнул на своего напарника и оторвал ему одну ногу. Густая белая жидкость хлынула потоком, раненый запрокинул голову и завопил. Этот скрежещущий вой пробирал до костей. Экхат сцепились, рухнули на пол и начали бороться, точно два тиранозавра. Они буквально рвали друг друга на части, вопя от боли и ярости.

Кэтлин прижалась к Кларику и закрыла глаза. Эйлле и Яут наблюдали, неподвижные, как парные статуи.

— Вы знали! — выпалил Талли. — Знали, что это случится!

— Это неизбежно, — бесстрастно заметил Яут. — Члены Интердикта считают: любой, кто вступил в контакт с низшими формами жизни, безнадежно осквернен. Этим двоим не позволят вернуться. Они уподобились нам и осквернят любого из своих соплеменников. Можешь считать это стерилизацией.

— Ужасно, — вздохнула Кэтлин. Ее лицо покраснелось от нестерпимой духоты, но пунцовые пятна лишь ярче оттеняли смертельную бледность.

— Они — Экхат, — возразил Эйлле. — У них так принято.

— Давайте уйдем, — взмолилась девушка. — Они нам все равно больше ничего не скажут, а я не могу стоять столбом, когда они рвут друг друга на части.

— Мы обязаны наблюдать, — произнес Яут. Он смотрел не моргая, ни одна вибриса не дрогнула. Талли вспомнил, что когда-то уже видел эту позу. Кажется, «смирение-и...» Да. «Смирение-и-отвращение».

— Судя по отчетам, — бесстрастно добавил Эйлле, — любая попытка удалиться до конца схватки приводит к тому, что они прерываются и уничтожают тех, кто пришел на переговоры.

Движения Экхат стали более вялыми. Противники слабели, но продолжали сражаться в луже вязкой белой жидкости. Похоже, они были настроены не оставить друг от друга даже ключев.

— Как... — Кэтлин сдавленно всхлипнула, затем заговорила вновь. — Как они могли поработить джао, если не могут вынести даже разговора с вами?

— Постулат о том, что джао могут быть полезны, выдвинула Полная Гармония, — сказал Эйлле. — Не Интердикт.

Тот, кто напал первым, приподнялся, потом рухнул на палубу, точно спиленная секвойя. Он уже не пытался встать, лишь подергивался, его глаза медленно желтели. Второй, ковыляя на трех оставшихся ногах, продолжал терзать своего соплеменника, пока тот не замер. Похоже, на это ушли последние силы. Какое-то время он раздираал собственную плоть, но вскоре тоже перестал шевелиться.

Вспышки света стали реже. Эйлле шевельнул вибрисами и огляделся.

— Мы можем уйти. Более того: должны уйти.

Кларик обнял Кэтлин за плечи и повел ее вверх по трапу. Талли поспешил их нагнать.

— Никогда не верил в Экхат, — признался он вполголоса, когда они прошли через отсутствующий люк. — Я думал, это просто пропагандистские штучки.

Кэтлин обернулась. Глаза у нее совсем покраснели.

— Джао никогда не лгут. Ну, или почти никогда. Может быть, это особенность их культуры, или у них так устроено сознание — не знаю, но тем не менее. Они могут преувеличивать, причем иногда настолько входят во вкус, что забывают о чувстве меры. Они могут о чем-то умалчивать. Но никогда не выдумывают. Поэтому наша увлеченность романами и фильмами кажется им чем-то странным, даже отталкивающим. Для них художественный вымысел — это просто ложь, и ничего больше, — она пригладила слипшиеся от пота волосы, убирая с лица челку, и вздрогнула. — Но насчет Экхат они явно не преувеличивали.

Эйлле и Яут забрались в корабль за ними следом.

— И как нам лететь? — спросил Кларик. — Корабль поврежден. Они снесли нам внешний люк.

— Я могу сгенерировать поле, которое укрепит внутренний, — отозвался Эйлле. — Расход энергии возрастет, но мы, вероятно, сможем долететь.

Кэтлин прижала здоровой рукой сломанную.

— А если не долетим? У вас есть скафандры?

— Для джао, — ответил Яут. — Но не для людей. Корабль не был рассчитан на перевозку представителей вашей расы.

Значит, они могут не вернуться. Они трое — Кэтлин, Кларик и он сам. Взбешенный, Талли плюхнулся в свое кресло. Просто потому, что Экхат не могли подождать пару секунд!

С ума сойти. Хотя...

Плевал он на это с высокой вышки!

После того, как Эйлле вывел небольшой кораблик из недр судна Экхат, Кэтлин нашла на складе продовольствия какой-то ароматный напиток и с видом заправской стюардессы угостила всех присутствующих. Эйлле и Яут отказались: они были слишком увлечены изучением записи переговоров. Однако их подергивающиеся вибрисы указывали на другую причину.

Бедные! Все, что им было необходимо — это от души искупаться!

Примерно так же вела себя после долгих официальных встреч и Банле. Как только мероприятие заканчивалось, она немедленно устремлялась к ближайшему водоему.

Наверно, это что-то вроде жажды, которую испытывает человек, только что переживший напряженную ситуацию. Кэтлин не удивилась, когда Талли и Кларик, осушив свои чашки, попросили еще.

Вернувшись в свое кресло, она поняла, что чувствует себя ужасно. Голова шла кругом, перед глазамиплыли туманные пятна. Потом начался озноб. Это действительно *потрясающе*... в том смысле, что могло вызвать нервное потрясение у кого угодно. Вонючий корабль с сумасшедшим экипажем... Кажется, омерзительный запах застрял где-то в носу, а кости до сих пор гудят от невыносимого грохота. Двадцать лет джао говорили людям об Экхат, но никто им по-настоящему не верил. Вот вам и польза от литературы и художественного воображения. Яркие описания, возможно, произвели бы на людей более сильное впечатление, чем логические доводы.

И ей еще казалось, что она постигла всю глубину чуждости инопланетных рас! По сравнению с Экхат джао можно считать поистине... человеческими. Во всех смыслах этого слова.

При всем своем богатом воображении люди не могли себе представить, какие опасности таит космос. Да, она должна вернуться и предупредить отца.

— Не-сбор урожая... — Кларик, склонившийся над экраном терминала, поднял глаза. Он снова изучал рабочий архив и явно не нашел там ничего, внушающего оптимизм. Возможно, сама Кэтлин выглядела не лучше. Синий китель генерала измялся и потемнел от пота.

— Это не обязательно означает угрозу нападения, — сказала Кэтлин.

Господи, наконец-то можно отвлечься. В сломанной руке трепетала боль. Но как только они окажутся дома... она последует примеру джао и первым делом залезет в ванну. Рубашку, скорее всего, придется выбрасывать, а волосы насквозь провоняли этой дрянью.

— Субкомендант Эйлле так не думает. На самом деле, это может означать все, что угодно. Что-нибудь такое, что вообще не имеет смысла.

Талли забился в дальний «угол» кабины, подальше от джао, точно зверь в клетке. Он старался не смотреть в сторону люка, но мерцающее сияние поля так и притягивало взгляд. Вот и

все, что отделяет их от открытого космоса. Сквозь опалесцирующую пленочку просвечивало несколько ярких звезд.

— Сволочи, — пробормотал он. — Трех секунд не могли подождать. Мы бы сами открыли...

— Прекратите, — Кларик ткнул пальцем в клавишу, выбирая новый документ. — Они чужаки. Настоящие чужаки. Они не только не понимают, что такое двери — в отличие от людей... или джао, коли уж на то пошло. Им просто не нужно понимать, — он нахмурился и постучал по экрану. — Ну вот, отлично. Ссылка на «не-сбор урожая».

Яут пересек салон и подошел к терминалу, нависая над Клариком. Его уши повисли, вибрисы торчали, точно куски проволоки.

— Как мы и предполагали. «Не-сбор урожая» означает уничтожение. Полная Гармония планирует пройти через систему и произвести стерилизацию... — фрагта выпрямился, его плечи приняли положение «сосредоточенность-и-беспокойство». — Субкомендант Эйлле уже сообщил о такой вероятности Губернатору.

— Значит, они будут готовы, — произнесла Кэтлин. — Мы сможем себя защитить.

— «Сбор урожая» — это операция на поверхности планеты, — сказал Яут. — Мы смогли бы оказать сопротивление, используя машины и боеприпасы, которые сейчас есть на Земле. «Не-сбор урожая» — или «прополка» — это удар по планете из космоса. Корабли Полной Гармонии выбросят плазму в атмосферу Земли. Думаю, не надо объяснять, что ни от танков, ни от артиллерии, ни от пехоты не будет никакой пользы.

— Значит, мы должны остановить их здесь, — произнес Кларик. — Как только они минуют Узел. Мы не можем позволить им приблизиться к Земле.

Кэтлин задумалась.

— Но у Земли нет ничего похожего на космический флот. Только несколько старых челноков. А корабли джао, если я не ошибаюсь, были куда-то перенаправлены.

— Вы правы, — кончики ушей Эйлле совсем опустились. — Это произошло очень давно. Экхат наступают не только здесь.

Его поза говорила об «осторожности-и-нерешительности». И это отнюдь не успокаивало.

— А субмарины, которые переделывают в Паскагуле? — подал голос Талли.

— Вы видели корабль Экхат? — Кларик повернулся к нему. — Наши каракатицы за ним просто не угонятся. Нам нужны тяжелые истребители джао.

— Они тоже меньше, чем корабли Экхат, — возразил Эйлле. — А суда Полной Гармонии, возможно, будут еще больше, чем этот.

Куда уж больше, подумала Кэтлин.

— У нас еще есть ракеты, — не уступал Талли. — Вернее... были. Кажется. Если только джао их не уничтожили.

— От ракет тоже никакого проку, — Кларик мрачно покачал головой. — Теперь я понимаю, почему джао не тратили времени на развитие ракетного вооружения. Вы сами все видели. Когда корабль проплывает через Узел Сети, он весь окутан солнечной плазмой, и ему хоть бы что! Думаю, обстреливать его ракетами — все равно что пытаться поджечь солнце. Ракета испарится прежде, чем подойдет к корпусу. Можно сказать, корабль и так находится в эпицентре термоядерного взрыва. Если я правильно понял, мы добавим энергии плазменному шару и только усугубим ситуацию.

— Лазеры тоже бесполезны, — заметил Эйлле. — По нашему опыту, есть только один вид тактики, который имеет смысл использовать против кораблей Экхат. Я имею в виду корабли, которые используют в качестве оружия солнечную плазму. Дождаться, пока плазменный шар разрядится. Тогда корабль можно уничтожить при помощи лазеров.

— Но что будет с Землей, если они выпустят плазму в атмосферу? — спросила Кэтлин.

— Температура в зонах поражения стремительно поднимется, — спокойно сообщил Яут. — Легковоспламеняющиеся субстанции — например, органические, — сгорят. Возникнет ударная волна, как при применении вашего самого мощного оружия.

— Вы имеете в виду водородную бомбу? — Кларик встал, обнял Кэтлин, и она только сейчас поняла, что вся дрожит. — Это будет что-то вроде термоядерного взрыва?

— По степени разрушений — да. Во всем остальном... Суммарная энергия, заключенная в сгустке плазмы, значительно

превосходит энергию любой ядерной боеголовки. Любой, какая была когда-либо создана людьми или джао. Однако плазма — это просто сгусток энергии. Вы можете не опасаться радиоактивного заражения, которое является одним из поражающих факторов ядерного оружия. Если вы сможете обеспечить подземные убежища, многие представители вашего вида переживут атаку. Но если Полная Гармония будет многократно пересекать вашу планетную систему, человечество будет уничтожено. Равно как и другие формы жизни на Земле. После определенного количества плазменных ударов планета лишается атмосферы.

— Сколько человек погибнет при первом ударе?

Кэтлин услышала свой голос словно со стороны. Она не могла это сказать. Ей слишком плохо. Она не в состоянии произнести ни слова.

— При обычной численности флота Экхат — двадцатая или даже десятая часть населения, — ответил Яут. — Один плазменный шар в атмосфере может вызвать крупные разрушения на большей части континента. Предсказывать трудно. Слишком много факторов, к тому же на каждой планете это происходит по-своему.

Сознание Кэтлин выбиралось из полуобморока, цепляясь за цифры. Двадцатая часть. В лучшем случае. Боже мой, это около трехсот миллионов человек. За несколько часов — больше, чем во время всех войн вместе взятых... включая Завоевание. Она почувствовала, что ладони становятся влажными.

— И вы это уже видели? То есть... это не просто предположение?

— К несчастью, это обычная практика Экхат, — ответил Яут. — Их критерии пользы непостижимы, и мы не можем даже предсказать, где они устроят «прополку».

И Оппак знал, что такое возможно. У него были годы, чтобы подготовить Землю к такому нападению. Но он ничего не делал. Он погряз в своем бессмысленном гневе. И, возможно, даже втайне надеялся, что такое произойдет. Или..

— Нам нужно что-то делать, — проговорил Кларик. — Мы не можем просто сидеть сложа руки и ждать, пока нас спалят!

— Мы сделаем все, что возможно, — ответил Эйлле. — Я уже сообщил Губернатору Оппаку то небольшое, что нам уда-

лось узнать. Думаю, он уже разрабатывает стратегию обороны. Как только корабль совершит посадку, мы сразу отправимся к нему во дворец.

— Сколько у нас времени? — Талли поднялся и посмотрел сначала на Субкоменданта, потом на Яута. — Сколько нам осталось до того, как эти шестиногие засранцы начнут швыряться в нас плазмой?

Яут закрыл глаза. Казалось, он что-то подсчитывает в уме... или просто устал.

— Пока не завершится течение, — изрек он.

— Черт побери, так и знал, что вы это скажете!

Талли облокотился на стенку и возмущенно скрестил руки на груди.

— Течение быстро, — произнес Эйлле. — Боюсь, по вашим меркам осталось недолго. В лучшем случае — несколько солнечных циклов.

Глава 32

Губернатор купался. Его советники плескались рядом, то и дело выныривая — обсуждали предстоящий кризис, предлагали какие-то глупейшие меры, от которых все равно не будет проку. Он просто плавал. Вода была прохладной, состав солей выверен, пропорции точно рассчитаны, обволакивающий его запах навевал воспоминания о лучших днях, когда будущее представлялось таким многообещающим и не было связано с этой дикой планетой. Дикой и потому обреченной.

Как только Полная Гармония превратит ее в кусочек обгорелого шлака, этот восхитительный бассейн исчезнет. Поэтому надо наслаждаться, пока возможно. Если что-то и может спасти Землю и ее нынешних обитателей, это относится к сфере невероятного.

Наверно, такой исход следовало предвидеть, но он не сумел. Последнее время он совсем перестал чувствовать течение и затруднялся судить о том, как будут развиваться события. Но, как бы то ни было, от Земли нет и не может быть никакой пользы. Ее доминирующий вид — капризные вероломные создания. Как Полная Гармония этого не понимает? Неудиви-

тельно, если они предпочтут прополку сбора урожая. Это должны были сделать сами джао — еще двадцать лет назад.

Но *витрик* требует, чтобы он защищал эту жалкую планетку, не жалея сил. И он будет ее защищать. Хотя бы для того, чтобы получить новое назначение — а у его кочена не останется другого выхода. Если он, Оппак кринну ава Нарво, останется в живых. Может быть, на другой планете будут хорошие моря. И он сможет принести больше пользы, чем здесь, где вся его деятельность сводится к тому, чтобы подавлять вспышки сопротивления и бороться с вызывающими выходками людей.

Наконец Оппак выбрался из бассейна. Вода стекала с него ручьями и капала с кончиков вибрис. Советники высунули головы из воды, люди-чиновники и служители притихли. Все они смотрят на него, точно испуганные детеныши на коченотца, который должен их спасти.

Один из офицеров-джинау шагнул вперед. Генерал-майор Уилборн, командующий Атлантической Дивизией.

— Губернатор Оппак... Каковы будут приказания?

Трепещущий служитель-человек неуклюже плюхнулся на одно колено, склонил голову и протянул Губернатору бау. Приняв жезл, Оппак задумчиво рассматривал нарезки, словно проверял, не появилось ли на нем новых меток.

— Наземные формирования джао должны быть перемещены в убежища. Когда Завоевание было завершено, я позаботился, чтобы такие убежища были построены...

Лицо генерала стало бледным, как полотно.

— Понимаю. А джинау?

— Для них места не хватит. Им придется разделить участь остального населения.

— Но ваши подчиненные... — офицер судорожно сплотнул и побледнел еще сильнее. — Я надеялся, что мы сможем спасти хотя бы их.

Оппак небрежно принял позу «раздражения-и-досады».

— Они умеют управлять звездолетами? Способны сражаться в вакууме наравне с джао?

— Нет, но...

— Тогда какой смысл их спасать? Наши возможности ограничены, и мы не можем спасти тех, от кого не будет пользы.

Глаза генерала расширились — так, что белесый ободок вокруг цветного кружка со зрачком в центре стал виден полностью.

— Губернатор, прошу вас! Речь идет о наших семьях, наших детях!

Мощная рука Губернатора метнулась к горлу джинау. Офицер повис в воздухе, хрипя и молотя руками и ногами.

— Ваши соплеменники меня утомляют, — изрек Оппак. — Вы недостойны служить джао. Уллуа, — он кивнул. — Забери эту тварь и прикончи.

Служительница бесшумно подошла к нему и ловко приняла задыхающегося офицера. Губернатор убрал руку, и в тот же миг пальцы Уллуа стиснули гортань генерала. Уилборн сдавленно пискнул и обмяк. Уши Оппака выпрямились, выражая «брезгливость-и-нетерпение», и стали похожи на два отглаженных листка жести.

— Кто-то еще желает учить меня, как выполнять обязанности?

Люди притихли. Кто-то нерешительно переминался с ноги на ногу, кто-то искоса поглядывал на соседей. Наиболее благоразумные стояли, уставившись в пол. Все знали, что может произойти, когда в глазах Губернатора вспыхивают зеленые сполохи. Джао наблюдали за ним, смиренно потупившись и изображая «желание-быть-полезным» в разных вариантах.

— В таком случае... — Оппак обращался только к соплеменникам. Перепуганная женская особь дрожащими руками застегивала на нем перевязь. — Вы немедленно приступаете к подготовке нашей флотилии, хотя она весьма немногочисленна. Мы должны укрыться за спутником этой планеты и дожидаться, когда корабли Полной Гармонии нанесут удар и лишатся своей защиты. Возможно, мы не сможем их остановить, но они дорого заплатят за то, что замахнулись на эту систему.

Служительница обходила его вокруг, закрепляя пряжки и подтягивая ремни.

— Я буду находиться на борту своего корабля, — добавил Губернатор. — До тех пор, пока операция не будет завершена.

Люди расступились, пропуская его к выходу. Шагая по коридору к своему автомобилю, Оппак словно слышал их молчание. Пух еще не высох и хранил запах воды. Как жаль,

что стремительное течение не позволяет ему вернуться и поплавать еще. Это и впрямь был великолепный бассейн.

Снаружи он увидел Уллуа, которая тащила тело Уилборна к установке для утилизации отходов. Голова джинау была свернута под очень характерным углом: Уллуа прикончила человека, быстро и умело сломав ему шею. Блестяще. Когда принимаешь предложение жизни от джао, его смерть должна быть достойной. Но человек... Оппак провел пальцем по лезвию церемониального кинжала, висящего в ножнах на перевязи, и представил себе отвратительное занятие: очистку клинка от человеческой крови, смешанной с костным мозгом. Какая гадость.

Его уши шевельнулись, принимая положение «жестокости-и-наслаждения». У людей есть высказывание, которое очень хорошо подходит для такого случая.

«Пули на него жалко».

Посадив челнок в Оклахома-Сити, Эйлле ощутил настоящее облегчение. Правда, приземлиться — это лишь первое, что предстояло сделать. И он с трудом представлял, что должно было стоять в списке вторым и третьим номером.

Райф Агилера и Уиллард Белк уже примчались из Паскагулы вместе с Тэмт, Вротом и Нэсс и выстроились на посадочной площадке прежде, чем опоры корабля коснулись термакадама. Яут тут же получил от Агилеры и Нэсс сводку данных о работе на заводе. Кэтлин, Талли и Кларик прошли вперед — на этот раз это выглядело естественно, как дыхание.

Их группа выглядела весьма необычно: в нее входили не только представители разных коченов, но и разных рас. Однако именно эта пестрота обещала великолепную перспективу. Если бы их не было так мало... Эйлле знал, что в подчинении у некоторых его соплеменников находилось более сотни джао.

Если бы можно было снизить скорость течения... Эйлле почувствовал, что в линии его плеч начинает читаться отчаяние, сосредоточился и изобразил «агрессию-и-беспокойство».

Как и в прошлый раз, солнце заливало равнину ослепительным светом, а безоблачное небо казалось твердым — словно кто-то накрыл Землю гигантской чашей. Эйлле прищурился, стараясь защитить глаза.

— А где люк?

Агилера еще не оправился от ранения и имел бледный вид, однако передвигался вполне самостоятельно. Он выглядел из-за плеча Эйлле и недоуменно хмурился.

— Остался у Экхат, — объяснил Талли. — Этот кусок железа так им приглянулся, что они забрали его в качестве сувенира.

Тэмт шагнула вперед, ее тощее тело с беспредельной искренностью выражало «готовность-служить».

— Губернатор Оппак приказал отвести флотилию джао за спутник. Он планирует нанести удар по кораблям Экхат после того, как они сбросят плазму — в соответствии со стандартной схемой действий. Мне следует распорядиться насчет ремонта и перезаправки вашего корабля, или вы хотите наблюдать за операцией из убежищ на планете?

Эйлле почувствовал, что вскипает от гнева. Неужели Оппак просто обрекает этот мир на гибель, даже не попытавшись принять меры к обороне?

— Я рассмотрю оба варианта, — ответил он, просто чтобы оттянуть время.

Агилера протянул ему толстую папку, из которой торчали листы бумаги.

— Мы изучили данные, которые вы прислали, сэр. И у нас появились некоторые соображения. Хотелось бы обсудить это с вами. Просто такого еще никто не делал...

— А Губернатор Оппак сделает лишь то, что делалось в прошлом, — спокойно заметил Яут. — И в этом его сила — следовать стандартной схеме так точно, как только возможно. Тогда никто не сможет сказать, что он пренебрег *витрик*. Обычай будет на его стороне. Это укрепление, которое невозможно взять штурмом. Но если действовать активно, его можно отсюда выманить. Это и есть стратегия «раскачивания лодки».

Никогда еще Эйлле не чувствовал себя таким беззащитным и потерянным — ни разу с тех пор, как покинул уютный, окутанный туманами дом кочена Плутрак на Мэрит Эн. Наверно, так чувствует себя детеныш, который внезапно оказался посреди океана и не понимает, в каком направлении плыть.

Потрепанные уши Врота выпрямились. Эйлле уже подметил у *бауты* склонность к причудливым позам, которые было

невозможно прочитатъ — они чередовались с грубыми и почти примитивными. Сейчас ветеран снова изобразил нечто загадочное... хотя, кажется, с оттенком возмущения.

— То, что делалось в прошлом, не поможет в будущем! — его вибрисы качнулись. — Я по горло сыт хваленной силой Нарво. Это сила, которая вечно оборачивается слабостью. Он неуклюж, как ларрет, а притворяется твердым. Ищите в другом месте, ава Плутрак. Люди — непревзойденные мастера *оллнэт*. Они любят размышлять о том-что-может-быть. Поэтому им так легко выходить за рамки того-что-было-всегда и находить то-что-может-помочь, когда все старые способы испробованы. В этом их сила, в этом их слабость. Но если бы они не были способны к обновлению, мы бы не боролись с ними за этот мир так долго. И эта борьба никогда не закончится, пока мы не заключим союз. Истинный союз.

Итак, необходимо найти принцип действий, который позволит следовать *витрик* джао и *витрик* людей.

— Губернатор отдал какие-то приказы, которые касаются меня?

— Лично вас — нет, — Тэмт приняла позу «смущения-и-сожаления». — Он не упоминал вашего имени с тех пор, как получил ваш доклад. Однако одновременно с приказом о подготовке флота он распорядился, чтобы наземные силы джао собрались в убежищах. Как офицер, вы включены в список.

— Я должен с ним поговорить после того, как изучу предложения Агилеры и Нэсс.

— Это невозможно, — возразил Врот. Одно его ухо пострадало во время какой-то битвы и придавало ему комичный вид, чего Эйлле прежде не замечал. — Оппак кринну ава Нарво уже отбыл на посадочную площадку. Его корабль присоединится к флотилии, которая будет укрываться за спутником Земли.

— В таком случае, я поговорю с его подчиненными. Они могут организовать видеосовещание.

Каждое новое известие все больше выбивало из равновесия.

— Я договарюсь, — предложила Тэмт. — Так скоро, как только возможно.

Кэтлин покачала головой... и вдруг зашагала туда, где были припаркованы наземные машины.

Поразительно. Он не подал ей никаких знаков, не говоря уже о прямых приказаниях. Может быть, Яут? Нет, по-видимому, она просто неверно оценила обстановку. В конце концов, чего ждать от человеческой особи — да еще такой молодой? Она смогла освоить Язык тела лучше, чем кто-либо из ее соплеменников, но это не делает ее джао.

Машин было всего две. В первую сели Яут — рядом с водителем, Эйлле — на заднее сиденье, Агилера и Нэсс — рядом с ним. Остальные втиснулись во вторую. Унизительно... но что поделать, если времени в обрез.

— Теперь, — Эйлле повертелся на сидении, чтобы оказаться вполоборота к Агилере, когда машина тронулась, — изложите ваши идеи. Вы сказали, что нашли способ сражаться с Экхат.

Агилера порывлся в папке и извлек изображение судна Экхат, сгенерированное на основе полученных материалов.

— Мы с Нэсс просмотрели спецификации на этот корабль по отчетам джао. При всей огневой мощи он очень хрупкий.

— Конечно.

Эйлле запрокинул голову на пружинный подголовник и закрыл глаза. Сейчас надо было свести в единую картину все, чему его научили в коченате Плутрака. Потом усталость нахлынула и повлекла его куда-то, точно отлив. Он слишком давно не позволял себе дремать.

— Что вы скажете о таранной атаке?

Усталости как не бывало.

— Таран? Чем?

— Другим кораблем, сэр.

Агилера весь вытянулся, словно вот-вот собирался вскочить. У людей такая поза выражает целую гамму чувств, но всегда связана с эмоциональным возбуждением. Яут повернул голову и высунулся из-за спинки кресла.

— Никто никогда не пытался такое сделать, — заявил он. — Нарво не пожертвуют ни одним из своих кораблей, чтобы посмотреть, что из этого получится.

— Речь не о кораблях Нарво, сэр. — Агилера поправил края бумаг в папке. — О наших кораблях.

— Корабли Плутрака? — Эйлле беспокойно зашевелил ушами, пытаясь сосредоточиться. — Я привел только один ко-

рабль. Больше мне не полагалось по должности. Я не против, но он вряд ли пригоден для таранной атаки.

Глаза Агилеры засияли, как у джао. Эйлле показалось, что в них заплясали крошечные тени, подобно вспышкам в глазах его соплеменников, которые отражают мыслительный процесс.

— Нет, корабли, которые мы переделываем в Паскагуле.

— Подводные лодки? — Яут уселся задом наперед. Лицо фратты столь откровенно выразило изумление, что его не могли скрыть ни шрамы, ни служебные метки.

— Они размером не меньше наших космических кораблей, зато куда массивней, — напомнила Нэсс. — Их строили в расчете на то, чтобы они выдерживали мощное давление — давление извне. Возможно, они погибнут при таране, но нанесут противнику значительный ущерб.

Эти корабли лежат в доках завода по реконструкции, точно нерожденные детеныши в утробах. Детеныши с крепкими костями и бронированной шкурой.

— И готов поспорить, Экхат не ожидают такого удара, — добавил Агилера. — Как я понял из отчетов, вы никогда не нападали, пока их корабли не сбросят плазму, потому что иначе от лазеров никакого толку. От ракет тоже. Но вы писали, что они «оголяются» не только после атаки, но и во время перехода. Значит, делаем так: подводим к Узлу эскадру субмарин и ждем. Удары надо наносить под разными углами. Если ваши подсказут, где у этих жестянок самые слабые места... думаю, до Земли ни одна не долетит.

Эйлле еще раз попытался это представить. Что сказали бы по этому поводу его наставники из коченаты? Или даже легендарные тактики и стратеги Гончих Эбезона? Что бы они увидели в этой идее? Возможность добиться желаемого, шанс принести пользу — или пренебрежение долгом и безумие?

— У этой идеи есть достоинства, — сказал он наконец. — Мы еще вернемся к ней.

Когда Эйлле и его подчиненные прибыли во дворец Губернатора, ветер усилился и порывами налетал с той стороны, где садится солнце. В воздухе носились обломки прутьев,

пыль и мусор, тонкие опоры и мачты чуть слышно звенели. Лишь солнце светило все так же неистово.

Но ветер уже знал о переменах. О том, что жара пойдет на убыль, и снова напомнит о себе хай-тау, жизнь-в-движении — течение, которое продолжается даже здесь, где все непривычно и чуждо. Это неизбежно. Равновесие всегда восстанавливается, заставляя приоритеты сдвигаться.

И ему, Эйлле кринну ава Плутраку, необходимо понять, где и каким образом.

Эйлле зашагал быстрее. Возможно, во дворце остались хотя бы люди-служители — на всякий случай. Однако здание было покинуто. На дорожке стояло несколько брошенных наземных машин, массивные дубовые двери в туземном стиле распахнуты настежь.

Очевидно, как и докладывала Тэмт, Оппак разместил своих личных подчиненных, служителей на своем флагмане. Джао отправились в убежище, а людей, которые были больше не нужны, он просто распустил. Такое происходило по всей планете. Его соплеменники получили два типа приказов: одни — бежать с планеты, другие — укрыться в бункерах, сооруженных и снабженных припасами как раз на подобный случай.

Эйлле вошел в странное помещение, отделанное серым камнем, и закрыл глаза, оценивая обстановку. Устройства управления температурой отключены, и внутри было жарко. По-настоящему жарко, даже по меркам джао.

Течение по-прежнему стремительно. События и открытия сменяют друг друга все быстрее. Эйлле чувствовал, что должен действовать сообразно — быстро и решительно. Это ощущение поднималось внутри, точно прилив. Эйлле обратился к своему времячувству и немного снизил скорость восприятия событий.

— Нам нужно найти командный центр, — сказал он, обращаясь к Яуту.

Поза фрагты была напряженной и выражала «тревогу-и-сомнение».

— Хорошо подумай, прежде чем действовать, — предостерег он. — Твои приказы ясны. Но у Нарво есть право *крудх* — в отличие от Плутрака. Статус твоего кочена на Земле определяется твоим званием. Если ты выразишь пренебрежение

приказом Оппака, он обратится к Наукре, чтобы тебя провозгласили крудхом.

Объявили вне закона, как сказали бы люди. Вибрисы Эйлле дрогнули и выпрямились.

Время от времени то одного, то другого джао объявляли крудхом — за предосудительное поведение или пренебрежение честью союза. Но Эйлле не знал лично никого, кто подвергся бы такому позору. Более того: ни один из отпрысков Плутрака на памяти живущих не выказывал неповиновения кочену и не преступал обычаев настолько, чтобы старейшинам пришлось отказать ему в признании кровного родства.

— Я понял тебя.

Все равно это ничего не меняет. Он сделает то, что должен, следуя течению. Он знает, чего требует его витрик, как бы ни смотрел на это кто-то другой. Он должен сделать все, на что способен, чтобы принести пользу в нынешней ситуации — а это отнюдь не означает скрываться и выжидать, пока Экхат опустошат планету. Есть иные способы действия, и он в состоянии их осуществить.

Яут шевельнул одним ухом. Пожалуй, ему стоило задержаться и посмотреть, как его воспитанник разрешит столь непростую дилемму. Он дал знак остальным пройти в здание, а потом последовал за ними.

Четверо человек и двое джао молча шагали по опустевшим помещениям резиденции. Несколько раз им приходилось поворачивать обратно, заблудившись в лабиринте коридоров. Это был памятник власти. Слепящий свет земного солнца по-прежнему лился из больших и малых окон, но пустота была зловещей.

Наконец командный центр был обнаружен. И первое, кого Эйлле там увидел, был человек в помятой одежде, который неуклюже развалился в главном кресле.

— Доктор Кинси! — Кэтлин бросилась к профессору. — Что вы здесь делаете?

Кинси медленно повернулся, явив сияющую улыбку. Казалось, он сам собрал голоконтейнер, перед которым сидел, и с его помощью только что принял слабый сигнал из другой галактики. Глаза в лучиках морщин светились торжеством.

— Кэтлин?

Она неловко коснулась его запястья левой рукой. Взгляд ее серо-голубых глаз был почти испытующим.

— Оппак бросил вас тут?

— Нет, что ты... Мне велели уходить, как и всем остальным.

Доктор покачал головой. Эйлле показалось, что шрамы, оставленные на его лице возрастом, стали отчетливее.

— Они приказали всем людям, которые находились во дворце, разойтись по домам и ждать указаний, — он провел свободной рукой по подбородку, где у людей мужского пола обычно развивается грубый волосяной покров. — Кажется, один из генералов джинау стал возражать... да какое там, просто взмолился... и Оппак убил его. Но... — Кинси посмотрел на дисплей над приборной панелью. — Я знал, что вы можете сюда прийти, и решил остаться. Я беспокоился о вас. Если я правильно понимаю ситуацию... когда эти Экхат нагрянут, будет уже все равно, где ты находишься. Единственное спасение — это укрыться в оборудованном подземном убежище. И никак иначе.

Яут взял человека за плечи и поставил на ноги. Впрочем, оказалось, что стоять профессор не может.

— Мы должны связаться со старшими офицерами джао, которые остались на планете, — сказал фрагта, обращаясь к Эйлле. — Я воспользуюсь базой данных Оппака, чтобы выяснить, кто остался, а кто улетел.

— Идите сюда, доктор Кинси, — Кэтлин взяла ученого под руку. — Все будет хорошо.

— Не будет, — устало пробормотал профессор. Его губы дрогнули и скривились в полуусмешке. — Я стал рассеян, Кэтлин. Признаюсь. Но это не значит, что я выжил из ума. Итак, оказалось, что Экхат — не просто чудище, которым пугают непослушных детей. Они действительно существуют... и судя по тому, что я узнал, собираются испепелить все, что есть на Земле.

— Возможно, так и будет, — бросил Талли. — А возможно, и нет. Райф, кажется, придумал, как их остановить, и Субкомендант Эйлле готов его выслушать. По крайней мере, выслушать.

Он помог Кэтлин устроить измученного профессора в кресле, которое стояло в подобии неглубокой ниши, чтобы тот не путался под ногами.

— Ну вот, — Яут вывел на дисплей списки. — Главнокомандующий Каул отправился на орбиту... и с ним Субкомендант, командующий космическими силами. Самый старший по званию офицер джао, из тех, кто остался на планете — не считая тебя, Эйлле, — Полномочный представитель Хэми кринну Наллу вау Дри. Ей отведено место в бункере, который находится на территории государственного образования, называемого «Англия». Я передам ей сообщение с просьбой явиться сюда, вместе с личными подчиненными.

— Хорошо, — одобрил его Эйлле. — Проверь журналы и посмотри, кто еще останется на планете и кто может быть нам полезен. А пока...

Он уже изнывал от невыносимого зуда, особенно под ремнями перевязи, и с трудом удерживался от того, чтобы скинуть ее и почесаться.

— ...А пока мне необходимо выкупаться.

Кэтлин, которая стояла рядом с Кинси, оглянулась.

— В этом жутком сооружении несколько бассейнов. Если только Губернатор не приказал привести их в негодность, прежде чем сбежать.

Вибрисы Эйлле поникли. Это был самый красноречивый элемент позы «недоумение-и-непонимание».

— Зачем портить то, что еще может принести пользу?

— Потому что он вряд ли захочет, чтобы оно принесло пользу кому-то другому.

Если бы ее уши могли двигаться, как у джао, она подняла бы их, демонстрируя крайнюю степень безразличия.

Яут оторвал взгляд от главного дисплея голоконтейнера и что-то переключил на панели.

— Я хочу проверить еще кое-какие списки. А потом присоединюсь к тебе.

— Я тоже останусь, — подхватил Агилера. — Если от меня ничего не требуется...

Эйлле кивнул и лишь через мгновение осознал, что сделал. Как легко он перенимает человеческий язык тела!

Кэтлин и Талли пошли с ним.

— Кажется, я знаю, где самый большой бассейн, — проговорила она. — Тот, что в главном зале для приемов. Если я ничего не путаю, надо пройти несколько залов, и там будет вход.

Эйлле позволил ей его вести. Тэмт шагала сквозь полумрак рядом с Кэтлин — столь непринужденно, как будто они выросли в одном пруду. За ними следовали Талли, Белк и Врот.

Их немного, подумал Эйлле. Но они удивительные. Возможно, даже лучшие. Если мы все уцелеем, надо будет взять на службу кого-нибудь еще. Но начало поистине великолепное.

Глава 33

Талли шагал взад и вперед по залу и наблюдал, как Эйлле купается. Волны мягко шлепали о неровные каменные борта бассейна, на потолке шевелились блики отраженного света. Несмотря на мрачное прошлое этого места и удушающую жару, здесь было удивительно тихо. Возможно, в иных обстоятельствах Талли и сам не отказался бы искупаться.

Но он даже не купается. Он околачивается тут и мается от безделья, в то время как роковой час Земли приближается!

Нужно что-то делать. Хотя бы что-то.

Что будут делать его друзья? Можно не сомневаться, они очень рады, что «морские скотики» разбежались. Но если бы они знали, какая опасность на самом деле угрожает Земле? Поверят ли они, если им рассказать? Черт возьми, да он бы и сам не поверил. Вы только представьте: корабль в две мили длиной вылетает прямо из Солнца! И этот корабль пилотируют шестиногие бронтозавры, которые готовы разорвать друг дружку в клочья, лишь бы не жить с позором после того, как пообщались с чужаками.

Послышались шаги, и под высокими сводами гулко отозвалось эхо. В зал вошел джао. Именно вошел, хотя Эйлле ожидал увидеть женскую особь, Хэми кринну Наллу вау Дри. Кэтлин, которая сидела на полу, обхватив здоровой рукой колени, подняла голову, потом встала и шагнула навстречу гостю. Она уже успела ненадолго исчезнуть, чтобы принять ванну и переодеться. Сейчас на ней были простые джинсы и синяя футболка с эмблемой Университета Нового Чикаго. И при этом она выглядела не просто опрятно, но на удивление стильно. Черт возьми, как ей это удастся?

Эйлле резвился в бассейне, точно дельфин — и двигался примерно с такой же скоростью. Он не сразу заметил соплеменника. Кэтлин приветствовала новоприбывшего первой, очень изящно взмахнув руками. Кажется, это было как-то связано со статусом — наподобие того, как из двух офицеров первым при встрече отдает честь младший по званию.

— *Вэйи.*

Так и есть. «Я вас вижу» — приветствие младшего старшему.

— Я состою на службе у Субкоменданта Эйлле. Чем могу помочь?

А ведь я его где-то видел... Талли прищурился, разглядывая редкие лицевые метки на щеках джао. Как тесен мир... Полномочный помощник Мрэт кринну нау Крумат, офицер среднего звена, служит на базе в Паскагуле. Один из немногих джао, кто относился к людям *по-человечески*.

Раздался громкий всплеск. Эйлле выбрался из бассейна и отряхнулся, окатив всех троих. Талли украдкой вытер лицо запястьем, но Кэтлин как будто не обратила внимания, хотя стояла ближе всех.

— *Вэйст*, Мрэт кринну нау Крумат, — произнес Эйлле. — Признателен вам за поспешность. Скорость потока чрезвычайно велика, и нам нужно немало сделать... — он склонил голову набок. — Вы привели экспертов с завода, о которых я просил?

— Конечно, — в обсидиановых глазах Мрэта вспыхнули слабые искры. — Они ждут снаружи и готовы принести пользу. Смотритель Нэсс тоже прибыла.

— Техник Агилера высказал любопытные соображения. Он думает, что для нанесения удара по кораблям Экхат можно использовать переоборудованные подводные лодки людей. Главное — захватить Экхат, как только они завершат переход.

Плечи Помощника обмякли.

— Почему он решил, что эти примитивные корабли успешно осуществят задачу, с которой не может справиться оснащенный корабль джао?

Все еще мокрый, Эйлле скользнул в свою перевязь, и Талли поймал себя на том, что подходит к нему и поправляет один из перекрученных ремней. Черт возьми, до чего он насобачился играть эту роль!

— Люди весьма искусны в визуализации оллнат, того-что-может-быть, — сказал он. — В этом мы им уступаем. Выслушайте его соображения и одарите меня преимуществом вашего опыта.

— Стремлюсь быть полезным, Субкомендант, — ответил Мрэт. — Как и все мы.

Эйлле провел экспертов в большой зал для приемов и предложил им искупаться с дороги. Вскоре под сводами зала загудели голоса, умноженные эхом. Предложение Агилеры вызвало самый живой интерес.

Полномочный представитель Хэми кринну Наллу вау Дри, крепкая пожилая женская особь, потерявшая в боях одно ухо, прибыла из Англии. Оказывается, Эйлле был не единственным джао, у которого на службе состояли люди; правда, Хэми этого не афишировала. Одним из ее служащих был жилистый человек мужского пола из кочена Монро — вернее, «по фамилии Монро», как принято говорить у людей.

Впрочем, самым ценным участником совещания стал Чал кринну ава Монат, Тернарный помощник из Паскагулы, который лично разрабатывал планы модернизации и использования человеческих подлодок. Вокруг него тут же образовался тесный кружок в составе Агилеры, Мрэта, Нэсс и Кларика. Эта компания уселась в сторонке, обложились графиками и чертежами и завела разговор на смеси джао и английского с изрядной примесью каких-то малопонятных слов, не принадлежащих ни к одному из этих языков. Кажется, речь шла о диапазонах давления.

Завершив предварительную беседу с Хэми, Эйлле присоединился к неформальной коллегии экспертов.

Чал кринну ава Монат, который разглядывал что-то на маленьком вращающемся голодисплее, поднял голову.

— Вероятно, мы действительно сможем нанести ущерб кораблю Экхат — или даже уничтожить его. Главное — выбрать момент, когда он сбросил плазменную оболочку, но не успел образовать новую, — Тернарный помощник шевельнул вибрисами. — И вот что самое удивительное: конечно, мы можем воспользоваться лазерами и ракетами, но кинетичес-

кие орудия людей, при всей своей примитивности, окажутся куда более эффективными. Конечно, это трудно. Пилотам придется подвести корабли почти вплотную. Можно сказать, это задача для безумцев. И все же... Если этого окажется недостаточно, эти подводные лодки смогут протаранить корабль Экхат. Здесь мы снова используем кинетическую энергию. Они настолько массивны, что такой удар может разрушить даже лучший из наших кораблей. Это почти наверняка.

Эйлле задумчиво посмотрел на него, оценивая идею.

— И как вы предлагаете укомплектовать подлодки кинетическими орудиями? У нас очень мало времени?

— У него, — Чал кивнул в сторону Агилеры, — есть еще одно предложение.

— Я об этом тоже думал, — техник криво усмехнулся. — Прежде всего, используем бумеры — крупные субмарины. И просто привариваем на место бывших оружейных отсеков танки. Получится что-то вроде оружейных башен, понимаете? Само собой, они не герметичны, но силовое поле — штука надежная, в этом я уже убедился... — он изобразил чисто человеческую гримасу, очень выразительную, но трудночитаемую. — Понятно, что надо будет подвести воздуховоды, системы коммуникации и все остальное. Правда... Боюсь, надолго этого не хватит. Насколько я понимаю, в фотосфере разрушается даже силовое поле — оно держится ровно столько, чтобы пройти Узел, если я все правильно понял. Последствия... Вполне возможно, для наших танкистов это будет последнее задание, а ордена они получают на том свете.

Кларик мрачно кивнул, стиснул руки за спиной и выпрямился. «Внимание-и-решительность», подумал Эйлле.

— Никто не хочет умирать, — сказал генерал. — Но альтернатива у нас одна. Позволить этим проклятым Экхат поливать огнем нашу планету, пока не останется один пепел. И причины тому, что они сделают, никто не узнает, потому что узнавать будет некому. Мы умрем. Или на Земле, дрожа от страха, или там, сражаясь. Невелика разница, правда? И все-таки... вдруг получится. Тогда наша смерть точно не будет бессмысленной.

— Вы найдете джинау-добровольцев? — спросил Эйлле. — Нужны экипажи на подводные лодки, и не везде можно по-

садить джао — там слишком тесно. А в танки могут поместиться только люди. Повторяю, это должны быть только добровольцы. Даже джао нельзя отправить на такое задание приказом, для этого необходимо особое состояние духа. Насколько я понимаю, в отношении людей это справедливо вдвойне.

Генерал сделал странное движение плечами, которое Эйлле расшифровать не смог.

— Безусловно, сэр. Я лично обращусь к ним с призывом и сам буду в одной из танковых башен. Я начинал как танкист... почему бы мне не умереть танкистом? Готов поспорить... нет, гарантирую: добровольцев будет более чем достаточно, чтобы укомплектовать все суда. Вдвое больше, это уж точно.

Врот принял позу «признание-и-уважение». Миг спустя Нэсс, Хэми и Чал воспроизвели ее с фотографической точностью. Мрэт немного поколебался, но последовал их примеру, хотя и чуть неловко.

Эйлле посмотрел на них, затем на Яута. Фрагта был единственным, кто принял другую позу, очень редкую — «признание-истины-в-споре».

Именно так, подумал Эйлле. Поза «признание-и-уважение» принималась лишь в тех случаях, когда отпрыск совершал поступок чести, которого от него *ожидали*. Следование *витрик* похвально и в то же время ожидаемо. Но разве сейчас не тот же самый случай? Другое дело, что ни один джао на этой планете еще не ожидал от людей поступков чести. «У людей нет представления о *витрик*» — таков был постулат Нарво, принятый как аксиома. И сейчас Врот, Чал, Нэсс и даже Мрэт, как когда-то сам Эйлле, признали, что шли ложным путем.

Какое расточительство...

Эйлле был почти уверен: не только Врот, но и Нэсс, и Хэми и Чал сами начинали об этом догадываться — еще до того, как он сам получил назначение. Задолго до того — если иметь в виду Врота и Хэми. И, несомненно, не только их. Множество джао по всей планете, которые предпочитали держать свое мнение при себе.

Оппак стал *тираном*. И рядом не оказалось — просто не могло оказаться — никого, кто обладал бы достаточно высоким статусом, чтобы противопоставить его позиции свою. Еще одно свидетельство тому, что бывший *намт камити*

Нарво грубо нарушил свой долг. Он не только не сумел завершить Завоевание образованием союза, но разрушил союз самих джао. Он уподобился человеку в самом худшем смысле... и убивал вестников, приносящих дурные вести.

Да будет так. В этом зале рождался новый союз Плутраком с джао и людьми. И его узы были уже очень крепки.

И в этот момент Эйлле, наконец, увидел свой путь в течении. От начала и до конца. Он был подобен золотой нити в прозрачной воде. Эйлле еще никогда не достигал такой ясности видения.

Танец над пропастью продолжается. Настало время следующего броска. Вовне, как можно более вовне. Чего он боится? Он знал, что «раскачивание лодки» — опасная игра. Но никогда не догадывался, что риск может оказаться настолько радостным.

— Это прекрасный план, — проговорил Эйлле. — Но если мы примем эту стратегию, то нарушим приказ Губернатора, который на этот раз не получится истолковать двояко. И я не хочу, чтобы кто-то рисковал, следуя за мной. Я нарушаю приказ и полностью принимаю ответственность на себя.

Яут на миг застыл... и тут же принял спокойную, почти умиротворенную позу. Он понял, что задумал Эйлле. Величайшая радость для подопечного — сразу увидеть одобрение со стороны фратты.

— Он обратится к Наукре и потребует, чтобы вас объявили крудхом, — заметила Хэми.

— Ему это не понадобится. Я сам объявлю себя крудхом. И потребую, чтобы либо Оппак, либо Каул кринну ава Дэно, — если Губернатор откажется, — передал мое решение Наукре. И Своре.

Казалось, течение остановилось, чтобы позволить ему созерцать пять вариантов позы «потрясение-и-неверие».

Врот вышел из оцепенения первым — начиная с кончиков ушей, которые дрожали от восторга. Хэми выразила те же чувства, хотя и более утонченно.

— Дерзкий ход, — произнесла она. — Весьма дерзкий. Таким образом, любой, кто бы за вами ни последовал, действительно ничем не рискует. А за вами последуют многие — поскольку вы остаетесь *намт камити* и успели себя просла-

вить. К тому же Нарво нажили себе слишком много врагов. Большинство коченов просто бурлят от возмущения. Подозреваю, что несчастливы даже Дэно. О да, — она приняла позу «признание-и-уважение», на этот раз адресовав ее Эйлле, — отпрыски Плутрака и впрямь действуют тонко. Вероятно, вы не уцелеете, если Наукра согласится с вашим решением. Но и Оппаку не сдобровать, я в этом почти уверена. В любом случае, он будет опозорен. Воображаю себе потрясение Нарво. Их бывший *намт камити*... Думаю, этой планетой им больше не править.

Эйлле прервал ее коротким, совершенно человеческим жестом.

— Когда начнется новое течение, я вряд ли до этого доживу. Я собираюсь пилотировать одну из подводных лодок. Вам я передаю командование наземными силами... — он повернулся к Кэтлин: — Подскажите, что сейчас лучше всего укрепит союз.

Он сомневался, что Кэтлин поймет, но она поняла.

— По обычаю людей, — она покосилась в сторону Кларики, — убежище предоставляют прежде всего детям. Затем — старикам и женщинам. Что касается женщин... вопрос сложный, отношение к ним время от времени меняется. Но дети — это самое главное. Как символ, понимаете? Если не удастся спасти всех, то хотя бы некоторых. Желательно, чтобы их сопровождали матери, а сирот — кто-то из взрослых, лучше родственников.

Он кивнул, снова используя человеческий жест — на этот раз умышленно. В его сознании уже складывался текст приказов.

Нэсс, Чалу и Агилере: начать модернизацию подводных лодок.

Мрэту: принять командование в Паскагуле. Проследить за тем, чтобы приказы Нэсс, Чала и Агилеры выполнялись немедленно и безоговорочно. Не допускать возражений ни со стороны джао, ни людей.

Хэми: приказать джао покинуть убежища и вернуться в военные городки. В убежищах должен оставаться только техперсонал. Пресекать любые попытки сопротивления.

Кэтлин: это не приказ, а просьба. Убедите своего отца организовать эвакуацию детенышей в убежища — всех, кого удастся. На этом континенте он обладает полномочиями, которых будет достаточно. Кроме того, он должен связаться с другими правительствами и добиться, чтобы в других государственных объединениях также началась эвакуация.

Кларику: как я понимаю, часть воинов Тихоокеанской Дивизии будет выполнять свой долг на подводных лодках. Те, кто останется, должны обеспечить безопасность во время эвакуации и в убежищах. Джинау справятся с этим куда лучше, чем регулярные войска джао. Вероятно, возникнут беспорядки.

Этот приказ он озвучил первым.

— Есть, сэр, — генерал шелкнул каблуками и отсалютовал. — Но помимо доброй воли, люди должны обладать опытом. Некоторым вещам невозможно научить за столь короткое время. Вам нужны бывшие подводники и танкисты, и я не уверен, что в моей дивизии их достаточно.

Эйлле задумчиво посмотрел на него... и понял, что нужно делать.

— Отлично. Я назначаю вас командующим всеми формированиями джинау в Северной Америке. Это три дивизии — как вы думаете, там будет достаточно опытных воинов?

Кларик кивнул и собрался уходить.

— Подождите. Вас нужно повысить в звании. Какое звание у людей считается следующим после генерал-майора?

— Генерал-лейтенант, сэр.

Эйлле удивленно посмотрел на него.

— Простите, Кларик, но обычаи людей иногда кажутся мне странными. Что означает слово «лейтенант»? Впрочем, вы потом мне объясните. Итак, генерал-лейтенант... — он быстро посмотрел на Талли. — Полагаю, силы Сопротивления по всей планете намерены воспользоваться кризисом. Я поручаю вам проследить, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Талли сделал странное движение — словно хотел запрокинуть голову, одновременно не сводя глаз с Эйлле.

— Вы не забыли? — он поднял руку, демонстрируя черный браслет локатора. — Я не могу его снять. А мне надо

попасть в Скалистые горы... очень скоро. И поговорить... Его зовут Роб Уайли.

— Последнее время вас держал лишь *витрик*, — Эйлле покосился на Яута. — Или вы этого не поняли?

Казалось, между двумя джао и человеком проскочила искра, на миг превратив их в единое целое. Лишь на миг, в течение которого скорость потока стала почти бесконечной. Но миг прошел, и поток снова бежал спокойно и плавно. Талли медлил. Он разрывался между двумя желаниями и не мог решиться.

Яут взял Талли за руку и приложил к браслету дезактивационный диск. Черная лента разомкнулась и со звоном упала на пол, свившись в спираль. Талли тупо смотрел на нее, механически потирая побелевшую полоску кожи.

— Вы состоите у меня на службе, — проговорил Эйлле, — и я доверяю вам больше, чем остальным. Вы нужны нам. Потому что вы можете принести пользу — вы можете сделать то, что не под силу никому из ваших соплеменников.

Талли глядел то на Яута, то на Эйлле, щурил глаза и тяжело дышал. Его лицо словно свела судорога.

— Ладно, — пробормотал он. — Сделаю что смогу.

Неожиданно его глаза сверкнули, и он пинком отправил черную ленту в бассейн, словно та могла ожить и вернуться к нему на руку.

— Но от разговоров по радио толку мало. Мне нужно повидаться с Уайли лично. Иначе он решит, чего доброго, что вы меня заставили. Сами понимаете, до Скалистых гор путь неблизкий...

Эйлле и Яут переглянулись. Еще один нелепый человеческий обычай.

— Вы в личном подчинении Субкоменданта Эйлле, — прорычал Яут. — Забирайте любую технику. Командуйте кем требуется. Неужели трудно догадаться?

Возможно, нелепее всего было то, что Талли, выходя наружу, смеялся.

Глава 34

От вынужденного пребывания взаперти характер Оппака окончательно испортился.

Губернатор привык к роскоши. У себя во дворце он мог воспользоваться всем, что только был способен предоставить этот жалкий окатыш, по недоразумению названный планетой, что позволяло хоть как-то скрасить бесконечную службу.

Разумеется, на корабле был бассейн. Но как эта крошечная лоханка могла сравниться с той системой водоемов, которые он создал у себя во дворце? Но если бы дело было только в размерах... Соли и минеральные добавки подбирались непонятно как: ни на борту, ни в системе не нашлось настоящего знатока, способного воспроизвести состав морской воды Пратуса.

Раздувая ноздри, Губернатор отряхнулся, словно искупался в нечистотах.

— В этой жиже только трупы омыwać!

Уллуа, единственная из его служителей, кто находился в отсеке, изящно склонила голову.

— Вы требуете мою жизнь, Губернатор?

Интересное предложение... но все-таки лучше его отклонить. Пока.

— Я думал, даже такая идиотка, как ты, способна понять: у меня останутся только те, кто вообще ничего не умеет, а вода от этого лучше не станет!

Уллуа снова кивнула и приняла позу «постижение-истины». У нее был прелестный вай камити — четыре темно-бурых полосы, строго параллельных, пересекающих лицо и сливающихся на щеках. И она знала, как повернуться, чтобы он смотрелся наиболее привлекательно. Это была единственная причина, по которой Оппак пригласил ее на службу: на Уллуа было более чем приятно поглядеть.

— Губернатор мудр, — почтительно пробормотала она, но тактично отвела взгляд, и в ее глазах ничего нельзя было прочесть.

— Пусть Субкомендант направляется сюда, как только произведет дозаправку корабля и покинет Землю. Ему необходимо присоединиться к нам, когда начнется сражение. Это будет великолепная практика для новичка.

— Слушаюсь, Губернатор Оппак. Я немедленно отправлю приказ.

Последние слова она бросила через плечо, потому что покинула отсек почти бегом. Точно удирает, подумал Оппак,

чувствуя, как ярость закипает с новой силой. Он бросился на роскошную грудку дехабий, расшитых красными узорами Нарво. Его уши то и дело меняли положение, выражая то гнев, то ожидание.

Он прекрасно знал, что корабль Эйлле не предназначен для участия в боевых действиях, тем более против кораблей Экхат. Но едва ли этот выскочка сможет отказаться. И, скорее всего, погибнет.

Это было бы великолепно. Оппак уже не знал, чего желал больше — смерти отпрыска Плутрака или опустошения Земли. Губернатор снова заблудился в сладостных грезах. Сражение в космосе всегда опасно, даже на боевом корабле. По неизвестным причинам Экхат неизменно строили корабли определенной конструкции — странной и очень неустойчивой. Но на этих нелепых громадинах установлены лазеры невероятной мощности. Луч такого лазера расколется корабль Субкоменданта, точно раскаленный докрасна топор иголку. Те, кто переживут эту атаку, будут медленно плавать по космосу, ожидая почти неизбежной медленной смерти.

Он уже видел, как Эйлле кринну ава Плутрак судорожно хватается ртом остатки воздуха, который еще остается в пустеющих баллонах... когда Уллау вернула его к реальности.

Поймав его взгляд, служительница чуть отступила — на долю аза. Но это движение от Оппака не укрылось.

— Что там еще? — спросил он, полусердито-полуотчаянно.

Уши Уллау нерешительно дрогнули.

— Я только что говорила с Субкомендантом. Он заявляет, что намерен остаться на поверхности планеты и организовать удар по кораблям Полной Гармонии... как только они пройдут точку перехода.

— Я не давал разрешения!

Оппак вскочил, и дехабии разлетелись в разные стороны. Одна скользнула в бассейн и стала медленно тонуть.

— У нас нет кораблей с достаточной огневой мощностью! Любая попытка остановить Экхат на этой стадии приведет к лишним потерям кораблей и личного состава! Он должен следовать стандартной схеме, поскольку ресурсы у нас ограничены!

Уллау попятилась, ее вибрисы трепетали. А линия ее плеч... это было нечто неожиданное.

— Я напомнила Субкоменданту Эйлле ваш приказ, и весьма настойчиво. Но на этот раз он выказал неповиновение...

«Гнев-и-потрясение». Но почему она не может удержать позу? Все изгибы словно плывут. Нет, это неспроста. За этим кроется нечто неподобающее.

— ...И еще Субкомендант сказал, что должен следовать своему *витрик*.

— Своему *витрик*?

Губернатор бросился на Уллуа, швырнул на влажную палубу и придавил всей тяжестью, вмяв ладони в ее роскошный пух.

— *Витрик* — это *витрик*! — зарычал он ей в лицо. — Он один для всех особей! Я позабочусь, чтобы его объявили крудхом!

Она извивалась в его руках, прижимала уши... и вдруг обмякла, словно покорившись. Ее пух был мягким, от нее пахло приятной свежестью... Неожиданно для себя Оппак провел пальцем по одной из полос, пересекающих ее лицо. Какой странный, вызывающий рисунок... Он знал, что в его глазах пылает неудержимая ярость, но Уллуа и не пытается смотреть в сторону.

— Эйлле кринну ава Плутрак объявил себя крудхом, Губернатор. И попросил меня передать эту весть Наукре. Что я и сделала.

Оппак уставился на нее, оцепенев. Он терял способность понимать происходящее. Объявить себя крудхом?!

Первой из оцепенения начала выходить та давно бездействующая часть его сознания, которая некогда легко и уверенно постигала тактики соперничества коченов. Это бедствие было страшнее всего, чего он мог ожидать. Что бы теперь ни случилось, он покрыл себя несмываемым позором. Позор и бесчестье... Плутрак потребует его жизнь — даже если Эйлле погибнет. И, скорее всего, Нарво уступит их требованию. В лучшем случае, он сам будет объявлен крудхом. Это смерть, и даже хуже, чем смерть. Не отчаяние и горечь, которых он опасался.

Раскачивание лодки. Почему он до сих пор этого не заметил? И надо же было быть таким глупцом!

Он понял, что все еще смотрит на Уллуа. Потом ее тело чуть напряглось, пытаясь выразить «спокойствие-и-безучастность».

Нет. Что бы она ни изображала, поза выдает ее.

«Восторг-и-восхищение» — вот что за этим скрывается. Поза, которая, разумеется, не имеет к нему никакого отношения. Нет. Это уж слишком. Могучие мышцы Губернатора вздулись, он взревел и одним движением сломал ей шею — легко, точно человеку.

Через секунду он уже снова был на ногах. Пульсирующий гул двигателей отдавался легкой дрожью во всем корпусе. Время шло, а Оппак все стоял, тупо глядя на безжизненное тело.

Эйлле последует своему *витрик*.

Неужели? Как будто могут быть два наилучших пути! Лучший путь бывает только один, и в данной ситуации это верно, как никогда!

Какая-то часть его сознания нудно твердила старческим голосом, что в вопросах тактики возможны варианты. Какая чушь! Наукра Крит Лудх не станет попустительствовать наглемцам. Об этом не может быть и речи.

Давным-давно Нарво был дарован статус удх — как первому и лучшему среди всех коченов, представленных на Земле. Отказавшись выполнять приказ, Эйлле поставил Плутрак в очень скверное положение... Оппак вправе потребовать цену неповиновения. Например, жизнь Эйлле кринну ава Плутрак.

Да, он еще сам увидит посрамление Плутрака.

Теперь он дышал спокойнее и немного расслабился. Та надоедливая часть его сознания по-прежнему что-то лопотала, но он больше не обращал на нее ни малейшего внимания.

Варианты стратегии... Вот вам и вариант. Предполагается, что этот гладкомордый переживет атаку Экхат. Крайне маловероятно, но все-таки есть надежда. Куда занятнее принять его жизнь перед собранием великих джао, чем услышать, что он сгинул, и прах его смешался с тем, что осталось от погибшей планетки, такой же бесполезной, как и ее население.

В ином случае... Земля будет уничтожена, Эйлле кринну ава Плутрак погибнет, а его драгоценный *витрик* объявлен клятвопреступлением. Об этом даже думать приятно.

Ликование несколько угасло, когда ему на глаза вновь попало тело Уллуа. Теперь у него нет ни одного служителя, хоть на что-то способного.

Служители... Только сейчас он вспомнил, что Уллуа не была служительницей. Она состояла у него в личном подчинении.

По сути, единственная, кто еще оставался у него в личном подчинении...

Странно. Как он мог это забыть?

Все, кто получил приказы Эйлле, немедленно удалились — кроме Кэтлин.

— Отцу могут потребоваться дополнительные рекомендации, — сказала она, когда Талли скрылся в коридоре. — Организовать эвакуацию детей — это ясно. Но надо сделать гораздо больше. Те, кто входит в правительство джао, сейчас либо на орбите с Оппаком, либо в укрытиях. Те, кто остались на планете, вернутся на свои посты. Но их слишком мало, чтобы всем управиться.

Эйлле склонил голову набок. И Кэтлин осознала, что не понимает его позу. «Осторожность-и-раздумье»? Или «сдержанность-и-неодобрение»? Боже... такое ощущение, что она год не спала. В голове стоял туман.

— Вы правы.

Пауза была такой долгой, что Кэтлин вздрогнула.

— Свяжитесь с вашим родителем от моего имени и передайте предлагаемый план действий. — Эйлле зашевелил ушами, их положение менялось так быстро, что она едва успевала воспринимать. Потом снова пауза — и Субкомендант принял позу «размышление-и-осмотрительность». — Скажите ему, что бы принял командование на континенте. Пусть сообщит другим главам человеческих правительств, чтобы поступили так же. Это означает, что в его распоряжение поступают все формирования джинау, расквартированные на территории этого государственного образования. Обо всем докладывать Хэми: она назначена моим заместителем, а когда я отправлюсь вместе с флотилией к Солнцу, станет моим представителем на планете. У меня нет времени самому принимать прямое командование, а люди в любом случае будут куда полезнее и лучше справятся с прямым управлением.

Невероятно. Она распростерла руки, пытаясь скрыть потрясение позой «желаю-принести-пользу». Джинау — настоя-

шая армия, многочисленная, прекрасно обученная и хорошо оснащенная, и треть ее находится в Северной Америке. Более чем достаточно, чтобы изменить баланс в этом мире. Оппак никогда бы не передал командование этой армией людям. Как понимать приказ Эйлле?

Она покинула зал для приемов, где плескались бассейны и гуляло эхо, и в сопровождении Тэмт направилась в помещение, когда-то отведенное Субкоменданту. Ей надо было найти доктора Кинси.

Профессор сидел в кресле и устало разглядывал собственные пальцы. Для него уже успели разыскать чистую одежду — вероятно, предназначенную для кого-то из служителей Губернатора. Саржевые штаны и хлопчатобумажная куртка были ему почти по размеру, но явно не по росту. Глаза профессора по-прежнему оставались воспаленными, но сам он выглядел куда лучше.

— Не хотите пойти со мной? — предложила Кэтлин, коснувшись его локтя. — Я собираюсь вернуться в коммуникационный центр и поговорить с папой.

— Почту за удовольствие, — доктор Кинси поднялся. — Правда, отдохнуть мне не дали... но мне уже надоело сидеть, ничего не делая, и представлять себя ломтиком бекона на гриле. А ты как?

Она криво усмехнулась.

— Великолепно — хоть верьте, хоть нет. Только немного устала. Но... знаете, такое ощущение, что я до сих пор не жила, а теперь живу. Я на службе у Субкоменданта, а раньше была то ли заложницей, то ли игрушкой. Я знаю, что этому миру угрожает опасность — может быть, самая страшная за всю историю, — и не сижу, ожидая неизвестно чего, а что-то делаю, чтобы ее предотвратить. И самое главное — мне в затылок больше не дышит Банле. У меня есть телохранитель-джао... — она указала взглядом на Тэмт и улыбнулась, очень тепло. — Настоящий телохранитель и настоящий друг. Никто не обращается со мной как с безмозглой фарфоровой куклой, которую надо убрать в дальний угол полки, чтобы не разбить. Впервые в жизни я действительно занимаюсь чем-то важным! И вы тоже, — девушка потянула его к двери. — Идемте. Никто из людей не знает про джао больше, чем вы. Я не в счет. Папе будет не обойтись без ваших советов.

В коммуникационном центре дворца находилось несколько джао — женские особи, техники, очевидно, из числа сопровождающих Терниарного помощника Чала. Они поглядели на Кэтлин, точно на ручную обезьянку, однако без всяких возражений установили связь с резиденцией в Сент-Луисе.

Она едва успела сесть в кресло, когда в голоконтейнере появилось лицо Бена Стокуэлла. Отец все еще был полон сил, хотя ему и перевалило за шестьдесят, а волосы полностью поседели. Крепкий, загорелый, сейчас он выглядел озабоченным, как никогда. Кэтлин заметила, как его руки дрогнули и сделали короткое движение в сторону сенсорного реле, словно отец хотел коснуться ее.

— Кэтлин! Столько дней, а от тебя ни слуху ни духу... У нас все в панике, джао собираются и улетают, ничего не объяснив... — он прищурился. — Что у тебя с лицом? А с рукой? Господи, с тобой все в порядке?

В горле возник ком. Она сглотнула и бережно прижала к груди сломанную руку.

— Все замечательно, папа.

Она не могла отвести глаз. Как ей не хватало родителей. В последние дни она была слишком занята, чтобы даже подумать об этом.

— Но ты верно заметил: у нас большие проблемы. У всех нас. Это не личный звонок. Я должна передать официальное сообщение. Пап, ты в курсе, что происходит?

Президент Стокуэлл поджал губы.

— Откровенно говоря, не в курсе. Судя по всему, эти таинственные Экхат все-таки собрались на нас напасть. Губернатор Оппак приказал всем войскам джао либо покинуть планету, либо укрыться в укрепленных бункерах. Никому из людей ничего подобного не предложили — по крайней мере, насколько мне известно. Как я понимаю, очередной спектакль.

— Это правда, — Кэтлин с трудом подавила желание наклониться ближе. — Я...

И осеклась. Перед глазами вновь встала жуткая картина — Экхат, раздирающие друг друга. Так отчетливо, словно возникла в голоконтейнере.

— Я была на корабле Экхат с Субкомендантом Эйлле. Я... я видела их. Я видела такое, что мне стало ясно: джао говорят

правду. И всегда говорили правду. Экхат существуют, они действительно непостижимы... поэтому джао и не могли что-то внятно о них рассказать. Я... я сама не знаю, с чего начать... и как все это объяснить. Наверно, с того, что Экхат действительно ужасны.

— Ты была там с Субкомендантом Эйлле?! — Бен Стокуэлл поглядел за ее плечо и словно в первый раз заметил профессора. — Каким образом?

Кинси поднял к видеообразу усталые глаза.

— Она теперь состоит в личном подчинении у Субкоменданта, мистер Стокуэлл. У него не было выбора, и у нее тоже. Оппак едва ее не убил, и это был единственный способ ее спасти. Это Оппак сломал ей руку. А потом приказал одному из солдат ее застрелить.

— В личном подчинении?... — Стокуэлл приподнялся, словно не верил своим ушам. — Но... джао не берут людей в личное подчинение. Господи... это все равно, что стать доверенным лицом...

Он не договорил, посмотрел сперва на дочь, потом на Кинси и устало опустил в свое кресло.

— Будь я проклят... Значит, ваш Эйлле заслуживает того, чтобы о нем слагали легенды.

— Большого, папа. Много большего.

В течение следующих минут Кэтлин рассказала отцу обо всем, что произошло за это время, и передала ему распоряжения Эйлле. Когда она умолкла, лицо Бена Стокуэлла было строгим и почти неподвижным.

— Да, придется немного поговорить о политике... Но... Кэтлин, ты имеешь хоть какое-то представление о том, что от тебя потребуется?

Кэтлин задумалась, потом медленно покачала головой.

— Вообще-то, нет.

— Следовало ожидать. Единственную версию личного штаба ты могла видеть только у Оппака. Это карикатура на то, что должно быть у джао. Просто... домашняя челядь, прислуга — называй как хочешь. Повторяю, карикатура.

Кинси кивнул.

— Вы совершенно правы, мистер Стокуэлл. Я проводил исследования... правда... откровенно говоря, я не совсем представляю, как должен выглядеть образец.

Бен Стокуэлл соединил кончики в воздухе.

— Вероятно, я представляю это немного лучше, профессор. Может быть, у меня возникнут проблемы с терминологией... но это только опыт, личный опыт. Я достаточно общался с джао из других великих коченов, чтобы составить общее представление. Главнокомандующий Каул — надутый мерзавец, но никогда не позволяет себе со своими подчиненными того, что вытворяет Оппак. А его фрагга Джатре и подавно... — он задумчиво посмотрел куда-то в угол. — Представьте себе личный штат Президента США — вы должны это помнить, профессор. Не кабинет, прошу обратить внимание, а ближайшие советники. Наподобие нашего комитета начальников штабов¹.

Кэтлин фыркнула. Теперь понятно, почему вопрос Талли вызвал у Эйлле и Яута такую реакцию. Президент направляет начштаба Армии с поручением, а тот спрашивает, как расплачиваться за такси.

— Я не знала, — пробормотала она. — Знала, что это *жутко* престижно... но...

— *Жутко* престижно?! — Стокуэлл издал короткий смешок. — Поступить в личное подчинение к отпрыску одного из великих коченов — это все равно, что... Нет, придется выбрать другое сравнение. Вспомни Средние века. И представь себе, что какого-нибудь захудалого рыцаря — или даже йоме-на, — вдруг произвели в графы.

В глазах Президента заиграли веселые искорки, но через миг его лицо снова стало строгим.

— Но ты должна понимать, Кэтлин. Есть одна очень большая разница между службой у джао и в штате Белого Дома. Насколько я понимаю, это служба на всю жизнь. С нее нельзя взять и уйти, просто потому, что подвернулось что-то другое.

¹ Консультативный орган президента США, Совета национальной безопасности и министра обороны по военным вопросам. Создан в 1942, входит в структуру Министерства обороны. Разрабатывает стратегические и мобилизационные планы, основные программы строительства вооруженных сил, создания вооружений и военно-политического сотрудничества. Состоит из председателя, начальника штаба Армии, начальника штаба ВМС, начальника штаба ВВС и (с 1978) командующего Корпусом морской пехоты.

— О...

Кэтлин почувствовала, что голова снова пошла кругом.
— Что ж... это не помешает мне жить. Эйлле кринну ава Плутрак... он удивительный. Честное слово, он ничуть не похож на Оппака... — она тряхнула головой. — К тому же... папа, у нас слишком много проблем, которыми надо заняться немедленно.

— Кэтлин, — голос Бена Стокуэлла стал сиплым. — Субкомендант Эйлле не останется на Земле навсегда. Он действительно... очень значительная личность. Если он... если мы... переживем то, что вот-вот на нас обрушится... в один прекрасный день ему дадут новое назначение. И все его подчиненные последуют за ним. И ты, возможно, больше никогда не увидишь Землю.

Он смотрит на меня и видит моих братьев. Он снова переживает все потери, всю боль — заново. Джао опустошили его мир, они забрали все, что ему было дорого, всех, кого он любил. Почти всех. И вот сейчас он должен потерять последнее.

— Возможно, ты и прав, па. Но если придут Экхат, это уже будет неважно. Давай сначала решим эту проблему. Забудь о моем положении и сосредоточься на том, что происходит сейчас. А с остальным разберемся потом. Договорились?

— Договорились.

Отец кивнул. Она знала, что он хотел бы сказать что-то еще, но сдерживает слова. И слезы.

— Профессор Кинси, — президент говорил почти спокойно, — насколько мне известно, вы один из ведущих специалистов по истории джао. Как вы оцениваете текущую ситуацию? Если оставить в стороне нападение Экхат — это чисто военная проблема, с которой мы либо справимся, либо нет. Я говорю о политической ситуации в целом. У меня ощущение, что мы сидим на пороховой бочке.

Кинси выпрямился в кресле и сделал руками в воздухе несколько неясных неуверенных движений. Кэтлин почувствовала, что ее разбирает смех. Профессор пытался принять свою любимую позу, в которой объяснял что-либо студентам — облокотиться на стол и сжать руки. Проблема заключалась в том, что стола перед ним не было.

После нескольких бесплодных попыток Кинси тоже осознал это, сокрушенно вздохнул, опустил руки на колени, потом разжал пальцы и на этом успокоился.

— Пороховая бочка... очень точное сравнение, господин президент. То, что мы наблюдаем, напоминает Восстание сипаев в Индии в 1857 году. Только представьте, что во главе восстания встал английский герцог. Сейчас Эйлле кринну ава Плутрак фактически взял под контроль Землю. Флотилию под командованием Оппака, которая сейчас удирает в направлении Луны, мы в расчет пока не принимаем. У него в руках все рычаги власти — армия, администрация... Теперь он предлагает передать эти рычаги туземцам, к которым, если разобраться, относится более чем благосклонно... — он покосился на Кэтлин. — Или тем джао, которых сам выбрал.

Бен Стокуэлл шумно вдохнул.

— Господи... Поправьте меня, если я ошибаюсь, профессор — но разве Восстание сипаев не закончилось поражением?

— И да, и нет. Англичанам удалось подавить восстание, подавить безжалостно. Но в результате было фактически покончено с незаконным правлением Британской Ост-Индской Компании, которая правила всем субконтинентом от имени Британской Империи. Ост-Индская Компания была отстранена от дел, управлять Индией стали непосредственно представители Британской Империи, а менее чем сто лет спустя Индия обрела независимость.

— Понимаю.

Кинси покачал головой.

— Простите, господин президент, но мне показалось, что вы не вполне поняли. Я использовал эту аналогию, чтобы обозначить общее направление рассуждений. Но аналогия — это только аналогия. Есть одно отличие, очень существенное... фактически, два отличия. Прежде всего: как я уже говорил, в нашем случае Восстание сипаев возглавляет английский герцог. И вообще, джао не англичане и смотрят на событие чуть иначе.

— А второе отличие?

Кинси торжественно поднял подбородок.

— Второе отличие... в том, что ничего, похожего на Черную Бездну в Калькутте, у нас не было... Пока не было. Если

вы помните историю, восставшие индусы перебили множество англичан, которые жили в Индии. Такое происходило во многих местах, но Черная Бездна в Калькутте оказалась самым примечательным эпизодом. Особенно после того, как британцы ухватились за этот инцидент и раздули его в целях пропаганды.

Стокуэлл снова вдохнул.

— Я вас очень хорошо понимаю, профессор.

— Безусловно. По крайней мере, я на это надеюсь, господин президент. Эйлле кринну ава Плутрак провозгласил себя крудхом. Обычно этот термин переводят как «объявленный вне закона». Но здесь опять-таки все решают нюансы. У нас «вне закона» оказываются преступники, мошенники и прочие отрицательные персонажи. Для джао... С одной стороны, тоже — но лишь в тех случаях, когда крудхом *объявляют*. И совсем другое дело — когда отпрыск великого кочена — Изначального великого кочена — сам провозглашает себя крудхом. С точки зрения любого джао — это беспрецедентный поступок. Примерно то же самое, что сделал Мартин Лютер, прибив свои тезисы на дверь церкви. В истории джао насчитывается, насколько я помню, только четыре подобных случая. И... я нашел более точную аналогию. Тот, кто объявил себя крудхом, воспринимается как благородный мученик. А вовсе не разбойник вроде Джесса Джеймса или Билли Кида. Да, благородный мученик — именно так назвала бы это западная цивилизация. Японцы провели бы параллель с «истинным самураем» или «идеалом кодекса Бусидо»... В некоторых отношениях культура джао больше сродни японской, нежели нашей.

— Что случилось с этими джао?

— В трех случаях Наукра решила дело против крудха. Правда, в двух случаях требования крудха были выполнены. Но когда собралась Наукра, все трое предложили жизнь, и это предложение было принято. Как вы понимаете, они погибли.

Стокуэлл нахмурился.

— А в четвертом случае?

— О, это самый знаменитый случай. Кстати, там тоже фигурирует отпрыск Плутрака. Женская особь по имени Форури. Это как раз тот случай, когда Наукра не только приняла ее требования, но и вынесла решение в ее пользу.

— И что с ней случилось? Она тоже погибла?

— Нет, — Кинси поглядел на него, точно на одного из своих студентов, который поторопился задать вопрос. — Но статус крудха с нее не сняли. Плутраки пытались добиться отмены решения, но Наукра отказала. Очевидно, по настоянию Нарво и Дэно.

— О господи... — Кэтлин почувствовала, что кровь отливает от лица. Вероятно, ак и было, потому что отец тревожно поглядел на нее.

— Кажется, я чего-то не понимаю.

— Папа... Для джао стать крудхом означает... Да, конечно. Знаешь, на что это похоже? Вспомни отверженных у амонитов. Только нет внешнего мира, куда можно уйти, потому что кругом живут только амониты. Никаких отношений, кроме тех, которые джао считают случайными. А главное — нет ни малейшей надежды вернуться к своему кочену и вступить в брачную группу. Одиночество и безбрачие до конца жизни.

— *По меньшей мере*, безбрачие, — Кинси наконец-то расцепил пальцы и сделал неопределенный жест. — Но Фоури кринну ава Плутрак не была одинока. После того, как Наукра отказалась снять с нее этот статус, все ее спутники также объявили себя крудхами. И провели остаток жизни в ее обществе. Если я не ошибаюсь, в поведении самой Фоури были какие-то моменты, которые можно назвать спорными... Но к тем, кто за ней последовал, это не относится. Джао почитают их память и называют Великими Служителями. Примерно как японцы чтят память сорока семи верных самураев.

— Но почему безбрачие? Я думала, среди ее служителей... Кинси покачал головой.

— Самое таинственное в жизни джао — во всяком случае, для нас, — это их половая жизнь. То, что они не подбирают пару, как люди — понятно. Но разница не только в культурных традициях. Она куда глубже. Я так и не понял, что тут первично, а что вторично — культура или физиология, — но джао в принципе не способны испытывать сексуальное возбуждение вне брачной группы, а состав брачной группы всецело определяется коченом. Брачную группу нельзя просто взять и создать. Нет кочена — или хотя бы тэйфа, — не будет и брачной группы. Только не спрашивайте меня, почему так получается, по-

тому что я не знаю. Может быть, это связано с концентрацией феромонов... Факт состоит в том, что для джао все определяет социальный контекст. Во всяком случае, о внебрачных связях или супружеских изменах мне ничего не известно.

Стокуэлл сурово посмотрел на дочь.

— А что случилось с теми, кто состоял на службе у тех троих? У тех, что погибли?

У Кинси дрогнули губы.

— Успокойтесь, господин президент. У джао нет обычая погребать свиту вместе с усопшим императором. Равно как и обычая сати, когда вдове положено броситься в погребальный костер мужа... — он пожал плечами. — Но если вас так интересует... Большинство этих джао после смерти своих патронов стали пользоваться огромным уважением среди соплеменников. Джао придают огромное значение верности, какую те, разумеется, проявили. Ни в одном из четырех случаев никто из личных подчиненных не ушел со службы.

Президент Стокуэлл откинулся на спинку своего кресла с нескрываемым облегчением. Откровенно говоря, у Кэтлин тоже свалился с души камень.

— Ладно, давайте сменим тему, — объявила она чуть более резко, чем собиралась. — По-моему, папа, ситуация очевидна. Конечно, если доктор Кинси прав, — а мне что-то подсказывает, что так оно и есть. Наверно, здравый смысл, правда?

Стокуэлл попытался изобразить улыбку.

— Не учи кошку ловить мышей... вернее, хитрого старого кота. На самом деле, я полностью с тобой согласен. Первое, о чем следует позаботиться — это не допустить повторения Калькутты. Второе. Предположим, что мы все-таки решим проблему с Экхат. Как только уляжется пыль — сделать все возможное, чтобы Земля стала славной мирной планетой с надежной системой управления. Чтобы, когда Наукра явится с ревизией, у нашего драгоценного Губернатора не было оснований утверждать, что Субкомендант Эйлле открыл ящик Пандоры.

— Именно так, — подтвердил Кинси. — Одним словом, устроить Восстание сипаев в масштабах планеты. Хорошо организованное ненасильственное сопротивление. В будущем это назовут сидячей демонстрацией Земли.

Стокуэлл поежился.

— Правда, я сомневаюсь, что джао воспримут это спокойно — даже если сопротивление будет ненасильственным.

— Безусловно. Сопротивления они не потерпят. Но вспомните аналогию с английским графом. Это совсем другое дело, господин президент. Пока мы сохраняем мир, они не прибегнут к тактике разъяренного быка. И не устроят резню, как в Амритсаре. Вы можете представить, чтобы полицейские направили пожарные шланги на... на... Черт, не знаю... На Элеонору Рузвельт.

На этот раз Кэтлин все-таки рассмеялась.

— Элеонора Рузвельт! Не дай бог Эйлле такое услышать! Кинси улыбнулся, Стокуэлл тоже, хотя более сдержанно.

— Я никогда его не видел. Но мне почему-то кажется, что это великий человек.

Кэтлин покачала головой.

— Человек? Нет, пап. На великого человека он совершенно не похож. Но насчет великого — это ты прав.

Она встала.

— В общем, предоставляю вам утрясти все детали. А мне надо идти... — она помедлила. — Я горжусь, что поступила к нему на службу, папа. Очень горжусь. И если Наукра решит... разумеется, если все мы будем живы... я останусь у него на службе, если будет нужно. Будет он кривым или нет.

Возвращаясь в командный центр, Кэтлин снова и снова обдумывала свое последнее заявление.

Почему бы и нет?.. Но какого черта ей сохранять безбрачие... Кстати, к слову о браке. Самое время принять окончательное решение. Да, монашеская жизнь ее окончательно испортила. В том, что касается секса, она медлительна и высокомерна, как черепаха. Поэтому с этим действительно лучше не тянуть. По крайней мере, лучше показаться обыкновенной дурой, чем идиоткой, которая корчит из себя жрицу любви.

Скорее всего, «течение» не требует, чтобы она немедленно вернулась в командный центр.

Кэтлин попыталась воскресить в памяти план резиденции, но память воскресала крайне неохотно — вероятно, по причине общей усталости организма. Тяжело вздохнув, Кэтлин свер-

нула по коридору и отправилась на поиски помещения, где была устроена импровизированная штаб-квартира. Она смутно помнила дорогу и шла, почти не думая, куда поворачивает.

Великий. Просто великий...

Я самая старая девственница Америки — монахини, разумеется, не в счет...

Господи, что я творю.

К счастью, поиски продлились недолго. Дверное поле было обесточено, и Кэтлин, заглянув в помещение, тут же увидела Кларика. И Полномочного представителя Хэми. Они что-то обсуждали.

— Эд, можно тебя на минутку?

Кэтлин выпалила это с ходу и лишь потом сообразила, что ее буквально трясет.

— То есть... — она неловко махнула рукой, — я не хочу тебе мешать... то есть вам...

Кларик лукаво прищурился, потом вопросительно взглянул на Хэми. Полномочный представитель приняла позу «терпение-и-спокойствие»? Кажется, да. Хотя... Во всяком случае, Нарво ее принимали редко. *Очень* редко.

— У нас есть время, — произнесла Хэми. — Немного, но есть.

Не дожидаясь повторного разрешения, Кларик обнял Кэтлин за плечи и бережно вывел из комнаты.

— О'кей, Кэтлин. Что у нас стряслось?

* * *

Она так и не вспомнила, что говорила в течение двух или трех минут. Если вообще что-то говорила. Потом Кларик утверждал, что каждое слово приходилось вытягивать из нее клещами. Но он, наверно, просто запамätовал. Впрочем, истину вряд ли когда-нибудь удастся установить.

Потому что, когда она умолкла, улыбка Кларика стала радостной и спокойной. Очень радостной... и еще более спокойной. И как раз второе из двух было особенно здорово.

— Я счастлив, мисс Кэтлин Стокуэлл. И еще... для меня это высокая честь. Да, я понимаю, вы можете остаться на службе у Эйлле до конца своих дней. На самом деле, я так

я предполагал. И понял, что мне это безразлично. Потому что мы точно проживем еще несколько дней. А что будет дальше... — он передернул плечами. — Ладно, не суть. В конце концов, я тоже у него на службе. Я как-то видел фильм про сорок семь самураев. Мне понравилось.

Это была очень мужская улыбка. Правда, тогда для Кэтлин это почти ничего не значило. Было слишком много куда более значимых вещей — усталость, сломанная рука, предстоящее сражение. Но потом — будет значить много. Если это «потом» когда-нибудь наступит.

— Как ты относишься к обручальным кольцам? — спросил он почти с нежностью. Его рука медленно поднялась, пальцы коснулись ее щеки. Кэтлин закашлялась и накрыла его ладонь своей.

— Ничего лишнего, Эд... — голос ее не слушался. — Просто...

Последних слов она произнести не смогла.

Через несколько дней Эд Кларик будет сидеть в танке, посреди Солнца, и вести бой против самых безумных и безжалостных противников в Галактике. Может быть, она останется в живых, но он — вряд ли.

Просто что-нибудь, чтобы вспоминать о тебе, если нет ничего другого.

Глава 35

В эту ночь Эйлле пришло послание от старейшин Плутрака.

Он только что погрузился в дремоту, но едва рядом с грудой его дехабий темным силуэтом возник Яут, сна как не бывало. Эйлле провел пальцами по ушам, отряхнул вибрисы и встал. Скорость течения все возрастала. Безусловно, этот разговор с коченом должен был состояться. Но не так скоро.

Шагая за Яутом по переходам дворца, Эйлле размышлял, сумеет ли Талли убедить своих товарищей по Сопротивлению. Кэтлин находилась в помещении, которое он выделил ей в качестве личной комнаты, и спала. Равно как и Уиллард Белк, и доктор Кинси. Люди спят очень крепко, и это делает их вид очень уязвимым для нападения в ночное время.

Две женские особи — дежурные техники, предоставленные Тернарным помощником Чалом, — были встревожены и ждали давно. Когда Эйлле вошел, они сидели к нему спиной, но их позы «беспокойство-и-дурное-предчувствие» читались очень четко. На дисплее голоконтейнера уже светилась эмблема Плутрака, золотая на зеленом. Одна из техников обернулась и поспешно приняла нейтральную позу. Все правильно: что бы ни сказали старшие отпрыски, они скажут это сами. Эйлле оценил ее выдержку. Трудно было не проявить чувств в подобной ситуации.

Это была старшая из техников, из кочена Биннат — судя по ее *ваи камити*. Большинство отпрысков Бинната хорошо знакомы с этим миром и сложными отношениями людей и джао. Дисплей голоконтейнера отбрасывали на ее лицо зеленоватый отсвет.

— Субкомендант Эйлле, — уши техника замерли под строго выверенным углом — не выше и не ниже, — вы прикажете нам удалиться?

— Думаю, это будет уместно, — ответил Эйлле. — Я дам вам знать, когда ваше присутствие вновь потребуется.

Техник опустила уши и вышла, увлекая с собой напарницу. Яут стоял в тени, и в его глазах вспыхивали зеленые искры. Прочем, возможно, это был просто отраженный свет дисплея.

— Ты сильно рискуешь. Может быть, мне составить ответное послание и ходатайствовать в твою пользу? Я могу подтвердить, что тебе приходилось принимать решения в обстановке крайней срочности...

Эйлле задумался. Да, он рискует. Но за риском крылась возможность — там, где ее прежде не было. Возможность принести пользу. Огромную пользу, и такая возможность была поистине уникальной.

— Не стоит.

Яут загрузил послание из буфера и отступил, но его уши недвусмысленно выражали сомнение.

Эмблема рассыпалась потоками золотого света. Потом свет стал более приглушенным, и в голоконтейнере появилось изображение достопочтенного Меку, коченау Плутрака. Эйлле мог разглядеть каждую ворсинку на его благородном лице с великолепным *ваи камити*. Казалось, старейшина тоже видит его.

Но это было лишь изображение, записанное и доставленное через Узел Сети беспилотным летательным аппаратом во время последнего планетного цикла.

— Отпрыск Эйлле, — проговорил Меку, — Нарво подали жалобу Наукре Крит Лудх. Они утверждают, что вы не повиняетесь приказам и действуете своевольно, не согласуя свои решения с командованием. Они требуют, чтобы вас объявили крудхом. Вслед за этим Наукра поставила нас в известность, что послание с требованием объявить вас крудхом уже отправлено, притом от вашего собственного имени...

Меку принял позу «предостережение-и-укор», но положение вибрис добавляло ей оттенок заинтересованности.

— Мы изучили ситуацию, насколько это было возможно без непосредственного присутствия. Ваша позиция может быть правильной, в ближайшее время мы отказываемся подтверждать вызов такого уровня, брошенный Нарво. Если вы желаете идти дальше, мы не станем оспаривать ваш статус крудха. Это обеспечит вам возможность действовать так, как вы сочтете необходимым.

Глаза старейшины странно блеснули, но поза не изменилась. Может быть, его посетило предчувствие?

— Мы направили вас на Землю не для того, чтобы вы вели себя осторожно. Но вы также не должны губить себя неразумными поступками. Некоторые решения, каковы бы ни были их мотивы, отменить невозможно, а их последняя цена может оказаться столь высокой, что вы не пожелаете ее платить. Но будет уже поздно.

Эйлле даже не успел заметить, как «предостережение-и-укор» превратились в «оценку-возможностей». Таков был стиль Меку.

— Также я хочу вам сообщить, что Свора Эбезона решила действовать, не дожидаясь решений Наукры. Отряд Гончих уже направляется к Земле. По нашим предположениям, они проделали больше половины пути. Мы не можем утверждать, но подозреваем, что в течение последнего времени Свора искала повода вмешаться в ситуацию на Земле. Если так, вероятностям нет числа. Безусловно, вам следует советоваться со своим фрагтой, но следуйте собственному чутью. Это течение представляется... весьма мощным.

Запись закончилась. Голоконтейнер словно заполнился роем встревоженных золотых пчел. Они гасли одна за другой, пока дисплей не стал темным.

— Итак, тебе предстоит выбор.

Эйлле впервые видел своего фрагту в таком состоянии. Яут напоминал детеныша, которого попросили продемонстрировать какую-нибудь позу, и он никак не может остановить выбор на какой-то одной. Утрата, гордость, раздражение...

— Благоразумие требует уступить Оппаку, следовать его указаниям и завершить операцию таким образом, как ее проводили до сих пор. Если ты так поступишь, я почти уверен: Наукра отклонит требования Нарво. Ситуация достаточно ясна — даже Свора готова вмешаться! Слишком многие на Земле несчастны из-за действий Нарво.

Эйлле обернулся. Казалось, его пух наэлектризован — от нетерпения покалывало кожу.

— Не думаю, что Меку хочет именно этого. Он не зря сказал про бесчисленные вероятности. А вероятности возникают не только для того, чтобы их отметить. Возможно, это касается не только возможности смирить Нарво, но и войны против Экхат, что намного важнее. Если мы сможем остановить их, применяя новую тактику... Подумай, что это означает! Мы сможем спасти планеты, вместо того чтобы просто мстить за них!

— Можешь считать, что это советую не я, но чувство долга и осторожность, — Яут качнул вибрисами. — Но, в конце концов, ты ава Плутрак, отпрыск Изначального кочена. А я только вау Плутрак, и мой кочен не столь славен. И я буду не вправе тебя покинуть, что бы ты ни решил.

Эйлле опустил в кресло и уставился на потемневший дисплей.

— Отправь ответное послание. И еще одно, Оппаку. Я принимаю статус крудха. Что бы я ни делал, это больше не затронет честь Плутрака. Я буду действовать от своего имени.

— И от имени этого мира, — добавил Яут. — Хотя я очень сомневаюсь, что люди способны понять, какая честь им оказана.

* * *

Как оказалось позже, Яут ошибался.

Возможно, ошибался. Трудно сказать. Способы людей выражать признательность за оказанную честь с точки зрения джао могут показаться странными.

По окончании сеанса связи техники вернулись и, увидев Эйлле, почему-то решили, что он хочет что-то увидеть — и даже что именно. Не дожидаясь дополнительных команд, они перенастроили приемник голоконтейнера на волну человеческой коммуникационной сети, которую люди называют «телевидение».

Вскоре Эйлле и Яут уже смотрели на дисплей.

Зрелище было впечатляющим. Огромные толпы людей собирались вместе и совершали какой-то странный обряд. Насколько помнил Эйлле, ни на одной планете ничего подобного не наблюдалось.

— Некоторое время назад Президент Стокуэлл направил указания и рекомендации главам других человеческих правительств, — пояснила ава Биннат. — Коммуникационная сеть уже давно прекратила эти бессмысленные развлекательные передачи и занимается тем, чем и должна заниматься — сообщает о текущем положении. Видите, у людей это называется «собрания». Они начались недавно.

— Если это можно называть «собраниями», — фыркнула вторая связистка. — Мне это больше напоминает движение косяков рыбы в пору нереста.

— Пригласите Кинси, — распорядился Эйлле. — Я хочу, чтобы он это объяснил. Думаю, мне пора пригласить его к себе на службу.

Яут замялся, потом принял позу «беспокойство-и-сомнение».

— Вряд ли он сможет пройти необходимую подготовку. Насколько я понимаю, он забывчив и неспособен к урем-фа.

— Значит, он не будет участвовать в официальных мероприятиях. Но мне кажется, что он по-своему умен и сообразителен.

Яут не стал продолжать спор. Он вышел и вскоре вернулся, ведя перед собой доктора Кинси. Последний выглядел еще более помятым, чем обычно. Эйлле показалось, что уче-

ного только что вытащили из кровати, где он спал не раздеваясь, и доставили в коммуникационный центр, не дав толком проснуться. Однако при виде изображений, мелькающих в голоконтейнере, профессор мгновенно проснулся.

— Господи Иисусе!

Эйлле не впервые слышал эту загадочную фразу, но спрашивать, что она означает, не стал.

Кинси устремился к голоконтейнеру, нагнулся, словно хотел проникнуть внутрь дисплея, и забормотал, пересыпая свою речь не менее загадочными словами.

— ... называют демонстрациями, сэр, а также манифестациями, и это древний человеческий обычай...

Снова набор непонятных слов, при помощи которых Кинси пытался поведать запутанную историю какого-то Билля о правах и подачи петиций¹.

— ...хотя это не такого рода демонстрация, сэр, но то, что мы называли бы демонстрацией в поддержку... это очевидно не только по знаменам и плакатам, но и по характеру речей...

Судя по виду Юта, фразга был намерен немедленно и весьма решительно начать курс урем-фа, причем в результатах был более чем уверен. Терпимость принадлежала к числу немногих добродетелей, которыми наставник был наделен не в полной мере. Эйлле понял, что должен вмешаться.

— Простите, — перебил он, — Я не сомневаюсь в ваших познаниях, но большинство этих терминов мне непонятны. Объясните только одно: с какой целью это устраивают?

— О...

Кинси сделал еще один очень примечательный жест — словно умылся одной рукой. Эйлле замечал это не раз. Вероятно, таким образом люди помогали себе сосредоточиться на одной мысли.

— Понимаете, сэр... насколько я понимаю... человечество — ну, или основная его часть — провозгласило вас своим героем. Господи, как бы это выразиться... «защитник»...

¹ Конституционный акт, принятый парламентом Великобритании в 1689 году. Билль провозглашал право подачи петиций, свободу выборов в парламент, свободу слова и прений в нем. Считается одним из первых законодательных актов о правах человека.

«воин»... нет, не то. «Избранник»... На вашем языке нет подходящего слова.

Вместо ответа он ткнул пальцем в голоконтейнер, указывая на одного из людей — молодого отпрыска мужского пола. Лицо человека почти полностью закрывала странного вида маска, с крошечными прорезями для глаз.

— Это похоже на группу поддержки. Людям нравится персонифицировать абстракции.

Эйлле вспомнил, как в один из первых дней его пребывания на Земле Агилера пытался объяснить, почему люди присваивают оружию мужской или женский пол.

— Да, конечно. Но как необычное головное покрытие этого молодого... И я вижу других с такими же...

Понимание пришло мгновенно. Он видел таких людей на приеме, который давал в его честь Оппак. Людей, которые украшали свои лица нелепым подобием вай камити. На миг его охватил гнев. И Яута тоже, судя по тому, под каким углом развернулись его уши.

Нет, так нельзя. Эйлле вспомнил слова Врота и негромко повторил их вслух — не столько для Яута, сколько для себя:

«Возможно, отпрыски Уатнака грубы и неотесаны, молодой Плутрак. Но меня учили еще детенышем, что начать с оскорбления — значит разрушить союз прежде, чем он возникнет».

Вибрисы Яута задрожали. У людей есть выражение: «его охватило негодование». Оно идеально описывает то, как менялась поза фрагты.

— О да. И здесь тоже.

Эйлле задумчиво смотрел на дисплей. Он хорошо понимал человеческую письменность и мог прочитать слова на транспарантах, которые несли участники собраний. В основном это были вариации на тему «Мы за Плутрака», а также надписи с пожеланием Эйлле долгой жизни. Какая нелепость! Существо живет ровно столько, сколько живет. Думать иначе — значит признавать существование каких-то непостижимых сил, от которых это зависит. Неважно, сколько ты прожил — куда важнее жить с честью и умереть достойно. Однако чувства, которыми были вызваны эти нелепые пожелания, благородны и достойны уважения, и забывать об этом нельзя.

Куда больше его обеспокоили надписи с грубыми оскорблениями в адрес Нарво, причем ни один из демонстрантов не удосужился объяснить, о ком идет речь — о конкретных отпрысках или кочене в целом. Некоторые слова, похоже, были просто ругательствами. Эйлле был возмущен.

— Это необходимо прекратить, — произнес он. — Я хочу поговорить с Президентом Стокуэллом.

Техники выполнили приказ мгновенно. Изображение демонстрации исчезло, и через секунду на дисплее появилось лицо президента.

Выслушав Эйлле, Стокуэлл некоторое время молчал. По его лицу трудно было что-то прочесть. Эйлле определил бы это выражение как «сомнение-и-задумчивость».

— Я сделаю все, что смогу, сэр. Но... по большому счету, демонстрации, митинги, марши... я не могу их отменить. К тому же они проводятся по всему миру, а не только в Северной Америке. Люди двадцать лет держали в себе гнев и наконец-то смогли дать ему выход. Нам повезло, что это демонстрации, а не погромы. И что люди не призывают джао убираться с планеты, а выступают в вашу поддержку. Но с ненавистью к Оппаку и всему, что связано с Нарво, ничего нельзя поделать. Целое поколение выросло с этой ненавистью, она у людей в крови.

Последние слова можно было толковать двояко, но суть Эйлле уловил.

Впрочем, он ожидал отказа и попытался настоять на том, чтобы оскорбления в адрес Нарво были пресечены. Однако Яут не дал ему договорить.

— Пусть будет так, как есть. Сейчас тебе будет проще контролировать планетный цикл. Не стоит так беспокоиться.

Эйлле растерянно поглядел на своего наставника. Но ведь первый долг фрагты — хранить обычаи...

Яут ошетилил вибрисы и свирепо поднял уши.

— Свора прибудет сюда раньше Наукры. И Гончие куда меньше заботятся о соблюдении приличий, чем старейшины и коченау. Если их это вообще беспокоит. Пусть увидят, какую ненависть и отвращение вызвал к себе Оппак. И то, как ты заботился о том, чтобы добиться противоположного — о союзе джао с людьми. Уверю тебя, это не повредит.

После некоторых размышлений Эйлле уступил. Хотя бы потому, что за эти минуты возникло еще несколько проблем, требующих немедленного решения.

Прежде всего, поступило сообщение от Талли.

Уайли желает лично явиться на переговоры, если вы гарантируете ему безопасность.

Между фрагтой и подопечным снова возник спор: Яут счел это требование оскорбительным. Но Эйлле успел чуть лучше ознакомиться с историей человечества и помнил, что люди были не настолько щепетильны в вопросах чести, как джао. А стоит ли удивляться? Чего можно ожидать от расы, у которой принято убивать гонцов, приносящих дурные вести? Джао такое просто не пришло бы в голову: гонцы, как и послы, во время исполнения своих обязанностей считаются неприкосновенными.

Однако едва Эйлле заверил Талли, что полковнику во время переговоров ничто не угрожает, ситуация изменилась.

Безопасность предстояло обеспечивать Кларiku. Генерала пригласили в центр коммуникаций. Оказалось, что он уже успел получить новое сообщение.

— У нас возникли осложнения, сэр. И, возможно, очень серьезные. Техасские отряды Сопротивления подняли восстание в Далласе и Форте Уорт. Я не в курсе, насколько активно их поддерживали местные жители, но судя по тому, что они захватили часть городских районов, бойцов у них немало. Я бы рекомендовал... м-м-м... возможно, это слишком смело...

Эйлле развернул уши, демонстрируя готовность выслушать.

— Думаю, нам придется подавить это выступление. Возможно, даже жестоко подавить. Проблема состоит в том, что мне придется направить в Северный Техас всю Центральную Дивизию. То есть вывести Вторую и Третью бригады из Колорадо и Юты. Но тогда некому будет сдерживать Уайли и его людей. К тому же, в том районе расположено больше половины убежищ. Я имею в виду Скалистые горы.

Смысл предложения Кларика был ясен. И не только Эйлле, но и Яуту.

— Я согласен, — произнес фрагта. — Прекрасный способ проверить, насколько этот Уайли способен держать слово.

Эйлле кивнул, и в каком-то уголке его сознания мелькнуло удивление. Этот человеческий знак согласия стал таким же привычным, как позы, которые он осваивал в коченате.

— Поступайте, как сочтете нужным, генерал Кларик. Вы состоите у меня на службе и можете говорить от моего имени.

Закончив передачу, Кларик несколько секунд смотрел на темный дисплей голоконтейнера.

— Да, ничего не скажешь, — проговорил он. — Еще одно очко в пользу джао. Или Плутрака... Похоже, у вас нет привычки тратить кучу денег на бюрократические проволочки.

Он криво усмехнулся и направился к радиопередатчику, чтобы передать сообщение Талли. Голоконтейнер для этой цели был бесполезен, несмотря на мастерство техников.

Планы изменились. В Техасе начался мятеж Сопротивления, они вот-вот захватят Даллас и Форт Уорт. Я намерен поставить их на место, задействовав всю Центральную Дивизию. Полномочиями, данными мне Эйлле кринну ава Плутраком, я призываю полковника Роба Уайли вернуться на военную службу с присвоением ему звания генерал-майора. Ему поручается командование новой Горной Дивизией, состоящей из сил, которыми он ныне располагает. Ожидаю, что генерал Уайли станет поддерживать порядок в округе и позаботится о безопасной и скорой эвакуации детей в убежища джао в Скалистых горах.

Не подведи меня, Роб. Передайте ему это, Талли. Непременно передайте.

Эд Кларик, генерал-лейтенант.

Несмотря на поздний час, в Паскагуле стояла жара. Райф Агилера расхаживал вдоль рядов черных субмарин и который раз напоминал себе, что время перевалило за полночь. В просторном здании раздавалось эхо: работы затянулись допоздна. Плечо все еще ныло после пулевого ранения в Салеме. Да, пулевое ранение есть пулевое ранение... Но доктор на базе сказал, что рана заживает прекрасно.

Агилера глядел на исполинские доки и вспоминал, в каком темпе работали раньше, пока не началась эта горячка. И кто-то еще на что-то жаловался!

Вспыхнули прожектора, и мостовой кран опустил на округлый бок «бумера» еще один выпотрошенный танк. Двигатель был убран, на его место уже успели приварить мощный автономный кондиционер. По сути, танк превращался в огромную, надежно защищенную орудийную башню, снабженную системой жизнеобеспечения. Возможно, этого будет достаточно, чтобы экипаж пережил сражение... возможно. Потому что будут еще силовые поля... Опять-таки, как долго они смогут защищать бойцов от жара и радиоактивного излучения солнечной короны? Этого не знает никто. Первыми об этом узнают именно экипажи танков. Потому что их машинам достанется куда больше, чем бывшим подводным лодкам, которые их несут. И именно танки сдадут первыми.

Один из рабочих что-то неразборчиво крикнул, но Агилера понял, что это означает. Танк установлен. По бокам подводной лодки, точно муравьи по сахарной голове, поползли сварщики, и вскоре корпус украсился трескучими бенгальскими огнями. Внутри тоже кипела работа: техники тащили кабель, устанавливали устройства связи и контроля среды...

Увидев на лесах одного из бригадиров, Агилера призывно помахал ему рукой.

— Эй, Скотт, слезайте! Надо пролистать спецификации.

Скотт Каптон махнул в ответ, вытер вспотевший лоб и быстро пополз вниз по лесенке.

Райф Агилера рассмеялся. Он взялся за эту работу. Он собирался «принести пользу», как говорят джао. Только-то и всего. И в какой-то момент он вдруг понял, наконец, что происходит в их плюшевых головах.

Отчасти.

На следующее утро, еще до того, как солнце открыто заявило о себе, Эйлле уточнил последние подробности оборонной операции. После этого он покинул командный центр в бывшей резиденции Оппака и на своем корабле вылетел из Оклахома-сити в Паскагулу. На борту находились Яут, Кэтлин Стокуэлл, Врот и Уиллард Белк.

Еще немного — и придет время собрать воедино все, что они подготовили. Затем бросок к Узлу Сети... Эйлле чувствовал это. Поток не только становился быстрее, но и расширялся — верный признак приближения кульминации. Наверно,

это чувствует и Оппак. И все джао. Решающий момент был близок.

И кто сейчас пребывает в большем напряжении: люди, судорожно считающие свои нелепые единицы времени, или джао, которые скорее чувствуют, чем знают, что времени осталось мало.

Человеческие часы показывали девять утра, когда корабль Эйлле вновь приземлился на термакадамовое покрытие взлетно-посадочной площадки в Паскагуле. Субкомендант задержался в пилотском кресле, не в силах убрать руки с пульта. Это было упоительное ощущение. Казалось, сквозь подушечки пальцев его чувства проросли в корабль, и тот стал продолжением его тела. В такие мгновения Эйлле жалел, что приносил наибольшую пользу, будучи командующим, а не пилотом. Будь его воля...

Он еще спускался по трапу, когда на площадку вылетел человеческий автомобиль на магнитной подвеске. Дверца распахнулась, и из кабины выскочил Агилера, весь пунцовый от избытка чувств.

— Субкомендант Эйлле! — заорал он. — Скорее едем на верфи! Вы должны это видеть!

Кэтлин, Белк и Врот едва успели встать впереди. Яут возмущенно зашевелил ушами — столь бурное проявление эмоций граничило с непристойностью, — но Эйлле предпочел не обращать внимания.

То, что три человека и трое джао в салон не поместятся, было ясно с самого начала. После того, как Эйлле и Яут втиснулись на заднее сиденье, Кэтлин нерешительно отошла в сторону.

— Не стоит тесниться, — проговорила она. — В любом случае, я в этом ничего не понимаю. С вашего позволения, я подъеду позже.

— Я тоже, — подхватил Белк, вполне сносно изобразив «вежливость-и-отказ». — Встретимся на заводе.

Агилера был странно возбужден. Его темно-карие глаза бегали, словно не могли дольше секунды смотреть на один предмет. Эйлле мгновенно распознал это состояние, но и только.

Скорее всего, эту машину он выбрал именно по рассеянности, вызванной перевозбуждением. Если бы он немного

успокоился и подумал, то понял бы, что все спутники Эйлле в нее не поместятся.

Впрочем, не страшно. Кэтлин, скорее всего, воспользуется возможностью и встретится с Клариком, который прибыл в Паскагулу прошлым солнцем. А Белк, как всегда, просто проявляет практичность.

Да, пожалуй, это разумно.

Агилера ввалился в салон, плюхнулся в кресло рядом с водителем, человеком женского пола, и махнул рукой.

— На завод. Изю всех лошадиных сил.

Эйлле еще ломал голову, о чем идет речь и что могут представлять собой эти лошади, когда машина резко затормозила перед гигантским ангаром.

— Отлично, — Агилера перевел дух, словно проделал весь путь бегом, потом выскочил и распахнул дверцу перед Эйлле, прежде чем тот успел потянуться к ручке. — Я хочу, чтобы вы это видели. Мы уже полностью оснастили несколько штук... Наверно, это полный бред... Но я почему-то понял, что у нас получится.

Нэсс и Чал уже встречали у входа. Как и полагается, люди шли первыми, Эйлле замыкал процессию. Они пробирались вдоль доков, в которых стояли матово-черные корабли, похожие на вытянутые яйца. Работы продолжались в лихорадочном темпе. Ослепительно сияли прожектора, кабели и провода змеились по полу и оплетали леса. Люди сосредоточенно ползали по гладким бортам бывших подводных, а теперь космических кораблей, громко и отрывисто перекликаясь.

Приблизившись к первому кораблю, Эйлле осмотрел танк, который как раз приваривали к корме.

— Что вы об этом думаете? — нетерпеливо спросил Агилера.

Откровенно говоря, Эйлле не знал, что думать и смог лишь округлить уши, выражая «смущение-и-нерешительность». Одно дело — выслушать и оценить смелое предложение, и совсем другое — увидеть, как оно воплощается в жизнь. Теперь он осознал, что не до конца понял идею Агилеры. Корабль выглядел... бесформенным. Невообразимо бесформенным.

Чал первым заметил его замешательство.

— Думаю, все получится, Субкомендант Эйлле, — проговорил он. — У нас нет возможности устроить испытания. Но

если подойти достаточно близко к кораблям Экхат, орудия этих танков действительно смогут их серьезно повредить.

— Даже в фотосфере звезды... — пробормотал Эйлле. Это был не вопрос и не возражение. Просто констатация факта — изумительного факта.

— Должно получиться, — решительно повторил Агилера. — В качестве боеприпаса возьмем «колпа...» простите, обедненный уран. В каждом снаряде пятнадцать кило чистого урана, разгон на жидком топливе. Скорость будет не меньше мили в секунду... нет, в вакууме даже больше. Внешний слой, само собой, сгорит... но этим жестянкам хватит и того, что останется. А солнышко сделает все остальное. Правда, меня пугали, что у них есть силовые поля, как у нас. Это тоже не проблема. Нэсс и Чал мне объяснили, что если развалить несущие, никакое поле уже не спасет.

Позже, когда солнце уже клонилось к закату, Эйлле собрал группу инженеров-джао, которых отозвали из убежищ, и пригласил их осмотреть суда. На своих коллег-людей они поглядывали свысока, однако выслушали все соображения Агилеры. Большинство инженеров отнеслось к ним скептически, но с тем, что допустимый диапазон нагрузок в пределах реально необходимого, согласились единодушно.

По их оценке, времени вполне хватало на подготовку четырнадцати субмарин. Одновременно должны были пройти обучение экипажи — вернее, люди, которые входили в их состав. Проблема возникла с пилотами. Обучить человека даже основам пилотирования космического корабля за несколько дней невозможно — не говоря уже о подготовке к работе в экстремальных условиях. За пультом управления могли находиться только джао, и это не было проявлением шовинизма. Но лучшие пилоты отправились к Луне с Оппаком, чтобы атаковать Экхат из засады. Чалу удалось найти лишь восьмерых, поскольку задание требовало особого мастерства. Девятым был Эйлле. Оставалось еще пять вакансий, и Врот вызвался разыскать отставных пилотов, поскольку после Завоевания некоторые из них осели на Земле. Эйлле дал согласие.

— Но действовать надо быстро, — сказал он. — Течение ускоряется с каждым моим вздохом. Ты же сам чувствуешь. Эххат появятся через несколько планетных циклов, не позже.

Старый баута крикнул и на миг замер в позе «согласие-и-рассудительность», а потом исчез в коммуникативном центре базы. Ему предстояла приятная работа — восстанавливать старые связи.

* * *

Набор экипажей для экспериментальных посудин — занятие хлопотное. А когда одновременно с этим приходится урегулировать внутриполитический конфликт, сон переходит в разряд слишком-большой-роскоши.

Так долго обходиться без этой роскоши Кларiku еще никогда в жизни не удавалось.

Кэтлин обнаружила его в комм-центре. Кларик как раз закончил совещание с генерал-майором Эбботом, командующим Центральной дивизией, когда чьи-то пальцы скользнули по его щеке.

— Боже мой... У тебя вид, как у покойника.

— Мы все будем покойниками, если доберемся до этого чертова Узла позже, чем...

Но его рука уже накрыла ее ладошку. Ее пальцы были длинными, а кожа нежной, как шелк.

— Вы освобождаетесь от своих обязанностей, сэр, — объявила она. — Временно.

И она потащила его на квартиру, где скормила ему сэндвич с ветчиной, а затем задернула занавески и велела лечь.

— У меня нет времени, — устало пробормотал он. — Ни у кого из нас нет времени.

— Ты не джао, — возразила Кэтлин. — И не можешь довольствоваться получасом дремоты. Тебе надо по-настоящему поспать. Иначе после старта от тебя будет мало проку.

Кларик попытался протестовать, но ее ладошка ласково, но решительно закрыла ему рот, пресекая дальнейшие попытки сопротивления. В следующую минуту он уже был уложен на койку и укрыт пледом. Затем, поправив подушку под его

гудящей головой, она пристроилась рядом и обвила вокруг себя его руку.

Боже, какое это чудо — держать ее в объятиях... Ее кожа пахла душистым мылом, волосы, словно атласные нити, скользили по его щеке. Он закрыл глаза и стал медленно погружаться в густую черную мглу.

— Но только полчаса, — пробормотал он.

— И думать забудь. Будешь спать, пока не выспишься.

Она прижалась крепче. Ее шея, щека, горло — все дышало прохладным огнем, и он узнал этот запах. Можжевеловый. Как в высокогорных лесах Нью-Мехико, где он бродил в юности.

— Забудь обо всем, кроме здесь и сейчас.

Он попытался разлепить глаза и посмотреть на нее страстно и одновременно учтиво. Как Кларк Гэйбл.

И услышал, как она смеется.

— Если это, по-твоему, пламенная страсть, то тебе действительно нужно выспаться. А пока... Если бы я лежала в постели с бурундуком, он вел бы себя более страстно.

— Эт' потому, что я джентльмен. У тебя рука... сломана. И будет неприли...

Он отключился. Сама Кэтлин не спала еще часа два. На узкой жесткой койке можно было лежать, лишь прижавшись друг к другу и не пытаясь повернуться на спину. И она лежала на боку — одетая, со сломанной рукой... и это было обидно.

Но даже в этой обиде было что-то приятное. По крайней мере, ей есть чего ждать... Если только через несколько дней Эд будет жив.

Часть 6

ПЕКЛО

— Вы не вмешаетесь?

Ответом Наставника была элегантная трехчастная поза: «уверенность-отрицание-понимание-риска».

— Нет, Тьюра. Эйлле уже превзошел мои ожидания. Давай посмотрим, как далеко он зайдет.

— Но если он потерпит неудачу... — поза Тьюры выразила «ужас-и-предчувствие». — Сотни миллионов людей погибнут, прежде чем мы успеем туда долететь.

— Безусловно. Все существа умирают. Что изменится, если они умрут с пользой?

Глава 36

Экхат были непостижимы.

Во Вселенной не существовало разумной расы, способной их понять. И Экхат прекрасно это знали. Это было еще одно доказательство их уникальности. Вернее, признак уникальности: Экхат не признавали формальной логики в силу ее ограниченности и, соответственно, отвергали такое понятие, как «доказательство». Вселенная непрерывно изменяется и порой противоречит сама себе. Ее можно понять лишь как танец Экхат с тем, что их окружает — с музыкой реальности и эсхатологией самого танца. Последняя состоит в наступлении Эххи, когда понятия «Экхат» и «Вселенная» более не будут различаться.

Ученые человечества — если бы кто-нибудь из них сумел проникнуть сквозь пелену, окутавшую все, что есть Экхат, — назвали бы их диалектиками-психопатами, впавшими в помешательство. Ученые джао, возможно, поняли бы их лучше. Величайшие из них даже смогли найти отголоски ментальности своих создателей, лежащие в основе культурных образцов¹ цивилизации джао. И даже человеческой — хотя в ней они представлены лишь отдельными случайными фрагментами. Это не случайно. Когда под влиянием Экхат разум джао пробудился, именно особенности этих образцов определили их социальные концепции и поведение. Правда, такую трансформацию сами Экхат сочли искажением. Однако это была форма, которая подходила для создания государства. Например, принцип «принесения пользы» — но не достигающий уровня мессианства и свободный от наиболее ужасных из методов его осуществления.

Впрочем, все это терминология людей или джао. Экхат не признали бы ни одного из этих понятий.

Как могли низшие формы жизни постичь Экхат, если Экхат оставались непостижимыми даже для самих себя? Несомненно было лишь одно: Экхат эволюционировали. Идея эволюции — одна из немногих, которые Экхат разделяют с джао и людьми. Нет, не совсем так: эту идею можно считать чем-то вроде точки пересечения этих цивилизаций. Но какая из бесчисленных планет была родиной Экхат? Как они выглядели первоначально? Этого уже не помнил никто из Экхат, и лишь партия Истинной Гармонии претендовала на попытку возродить это знание.

Возможно, причина забвения была иной. На самом деле эта проблема не имела никакого значения для Экхат — даже для Истинной Гармонии. Когда бы и где бы они ни возникли, их судьба была ясна, и в этом вопросе расхождений не было. Расхождения касались лишь средств достижения цели, но не самой цели. В конце концов Вселенная станет Экхат, а Экхат станут Вселенной. Они не стремились к господству над ней — в том смысле, в каком это понимали люди или даже джао. Они

¹ Преобладающие ценности и верования, характеризующие данную культуру и отличающие ее от других.

не желали управлять Вселенной. Их целью было абсолютное единение, где субъект и объект больше не будут различаться.

Экхат понимали, что с точки зрения многих видов их эсхатология ужасна и гибельна. Но их это не волновало. Волновало ли Бетховена, что бумага, на которой он писал свои партитуры, сделана из срубленного дерева? Волновало ли Баха, что для изготовления свечей, при свете которых он играет, убито животное? И что значит гибель животного или дерева по сравнению с сотворением «Девятой Симфонии» или «Хорошо Темперированного Клавира»?

Это почти полная аналогия. Все подчинено музыке, посредством которой Экхат творят истинную Вселенную. Точнее — музыке, которая и есть истинная Вселенная.

Дальнейшее описание не претендует на точность.

Приблизительно — очень приблизительно — таковы были блуждающие мысли Темы, вступившей в Зал танца. Увидев, что Контрапункт выходит из противоположных ворот, Тема отбросила праздные мысли. Судя по картине на огромном экране, который занимал почти всю дальнюю стену, решающий момент приближался.

Время начинать танец. Необходимы сосредоточенность и внимание, иначе священное мгновение и те, что за ним последуют, будут неизбежно осквернены и обезображены.

Тема всегда начинает. Поэтому Тема произнес первые слова. Если бы человек присутствовал при этом, их звук заставил бы его содрогнуться. И усомниться в разумности тех, кто говорил.

Да будет свет!

И как по команде, экран вспыхнул. Мимо Узла Сети проплывала фотосфера Солнца. Потом показалось солнечное пятно, и голос Контрапункта зазвенел по всей палате.

Свет против тьмы! Тьма против света!

Без противостояния все бессмысленно. Тема сделала первый шаг танца, потом еще и еще — к центру Зала, ликуя от наполняющей ее уверенности.

Она шла к хейлекам, которые выстроились в ряд вдоль стены Зала, нависая над ними, точно бронтозавр. Люди на-

шли бы, что хейлеки похожи на прямоходящих бурундуков ростом в четыре фута. Правда, их шерсть выглядела редкой, словно подшерсток по какой-то причине полностью вылез, а с ним и половина ости. Сейчас эти крошечные существа, которые обслуживали большинство систем корабля, дрожали, охваченные благоговейным ужасом. Начинался Танец Богов. Те, кто переживут его, приблизятся на шаг к Великому блаженству. Те же, кто не переживут, достигнут Великого блаженства прямо во время Танца.

Было еще рано, но первый аккорд прозвучал весьма мощно, и Тема решила, что теперь мелодии не хватает ярких акцентов. Она не сомневалась, что Контрапункт следует ее примеру. Музыкальные творения Экхат рождались в процессе импровизации. Отдаленным аналогом можно считать джазовый джем-сейшн — одну из форм музыкального творчества людей. Правда, если бы на человеческом джем-сейшне происходило бы нечто подобное, через несколько минут концертная площадка была бы оцеплена полицией. Но человеческие предрассудки — и не только человеческие — чужды Экхат и не воспринимаются им всерьез.

Тема протянула руку, схватила одного из хейлеков и, сжимая его верхними конечностями, сделала несколько скачков в сторону экрана. Солнечное пятно раскрылось, точно экзотический цветок, и Тема вскрыла хейлека, имитируя это движение. Кровь и внутренности брызнули в разные стороны.

Все уровни творения равны!

К удовольствию — но не к изумлению — Темы, Контрапункт немедленно подхватил. Танцуя, он тоже схватил хейлека, строго сохраняя симметрию, и разорвал его.

Жизнь из смерти, смерть из жизни, так разворачивается Экха!

Тема и Контрапункт снова склонились над рядами крошечных созданий, потом одновременно выпрямились. В каждой из верхних конечностей они держали по хейлеку, а потом раздавили их, как виноградины. Это был восхитительный акцент, яркий и одновременно мягкий. Экхат не признавали различий между музыкой, танцем и живописью и прочими видами искусства. Все искусства едины — друг с другом и с реальностью.

Хэйлеки прониклись происходящим и затанули собственным мотив. Их пение было слаженным, голоса сплетались, не нарушая гармонии — насколько позволяли возможности этих созданий. Человек мог бы сравнить это с мадригалом, который начат дуэтом и подхвачен хором — если бы смог сохранить самообладание настолько, чтобы это оценить. Эстетические воззрения Экхат радикально отличаются от человеческих. Даже джао вряд ли выдержали бы при виде крови и ошметков мяса, разбрызганных по всему залу.

Нельзя сказать, что хэйлеков это не волновало. Но это было волнение совсем иного рода. Не впервые Тема признала, что довольна этими созданиями. Конечно, хэйлекам не хватает мощного потенциала джао или сообразительности Ллейкс, чья мелодия была не так давно завершена. Но зато этот вид куда лучше подходит в качестве лейтмотива. Они не так склонны к ссорам, которые способны создать нежелательный диссонанс.

Тема начала первый круг танца. Теперь она двигалась медленно и величаво, чтобы обеспечить приятный контраст резким вступительным аккордам. Можно было не сомневаться, Контрапункт не сообразится с заданного ритма.

Замедление позволило Теме снова погрузиться в свои мысли. Она поймала себя на странном сомнении: не может ли новый вид, который скоро будет завершен, создать подходящий лейтмотив? Это была очень сложная проблема. Экхат просто не хватало информации. Самоназвание: «люди», в нескольких диалектных вариантах... Из всех аспектов реальности разум — даже ограниченный разум лейтмотивных существ, — считается самым непредсказуемым.

Нет, Тема не сожалела по этому поводу. Именно непредсказуемость могла создать силу аккорда. А также диссонанс, как утверждала Истинная Гармония. Но Тема перешла в Полную Гармонию во многом потому, что сочла Истинную Гармонию слишком ограниченной. Диссонансы тоже необходимы.

Эти размышления напомнили Теме один забавный факт. Лейтмотивные виды склонны считать, что Экхат разделены на *партии*. Это термин не из музыки, а — смешно сказать! — из политики.

Какая ерунда! Почему эти полочувствующие так любят распространять свои предрассудки на все вокруг? Экхат едины и

как единство разворачивают партитуру Экхи. Даже Интердикт нужен, чтобы создавать необходимые Пределы. Единство бессмысленно без Множества. Нерасторжимость пуста без Противостояния. Истинная и Полная Гармонии ведут танец, творя Экху единственным способом, каким может происходить Творение, а Мелодия добавляет к нему свое Противостояние.

Праздная мысль расцвела в музыке, дав толчок внезапному действию. Воистину дерзко... Но Тема подумала, что такое атональное отклонение будет весьма изысканно. Полная Гармония всегда отличалась от Истинной Гармонии именно смелостью, даже когда перенимала ее методы для решения текущих задач.

Они пришли к завершению вида, даже не оценив его возможность стать лейтмотивом. Пожалуй, внезапный атональный аккорд уместен даже в самые торжественные моменты танца — это подчеркнет развитие мотива. Пройдя один ряд хейлеков, Тема небрежно размазала троих или четверых задней ногой. Через зал немедленно отозвался Контрапункт.

Отклик потонул в мощном крещендо хейлеков. Похоже на истерический возглас... но Теме понравилось. Даже эти туповатые создания способны почувствовать величие нового танца.

— Первый пошел, — раздался голос в наушниках Кларика.

Судя по тону, Агилера лезет вон из кожи, чтобы изобразить невозмутимость, но безрезультатно. Впрочем, у самого Кларика, наверно, получилось бы не лучше. Лететь сквозь Солнце, да еще и с учетом прочих обстоятельств — не лучший способ расслабиться. Даже если не принимать в расчет предстоящее сражение, из которого, скорее всего, никто из них не вернется.

Кларик устался на дисплей перед командирским креслом и попытался не думать ни о чем, кроме боевого корабля Экхат, который выползал из Узла. Черт... Непростая задачка. Да, все эти штучки «пушистиков» позволяют тебе какое-то время находиться ниже поверхности Солнца, аки отроку в печи огненной. Да, они защищают тебя от радиации и прочих столь же малоприятных вещей. Но они не могут сделать менее пугающей картинку, которая возникает у тебя перед носом. Камера тупа: она видит то, что происходит снаружи,

и передает это по кабелю. И не десять-или-сколько-там-«г», — которые, опять-таки благодаря каким-то техническим приспособлениям, уже не могут раздавить тебя в лепешку вместе с железной бочкой, в которой ты сидишь, — не они заставляют твой желудок вылезать наружу через пищевод. А именно движущаяся трехмерная картинка размером полтора фута на фут. Твоя экс-субмарина бороздит огненное море, а на море шторм в двенадцать баллов. И все зависит от каких-то зернистых клеток, а также от мастерства пилота. Которому, кстати, стоит отдать должное, поскольку Эйлле кринну ава Плутрак, как всегда, на высоте. Можно себе представить, как кидает остальных ребят, которым не так повезло.

Потому что это не просто шторм, а гибрид шторма с семейством водоворотов, в роли которых выступают зоны турбулентности.

Фотосфера — это слой, который лежит под хромосферой и почти целиком состоит из зернистых клеток. Едва «подводная» — вернее, «под-солнечная» — флотилия проникла в фотосферу, корабли оказались захвачены вертикальной циркуляцией. Обычно космический корабль, покинув точку перехода, стремится как можно быстрее покинуть фотосферу. И дело не в высоких температурах, а именно в этих вихревых потоках. Но сейчас задача состоит как раз в том, чтобы как можно дольше продержаться в фотосфере и дожждаться появления Экхат.

Большинство подводных лодок уцелело. Специалисты — люди и джао, — подсчитали, что после модернизации субмарины выдержат давление внутри зернистых клеток. Расчеты оказались верны. Но два корабля угодили в нижнюю часть вихря, и их поглотили супергранулы конвекционной зоны. Мир вашему праху, ребята... хотя можно не сомневаться: от обоих не осталось не то что праха, но даже молекул. Джао — не волшебники, и возможности их технологий не беспредельны. Скорее всего, лодки провалились на глубину ста тысяч миль, в радиоактивное пекло, где их не спасут никакие силовые поля.

Итак, осталось двенадцать кораблей. Но Экхат на подходе. Неизвестно, вернется из этого рейда хоть одна из подлодок. Но лучше погибнуть в бою, чем просто сгореть, не дождавшись противника. В этом Кларик был совершенно уверен.

Он покосился на экран, чтобы не пропустить долгожданный момент. Бесполезно. Все те же вспышки, буруны... Картинку создавал тот же компьютер, к которому был подключен голоконтейнер на капитанском мостике, где находятся сейчас Эйлле и Агилера, но проблема заключается именно в дисплее. Он слишком мал, да и разрешение никуда не годится. Да, здесь нам «пушистиков» не переплунуть.

И вот...

— Выходят, — раздался в наушниках полусшепот Агилеры. — Очертания проясняются... Боже, ну и громадина!

Кларик тоже увидел. Слабые, еще неясные контуры — их можно разглядеть только потому, что прямые линии контрастируют с вихрями и клочьями солнечной плазмы. А вот еще два. И еще один. Два. Еще два. Значит...

Ничего не значит. Всего восемь кораблей. Как и предполагали джао. Обычная численность флота вторжения Экхат.

Первый из кораблей стал виден четче и уже не походил на мираж. И впрямь громадина. На глаз оценить невозможно — сравнивать не с чем. Помимо того, что кривизна горизонта, мягко говоря, непривычная, очень трудно ориентироваться по диаметру «гранул». Каждая из них может быть как несколько метров, так и несколько миль в поперечнике. Интересно, что скажет компьютер.

Да... Максимальная длина — условно говоря, от носа до хвоста... хотя... чтоб мне провалиться, если я понимаю, где здесь нос... Ладно, черт с ним. Максимальная длина — три мили. Правда, основной объем занимает пустота, затканная причудливой паутиной. Но даже основание центральной пирамиды, где сидят сами Экхат — примерно полмили в поперечнике. Планктон решил поохотиться на кита.

Кларик представил себе эту картину, потом встряхнулся, точно стирая ее. Нет, не все так скверно. Скажем, сом, атакующий акулу. А теперь вспомним, что у акулы очень тонкая шкура, а сому пририсовем клыки и зазубрины на усах.

С воображением у Кларика оказалось неважно, и новая картинка тоже не вызвала приступа оптимизма. К счастью, у его стрелка воображение либо было побогаче, либо отсутствовало полностью.

— Сейчас мы им устроим, генерал. Вот увидите.

Как ни странно, эта короткая реплика немного подняла Кларiku настроение. Парнишка немного стеснялся — еще бы, оказаться в одном танке с генерал-лейтенантом в качестве непосредственного командира. Но у начальства свои причуды.

А почему бы нет? Если не уничтожить Экхат — именно здесь и всех до единого... Вопрос о дальнейшем существовании человечества становится весьма спорным. Так что все правильно. Главнокомандующий лично принимает участие в решающей битве. По логике, это должно положительно повлиять на моральный дух армии.

Он еще не знал, насколько был прав. О моральном духе гражданского населения иногда забывают, и совершенно напрасно. Впервые за последние двадцать лет у человечества появились настоящие герои. Наблюдая трансляции митингов, Кларик очень быстро понял то, что не мог понять Эйлле. За редким исключением — исключение составляли некоторые радикальные группировки Сопротивления, — люди приняли Эйлле кринну ава Плутрака. Наверно, с таким же пылом шотландские горцы раскрыли объятия Славному Принцу Чарли.

Кларик вспомнил Куллоденскую битву и последовавший за ней карательный поход... и вздрогнул. Сегодня его положительно тянет на мрачные ассоциации.

Кстати, восторгами, которые вызывало одно упоминание о «славном отпрыске Плутрака», заразились и подчиненные Эйлле, в первую очередь люди. Опытный политик, Бен Стокуэлл нажимал на все рычаги пропаганды. И главным среди них, как и до Завоевания, по-прежнему оставалось телевидение. Те, кто утверждал, что люди берут численным перевесом, не так уж ошибались. «Пушистиков» было слишком мало, чтобы полностью контролировать деятельность людей. Подобно англичанам в Африке и Индии, они пытались использовать в качестве орудий управления уже существующие учреждения и организации. Фактически власть переходила к этим учреждениям, хотя юридически их статус оставался подчиненным. Правда, Стокуэлл позаботился о том, чтобы власть джао по-прежнему признавалась. Но Эйлле стал слишком популярен, чтобы с этим возникли проблемы. О нем с уважением отзывались даже пиратские теле- и радиостанции и интернет-сплетники, вездесущие, неистребимые и назойливые, как мухи.

Иное поведение было чревато проблемами, причем джао даже не понадобилось бы вмешиваться.

Отряды Сопротивления в Техасе, поднявшие мятеж в Далласе и Форт Уорте, убедились в этом на собственном опыте. Бригады генерала Эббота были еще на подходе к городам, когда в них вспыхнула настоящая гражданская война. Большинство местных жителей не питали к Сопротивлению никаких теплых чувств и имели на то все основания. Теперь у них появился символ, вокруг которого можно было объединиться. Повстанцев встретили в штыки — в буквальном смысле этого слова. Против них было обращено все оружие, которое они не успели реквизировать «на нужды Сопротивления». Джао, в отличие от них, были слишком прагматичны, чтобы тратить силы на такую безнадежную задачу, как разоружение туземцев.

Примерно в это же время у Кларики состоялся разговор с Робом Уайли. Это был настоящий разговор по видеолинии.

— Надери им задницы, Эдди.

Меньше всего Кларик ожидал услышать такое. Через несколько секунд его сомнения разрешились.

— Откровенно говоря, это будет лучшее, что ты можешь сделать для Сопротивления. Избавить Техас от Кенни Джорджа и его поделщиков.

Раздумывая над этой просьбой, Кларик разглядывал своего бывшего командира. Полковник, а теперь генерал-майор Уайли почти не изменился со дня их последней встречи, после падения Нью-Орлеана. Постарел? Безусловно. Но это был все тот же Роб Уайли, каким был двадцать лет назад. Кажется, сам Кларик сдал сильнее.

— Так и знал, что это просто подонки, — пробормотал он. Уайли фыркнул.

— Подонки? Ты совершенно прав, Эдди. Черт возьми, кто только не объявляет себя участником Сопротивления! К Кенни Джорджу сбежались все фашисты Северного Техаса: Ку-клукс-клан, Поссе Комитатус, советы белых граждан, так называемое ополчение и сурвивалисты... перечислять тошно. И разумеется, все белые. Ни латинос, ни азиатов, ни таких, как я.

Уайли был чернокожим. И то, что он возглавил Сопротивление в Скалистых горах, где население преимущественно белое, говорило лишь о его выдающихся способностях. Впрочем,

это не было исключением — в первую очередь в тех отрядах, которые действительно имели право называться повстанцами.

Пожалуй, это был единственный случай, когда нежелание Оппака вникать в человеческую психологию не принесло вреда. Он вполне мог стравить белое и цветное население Америки, чтобы укрепить свою власть. Но история Земли его не интересовала. С приходом джао проблема не исчезла, но он предпочитал ее игнорировать. Между тем, большинство погибших в Чикаго и Нью-Орлеане были цветными.

— Договорились, Роб, — он мрачно улыбнулся. — Надерем им задницы. По-моему, Орри Эббот сделает это в лучшем виде и с удовольствием.

Подобно Уайли, генерал-майор Орвилл Эббот был чернокожим.

И настоящим офицером-джинау. При подавлении этого мятежа он предпочел следовать тактике джао и не проявлял особой щепетильности. Впрочем, иногда он мог позволить себе импровизацию. Например, выражения «вешать на фонарях» джао просто не знали.

Так называемый Далласский мятеж закончился еще до того, как флотилия Эйлле стартовала к Солнцу. Сам Кенни Джордж стал украшением фонарного столба.

* * *

Субмарина мчалась навстречу первому из кораблей Экхат. Эйлле воспользовался зоной турбулентности, внезапно возникшей на пути, и помчался в ней, словно подгоняемый попутным ветром.

Подойти как можно быстрее и как можно ближе.

Задача непростая: цель — центральная пирамида, и по пути к ней надо преодолеть наружную паутину. Кларик зашипел, прежде чем успел сдержаться. На миг ему подумалось, что Эйлле решил таранить сооружение, хотя таран был объявлен последней, крайней мерой. Учитывая скорость субмарины, такое столкновение обернется для нее гибелью. Если не для нее — учитывая слабость конструкции огромных кораблей Экхат, — то для ее временных оружейных башен, танков, приваренных сзади, которые непременно сорвет. И людей внут-

ри них, включая и некоего генерал-лейтенанта Эда Кларика, поскольку законам физики нет дела до чинов и званий.

— Подходим! — крикнул Агилера.

Как будто об этом есть необходимость сообщать. Борт корабля Экхат маячил впереди, как скала. Эйлле смело и уверенно вел свое суденышко, чтобы оказаться на расстоянии прямого выстрела.

Кларик сидел в первой башне. Всего к бывшему бумеру приварили восемь таких, по одному над бывшими торпедными люками. Четыре по каждому борту, если в такой ситуации можно говорить о правом и левом бортах и, предполагая, что пилоту хватит мастерства, чтобы поставить судно в надлежащую позицию.

Эйлле мастерства хватало.

— Огонь! — скомандовал Кларик.

Ахнула стосорокамилиметровая танковая пушка. Урановый снаряд, лишаясь в полете внешних оболочек, покрыл дистанцию в милю менее чем за секунду. Казалось, что к кораблю Экхат несется гигантская трассирующая пуля. Температура за бортом — вернее, за пределами силового щита субмарины — достигала шесть тысяч градусов по Кельвину. Потеряв оболочку, снаряд начал плавиться, но скорость была слишком велика, а расстояние слишком мало, чтобы он успел сгореть полностью. Зато его траекторию было очень легко проследить. Чтобы увидеть, как пятнадцать килограммов обедненного урана врежется в корпус корабля Экхат. Кларику и его стрелку удалось выпустить четыре снаряда, прежде чем их башню пронесло мимо центральной пирамиды Экхат. После этого огонь пришлось прекратить.

Компьютер немедленно подтвердил оценку генерала. Четыре башни, которые можно было навести на цель, поразили ее пятнадцать раз из шестнадцати. Единственный промах сделал сам Кларик — вероятно, потому, что предоставил себе честь первого выстрела. Снаряд пропал в бурном море солнечного вещества, прибавив ничтожное количество тяжелых элементов к неисчислимым миллиардам тонн, которые здесь уже находились.

— Для первого раза терпимо, — фыркнул стрелок.

Похоже, он действительно не в восторге, хотя скорее раздосадован, чем огорчен. Несмотря на возраст, парню опыта не занимать. Просто корабли Экхат намного крупнее танка,

поэтому эффективность взрыва не та. Но оба прекрасно знали: даже пятнадцать снарядов превратят «ожестянку» в летающий склеп. А самое главное — теперь можно не сомневаться: снаряды пробивают корпус корабля Эххат.

Да, внешне это особое впечатление не производит. Пятнадцать дыр несколько дюймов в диаметре, образующие нечто вроде странного созвездия. Но каждый из них станет эпицентром атомного взрыва. Каждый расцветет жаром, способным испепелить все вокруг. Когда урановый снаряд совершает прямое попадание в танк, тот в считанные секунды выгорает изнутри, превращаясь в пустую оболочку. Здесь такого не произойдет: внутренний объем слишком велик. Что произойдет? Можно только гадать. Скорее всего, по всему кораблю разлетятся капли расплавленного и полурасплавленного металла — и не только металла. Если корабли построены по одному проекту — а судя по данным джао, так оно и есть, — в центральных отсеках уцелеть будет весьма проблематично. По крайней мере, в большинстве из них.

Недавний страх пропал, на смену пришла холодная ярость. И нечто, весьма близкое к упоению боем. Да, они вряд ли выживут. Во всяком случае, не стоит на это рассчитывать. И все-таки...

Кларик подозревал, что нечто похожее чувствовали в разгар сражения берсерки, про которых он когда-то читал.

— Ах, чертов «пушистик»! — послышался восхищенный возглас стрелка. — Вот молодец!

Повод для восхищения был. Поймав новый поток, Эйлле сумел бросить подлодку во фланговую атаку на второй корабль Эххат. На этот раз расстояние было еще меньше — от силы полмили.

Увы, скорость оказалась слишком велика, и танки успели сделать лишь по два выстрела. Кларик стрелял последним и снова промазал: один из его снарядов был выпущен уже в тот момент, когда бывшая субмарина двигалась дальше.

Глава 37

Великолепный диссонанс. Такой резкий, что ряды хэйлеков оказались сметены, их хор смолк... Но огненные цветы, которые

распустились прямо в Зале танца, ввергли Тему и Контрапункт в экстаз, выразившийся в совершенно безумных синкопах.

Увы, это продолжалась недолго. Один из цветков расцвел у ног Контрапункта, оставив ему лишь верхние конечности, а следующий превратил его останки в ослепительный костер. Еще мгновение Тема пыталась продолжать танец в одиночку, но тут вмешался Критик.

Завершайте танец. Нас атакуют. Лейтмотивные существа должны вернуться на пост.

Тема пришла в смятение — прежде всего в смятение, а не в ярость. Атака внутри Солнца невозможна. Но когда еще один ряд хейлеков был сметен, а на его месте раскрылись огненные цветы, Теме пришлось изменить способ функционирования. Одновременно в Зале появился Мелодист и начал выкрикивать команды.

По местам! Всем по местам!

Хейлеки расстроили ряды и устремились к дальним воротам Зала. О да, диссонанс был слишком ярким. Мелодист смял нескольких, выражая укор и недовольство, но убедился в бесполезности этой затеи. Эта мелодия себя исчерпала, и лучше начать совершенно новую. Он направился к воротам.

Но сделал лишь два шага.

Резервуары с ароматическими составами, необходимыми для выражения танца в сфере запахов, были размещены в секциях под самой наружной оболочкой. Некоторые из них оказались повреждены. Один разлетелся, и сложное органическое соединение, которое находилось внутри, хлынуло в Зал танца. Мощный температурный аккорд мгновенно воспламенил его — это было подобно взрыву. Огромное тело Мелодиста взлетело в воздух и пронеслось через зал по идеальной дуге. Его конечности сгорали, оболочка обуглилась. Когда дуга была завершена и Мелодист упал в толпу бегущих хейлеков, раздавив их, он был наполовину мертв. Последние его мысли, неясные и сумбурные, сводились к бесконечному недоумению по поводу смысла столь дикого диссонанса.

Критик и Дирижер находились в Зале управления корабля перед голоконтейнером и созерцали образы, которые транслировались из Зала танца.

Дирижер озвучил мысли Критика.

Работа не окончена и не может быть окончена. Многие хейлеки завершены до положенного им времени. Без Мелодиста все, кто остался, бесполезны. Судно не может осуществлять задачу без компонентов лейтмотива.

Критик уловил мысль, но тщетно пытался постичь их значение. Все разворачивалось слишком быстро, мелодии сменяли друг друга слишком неожиданно. Дирижер, от природы более последовательный, раскрыл значение сам.

Мой способ функционирования исчерпан.

Этого достаточно.

Быстрым ударом верхней конечности, снабженной генетически модифицированной лопастью — характерным атрибутом его способа функционирования, — Критик завершил путь Дирижера. Первый Голос, поглядев на тело Дирижера, лег, подставив Критику грудной сегмент.

Судно обречено на преждевременное завершение. Нет способа этому воспрепятствовать без Дирижера, Мелодиста и достаточного числа компонентов лейтмотива. Мой способ функционирования исчерпан.

Критик завершил Первый Голос. Затем — троих, оставшихся в рубке, в быстрой последовательности, по мере того, как каждый докладывал о завершении своего способа функционирования. Та же участь постигла и восемь компонентов лейтмотива. Затем Критик был вынужден запереть ворота, дабы воспрепятствовать бегству лейтмотивного вида. Визг хейлеков добавил дисгармонии к уже расстроенному исполнению.

Оставшись один, Критик изменил вид в голоконтейнере, чтобы созерцать внешнюю среду. Он увидел, что судно уже погружается в один из зернистых компонентов. Нет Первого Голоса, чтобы направить корабль, и он попадет в одну из супергранул. И окажется завершен задолго до погружения в зону термоядерного синтеза.

Жаль. Критик находил утешение и даже экстаз в музыке смерти и творения. Но не осталось ничего, кроме нарастающей какофонии судна, сотрясаемого грубыми внешними потоками.

И Критик завершил себя. Не без труда. Пришлось ударить четырежды, и он плохо попадал, пока передняя лопасть не нашла грудной узел.

* * *

— До этого мгновения я не мог поверить... — негромко, почти шепотом, произнес Яут. — Их корабль потерял управление. Наши орудия вывели его из строя. Он обречен. Воистину, я не верил, что такое возможно. До сих пор не верил.

Агилера покосился в его сторону. Это что-то новое: как правило, тон фразы варьировался от неколебимой твердости до сарказма. Впервые Агилера видел Яута... потрясенным.

Они стояли в центральной рубке субмарины, за спиной Эйлле, который сидел в пилотском кресле. Когда Субкомендант смог оторваться от приборов и посмотреть на дисплей голоконтейнера, корабль Экхат уже исчез в раскаленном мареве солнечной короны. Вести бой в фотосфере солнца было все равно, что отбиваться от своры собак в крошечной темноте. Вернее, в *крошечном сиянии*. Температура — шесть тысяч градусов. По сравнению с зонами турбулентности самый страшный тропический ураган покажется легким бризом. Если пропадет силовое поле — неизвестно, что уничтожит твоё суденышко первым: неистовый жар или запредельное давление.

И на сладкое — еще одна трудность: даже если здешние течения захотят поиграть твоим кораблем в бейсбол, искусственное гравитационное поле не позволит тебе это почувствовать. Между телесными ощущениями и тем, что глаз наблюдает в голоконтейнере — кричащий диссонанс.

Агилера вздрогнул. Его осенило.

Есть одна-единственная угроза, о которой никто не подумал. Весьма реальная угроза. Это возможность столкновения двух субмарин. Поддерживать связь в фотосфере невозможно. Даже продвинутые технологии «пушистиков» не позволяют обойтись без электромагнитных сигналов. Пытаться послать или принять таковые равносильно попытке разговаривать посреди водопада. Все, что остается — это отслеживать положение других кораблей по слабым магнитным возмущениям... ну и просто смотреть в оба.

Магнитные сигналы не отличаются четкостью. Пилот может лишь получить общее представление о том, куда лететь

не надо — насколько это возможно. Движение флотилии Эйлле больше напоминало гонку на плотках по горной реке, чем навигацию — по крайней мере, как понимал Агилера.

Мрачная мысль. Субмарины, которые нацелились на один корабль Экхат, запросто могут протаранить друг друга, если поблизости вдруг возникнет зона турбулентности. Но какой смысл думать о том, чего ты не сможешь изменить?

Благо проблем и без того хватает. Причем проблем, появления которых следовало ожидать.

— Как состояние среды в башнях? — спросил он, обращаясь к Кенни Вонгу, одному из техников.

— Все в пределах нормы. Только в шестой башне какие-то неполадки. Думаю, у них утечка — утечка материи, я имею в виду, — Вонг поглядел на экраны, отображающие состояние силовых полей, перед которыми сидела его напарница. — Джерри в этом больше смыслит, но даже я могу понять, что здесь все в порядке.

Джерри Суонсон кисло хмыкнула.

— На твой взгляд — может быть. А по-моему, это похоже на подвенечное платье моей бабушки. Когда я выходила замуж, это платье достали из сундука, и выяснилось, что его моль поела... — она подняла глаза и взглянула на Агилера. Должно быть, он выглядел не на шутку озабоченным, потому что женщина снова хмыкнула и покачала головой.

— А чего вы ожидали, Райф? Мы внутри Солнца, — она бросила короткий взгляд на свои мониторы. — Да ладно вам, ребята. Расслабьтесь. До коллапса поля еще далеко.

Агилера сплотнул. Он так увлекся переоборудованием танков, что совершенно упустил из виду прочие аспекты предстоящей операции.

— Вы получите предупреждение перед тем, как поля откажут?

На этот раз хмыканье было еще более выразительным.

— За несколько секунд до того как. Достаточно, чтобы попросить вас нагнуться и поцеловать в зад на прощание... Перестаньте дергаться и дергать всех остальных, хорошо? Когда это произойдет, мы с вами уже ничего не сумеем сделать. Так какого черта? Вам нечем заняться? Либо это случится, либо нет.

— Черт... — проворчал Агилера. — Похоже, воинский устав упразднили за ненадобностью.

— Простите? Если мне не изменяет память, формально вы гражданский специалист. А в прошлой жизни дослужились до сержанта, верно? А я вышла в отставку майором.

Несомненно, это должно было произвести эффект, поэтому Суонсон добавила чуть мягче:

— Мелочи, конечно. И все же я майор. Расслабьтесь, Райф. Кстати, по поводу платья. С ним пришлось повозиться, но вышло очень даже недурно. Только бездельник, за которого я вышла, этих усилий не стоил.

Агилера решил не возражать. В конце концов, она права. Силовые поля — это еще одна вещь, с которыми ничего нельзя сделать. Какое-то время они будут держать давление — и есть надежда, что за это время флотилия успеет довести начатое до конца. Или не успеет. Этот вопрос должен волновать его не больше, чем история семейной жизни Суонсон. Между прочим, ей тридцать с хвостиком, она четырежды была замужем, и каждый брак закончился разводом. По одной и той же причине: все они были бездельники. Можно подумать, у нее есть встроенный датчик, определяющий склонность к труду, но датчик этот, к несчастью, включается только после свадебной церемонии.

— Если ничего не изменится, сколько протянет экипаж шестой башни?

— Трудно сказать. Отчасти это зависит от ребят. Они настоящие ковбои, хорохорятся и делают вид, что все в порядке. Но это и плохо. Температура растет, они рискуют отключиться прежде, чем догадаются вылезти.

Агилера кивнул.

— Тогда дайте им предупреждение за две минуты, если сможете точно определить время.

Это даст экипажу шестой башни около минуты на то, чтобы покинуть башню. Вторая потребуется на то, чтобы убедить их в необходимости эвакуации. И никак не меньше. Потому что они действительно ковбои — по крайней мере, командир, который вырос на ранчо в Вайоминге.

— Еще один, — негромко произнес Яут, и Агилера поглядел в голоконтейнер.

Действительно. Еще один корабль Экхат начинает вырисовываться в сияющем мареве. Нет, два. Идут бок о бок, поэтому один наполовину заслонен другим и почти не виден.

Эйлле повторил маневр, однако на этот раз решил в последний момент сбросить скорость, чтобы позволить артиллеристам сделать несколько лишних выстрелов. Это требовало высочайшей техники пилотирования, но Агилера начинал подозревать, что мастерство Эйлле беспредельно.

— Генерал Кларик, — Агилера говорил тихо, словно боялся его отвлечь. Правда, ларингофон позволяет не орать, даже если вокруг шумно. — Еще два корабля на подходе. И снова с вашей стороны.

— Вас понял. Ориентировочно время... Боже правый!

Почти одновременно Агилера помянул Деву Марию, и по той же самой причине.

На дисплее голоконтейнера появилась еще одна субмарина. Слишком близко, поэтому ее можно было увидеть даже на допотопном мониторе Кларика.

Эйлле чудом удалось избежать столкновения.

Цепenea от ужаса, Агилера смотрел, как вторая субмарина тоже меняет курс, но это было неуправляемое движение. Ее пилот слишком резко бросил свое суденышко в сторону, чтобы не врезаться в своих. Он явно уступал Эйлле. Дуга превратилась в синусоиду, и субмарина, набирая скорость, устремилась к ближайшему кораблю Экхат.

Дальнейшее заняло не больше трех секунд. Пилот все-таки успел выровнять траекторию, но не смог предотвратить столкновение. И это был даже не таран. Прежде, чем коснуться корпуса неприятельского корабля, подлодка задела одну из хрупких на вид «паутинок», оплетавших его.

Обманчиво хрупких.

Танки, приваренные к борту, срезало, как бритвой. По поводу участи экипажей двух мнений быть не могло. На корпусе субмарины появилась рваная рана.

Пострадали ли при этом внутренние конструкции, или это только содрана обшивка? Определить невозможно. Впрочем, разница невелика. С такой пробойной в борту подлодка была обречена. В холодном вакууме открытого космоса экипаж смог бы установить силовое поле, чтобы поддерживать среду

внутри. Так сделал Эйлле, когда во время дипвизита на корабль Интердикта его маленькое судно лишилось внешнего люка. Но перекрыть такую дыру, когда кругом бушует тысячеградусный шторм, при давлении в сотни атмосфер... Силовое поле сожрет все запасы энергии прежде, чем субмарина окажется за пределами солнечной короны, даже если пилот немедленно направит судно в космос. Еще раньше температура на борту начнет стремительно возрастать, и все, кто там находится, изжарятся заживо. Более страшную смерть трудно придумать.

Очевидно, пилот поврежденной лодки пришел к такому же выводу. Он не обладал мастерством Эйлле, но мужества ему было не занимать. Субмарина повернула в сторону второго корабля Экхат и пошла на таран.

— Внимание всем, — сказал Эйлле. — Мы должны знать, что из этого получится. Смотри внимательно, Яут. И вы тоже, Агилера. Я буду слишком занят.

Ему действительно предстояла непростая задача: успеть сбросить скорость, чтобы позволить танкам обстрелять корабль Экхат, и при этом не врезаться в него. Во время первой схватки Агилера, как замороженный, любовался искусством молодого джао. Но теперь... он забыл обо всем, глядя, как подлодка все быстрее несется к неприятельскому судну.

Столкновение произошло через несколько секунд. Это был безупречный таран. Нос подлодки врезался в грань центральной пирамиды. Длина бывшего «бумера» составляла почти шестьсот футов, вес — около двадцати тысяч тонн. Чтобы снять напряжение, Агилера попытался вычислить его скорость. Самое большее, двести миль в час — немного по аэрокосмическим стандартам. Но надо учитывать, что маневрирование в фотосфере сродни скорее движению в жидкой среде. В любом случае, это ничего не значит.

Подлодка пробила тонкую обшивку пирамиды Экхат с легкостью шила, протыкающего кожу, и исчезла внутри. Почему-то Агилера решил, что она должна выйти наружу с другой стороны. Но, конечно, такое невозможно. Все, на что можно надеяться — что силовые поля защитят экипаж во время резкого торможения, которое последует за ударом. Тем, кто остался в уцелевших башнях, повезет меньше.

Если энергия успела перераспределиться, субмарина остановилась где-то в огромном центральном отсеке. Если только Гармония строит свои корабли по той же схеме, что и Интердикт. Перед глазами Агилеры возникло что-то вроде трехмерного чертежа. Искалеченная субмарина внутри гигантского корабля... словно проглоченная им. Но здесь отношения между хищником и его жертвой перевернуты. И если кто-то из экипажа все-таки спасся, особенно, люди в ракетных отсеках... Не все ракетные установки они преобразовали в боевые башни, приварив туда танки. Четыре оставили нетронутыми. Как раз на такой случай.

Райф медленно начал читать «Отче Наш». Яут покосился на него с любопытством, но ничего не сказал.

Внезапно в пробойне что-то ослепительно сверкнуло. Затем ее края раскрылись, точно махровый тюльпан.

— Слишком слабо для ядерного взрыва, — заметил Яут. Агилера так и не стал знатоком поз джао, но положение ушей и вибрис фрагты было слишком красноречиво. Он недоумевал.

— А это и не ядерный взрыв, — отозвался бывший танкист. — Это ракетное топливо. Они должны были выпустить хотя бы одну ракету. Трехступенчатые ракеты с графитно-эпоксидными корпусами, заполненные топливом... Вероятно, боеголовки ударились обо что-то еще до того, как топливо вспыхнуло. Мог выйти сжатый воздух из установки... Этого достаточно, чтобы обшивка треснула, и горячее растеклось повсюду. Судя по воню, которая стояла на том корабле, там есть чему гореть... — он печально покачал головой. — Они сделали все, что могли. Кораблю крышка, даже если боеголовка не взорвалась сейчас. Эти боеголовки не разряжаются немедленно. У них взрыватели замедленного действия. Для безопасности. Если взрыватели пережили толчок...

О черт. Даже если ты находишься в фотосфере Солнца, термоядерный взрыв под боком обещает не самые приятные ощущения. Агилера уже повернулся к пилотскому креслу, чтобы предупредить Эйлле, но понял, что его помощь не нужна. Заложив невероятный вираж, Субкомендант вел субмарину туда, где один корабль Экхат отгораживал ее от другого, одновременно сбрасывая скорость. Еще немного — и подлодка почти остановится.

В это время раненый гигант почти скрылся за корпусом своего собрата. Потом зернистые клетки словно кто-то взболтал палкой.

Вспышка. Такая яркая, что на миг затмила даже неистовое сияние фотосферы. Взрыватели уцелели — по крайней мере, один. Взрыв мощностью в несколько сотен килотонн разорвал металлическое чудовище в клочья.

— ...и избави нас от лукавого, — прошептал Агилера. — Аминь.

Яут, который по-прежнему стоял рядом, больше не выказывал недоумения. Агилера узнал его позу: «признание-и-уважение». Такую же позу он принял — и не только он, — когда Кларик вызвался привести больше добровольцев, чем это необходимо. Сейчас это была дань уважения людям и джао, которые только что уничтожили судно Экхат ценой собственной жизни, признание их мужества. Но в их поступке для него не было ничего удивительного.

Эйлле приближался к уцелевшему кораблю Экхат. После столкновения с субмариной неприятельское судно начало медленно вращаться вокруг своей оси. Чтобы торчащие элементы «паутины» не задели их судно, Эйлле остановился примерно в полумиле от ее внешнего края, но пробираться к корпусу, как прежде, не стал. В итоге дистанция оказалась куда больше, чем в прошлый раз. С другой стороны, подводная лодка почти не двигалась относительно корабля Экхат, а вращение позволяло изрешетить его со всех сторон.

— Они ваши, генерал, — проговорил Агилера в ларингофон. — Всыпьте им по первое число, будьте так любезны.

Кларик и его стрелки в напоминаниях не нуждались. Жара, которая теперь стояла в башнях, их только раздрадила. Раздетые по пояс, залитые потом, они были готовы сражаться, хотя обстановка в башнях ухудшилась настолько, что людей пришлось бы эвакуировать сразу после схватки. К счастью, шестая башня была обращена в сторону от корабля и в обстреле все равно не участвовала. Только поэтому Агилере удалось убедить ее экипаж пройти в рубку. Эвакуация заняла ровно пятьдесят восемь секунд.

То, что происходило после этого, напоминало то ли расстрел, то ли упражнение в тире. Расстояние все еще было не

настолько велико, чтобы «колпаки» успевали потерять скорость. Пушки заряжались в автоматическом режиме, башни работали теперь в предельном темпе. Теперь не требовалось отслеживать цель, загонять боеприпас в камеру, поджигать жидкое топливо. За те две бесконечных минуты, пока Эйлле мог держать их перед мишенью, каждое из четырех орудий выстрелило по двадцать раз.

Агилера подсчитал, что в корабль Экхат попало больше шестидесяти снарядов, прежде чем тот начал разваливаться. И это после столкновения с подводной лодкой... Впрочем, теперь это уже было неважно. «Колпаки» взрывались один за другим, обжигающие волны крушили все на своем пути и воспламеняли все, что может гореть. Происходило нечто вроде цепной реакции. Взрыв порождает новые взрывы, пожар распространялся внутри корабля. Наверно, сейчас там горит даже металл.

Внезапно обшивка центральной пирамиды лопнула разом в десяти местах. Паутина начала рассыпаться. Казалось, в фотосфере расцветает гигантский металлический цветок. Сколько это продолжалось? Неизвестно. В какой-то момент силовые поля, защищающие корабль, отказали. Пламя, рвущееся изнутри, соединилось с вихревыми потоками плазмы, и через секунду все было кончено.

— Эд, — пробормотал в ларингофон Агилера. — Эдди, ты сделал все, что мог. Выводи ребят из башен. Сваливаем.

Кларик не стал возражать. Отвага хороша, когда она разумна. Можно не страшиться смерти в битве. Но умереть от жары и духоты, когда долг уже не требует оставаться на боевом посту — бессмысленно. Самое меньшее, половине бойцов уже требовалась срочная медицинская помощь.

По правде говоря, на борту субмарины тоже становилось неуютно. До сих пор Агилера этого не замечал: он был слишком увлечен боем. Но сейчас он обнаружил, что буквально истекает потом, да и дышать становится тяжело.

Джерри Суонсон была как всегда очаровательна.

— О, Райф, — приветствовала она Агилеру. — Как я понимаю, ты завалил большого кабана? А я как раз ямс начала чистить — лучший гарнир к свинине. Жаль, ананасов нет.

Да, я бы с ней развелся через две недели. По собственной инициативе.

Он не стал озвучивать эту мысль и уставился в затылок Эйлле. Кажется, джао тоже немного разомлел.

— Сэр, позволю себе рекомендовать...

— Не нужно, — прервал его Эйлле. — Я вывожу судно из фотосферы. Мы сделали все, что могли.

Вернее сказать, наделали дел. Два убито, один ранен... Нет, два ранены. Второй жестянке тоже досталось, а что с ней случилось потом — дело десятое. Если у остальных ребят такие же успехи, эскадре Экхат крупно не повезло.

У остальных успехи были несколько скромнее. Это выяснилось, когда флотилия покинула хромосферу, удалилась от Солнца на достаточное расстояние, и связь восстановилась. Некоторым субмаринам вообще не удалось подойти к Экхат на расстояние выстрела. Правда, Агилера не слишком удивился. После всего, что ему довелось увидеть, он понял: для того, чтобы плавать в преисподней на подводной лодке, нужно обладать дьявольским мастерством. Лишь двоим пилотам удалось больше одного раза совершить необходимый маневр. Первым был Эйлле, вторым — один из ветеранов, которых Врот обнаружил неизвестно где, Удра кринну Пток вау Биннат. На их счету были четыре из шести уничтоженных кораблей Экхат.

Из шести. Всего кораблей было восемь.

Два уцелели, и Агилера бессильно наблюдал, как они мчатся к Земле, точно пара комет.

Черт, а я-то надеялся, что делу конец. И все-таки...

Он подошел ближе к голоконтейнеру и пригляделся к одному из хвостатых шаров плазмы.

— С этим кораблем что-то случилось, — уверенно заявил Яут. — Смотрите: плазменный шар неровен и пульсирует.

С языка снял, подумал Агилер.

— Похоже, еще одного задела. Как вы думаете?

В том, как Яут пожимает плечами, было что-то забавное. Человеческий аналог Языка тела считается грубым и примитивным. Но стоит какому-нибудь джао пожить на Земле — и он непременно позаимствует из него пару элементов. Скорее всего, это происходит неосознанно. Но только не в случае

Яута — в этом Агилера был почти уверен. Он уже понял, какова роль фрагты в обществе джао. Для того, чтобы заслужить право стать фрагтой, тем более фрагтой одного из отпрысков Изначального кочена, надо быть настоящим знатоком обычаев и правил. В том числе очень хорошо представлять себе, что такое союз — в понимании джао. Может быть, именно здесь стоит искать причину?

Внезапно пульсирующая плазменная комета начала расползаться, точно мокрое пятно. Агилера вспомнил, как корабль Интердикта стряхивал плазму. Несомненно, это явления одного порядка, но... В том, как распухал огненный шар, было что-то болезненное.

Пожалуй, стоит поделиться этим соображением, только выражаться более точно.

— Похоже, их все-таки потрепали, — проговорил Агилера. — Эти чокнутые бронтозавры пытаются делать вид, что ничего не произошло. Но ситуация вышла из-под контроля. Спорю, что их сейчас спалит собственный шар.

Его слова подтвердились через несколько секунд. Фактически Экхат вырвали из тела звезды кусок материи, чтобы использовать для своих целей. Теперь пришел час расплаты. Краденое вещество больше не повиновалось грабителям. Температура освобожденной плазмы была достаточно высока, чтобы мгновенно превратить гигантский корабль в облако молекул.

Итак, остался один. И остановить его невозможно, пока он не сбросит свой плазменный ком в атмосферу Земли. После чего эскадра Оппака может спокойно приступить к выполнению своей задачи — уничтожить корабль Экхат, прежде чем тот вернется к Солнцу за новой порцией плазмы.

Но станет ли Оппак мстить за планету, которую так ненавидит? Или предпочтет безучастно наблюдать, как Экхат возвращается снова и снова, превращая ее в пепел?

От субмарин теперь мало толку. Просто потому, что их самих слишком мало. Осталось всего восемь — потрепанных, с обесточенными силовыми полями, способных лишь дотянуть до Земли. Попытка повторить рейд равносильна самоубийству, причем на этот раз самоубийство будет бессмысленным. А в открытом космосе им даже всем скопом не справиться с кораблем Экхат. Они лишаются всех преиму-

шество, которые имели в фотосфере Солнца, зато ничто не мешает вражескому судну пустить в ход свои мощные лазеры. Для такой атаки нужны особые боевые корабли — и те, если верить джао, сильно рискуют.

Вероятно, он начал размышлять вслух.

— Оппак не подведет, — довольно громко произнес Яут. — Да, он не в своем уме, как говорите вы, люди. Но он джао. И все еще помнит *витрик*. А если забудет, экипаж потребует его жизнь.

Что-то подсказывало Агилере, что Яут прав. Пару раз в присутствии бывшего танкового командира профессор Кинси пускался в пространные рассуждения, из которых Агилера вынес следующее. У джао много общего с древними римлянами, а также монголами эпохи Чингисхана. Подобно тем и другим, они могут действовать очень грубо, но не опускаются до скотства. Обладая пороками этих завоевателей Вселенной, они обладают также и их добродетелями. И если военачальник джао струсит перед лицом врага, нетрудно вообразить, какова будет реакция. На нечто подобное мог бы рассчитывать римский центурион или монгольский сотник.

На миг Агилеру охватило желание хлопнуть ффрагту по плечу, как старого боевого товарища. К счастью, он сдержался. В свое время у них с Талли состоялся весьма любопытный разговор, в ходе которого выяснилось, что оба смотрели знаменитый фильм Тоширо Мифуне.

Так что с Йоджимбо лучше не фамильярничать. Даже когда у него был удачный день.

Бр-р-р. Да упадет бессильно дерзкая рука.

Глава 38

Бывшая субмарина приземлилась на посадочной площадке в Паскагуле. Кларик выбрался наружу и зажмурился от яростного сияния солнца. Да, летом в Миссисипи стоит жара, но пеклом это не назовешь. Все познается в сравнении. После часов, проведенных в раскаленных недрах субмарины, знойный ветер радовал свежестью. Правда, теперь он начал чувствовать запахи. Резкий металлический запах опаленной обшив-

ки, запах пота, немых тел... Газопромыватели, установленные на борту субмарины, были бессильны с этим справиться.

В четверти мили от посадочной площадки искрился синезеленый океан. А другой океан — живой — бился о край термакадамовых плит. Здесь смешались джао и люди, надежда и ужас, приветственные возгласы и напряженное молчание.

Затем Кларик заметил Кэтлин. Такую прелестную, стройную — она следила за тем, как он переставляет свои резиновые ноги, спускаясь по трапу, который рабочие базы вкатили на термакадам. Онемевший от усталости, он был вынужден из-за всех сил цепляться за поручни.

Толпа загомонила, когда остальная команда начала выходить следом — один за другим, все измученные, с каменными лицами. Наверно, среди всех этих мужчин и женщин не было никого, кто не держался бы на ногах лишь чудом.

Сверху лился золотой свет. Подумать только: именно адское пламя, через которое они прошли, дает жизнь Солнечной системе. Пройдет время, прежде чем он сможет стоять на солнце и не вспоминать жуткие огненные шторма.

— Эд!

Кэтлин бросилась вперед и попыталась прорваться сквозь кордон джинау, которые пытались сдерживать толпу. Солдат схватил ее за талию, но Кларик махнул рукой.

— Порядок! — крикнул он. — Дама со мной. Это моя невеста.

Голос охрип, язык еле шевелился, но последние слова мгновенно взбодрили Кларика. Последние двадцать лет он был одинок. Время от времени у него появлялись подружки, с двумя из них даже было что-то серьезное, но офицеру, входящему в верховное командование джинау, настоящих отношений, похоже, не полагалось. Кэтлин много моложе, но это не будет проблемой... потому что она — это она. Она понимает, что такое джао. Понимает, каково это — иметь с ними дело, понимает еще лучше, чем он сам. И что еще более важно — к черту все эти эквивоки! — он без ума от этой женщины. Она просто чудо, и пусть кто-нибудь с этим поспорит.

Через миг она уже была в его объятьях, их губы соприкоснулись... Поцелуй был довольно долгим, хотя и неумелым. Но зато от души.

— У нас говорили, что едва ли не все субмарины уничтожены... — ее голос дрогнул, потом она чуть отстранилась. — Кажется, даже не было списка уцелевших. Джао считают, что это неважно.

Он впитывал взглядом ее лицо. Серо-голубые глаза были увлажнены и наполнены приглушенным сиянием, зрачки при ярком свете казались крошечными проколами в радужке.

— Что у вас? — он не узнал свой голос. — Я знаю, один из кораблей Экхат прорвался. И...

— Эскадра Губернатора Оппака уничтожила его. Правда, после того, как Экхат сбросил свой плазменный шар на южный Китай, — она оглянулась через плечо, словно оценивая нанесенный ущерб. — Потери среди жителей... очень велики, Эд. Все, кто мог, спрятался в убежища, но эта территория очень густо населена. Сгорели леса, многие экосистемы полностью уничтожены. Одному богу известно, сколько человек погибло. По крайней мере, миллион. Возможно, гораздо больше. Китайцы, как всегда, молчат...

На скулах Кларики заходили желваки. Он почувствовал, как что-то между глаз словно стягивается в узел.

— Проклятье.

— Нет, — она поглядела через его плечо на опаленные субмарины. Мужчины и женщины отыскивали тех, кто пришел встречать именно их. Объятия, поцелуи, разговоры... Но кто-то стоял в стороне, молча — те, чьи любимые и близкие навсегда сгинули в пылающих недрах Солнца. Пальцы Кэтлин сжали плечо Кларики. — Все, кто видел, что осталось от пострадавшей области, знают: этому миру очень повезло. Если бы прорвались все корабли...

Кларик кивнул, зарылся лицом в ее пахнущие чистотой волосы и прижал ее к себе.

— Все прошло.

Кэтлин покачала головой, все еще прижимаясь к его плечу.

— Нет, Эд. И может обернуться еще хуже. Центр связи сообщает, что Оппак готовит болиды.

Она отстранилась, ее взгляд был пустым.

— Полагают, он собирается бомбардировать планету, чтобы подавить мятеж. Помнишь? Чикаго, Нью-Орлеан, Эверест... То же самое, но сотни раз.

* * *

Как раз в этот момент подъехала машина с водителем-джинау. Высокое звание полезно тем, что в печальные моменты позволяет не отвлекаться на решение бытовых проблем. Кларик хотел отворить перед Кэтлин дверцу, однако она успела его опередить. Он горестно улыбнулся. О времена, о нравы. И угораздило же тебя, Эдди: влюбиться в женщину с привычками джао. И отчасти с их взглядами на жизнь.

Кларик влез в машину следом. Он зверски устал. Черный термакадам покрывался волнами, точно мираж. Растянуться в какой-нибудь прохладной полутемной комнате, сжимая Кэтлин в объятиях — как в ночь перед тем стартом субмарин... Но о подобном и мечтать не стоит. Губернатор совсем взбесился, и настоящий бой, похоже, еще впереди.

Он откинулся на подголовник. Машина рванула вперед, набирая скорость. За окнами плыли строения базы. Странный конгломерат зданий джао, похожих на черные оплавленные кристаллы, рядом с которыми человеческие постройки казались грубыми и неуклюжими.

— «Леса густы и хороши», — пробормотал он, вспоминая стихи старины Роберта Фроста. — «Но не для отдыха в тиши».

Кэтлин нащупала щекой ямку на его плече и устроилась поудобнее. Ее пальцы щекотали щетину на его щеке.

— «Коль долг зовет, — ну что ж, спеши», — она вздохнула, заканчивая строфу. — Коль долг зовет...

— Мне надо побриться, — смущенно заметил он.

— Не надо, — она негромко фыркнула ему в ухо. — Думаю, когда твоя борода отрастет, она будет седой. И ты станешь похож на знаменитого похитителя младенцев. И я смогу говорить всем, что не могла устоять перед обаянием зрелого мужчины.

А что, неплохая идея.

— И никто не поверит, что все было совершенно иначе, — мечтательно произнес он. — Рассказать такое кому-нибудь за кружкой пива...

— Конечно, нет, — блаженно отозвалась Кэтлин. — Просто решат, что у меня ветер в голове. Зато это положит конец

сплетням. Знаешь, почему блондинкам не дают советов? Потому что у них все равно все из головы выветрится.

Эйлле полагал, что по возвращении на Землю течение станет более спокойным. Но произошло нечто противоположное. Оно понеслось так, что Эйлле пришлось полностью сосредоточиться на своем времячувстве и максимально снизить скорость восприятия, чтобы оставалась возможность оценивать события. Сейчас основной проблемой был Оппак. Флотилия Губернатора понесла потери в бою с последним судном Экхат, но оставшихся кораблей было достаточно, чтобы пригнать к Земле болиды и готовить их для бомбардировки. Хэми пыталась поговорить с Губернатором, но тот просто прервал связь.

На Земле уже приступили к ликвидации последствий атаки Экхат. Люди действовали организованно и методично. Как и было приказано, Бен Стокуэлл принял на себя обязательство поддерживать связь между государственными образованиями, хотя пострадавшие территории находились на противоположной стороне планеты. Несомненно, люди уже сталкивались с подобными ситуациями и куда лучше, чем джао, представляли, что и как необходимо делать. Поэтому Эйлле оставил решение этой задачи на откуп Стокуэллу.

Он знал, что Губернатор Оппак будет в гневе. Он сочтет это еще одним доказательством тому, что именно Эйлле поднял мятеж. Это доказательство будет представлено Наукре вместе с другими. Скорее всего, и речь пойдет о том, что он не только крудх, но и изменник.

Нэсс настояла на том, чтобы Эйлле перебрался в жилище Главнокомандующего. Каул кринну ава Дэно покинул свою квартиру в Паскагуле и должен был командовать одним из кораблей во время боя с Экхат. По предварительным сведениям, он уцелел, но до сих пор не вернулся. Ходили разговоры, что он вообще не собирается возвращаться. Какая роль ему отводилась в предстоящей бомбардировке Земли, тоже никто не знал, равно как и о том, где он сейчас находится.

Это были главные из аргументов Нэсс. Кроме того, жилище было прекрасно оборудовано. В любом случае, Главнокомандующий не смог бы воспользоваться им до возвращения.

Эйлле счел ее доводы вполне убедительными и перебрался на новую квартиру.

Его помощница, как обычно, проявила предусмотрительность и практичность. Эйлле уже давно понял: она действительно обладает всеми достоинствами, которые обещает ее великолепный вай камити. Будь она отпрыском более прославленного кочена, ее карьера сложилась бы более успешно.

Сидя в полумраке, Эйлле размышлял над вероятными путями развития событий. Их немного, и ни одна не выглядит обнадеживающей. Все силы наземных войск джао и, конечно, джинау, верны ему. Но единственные космические корабли, какими он располагает, не считая его собственного челнока — это переоборудованные подводные лодки... Нет, они не в счет. Эти корабли были созданы для того, чтобы действовать в особых условиях, и великолепно себя показали. Но в открытом космосе против эскадры Оппака им не выстоять. И прежде всего потому, что на них нет лазеров. Самое мощное оружие «бумера» — ракеты, но системы глушения электроники сделают их бесполезными. На дальнейшую модернизацию нет времени: Оппак начнет бомбардировку через несколько планетных циклов.

— Субкомендант Эйлле?

Он поднял глаза. Перед ним стояла Кэтлин Стокуэлл — похоже, уже давно. Эйлле ожидал увидеть с ней Кларика, но генерал джинау, скорее всего, ушел спать. Людям требуется куда больше времени, чтобы восстановить силы.

На самом деле, Кларик не собирался отдыхать, однако Кэтлин едва ли не силой заставила его лечь.

Возможно, именно поэтому ее поза — «терпение-и-забота» — была столь совершенна. Если бы не положение ушей... Ни один из отпрысков Плутрака не смог бы исполнить ее лучше. Поистине, эта человеческая особь достойна восхищения.

— Вэйст, — приветствовал ее Эйлле.

— Есть новости, — Кэтлин неуверенно сменила позу, пытаясь выразить одновременно надежду и дурные предчувствия. — В солнечную систему прибыли корабли. Их много, и те, кто на них прилетел, утверждают, что присланы Сворой Эбезона. Губернатор Оппак уже получил приказ приостано-

вить доставку болидов. Более того, ему приказали убрать с орбиты те, что уже подготовлены для бомбардировки.

Эйлле приподнялся.

— Свора? Уже здесь? Но это невозможно... — он растерянно глядел в стену. — Свору известили о том, что здесь происходит... Но за такое время они не успели бы снарядить ни одного корабля...

И тут он понял. Это было настолько ошеломляюще, что на миг его тело приняло совершенно детскую позу «изумление».

— Они так задумали, — прошептал он. — И давно. Стратеги славятся терпением.

— Что «задумали», Субкомендант Эйлле? — с тревогой спросила Кэтлин.

— Как велик флот Своры? Что за корабли?

— Хэми сказала, что их, самое меньшее, шестьдесят. Кажется, они очень крупные. Хэми говорила что-то про гончих...

Гончие... Так называли себя воины Своры Эбезона, так же называли и свои корабли. Это были самые крупные и самые мощные корабли из всех, какие когда-либо были созданы джао. Даже корабли Нарво уступали им, превосходя «гончих» лишь численностью. Но шестьдесят! Эйлле подобрался.

— Что это означает — зависит только от решения Своры Эбезона. Но вы можете быть уверены: бомбардировки не будет.

Он почти видел ее страх, который, подобно тончайшей пленке, прикрывало самообладание. Страх — и надежда.

— Вы уверены?

— Шестьдесят три Гончих! — объявил Яут, появляясь в дверном проеме. — Вы понимаете, что это значит? Стратеги Своры планировали этот удар очень давно. Мне жаль Нарво!

И фрагта выразительно поглядел на Эйлле. Слова были излишни. Скорее всего, стратеги Своры и коченау Плутрака тайно сотрудничали. Поэтому Эйлле, с его юным пылом и полным неведением, получил назначение на Землю. *Намт камити* должен был стать скальпелем, который вскрыет гнойник, чтобы стала видна разлагающаяся плоть. Не стоит объяснять, что скальпелю не сообщают, для чего он это делает.

Великолепно. Скальпель, понимающий, что вскрывает рану, может дрогнуть. Но Эйлле не имел на это права.

Яут повернулся к Кэтлин.

— В чем она сомневается?

— Что Оппак не... не сможет уничтожить Землю.

Реакция Яута была весьма красноречива. В его возрасте и положении не принимают позы, подобающие детенышам, да и причина для изумления была другой. Но на миг фрагта, как говорят люди, потерял дар речи.

— Конечно, нет! — взревел он, слегка оправившись. — Где ему? Свора приняла решение.

Кэтлин недоуменно посмотрела на Яута, потом на Эйлле — очевидно, ожидая от него ответа не столь эмоционального, но более вразумительного.

— Поверьте, это правда, — мягко проговорил Субкомендант. — Для этого и существует Свора. Ни один джао не оспорит ее решения. И даже если Оппак настолько обезумел, что осмелится на такое, никто ему не подчинится.

Девушка оперлась на стену, словно не могла стоять... и вдруг рассмеялась. Вернее, захихикала.

— Я знаю, что это означает. Мне пора присматривать себе подвенечное платье. А Тэмт! Да у нее припадок случится, когда я предложу ей стать подружкой невесты!

Яут с укоризной поглядел на нее.

— Иногда мне по-прежнему кажется, — буркнул он, — что все люди безумны.

Оппак ошетинился. Каждый изгиб его тела выражал ярость, достигшую предела. Достаточно было одного взгляда, чтобы ощутить всю силу его гнева. Остальные джао — и служители, и подчиненные — благоразумно держались от него подальше. Последнего из служителей-людей Губернатор прикончил не так давно: солевой состав воды в бассейне был отвратителен. Впрочем, разве можно назвать это бассейном?

Однако сейчас Оппак настолько упивался предчувствием триумфа, что почти забыл о том, как ненавидит эту грязную тесную лохань, в которой ему приходится купаться на борту корабля.

Если бы Эйлле просто повиновался приказу, Земля давно превратилась бы в дымящийся окатыш. Дымящийся?! Для

того, чтобы появился дым, что-то должно гореть, а удары Эххат лишили бы планету атмосферы. И больше никому не придет в голову усомниться в том, что она бесполезна. Никому не придет в голову держать на ней даже гарнизон, не говоря уже о крупных воинских частях и кораблях. Он положит конец этому расточительству. И скоро будет направляться к новому месту назначения, а отвратительные полумразумные твари, которые приводили его в бешенство, станут лишь воспоминанием.

Если президент Стокуэлл переживет бомбардировку, Оппак прикажет казнить его, как только вернет себе власть на планете. А если останется в живых и дочь Стокуэлла, он заставит ее присутствовать при казни отца. Люди становятся такими сентиментальными, когда дело касается их детенышей и родителей. Он неоднократно наблюдал это во время своей слишком долгой службы. Они способны поднять шум из-за самого незначительного и бесполезного существа, если оно состоит с ними в родстве. Ничего, он получит огромное удовольствие, глядя на Кэтлин Стокуэлл. Интересно, сможет ли она принять во время казни отца надлежащую позу? На самом деле, имеет смысл казнить всех, кто возглавляет туземные правительства. В течение ближайших планетных циклов — просто в назидание остальным. И все высшее командование джинау.

Оппак выбрался из бассейна, как следует отряхнулся и принял у одной из своих служительниц перевязь и штаны. Во время этой процедуры она сохраняла позу «раболепие-и-страх» и, едва застегнув последнюю пряжку, бросилась прочь из каюты.

Поле, закрывающее дверной проем в дальней стене, затрещало и дезактивировалось, рассыпавшись золотыми искрами. Вошедших было четверо, все — старшие офицеры флага.

— Что такое? — раздраженно бросил Оппак, даже не поворачиваясь.

— В Солнечную систему прибыла Свора Эбезона, Губернатор. Большой флот. Гончие приказали убрать болиды.

Несколько секунд Оппак кринну ава Нарво отчаянно пытался сохранить самообладание. Он не должен показать, насколько потрясен.

Однако поединок с собой был позорно проигран. Выражая всем своим телом «отчаяние», Губернатор устремился в руб-

ку — так стремительно, что офицеры едва успели расступиться, чтобы не оказаться сбитыми с ног.

Облаченная в черное фигура Гончего Пса в голоконтейнере выглядела грозной и загадочной. Этот джао был невысоким ростом и, судя по *ваи камити*, происходили какого-то ответвления кочена Дэно, а возможно, и из самого Дэно. Но это уже давно не имело значения.

Оппаку редко доводилось иметь дело со Сворой, но мало кто о ней не знал. Именно Свора Эбезона становилась посредником между коченами, когда те не могли справиться сами. В нее вступали отпрыски всех коченов — все, кто был готов добровольно отказаться от всех связей с родным коченом и стать *наукрат*, «нейтральными». И воистину, они были *наукрат*: особыми тренировками они достигали полного контроля над разумом и телом. Никто из обычных джао не видел, чтобы Гончие чем-то выдавали свои мысли и настроения.

— Вам приказывается убрать болиды, — провозгласил Гончий Пес. — Мы ожидаем, что вы сделаете это немедленно.

До сих пор при упоминании о способностях Гончих Оппак испытывал либо удивление, либо недоверие. Но теперь он видел это собственными глазами. Тело Гончего Пса действительно не выражало никаких чувств, даже формального бесстрастия. И это было ужасно. Казалось, с ним разговаривает каменная статуя.

— Вы не понимаете, что это за существа! — взорвался Губернатор. — Они взбунтовались, их надо усмирить! Я больше не желаю тратить жизни джао, пытаясь биться с ними на планете.

— В любом случае, вам это не удастся, — Гончий Пес не шевельнул ни одной вибрисой. Его поза — вернее, не-поза, — приводила в смятение. — Все войска джао, находящиеся на поверхности планеты, — на стороне Эйлле кринну ава Плутрака. Ваше заявление по поводу заботы о жизнях джао — ложь. Вы намеревались уничтожить войска джао вместе с людьми.

Голова Гончего Пса совершила первое движение — она чуть повернулась, словно джао разглядывал что-то за пределами фокуса голоприемника.

— Техники уже собрали каркасы для эвакуации болидов?

— Да, Наставник.

Голос, который ответил ему, несомненно, принадлежал женской особи. Но это было не главное.

Наставник. Оппак внезапно осознал, что говорит с одним из Пяти предводителей Своры. Членом легендарного Круга Стратегов. Та часть его разума, которая когда-то понимала, как манипулировать соперничеством коченов, но давно бездействовала, выкрикивала отчаянные предостережения.

Это готовилось давно, тупо подумал он. Они уже давно плетут этот заговор. И меня, точно зверя, гнали в ловушку.

— Отмените настройки Нарво, Полномочный представитель, — приказал Наставник. — И сбросьте болиды туда, где это будет безопасно.

Мгновение казалось долгим, словно течение остановилось.

— Исполнено, — сообщила невидимая женская особь. — В системе, недалеко от пояса астероидов, есть газовый гигант. Там их уничтожение можно провести без риска.

Взгляд Оппака скользнул в сторону панели управления болидами. Да, так оно и было. Каркасы представляли собой простые металлические конструкции, вбитые в каменное тело болида. Их назначение состояло в усилении направляющих магнитных сигналов с корабля. Среди болидов выбирались те, в которых было высокое содержание железа.

Мощность магнитных установок на кораблях Гончих позволила им просто перехватить управление, тем более что техники флотилии не попытались оказать никакого сопротивления. Так взрослый берет опасный предмет из ручонки детеныша. Дрожа от гнева, Оппак взирал на техника, которая сидела в кресле, откинувшись на спинку и сложив руки на колени.

Вот на ком можно было выместить ярость. Губернатор шагнул вперед и замахнулся.

— Остановить его.

Наставник не повысил голоса, но эти два слова прозвучали как команда.

— Свора лишает Оппака кринну ава Нарво права удх. Отныне каждого, кто подчинится его приказу, постигнет кара Гончих.

По большому счету, это было то же самое, что «усмирить». Это, как бы ни обернулось на деле, означало, что с ним

покончено. Дисциплина Гончих была более строгой, чем в любом кочене — даже Нарво или Дэно.

И все-таки Оппак ударил техника. Один-единственный раз. Удар пришелся по голове, однако джао лишь покачнулась, а потом устремила на бывшего *намт камити* взгляд, исполненный безграничного презрения.

Мгновенно Оппак был повержен. Он не утратил силу, но на него набросились все джао, которые находились в рубке.

Наставник Своры внимательно наблюдал за происходящим. Пожалуй, бывшие подчиненные Оппака проявляли избыточное рвение. Это начинало больше походить на избивание, чем на обуздание. Страшная, давно подавляемая ненависть наконец-то нашла выход.

Когда все кончилось, он отвернулся от голоконтейнера и поглядел на Каула кринну ава Дэно. Фрагта Главнокомандующего, Джатре, стоял рядом с ним, в рубке корабля Гончих. Едва флотилия Своры прошла точку перехода, Каул помчался навстречу, едва не спалив двигатели своего корабля, словно бежал от всего, что связывало Дэно и Нарво.

— Как я и говорил, — прорычал Каул. — Бешеный ларрет. Он сошел с ума.

Наставник не услышал ничего нового, но не позволил презрению проявиться ни в одном движении. О безумии Губернатора Каул знал давно, однако предпочел сохранять нейтралитет, а еще раньше открыто поддерживал Оппака. Главнокомандующий, как обычно, ставил ничтожные интересы своего кочена выше, чем нужды войны против Экхат.

Когда-то Наставник сам был отпрыском Дэно. Но он покинул свой кочен очень давно и весьма охотно, когда ограниченность и недалекость старейшин стали для него совершенно невыносимы.

Исполнив напоследок что-то нейтральное и не вполне невинное, Главнокомандующий и его фрагта с заметным облегчением покинули рубку. Наставник вернулся к голоконтейнеру и переключил канал, вызвав изображение планеты, к которой они приближались. Полномочный представитель подошла и встала рядом.

— Мне кажется, это прекрасный мир, — заметила она. — Во всяком случае, с такого расстояния он представляется прекрасным. И я не вижу никаких признаков деградации окружающей среды, о которых постоянно сообщал в докладах Нарво.

Она говорила ровно и бесстрастно, как и подобает тому, кто достиг столь высокого положения в Своре. Но Наставник слишком хорошо знал ее, чтобы не уловить скрытый сарказм.

— Осторожно, Тьюра, — негромко ответил он. — Нам грозит еще одна опасность — очень серьезная опасность, хотя и не самая большая. Гнев и негодование, вызванные высокомерием Нарво, копились долго, и мы не должны допустить, чтобы они вышли из-под контроля. Мы должны смирить Нарво, но не унижить — ни в коем случае не унижить. Отвага, сила и решимость этого кочена нередко служила защитой джао. И иных разумных видов. И послужит не раз, если мы не сокрушим их дух.

Наедине друг с другом Гончие не стремятся столь строго сдерживать чувства. Тьюра шевельнула ухом.

— Понимаю. А главная опасность?

Он указал на бело-голубой шар, словно плавающий в голоконтейнере.

— Один раз джао уже потерпели неудачу. Впервые нам предстояло испытание, где по-настоящему проверялось наше умение создавать союзы. Я не говорю о Ллейкс — тогда мы были слишком незрелы. Но сейчас мы провалили это испытание. Можно сказать, провалили с позором.

— Нарво, — пробормотала Тьюра. — Наихудший выбор. Им просто нельзя было даровать удх над этой планетой. Даже Дэно справились бы лучше.

Вибрисы Наставника выпрямились и стали похожими на стрелки.

— Верный ответ. Но неточный. Оппак кринну ава Нарво получил удх, ибо так решила Наукра. Таким образом, все джао в ответе за его поступки. Никто не оспорил мудрость решения, никто не пытался воспрепятствовать его воплощению в жизнь. Я присутствовал на собрании Наукры, когда оно было принято. Кочены соперничают лишь из-за собственного статуса.

— Даже Плутрак?

Наставник задумался, прежде чем дал ответ.

— Да. Даже Плутрак. Теперь он, по правде говоря, тоже оказался не на высоте. Да, он обладает утонченностью, которой нет у остальных. Но и Плутрак видит лишь нужды джао. А нужды и то, что нужно — отнюдь не одно и то же.

Он снова переключил канал. Теперь голоконтейнер заполнила Линза Галактики.

— Посмотри, как огромна Галактика, Тьюра. Мы забываем — очень часто забываем, что даже Экхат расселяются лишь в небольшой части одного спирального рукава. А что дальше? Какие опасности мы встретим после того, как Экхат будут окончательно побеждены? Кто бросит нам вызов?

Некоторое время Тьюра задумчиво глядела на гигантскую серебряную спираль, затем приняла позу, которую человек сравнил бы с грустной усмешкой.

— Мне трудно представить себе время, когда мы больше не будем сражаться с Экхат, — призналась она. И медленно повторила одну из первых заповедей, которую заучивают новички в Своре. — «Цель и средства — не одно и то же. Не позволяй, чтобы средства определяли твою цель».

— Да. И еще: «Самые скверные ошибки всегда просты», — Наставник снова вывел на экран изображение планеты. — Завоевание — это средство для достижения цели, не более того. Самая большая опасность, угрожающая завоевателю — забыть свою цель. Нет ничего страшнее, чем завоевание ради завоевания.

Он вновь склонился над пультом голоконтейнера — на этот раз надолго. Он искал нужную запись в архиве. Наконец в дисплее появилось лицо Эйлле кринну ава Плутрака.

— Какой восхитительный *vai kamiti*, — с восхищением произнесла Тьюра. — Воплощение Плутрака.

Наставник хмыкнул.

— Думаю, нечто большее, чем просто воплощение. Я бы рискнул говорить о новом качественном уровне. Это наконец-то произошло. Я давно считал, что утонченность Плутраков может оказаться порой не лучше, чем сила Нарво или грубость Дэно. Она не столь разрушительна — на первый взгляд. Но может оказаться еще более опасной.

Поза Тьюры чуть изменилась, выражая скорее сомнение, чем несогласие. Это не удивило Наставника. Когда-то Тьюра

была отпрыском одного из коченов, союзных Плутраку — Джитры. Она не так давно присоединилась к Своре и еще не до конца освободилась от прежних привязанностей.

Наставника это не беспокоило. Со временем Тьюра справится и с этим. Одним из самых примечательных качеств Наставника было терпение. И оно же, в сущности, было главной причиной, по которой Круг Стратегов поручил ему следить за воплощением планов Своры, связанных с Землей. Это произошло двадцать солнечных циклов назад — двадцать лет, как сказали бы люди. Немалый срок, даже по меркам Круга Стратегов.

И вот теперь работа должна была принести плоды.

Наставник еще раз посмотрел на дисплей.

— Новый качественный уровень, — повторил он. — То, что нам нужно. И, возможно, мы это нашли. *Намт камити*, которого послали делать одно, а он смог научиться делать другое. Я на это и не надеялся. Отвага, какой можно ожидать от юности. И мудрость, которую в юности трудно ожидать.

— А что еще?

— Он завоеватель, Тьюра — но завоеватель, который научился тому, о чем завоеватели обычно забывают. Слушать.

Часть 7

ПЕРВЫЕ

Глава 39

Эйлле наблюдал за голодисплеями. Небо над Землей стремительно заполнялось кораблями. По крайней мере, половину из них составляли могучие «Гончие» Своры Эбезона. Эйлле ожидал их увидеть. Равно как округлые корабли Нарво и удлиненные, принадлежащие Плутраку. Чуть в меньшем количестве — суда Дэно и Ниммат. А вот Кэну, Хидж, Джак... Каждый из коченов послал хотя бы по одному кораблю. Даже несколько тэйфов не остались в стороне.

Разнообразие кораблей поражало. Военные, гражданские, всех видов и размеров — от дредноутов, слишком крупных, чтобы сесть на поверхность планеты, до крохотных скоростных «курьеров» наподобие его собственного. Были здесь и военные транспорты — большинство принадлежало Дэно, — и даже один колоссальный мобильный ремонтный док, прибывший ни больше ни меньше, как из их ближайшего мира.

Шестнадцать планетных циклов назад Свора Эбезона лишила Нарво право удр на Земле. После этого Гончие ни во что не вмешивались. Очевидно, они ждали, пока представители коченов придут на Землю, на совет Наукры.

Некоторых — прежде всего это касалось старейшин малых коченов — занимало лишь одно: каким образом удалось разбить эскадру Экхат. Однако большинство прибыло для того, чтобы увидеть, чем завершится очередная фаза противостояния Нарво и Плутрака — если это вообще произойдет. Напряжение в отношениях этих великих коченов возрастало уже давно, и все указывало на приближение решающего момента.

Соперничество коченов — естественная часть жизни джао. Оно считается здоровым явлением, поскольку побуждает кочены проявлять себя лучшим образом, приносить жертвы во имя общего блага и участвовать в борьбе против Экхат. Оно как бы уравнивает другой вектор приложения силы, направленный не вовне, а внутрь: каждый кочен заботится о собственных интересах, о благополучии своих отпрысков и процветании принадлежащих ему планет. Однако противостояние Нарво и Плутрака уже перестало быть соперничеством. Теперь это скорее можно было назвать борьбой или даже враждой. Правда, пока она скрывалась за внешним лоском учтивости, остальные кочены могли делать вид, что ничего особенного не происходит. Но Земной Кризис, как его стали называть, сорвал тонкий нарядный покров, и ситуация предстала во всей своей неприглядности.

Либо новый союз, либо...

Альтернатива представлялась пугающей. Поэтому необходимо было сделать все возможное, чтобы положить конец распре и поддержать любые попытки сохранить единство.

В ожидании сбора Наукры Эйлле продолжал работать в своем командном центре, на заводе по модернизации в Паскагуле. Президент Стокуэлл, равно как и прочие главы туземных правительств, получили весьма широкие полномочия, а Эйлле ушел в работу, которую не мог поручить никому — ремонт и совершенствование бывших субмарин. Соперничество коченов тоже ушло на второй план. Главной заботой Эйлле оставались Экхат. Как они могут отреагировать на исчезновение одной из своих эскадр? Поскольку дело касалось Экхат, предполагать что-либо было трудно. Но помимо прочих существовала вероятность, что они просто пришлют новый отряд. Причем в самом ближайшем будущем.

И встретить их нужно достойно — так, чтобы не потерять половину сил в первой же схватке. Решающее значение приобретала подготовка пилотов, и Эйлле добивался скорейшего восстановления подлодок, которые уже побывали в бою.

Правда бывает горькой, но это лучше, чем самообман. Об этом напомнил себе Эйлле, когда на совещании, которое со-

стоялось сразу по возвращении на Землю, Хэми изложила свою оценку боя. Расчеты, целиком состоящие из людей, проявили себя несравненно лучше, чем пилоты-джао. Исключение составляли лишь двое пилотов, в том числе сам Эйлле. Именно по этой причине большинство субмарин действовали малоэффективно. Четыре из шести подлодок погибли не в ходе непосредственных действий против неприятеля: их пилотам просто не хватило мастерства или опыта. Их корабли либо столкнулись друг с другом, либо потерялись в скоплениях супергранул и не смогли выбраться.

Эйлле поправил ее. Мастерство пилота, чья подлодка протаранила один из кораблей Экхат, тоже было безупречно. И во время будущих сражений будут очень нужны такие, как он... Вернее, такие, как она. Это была женская особь.

Имя пилота Эйлле узнал чуть позже. Лло кринну Гэва... вау Нарво.

Людей эта новость повергла в настоящий шок, но Эйлле не слишком удивился. Да, омерзительные поступки Губернатора Оппака уходили корнями в давно устоявшиеся обычаи Нарво. Но корни — это не ветви и не листья. Его безумие росло на протяжении многих солнечных циклов. Образец превратился в карикатуру.

Что касается джао, и не в последнюю очередь Эйлле, они были удивлены не меньше. Но не известием о происхождении Лло, а тем, как люди восприняли этот факт.

Бен Стокуэлл развернул бурную деятельность по всему земному шару. Результатом стало возрождение организации, которая существовала до Завоевания и служила для координации действий правительств. Она представляла собой нечто вроде совета и носила название «Организация Объединенных Наций». В неофициальной обстановке Стокуэлл пообещал Эйлле позаботиться о том, чтобы новый совет оказался более «зубастым», чем его предшественник. В частности, он предложил подчинить войска джинау именно возрожденной ООН, а не местным административным единицам.

Эйлле нашел выражение забавным. Похоже, оно могло появиться только у расы, которая уступает джао по количеству зубов и при этом куда ближе к истинным хищникам. Сами джао в таких случаях использовали более логичное

выражение — «больше веса». Но Эйлле уже успел привыкнуть к тому, что люди предпочитают сначала делить, а потом складывать.

Суть вопроса от этого не менялась, хотя превосходство целостности над дробностью проявлялось и здесь. Контролировать деятельность одной организации куда проще, чем пестрого множества мелких, рассеянных по всей планете. Но у Эйлле был более серьезный повод радоваться. Нити, связывающие людей, крепнут и переплетаются с теми, что связывают джао. Несомненно, ситуация таит в себе угрозу: в случае восстания единство управления даст людям дополнительные шансы. Но из двух зол надо выбирать меньшее. Если джао не смогут образовать по-настоящему прочный союз с людьми, планету придется завоевывать заново. И это будет еще тяжелее, чем в первый раз.

Была еще одна причина поддержать идею Стокуэлла. Возможность держать Землю под контролем для джао почти полностью зависит от популярности, которой Эйлле пользуется у людей. Если она по какой-то причине будет утрачена, войска джинау под командованием Кларика превратятся в неуправляемую силу. В этом Эйлле не сомневался. Равно как и в том, что в ходе неофициальных переговоров с Уайли и другими вождями Сопrotивления, которые сейчас проходили в Сент-Луисе, Кларик уравнивал каждое требование предложением. Люди в подобных вопросах проявляют большую осторожность — достаточно большую, чтобы Эйлле предпочел закрыть на это глаза. Но съемки, сделанные орбитальными мониторами джао, проясняли картину. Кларика чрезвычайно беспокоила судьба тайных складов оружия, которые находились в Скалистых горах. Впрочем, дело не ограничивалось ни Скалистыми горами, ни Американским континентом. Параллельно Кларик вел мирные переговоры с предводителями Сопrotивления в Китае, где это движение проявляло себя не менее активно, чем в Северной Америке. Морские перевозки на Земле не прекращались и после Завоевания, и их объем был слишком велик, чтобы джао оставили всякие попытки его контролировать. Можно было не сомневаться: североамериканские повстанцы тайно переправляют оружие в Китай и другие государственные образования, кото-

рые считают потенциальными союзниками в случае новой войны.

Положение складывалось взрывоопасное.

В качестве одной из мер Эйлле одобрил первое официальное решение ООН — учреждение награды, которую люди называли «высочайшей медалью за доблесть». Первой «медалью» в ее индивидуальном варианте предстояло наградить — посмертно — Лло кринну Гэва вау Нарво, а групповой вариант — также посмертно — присвоили экипажу субмарины-тарана. Эйлле нашел такой обычай странным, но возражать не стал.

Люди — удивительные существа. Чем менее значительный вопрос решается, тем больше времени уходит на его обсуждение. В течение двух планетных циклов люди не могли решить, как назвать награду. В конце концов, индивидуальный вариант награды получил название «Звезда Земли», а групповой — «Знак Солнечного Отряда».

Вручение «Звезды Земли» и «Знака Солнечного Отряда» вызвало большой шум в общественной информационной системе людей, которую почему-то принято называть «средствами массовой информации». Церемония состоялась в Оклахома-Сити, в Зале единения бывшей губернаторской резиденции. При виде крошечного металлического предмета — несомненно, имеющего символическое значение — представители Нарво насколько растерялись. Но куда более странным был сам факт «посмертного награждения», который у людей считался великой честью и знаком признания заслуг. Даровать нечто, соответствующее нарезке на бау, индивиду, которого больше не существует?! Кстати, сама Лло бау не обладала: она была простым пилотом, а не командиром. Впрочем, награда была принята с самым невозмутимым видом. Кажется, даже Нарво способны усваивать некоторые уроки. Врот не преминул поделиться с Эйлле очередным человеческим изречением, которое весьма точно описывало ситуацию: ничто так не помогает справиться с мыслями, как петля на шее.

Эйлле оценил это высказывание. Оно было связано с популярным у людей способом казни, который называется «повешение». Правда, применительно к джао оно утрачивало всякий смысл. Позвоночник у джао несравненно крепче, чем у людей, шея короче. Добавьте к этому мощные шейные мыш-

цы, и станет ясно, что для джао этот способ казни превратился бы скорее в пытку. Провисев полдня, особенно при гравитации, раза в два превосходящей земную, джао в конце концов задохнется, а при резком рывке может повредить гортань, но сломать ему шею таким образом вряд ли удастся. Что же касается пыток, то джао считали их недостойным занятием. Пытка связана с проявлением слабости — не столько со стороны жертвы, сколько со стороны палача. Пытать вместо того, чтобы убить — это род лести. А завоеватели приказывают, но не льстят.

Впрочем, даже растерявшиеся Нарво очень скоро поняли, что Стокуэлл безупречно сыграл на особенностях мышления своих соплеменников. В тот же день о церемонии награждения узнала вся Земля. Люди называют это «широким освещением событий». Едва имя и происхождение пилота-героини стало достоянием общественности, демонстрации против Нарво почти прекратились, а через несколько дней уже никому не приходило в голову устраивать что-то подобное.

В этом отношении весьма полезен оказался, как ни удивительно, доктор Кинси. Вопреки грозным предостережениям Яута и собственным предчувствиям, Эйлле позволил профессору участвовать в так называемых «ток-шоу». Это был один из странных человеческих ритуалов. Он заключался в том, что в строго определенное время население собиралось перед множеством отдельных ком-приборов и наблюдало, как небольшая группа предполагаемых знатоков обсуждает предложенный вопрос. Примерно так же проходил другой ритуал, еще более странный — «обсуждение за круглым столом». При этом стол мог быть абсолютно любой формы. Эйлле попытался представить себе старейшин коченов, которые делают свои совещания достоянием общественности, но это выглядело уж слишком нелепо.

Однако люди есть люди, и Кинси буквально засыпал приглашениями.

Эйлле был не против. Эти выступления позволяли исправить одну из грубых ошибок Оппака. Бывший Губернатор был настолько неблагодарен, что старался скрывать от людей все, что касалось джао. Теперь Кинси наворачивал упущенное. Он считался ведущим специалистом в этой области,

к тому же находился в личном подчинении у самого Эйлле, поэтому его словам верили безоговорочно — «принимали за чистую монету», как сказал Врот.

Ему удалось объяснить Эйлле, что такое монеты и вообще деньги. Но когда речь зашла о *фальшивых* деньгах, разговор зашел в тупик.

Откровенно говоря, Кинси порой бывал не слишком точен. Зато, то ли в силу особого уровня восприимчивости, то ли просто из энтузиазма, он никогда не упускал случая украсить свой экскурс в историю джао рассказом о Нарво и об их участии в борьбе против Экхат. По большому счету, это нельзя было считать искажением фактов, к тому же вызывало у людей самый живой отклик. Старые обиды еще не были забыты. Но кадры, снятые в южном Китае после падения плазменного шара, наводили на размышления. Стокуэлл позаботился, чтобы средства массовой информации время от времени напоминали об этом событии, и люди не сомневались, что из двух зол выбрали меньшее.

Никто не объявлял Оппака крудхом, но в сознании людей он уже не связывался ни со своим коченом, ни с джао вообще. Он был просто «Диктатор-губернатор» и «Сатрап-эгоманьяк», который становился объектом копившейся двадцать лет ненависти. Стокуэлл действовал мастерски.

И все же положение оставалось напряженным. Эйлле все чаще отрывался от работы, ловя себя на тревожных мыслях. Неужели в самое ближайшее время такие же кадры будут транслировать не из Китая, а из других точек Земли? И причиной станут не плазменные шары Экхат, а болиды, направленные джао. Пока люди ведут себя пристойно и благоразумно. Но мятеж у них в крови. И джао, как любые завоеватели, не могут позволить себе мягкости в отношении мятежников.

* * *

Нэсс вошла в командный центр, где сидел Эйлле. Несмотря на превосходное владение собственным телом, она не могла скрыть тревоги, и Эйлле это мгновенно заметил.

— Субкомендант Эйлле, — доложила она, — один из отпрысков Плутрака хочет с вами поговорить.

Первые из представителей Плутрака уже прибыли на Землю и нанесли Эйлле короткие визиты. Чаще всего это были рядовые отпрыски, некоторые — даже не из самого Плутрака, а из второстепенных коченов. Обычно они ограничивались выражением признательности и с этим уходили. Однако скоро Плутрак должен был дать о себе знать. Эйлле чувствовал направление потока, особенно в течение последних планетных циклов. Но сейчас перед ним стояли более неотложные задачи, связанные с реконструкцией подводных лодок. Поэтому мысли о родственниках сами собой отошли на задний план.

Эйлле встал и покосился на Яута. Последнее время фрагта был особенно необщителен — как правило, таким образом он скрывал беспокойство и сомнения.

— Пусть передадут послание прямо сюда.

Уши Нэсс нервно зашевелились, вибрисы обвисли. Странно: с ней никогда такого не происходило.

— Я неточно выразилась. Коченау ждет снаружи.

На миг Субкомендант потерял дар речи.

— Коченау? — растерянно переспросил он. — Снаружи? Здесь?

— Да, — Нэсс наконец-то приняла нейтральную позу и застыла в ней. — Когда он представился, я хотела впустить его немедленно, но он настоял, чтобы я передала его просьбу.

— Тогда... пусть войдет, — с запинкой произнес Эйлле. Он не мог поверить своим ушам. Меку, коченау Плутрака, спрашивает у него разрешения...

Агилера оглянулся на группу техников, которые стояли рядом, и деликатно прокашлялся.

— С вашего разрешения, Субкомендант, мы удалимся.

— Я... — выдавил Эйлле. — Да... Было бы лучше всего, но...

Он поглядел на диаграммы, которые только что рассматривал. С тех пор, как остатки маленькой флотилии вернулись на Землю после боя с Экхат, Эйлле ломал голову над проблемой соединения человеческой техники с устройствами джао. И сегодня он пригласил людей, чтобы обсудить чертежи боевых судов нового типа, рассчитанных на сражения в фотосфере звезд.

— Я хочу увидеть изменения, о которых мы говорили, — произнес Эйлле, заставив свой голос звучать твердо. — И как можно скорее. Сообщите мне, когда будет готово.

Агилера кивнул. Если присмотреться внимательно, позы людей гораздо более разнообразны, чем кажется на первый взгляд. Сейчас положение плеч Агилеры можно прочесть как «почтение-и-забота».

— Все будет в порядке, сэр? — техник прищурился. — Я не хочу сказать, что все понимаю, но... мы с радостью скажем о вас пару добрых слов, если это поможет делу.

Дверное поле дезактивировалось. Меку? Эйлле ожидал увидеть именно его, но в проеме стоял Дэу кринну ава Плутрак, старый джао, который был избран коченау два поколения назад и до сих пор пользовался огромным уважением. За свою недолгую жизнь Эйлле видел его лишь раз. Тогда бывший коченау в ожидании нового назначения посетил Мэрит Эн. Память о мудрости, которую излучал этот джао, живое сокровище Плутрака, Эйлле хранил до сих пор. Дэу был стар, хотя все еще полон жизни. С возрастом джао становятся сухопарыми, словно их мышцы теряют объем, но это далеко не всегда признак слабости.

— Вэйст, — проговорил он, поднимаясь и исполняя классическую трехчастную позу «приветствие-почтение-и-благодарность». — Я не ожидал встретить в этом мире столь прославленного отпрыска.

— Я принял на себя обязанности Меку. Он чувствует, что не в состоянии справиться с этой... — нос Дэу шевельнулся, словно уловил какой-то необычный запах... с этой запутанной ситуацией. Возможно, для тебя все только начинается, но что касается противостояния Плутрака и Нарво, его корни следует искать в делах прошлых поколений.

Дэу покосился в сторону людей, но его глаза оставались непроницаемо черными, как вулканическое стекло.

— Значит, это правда. Ты окружил себя туземцами.

— Да.

Поза Дэу менялась неуловимо. «Вижу-ошибку»... На миг Эйлле вновь стал порывистым неопытным «гладкомордиком» с Мэрит Эн.

...Дэу смотрит, как старшие обучают Эйлле Языку тела с помощью урем-фа, древнейшего из способов, когда ничего не объясняется, а сознание вообще остается в стороне. Впрочем, Эйлле и так ничего не соображает. Наставники отказываются

объяснять, что от него требуется, и просто награждают его шлепками... пока на каком-то полубессознательном уровне он, наконец, не выдает нужный ответ. Урок усвоен...

Он тряхнул головой, отгоняя воспоминание. Урем-фа — это приобретение жизненного опыта и не ограничивается обучением детенышей. Познание людей — тоже урем-фа. И в этом Эйлле продвинулся дальше любого джао — конечно, за исключением Врота и таких, как он. И... и дальше самого Дзу, хотя это не умаляет мудрости бывшего коченау и не означает, что он недостоин почтения.

Агилера коротко кивнул и вывел людей из помещения.

Когда последний скрылся в дверном проеме, Дзу пристально посмотрел на Эйлле. Разворот его ушей выражал «ожидание».

Он хочет, чтобы я что-то сделал или сказал, подумал Эйлле. Но не указывает, что именно. Снова урем-фа. Несмотря на уважение к коченау, молодой Субкомендант почувствовал раздражение.

— Я крудх, — произнес он резко, почти с вызовом. — То, что я делаю, больше не может отразиться на чести Плутрака.

— Официально — нет. — Взгляд загадочных глаз Дзу блуждал по стенам и приборным досками, пока не остановился на Яуте. — Но по рождению ты всегда останешься Плутраком. Этого не изменить.

— Если я умру, мое происхождение тоже не будет иметь значения, — Эйлле подошел к голоконтейнеру и вывел в дисплей чертеж поперечного сечения одной из своих лодок. Длинный черный овал повис над огромным столом, медленно вращаясь, чуждый и завораживающий. — Оппак неоднократно требовал мою жизнь — с тех пор, как был снят с должности и взят под стражу Сворой. Разумеется, пока я отказывался отдать ее, поскольку он более не обладает удхом. Но когда Наукра решит вопрос о руководстве этим миром, ситуация изменится. И удх вполне может вернуться к Нарво. И Нарво могут вновь избрать Губернатором Оппака.

Дзу явно не ожидал такого ответа, и его глаза вспыхнули зеленым.

— Маловероятно. Но... Ты отдашь жизнь этому бешеному ларрету?

Эйлле развернул уши под углом, выражающим иронию. Старейший выказал неподобающую торопливость. Эйлле — крудх. Это значит, что ни один из отпрысков Плутрака не имеет права как-либо направлять его действия. Даже Дзу. И оба собеседника это знали.

— Прежде чем прийти сюда, я осмотрел этот так называемый дворец, — Дзу возмущенно фыркнул. — Оппак настолько обезумел, что требует содержать себя под стражей именно там — пока не соберется Наукра. Стыд и позор! Строение окружено бесполезной растительностью, которую нельзя ни есть, ни переработать во что-либо ценное! Само здание снаружи выглядит вполне пристойно, но внутри... Какие-то окна, какие-то выгородки, везде углы, стыки, прямые линии... Омерзительно... — он растопырил уши. — А в каком запустении пребывает планета! Мы обнаружили огромные районы, где инфраструктура так и не восстановлена, хотя сражения там завершены двадцать солнечных циклов назад! Неудивительно, что туземцы не прекращают бунтовать. Самые насущные их нужды оставлены без внимания. Животные, и те требуют надлежащего ухода, иначе они перестают приносить пользу. Это истина, которую знают все. Все! Даже Нарво. Даже Дэно!

— А эти существа — далеко не животные, — вмешался Яут. Он делал вид, что пытается заглянуть в крошечное затемненное окошко, из которого видна площадка перед заводом, но его вибрисы подергивались. — Эти создания весьма сообразительны, даже проникательны. Порой я даже нахожу их мудрыми. Несомненно, они во многом уступают джао. Но есть области, в которых они достигли очень многого, и не благодаря нам. По сути дела, даже опережают нас.

Вибрисы Дзу задрожали. Выпад старого воина его явно позабавил.

— И вы, фрагта! Полагаю, вы имеете в виду их прославленный оллнэт. Мне сказали, что они им одержимы.

— Это иной род оллнэт, — сказал Эйлле. — Это не странные блуждания разума джао, когда тот не знает, что делать. Люди устремляют свой разум в определенную сторону и создают удивительные вещи. Это благодаря им мы разрушили планы Оппака и разбили Экхат.

— Случайность, — возразил Дзу. — В следующий раз Экхат будут готовы к такой грубой тактике. И она не поможет.

Однако неуловимые оттенки его позы говорили о другом. Он столько же спрашивал, сколько делал заявление.

— Разумеется, в дальнейшем будет труднее, — Эйлле вновь склонился над пультом управления, вызвал изображение нового солнечного корабля и заставил его вращаться. — Мои советники уже работают над этим. И мы сможем победить. Если Наукра на этот раз примет мудрое решение.

— Твои советники — люди.

— Люди и джао, — уточнил Эйлле. — У меня на службе состоят и те, и другие. Этот проект, — он снова указал на изображение, — предложили люди. Но по сравнению с первоначальным вариантом он стал гораздо лучше. Мы доработали его с учетом опыта ветеранов Завоевания — например, Чала и Хэми.

Эйлле перевел дух. Он обнаружил, что принял сложную трехчастную позу — «вызов-упорство-решимость».

— Вы можете не сомневаться во мне, — проговорил он. — Ведь вы тоже меня учили. То, что я делаю — лучшее, что можно сделать. Лучшее для всех нас — Плутрака, людей, Нарво.

— Надеюсь, ты прав, — в позе Дзу мелькнуло что-то, похожее на «усталость-и-нежность», словно старый джао на миг утратил контроль над своим телом. — Мы все на это надеемся. Но ты сам лишил себя нашей защиты, и мы не можем вмешаться, чтобы решить вопрос в твою пользу.

— Я бы сам этого не хотел, — голос Эйлле прозвучал почти агрессивно. — Пусть мои дела говорят сами за себя, а об остальном судить Наукре.

— Рад, что ты так думаешь, — ответил Дзу. — И подозреваю, что это единственное, что может за тебя говорить. А если Нарво снова начнут решать за весь совет... Впрочем... мне кажется, что Свора на этот раз сыграет особую роль. И трудно угадать, куда после этого повернет течение... — вибрисы бывшего коченау вновь задрожали, словно ему пришло на ум что-то забавное. — А еще говорят «утонченность Плутрака, утонченность Плутрака»... Ха! Так говорят те, кто никогда не имел дело с Наставником Своры.

И вдруг... Эйлле не поверил своим глазам.

Дзу принял позу «признание-и-уважение».

— Ты оправдал наши ожидания, Эйлле. Возможно, даже превзошел. Я не берусь судить о твоей мудрости по этим делам. И очень боюсь, что за свои поступки тебе придется заплатить жизнью. Но не сомневайся: останешься ты крудхом или нет, Плутрак гордится тобой. Нарво никогда не оправятся от этого удара. И с ними наконец-то можно будет подобающим образом заключить союз... — Дзу выпрямился. — А теперь мне нужно немного вздремнуть. Увы, я стар и не столь гибок, как прежде.

Нэсс приняла почтительную позу и шагнула к дверному проему.

— Я провожу вас в подходящее помещение, коченау. Там очень хороший бассейн, хотя и небольшой.

Когда за спиной Дзу снова зазолотилось дверное поле, Эйлле посмотрел на Яута.

От неуверенности фрагты не осталось и следа. Он принял великолепную трехчастную позу, весьма для него редкую.

«Удовлетворение-спокойствие-твердость».

Эйлле отвернулся и снова уставился на изображение корабля, который вращался перед ним. Яут тоже не все понял. Неудивительно. До последнего времени Эйлле тоже понимал далеко не все.

Как это глупо. Это и есть вся хваленая утонченность Плутрака? Продумывать новый ход против Нарво... Когда Экхат летают по этому рукаву Галактики, как... как у себя дома.

Да. А они... они прямо как...

Он вспомнил еще одно из любимых выражений Врота. Как дети в песочнице.

Глава 40

Когда-то резиденция в Оклахома-сити был для Оппака местом, где можно почувствовать себя спокойно. Теперь дворец вызывал у него тягостные чувства.

Ранения, которые сгоряча нанесли ему бывшие подчиненные, схватив его по приказу Своры, уже зажили. Теперь Оппак почти все время проводил в бассейнах помещения, которое его служители-люди называли Большим Залом. Да, когда-

то ему прислуживали люди. Теперь их не было. И это хорошо: он не потерпит присутствия этих тварей, даже если Свора позволит им здесь находиться. Но Свора не разрешит. Теперь к нему допускают лишь Гончих, которые и выполняют роль слуг. Они прилежно выполняют все приказы... но где их почтение? И все — гладкомордые новички. Это еще одно оскорбление. К счастью, Бори — та, что сейчас смешивает соли для бассейна — очень искусна. Так внимательно выслушивает его замечания, добавляет нужные ароматы, проверяет, снова спрашивает... Соли были из старого запаса, специально завезенные с Пратуса. Уже сейчас запах стал почти идеальным и начинал действовать успокаивающе.

Но никакие соли не заставят его забыть, где он находится. Снова на этой отвратительной планете... По крайней мере, ему необходимо прийти в себя. Оппак скользнул обратно в бассейн, распластался на дне, имитирующем скальный выступ, и позволил прохладным искусственным волнам покачивать свое тело. Он пытался думать.

Думать было трудно. Гнев по-прежнему клокотал в нем. Время шло, и ничего не менялось. Наконец Оппак сдался, поднялся на поверхность и окинул взглядом зал. Потоки яркого света струились из отверстий в потолке, образуя на полу золотые квадратные лужицы. Бори молча сидела у дальней стены и начищала перевязь Оппака, являя собой воплощение готовности выполнить приказ. Но и только. Никакого намека на почтение, которое Оппак заслужил.

Его кулаки сжались от желания кого-нибудь ударить. Кого угодно — человека, джао... Он снова огляделся. Ни людей, ни слуг — джао. Во всей резиденции — никого, кроме него самого и Гончих. Нет, пусть его называют безумным ларретом. Он не настолько обезумел, чтобы нападать на воинов из Своры. Даже если их сейчас называют слугами.

Джао дочистила перевязь и удалилась. В движениях Гончей сквозила неподобающая поспешность. Вот еще один выпад. Весьма утонченный.

Оппак перевернулся на спину и поплыл, глядя, как прозрачные волны отраженного света играют на потолке. Он выстроил эту резиденцию, чтобы произвести впечатление на туземцев. Он специально использовал элементы человеческо-

го стиля, полагая, что это придаст сооружению более величественный вид. Возможно, он совершил ошибку и показал, что придает их мнению большое значение. Как только завершится нынешнее течение, это здание надо снести, а на его месте отлить новый дворец — такой, как и подобает *намт камити*. Нет... не здесь, в другом месте, где-нибудь на побережье. А на Оклахома-сити сбросить болид, чтобы стереть скверные воспоминания. Как только ему возвратят удох, он все это сделает.

На следующий день во дворец, ставший тюрьмой, явился один из старейшин Нарво. Наконец хоть кто-то нарушил унылое уединение Оппака. Однако легче ему не стало. Как все предсказуемо. После бесконечных орбитальных циклов пренебрежения и молчания эти высокомерные выродки соизволили о нем вспомнить.

Дверное поле рассеялось, и в зал вошел пожилой джао. Кажется, в юности они встречались — мельком. Оппак даже не помнил его имени. Кажется, они были не в самых лучших отношениях.

— Вы уже давно позорите нас, — произнес старейшина. — Неужели это не прекратится?

Несмотря на возраст, он был еще крепок. Литые мышцы, гордость всех Нарво, перекачивались под бархатистым красновато-бурым пухом, форма ушей приближалась к идеальной. Как и подобало его положению, перевязь была великолепна, а штаны изысканного покроя сшиты из тончайшей изумрудно-зеленой ткани.

Старейшина не назвал своего имени. Беседа будет не на равных.

— Я никого не опозорил, — сердито ответил Оппак, прижимая уши. — Я приносил пользу, укрощая этот дикий мир, как мне и было велено.

Он выбрался из бассейна, но не стал отряхиваться. Кажется, его пух мгновенно высох.

— И не моя вина, что эти создания настолько вздорны и упрямы. Я никогда не пренебрегал обязанностями, который вы взвалили на меня столько циклов назад, хотя мне они были в тягость.

Глаза старейшины вспыхнули. То, что он услышал, было непростительной наглостью.

— И что сказала бы Шиа кринну ава Нарво?

Его фрагта. Оппак попытался сохранить спокойствие.

— Шиа предпочла меня покинуть. Я ее не отсылал.

— Мы полагали, что вас держат здесь, подальше от всех остальных именно потому, что она оставила вас! — вибрисы старейшины дрожали от негодования. — После того, как вы безответственно пренебрегали мудростью своей фрагты — до такой степени, что вынудили ее уйти, то есть попросту прогнали ее... Мы будем глупцами, если дадим вам более почетное назначение!

Оппак попытался возразить, но не мог. Старая ворчунья действительно крайне раздражала его. И он был просто счастлив, когда она оставила его в покое.

— Я — законный правитель, — Оппак попытался сменить тему, чтобы почувствовать под ногами твердое дно. — Скажите, Нарво поддержат меня — или этот гладкомордый выскочка из Плутрака и дальше будет нас бесчестить?

— Мы сделаем что можем, — отозвался старейшина. — Но ваше пренебрежение долгом очевидно для всех. Если вы не способны как следует заботиться о туземцах, отданных под вашу опеку, то будет лишь справедливо, чтобы их препоручили власти кого-либо другого.

Он оглядел помещение.

— О чем вы думали, когда возводили столь нелепую постройку в качестве собственной главной резиденции? Как может джао чувствовать себя уютно в подобном окружении? — не дожидаясь ответа, он махнул рукой: — Идем. Свора дала разрешение забрать вас отсюда. Вас примут на борт нашего флагмана. И поторопитесь. Все представители коченов прибыли, и Наукра соберется очень скоро.

Именно этого он и ждал. Но что-то в поведении старейшины его встревожило. На орбите, на борту корабля Нарво, его кто-то ждал. Кто-то, чье имя он не решался спросить.

* * *

Никау кринну ава Нарво. Скверное предчувствие его не обмануло.

Она была из группы его родителей, и более неприятной неожиданности Оппак представить себе не мог. Он не сомневался, что Никау давно умерла — двадцать лет назад она уже была далеко не молода. И первые ее слова оказались такими же неприятными, как и его воспоминания.

— Глупец!

Она смотрела на бывшего Губернатора, и ее угловатое тело выражало «возмущение-и-негодование».

— Разве со мной недостаточно скверно обращались? — Оппак не стал утруждать себя изысканными позами и откровенно выразил гнев. — Сперва меня поселяют на этом пыльном валуне, я защищаю его от Плутрака и Экхат... а вы примыкаете к Плутраку и обвиняете меня в некомпетентности!

Глаза Никау налились сиянием, словно превратились в прожекторы. Лишь однажды, будучи детенышем, он видел ее в такой ярости.

— Да как ты смеешь стоять передо мной в такой позе, гладкомордый поплавок?!

Оппак непроизвольно попятился. До чего же он дожил! Испугаться этой старой скандалистки!

— Что еще вы можете для меня сделать? — он покорно прижал уши. — Нарво хотят, чтобы я предложил свою жизнь Плутраку?

Никау даже не скрывала, что с трудом сдерживает гнев.

— Ты предстанешь перед Наукрой и расскажешь о ваших самых упорных попытках покорить этот дикий мир, — она мрачно качнула головой. — Мне нет ни малейшего дела, поверят ли тебе. Главное — что ты больше не будешь позорить Нарво.

Ее поза откровенно выражала «сожаление-и-предчувствие-угрозы». Оппак подошел к креслу и устался на новую перевязь и свежие светло-зеленые штаны, приготовленные специально для него.

— Люди — это раса безумных, и больше сказать нечего. Я старался больше, чем кто бы то ни было. А Эйлле кринну ава Плутрак наобщался с людьми и тоже повредился разумом. А может быть, изначально был глуп. Сейчас они осыпают его лестью, и он счастлив. Оставьте его здесь хотя бы на два орбитальных цикла, и они поднимутся против него так же, как против меня. Жаль, я этого не увижу.

— Жаль, что ты ничего больше не можешь сказать, — Никау швырнула брюки к его ногам. — А я скажу тебе правду, детеныш. Мне нужно, чтобы никто впредь не пятнал честь Нарво. А поэтому я буду в восторге, если увижу, как удх над этой планетой дают другому кочену. Эти негодные твари, которых по ошибке считают разумными, достаточно иссушили силы Нарво. Пусть теперь с ними мучается какой-нибудь другой кочен.

Он начал переодеваться, потом замер и посмотрел на нее.

— Даже Плутрак? — спросил он так гневно, как только смел.

— Нет, — Никау приняла позу «горечи-и-сожаления», — только не Плутрак. Конечно, приятно было бы посмотреть, как они увязнут в этой трясине. Но это будет слишком оскорбительно. Хватит и того, что из-за твоего дурного поведения статус Нарво сильно упал по сравнению с их статусом.

По телу Оппака пробежала дрожь, как от холода. Почему он не погиб при атаке Экхат? Теперь все винят в этом кризисе его, и только его — даже свои. Хотя истинная причина — измена Эйлле. Волна ярости смыла отчаяние — правда, ни то, ни другое не выразилось даже в движении вибрис. Единственное его преступление — то, что он не смог внушить туземцам достаточного страха перед собой. А Эйлле кринну ава Плутрак хочет, чтобы люди относились к нему, как к своему фрагте. Но этого он не дожидается. Люди не уважают никого и ничего, даже друг друга.

Закончив возиться со штанами, Оппак почувствовал, что к нему возвращается уверенность, а вместе с ней и гнев. Ему не за что приносить извинения, подумал он, застегивая тугие пряжки на новой перевязи. Он делал только то, зачем был сюда направлен, и делал хорошо, пока не появился Эйлле. Он, Оппак, убедит в этом Наукру. Нарво по-прежнему должны обладать удхом. Его выслушают. И даже, он уверялся в этом все больше, наложат взыскание на Лигу за ее действия.

— Глупец, — вновь услышал он голос Никау.

Можно не обращать внимания. Никау стара, и ее гнев — просто предсмертные судороги. В этом он был так же уверен, как и в остальном.

* * *

Ранним светом следующего планетного цикла, когда представители Своры высадились в Паскагуле, Эйлле вышел на посадочную площадку. Дипломатические корабли пошли на посадку, потом сюда же слетелась стайка кораблей. Ни одно расписание не могло обеспечить такой идеальной точности, что всегда ошеломяло людей.

Агилера, Талли и Кларик выстроились перед Эйлле, демонстрируя его положение — сами, без приказа. Солнце, освещенное и неистовое, слепило глаза. Ветер порывами налетал со стороны моря, неся густой запах пропитанных солью водорослей.

— Откуда они знают? — спросил Кларик, не оглядываясь. — Двадцать лет провел бок о бок с джао и до сих пор не понял... Как вы умудряетесь знать, когда и что делать, причем без часов? — он махнул в сторону термакадамового поля, которое тянулось до самого океана и быстро заполнялось кораблями. — Поразительно. Как стая птиц или косяк рыбы. Раз — и все на месте, и никто ни в чем не сомневается. Здесь, наверно, не одна сотня кораблей! И все собрались за какие-то полчаса.

Постоянно зависеть от механического приспособления, которое нужно настраивать и поддерживать в рабочем состоянии, иначе никогда не будешь знать, когда действовать? Эйлле корбило при одной мысли об этом. Чтобы успокоиться, он провел пальцами по нарезкам на своем бау.

— Они прилетели, когда завершилось течение.

— Но откуда они узнали?

— Почувствовали, — ответил Эйлле. — Как вы чувствуете голод, усталость или радость.

Краем глаза он заметил выражение их лиц. Объяснений явно недостаточно, но он не представлял, что еще можно добавить.

Группа джао, которая до сих пор держалась особняком, собралась и направилась в сторону Эйлле. В стороне стоял старейшина Дэу кринну ава Плутрак, молчаливый, в нечитае-мой позе. Эйлле сделал над собой усилие и почувствовал, как спокойствие разливается по всему телу — до самых пальцев, до кончиков ушей и вибрис. Да, он действовал не по обычаю,

но не сделал ничего дурного. *Витрик* обязывал его спасти этот мир от Экхат, используя все средства, которые были в его распоряжении. И он сделал это. Когда стало ясно, что *Оппак* дурно выполняет свои обязанности, *витрик* велел *Эйлле* отстранить Губернатора от власти. И неважно, чем за это придется расплачиваться. Он сделал то, что должен был сделать.

Девять джао, в торжественном облачении, мощные, чей пух лоснился после недавнего купания, остановились перед *Эйлле*. Какое-то время все девять смотрели на него, словно не видя людей, и их глаза были безмятежными и непроницаемыми. Это были Гончие Своры. Каждый из них однажды отказался от связи со своими коченами — каждый по своей причине — и стали, как сказали бы люди, мечом *Наукры Крит Лудх*. Они служили джао, но не какому-либо кочену. Вступая в Свору, они даже меняли имена.

Наконец их взгляды переместились на его подчиненных людей. Дольше всего они изучали бау, который *Кларик*, по настоянию *Эйлле*, держал в руке. Бау уже изобиловал нарезками, отражающими деяния *Кларика* в *Салеме* и в фотосфере Солнца. *Агилера* и *Талли* неловко переминались с ноги на ногу, но генерал казался совершенно невозмутимым.

— *Эйлле* кринну ава *Плутрак*, — произнес один из Гончих Псов — тот, кто стоял впереди. — Вас призывают на совет *Наукры* для объяснения своих действий.

Он был невелик ростом для джао, широк в кости, с короткими ушами. Его вай камити выглядел странно, но широкие диагональные полосы намекали на родство с *Дэно*. Такие же полосы, покрывающие его одеяние, говорили совсем об ином. Это был Наставник Своры, один из членов Круга Стратегов.

— Мы предлагаем рассматривать дело здесь, — объявил Гончий Пес. — Слишком много почтенных собралось здесь, чтобы разместиться на корабле или в здании. У вас есть возражения?

— Нет, — ответил *Эйлле*. — Этот мир по-прежнему на грани мятежа. Я не могу позволить себе покинуть планету. Мое отсутствие, скорее всего, подтолкнет к действию какую-нибудь группу бунтовщиков. А возможно, и не одну.

Глаза Наставника оставались черными, а поза — безукоризненно нейтральной. Казалось, он что-то обдумывает. Эй-

лле прислушался к тому, как на берег накатывают волны. Ветер усиливался. Группа пернатых образовала в небе забавное построение — двойная линия, соединенная с одного конца.

— Ваша забота о планете располагает к вам, — произнес наконец Наставник. — Очевидно, при низложенном Губернаторе этими примитивными существами пренебрегали.

— Они отнюдь не примитивны, — немедленно возразил Эйлле, сохраняя позу «спокойствие-и-уверенность». — С этого заблуждения начались все остальные. Подозреваю, что оно возникло из-за гнева, вызванного их активным сопротивлением во время Завоевания.

Кажется, это возражение не оскорбило Наставника. Его поза слегка изменилась, но это было предложение продолжать.

— Их образ мышления кое в чем отличен от нашего, — снова заговорил Эйлле, — но уровень его развития высок. Равно как и их цивилизация. У меня есть основания подозревать, что в некоторых отношениях они даже превосходят нас. Просто это иной образ мышления, иная форма цивилизации. Мы не заметили этого и не пожелали заметить. Итог — те затруднения, в которых мы теперь увязли. Если мы хотим, чтобы люди принесли нам пользу в борьбе с Экхат, нам надо это понять. И образовать с ними союз — союз иного рода, чем мы до сих пор образовывали с другими покоренными видами.

— Вы были здесь недолго, — напомнил Наставник. Его тело вновь стало ужасающе невыразительным. Равнодушие и беспристрастность — тоже эмоции, но Эйлле не замечал и их. Похоже, Гончие делали это нарочно, чтобы вызвать замешательство. — Вы действительно уверены, что поняли людей лучше, чем старшие? Такие, как Оппак кринну ава Нарво, который имел с ними дело с самого начала Завоевания? И даже если вы правы — стоят ли они того, чтобы навсегда отказываться от вашего кочена и его связей?

Это был *сэнт джин* — формальный вопрос, требующий формального ответа. Эйлле закрыл глаза и задумался, как когда-то учила родительская группа. Формальный вопрос, но ответ должен быть отточенным и метким, как удар ритуального кинжала. В самом деле, может ли он знать жителей этой маленькой зелено-голубой планеты — лучше, чем старшие, которые ее покорили и удерживали так долго?

Он подумал о Кэтлин, смышленной, владеющей позами и языком джао. О Талли, который, несмотря на свою непокорность, снова и снова проявлял неколебимую отвагу и чувство долга, достойные джао. О Кларике, который ни разу не позволил себе колебаний, если представлялась возможность принести пользу. И об Агилере, который дорожил правдой даже когда знал, что будет наказан. Разве каждый из них менее достоин, чем джао?

— Да, — по телу разливался покой, его глаза были вновь открыты и, как он догадывался, так же безмятежно черны, как у Наставника. — Я жил с ними рядом, наблюдал, как они внезапно выдают новые идеи одну за другой, точно вспыхивают драгоценные камни на перевязи. Я сражался рядом с ними и видел, как они умирают. Они уникальны и часто непросты, но то же самое можно сказать о любом многообещающем детеныше.

Наставник вновь посмотрел на Эйлле, но по-прежнему оставался в своей не-позе. Поверил он или считает слова отпрыска Плутрака чудовищным заблуждением?

Внезапно вибрисы Гончего Пса дрогнули.

— Оппак кринну ава Нарво в другом месте, — сказал он. — Я приказываю доставить его сюда, после чего мы возобновим разбирательство.

Наставник повернулся и зашагал прочь, остальные восемь Гончих последовали за ним.

Агилера смотрел им вслед, стиснув руки за спиной.

— Сколько времени пройдет, пока явится Губернатор? Как я понимаю, комедия только началась. Но у меня уже крыша едет.

Эйлле точно знал, когда Оппак появится на этом берегу, где ветер наносит песок на тетракадамовое покрытие, а солнце начинает палить. Он ощущал это каждой клеткой своего тела, как длину шнура в руках. Он даже чувствовал, хотя и смутно, когда сможет снова вернуться и приступить к своим обязанностям. А вот чего он не знал и, всего вероятней, никогда не узнал бы, это как объяснить это людям из своего персонала.

— Он будет здесь в положенное время, — сказал Эйлле, глядя на белое пернатое существо, которое несло у него над головой, и повернулся к Кларiku.

— Приведите Кэтлин из Сент-Луиса. Она должна присутствовать.

Генерал уставился на него. И вдруг, вопреки своему обычному послушанию, выпалил:

— Зачем?

Все понятно. Сейчас Кларик и Стокуэлл готовятся вступить в брак. Для них это очень важно, поэтому необходимо объяснить, а не требовать повиновения.

— Ничего не изменилось, генерал. Это по-прежнему и в любом случае касается Плутрака и Нарво. Я раскачиваю лодку, и до сих пор мне это удавалось. Поэтому я хочу продолжать. Ничто не разозлит Оппака больше, чем Кэтлин. Она — самое очевидное доказательство тому, что за его притязаниями ничего не стоит. Он снова впадет в ярость, и это его погубит. Я так думаю.

Кларик медленно кивнул. Он понял. Но все равно очень не хотел этого делать.

— Это может быть для нее опасно, — заметил он.

В ответ на это человек должен покачать головой. Эйлле так и поступил.

— Нет, генерал Кларик. Это действительно будет для нее опасно.

Глава 41

Кэтлин, Тэмт и доктор Кинси прибыли на базу в Паскагуле около полудня. Всю прошлую неделю Кэтлин работала с отцом в Сент-Луисе, а сейчас Кларик послал за ней. Кэтлин уже привыкла, что ее жених немногословен, но его молчание, как всегда, было весьма красноречиво. Несомненно, он хотел с ней повидаться. Но была и другая причина. Он встревожен, это несомненно, и имеет на то все основания.

Кэтлин почти догадалась, что произошло — хотя если дело касается джао, никогда нельзя быть в чем-то уверенным. Вот-вот начнется собрание Наукры. Этого события вот уже две недели ждали все — ждали с беспокойством, страхом и надеждой.

Это не укладывалось в голове. Всего несколько месяцев назад она сидела в университетской столовой и слушала, как

студентки болтают о новом Субкоменданте, который только что прибыл на Землю. Кажется, что с тех пор прошла вечность. Столько всего произошло... и столько изменилось.

Отец полон надежд. Пока Эйлле остается у власти, Земле обеспечено процветание. Да, она не будет прежней, но история учит: в прошлом остается не только хорошее. Только самые безумные фанатики станут сожалеть о политическом хаосе, который царил на Земле до Завоевания. Бесконечные войны, конфликты, вооруженные столкновения... Люди получили хороший урок. На ликвидацию разрушений в Южном Китае были брошены все силы, но нападение Экхат никто не забудет. Надо искать способ сосуществования с джао. Пусть даже под их властью. Если человечество вновь будет предоставлено самому себе, ему будет не выстоять против новой атаки чудовищ, одержимых жадной уничтожения.

Вертолет пошел на посадку, и Кэтлин убедилась, что ее догадки верны. Почти всю посадочную площадку военной базы занимали корабли джао, и их гладкие корпуса сверкали в лучах заходящего солнца. Похоже, Наукра соберется здесь, а не в Оклахома-сити и не в Сент-Луисе. Разумно. Кэтлин ощутила что-то вроде облегчения. Обычно джао любят океан, и такой выбор означает, что решение принимал кто-то более здравомыслящий, чем Оппак.

Чего она не ожидала, так это разнообразия форм и размеров кораблей. Похоже, в кораблестроении у джао не было каких-то стандартов.

Ее правая рука все еще была в гипсе. Доктор Кинси помог своей студентке выйти из салона, но на этом церемонии закончились. Они буквально припустили бегом, над головой все еще вращались гигантские лопасти винта, а впереди бежала Тэмт, согнувшись чуть ли не в три погибели. Телохранительница отчаянно боялась человеческого авиатранспорта и особенно вертолетов. Главную причину Кэтлин узнала еще во время первого совместного перелета. По мнению Тэмт, у транспорта не должно быть двигательной системы, которая может отрезать тебе голову.

Наконец можно было выпрямиться и перевести дух. Кэтлин улыбнулась, по возможности сдержанно, и посмотрела сперва на профессора, а потом на Тэмт.

— Больше никаких переломов, — заверила она. — А если и сломаю, то снова эту. Так что не беспокойтесь за меня.

— Сомневаюсь, что перестану беспокоиться, пока Оппак где-то поблизости, — доктор Кинси озабоченно посмотрел на людей и джао, которые толпились среди кораблей. — Я слышал, что этот монстр будет присутствовать здесь лично. А если...

— Только не в присутствии старейшин, — Кэтлин огляделась и снова улыбнулась, но на этот раз улыбка получилась неуверенной. — Он просто не посмеет. И вообще, доктор Кинси, будьте реалистом.

Профессор изобразил нечто похожее.

— Хорошо. Согласен. Но я не представляю, как пожилой человек, пусть даже уважаемый академик, сможет защитить вас от этой безмозглой туши. Даже по меркам джао Оппак... отличается весьма крупными размерами.

Тэмт возмущенно прижала уши. Она прекрасно знала, что даже уроки Яута не помогут ей справиться с Оппаком, если дело дойдет до драки. Но эта мысль ей не нравилась.

— Спасибо за заботу, — произнесла Кэтлин. — Но мне кажется, что вы слишком беспокоитесь. Такие вспышки ярости — редкость для джао. Пока Оппак был Губернатором, он мог себе позволять себе все что угодно. Но если он начнет вытворять что-либо подобное здесь, перед самыми уважаемыми представителями коченов, его заставят об этом пожалеть. Правда... Честно говоря, я на это очень надеюсь. Нам это будет только на руку.

Начиналась осень, но в этих широтах все еще стояла жара. Кэтлин стянула куртку и повесила на здоровую руку. Где-то далеко, над заливом, проворчал гром. Кучевые облака приобретали характерную форму башенок. По площадке двигались машины — старомодные, оснащенные магнитными подвесками, и те, на которых эти подвески были установлены изначально, — плотно набитые солдатами-джинау. Машины подъезжали и уезжали, заставляя расступаться джао, которые прохаживались между кораблей. Порядок, который при малейшем толчке превратится в хаос. Кэтлин вытянула шею, вглядываясь в лица людей. Где-то здесь должен был находиться Кларик.

В этот момент рядом остановился преображенный Хамви, и из окошка высунулась блондинка со вздернутым носиком.

— Вас подвезти, леди?

И улыбнулась. Кэтлин узнала лейтенанта Хоукинс из отряда, который Кларики выделил в качестве личной охраны Эйлле.

— Я ищу генерала Кларики, — сказала Кэтлин. — Вы не знаете, где он?

— Вообще-то он послал меня за вами, как только ваш вертолет приземлился. С извинениями, что не может встретить лично.

Постоянное общение с джао, несомненно, отразилось на привычках мисс Хоукинс. Вместо того чтобы выйти и открыть перед Кэтлин и профессором дверцу, она просто потянулась и приоткрыла ее изнутри.

— Залезайте.

Для поездки Кэтлин выбрала темно-зеленый костюм и туфли на низком каблуке. Ей предстояло появиться на официальном мероприятии джао, и ничего более подходящего она не нашла. Однако в длинной юбке, да еще и со сломанной рукой, забраться в салон оказалось нелегко. К счастью, на помощь пришла Тэмт. Уверенно отстранив доктора Кинси, она подхватила Кэтлин на руки и усадила на переднее сиденье, как взрослый усаживает маленького ребенка, а сама забралась на заднее и втащила за собой профессора. Дверцы захлопнулись, и машина медленно поехала в направлении базы.

В какой-то момент они словно пересекли невидимую разделительную черту. Здесь были буквально толпы джао, и все вооружены лазерами. Неудивительно: за годы, прожитые под бдительным присмотром Банле, Кэтлин очень хорошо поняла, как большинство джао воспринимают людей, и не питала по этому поводу иллюзий. Опасные и непредсказуемые существа. Наверно, так первопоселенцы смотрели на «диких индейцев».

Кстати, после эпизода в клинике Кэтлин больше не видела Банле. Позже стало известно, что Банле была на одном из кораблей Оппака и погибла в бою, когда Эххат прорвались к Земле. Это известие Кэтлин приняла с огромным облегчением. Банле больше никогда не будет над ней издеваться.

Такое чувство испытывают подростки, когда становятся совершеннолетними.

Машина еще раз повернула и резко остановилась. Похоже, лейтенант Хоукинс перенимала стиль вождения, присущий джао. Повернувшись к Кэтлин, блондинка небрежным кив-

ком указала в сторону палатки, которая стояла на песчаной полосе у края взлетной площадки.

— Вам туда.

Кэтлин ожидала, что ее доставят в командный центр Эйлле — строение, возведенное джао еще при главнокомандующем Кауле, которое благодаря высоте было видно издалека. Странно... Впрочем, Эд сам все объяснит.

Поблагодарив Хоукинс, она открыла дверцу и вышла — это оказалось куда проще, чем сесть. Тэмт и Кинси уже покинули салон. Тэмт блаженствовала: солнце садилось, и ее глаза отдыхали от назойливого сияния земного светила. Зато Кинси казался совершенно несчастным. В машине было жарко, к тому же после совместной поездки с Тэмт любой человек выглядел бы... немного помятым.

У входа в палатку стояли двое караульных в форме джинау. Когда Кэтлин подошла, один из них распахнул полог. Внутри царил полумрак, хотя небольшой клапан в дальнем конце был отстегнут, и через окошко задувал ветер. Кларик стоял спиной к входу. Еще несколько человек склонились над портативным компьютером и разглядывали что-то на дисплее.

Она посмотрела на Эда с нежностью. Уверенный, оживленный, он буквально излучал спокойствие. Кэтлин потребовалось усилие, чтобы воздержаться от слишком экспрессивных жестов. Однако генерал, словно почувствовав ее присутствие, уже обернулся.

— Кэтлин!

Она покраснела. В его голосе столько теплоты... Кэтлин вспомнила ночь, которую они провели вместе перед Битвой в фотосфере. Тогда он просто лежал рядом, вытянувшись во весь рост, но это так успокаивало. Глубоко вдохнув, она прервала поток воспоминаний. Сейчас на это нет времени. Времени не осталось ни на что, кроме...

— Генерал Кларик, — пожалуй, ситуация требовала соблюдения формальностей, хотя все знали об их помолвке. — Вы просили меня приехать. Чем мы с доктором Кинси можем быть полезны?

— Многим.

Он уже собирался обнять ее, но остановил себя и чуть изменил траекторию движения, сделав вид, что хочет пожать

руку доктору Кинси двумя руками. Потом он сжал руку Кэтлин. Рукопожатие было крепким и долгим.

— Хорошо, что вы оба прилетели, — продолжал он. — Завтра утром Наукра проводит слушания — не помню, как это называется у джао. Скорее всего, обсуждать будут Эйлле — что он сделал на Земле и как это оценить. Нарво выдвинули против него официальные обвинения.

Кэтлин поправила прядь волос, выбитую ветром.

— Оппак здесь?

— Похоже, еще нет, но... Во всяком случае, завтра будет лично присутствовать на слушаниях. — Кларик замялся и негромко проговорил: — Это Эйлле настоял на том, чтобы ты прилетела сюда. Но это будет небезопасно. Кстати, он тоже об этом предупреждал.

— Думаешь, я не понимаю? Знаешь, при всех своих достоинствах Эйлле настоящий манипулятор. Ему надо подразнить Оппака, вот он берет меня и размахивает мной у него перед носом, как красной тряпкой перед быком...

Кларик не ответил. Напряженные плечи выражали тревогу лучше всяких слов, но Кэтлин качнула головой и криво улыбнулась.

— Будем надеяться, что это сработает. Хотя, если честно, я бы предпочла принести пользу не в качестве боксерской груши, а как-нибудь иначе... Но, как говорится, в дело все сойдется.

Последовала неловкая пауза. Кларик смущенно огляделся, пододвинул невесте один из складных стульев, потом жестом предложил профессору и Тэмт сесть на другие.

— Прошу простить за такой прием... Последнюю пару дней в командном центре набилась такая толпа джао, что бедным людям повернуться негде. Поэтому пришлось переместиться сюда. Скажу тебе по секрету, мы тут сидим как на вулкане. Наши плюшевые друзья настроены весьма решительно, и если, паче чаяния, кто-нибудь кого-нибудь неправильно поймет...

Врешь, подумала она, заметив сидящего в углу Талли. Тот уже давно узнал Кэтлин и, поймав ее взгляд, приветствовал девушку дружеским кивком, чтобы тут же вернуться к прерванному разговору. Его собеседник был немолод — судя по

всему, ровесник Кинси и с таким же цветом кожи, но выглядел куда более подтянутым. Кэтлин видела его впервые, но сразу догадалась, кто это. Легендарный Роб Уайли, бывший подполковник армии США, а теперь генерал-майор джинау, лидер Сопrotивления в Скалистых Горах.

Так вот в чем дело. Эду была нужна конфиденциальность. Он вполне комфортно чувствовал себя даже в толпе джао. Кэтлин неуверенно покосилась в его сторону.

Серые глаза генерала блеснули металлом. Казалось, он стал выше ростом и несокрушимым, как гранитная скала. Но это продолжалось лишь миг. Бросив короткий взгляд в сторону Тэмт, он успокоился. Ей можно было доверять.

— Если не вдаваться в подробности, Кэт... Полковник — прошу прощения, генерал Уайли — тоже хочет быть в курсе событий. Если Наукра оправдает Оппака... боюсь, у нас не останется выбора.

Тэмт фыркнула.

— Это ясно даже детенышу! Ветераны-Нарво уже сообщили старейшинам, что не станут служить на Земле, если это произойдет. Прежде всего они настаивают на устранении Оппака... — она качнула вибрисами, что у джао заменяет ехидную усмешку. — Правда, старейшины были в гневе, потому что сочли это прямым вызовом. А еще больше их возмутил новый символ, который висит в Доме кочена Нарво.

Разговоры смолкли.

— Да, правда, — продолжала Тэмт. — Мне сказала одна из отпрысков Сэнт, которая при этом присутствовала. Она говорит, что ветераны сами поставили условие: чтобы к прибытию старейшин Звезда Земли была вывешена на одной из стен Зала единения.

Вряд ли кто-то из присутствующих — кроме Кэтлин, Кларики и доктора Кинси — разбирался в позах джао. Тем не менее, телохранительница джао не преминула принять позу «упрек-в-незрелости», не вставая со стула — скорее в форме добродушного упрека, нежели оскорбления.

— Вы думали, что ваши приготовления остались незамеченными, генерал? — вопрос Тэмт был адресован Уайли. — Для офицеров — может быть. Но не для простых воинов!

Кларик вздохнул.

— Ну... я надеялся. Полковник предупреждал меня, что ничего не выйдет. В горах, возле убежищ, до сих пор патрулируют отряды джао.

Тэмт сделала движение, которое соответствует пожиманию плечами, но с оттенком уважения.

— Вы слишком беспокоитесь. Возможно, Наукра не проявит мудрости. Но это все-таки Наукра, а не пруд рождения, где плавают новорожденные детеныши! Что бы ни случилось, Нарво не получат удх. И уж точно его не получит Оп-пак. А настроения ветеранов — всех ветеранов, можете мне поверить! — таковы: какой бы кочен не получил удх — даже Нарво, — новому Губернатору придется либо управлять мягко и уважительно, либо полностью контингент джао. А солдаты, которым еще не приходилось иметь дело с людьми, понесут большие потери... — она торжествующе качнула вибрисами. — Ха! И об этом каждый ветеран с удовольствием сообщает вновь прибывающим воинам. Врот даже говорит, что они ведут себя почти как люди. И упоминает какие-то «Сказки Братьев Гримм», которые применялись, чтобы пугать детенышей — чтобы те усвоили, как надо себя вести.

На этот раз Кэтлин не выдержала и рассмеялась. Ее смех подхватил Кинси. Кларик изобразил подобие улыбки, но улыбка получилась печальной.

— Ну вот, и прославился, — пробормотал он. — Боже, до чего я дожил! Стать троллем из волшебной сказки!

— Ничего страшного, — успокоила его Кэтлин. — Главное, что этот урок Наукра усвоит.

Адъютант, совсем молодой мальчик, вошел в палатку с двумя чашками кофе и поднес их Кларику. Аромат свежемолотых кофейных зерен был восхитителен. Одну чашку генерал передал доктору Кинси, другую предложил Кэтлин, но та покачала головой. В ее теперешнем состоянии для полного счастья не хватало только кофеина.

Увидев еще одну гостью, паренек смутился. Похоже, он не имел большого опыта общения с джао. Тэмт демонстративно сморщила нос. Джао терпеть не могут кофе и все, что содержит кофеин, и она недвусмысленно давала понять: есть человеческие привычки, которые она усваивать не собирается. Однако адъютант продолжал стоять столбом.

— Мне ничего не нужно, — заявила она тоном возмущенной леди.

Юноша опомнился и поспешил удалиться.

— Кстати, что такое Наукра? — спросил Кларик. — Насколько я понял, это отдаленно напоминает нашу Палату конгрессов. Но, кажется, я что-то путаю.

— Нет, что вы, — отозвался Кинси. — Как говорят, тепло. Но не жарко. Прежде всего, Наукра не собирается в какое-то определенное время. Если проводить исторические параллели, я бы сравнил ее скорее со средневековыми советами, чем с современными конгрессами или парламентскими сессиями. В общем, если где-то возникает проблема, собирается Наукра. Как старый Английский Парламент. Только Парламент обычно собирала королева, а у джао нет ничего, похожего на королевскую власть. Наукру может созвать любой великий кочен. Или Свора Эбезона. Далее: у Наукры нет постоянного состава. Каждый раз, когда созывают Наукру, каждый кочен — а иногда, насколько я знаю, и каждый тэйф — выбирает одного или несколько отпрысков, которым поручается говорить от его имени. В-третьих, решения Наукры принимаются не голосованием, как было бы в конгрессе или парламенте. Очевидно, они просто говорят, пока не возникнет консенсус.

— А если не возникнет?

Кинси задумчиво сделал глоток кофе.

— Ну... тогда мы сталкиваемся с еще одним интересным моментом. Итак, функция Своры Эбезона в политике джао. Если Наукра не может достичь консенсуса, Свора просто берет на себя инициативу и навязывает решение, которое считает предпочтительным.

Кларик нахмурился.

— Я думал, что Свора подчиняется Наукре.

— Не совсем. Вы мыслите слишком по-человечески, генерал. И слишком современно, я бы сказал. Подозреваю, наши средневековые предки поняли бы джао куда лучше... — он помедлил, подбирая слова. — Вероятно, ближайший аналог Своры — во всяком случае, в истории стран Запада, — военизированные монашеские ордена Средневековья. Тамплиеры, госпитальеры, тевтонские Рыцари и тому подобное. Теоретически они подчинялись церкви. Но любой средневековый

папа, наверно, пожаловался бы вам, что эти рыцари часто поступают как им вздумается. Конечно, их трудно удержать: в военном отношении они не уступали иным армиям.

Кинси допил кофе и внимательно изучил дно чашечки.

— Только прошу вас, генерал. Это только аналогии, не пытайтесь их слишком развивать. О Своре известно кое-что еще... Не знаю, как бы сказать лучше — то, что я нашел в исторических источниках, можно истолковать как минимум двояко... Хорошо, будем продолжать аналогию с орденами. В некоторых отношениях Свора больше всего напоминает иезуитов. Прежде всего: кажется, джао весьма озабочены следованию основным позициям своей... можно так выразиться, светской теологии. Так вот, эти позиции разрабатывает именно Свора.

— Конечно, — вмешалась Тэмт. — Этим она и полезна — помимо того, что не позволяет коченам переходить в соперничестве за рамки дозволенного. Какой кочен станет думать обо всех джао в целом?

Кэтлин удивленно поглядела на Тэмт. Ее телохранительница — теперь можно сказать, ее подруга — обычно была почти болезненно застенчива. Большинство джао считали ее чем-то вроде неотесанной провинциалки, несмотря на выучку, которую она прошла у Яута. Но Кэтлин уже не раз напоминала себе, что Тэмт не стоит недооценивать. Эта неказистая оболочка скрывала в себе ум, который — что немаловажно — работал усердно и не переставая.

Кажется, Кинси оценил ее высказывание.

— В общем и целом, генерал, ситуация сводится к следующему: Наукра-созвана, кажется, как Нарво так и Плутраками. Ее цель — оценить поведение Эйлле и определить его статус, а также решить, какому кочену надлежит передать удх над Землей. Эти вопросы взаимосвязаны, но рассматривать их будут отдельно. Что касается Эйлле, его жизнь могут потребовать и отдать, либо этого не произойдет, но он по-прежнему остается вне закона. Участь крудха, как они это называют, для джао во многих отношениях хуже смерти. Возможно, как я уже сказал, это решение может быть как-то связано с тем, которое касается статуса Земли. А может, и нет. Например, жизнь Эйлле потребуют и отдадут, а удх достанется Плутракам. Поверьте, я не в восторге от такого варианта, но

именно так, скорее всего, и произойдет. Поскольку это минимально удовлетворит требования чести обоих великих коченов.

Серые глаза Кларика недоверчиво прищурились.

— Есть хоть какая-то вероятность, что Оппаку позволят вернуться к власти?

— Наукра не решает, кто станет Губернатором. Решение всецело и полностью оставляют на усмотрение того кочена, которому дадут удх над планетой. Все, что решает Наукра, — какой это будет кочен.

— Этого-то я и боялся, — пробормотал Кларик. — Они опять могут отдать удх Нарво. И тогда Нарво получают полное право вновь назначить Оппака.

Кинси твердо покачал головой.

— Исключено. Похоже, вы и в самом деле не понимаете, как это происходит у джао. Прежде всего: мы можем сколько угодно ругать джао, но к тому, что называется «удар ножом в спину», они склонны меньше всего. Для них договор — всегда договор. И каждый джао понимает: даже если Нарво возвратят право удх... К слову сказать, это крайне маловероятно, да и сами Нарво, как я понимаю, не слишком рвутся его получить. Так вот, если Нарво возвратят право удх, то лишь для того, чтобы спасти их от еще больших унижений, чем они пережили. Если после этого Нарво снова назначат Губернатором Оппака, это будет неслыханным оскорблением — и Плутраку, и всем остальным коченам. Более того, это будет откровенная пощечина Своре, которая ясно выразила свое отношение к Оппаку. Насколько я понимаю, ни один кочен, сколь угодно могущественный, на такое не осмелится. Свора может действовать весьма... как бы это выразиться...

— Прямолинейно, — хмыкнула Тэмт. Ее уши стали почти плоскими, а вибрисы дрогнули — аналог мрачной — вернее, очень мрачной усмешки. — Вспоминаются и другие слова. «Решительно»... возможно, «нетерпеливо». Но мне очень понравилось одно человеческое выражение, я услышала его от Врота: «как медведь гризли с больным зубом».

На этот раз рассмеялся даже Кларик.

Внезапно лицо генерала снова стало строгим.

— Отлично, — сказал он, — полагаю, нам не стоит об этом беспокоиться. И все же... — его взгляд скользнул куда-то в

угол палатки — кажется, в той стороне находился командный центр Эйлле. — Мне будет отчаянно его не хватать. Уверен. Никогда не думал, что когда-нибудь скажу такое про джао.

У Кэтлин защипало в глазах. Мне тоже. Только теперь, когда действительность нависла над ними, как девятый вал, понимала, насколько. Если Эйлле погибнет... А он погибнет, если потребуют его жизнь и он решит, что признать требование — лучший способ принести пользу. В этом нет никаких сомнений. Как бы он ни сблизился с людьми, но оставался джао.

— И всем джао, — прошептала она.

Тэмт наблюдала за Кэтлин. Это вошло у нее в привычку — наблюдать за человеческой особью, которую она охраняет, чтобы понять ее.

— Да, — она говорила негромко, и Кэтлин поняла: Тэмт правильно истолковала ее слова. — Даже тем, кому он сейчас противостоит. Он — крудх из легенды. Величайший из всех джао, потому что такие, как он, учат нас следовать *витрик*.

На посадочной площадке возникло какое-то оживление, и Кэтлин поднялась, чтобы поглядеть, что происходит.

Словно повинувшись беззвучной команде, джао устремились на середину летного поля.

— Как говорят джао, течение завершилось, — проговорил Кларик. — Похоже, они решили не откладывать дело в долгий ящик... А я-то думал, все начнется только утром.

— Понимаю, — отозвалась Кэтлин.

На самом деле, она ничего не понимала. И никто из людей не поймет. Это она знала совершенно точно.

Глава 42

Пора. Как говорят люди, время пришло.

Течение усилилось и повлекло Эйлле на другой конец базы, на летное поле, усеянное кораблями. Как странно, когда тебя окружают отпрыски едва ли не всех коченов, думал он, идя к месту сбора. На Мэрит Эн, где Эйлле провел свою юность, он встречал лишь отпрысков Плутрака или входящих в него коченов. Глаза, ярко-зеленые от любопытства, следили за ним со всех сторон, точно оптические прицелы, а шепот у

него за спиной производит само течение, охваченное иступленным желанием прийти к своему завершению. Он сосредоточился на своем времячувстве. Сейчас необходимо продумать все — до шага, до слова, до мельчайшего движения вибрысы. На него смотрят, и его вид должен быть безупречен.

Да, здесь действительно были все — даже самые немногочисленные периферийные кочены, которые не были связаны ни с Нарво, ни с Плутраком, и не принимали участие в Завоевании. Свора позаботилась об этом. Ситуация была не только запутанной, но и чрезвычайно значимой для всех джао. Жаль, что нет времени побеседовать со старейшинами, подумал Эйлле. И прежде всего — с Наставником Своры. Несомненно, накопленный ими опыт велик и достоин внимания.

Дэу кринну ава Плутрак и Яут шли впереди Эйлле, возможно, в последний раз признавая его положение. Вообще-то этого делать не следовало. Он объявил себя крудхом, а у крудха нет статуса. Однако никакие доводы на них не действовали, и Эйлле пришлось уступить.

В центре посадочной площадки, образовав неплотное кольцо, красовались корабли Гончих — черные, отливающие в лучах заката всеми цветами радуги. Такими же черными были перевязи Гончих — словно под цвет их глаз, таких же ничего не выражающих, как и их позы. Ни любопытства, ни удивления, ни гнева, ни стремления обвинять.

Наукра Крит Лудх не управляла отрядами Своры. Она лишь изредка направляла действия этой силы, численно превосходящей войска любого кочена, исключая Нарво, Плутраков и, возможно, Дэно. Корабли Гончих обладали достаточной огневой мощью, чтобы добиться исполнения любого решения, которое будет вынесено здесь, на Земле. Ни один кочен не посмел бы встать у нее на пути. Никто не посмел бы оспорить эти решения, тем более принятые полным собранием Наукры.

Если кочен не способен сам справиться со своими проблемами — это неприятность. Если кочен не способен образовывать союз — это позор. Но вдвойне позор, когда союз кочену навязывается.

В детстве Эйлле слышал рассказы о коченах, которые дошли до такого позора. Итог был печален: все отпрыски этих коченов, которые уже «всплыли на поверхность» и считались

взрослыми, предложили свои жизни, чтобы покончить с раздором и позволить остальным джао сохранить единство. Даже в древние времена, до того, как была впервые созвана Наукра Крит Лудх, такие происшествия были редкостью. Но то, что произошло однажды, может произойти дважды.

Джао не могли забыть, что Экхат, которые когда-то давно сделали их такими, какие они есть, теперь пытаются их уничтожить, и причины понятны лишь самим Экхат. Соперничество коченов делало джао сильнее, но раздоры ослабляли. Джао должны были сражаться вместе или исчезнуть. Но если исчезнут джао, вслед за ними будут уничтожены все разумные существа во Вселенной. И не только разумные существа, но и вся жизнь.

Оптак ждал на небольшой площадке, огороженной обломками черной скальной породы. Силуэт этой стены напоминал график гармонических колебаний, а расположение обломков было строго выверенным — так, что они образовывали особую структуру. Ветер и волны хорошо потрудились, сгладив все углы и прямые линии и сделав их черную поверхность безупречно гладкой. Скалы были не просто символом течения — они формировали его, делая мощным и плавным. Такой круг был и на Мэрит Эн. Прежде чем Эйлле получил свое первое назначение, ему позволили несколько раз войти в него и испытать себя.

Сейчас Эйлле остановился чуть в стороне от ближайшего камня и стал изучать его очертания. Прежде, чем подчиниться влиянию этой структуры, надо понять, каким оно будет.

Дзу и Яуту это не потребовалось. Они сразу вступили в круг и замерли в позе «ожидание-и-достоинство» — уши развернуты под спокойным углом, в глазах ни одного проблеска зелени. Наступала лучшая часть местного суточного цикла, когда сияние Солнца ослабевает и больше не слепит глаза джао, как в разгар дня. Свора оценила течение с величайшей тонкостью, выбирая время для сбора Наукры. Серо-зеленый океан накатывал на берег и снова отползал. Скопления водяного пара, предвещающие бурю, темнели и опускались все ниже, а волны тянулись к ним, и на них уже появлялась пена — казалось, они выдирают из серого брюха тучи куски пористой плоти, и белая полупрозрачная кровь брызжет в стороны. Океан манил. И трудно было не слушать этот властный зов и сосредоточиться на текущих делах.

Эйлле сделал шаг к блестящим черным скалам. Они были словно одного с ним роста. Еще шаг — и он ощутил, как внутри нарастает еле уловимое давление. Высшая точка течения. Нужно сделать то, что надлежит. Он уже принял это.

Безусловно, Плутрак надеется оправдать его действия на Земле. Это позволит ему, Эйлле, возобновить статус в родном кочене, продолжать службу, вступить в брачную группу и прославить Плутрак и своих прародителей. Плутрак привык действовать тонко. Прямая попытка получить удох будет истолкована как желание унижить Нарво. Старейшины преследуют иную цель: воспользоваться кризисной ситуацией, чтобы вынудить Нарво к союзу. Или хотя бы подтолкнуть их в этом направлении.

У Нарво прямо противоположная задача. Доказать, что Эйлле беспокоит лишь собственное благо и благо своего кочена. Что он заботился не о благополучии джао, а лишь стремится прославиться и опозорить Оппака. Что причина разногласий между бывшим Губернатором и Субкомендантом — личная неприязнь и ничто иное. Что все это — очередная уловка Плутрака, с помощью которой он пытается укрепить свое влияние. Эйлле не сомневался, что Нарво уступят удох — но лишь ценой равного унижения Плутрака. А это означает лишь одно. Он, Эйлле — теперь просто Эйлле — должен понести наказание. Если они добьются своего, он будет до конца жизни отрезан от своего кочена. Он не сможет рассчитывать ни на поддержку Плутрака, ни на вступление в брачную группу, ни на продолжение карьеры.

Еще вероятней, ему придется отдать жизнь.

Ни один из этих вариантов нельзя считать желательным. Даже если решение будет принято в пользу Плутрака. В конечном счете, это ничуть не лучше, чем решение в пользу Нарво. И те и другие мыслят старыми схемами, и Плутрак не исключение. Словно все во Вселенной сводится к отношениям коченов!

Когда-то он тоже так думал. Но теперь он изменился.

Но до сих пор не понятно, понимает ли это Свора. Сейчас нужно не просто привести два самых могущественных кочена к союзу. Нужно начать преобразование самой основы таких союзов. Или...

Или джао в конце концов станут подобием Экхат, которые их сотворили. Но как может он — гладкомордый отпрыск, недавно поднявшийся на поверхность, подвести джао к осознанию этого факта?

Эйлле все еще размышлял над этим, но полусознательный трепет, который охватил его у камней, настойчиво напоминал о себе.

— Эйлле, прежде кринну ава Плутрак, теперь крудх!

Негромкий голос доносился из круга.

Эйлле шагнул вперед и почувствовал, как упругие невидимые потоки обтекают его тело. С другой стороны площадки на него мрачно тарашился Оппак. Эйлле остановился точно посередине круга. Казалось, воздух налит мелчайшими пузырьками, от которых покалывало кончики ушей и корни вибрис. Кровь запедала, словно Эйлле действительно плыл в глубинах моря, оседлав могучее подводное течение и рассекая упругие струи воды, когда каждое движение упорно и как будто придает сил. Мастера Своры потрудились на славу.

Он открылся этому течению, позволив ему смыть все тревоги и дурные предчувствия. Сейчас его тело само приняло позу «спокойствие-и-приятие», в глазах погасла последняя вспышка зелени, и они стали непроницаемо черны, как у Гончего Пса.

В этом окружении Оппак с его «яростью-и-негодованием» выглядел неуместно. По бокам от него стояли старейшины Нарво — Эйлле узнал их по *ваи камити*, таким же, как у бывшего Губернатора, но более уравновешенным.

— Ни один кочен не вправе бросать вызов другому, которому дарован удх, — провозгласил Наставник, который вызывал Эйлле в круг. — Однако вы захватили власть над этим миром, отняв ее у законно избранного Губернатора Оппака кринну ава Нарво. Чем вы готовы защитить свое решение?

Черные глаза Гончего Пса, непроницаемые, как глубины космоса, глядели на него.

— Своей жизнью, — ответил Эйлле.

Яут был горд. Жизнь — достойная плата за ущерб чести, пусть даже он причинен ненамеренно. Мало кто ожидал подобного от отпрыска, который лишь недавно всплыл на по-

верхность. Но таков Плутрак: первое, чему учат его детенышей — понимать суть *витрик* и жить с готовностью следовать ему, какой бы ценой ни пришлось за это платить.

Наставник смотрел на Эйлле. Казалось, течение замерло. Тело Гончего Пса не выражало даже равнодушия — он был более беспристрастен, чем сама Вселенная.

— Да будет так.

О да, эти три слова были воистину обдуманы и взвешены.

— Мы услышим об этих днях, о ваших действиях, — наставник повернулся к Нарво, которые стояли напротив. — Оппак кринну ава Нарво, вы также готовы отдать жизнь, если будете признаны виновным?

Каждый изгиб тела бывшего Губернатора был исполнен «возмущения-оскорблением».

— Я не сделал ничего, за что стоит платить жизнью! Я провел на этой отвратительной планете больше двадцати орбитальных циклов. Меня окружали невежды и дикари, и все же я делал все, что от меня требовалось! Я даже отразил атаку Экхат! И это называется «пренебрежение *витрик*»?

Наставник пристально смотрел на него. Течение опять стало замедляться. Казалось, стихал даже ветер, пересекая границу черных скал. Между двумя его порывами прошла вечность.

— Он готов, — пожилая женская особь, одна из Нарво выступила вперед. В ее глазах плясали изумрудные молнии, ворс казался белым и лишь тронутым рыжиной, а *ваи камити* четким и смелым. — *Витрик* один для всех, для Плутрака и Нарво. Оппак сделает все, что сочтет нужным Наукра.

Это было неслыханно. Она говорила за Оппака, словно за детеныша, чье обучение еще не закончено. И неизвестно, чем был вызван изумленный шепот остальных старейшин — ее поступком или тем, что Оппак испытал такой позор и все еще жив.

Лишь Гончие никак не откликнулись. Яут вспомнил, как пытался прочесть настроение людей по их позам и потерпел неудачу. Но люди не знают Языка тела и лишь поэтому не способны показать, о чем думают. Гончие же не считают нужным это показывать. Или считают ненужным.

— Призовите тех, кто будет свидетельствовать.

Вероятно, первыми будут Нарво, поскольку они подали жалобу на Эйлле. Кто из них? Оппак? На его месте Яут

выбрал бы кого-то другого. Лучше всех подошел бы Каул кринну ава Дэно, главнокомандующий сил джао в Солнечной системе. Однако Каул предпочел нейтралитет — во всяком случае, с тех пор как Гончие прибыли на Землю, Яут его не видел. Значит...

Так и есть. Оппак шагнул вперед.

Оценив его позу, Яут чуть слышно фыркнул. Что за нелепость! Как можно совмещать два столь сходных элемента?! «Презрение-и-высокомерие»... И это в присутствии старейшин и Своры!

— Этот отпрыск с первого же дня отказался прислушиваться к советам служащих, которые приобрели здесь немалый опыт, — Оппак начал без предисловий. — Ему советовали не доверять людям. Его предупреждали, что джинау отличаются вспыльчивым и непредсказуемым нравом, что они требуют твердой руки. И что же? При первой же возможности он принял людей к себе на службу, более того — в свое личное подчинение!

Нарво, как по команде, потрясенно опустили уши. Однако Гончие сохраняли невозмутимость.

— Далее, когда люди стали упрашивать его не списывать их устаревшую технику, он не только устроил полевые испытания, которые могли бы утолить их тщеславие, но и заявил, что они правы! — Оппак посмотрел на Эйлле, словно хотел сжечь его взглядом. — По сути дела, он верит, что их приверженность *оллнэт* достойна уважения и может принести пользу!

— Но ведь так и произошло?

Наставник казался воплощением покоя, абсолютной пустотой, которая ни на что не отзывается.

— Они потеряли половину кораблей! — взорвался Оппак. Слова сами вылетали у него изо рта. — Второй раз это себя уже не оправдает. Экхат подготовятся заранее и не будут ждать, пока мы обстреляем их из примитивных пушек!

— Возможно, корабли Экхат послали весть остальной эскадре еще до того, как были уничтожены, — обсидиановые глаза Наставника обратились к Эйлле. — И Экхат знает, с чем они столкнулись. Что тогда?

Эйлле сам не заметил, как принял позу «осторожность-и-раздумье».

— Ни одну тактику, сколь бы она ни была утонченной, нельзя использовать бесконечно. Я обнаружил, что изобретательность людей в сочетании с нашей практичностью открывает удивительные возможности. Если будет нужно, мы придумаем что-нибудь еще. Мы уже разрабатываем новую тактику.

— Вы слышали? — возглас Оппака был обращен ко всем, кто стоял за границей круга. — Он помешался на этих существах! Он окружил себя людьми, словно не может без них дышать! Сейчас у него на службе состоит двадцать человек, если не больше!

— Только четверо, — уточнил Яут.

— Четверо? — Оппак снова ожег Эйлле яростным взглядом. — А сколько джао состоят у него в личном подчинении?

Эйлле начал перечислять их по именам, но бывший Губернатор не дал ему договорить.

— Может быть, Плутраку нечему учиться у других джао? — он вышел в центр круга и стал прямо перед Эйлле. — Может быть, его отпрыски чувствуют себя лучше, когда окружают себя полумразумными существами, не способными принести пользу?

Казалось, вся неприязнь, которую Нарво испытывал к Плутраку, наконец-то нашла себе выход. Сочась по капле, она никогда не сгущалась до ненависти, но теперь... Яут покосился на старейшин Нарво, которые испытывали почти физические страдания при виде такой чудовищной невоспитанности. А ведь этой ситуацией можно было бы воспользоваться... Но сейчас он уже не может дать Эйлле наставления. Времени оказалось слишком мало — меньше, чем он надеялся. С тех пор как Эйлле прибыл на Землю, течение становилось все быстрее и быстрее.

Эйлле молчал, но его поза была нейтральной и выражала невероятное спокойствие, а глаза — черными, без малейшего проблеска зелени. Поразительно. Яут считал, что великолепно владеет собой, но его подопечный, похоже, превзошел его.

Неожиданно из группы старейшин шагнул какой-то джао.

— У меня вопрос к Оппаку кринну ава Нарво, — произнес он почти с вызовом. — Сколько джао у него в личном подчинении? А если их нет — если ни одного не осталось, что с ними случилось?

Врот. Еще одна неожиданность. Старый баута покинул Паскагулу несколько планетных циклов назад, на время от-

просившись у Эйлле, дабы заняться тем, что он неопределенно назвал «дела моего кочена».

— В силу обстоятельств... — он запоздало отвесил небрежный полупоклон, приветствуя Эйлле, — я поступил в личное подчинение к Субкоменданту Эйлле кринну... простите, *прежде* кринну ава Плутраку. Но сейчас я говорю от имени своего кочена. Меня избрали его представителем в Наукре.

Он повернулся к Оппаку, и всякое подобие вежливости исчезло. Это снова был старый неотесанный отпрыск Уатнака, прямой до грубости, а его поза «недовольство-и-презрение» выглядела почти оскорбительно.

— Ответь на вопрос, Оппак, — потребовал он. — Где твои подчиненные?

Оппак оцепенел.

— Моя... фратта... — если раньше слова вылетали из него фейерверком, то сейчас он словно с трудом выдавливал их, — она давно оставила меня. Она... говорила, что слишком составила и устала, чтобы оставаться на службе.

Старейшины Нарво за спиной Оппака стояли в напряженных вымученных позах. Ясно, что Оппак говорит неправду... или, во всяком случае, недоговаривает. Однако Врот был неумолим.

— Мне нет до этого дела! Ты бы еще рассказал, что случилось, когда ты еще плавал в пруду рождения! Еще недавно у тебя на службе состояла женская особь — не человек, джао! Уллуа. Ее так звали — да, да, именно *звали*! — старый кривоногий бауга яростно наступал на Губернатора, прижимая уши, воплощение «ярости-и-решительности». — Отвечай на вопрос, позор Нарво! Ты, кто осмелился представлять всех джао! Где Уллуа?

Оппак невольно попятился.

— Она... она умерла.

Старейшины Нарво беспокойно зашевелились. Теперь никто даже не пытался скрывать потрясения. Одна старая особь женского пола — Яут вспомнил, что ее зовут Никау, — вышла вперед, неприкрыто выражая «злость-и-подозрение». В ее глазах полыхало зеленое пламя.

— Умерла? Каким образом?

Глаза Оппака словно отразили эту вспышку. Он отвернулся, его тело изменило положение. Судя по всему, он пытался

выразить «решимость-и-твердость», но внезапно изгибы поплыли. «Упрямство» — поза, которую принимают взбалмошные детеныши.

— Она была безнадежно бестолкова. Я усмирил ее.

Наукра вздохнула, как одно существо. Никау, не ожидавшая такого ответа, превратилась в статую.

— Вот так, — затараторил Врот. — Теперь все знают! Вот вам правда! И это называется «твердое правление»! Как можно доверять правление бешеному ларрету? Он не делает разницы для джао и людей, которых поручили его заботам! — баута развернулся с неожиданным для своего возраста проворством и ткнул пальцем туда, где стояли подчиненные Эйлле. — А теперь сравните это с тем, как Эйлле... да! — обращается с людьми, которые состоят у него на службе. Кэтлин Стокуэлл, выходите.

Яут недоуменно покосился на Эйлле. Нет, они с Вротом ни о чем заранее не сговаривались: его подопечный явно не ожидал этого выступления и был удивлен не меньше, чем Яут.

Возможно, это не самый изящный выпад... но иногда и крепкий пинок оказывается весьма кстати. Тем более что это было лишь начало.

Главное, чтобы ответный удар Оппака не оказался смертельным для Кэтлин Стокуэлл.

Кэтлин пригнула голову и сняла петлю из голубой ткани, которая поддерживала на весу ее сломанную руку.

— Минутку, — тревожно произнес Кларик. — Ты не можешь...

— Мне понадобятся обе руки, — ответила она, поддерживая локоть здоровой рукой.

— Я с тобой.

— Она должна вступить в круг одна, — вмешался Яут. — Ей предстоит говорить.

Кэтлин шагнула вперед, потом остановилась, стянула с ног туфли на каблуках и услышала над собой негромкий смешок Кларика. Несмотря на напряженность момента, Эд еще не утратил способность смеяться.

Но она не имела права даже улыбнуться. Джао, которые впервые оказались на Земле, могли неправильно истолковать выражение ее лица. Это было нелегко. Сбрасывание туфель казалось подобием перехода — как и Эд, она чувствовала это, но не могла объяснить. Кончался один порядок, начиналось нечто иное... совершенно иное.

* * *

Эйлле ждал. Ветер пел, шевелил его вибрисы, воздух был напоен солеными брызгами. И хай-тау, жизнью-в-движении. Пернатые кружили прямо над головой. Можно было даже разглядеть их удлинненные головы и белый покров их тел. Этот мир манил и очаровывал. Как было бы хорошо — спуститься к океану и поплыть на поиски китов, чтобы поплавать с ними.

Но долг есть долг.

Течение почти остановилось... и вдруг снова стало стремительным и мощным. Значит, появление Кэтлин действительно должно сыграть решающую роль. И Врот, очевидно, пришел к тому же выводу.

Кэтлин прошла мимо Эйлле, словно не замечая его, и остановилась в центре круга. Ее поза — «прошу-внимания» — была исполнена столь безупречно, что ее можно было поставить в пример многим джао. Даже сломанная рука была развернута под нужным углом, хотя это, несомненно, причиняло ей боль.

— Вы хотите говорить?

Эйлле так и не заметил, когда Наставник, только что следивший за ним, успел переключить свое внимание на Кэтлин. Несомненно, она полностью сосредоточилась на выполнении новой позы — Эйлле чувствовал ее напряжение и поднял уши, без особого смущения выражая «нетерпение-и-любопытство».

Что она собирается делать?

— Вэйш, — произнесла Кэтлин. Она использовала именно ту форму приветствия, которую следовало. Обычно людям трудно объяснить, чем «вэйш» — «я вас вижу», отличается от «вэйст» — «вы видите меня». — Мне сказали, что мое присутствие может принести пользу.

— Кто вы? — спросил Наставник. Конечно, он имел в виду не имя, а род обязанностей, которые она выполняла.

— Я нахожусь в личном подчинении Субкоменданта Эйлле.

Снова верный ответ. Старейшины снова заволновались. Они только что получили подтверждение слов Оппака: на службе у Эйлле действительно состояли люди. Но Эйлле знал: непринужденность и точность, с которой она принимала общепринятые позы, произвели не меньшее впечатление.

— Что вы намерены сказать?

— То, что я хочу — если это позволено.

— Каждому, кто вступает в круг Наукры, позволено говорить, — немедленно ответил Наставник. — Может ли быть иначе?

Кэтлин кивнула и тут же — как тот, кто осознал свою ошибку прежде, чем на нее обратили внимание окружающие, — приняла позу «приятие-и-понимание». Переход был столь непринужденным, что оба жеста, джао и человеческий, образовали новую целостность. Эйлле был не единственным, которому открылась истина: на глазах Наукры рождался новый язык.

— Разумеется, люди не в состоянии понять все обстоятельства происходящего, — произнесла Кэтлин. — Но, как мне кажется, будет бесполезно, если мне позволят изложить нашу точку зрения. Именно наша планета стала причиной конфликта и ощутит на себе его последствия, если принятое решение окажется неудачным.

Эйлле следил за ее движениями — плавными, почти текучими. Руки чуть изменили положение — «твердость-и-убеденность»... а наклон головы добавляет «желание-принести-пользу».

Трехчастная поза?! Он оцепенел, не в состоянии даже качнуть вибрисами. Честолюбие, немыслимое для такой юной и неопытной особи — или...

В какой-то момент он осознал, что Наставник видит все. Не только Кэтлин, но и его, и старейшин — некоторые были потрясены настолько, что начали забираться на камни, чтобы как следует разглядеть это чудо. На лбу Кэтлин появились складки, которые возникают у людей при сильном напряжении. Ее движения стали более медленными и осторожными — весьма разумное решение. Но поза была почти построена. Она сжала два пальца вместе, как бы пряча лишний — Эйлле сам предложил ей это на приеме во дворце Губерна-

тора, когда они впервые встретились. Конечно, неподвижные уши ничего не могли добавить в ее позу, отсутствие вибрис тоже создавало определенные проблемы, но в остальном... Эйлле восхищенно втянул воздух. Она великолепна. Он правильно поступил, приняв ее на службу. Теперь нетерпимость Оппака очевидна для всех.

— Здесь рассматриваются два решения...

Ее тело дрожало от напряжения, но она продолжала удерживать эту невероятно сложную позу.

— Для джао между ними существует огромное различие. Но какое бы из них не было принято, это не изменит положения на Земле.

Не может быть, чтобы Наставник не был ошеломлен. Но его тело по-прежнему оставалось неподвижным, а взгляд непроницаемым.

— Должен быть еще один путь, — продолжала Кэтлин. — Третий. Который не только будет удовлетворять человеческим представлениям о чести, но и позволит людям принести больше пользы в борьбе с Экхат.

Снова несколько плавных движений, слитых в одно — и трехчастная поза стала двухчастной, «уважение-и-почтение».

— И я хочу предложить этот путь.

Глава 43

— Нет!

Оппак бросился вперед. Он видел лишь наглое существо, которое стояло перед ним, и сам не заметил, как оказался в центре круга. Он перенес достаточно оскорблений, но это было уже слишком.

— Животное! Дикая тварь!

Он ударил Кэтлин по лицу. Увы, в последний момент она запрокинула голову. Оппак почувствовал, как его пальцы скользнули по щеке человеческой особи. Жаль, что не ладонью... У него еще достаточно сил, чтобы таким ударом сломать ей шею.

Именно так он и хотел сделать. Но теперь уже все равно. Его переполняет ярость. Будь что будет.

Стокуэлл качнулась, упала и растерянно уставилась на него. Ее руки все еще сохраняли положение «уважение-и-почтение». Она представляла для него всю Землю, всех полумразных тварей, которые не желают подчиняться законной власти, но приходят в восторг от любого, кто им польстит.

Усмирить.

Кэтлин попыталась отстраниться, когда Оппак снова бросился на нее. Невозможно — силы были слишком неравны. Могучая рука джао сжала ее хрупкие запястья, вторая взлетела, чтобы нанести смертельный удар. Это следовало сделать еще раньше. Как только он заметил, что это отродье передразнивает позы своей охранницы! Он...

Чьи-то железные пальцы оторвали его от сопротивляющейся человеческой самки и швырнули прочь, словно огромный джао ничего не весил. Потом удар, от которого его голова запрокинулась на сторону, еще, еще... Боль не давала двигаться. словно сквозь туман он почувствовал, как та же рука сомкнулась на его лодыжке, притянула ее к другой... и тут же — боль сливала все ощущения в одно — оба запястья.

Оглушенный и разбитый, Оппак растянулся на песке. Он еще барахтался, пытаясь подняться, когда на его плечах точно сомкнулись клещи. И что-то, что не могло быть живым телом, рухнуло ему на спину, чуть выше крестца, где позвоночник джао особенно уязвим.

Яут начал движение в тот миг, когда Оппак замахнулся на Кэтлин. Он сделал то единственное, что может сделать фразта, когда оскорбление нанесено великому кочену, к которому он принадлежит. В такой момент он забывает все обычаи джао, кроме одного, и уподобляется хищному зверю.

Яут кринну Джитра вау Плутрак был куда опасней любого хищника. Связи Плутрака многочисленны, и он мог позволить себе выбрать, а затем и обучить, лучшего фразту. Фразту, который способен нанести смертельный удар не только мудрым словом. А воины Джитры недаром снискали себе славу.

Оппак был крупнее и сильнее Яута, но не имел ни малейших шансов на победу. Сойдись они в поединке, бывший Губернатор продержался бы чуть дольше. Но не намного.

— Ох, мать твою... — выдохнул Талли.

Он не мог даже толком обрадоваться при виде поверженного Оппака — просто потому, что был слишком... слишком потрясен. Увидеть Яута в гневе...

Йоджимбо, да и только.

Сказать, что у джао крупная кость — значит не сказать ничего. Но фрагта ломал Оппаку кости голыми руками, точно цыплячьи крылышки. Возможно, он просто знал, как нужно сделать захват и куда ударить. С точностью до доли миллиметра.

Потом Талли увидел, как Яут приподнимает губернатора за плечи, заставляя его прогнуться, и одновременно делает странное движение, словно падает на колени. Все происходило с быстротой мысли — еще не успев что-либо осознать, Талли слышал звонкий хруст ломающихся позвонков.

Так значит, со мной он просто баловался!

В следующую секунду Яут освободил одну руку, шлепнул по массивному загривку Оппака и поставил сломанное тело на колени, а потом пригнул его голову так сильно, что стали видны шейные позвонки. Полуприсевший на корточки, с горящими от ярости глазами, Яут действительно походил на хищника, который только что завалил крупного кабана. Потом, повернувшись к старейшинам Нарво, фрагта обнажил ритуальный кинжал, который обычно висел в ножнах на его перевязи, и рывкнул:

— Я требую его жизнь!

Его поза, несомненно, тоже что-то означала. Но вот что именно... Талли никогда в жизни такой не видел. Впрочем, общий смысл становился ясен из контекста. Например, «готовность-порвать-на-части». Или так: «сделать-из-этого-куска-дерева-кусок-тухлого-мяса».

Никау кринну ава Нарво и не думала возражать. Оппак настолько грубо попрали обычаи, что жизнь его ничего не стоила — даже в тот миг, когда Яут нанес ему первый удар.

Нет, в ту секунду, когда сам Оппак занес руку для удара. Да, он хотел ударить человека. Но эта особь состояла на службе у отпрыска Плутрака, а не Нарво. *Бывшего* отпрыска Плутрака, но это дела не меняло.

То, что Оппак убил одного из своих подчиненных и признался в этом, уже достаточно скверно. Это омерзительный поступок. Но такого рода ситуации у Нарво принято решать в своем кругу.

Однако никогда — никогда! — ни один отпрыск великого кочена не позволял себе наброситься на того, кто состоит на службе у отпрысков другого кочена. Изначального, второстепенного или даже тэйфа — неважно. Это прямой путь к войне между коченами, для предотвращения которой и существует Наукра, и которую Свора предотвратила бы еще быстрее. Не потребуй фрагта Плутрака жизни Оппака, это сделал бы Наставник Своры.

Правду сказать, Никау испытывала облегчение. Оппак обезумел — действительно обезумел, и это видели все. Значит, для Нарво этот безобразный прецедент обернется не столь страшными последствиями, как можно было ожидать. Несомненно, их будут укорять за то, что они выбрали Оппака, и за то, что не дали ему в скором времени другое назначение. Но... Со временем и этому можно будет найти объяснение. В конечном счете, все забудется — так чистая рана заживает, и на ее месте остается только шрам. А Оппак пусть примет на себя все оскорбления. Наконец-то это жалкое создание хоть на что-то сгодилося. И... пожалуй, здесь можно одержать небольшую победу.

— Возьмите его жизнь, — твердо объявила она, сверкнув глазами. — Нарво отвергают его.

Яут крикнул и занес кинжал.

— Не вы!

Он в недоумении поднял глаза.

— Не вы, фрагта. Поскольку оскорбление было нанесено человеку, пусть жизнь Оппака возьмет один из людей, состоящих на службе крудха Эйлле. Нарво на этом настаивают.

Яут вспыхнул, но сдержался. Ход Нарво понятен. Какая мелочность. Старая Никау пытается добиться для своего кочена хотя бы ничтожной компенсации, предоставив людям все испортить. Чтобы выполнить обряд должным образом,

надо ударить кинжалом точно между позвонков — лишь тогда удар будет смертельным. Это непросто. Человек, скорее всего, промахнется и сведет обряд к простому убийству.

Мелочно. И... глупо.

Сдержанность торжество было не проще, чем гнев. Никау кринну ава Нарво отнюдь не безумна, в отличие от Оппака, но ненависть к людям ослепляет ее. На службе у Эйлле состоит по крайней мере один человек, который великолепно справится с этой задачей.

Конечно, это не Кэтлин и не Кинси. Ни у одного из них не хватит сил. Не Кларик. Он полководец, а не воин. К тому же он слишком привязан к Кэтлин, и гнев помешает ему исполнить свой долг подобающим образом.

Выбор очевиден. Неужели Эйлле почувствовал это первым — еще в тот день, когда они прибыли на Землю? Когда обратил внимание на зеленоглазого джинау, жаждущего бросить вызов джао. Бросить вызов как равному.

— Талли!

Талли вышел в круг. В его движениях были непринужденность, гибкость и сила. Люди называют такую манеру двигаться «тигриной».

— Могу я принести пользу, фрагта? — спросил он. И, к бесконечному удивлению Яута, вполне сносно изобразил позу «желание-быть-полезным».

— Возьми жизнь этой особи, — Яут повернул кинжал, перехватил его за лезвие и протянул Талли рукояткой вперед.

— С удовольствием! — гаркнул Талли, принимая кинжал. Еще шаг — и он уже стоял над бывшим Губернатором.

— Это надо сделать хорошо, — проговорил Яут. — Ты должен прикончить его одним ударом, быстро и чисто.

И он коснулся пальцем ямки меж двумя позвонками, куда должен был войти кинжал.

Оппак слегка вздрогнул от этого прикосновения. Бывший Губернатор был достаточно силен и все еще находился в сознании. По крайней мере, Яут на это надеялся. Пусть это отродье знает, что его жизнь берет человек.

Талли оценил задачу и кивнул. Затем, к изумлению Яута, чуть изменил хват. Теперь лезвие было обращено не в ту же сторону, что большой палец, а наоборот.

Яут забеспокоился. Обычно так берут кинжал новички. Но тревога оказалась напрасной. Талли знал, что делает.

Его движение было более стремительным, чем у джао. Талли распрямился, как пружина, и точным ударом, похожим на бросок змеи, всадил кинжал в загривок Оппака по самую рукоять.

Могучее тело дернулось, и Яут дал ему упасть. Оппак был мертв еще до того, как неловко растянулся на песке.

Несколько долгих секунд фрагта разглядывал рукоятку кинжала. Затем протянул руку, тронул рукоять, осторожно пошевелил ее. Как и следовало ожидать. Только двумя руками, сделав хороший рывок спиной, ему удастся освободить клинок... да и то не сразу. Шейные мышцы Оппака свела предсмертная судорога, и лезвие застряло между позвонками. Вряд ли сам Яут смог бы всадить кинжал так глубоко.

Вытаскивая кинжал, фрагта даже не пытался скрывать усилий. Когда он выпрямился, в его глазах плясали зеленые сполохи.

Суровым взглядом Яут обвел Наукру.

Неудивительно, что все джао были потрясены — все, кроме тех, кто лично принимал участие в Завоевании. Эти стояли с откровенно довольным видом.

Молниеносный удар Талли был не просто неожиданностью, но откровением. Еще одна правда о том, что оставалось незамеченным на протяжении двадцати орбитальных циклов. Нет, многие ветераны давно обнаружили это, но лишь некоторые из них поняли, с чем столкнулись на самом деле.

Яут знал, какими кажутся люди представителям Наукры, которые впервые попали на Земле. Нелепые существа, похожие на детенышей-уродцев: недоразвитые ушки, плоские личики, широко расставленные глаза. Нет, неправильно: с этой минуты — не «кажутся», а «казались». Теперь при слове «человек» каждый из них вспомнит Талли. И, будем надеяться, сделает правильные выводы.

— Отлично, Талли, — негромко произнес фрагта. — Просто отлично. Это послужит к чести и вам, и тому, кому вы служите.

Талли осторожно улыбнулся, и это чисто человеческое выражение прекрасно соединилось с позой «радость-быть-полезным»... увы, выполненной просто безобразно.

Яут вздохнул. Похоже, ему уже не удастся довести до конца обучение Талли. Но, возможно, именно в этом заключается секрет этого своевольного существа — в том, что оно, тем не менее, способно приносить пользу. Огромную пользу. То, о чем Эйлле догадался — пусть даже просто догадался — с самого начала.

Кларик первым подошел к Кэтлин. Он заботливо поднял ей голову, ощупал синяки, которые могли скрывать более серьезные ранения. У нее могло быть сотрясение мозга, удар мог вызвать смещение позвонков... а может быть, просто помяты мышцы и расцарапана щека.

— Со мной все в порядке, Эд, — ее голос был хриплым и громким. — Велика важность... Я заставила их слушать!

— Конечно, ничего страшного, — он поднял ее на руки и стал баюкать, как ребенка. — Оппак тебя больше пальцем не тронет. Все хорошо, милая. Он мертв. Этот чертов вонючий выродок сдох. Честное слово.

Наставник — приземистый, облаченный в черную перевязь и черные штаны, приблизился и посмотрел на людей своими загадочными темными глазами. Он хранил спокойствие, словно ничего особенного не произошло.

— Вы хотите еще что-нибудь сказать?

— Да. Помогите мне встать, Эд.

Опираясь на руку Кларика, Кэтлин встала. На ее лице уже проступили синяки, в уголке рта темнела струйка крови. Она вытерла губы рукой. Оппак задел ее лишь вскользь, одними пальцами, но удар был мощным..

— Я думаю, есть третий путь... — ее голос дрогнул, и она нахмурилась, стараясь говорить громче. — Я почти уверена, он поможет образовать новый союз и послужит чести всем, кто в него вступит. И людям, и джао. И при этом ни один из коченов не будет оскорблен.

Никто из собравшихся не издал ни звука. Кэтлин выпрямилась в полный рост, отчаянно борясь с головокружением. Пожалуй, в таком состоянии придется обойтись без развернутых предисловий и сложных построений. Впрочем... это в любом случае было бы нелегко. Так что сразу переходим к главной части.

Она закрыла глаза, покачнулась, затем опять заставила себя посмотреть на мир.

— Я прошу вас не даровать удох на этот мир ни Нарво, ни Плутраку.

Сначала — Нарво. Кэтлин повернулась к старейшинам и весьма чисто исполнила «признание-и-почтение».

— Почему не Нарво? Конечно, не их вина в том, что имя их кочена люди связывают — пока что связывают — с правлением этого безумца Оппака. Все, что ждет нового Губернатора Нарво на Земле — это бесконечные мятежи, которые ему придется подавлять. От этого никому не будет пользы.

Несколько секунд Никау кринну ава Нарво пристально смотрела на нее. И вдруг, не вполне сумев скрыть свое изумление, ответила той же позой.

Кэтлин почувствовала, что в голове начинает проясняться. До сих пор слова словно произносились сами, но она сказала именно то, что нужно.

И пусть Эд хмурится и бросает на нее сердитые взгляды. Еще бы, она позволила этим ублюдкам Нарво сорваться с крючка! Да, именно это и сделала. Потому что именно это и нужно было сделать.

Заслуживают Нарво, чтобы их подвесили на крючке? Ответ очевиден. Борьба с Экхат продолжается, и бой идет не на жизнь, а на смерть. И Нарво по-прежнему слишком могущественны, слишком необходимы — и джао, и людям, — в этой борьбе, чтобы открыто унижать их. Да, убедить Наукру принять предложение, которое она собирается выдвинуть, будет нелегко. А если Нарво прямо скажут «нет», это будет просто невозможно. Но ее слова были почти немедленно поддержаны главой Нарво. Какая ирония: в силу обстоятельств именно Нарво становятся для людей... Нет, конечно, не союзниками. Но как бы то ни было, теперь Нарво станут последними, кто осудит Эйлле за то, что он взял к себе на службу людей.

Кэтлин подавила нервный смешок. Один из этих людей только что спас их драгоценную честь от полного краха.

От этой мысли стало легко. Кэтлин снова повернулась, на этот раз к Дзу кринну ава Плутраку и приняла ту же позу — «признание-и-почтение».

— Далее, я думаю, что Плутраку также не следует даровать уdx. Безусловно, такое решение одобрит большинство людей. Субкомендант Эйлле пробыл на Земле очень недолго. Но за это время сделал для восстановления доброго имени джао не меньше, чем сделал Губернатор Оппак за двадцать планетных циклов, чтобы опозорить ваших соплеменников.

Наукра зашевелилась. Кэтлин восприняла это спокойно: джао не привыкли считаться с мнением завоеванных рас. Завоевателей редко беспокоит любовь тех, кого они покорили.

Она подавила новый приступ головокружения. Достаточно взглянуть на Оппака и человека, который взял его жизнь, чтобы стало ясно: сейчас даже самые упрямые джао поняли, что с людьми надо обращаться осторожно.

Примерно как с открытым огнем.

Даже если оставить в стороне Талли, все узнают, что ветераны-Нарво открыто пренебрегли мнением старейшин своего кочена. Вероятно, кто-то уже слышал об этом — если они вообще потрудились кого-то выслушать с тех пор, как явились сюда.

— Тогда в чем затруднение? — спросил Наставник. — Все говорит о том, что Плутрак — очевидный выбор.

— Слишком очевидный. И затруднение как раз в этом и состоит. Именно в том, что его поддержат люди. И слишком многие кочены джао заподозрят, что Земной кризис спровоцирован Плутраком. Что Плутрак сделал это, чтобы устранить Нарво и занять его место.

В точку! Кэтлин поняла это по новому оживлению в толпе джао. Правда была именно такова, или почти такова.

Кэтлин не озвучила еще одну свою догадку. Она тоже подозревала провокацию Плутрака. А Эйлле выступал просто в роли... орудия. Да, орудия, несмотря на свой ум и активность. Орудия, которое не догадывается, какой цели на самом деле служит. Воистину, Плутрак действует тонко. Об этом Кэтлин тоже подозревала довольно давно. И их конечная цель — даже не обретение уdx. Они намерены добиться чего-то большего. Возможно, каких-то уступок от Нарво. ставит целью волей-неволей добиться от Нарво каких-то других уступок. Но проследить все окольные пути, которыми они действовали, было непросто.

Впрочем, для участников Наукры это особой роли не играло.

Для Кэтлин, по большому счету, тоже. Важно было одно: Плутрак тоже может стать на пути к истинному союзу, и этого нельзя допустить.

К счастью, старейшина, который выступал от имени Плутрака, обладал всей проницательностью, присущей отпрыскам его кочена. Не выказав, в отличие от Никау кринну ава Нарво, даже легкого сомнения, он принял позу «почтение-и-признание».

— Эта особь сказала правду.

Поза Дэу кринну ава Плутрака чуть изменилась. Кэтлин заметила в ней новый элемент, совершенно незнакомый... и сдержала улыбку, когда определила для себя его значение: «вам-палец-в-рот-не-клади».

— ...Точнее — она описала то, что считается правдой, хотя на самом деле не соответствует истине. Но подозрение — это тоже своего рода реальность. С тем-что-может-быть мы должны обращаться столь же осторожно, как и с тем-что-есть. Поэтому я согласен: даровать удх над Землей Плутраку означает создать или усилить напряжение, что не принесет пользы.

Судя по позам джао, обстановка разрядилась. Все произошло быстро, неожиданно — но что-то изменилось, и явно в лучшую сторону. Самой большой опасностью было бы прямое столкновение между Нарво и Плутраком, и именно этой опасности удалось избежать. Кэтлин представила себе, как они потирают руки, точно торговцы лошадьми в предвкушении крупной сделки.

Как раз этого и нельзя допустить. Придется сыграть на опережение... Держись, девочка. Начинается самое трудное.

Нет, все-таки самое трудное уже было. Но...

Точно по неслышной команде, Наставник заговорил снова. По его позе по-прежнему было невозможно что-либо понять.

— Итак, вы хотите предложить другой кочен? Возможно, Джак, Хидж или Дэно?

— Нет, не другой кочен. Думаю, Наукре следует даровать Земле статус тэйфа. Точнее, здесь должно быть два тэйфа. Тэйф людей и тэйф джао. Равных в своих правах и подчиненных непосредственно Своре Эбезона.

А теперь, напоследок, самое трудное. Простите, сэр, но порой для движения вперед требуется подталкивать в спину.

Она заставила себя обернуться, посмотреть на Эйлле... и не отводить взгляда.

— И думаю, не следует снимать с Эйлле статус крудха. Его связь с Плутраком должна быть прервана навсегда. Это будет не наказанием, но освобождением. Он может быть принят новым тэйфом джао, если желание будет обоюдным. Одно это придаст новым тэйфам вес, в котором они нуждаются, равно среди джао и людей. И не уронит ничью честь.

Глава 44

Врот тут же шагнул вперед.

— Превосходное предложение. Хемм его поддерживает. Равно как и Уатнак, я в этом уверен... — он осторожно погладил пальцем метку бауты у себя на щеке. — На самом деле, я откажусь от статуса бауты и попрошу о приеме в новый тэйф.

Он смолк и благосклонно поглядел на Эйлле.

— Этот малыш немного порывист и все еще нуждается в мудрых советах старших. Конечно, сперва ему придется отпустить меня со службы. Иначе ничего не выйдет. Вдруг кто-нибудь решит, что я подбираю ему партнеров не за их ценные качества, а... — он синхронно шевельнул вибрисами и кончиками ушей, изобразив забавно преувеличенное «подозрение-в-неподобающем-поведении», — а за смазливую внешность, которая так много значит для неопытных юнцов.

Большинство участников Наукры были старейшинами и куда лучше, чем Эйлле, представляли себе скрытые от всех заботы кочен-родителей. Шутку ветерана оценили.

Эйлле был слишком потрясен. Он чувствовал, что теряется в мыслях, а слова Врота окончательно сбили его с толку. Теперь он навсегда оторван от родного кочена... Одно это с трудом укладывалось в голове. Да, он ожидал, что такое может произойти. Но взять на себя заботу о нуждах вновь образовавшегося тэйфа?! Любого тэйфа — а тем более такого?!

Он? В его возрасте? И уже кочен-родитель?

Абсурд.

Он отбросил все личное и представил себе новую задачу в целом.

Это...

Увлекательно. В этом можно не сомневаться. Уже сейчас он видел множество трудностей — и еще больше возможностей.

Однако Никау кринну ава Нарво его настроений не разделяла, о чем немедленно дала понять. Ее поза больше всего напоминала «негодование-и-недоверие».

— Какая нелепая мысль! — старейшина Нарво сверкнула глазами, но тут же сдержала порыв и чуть смягчила позу, превратив ее в «сомнение-и-раздумье».

— Новый тэйф джао? Возможно...

Она быстро взглянула на Эйлле, затем ее долгий пристальный взгляд задержался на лице Дзу кринну ава Плутрака.

— Нарво не стали бы против такого возражать, — голос Никау стал резким, — это действительно позволит избежать ненужного унижения как Плутрака, так и Нарво. Но мы будем возражать, и возражать твердо, против того, чтобы с отпрыска Плутрака был снят статус крудха. Не одни Нарво должны расплачиваться за этот кризис.

Было слишком заметно, как она опустила глаза, не позволив себе указать взглядом на труп Оппака, а в позе мелькнула скорбь.

— Мы потеряли того, кто некогда был *намт камити* — кем бы он ни стал. Пусть Плутрак уравнивает нашу потерю своей.

Эйлле уже увидел все преимущества такой ситуации. Очевидно, их поняли и Дзу, и Яут — по крайней мере, поза фрагты говорила именно об этом. Возвратить Эйлле Плутрака сейчас означает возложить всю ответственность за кризис на Нарво или, по крайней мере, на Оппака. Отвергнутый, утративший жизнь, Оппак все еще сохранял связь со своим коченом и влиял на его решения. Если Эйлле останется крудхом, Нарво будут довольны: он будет наказан за неповиновение. Именно по этой причине ни один джао, объявивший себя крудхом, не был освобожден от этого статуса решением Наукры. Это оказалось бы слишком тяжким оскорблением кочену, с отпрысками которого произошел конфликт.

С другой стороны, если новый тэйф, чье положение весьма невысоко, примет его... Кому какое дело? Ни один уважающий себя великий кочен даже не обратит внимания на подобные мелочи — во всяком случае, об этом никто не узнает.

В конце концов, тэйфам свойственна импульсивность. Но глупые выходки тэйфа никого не опозорят — даже кочен, который принял этот тэйф под свою опеку. Такова суть тэйфа. Это кочен в становлении, и ему необходимо время, чтобы учиться на собственных ошибках. Никто не станет мерить одной мерой поступки детенышей и взрослых отпрысков.

— Но человеческий тэйф — это просто нелепо, — настойчиво продолжала Никау. — Тэйф, кочен... Есть то, что присуще только джао. И для людей это столь же неприемлемо, как... как...

Она невольно поглядела на труп Оппака. И этот взгляд не укрылся от Врота.

— Разве не вы сами потребовали, чтобы человек взял жизнь Оппака? — невинно спросил баута. — И разве была затем хоть одна причина пожаловаться на то, как он это сделал?

— Он сделал грубо и жестоко!

Врот пожал плечами.

— Я сделал человеческое движение. Оно тоже грубое и жестокое? Кстати, этим движением плеч люди выражают принятие действительности.

Не только. И Эйлле, и Врот прекрасно знали, что пожимание плечами может отражать все, что угодно. Человеческий язык тела действительно груб и примитивен, в нем нет никакого намека на систему, и в этом люди похожи на необученных детенышей. Но сейчас не стоит заострять на этом внимание.

— Так в чем же дело? Удар был нанесен грубо и жестоко, именно поэтому он оказался столь точным. Или я не прав? Мощным, стремительным, как удар джао — кстати, джао не могут бить с такой быстротой — и таким же точным... — Врот кивком указал на Талли. — Учитесь думать! Это всех касается. Если мы все вообще не хотим покинуть Землю — сейчас нам этого даже люди не предлагают, — нам надо учиться... гм...

Он смолк, словно потерял мысль.

— Ха! В общем-то, позы у них действительно нелепые. Я не имею в виду Кэтлин Стокуэлл. Но их изречения содержат глубокую мудрость. Вот, например, одно — оно касается образования брачных пар. Люди говорят об особях противоположного пола: «С ними невозможно, а без них нельзя».

Оценить столь замысловатое логическое построение оказалось непросто. Любуясь произведенным эффектом, Врот смог бы вспомнить с десятков человеческих выражений вроде «глаза-на-лоб-полезли» и «голова-кругом». И это было еще не все.

— О да... — он снова фыркнул. — Увлекательное занятие, верно? Постигать смысл чего-то, над чем прежде не задумывался. Но всегда есть нечто...

Его небрежная поза, которую джао обычно принимают, когда что-то их забавляет, чуть изменилась и приняла вид «благосклонности-и-приятия». Пожалуй, человек исполнил бы эту позу более утонченно, но что взять с отпрыска Уатнака... Возможно, это было даже кстати.

— Учитесь с этим жить, — продолжал баута. — Предложение Кэтлин Стокуэлл и впрямь необычно. Можете даже считать его грубым, если угодно. Но оно принесет много пользы. Больше, чем любое другое, поверьте.

Он шевельнул вибрисами и указал на Кларика.

— Этот человек командует джинау. Может быть, вам недостаточно моих слов. Спросите любого из наших воинов, которые достаточно служили на Земле: если этот человек взбунтуется, вам это очень не понравится. И вы видели, на что способен человек по имени Талли. Так вот, этот тоже на такое способен. Только выглядеть это будет куда страшнее... — баута сделал несколько шагов назад. — Думаю, я сказал достаточно. Знаете, что такое «лошадь»? Это местное животное. Оно приносит большую пользу, но бывает очень своенравным. Так вот, люди говорят: «Можно отвести лошадь к воде, но нельзя заставить ее пить». По-моему, к Наукре это тоже относится.

Заявление граничило с прямым оскорблением. Однако даже Нарво — и в первую очередь Нарво — предпочли чуть сместить эту границу. Что взять с отпрысков Уатнака...

Никау кринну вау Нарво вновь вышла вперед.

— Нарво устраняется от дальнейшего обсуждения, — она говорила решительно и жестко. — Мы высказали причины своего несогласия, но не станем возражать, если Свора рассматривает эту проблему иначе.

— Да, — подхватил представитель Хидж, выходя в круг, — это меня больше всего беспокоит. Никогда прежде Свора не вступала в родство ни с одним коченом. Разумно ли что-то

менять? — он чуть смущенно покосился в сторону Гончих. — Опасность очевидна.

— Конечно, — живо откликнулся Наставник. — Но я изучал историю людей. Полагаю, мы недооценили утонченность предложения этой человеческой особи... — он повернулся к Кэтлин. — Поправьте меня, если я ошибаюсь. По сути, вы предлагаете придать новым тэйфам под началом Своры статус *протектората*, — последнее слово Гончий Пес произнес по-английски. — Как противоположность статусу, который вы называете *колонией*?

Кэтлин настолько растерялась, что ответила вполне человеческим кивком. Этот джао, до сих пор ни разу не побывавший на Земле, разбирался в человеческой истории не хуже, чем Эйлле.

Вероятно, ее ответ удовлетворил Наставника, потому что он снова обратился к Наукре.

— Разница, согласно обычаям людей, ясна. Положение Своры в этом союзе будет временным, а не постоянным. Как только Наукра дарует тэйфу статус кочена, статус Своры отменяется. Также не будет постоянных родственных связей, поскольку они могут привести к чрезмерному усилению Своры и появлению у нее особых интересов, несовместимых с ее функцией.

Поза отпрыска Хидж рассыпалась. Он не мог выразить ничего, кроме растерянности.

— Как союз может быть временным? Конечно, в отношении человеческого тэйфа такое допустимо, поскольку родственных связи не предполагается. Но тэйф джао...

Краем глаза Эйлле заметил, как Яут пытается удержаться и не принять позу... ту же самую, которую очень не хотел принимать сам Эйлле. «Удивление-откровенной-тупостью». Самая неучтивая поза, которая совершенно недопустима в присутствии собрания, а тем более собрания Наукры.

Несомненно, отпрыск Хиджа понял слова Наставника. Все было слишком очевидно и поэтому принималось с таким трудом. Но Гончий пес, сохраняя свою «пустую позу», предпочел пояснить эту мысль.

— Свора — не кочен. У нас нет и не может быть потомства. Таким образом, обычные узы родства, которые возникают между тэйфом и его коченом, здесь также невозможны.

Он сделал шаг вперед и произнес с такой решительностью, что напор Никау кринну ава Нарво показался бы жалким.

— Право решения за Сворой и только за ней. Конечно, мы посовещаемся с представителями коченов... — его взгляд скользнул с Дзу на Никау и обратно. — И прежде всего я настаиваю на том, чтобы в обсуждении участвовали Плутрак и Нарво.

Никау оцепенела, но взгляд Наставника, устремленный на нее, был уже не бесстрастен, но суров.

— Как я понимаю, Нарво отказались принимать участие в этой дискуссии. Но это не единственный вопрос, которые предстоит обсудить.

— Например? — почти сердито спросила Никау.

— Начнем с того, что планета понесла огромный ущерб. А затем этой проблемой просто пренебрегли... — он тактично не стал называть имена. — Если Свора должна принять на себя это бремя, она вправе ожидать, чтобы великие кочены помогали ей в восстановлении планеты. Наши собственные силы и средства уходят прежде всего на борьбу против Экхат.

Безусловно, это касалось и Нарво, и Плутрака, и любого другого кочена. Но Никау выразила согласие лишь после короткого колебания. Ее поза была лишь обозначена, но это было согласие.

Понятно, что такая перспектива ей не нравилась и не могла нравиться, но иного выхода не было. Нарво удалось избежать страшного унижения. Однако они должны ответить за то, что не контролировали деятельность Оппака. Впрочем... честь кочена от этого не пострадает, а что касается прочих последствий, то могущество и численность Нарво достаточно велики, чтобы уплатить необходимую компенсацию. Дзу кринну ава Плутрак уже принял позу «согласие-и-воодушевление». Мельком взглянув на него, Наставник обратился к остальным джао.

— Итак, решено. Если нет прямых возражений, предлагаю закрыть совет Наукры.

Он вежливо подождал. Всякое возможно, но никто, разумеется, не собирался возражать. Свора ясно обозначила свою позицию, Плутрак и Нарво выразили свое согласие. К тому же, подумал Эйлле, большинство из них просто-напросто почувствовали облегчение. Возможно, кто-то считал предложение нелепостью, но это их больше не касалось. В конце кон-

цов, пусть Свора занимается этими полуразумными существами. Главный вопрос, который по-настоящему всех волновал, вопрос, ради которого каждый кочен джао и почти все тэйфы направили своих представителей в Наукру, решен.

Войны между Нарво и Плутраком не будет. Более того: кажется, впервые можно говорить о возможности возникновения союза. Остается еще проблема людей — но отныне это проблема Своры. Земной Кризис благополучно разрешился.

Течение завершено.

Это ощущение завершенности переполняло. словно по команде, все джао, собравшиеся на совет Наукры, разбрелись по посадочной площадке. Каждый направлялся к своему кораблю.

— А вот это меня до сих пор пугает, — пробормотал Талли. — Как они все-таки это делают?

Эйлле обернулся. Талли продемонстрировал свой обычный дикий оскал.

— Только не подумайте, что я хочу, чтобы люди такому научились. Я уже посмотрелся на Роба Уайли, у которого главная головная боль — закрыть очередной слет участников Сопротивления, черт бы их подрал. Или начать его вовремя.

Кларик склонился над Кэтлин и бережно убрал с ее бескровной щеки непослушную золотистую прядку. Кэтлин недавно получила необходимую помощь и лежала на койке в их палатке. Он отчаянно хотел поцеловать невесту, но боялся. Бедная, у нее все лицо в синяках...

— Боже, как все болит... — Кэтлин фыркнула. — Может быть, джао хоть когда-нибудь прекратят меня лупить? И тогда мы... ну, ты понимаешь, Эд... Отправимся в постель, черт побери!

Кларик улыбнулся. Он думал о том же самом. Когда Кэтлин впервые сделала ему предложение... ладно, намекнула, чтобы он сделал ей предложение... он немедленно согласился. Просто потому, что его давно к ней тянуло. Но как только главный вопрос был решен, на повестке дня встала масса других, более житейских, и от этого в голове творилось черт знает что. Впрочем, не только в голове, но и существенно ниже.

Кэтлин была лучше всех на свете, даже с рукой в гипсе и разбитым лицом.

Последнее обстоятельство было... скажем так, досадным. И эту досаду он очень остро ощущал в данный момент.

Но какой смысл заикливаться на проблемах? Очень скоро они разрешатся сами собой — как только Кэтлин поправится. Скорее всего, она... неопытна, поэтому самая ответственная часть мероприятия вызывала у Кларики определенное беспокойство. Но она ясно дала понять, что далеко не против... Вернее, даже «за»...

— У нас еще все впереди, — пробормотал он, целуя ее в лоб. — Ладно. Все протчалося, пылъ осела... Объясни мне одну вещь, любовь моя: что за бомбу ты на них сбросила? Ну, хотя бы... что такое этот чертов тэйф, или как это называется? И если можно, поподробнее. В общих чертах я понимаю: это нечто вроде кочена младшего школьного возраста.

— Это кочен, который проходит испытания, — раздался прямо у него над головой голос профессора Кинси. — Или, точнее — кочен, который учится быть коченом.

Кларик даже не заметил, как он вошел. Заметив его реакцию, профессор виновато развел руками.

— Я не хотел нарушать ваше уединение...

Кэтлин попыталась улыбнуться.

— Уединение? В палатке, где полно солдат? Я вас умоляю, доктор Кинси. Я не ханжа, но все-таки...

Кинси смущенно фыркнул. Кларик засмеялся. Кэтлин кивком указала на один из раскладных стульев.

— Садитесь, профессор, — она заговорила чуть громче. — Как я понимаю, здесь у вас будет много благодарных слушателей.

Последние не замедлили подтянуться. Устроившись на стуле, Кинси прокашлялся.

— Происхождение института тэйфа уходит вглубь истории джао. Если разобраться, его возникновение было продиктовано необходимостью. До сих пор Экхат держат у себя изолированные группы рабов-джао. Однако когда джао впервые удалось поднять восстание и освободиться, их было намного больше. И первая проблема, с которой они столкнулись, заключалась в следующем: что делать с рабами, которых только что вырвали из плена. Насколько мне известно, в некоторых случаях, когда группы рабов были невелики, они

просто вступали в кочен, который их освободил. Но тут встает вопрос о брачной группе — это врожденная потребность джао. И среди рабов они тоже возникали. Лично я подозреваю, что Эххат специально вывели их с этой особенностью, чтобы контролировать их численность.

Он уже успел принять свою любимую позу и, ввиду отсутствия стола, держал руки на коленях, но время от времени делал судорожные взмахи, точно собирался взлететь.

— Проблема очевидна. Когда разбивается брачная группа, для джао это по-настоящему страшное потрясение. Несравненно хуже, чем для нас развод. Для решения этой проблемы и были созданы тэйфы... — он помедлил и озабоченно обвел взглядом аудиторию. — Разумеется, вы понимаете, что я упрощаю. Вне сомнений, институт тэйфа не создавался сознательно — как создают, скажем, машину. Скорее он возник в ходе эволюции...

— Ближе к делу, профессор, — буркнул Талли. — Нам особая точность не нужна. И в выражениях можете не стесняться. Я парень простой...

Кинси ошарашенно посмотрел на него, но быстро пришел в себя.

— Ну, раз мы об этом договорились...

Талли сердито сверкнул глазами, и профессор сделал суетливое движение, словно перелистывал невидимые конспекты.

— Суть в том, что предложение Кэтлин весьма точно учитывает сложившиеся обычаи джао, определяя наше место. Единственное, что здесь необычно... ну, не считая того, что тэйф образуют не джао, а иной вид, чего раньше, насколько я помню, не случалось... Так вот: что здесь по-настоящему необычно — это предложение, которое она сделала Своре. Фактически Гончие Эбезона принимают на себя обязанности надзирающего кочена. А еще точнее — обучающего кочена.

Талли закатил глаза.

— Я просто счастлив. Урем-фа в масштабе планеты.

Но, похоже, он был не так уж и расстроен.

— Это лучшее из всех возможных решений! — воскликнул Кинси. — Разумеется, если сами Гончие согласятся. Я имею в виду — лучшее для человечества. Грубо говоря — очень грубо — мы получаем статус, подобный протекторату

или подмандатной территории прежней ООН. Поскольку речь о Своре, а не об Организации Объединенных Наций, я сомневаюсь, что наши добрые покровители сохранят за нами статус протектората только «de jure», а «de facto» превратят нас в колонию. В общем, проживем — увидим. Но если даже такая проблема возникнет, она возникнет очень нескоро. И поверьте, под властью Нарво мы бы и не такого натерпелись. И это касается, наверно, любого кочена. Само собой, Свора будет внимательно следить за всем, что касается вопросов обороны и внешних сношений. Но в наши внутренние дела она вникать не станет. Что касается обороны и внешних сношений... боюсь, что тут все сводится к войне с Экхат. А посему наше положение не хуже, чем до Завоевания, когда мы даже не слышали ни о чем подобном. Разве что... Хм-м-м... Нам есть за что поблагодарить джао. Они избавили нас от этой бесконечной грызни между государствами, и лично я по этому поводу очень счастлив... — он расцепил пальцы и патетично взмахнул руками. — Кстати, раз уж речь зашла о моем мнении, то лучшее предложение Кэтлин — о двойном тэйфе, потому что это...

На конце фразы голос профессора затих, и он с совершенно невообразимым выражением лица уставился на вход в палатку. Кларик поспешно обернулся.

В палатку вошел Эйлле, впереди шагали Яут и Врот. Кларик мельком покосился на Кэтлин. Ее лицо было бледнее прежнего.

— Сейчас меня превратят в отбивную, — пробормотала она. — Прости, Эд, но тебе придется подождать еще немного. Если за дело возьмется Яут — примерно годик.

Но поза Эйлле выражала все, что угодно, только не гнев.

Именно все, что угодно: казалось, он не может задержать-ся в одном положении ни на миг. Одна поза перетекала в другую, снова, снова... Именно такое происходит, когда джао, выражаясь человеческим языком, «не знают, что думать».

— Потрясающая идея, — произнес он. — Почему вы мне этого прежде не предложили?

— Я...

Кэтлин заморгала.

— Я сама подумала об этом только тогда, когда мы вступили в круг... — она слабо улыбнулась. — Два варианта решения были очевидны: Свора остановит выбор либо на Нарво, либо на Плутраке. Но и то, и другое было бы нежелательно. И тогда я вспомнила, как говорил папа: всегда есть третий путь. Надо только хорошо поискать.

Талли хмыкнул и загадочно улыбнулся.

— А Свора согласится? — спросил Кларик.

— Уже согласилась, — объявил Врот. — Как только Наукра благополучно вернулась на корабли. Кроме Нарво и Плутрака, которых Наставник попросил остаться. Думаю, Нарво крайне раздосадованы... — его уши радостно выгнулись. — А Дэу кринну ава Плутрак и того пуще. Ха! Восхитительно. Увидеть утонченного старейшину Плутрака в тот миг, когда он понимает, что его кто-то обошел... Конечно, — добавил он мягче, — немудрено проиграть Стратегам Своры.

Поза Эйлле вновь стала неопределенной, потом его тело выразило странное сочетание огорчения и радости.

— Мне давно казалось, что так и должно произойти, — признался Эйлле. — Все с самого начала было... было...

— Люди говорят «подстроено», — подсказал Врот — но, похоже, не совсем в точку. — Или еще лучше: «срежиссировано»...

— Я вспомнил еще одно изречение, — прорычал Яут. — Это изречение джао: «нет хуже напасти, чем старый баута».

Кэтлин нахмурилась.

— Но, конечно, Свора не... Я имею в виду... они никогда со мной ни о чем не говорили.

Яут пожал плечами. Это человеческое движение получилось у него само собой, легко и естественно, как у человека.

— Стратеги не мыслят по-человечески, Кэтлин. Вы, наверно, думаете, что стратегия — это что-то наподобие игры, на которую люди очень любят тратить свое время. Кажется, она называется «шахматы». Я видел, как в нее играют: один ход ведет к другому, и к этому все сводится. Но Свора — вернее, Стратеги, — джао, и мыслят, как джао, в понятиях течения. Создать ситуацию, и пусть она развивается.

Он прервал свои размышления, чтобы наградить Врота очень недружелюбным взглядом.

— Вот так. Прав он или нет, я не знаю. Могу сказать только одно: с этим старым ларретом вам будет очень нелегко. Он слишком самодоволен.

Врот действительно выглядел самодовольным.

— У меня есть на то причины. Пока что я самый старый из старейшин нашего нового тэйфа! Правда, если ава Биннат все-таки согласится... Ха! Отпрыски Бинната всегда отличались нерешительностью. Но зато как она сообразительна... Думаю, лучшего коченау нам не найти.

— Вы уже избрали старейшин?!

Этот вопрос у Кэтлин вырвался сам.

Яут и Врот уставились на нее, словно на умалишенную.

— Конечно, — фыркнул Яут. — Неужели это так трудно? И кому еще быть старейшинами, кроме меня, Врота и Хэми? И той ава Биннат, если она согласится... — он покосился на своего подопечного. — Остальные слишком молоды, порывисты и еще не возмужали. Особенно этот. Хотя, признаю, наследственные признаки великолепны.

Кэтлин попыталась понять, к чему он ведет, и покачала головой.

— Я имела в виду другое. Много ли джао согласились оставить свои кочены и вступить в новый тэйф? Я подумала... что это заняло бы много времени. Прежде чем джао что-то решат. С тех пор, как разошлась Наукра, прошло от силы пара часов.

Ответ был очевиден еще до того, как его озвучили.

Все, кто состояли на службе у Эйлле. И...

— Сколько? — прошептала она, понимая, что уже стала частью новой легенды.

— Сотни, девочка, — тихо сказал Яут. — Только здесь, в Паскагуле. И будут тысячи, десятки тысяч, когда новость распространится по планете. Имя Эйлле притянет их, как магнит. Среди джао он пользуется почти такой же любовью, как и среди людей. А почему бы нет? Разве он не положил конец этой бесконечной борьбе с людьми?

На миг он неловко замялся.

— Кроме того... Многим ветеранам Завоевания нравится на Земле — тем более сейчас, когда конфликт прекратился. Эта планета их... воодушевляет, не знаю, как сказать лучше. И, честно говоря... тем, у кого низкий статус в кочене низкого статуса, тоже

приходится нелегко. А в новом тэйфе перед ними открывается больше возможностей, в том числе и для образования связей.

Врот поморщился.

— И это говорит фрагта Плутрака! Я бы тоже мог всякого нарасказывать... Но зачем?!

Он изменил позу и стал похож на праведника, выступающего с пламенной проповедью.

— Я не буду первым, кто вытаскивает на свет старые горести! Только не Врот! Некогда Врот кринну Хемм вау Уатнак, а теперь Врот кринну Эйлле вау Терра... — он снова исполнился самодовольства. — Мы уже выбрали имя. Мы с Хэми и Яутом. И даже посоветовались с этой нерешительной ава Биннат. Как новые старейшины, мы в своем праве. Все решилось очень быстро: джао не тратят время на пустые разговоры, тем более о том, что очевидно. Никакого другого имени и быть не могло. Мы с Наставником решили, что Свора — не Изначальный кочен и не должна таким образом поминаться...

Кринну Эйлле.

Живая легенда. Кэтлин знала, что названия кланов джао происходят от имен самых прославленных из их основателей. Мужских или женских особей — неважно. Но не старейшины, а одного из первых кочен-родителей.

И внезапно она поняла, почему Эйлле, чьи позы всегда столь выверены, отличаются такой утонченностью, словно потерял контроль над своим телом. И засмеялась.

Он вызывал у нее восхищение. Он обладал множеством замечательных качеств. Но у них с Кэтлин было нечто общее.

Он тоже был девственником. И, в отличие от нее, ничего не знал об интимных отношениях. Вообще ничего.

В довершение всего, старейшины нового тэйфа не собираются тратить время впустую. Ничего, женишок, что ты такой наивный. Это не беда, а невесту подберем в канун свадьбы!

Врот подтвердил ее догадку. Он был весьма доволен собой.

— Мы завтра же начнем отливать новый дом кочена. На берегу Орегона. Конечно, с большим брачным бассейном. Это будет крепкий тэйф, ха! Мы добьемся статуса кочена в кратчайший срок!

Они с Яутом строго и решительно посмотрели на Эйлле.

— И этот принесет немалую пользу, — добавил фрагта.

Эпилог

Влюбленные

— С тобой все в порядке? — спросил Кларик, склоняясь над Кэтлин и глядя ее волосы.

Она рассмеялась.

— Ты шутишь? Господи, Эд, конечно, все в порядке! С женщинами это происходит миллионы лет, если ты не в курсе. Потеря девственности — самый древний, освященный веками обычай... К тому же с тех пор, как Оппак меня отделал, прошло уже две недели. Синяки сошли, и новых, как ты видишь, не появилось. Так что Казанова по сравнению с тобой — просто грубый мужлан.

Он улыбнулся и посмотрел на ее руку. Гипс на предплечье было единственным, что нарушало ее наготу. От прикосновения к ее телу захватывало дух — даже теперь, когда они ненадолго утолили страсть.

— Я просто немного беспокоился...

Кэтлин прижалась к нему и коснулась губами его шеи.

— Если будешь продолжать в том же духе, придется отправлять тебя в пансионат. Клянусь, если выяснится, что я вышла замуж за суетливого зануду...

Кларик прервал ее слова, сжав ее губы своими. Поцелуй был долгим и очень неторопливым.

Когда поцелуй все-таки закончился, улыбка Кларика была спокойной и уверенной. Ее любимая улыбка, подумала Кэтлин.

— Ладно, забудь. Как там у нас продвигается?

Кэтлин нахмурилась.

— Ну... Приготовления к нашей свадьбе идут полным ходом... — она фыркнула. — И только не говори, что с твоей стороны уже все готово. Что генералы в парадной форме уже

стоят по стойке «смирно» и только ждут, пока ты найдешь кольцо, смокинг и шафера. Кстати, Райф согласился?

Кларик кивнул, и Кэтлин помрачнела еще больше.

— Значит, проблемы только у меня. И самая большая — Тэмт. Думаю, я попрошу весь их чертов тэйф держать ее за руки и за ноги, иначе платье свидетельницы на нее не наденешь. Я не допущу, чтобы она пришла на свадьбу в своей чертовой сбруе с ножами!

— Удаchi, — хмыкнул Кларик. — Когда они откажутся, не говори, что я не предупреждал.

— Этого-то я и боюсь, — печально отозвалась Кэтлин. Впрочем, она печалилась недолго. Ладони Кларика снова заскользили по ее бедрам.

— Ах ты, жалкий старый распутник, — блаженно пробормотала Кэтлин.

Мятежники

Входя в помещение, примыкающее к командному центру Эйлле в Паскагуле, Уиллард Белк чувствовал себя неловко.

Оформленное в человеческом стиле, оно служило комнатой для отдыха помощникам и подчиненным Эйлле. Талли, Роб Уайли и Райф Агилера сидели вокруг кофейного столика, заваленного газетами. Большинство газетных листов, красочных и явно набранных наспех, уже были украшены кофейными кругами. Заметив посетителя, Талли покосился на него, приподняв одну бровь, и Белк совсем смешался.

— Я пришел извиниться, Талли. За то, что помог надеть на тебя локатор.

— Забудь, Уилли. Что было, то прошло. Кстати, меня зовут Гейб.

Белк кивнул и бросил взгляд на столик.

— А, вы уже видели... Как вы думаете... то есть...

Агилера прыснул.

— Как на это отреагируют «пушистики»? — он лукаво покосился на Уайли и Талли. — Поверь, Уилли, головы они нам отрывать не станут. Даже эти фанатики Проигранного Дела. Ты в курсе, что джао раскупают эту макулатуру активнее, чем

люди? А потом находят кого-нибудь, кто читает по-английски, слушают его и сплетничают.

Уайли ткнул в заголовок коротким толстым пальцем.

— «Сплетник с Земли»... Между прочим, у Яута случился припадок, когда он это увидел. Но мне почему-то кажется, что ребята и вправду что-то унюхали. И его это очень задело.

— Все равно пока это одни разговоры, — Талли усмехнулся. — Никто ничего не узнает — не считая старейшин тэйфа, — пока Эйлле сам не выберется из дома Кочена.

Бывшие повстанцы и бывшие коллаборационисты, ныне союзники, снова склонились над столиком и разглядывали заголовки.

— Надеюсь, они правы, — проговорил Агилера. — Она очаровательная дама.

**ТАЙНА НЕВЕСТЫ ЭЙЛЛЕ РАСКРЫТА!
ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ «СПЛЕТНИКА»!
ФОТО И РАССКАЗ ВНУТРИ!**

Брачующиеся

Эйлле приблизился ко входу в брачный бассейн, стараясь хранить твердость в осанке. Однако незнакомое доселе волнение не отпускало. До последнего мига он не позволял себе размышлять об этом, обрывал все попытки что-то предугадать. Но теперь... Он не мог не думать о том, на что надеялся.

Но и этого делать нельзя. Его первой партнершей станет та, которую выберут старейшины, по причинам, которые сочтут вескими. Личные предпочтения Эйлле никакого значения не имеют. Джао всегда относились к браку именно так, и Эйлле считал, что это правильно. Люди восхитительны, однако то, что они называют «романтическими отношениями» — просто предрассудки. Брак — слишком важное дело, чтобы полагаться на эмоции.

И все же...

У него будут другие партнерши, и все они будут выбраны старейшинами тэйфа. Точно так же у его первой партнерши будут другие мужья. Но обычай таков: первая соединившаяся

пара остается главной в брачной группе. И какая бы женская особь ни ждала его в бассейне, она будет до конца его жизни самой главной из всех, с кем он будет связан.

И он все-таки надеялся, хотя это глупо.

Но когда он вступил в помещение с бассейном и увидел на ее лице тот самый великолепный *ваи камити*, мир исчез. Его охватило бесконечное облегчение, так что он не смог не выразить его.

— Я надеялась, — ее голос был низким, гортанным — она успела прочесть его позу прежде, чем она распалась. — Я надеялась: ты захочешь, чтобы это была я.

Он уже мог видеть что-то, кроме ее лица. Нэсс стояла в бассейне по пояс, ее великолепный рыжий пух намок и лоснился.

— Я рад, — признался он. — Хотя... мне не следовало.

Смех Нэсс был таким же глубоким, как и ее голос.

— Я родом не из Плутрака и вообще не из великого кочена. И не могу сказать, что об этом жалею. С одной стороны, низкий статус твоего кочена — это обидно. Но зато очень упрощает жизнь.

Она раскинула руки и провела пальцами по воде, взбив веер ароматных соленых брызг. И Эйлле ощутил запахи, которые вызывали ощущение тепла, полноты жизни, и... и...

— Это называется «желание», — проговорила Нэсс. На этот раз ее смех показался ему чуть приглушенным. — Я так им переполнена, что вот-вот лопну. Иди ко мне, муж мой.

Государь

Взвинченного Джонатана Кинси доставили в новый командный центр Своры Эбезона. Свора отлила это здание на берегу Орегона, неподалеку от того места, где уже достраивался новый Дом тэйфа джао.

Кинси все еще не мог привыкнуть к тому, насколько быстро джао возводят свои огромные постройки. Только вчера Яут показывал ему новый Дом кочена — вернее, те его части, которые не отведены исключительно для членов тэйфа. Его начали отливать всего две недели назад, а сейчас здание было

почти достроено, хотя оказалось еще больше, чем дворец Оппака. И, в отличие от него, не было воплощением безвкусицы, хотя Кинси еще не выработал определенной точки зрения на архитектуру джао. Тэйф почти не отступал от канонов и тем более не допускал столь безобразного смешения стилей. Старейшины согласились лишь на два элемента человеческой архитектуры. Первый ветеранам пришлось отстаивать едва ли не с боем. В одной из пристроек располагался небольшой концертный зал, где ветераны наслаждались человеческой музыкой, которую очень полюбили. Между прочим, о его назначении догадаться было трудно: он ничем не напоминал человеческие постройки. Это была единственная часть Дома кочена, еще не достроенная.

Другую уступку старейшины сделали охотно. Они не имели ничего против, чтобы среди традиционных настенных украшений появились человеческие символы и декоративные элементы. А один из этих символов занял почетное место в главном помещении Дома кочена.

Звезда Земли, которой Организация Объединенных Наций посмертно наградила Лло кринну Гэва вау Нарво.

Все члены кочена Гэва, живущие на Земле, сообщили о решении присоединиться к новому тэйфу. Именно они настаивали, чтобы с ними сюда пришла и медаль Лло. Нарво ничуть не возражали. Более того, как думал Кинси, они с облегчением избавились от этой странной человеческой эмблемы, которая была им совершенно не нужна. Нарво вообще старались ни с кем не спорить и ничего не отстаивать. И лишь когда зашел разговор о выделении сил и средств на восстановление Земли, Нарво почти со злорадством продемонстрировали, что способны превзойти в этом Плутрак.

Свора приступила к отливке своей штаб-квартиры меньше недели назад, когда почти весь флот Гончих покинул Солнечную систему. На Земле остался лишь Наставник и его Полномочный представитель. Кинси знал, что ее зовут Тьюра. Имени Наставника он никогда не слышал.

Еще несколько дней — и строительство было завершено. Это здание было меньше, чем Дом кочена — Свора поощряла аскетизм во всех его проявлениях — и все-таки производило неизгладимое впечатление.

* * *

Кинси не знал, зачем и кому понадобился. Зато другая тайна оказалась раскрыта, едва он вошел в личные покои Наставника.

— Меня зовут Ронз.

Это были первые слова Наставника Своры. Он произнес их, когда его помощник, который и привел профессора, исчез за дверным полем. Наставник говорил по-английски.

— Пожалуйста, доктор Кинси, садитесь, — он указал на подобие низкого дивана, вроде тех, на которых некогда любили возлежать турки. — Простите, что пока не приобрел человеческой мебели. Но думаю, вам здесь будет достаточно удобно.

По правде говоря, сейчас вопросы комфорта волновали профессора в последнюю очередь. Помимо волнения, его слишком занимало поведение Наставника. Прежде всего — непринужденность, с которой тот держался. От «пустого» бесстрастия, которое он демонстрировал в присутствии соплеменников, не осталось и следа. Его поза выражала спокойное радушие. Ни дать ни взять учтивый хозяин, принимающий гостя.

Еще больше поражало его владение английским. Идеальная грамматика, беглость — даже характерный акцент джао почти незаметен. Кстати, вот и повод начать беседу.

— Ваш английский великолепен, сэр, — проговорил профессор, опускаясь на «диван». — М-м-м... простите за откровенность.

— Почему вы просите прощения? — Наставник устроился напротив на сидении, похожем на сплющенное кресло. — Так и должно быть. Я изучал этот язык на протяжении двадцати ваших орбитальных циклов. Ну, и одновременно еще несколько других.

Кинси потерял дар речи.

Двадцать лет?! За это время большинство джао, обитавших на Земле, едва усвоили минимальный набор слов.

Вибрисы Наставника дрогнули.

— Что вас так удивило, доктор Кинси? Кстати, я правильно произношу ваш титул?

— Хм-м... да, сэр. Это обычай. Хотя, на мой взгляд, довольно глупый. Спросите любого человека, кто такой доктор, и вам ответят: тот, кто лечит больных. А ученый, который занимается только наукой, должен называться профессором, и никак иначе, — он нервно фыркнул. — Есть старая шутка, сэр. Как-то во время конференции в Академии с одним из участников случился сердечный приступ, и его жена вызвала доктора. Докторов собралось столько, что врачи едва до него добрались...

Он виновато посмотрел на Наставника, чувствуя себя законченным идиотом. И надо было такое ляпнуть... Как джао, который только недавно прибыл на Землю, сможет понять соль анекдота?

Однако Наставник не выказал ни досады, ни раздражения.

— Очень хорошо, пусть будет «профессор», — его вибрисы снова качнулись. — Кстати, я не вижу смысла пересыпать речь словами вроде «сэр». Уверяю вас, я не сочту вас невежей. Это устаревшие условности, которыми можно пренебречь.

«Пересыпать речь словами»... Боже милосердный! Он знает даже разговорные выражения! И не путает «невежу» с «невеждой»!. Кинси глубоко вздохнул. Ну что ж, к черту осторожность, идем ва-банк.

— Думаю, один слух подтвердился. Вы все это подстроили, не так ли?

Его уже не удивило, когда Наставнику удалось пожать плечами — почти по-человечески.

— И да, и нет, профессор Кинси. Да — в том смысле, что двадцать лет назад Свора изучила отчеты о завоевании Земли и поняла, что ситуация обещает, с одной стороны, кризис, а с другой стороны — огромные возможности. Это становилось очевидно при чтении отчетов, хотя они подавались очень... как это правильно сказать по-английски? Да, *уклончиво*. Чтобы склонить к точке зрения Нарво.

Джао откинулся на спинку своего «кресла» и вытянул руки вдоль подлокотников. Сейчас он снова напоминал человека.

— Однако мы не могли предвидеть, что именно произойдет. Более того, мы даже не представляли, какое решение будет правильным. И, конечно, последних событий, в которых решающую роль сыграли Эйлле и те, кто состоит у него

на службе. Что было очевидно с самого начала? Сама проблема. И, что еще более важно, уникальная возможность.

— Какая? Я имею виду, возможность.

Наставник поглядел на Кинси торжественно и спокойно. Молчание длилось несколько секунд.

— Я хочу спросить вас, профессор Кинси, как знатока истории человечества: с кем из прошлого вашей расы вы сравнили бы джао?

Кинси замялся, и Ронз поднял руку.

— Пожалуйста, профессор, говорите свободно. Я не пытаюсь загнать вас в ловушку.

— Ну... прежде всего — думаю, с древними римлянами. Кое в чем вы напоминаете монголов. Что касается некоторых обычаев, в меньшей степени организации правления — японцев эпохи сегуната.

— Прекрасные аналогии. При всей ограниченности аналогий... Но я бы напомнил вам еще кое-что. Урок, который можно почерпнуть из опыта британских раджей... — уши Наставника поднялись. — Уверен, во время недавнего кризиса вы не могли не вспомнить о восстании сипаев. И его весьма печальных последствиях, которые не заставили себя ждать.

Кинси почувствовал, что воздуха не хватает.

— Хм-м... безусловно! Более того, я помню, как говорил президенту Стокуэллу, насколько важно избежать чего-нибудь вроде Черной Бездны в Калькутте.

— Это было действительно важно, профессор. Потому что Нарво ответили бы куда более жестоко, чем англичане. Разумеется, они бы не додумались до такой дикости, как привязывать людей к пушкам, чтобы их разрывало при выстреле. Или до того, чтобы заворачивать их останки в шкуры... какое там было животное? Кажется, свинья?

Окончательно потрясенный, Кинси покорно кивнул.

— Полагаю, профессор, вы согласитесь: в некоторых отношениях джао обладают теми же пороками, что и люди. При том, что у нас хватает своих пороков.

— Я бы сказал — «немногими пороками». Насколько я могу судить, в вашей истории нет ничего похожего ни на нацистов, ни на красных кхмеров, ни на талибов. Джао ни-

когда не опускаются до уровня одержимости — в отличие от людей. Оппак — исключение.

— Да, Оппак... Очень жаль. Некогда он действительно был блестящим *намт камити*, хотя сейчас в это трудно поверить. Пожалуй, ни одно из решений не давалось Своре так тяжело. И не было принято с таким нежеланием.

Кинси боялся пошевелиться. Кто-то называл его «безумным профессором». Но он хорошо знал историю. И мог себе представить, как чувствовал бы себя человек, которому собирается рассказать о своих планах, скажем, Цезарь Борждиа.

— Дерьмо...

Он почти выдохнул, потому что не мог сдержаться. Но у джао очень острый слух.

— Неплохо сказано. В самом деле, дерьмо... Но когда речь идет о великих опасностях — или великих возможностях, — приходится принимать суровые решения. Которые, как вы точно выразились, крайне дурно пахнут.

Наставник откинулся еще дальше, словно отстраняясь от скверного запаха.

— В конечном счете, решение было за мной, и я решил. Повторяю, без особого желания. Но я не видел иного способа привести ситуацию на Земле к достаточно быстрому завершению. Да, я приказал свести Оппака с ума.

Почему-то человеческое пожимание плечами, которое последовало за этими словами, оказалось весьма уместным.

— Это было нетрудно, учитывая природные наклонности Оппака, раздражение, в котором он постоянно пребывал, и его одержимость бассейнами. Все свелось к манипуляциям с составом солей. Это оказалось нетрудно. По мере того, как Оппак терял разум, он вообще перестал следить за тем, что делают его служители.

— Боюсь, служителям это было не так просто, — заметил Кинси. — Учитывая нрав Оппака...

— Вы правы. Трех наших агентов он жестоко избил. А последнюю...

— Уллуа, — прошептал Кинси. — Так вот почему Врот спросил Оппака, где она. Вы сказали ему.

— Мы не сказали, а показали. Я вам тоже это покажу. Когда течение уже завершалось, мы повсюду установили сле-

дящие устройства — на его корабле, во дворце. Что бы он ни делал, это не было для нас тайной.

Наставник взял со столика какой-то прибор. Едва оказавшись в комнате, Кинси заметил это устройство, но не обратил на него особого внимания, приняв его за пульт управления — например, дверным полем.

Над столом, точно видение, возник голообраз.

— Смотрите, профессор Кинси, — приказал Наставник. — Я хочу узнать ваше мнение.

Убийство Уллуа было жестоким. На такое было невозможно смотреть спокойно. К счастью, отвратительная сцена продолжалась недолго.

И Кинси почувствовал, как рассеянные фрагменты мозаики встают на свои места.

Со стороны могло показаться, что Оппак вот-вот изнасилует Уллуа. Нужно было знать, что джао в принципе на такое неспособны, чтобы избавиться от иллюзии. Помнится, Кэтлин рассказала ему — уже после того, как Талли взял жизнь бывшего Губернатора — как Оппак заставлял ее демонстрировать перед ним позы джао. Какой-нибудь тиран заставлял бы танцевать девушку-рабыню. Потом был тот странный разговор-допрос, который поверг в изумление даже Банле...

— Это связано с секретом размножения джао, верно? Особый состав солей в брачных бассейнах? Вы свели Оппака с ума, постоянно стимулируя его сексуально, а он не имел возможности разрядиться. Вероятно, даже не понимал, почему все это происходит.

— Вообще не понимал. Одна из особенностей великих коченов, и, пожалуй, самая нелепая — это завеса тайны, которой они окружают все, что касается половой жизни. Они никогда ничего не объясняют отпрыскам, пока кого-нибудь из них не призовут стать родителем, — Ронз отложил пульт. — Другие кочены — периферийные, более мелкие — не проявляют такой одержимости. Но Оппак... Я сам происхожу из одного из великих коченов, профессор. И могу вас уверить: Оппак не имел ни малейшего представления, почему его настроение становится таким неустойчивым, откуда берутся эти вспышки безумной ярости...

Взгляд Наставника стал таким же бесстрастным, как во время собрания Наукры. Выдержать такое было непросто.

— Вы молодец, профессор. Вы оправдываете мои надежды. Скажите, что вас еще удивляет?

— Хм-м... кажется... простите, если я выражусь некорректно... столь нелепый для разумной расы способ воспроизводства. Я имею в виду... по сути дела, необходимость в допинге. «Допинг» означает...

— Я знаю, что такое «допинг», профессор. Как вы думаете, могла ли такая особенность появиться в ходе эволюции? У разумной расы или, если на то пошло, вообще какого-либо вида животных?

Кинси задумался, хотя ответ был очевиден.

— Нет. Не до такой степени. Не у животных с высокоразвитой нервной системой. Да, для всех животных, насколько я знаю, существуют химические вещества, стимулирующие половую активность. Но столь искусственное, сложное... Немыслимо. По сути дела, противозволюционно... — он глубоко вдохнул. — Это Экхат создали вас такими, верно? Манипуляции генетической структурой...

— Именно так. И это стало частью генома джао. По крайней мере, до сих пор генные инженеры Своры не в состоянии найти способ это обойти. О да, доктор Кинси, мы делали такие попытки. На протяжении примерно трехсот местных орбитальных циклов, с тех пор, как, наконец, поняли правду.

Наставник шевельнул кончиками ушей, его вибрисы качнулись. Тонкая печальная усмешка.

— Свора не должна производить потомство, профессор, иначе мы не сможем выполнять свою работу — контролировать связи и отношения коченов. Вероятнее всего, это произойдет, если мы станем рождать и воспитывать собственных детенышей вместо того, чтобы полагаться на кочены, которые обеспечивают нас новобранцами. Но у нас нет суеверных запретов, мешающих вступать в интимные отношения ради удовольствия. Я уверен, такое происходило в воинствующих монашеских орденах людей — и не говорите, что эта аналогия не приходила вам в голову.

Он негромко вздохнул, и Кинси впервые осознал, как стар Наставник. Да, он все еще силен, но прожил явно немало.

— Поверьте, профессор, Гончим очень часто приходится испытывать сильное эмоциональное напряжение. И такого рода

разрядка была бы нам очень полезна. Но такое исключено. Мы еще не нашли способа сделать то, что для людей не вызывает особых проблем: отделить спаривание от воспроизводства.

Кинси не знал, что сказать. Выразить свое сочувствие было бы... преждевременно, самое меньшее.

— Но все это предисловие, профессор. Скажите теперь, в чем суть всего, что я вам открыл? И почему я вызвал вас сюда и доверил вам столь многое?

Возможно, это было непристойно. А может быть, вообще не было нарушением этикета. Кинси не задумывался об этом, когда встал и начал медленно расхаживать по комнате. Так он делал всегда, дома или во время лекции, когда пытался сосредоточиться на каком-либо вопросе. Обычно ему хватало минуты.

— Это очевидно, не так ли? А что еще заложили в вас Экхат? Какие ограничения, не столь очевидные? Но необходимые?

Наставник склонил голову.

— Вы на верном пути, профессор. Это и есть истинная забота Своры Эбезона и наш вечный величайший страх. — он небрежно махнул рукой. — Другие проблемы тоже важны. Но ни одна не может привести нас к гибели, если течение повернет. Рассмотрим очевидное. Почему джао настолько лишены воображения? В конце концов, в оллнэт нет ничего мистического. Это не равносильно тому, как если бы люди владели волшебством. Но когда нужно было остановить Экхат, прежде чем они уничтожат другую форму жизни — почему мы не додумались до применения кинетических орудий? Вы видите хоть одну причину?

— Это может быть просто особенностью мышления, — заметил Кинси. — Общества, организованные на клановой основе, обычно весьма консервативны. Разумеется, если судить о людях.

— Возможно. Но что если дело снова в генетике? Как это выяснить? Не забывайте, нам приходится вести непрерывную войну — просто для того, чтобы выжить. Мы не можем себе позволить такой роскоши, как неспешное проведение научных исследований. Не сомневайтесь: придет время, когда наша сила возрастет настолько, что даже Экхат в своем безумии осознают, что должны сплотиться против нас. Что тогда, про-

фессор? Что станет ахиллесовой пятой, в которую они нас поразят? Они знают о ее существовании, поскольку сами создали ее — а мы не знаем.

Он подался вперед и его поза выразила настойчивость.

— А теперь встаньте на мое место. Что было бы лучшей превентивной мерой?

Это тоже было теперь очевидно.

— Найти другую разумную расу. Которая точно еще не испытала на себе влияние Экхат. И, кроме того — а это существенно усложняет задачу, — уровень ее культурного и технического развития должен быть примерно таким же, как у вас. По сути — партнер, готовый в любую минуту бросить вам вызов, но именно партнер, а не подчиненный. Возможно, очень строптивый партнер, которого вы тоже, в конце концов, не сможете контролировать.

— Да, профессор. Земля дала нам великий шанс. Наконец-то, после того, как мы сотни лет покоряли по-настоящему полуразумные расы. Но они были слишком примитивны и просто превращались в двойников джао. Становились ли мы от этого сильнее? Да. Но они не восполняли пробелы в наших способностях.

— Однако — возвращаясь к разговору о Земле, — Свора не могла этим шансом воспользоваться, верно? Опять-таки, из-за особенностей кланового устройства вашего общества. С самого начала. Свора не знала способов взять Землю под свой контроль.

— Ни одного. Кочены решили бы, что Гончие пытаются лишить их законных прав, и объединились бы против нас. В течение двадцати лет мы вели игру, чтобы добиться того, что получили теперь. И нашим орудием были отнюдь не утонченные отпрыски Плутрака. Да, это безжалостно, более того, жестоко. Мы погубили жизнь — и, что еще хуже, достойную память — джао, который некогда заслужил честь называться *намт камити*.

Кинси потер виски.

— Конечно, сейчас нет способа восстановить доброе имя Оппака... — тяжело вздохнув, он покосился в сторону выхода. — Мертвые молчат, как говорим мы, люди. Я выйду отсюда живым?

— Это зависит от вас, профессор Кинси. Думайте обо мне — или, точнее, о Своре, — как о римском императоре, кото-

рый нуждается в греческих философах, которым он может доверить свои сокровенные мысли. Или, если вам больше нравится, как о монгольском хане, который приглашает к себе верных ему китайских мандаринов. Вы спросите, зачем мне человеческие философы мандарины? Я должен постепенно преобразовать эту империю джао, покоренную территорию, в нечто иное. В то, чем можно не управлять, но править. Как долго? А кто это может предсказать? До тех пор, пока наше правление необходимо, чтобы покончить с Экхат. А после этого...

Он снова почти по-человечески пожал плечами.

— Пусть произойдет то, что должно произойти. Конечно, если джао уцелеют как вид. Римская Империя стала столь же греческой, сколь осталась латинской. И если эта империя в отдаленном будущем станет не только империей джао, но и человеческой — меня это ничуть не огорчит.

И все же Кинси колебался. Не в силу общих соображений, но лишь по поводу одного момента, весьма специфического.

Словно прочитав его мысли, Наставник произнес именно то, что должно было разогнать его тревогу.

— Я не жду и тем более не требую от вас ничего, что противоречит вашим обязанностям на службе у Эйлле. Могу вас заверить профессор: Свора самого высокого мнения об этом молодом отпрыске. И отнюдь не собирается ему препятствовать. Даже наоборот.

Этого было достаточно, чтобы Кинси вздохнул с облегчением. А вместе с облегчением пришло и любопытство. Нет, увлеченность. Даже энтузиазм. Открывалась великая перспектива участия в создании новой звездной державы, которая со временем соединит в себе лучшее из культур джао и людей. Конечно, этот Наставник производит впечатление довольно опасного типа. Но с другой стороны...

Да, с другой стороны, на свете есть вещи и похуже. Намного хуже, чем верная служба макинавеллиевскому Государю. Особенно столь одаренному. Какого черта. Ведь это правда.

— Решено, — произнес профессор — и тут же, испугавшись своей смелости, снова смешался.

— Но... м-м-м... понимаете ли, Наставник...я пожилой человек, и даже в молодости не отличался крепким здоровьем... Я... как бы это сказать...

Наставник издал короткий смешок.

— Прошу вас, доктор Кинси. Будьте уверены, если я требую... кажется, у людей это называется черной работой... у меня есть много крепких молодых джао, которым можно такое поручить. От вас мне нужно нечто другое. Мудрые советы. Работа мандарина.

Он встал.

— Я обнаружил, что моими лучшими агентами чаще становятся именно пожилые. Может быть, причина в хрупкости их костей, но им приходится думать.

Он остановился, снова взял со столика пульт и покрутил его в руке.

— А теперь самое время представить вас тому, кто будет вашим ближайшим коллегой. Моему самому давнему агенту на Земле, который служит здесь с самого начала, вот уже двадцать орбитальных циклов, и всегда проявлял себя самым достойным образом.

Дверное поле замерцало, сквозь сияние начал проступать силуэт джао.

— Несмотря на то, — добавил Наставник, и в его голосе появилось легкое недовольство, — что он часто ведет себя несообразно возрасту.

Врот широким шагом прошел через угасающее дверное поле, гордо неся в руке бокал.

— Великолепно, мой дорогой профессор! Я восхищен, что мы снова будем сотрудничать — и еще более тесно, чем прежде! — он протянул бокал доктору Кинси. — Вот, это один из алкогольных напитков, которые употребляют люди. Жуткая гадость, но я знал, что вам это понадобится. И отчаянно понадобится. Наставник Ронз порой бывает просто невыносим. Если не ошибаюсь, вы называете это «мартини».

Кинси принял стакан и вздрогнул. Не из-за содержимого — сейчас он действительно ничего не имел против мартини, — но от слов, которые ожидал услышать. И услышал.

— Соединить, но не смешивать, — произнес Врот, и его вибрисы радостно качнулись.

Глоссарий терминов джао

Аз — мера длины, чуть больше ярда.

Азет — мера длины, около трех четвертей мили.

Ата — суффикс, означающий группу, образованную с целью обучения.

Бау — короткая резная палочка, обычно, но не всегда деревянная, вручаемая коченом тем его членам, которые сочтены пригодными для высоких командных постов. Бау служит эмблемой военных достижений, на него добавляются нарезки в соответствии с достижениями обладателя.

Баута — отпрыск, который вышел в почетную отставку и не поддерживает связей с родным коченом.

Ваи камити — характерный лицевой рисунок, по которому можно определить принадлежность к определенному кочену. Нечеткий ваи камити считается нежелательным, это признак безродности.

Витрик — долг перед остальными, необходимость приносить другим пользу.

Времяслепец — тот, у кого отсутствует врожденное чувство времени, присущее джао.

Времячувство — врожденная способность джао оценивать ход времени и чувствовать темп развития событий.

Вэйм — традиционное приветствие джао, обладающих примерно равным статусом. Может также использоваться как комплимент джао, обладающего более высоким статусом, низшему. Буквальный перевод: «Мы видим друг друга».

Вэйст — традиционное приветствие джао при обращении высшего к низшему. Буквальный перевод: «Вы видите меня».

Вэйш — традиционное приветствие джао при обращении низшего к высшему. Буквальный перевод: «Я вижу вас».

Гладкомордый — оскорбление, намекающее на отсутствие на лице отметок, означающих звание или опыт. Грубый аналог таких людских выражений, как молокосос, молодо-зелено.

Дехабия — традиционные мягкие и толстые одеяла, используемые для отдыха.

Джинау — войска, которые набираются из покоренных рас — аналог индийских сипаев.

Кочен — клан джао. Термин используется также в отношении Исконных или великих коченов.

Кочената — учебная группа в кочене.

Коченау — предводитель клана в какое-либо определенное время, избранный старейшинами. Должность не наследственная и не постоянная, хотя некоторые коченау сохраняют ее на долгий период.

Крудх — джао вне закона, официально отвергнутый коченом.

Ларрет — крупное травоядное, обитающее на Хадиру, родном мире кочена Дэно. В иносказательном смысле — грубый старик, известный воинственностью и вспыльчивым нравом.

Миррат — небольшие животные с плавниками, обитают в морях на родной планете кочена Джитры.

Наветренный — левый.

Намт камити — дословно — «чистейшая вода», лучший отпрыск в своем поколении. Некое подобие первых в классе выпускников военных академий у людей.

Насердный — правый.

Оллнэт — обозначение для всего, чего никогда не было или что лишь может быть, лжи, воображения, творческой деятельности и пр. Способность к «созерцанию» или «созданию» оллнэт, как правило, отсутствует у джао. Ближайший человеческий аналог — «пустые фантазии».

Поздний свет — послеполуденное время.

Поздняя тьма — полночь или позднее.

Прошлым солнцем — вчера.

Ранний свет — период между зарей и полуднем.

Пруд рождения — водоем, в котором рождается и проводит детство выводок джао. В более широком смысле — место рождения.

Сэнт джин — формальный вопрос, требующий формального ответа.

Следующим солнцем — завтра.

Так — древовидное растение, сжигаемое ради аромата.

То-что-есть — действительность.

То-что-может-быть — вероятное.

Тэйф — кочен в стадии становления, породненный и находящийся под покровительством и руководством другого кочена.

Удх — полномочия, официально дарованные кочену, несущему ответственность за данную ситуацию.

Узел Сети — отдаленный аналог «звездных врат», позволяющий мгновенно перемещаться в пространстве (см. Приложение 2). Используется для межзвездных перелетов.

Урем-фа — «обучение-через-тело», когда ничто не объясняется, навыки закладываются непосредственно в сознание. В более широком смысле служит для ссылки на жизненный опыт (ср. человеческое выражение «Жизнь учит»).

Фрагта — пожилой и опытный денщик, выполняющий обязанности слуги, советника и телохранителя, назначенный молодому высокопоставленному джао.

Хай-тау — жизнь-в-движении, выражение принципа течения (потока), который подразумевает наличие «жизненного цикла» у каждой ситуации.

Язык тела — Система символических поз, которым учат молодых джао.

Приложение 1

Экхат

Экхат — это древняя раса, которая начала распространяться по Галактике миллионы лет назад. Экспансия Экхат достигла пика в период, который человеческие ученые называют плейстоценом. Финальный период экспансии называется самим Экхат различных партий либо «Эпохой Мелодичности», либо «Эпохой Диссонанса». Третий вариант названия не поддается точному переводу. Возможный вариант перевода — Отсутствие Правильной Гармонии в Оркестровке.

Несмотря на разногласия по прочим вопросам, три из четырех основных партий Экхат — Мелодия, Истинная Гармония и Полная Гармония, — считают этот период тем, что люди назвали бы Золотым Веком, хотя обе Гармонии строго критикуют некоторые его черты. Четвертая партия — Интердикт, — напротив, считает его эпохой бедствий. Этот период завершился трагическим событием, которое обычно именуется Коллапсом (подробности см. ниже).

Об эпохе, которая предшествовала этому «Золотому Веку», ничего не известно, в том числе и о ее протяженности. Информация о местонахождении родной планеты Экхат также утрачена.

В то время распространение Экхат по одному из рукавов Галактики происходило медленно, с использованием кораблей, движущихся с околосветовой скоростью.

В ходе экспансии началось разделение расы на ряд подвигов. Некоторые впоследствии стали отдельными видами, не способными скрещиваться с другими линиями Экхата.

Сейчас Экхат представляют собой скорее род, чем вид. Многие исследователи-люди находят, что их скорее можно было бы характеризовать как семейство. Экхат широко распространились по рукаву Галактики, но численность колонии, населяющей ту или иную планетную систему, обычно невелика. Отчасти причиной можно считать медленный рост численности популяции в целом. Кроме того, Экхат все еще оправляются от потрясения, вызванного Коллапсом.

Золотой Век начался, когда ученые Экхат открыли принципы, лежащие в основе Структурной Сети, что позволило решить проблему светового барьера. К тому времени Экхат заселили множество систем, и Структурная Сеть дала возможность воссоединить ветви, фактически изолированные друг от друга. Было новое единство чисто культурным и экономическим или включало политическую унификацию, остается поводом для острых дебатов. Это, в сущности, один из главных предметов спора партий Экхат в настоящее время.

Неясно, как долго продолжался Золотой Век. Особенно много вопросов возникает по поводу его начала. Что касается собственно Коллапса, которым завершилась эта эпоха, то он произошел примерно два миллиона лет назад и был вызван дезинтеграцией Сети. Впрочем, Интердикт считает это событие благом и называет Исправлением или Очищением. С уверенностью можно утверждать, что Коллапс сопровождался (и, вероятно, был вызван) крупной гражданской войной Экхат, которая быстро охватила весь ареал их обитания. Результатом стал упадок цивилизации Экхат, множество особей погибло. Еще более значительным был ущерб, который носит косвенный характер — например, гибель многих разумных видов.

Дальнейшее восстановление трех центров цивилизации Экхат происходило медленно и было весьма болезненным процессом, включая и реконструкцию Сети. Две партии считали необходимым именно реконструкцию, то есть полное восстановление прежней Сети, хотя по поводу средств, опять-таки, возникают разногласия. Третья считает восстановление Сети недопустимым и делает все, чтобы ей воспрепятствовать.

Описания не претендуют на точность.

Мелодия

Мелодию можно рассматривать как ортодоксальную партию. По ее мнению, «Золотой Век» был воистину периодом расцвета, когда различные ветви Экхат работали вместе ради конечной цели слияния и превращения в вид, который — здесь лучше всего использовать терминологию людей — «достигнет божественности».

Представление Экхат о божественности неидентично человеческому. Для его характеристики проще воспользоваться музыкальными терминами, нежели религиозными. Каждая ветвь Экхат вносит вклад в «высшее творение», что есть «назначение» Экхат. Тем не менее, ни у одной из партий, кажется, нет ничего, близкого к человеческому представлению о Боге. Ближайшая параллель в людской философии — это, вероятно, концепция Гегеля о самосотворении божества, с той поправкой, что Экхат видят себя не только объектом, но и субъектом творения.

Мелодия — сторонница плюралистического подхода к продвижению Экхат. Она настаивает на том, что ни одна ветвь Экхат не выше других и что «восхождение к божественности», или «развитие совершенной мелодии», требует вклада всех Экхат. В этом смысле она крайне терпима ко всем различиям и расхождениям внутри целого. Зато абсолютно непримиримо она воспринимает любое стремление к исключительности или изоляции.

По мнению Мелодии, для восхождения к божественности — или сотворения подлинной мелодии — необходимы все таланты Экхат, поэтому никто не вправе устраниваться от этого. В этом отношении можно провести параллель с императорским Римом или древними монголами: вы можете верить во что угодно, но обязаны подчиняться закону Мелодии и принимать, хотя бы формально, ее кредо. Люди называли бы это бескомпромиссным империализмом.

С другой стороны, Мелодия исключительно враждебна к любым разумным расам, которые явно не ведут происхождение от Экхат. Такие расы считаются препятствиями на пути к божественному восхождению Экхат. Их воспринимают как

шум статических помех, который разрушает совершенную мелодию. Итогом Мелодия считает Вселенную, в которой останутся только преобразенные Экхат. Исследователи подозревают, что конечная цель Мелодии — истребить вообще все виды и расы, кроме Экхат.

По версии Мелодии Экхат был на пути к своему божественному восхождению и не завершил его благодаря вероломной измене партии, название которой приблизительно можно перевести как «Трусливые Отступники» или «Глухое Ухо». Именно саботаж этой партии привел к дезинтеграции Сети и краху цивилизации Экхат по всему рукаву Галактики. Исследователи-люди полагают, что эту партию можно считать непосредственным предшественником современного Интердикта (см. ниже).

Нынешняя политика Мелодии подтверждает это предположение. Мелодия проявляет открытую враждебность в отношении Интердикта, вплоть до стремления к полному физическому уничтожению его сторонников.

Гармония

Гармония образовалась после Коллапса Сети и может считаться ревизионистским крылом Экхат. Она считает, что гражданская война, которая привела к Коллапсу, явилась следствием анархической и неупорядоченной природы цивилизации Экхат. Если предшествующую ему эпоху Мелодия считает Золотым веком, то Гармония — скорее Бронзовым. Разумеется, это очень грубая аналогия. Ментальные концепции Экхат вообще с трудом поддаются анализу других разумных рас.

По мнению Гармонии, полного равенства среди Экхат нет и быть не может. Ее точка зрения базируется на генетической картине эволюции Экхат. Отдельные генетические линии (виды или роды) Экхат различаются по уровню и направлению развития. Несомненно, Экхат как целое превосходит остальные виды, но здесь наиболее уместна будет параллель с симфоническим оркестром, в котором одни исполняют партию первых скрипок, а другие — партию ударных, и говорить о «перемене ролей» абсурдно.

Классификацию генетических линий Экхат Гармония строит на близости к первоначальному образцу: чем ближе, тем выше, чем дальше, тем ниже. Неудивительно, что планету, с которой началась экспансия Гармонии, она считает родиной всех Экхат, а себя — истинными представителями этой сверхрасы. Надо заметить, что такая шовинистическая позиция несвойственна ни Мелодии, ни Интердикту, и ее основания весьма сомнительны.

Таким образом, в этой генетической иерархии большинство ветвей Экхат занимает подчиненное положение.

В дальнейшем ситуация осложнилось. В рядах Гармонии также произошел раскол. Так, Истинная Гармония считает, что место каждой ветви Экхат в этой иерархии неизменно. В отличие от нее Полная Гармония видит путь каждой линии, независимо от ее статуса, в развитии, утрате индивидуальности и слиянии с истинными Экхат, а впоследствии и со Вселенной.

Данное объяснение этих различий не претендует ни на точность, ни на полноту. Они не оказывают существенного влияния на внешнюю политику Гармоний. Истинная Гармония разделяет базовое отношение Мелодии к разумным расам, не относящимся к Экхат: они должны быть уничтожены. Полная Гармония считает, что у этих рас также есть место во Вселенной. По ее мнению, на эти расы должна быть возложена «черная работа», которая не должна отвлекать Экхат от восхождения, но выполнение которой необходимо. Таким образом, необходимым условием восхождения Экхат становится порабощение остальных разумных видов.

Интердикт

По сравнению с остальными партиями позиция Интердикта, вероятно, является наиболее труднодостижимой. Ближайшим аналогом в истории человечества можно считать фундаменталистов, луддитов и фанатиков-реакционеров.

Основное кредо Интердикта таково: Сеть — зло и всегда была злом. Некоторые ученые-люди считают, что эта догма имеет научное происхождение: ряд исследователей Экхат при-

шел к убеждению, что Сеть создает напряжение в пространственно-временной ткани, которое угрожает существованию Вселенной (или, по крайней мере, той части Галактики, где Сеть распространилась).

Как бы то ни было, через тысячи лет после Коллапса Интердикт больше напоминает секту приверженцев мистического культа. Согласно некоторым источникам, Интердикт верит в божественную природу светового барьера и любую попытку его преодолеть считает святотатством. Впрочем, любые сведения, касающиеся Интердикта, допускают множество вариантов трактовки.

Вероятнее всего, обвинения, которые Мелодия выдвигает в адрес Интердикта, справедливы. Либо сторонники Интердикта, либо его идеологические предшественники развязали гражданскую войну, в ходе которой Сеть была фактически уничтожена. Некоторые факты позволяют предполагать, что это и было главной целью войны.

С абсолютной уверенностью можно утверждать — ибо это подтверждается документально, — что именно Интердикту джао обязаны освобождением. Разумеется, этот шаг был продиктован не заботой о самих джао, а стремлением нанести удар Полной Гармонии. Также Интердикт обеспечил джао доступ к технологиям, позволяющим использовать остатки Сети, что и позволило им начать колонизацию. Обычно этот факт считается подтверждением непредсказуемости Интердикта и Экхат в целом. Отношения Интердикта и джао носят характер спонтанно возникающего квазисоюза и идут вразрез с верованиями Интердикта. Джао не только используют, но даже расширяют Сеть, против чего Интердикт, кажется, не возражает.

Согласно одной из теорий, в свое время идеология Интердикта была основана на научных данных, которые сейчас полностью утрачены. Научную концепцию заменила мистическая. Сеть угрожает Вселенной потому, что нечиста, а не наоборот. Другими словами, опасность носит не физический, но духовный характер.

Ситуация подразумевает еще одно противоречие. Интердикт ставит своей целью разрушить Сеть, однако вынужден сам ею пользоваться. Доподлинно известно, что именно Ин-

тердикт восстанавливает старые Узлы в различных секторах Галактики и создает новые. Возможно, приверженцы Интердикта проходят некий обряд очищения до или после этих действий. Следует повторить, что попытка объяснить принципы мышления Экхат с точки зрения логики какого-либо другого разумного вид по крайней мере затруднительна.

Приложение 2

Межзвездные путешествия

Систему, которую представители разумных рас используют для сверхсветовых путешествий, джао обычно называют Структурной Сетью. Она основана на методе преобразования пространства-времени с помощью исключительно мощных генераторов, расположенных по меньшей мере в трех удаленных друг от друга точках. Использование трех точек подразумевает определенный риск, четырех — позволяет свести этот риск к минимуму, пять точек — идеальный вариант, более пяти — избыток. Наименьшее расстояние между точками должно составлять три световых года. Если же оно превышает одиннадцать световых лет, Узел становится нестабильным.

Структурные Узлы позволяют кораблям преодолевать разделяющее их расстояние почти мгновенно. По поводу последнего теоретики не пришли к единому мнению. По крайней мере, в субъективном восприятии человека или представителя любого другого разумного вида переброска занимает именно мгновение, и вопрос состоит лишь в том, имеет ли это мгновение временную протяженность, отличную от нуля.

Взаимодействие двух узлов приводит к образованию «червоточины», по которой и осуществляется переброска.

Нового района Галактики, где узлов еще не существует, можно достичь одним из двух способов. Один — это использование исследовательских субсветовых кораблей. Корабль или флотилия прибывает на место, подходящее для нового узла, и может немедленно приступить к его созданию. Готовый Узел тут же становится частью Сети.

Разумеется, такой способ требует значительного времени. Другой вариант — это использование существующих генераторов для создания того, что называют Локальным Узлом.

Триангулируя, а чаще квадриангулируя или квинтангулируя энергию, эти генераторы могут создать в определенной точке пространства Локальный Узел, который существует непродолжительное время. В качестве точки входа может использоваться любой из генераторов, которые применяются для создания данного Узла.

Именно этот способ чаще всего применяет флот вторжения. Использование обычных Узлов Сети для таких целей крайне опасно. Противнику даже нет необходимости находиться в непосредственной близости от точки перехода: ему достаточно просто отключить соответствующие генераторы, чтобы Узел перестал функционировать. Куда исчезают те, кто в этот момент находится в «червоточине», неизвестно. Обычно атакующие производят триангуляцию в планетную систему противника, создают Узел, не связанный с Сетью, и перебрасывают через него флот.

Тем не менее, подобная операция требует значительных затрат и считается весьма рискованной. Локальный Узел нестабилен и существует недолго, что существенно ограничивает возможности для вторжения. Если использовать аналогии из истории человечества, можно вспомнить крупные десантные операции времен Второй мировой войны. Десанту необходимо в кратчайшие сроки захватить плацдарм на берегу. В противном случае формирования окажутся отрезанными и будут обречены. Вторая опасность связана с тем, что Локальный Узел может быть создан лишь в фотосфере звезды, которая и служит фокусом излучения всех задействованных генераторов. Какого рода эти опасности, упоминать будет лишним.

Длительность и устойчивость существования Локального Узла обусловлена множеством факторов. Среди них число задействованных генераторов и расстояние между ними, а также ряд специфических характеристик данного участка Галактики, плотность пылевых облаков, близость нейтронных звезд, вспышки сверхновых и т. д.

Создание Узлов — это в той же мере искусство, сколь и наука. Кроме того, как уже было сказано, оно сопряжено со значительными расходами, а потому решение о подобных действиях должно приниматься взвешенно.

Об авторах

Эрик Флинт — новое имя в научной фантастике. Его роман в жанре альтернативной истории «1632» получил похвальные отзывы критиков всех направлений и успешно продавался. Продолжение, «1633», написанное в сотрудничестве с Дэвидом Вебером, также удостоилось высоких оценок критики и читателей. Дебютный роман писателя, «Мать Демонов», был отмечен «Хроникой НФ» как лучший роман года. Талант писателя ярко проявился и в жанре юмористической фэнтези. «Вперед, чародей» и «Философ-душитель» получили в отзывах «Буклиста» следующую характеристику: «Монти Пайтон в Средиземье Толкиена». Совместно с Дэвидом Дрейком Э. Флинт создал пять романов популярной серии «Велизарий» и в настоящее время работает над шестым — «Танец времени». Магистр истории, проживает в Индиане с женой Люсиль.

К. Д. Уинтворт — автор семи романов, в том числе «Черное на черном» и «Звезды над звездами», а также более чем пятидесяти рассказов, которые были изданы в журналах «Фэнтези и НФ», «Журнал тайн Хичкока», «Миры фэнтези» и др. Победительница конкурса «Писатели Будущего», дважды становилась финалистом премии «Небьюла». Ее последний роман «Эта дивная страна», написанный в жанре альтернативной фэнтези, посвящен эпохе Колумба. «Успехом я обязана своей большой собаке и чудесному мужу», — говорит писательница, не настаивая, впрочем, на такой последовательности. Проживает в Талсе, штат Оклахома.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

**ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква****

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелешкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000**

**Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>**

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Флинт Эрик и Уинтворт К.Д.

Путь Империи

Фантастический роман

Ответственные за выпуск *И. Петрушкин, А. Тишинин*

Ответственный редактор *А. Галат*

Редактор *Т. Серебряная*

Художественный редактор *О. Адашкина*

Компьютерная верстка: *А. Яблонская*

Корректор *Н. Ильина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»

129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»

143900, Московская область,

г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ФГУП

«Издательство «Самарский Дом печати»

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

Земля, ЗАВОЕВАННАЯ расой пришельцев-гуманоидов джао...

РАБСТВО — или защита от ИНЫХ завоевателей — эсхатов, куда более могущественных и ЧУДОВИЩНО ЖЕСТОКИХ?

Новые «властители Земли» искренне пытаются сделать людей своими СОЮЗНИКАМИ — но методы, которыми они этого добиваются, вызывают ГНЕВ и НЕНАВИСТЬ побежденных.

На Земле зреет МЯТЕЖ, грозящий смести джао с планеты — именно тогда, когда эсхаты готовы ненести им РЕШАЮЩИЙ УДАР.

Будущее Галактики зависит от того, СУМЕЕТ ЛИ новый посланник джао договориться с предводителями землян!..

«Великолепная, масштабная, ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ космическая опера, заставляющая не только следить за сюжетом, но и задумываться».

«Locus»

«Эта книга ДОСТОЙНА премии «Хьюго»!»

«Interzone»

«Автор, известный умением строить головокружительные сюжеты, и автор, прославленный талантом создавать потрясающих, правдоподобных «чужих»... ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ сочетание».

«Analog»

ISBN 5-17-032753-6

9 785170 327539